

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

AV
53
. 2

Harvard College
Library

FROM THE BEQUEST OF

SUSAN GREENE DEXTER

LDPE
04

Digitized by Google

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

СЕНКОВСКАГО

(БАРОНА БРАМБЕУСА).

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1859.

Продается у А. СМИРДИНА сына и К°.

Digitized by Google

Digitized by Google

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

СЕНКОВСКАГО.

VII.

Digitized by Google

Digitized by Google

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

СЕНКОВСКАГО

(БАРОНА БРАМБЕУСА).

ТОМЪ СЕДЬМОЙ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1859.

Digitized by Google

Slav 4353.49.2

HARVARD COLLEGE LIBRARY
DEXTER FUND
Jan 7, 1931

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цен
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Пе
тербургъ, 10 апрѣля 1859 г.

Ценсоръ *С. Палаузовъ.*

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

СЕДЬМАГО ТОМА.

	стр.
Исторія. Древности. Этнографія.	
Историческая миѳологія Монголо-Турковъ....	3
Европейскіе Турки.....	41
Древній Египетъ и Малая Азія.....	75
Филологія. Словесность Древняя и Восточная.	
Объ изученіи арабскаго языка.....	149
Поэзія пустыни, или поэзія Аравитянъ до Магомета.....	165
Эпохи упадка словесностей.....	202
Древній гекзаметръ	217
Одиссея и ея переводы.....	331
Сравнительная филологія. Индо-европеизмъ...	521

Digitized by Google

Digitized by Google

ИСТОРІЯ, ДРЕВНОСТИ, ЭТНОГРАФІЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ИСТОРИЧЕСКАЯ МИѲОЛОГІЯ
МОНГОЛО-ТУРКОВЪ.

По поводу изданія: Библіотека Восточныхъ Историковъ. Часть первая: Шейбаніада, исторія Монголо-Тюрковъ, на джагатайскомъ діалектѣ, съ переводомъ, примѣчаніями и приложеніями. И. Березина, *Казань*, 1849.

Авторъ рѣшился посвятить свое трудолюбіе обширному и чрезвычайно занимательному предпріятію — составленію цѣлой *Библіотеки Восточныхъ Историковъ*, которыхъ сказанія могутъ быть полезными къ проясненію и пополненію нашей отечественной исторіи, такъ тѣсно связанной съ людьми и событіями Востока. Въ этомъ первомъ томѣ ученый казанскій оріенталистъ предлагаетъ, для начала, открытую имъ въ азіятскомъ музеѣ Императорской Академіи Наукъ «Книгу о Шибаковичахъ», или сказаніе о родѣ Шибакъ-Хана, иначе Шейбани-Хана, *Шейбани намэ*, которую назвалъ онъ *Шейбаніадой* и *исторіей Монголо-Тюрковъ*. Оба эти названія, конечно, несвойственны содержанію *джагатайской* или бухарско-татарской рукописи, изданной имъ, текстъ съ переводомъ, очень старательно, по образцу

Digitized by Google

лучшихъ классическихъ изданій, съ превосходными примѣчаніями по части филологической критики, съ особенными разсужденіями о главнѣйшихъ историческихъ вопросахъ, относящихся къ предмету, съ родословными таблицами, реестрами именъ и словъ, и прочая.

Во-первыхъ, это—не *Шейбаніада*, ни въ серіозномъ, ни въ насмѣшливомъ смыслѣ подобнаго слова — не поэма въ родѣ «Иліады», «Энеиды», «Лузіады», «Генріады», «Аргениды» или «Телемахиды,»— не условнаго вида эпопея, и не народная рапсодія. Простая родословная потомковъ Шейбани-Хана, внука Чингисхана и меньшаго брата Батыева, написанная дурной прозой, на грубомъ нарѣчіи и безграмотнымъ перомъ, безспорно, не заслуживала, ни такой чести, ни такого сарказма. Но, послѣ *Дербендъ-намэ*, или «Книги о Дербендѣ», прозванной господиномъ Березинымъ *Дербендіадою*, это уже не столько поразительно: мы знаемъ, что «путешественникъ по Востоку» не можетъ говорить о вочточныхъ предметахъ безъ особеннаго расположенія къ шутливости, къ насмѣшкѣ, къ карикатурѣ.

Во-вторыхъ, это не *Исторія Монголо-Турковъ* или Тюрковъ, а сокращенное, изъ другихъ, давно и совершенно извѣстныхъ исторій, очень неисправное и неискусное начертаніе происхожденія великаго героя монгольской степи, Темуджина Чингисхана, и происхожденія отъ него, черезъ одного изъ изъ внуковъ, основателя нынѣшней узбекской державы въ Бухаріи и Хивѣ.

Этотъ предводитель горсти буйнаго степнаго

Digitized by Google

сброда нѣсколькихъ сборныхъ улусовъ, отложившихся отъ распавшейся и уже истлѣвающей Золотой Орды, лѣтъ сто послѣ Тохтамыша въ исходѣ пятнадцатаго столѣтія, носилъ въ Киргизской Степи имя *Шайбакъ*, или *Шибакъ-Ханъ*. Оно было, какъ кажется, очень обыкновеннымъ именемъ между Татарами царствъ астраханскаго и казанскаго: это видно изъ сохраняющихся донынѣ прозваній *Шибаковичъ*, *Шибакевичъ*, *Шибаковскій*, весьма несьма нерѣдкихъ между потомками Тохтамышевыхъ Татаръ, добровольно бѣжавшихъ въ Литву, или взятыхъ военнымъ путемъ и поселенныхъ тамъ насильно литовскими государями, которые многимъ изъ нихъ даровали впослѣдствіи права дворянства. Когда Европа праздновала изгнаніе бусурманъ изъ Испаніи и дивилась чуднымъ разсказамъ объ открытіи Новаго свѣта, съ золотыми городами, съ алмазными горами, съ фруктовыми деревьями, на которыхъ вмѣсто яблокъ родятся красныя дѣвицы, Средняя Азія трепетала передъ непоэтическимъ, пошлымъ именемъ одного изъ такихъ *Шибаковъ*, страшнаго наѣздника, грабителя, завоевателя, вдругъ нахлынувшаго съ толпами хищныхъ головорѣзовъ, неслыханныхъ дотолѣ людей турецкой породы, на промышленую и цвѣтущую Бухарію, на Харазмъ, или нынѣшнее хивинское владѣніе, на Хорасанъ и Кандагаръ. Эти люди называли себя *Узъ-беками*, что значитъ *сами себѣ господа*.

Степь была въ то время наполнена вольными «гусями», гусаками, или, по-словацки, гусарами, *казаки*, сбродомъ разныхъ кочующихъ хищниковъ,

Digitized by Google

обломками разстроенныхъ поколѣній, ускользнувшими изъ-подъ власти двухъ великихъ монгольскихъ ордъ, тогда уже пришедшихъ въ совершенный упадокъ, Кипчацкой или Золотой Орды, удѣла потомковъ Джучія, старшаго сына Чингисхана, Джагатайской или Синей, удѣла втораго Чингисханова сына, Джагатая. Эти шайки, вскорѣ сдѣлавшіяся корнями многочисленныхъ поколѣній большаго нынче народа Киргизъ-Казаковъ, бродяжничали и разбойничали въ пустынѣ — что̀ учтивѣе называлось у нихъ: жить вольнымъ гусемъ, гусарить, *казакламакъ* — слово, которое Баберъ-шахъ много разъ употребляетъ въ своихъ запискахъ — подъ предводительствомъ независимыхъ бековъ, готовыхъ въ случаѣ особенныхъ удачъ и пріобрѣтенія власти надъ сосѣдами, тотчасъ принять титулъ ханскій и чваниться происхожденіемъ отъ *кости* Джучія, основателя Золотой Орды, отца Батыя и Шейбана.

Шибакъ принадлежалъ къ разряду такихъ же удальцовъ. Впрочемъ уже дѣдъ его Абулхайръ пользовался извѣстностью и нѣкоторымъ значеніемъ въ степи, какъ начальникъ особеннаго рода вольныхъ «гусей», именовавшихся Узбеками. Уже Абулхайръ величалъ себя ханомъ, и властвовалъ надъ нѣсколькими поколѣніями, или улусами. Въ какой степени принадлежалъ онъ къ царственному дому Батыя, это рѣшить очень трудно. Можно даже, безъ большаго грѣха передъ исторіей, принять за фактъ, совершенно правдоподобный по коренной невѣрности степныхъ родовыхъ сказаній, что онъ вовсе не принадлежалъ къ этому дому,

Digitized by Google

ни прямо, ни косвенно. Но когда его внукъ, Шибакъ-Ханъ, овладѣлъ Зарѣчьемъ, то есть Бухаріей и Хивою, и простеръ завоеванія свои по южную сторону рѣки Аму, до Герата и Мерва, грамотные льстецы двора грознаго Узбека должны были придумать благопристойную, если не блестящую, родословную, которая новаго татарскаго владыку связала бы по-крайней-мѣрѣ съ знатною «костью» Чингисхана. При этомъ случаѣ, по обыкновенію Востока, имя его *Шибакъ* подверглось страшной корнесловной пыткѣ въ рукахъ узбекскихъ и сартскихъ этимологовъ. *Шибакъ* явственно—сокращеніе двухъ словъ, *шейхъ* или *шихъ*, и *Ибакъ*, имени довольно употребительнаго у тогдашнихъ Татаръ, подобно тому какъ *Шихматъ*—сокращеніе словъ *шейхъ Ахматъ*. Настоящее названіе Шибакъ-хана тѣмъ вѣроятнѣе было *шейхъ Ибакъ*, что и отецъ Абульхайра, прадѣдъ Шибака, *шейхъ Девлетъ*, лицо впрочемъ совершенно темное, носилъ тотъ же титулъ, *шейхъ*, болѣе мусульманскій чѣмъ политическій. Но такая простая этимологія недостойна была остроумія бухарскихъ улемовъ и муншіевъ. Одни утверждали, что *Шибакъ* есть исковерканное татарскимъ или, какъ г. Березинъ называетъ, «тюркскимъ» произношеніемъ персидское составное слово *Шахъ-бахтъ*, «государь благополучіе», и вмѣсто *Шибакъ* стали писать полною прописью *Шахбахтъ*. Другіе нашли гораздо приличнѣе видѣть въ словѣ *Шибакъ* измѣненіе слова *Шибанъ* или *Шейбанъ*, имени одного изъ младшихъ братьевъ Батыя. По ихъ авторитету, вмѣсто *Шибакъ*, многіе смѣло писали *Шибани* или *Шейбани-Ханъ;* а тамъ уже не-

Digitized by Google

большаго труда стоило придумать десятокъ никому неизвѣстныхъ предковъ, для связанія рода Шибани-Хана съ братомъ владыки Золотой Орды. Во всякомъ случаѣ, усиліе вывести степнаго Шибака отъ Шейбана, царевича Золотой Орды, показываетъ чрезвычайную сомнительность породы узбекскаго завоевателя, когда честолюбіе его удовлетворялось происхожденіемъ отъ одной изъ младшихъ линій дома Джучія и Батыя, линіи невладѣтельной, отдѣленной отъ ханскаго престола пятнадцатью или двадцатью колѣнами и, слѣдственно, перешедшей уже въ разрядъ обыкновеннаго дворянства.

Книга о родѣ Шейбани, *Шейбани-намэ*, или, по переводу г. Березина, *Шейбаніада*, грубая и ничтожная компиляція, составленная вскорѣ послѣ смерти Шибакъ-Хана, не представляетъ другой цѣли, какъ доказать это скромное происхожденіе, которымъ, видно, очень дорожили при узбекскомъ дворѣ, не имѣя въ виду ничего лучшаго. Для бо́льшей пышности дѣла, родословная—потому-что это чисто и существенно простая родословная одного только княжескаго рода Киргизской Степи, а не *исторія Монголо-Тюрковъ*—начинается по мусульманскому обычаю съ Ноя и Іафета, чтобы перейти отъ нихъ къ Чингисхану, а черезъ него къ Джучію, Батыю и царевичу Шибану. Отъ этого, per fas et nefas, плетется она къ Абульхайру, дѣду Шибака, и поспѣшно оканчивается смертью узбекскаго героя въ сраженіи съ Персіянами, не войдя даже въ подробности объ его личныхъ подвигахъ или о событіяхъ его царствованія.

Digitized by Google

Для меня сомнительно, можно ли даже сказать, что «Книга о родѣ Шейбани» писана *на джагатайскомъ діалектѣ*. Если выраженіе «*джагатайскій* діалектъ» должно означать тотъ татарскій діалектъ обширнаго турецкаго языка, на которомъ говорили Турки, пришедшіе и поселившіеся на Зарѣчьѣ съ Джагатаемъ — который употреблялся при дворахъ государей отъ его рода въ Ташкендѣ, Самаркандѣ, Ургенджѣ, Гератѣ, Балхѣ — на которомъ писали Алиширъ и Баберъ-шахъ, то «Книга о родѣ Шейбани» вовсе не принадлежитъ къ литературѣ этого діалекта, довольно образованнаго и обдѣланнаго. Эти Турки ушли съ Баберомъ или за нимъ отъ узбекской грозы въ Кабулъ и Индію, гдѣ геній его создалъ для нихъ новую державу, знаменитую имперію Великаго Монгола. Они унесли съ собою и свой джагатайскій діалектъ, на которомъ Баберъ сочинялъ въ Дегли Записки, достойныя стоять на ряду съ «Комментаріями Юлія Цезаря» и, въ историческомъ, географическомъ, этнографическомъ отношеніяхъ, несравненно важнѣе «Меморіала Острова Святой Елены». Юртъ, или удѣлъ Джагатая, былъ разоренъ, уничтоженъ, разсѣянъ новыми пришельцами. Въ Зарѣчьѣ, отъ береговъ Сыра до Аму, мѣсто джагатайскаго діалекта занялъ діалектъ Узбековъ, людей явственно чуждыхъ Джагатайской Ордѣ, когда ихъ предводители выводили себя отъ царевича Кипчакской или Золотой Орды. «Книга о родѣ Шейбани» писана, слѣдственно, не на *джагатайскомъ* діалектѣ, а просто на узбекскомъ или, если угодно, на *кипчакскомъ*, по названію удѣла, изъ котораго вы-

Digitized by Google

шелъ этотъ діалектъ. Это, въ грубомъ зародышѣ, тотъ же самый діалектъ, на которомъ впослѣдствіи писалъ хивинскій ханъ Абулгази, Узбекъ, натертый персидскою образованностью и изъяснявшійся на языкѣ, уже болѣе усовершенствованномъ. Во всякомъ случаѣ, языкъ «Книги о родѣ Шейбани» далеко не языкъ поэта Алишира и не языкъ полководца Бабера.

Какъ исторія Монголовъ или, на крайній конецъ, Турковъ, то есть Татаръ—въ этомъ осмѣлюсь я существенно разногласить съ мнѣніемъ ученаго казанскаго оріенталиста—«Книга о родѣ Шейбани» не имѣетъ рѣшительно никакой важности, ни малѣйшаго лѣтописнаго или историческаго интереса. Но она очень любопытна по одному качеству своему, которое, когда я назову его, можетъ изумить г. Березина, ищущаго въ ней положительной исторіи. Она очень любопытна какъ образчикъ баснословія, какъ отрывокъ миѳологіи Монголо-Турковъ; и я думаю, что съ одной этой стороны она заслуживала вниманія нашего оріенталиста, какъ издателя и какъ комментатора. Лица дочингисханова времени, которыя кажутся ему историческими, рѣшительно всѣ баснословны, и потому-то именно важны они для исторіи: баснословность ихъ чрезвычайно характеристическая и можетъ подать поводъ къ весьма занимательнымъ сближеніямъ. Баснословіе вообще—исторія древняго міра, и въ этомъ отношеніи оно едва-ли не поучительнѣе исторіи людей, которой понапрасну въ ней искали и ищутъ любители фактовъ, увлекаясь новѣйшими понятіями объ ихъ важности для

Digitized by Google

человѣческаго ума или званія и упорно не примѣчая того, что фактами первобытные народы вовсе не дорожили и не занимались. Идея, и ея символъ, вотъ въ чемъ состояла вся ихъ забота. Это они передавали изъ рода въ родъ, разсказывали и называли исторіею.

«Книга о родѣ Шейбани» такъ коротка, и баснословіе ея такъ интересно, что мы готовы пересказать нашимъ читателямъ всю эту *исторію Монголо-Тюрковъ*, не опасаясь наскучить имъ пошлостями степной дѣйствительности.

Издатель сомнѣвается, нужно ли объяснить значенія собственныхъ именъ въ переводѣ первобытныхъ преданій. Но не объясняя ихъ значенія, вводя въ переводный разсказъ подлинные термины мало извѣстныхъ языковъ, представляя глазамъ слова, не имѣющія для иностранца никакого яснаго смысла, нѣтъ ничего легче какъ придать самой забавной баснѣ важный видъ настоящей исторіи и добровольно обмануть читателя. Всякій изъ насъ готовъ добродушно повѣрить дѣйствительности странно называемыхъ лицъ и смѣло относимыхъ къ нимъ событій, если намъ скажутъ глухо, какъ сказано въ переводѣ господина Березина, что первымъ царемъ Дешта, то есть, большой за-алтайской степи, лежащей между Китаемъ и Восточной Сибирью, былъ нѣкто по-имени Дибакуй-Ханъ, послѣ котораго царствовали тамъ Кара-Ханъ, великій Окусъ-Ханъ, мудрый Гунъ-Ханъ, Ай-Ханъ, Кукъ-Ханъ, Тингизъ-Ханъ, Тагъ-Ханъ, Иль-Ханъ, и другіе. Между-тѣмъ, если заглянуть въ прямыя значенія этихъ именъ, оказы-

Digitized by Google

вается, что это не люди, а идеи и предметы, не исторія, а родъ космогоніи, монголо-турецкое степное символическое ученіе о порядкѣ міротворенія. Переложивъ эти непонятные звуки на соотвѣтствующіе имъ русскіе, читателю, вмѣсто сухой и невозможной исторіи, вдругъ открывается цѣлый рядъ оригинальныхъ, наивныхъ, любопытныхъ идей и соображеній за-алтайскихъ мудрецовъ о вопросахъ величайшей важности для человѣчества, о происхожденіи міра и человѣка. Онъ узнаетъ, что, по ихъ мнѣнію, первымъ владыкою той пустынной страны былъ не Диббакуй-Ханъ, но царь Дно-видѣцъ, который проникъ взоромъ до глубины вещей, все видитъ, все знаетъ, все предусмотрѣлъ и предустроилъ для блага будущихъ кочующихъ людей. Онъ-то, говорили они, опредѣлилъ заранѣе законъ и порядокъ всему, правила царствованія, основанія суда и правды, право имущества и собственности, и уставъ о наслѣдствѣ. А въ уставѣ томъ опредѣлилъ такъ, что «все имѣніе, нажитое отцомъ и матерью, от-«давать дочери сполна, а сыну не давать ничего, «кромѣ сабли, да сказать ему: Ну, да тебѣ дру-«гаго добра и не нужно! такое учинилъ опредѣ-«леніе. Да еще установилъ, что мясо надо ѣсть «съ солью», чтобы живота себѣ не испортить. Да опять установилъ и то благое изобрѣтеніе, что для защиты отъ ненастья и стужи надо жить въ палаткахъ, выдумалъ искусство строить кибитки, юрты, и назначилъ порядокъ учрежденія улусовъ. Проживши въ Великой Степи двѣсти сорокъ лѣтъ, четыре полныхъ цикла, этотъ добрый владыка

Digitized by Google

удалился на тотъ свѣтъ, и владѣніе свое отказалъ старшему сыну, Черному-Князю, злому духу, который много нагадилъ въ Великой Степи. Все зло, голодъ, болѣзни, скотскій падежъ, смерть, всѣ бѣды и несчастія — изобрѣтеніе и уставъ Чернаго-Князя, или *Кара-Хана*, который впрочемъ былъ отличный богатырь, славный наѣздникъ, и успѣшно велъ войны съ сосѣдями.

Замѣтимъ безотлагательно, что буддійскіе и мусульманскіе собиратели старинныхъ сказаній за-алтайской степи, послѣ Чингисхана, исказили ихъ совершенно своими идеями, толкованіями и прибавками. Легенды о Кара-Ханѣ, пересказываемыя ими, очень разнообразны, смотря по смыслу, который каждый изъ нихъ приписывалъ его имени. Если угодно, это имя можетъ, между прочимъ, значить *Сушь-Царь*, или *Материкъ-Царь*. Но для меня почти несомнѣнно, что въ первобытномъ сказаніи Кара-Ханъ представлялъ просто Чернаго-Князя и былъ олицетвореніемъ злаго начала, явившагося на землѣ вслѣдъ за добрымъ началомъ, за царемъ Дновидцемъ. Это вполнѣ подходитъ и подъ шаманскую теорію дуализма. Здѣсь не мѣсто входить въ этимологію и филологическія изслѣдованія. Я принужденъ только указывать бѣгло на положительно ясныя или на самыя вѣроятныя значенія собственныхъ именъ этихъ преданій. Но не могу не обратить вниманія ученаго казанскаго оріенталиста на то обстоятельство, что рѣшительно нѣтъ никакой нужды, при опредѣленіи этихъ именъ, предпочитать формы монгольскія формамъ турецкимъ. Двѣ трети всего числа

Digitized by Google

ихъ, отъ Диббакуя до Бузанджара, одного изъ непосредственныхъ предковъ Чингисхана, явственно и несомнѣнно взяты изъ турецкихъ нарѣчій: слѣдовательно, и остальная треть должна быть также турецкая.

Азійско-европейскій материкъ, отъ дальнихъ береговъ Тихаго Океана почти до нашего Кіева, прорѣзанъ посерединѣ огромною пустынею, которая естественно раздѣляется на три большія степи: за-алтайскую, ограниченную съ трехъ сторонъ горами, а съ четвертой моремъ; туранскую, къ которой принадлежатъ весь киргизскій край и все Зарѣчье, то есть, Бухарія и Хива, до Каспійскаго Моря; и, наконецъ, черноморскую. Между-тѣмъ какъ черноморская степь покрыта богатѣйшею растительностью, за исключеніемъ деревьевъ, которыя по геологическому устройству почвы никогда здѣсь не расли и расти не могутъ, а средняя, или туранская, орошена во всю длину двумя величественными рѣками, Сыромъ и Аму, и усѣяна плодоносными оазисами, первая, самая восточная, то есть, за-алтайская степь лишена всѣхъ этихъ преимуществъ. Самая природа обрекла ее на вѣчное отсутствіе гражданственности, на постоянную нищету, дикость и варварство. Одинъ только западный край этой печальной страны, уже на рубежѣ болѣе счастливаго Турана, составляетъ нѣкоторое изъятіе изъ общаго ея неблаготворнаго характера, и здѣсь-то, въ областяхъ Кашгара, Хотена, Яркенда, еще въ глубокой древности возникли города, учредилась выгодная торговля. Три племени искони кочевали въ этой об-

Digitized by Google

ширной степи — съ восточнаго края, отъ моря, племя маньджурское, посредин'Ѣ монгольское, у западной оконечности турецкое — три племени разноязычныя, но между-тѣмъ точно такъ же родственныя, какъ въ нашей сторонѣ племена славянское, германское, кельтійское и греко-латинское. Принято, не знаю почему, называть эти три вѣтви одного огромнаго ствола *монгольскою породою*. Я скорѣе назвалъ бы ихъ *турецкою*. Безспорно, изъ трехъ племенъ, самое важное, самое многочисленное и даже самое способное къ умственному развитію — племя турецкое или, пожалуй, *туркское*. Гранича съ туранскою степью, обильною оазисами и городами, несравненно прежде двухъ прочихъ племенъ оно приняло участіе въ гражданственности, построило города на чертѣ кашгаро-хотенскихъ оазисовъ, вело торговлю, знало грамоту. Издревле вторгалось оно большими массами въ туранскую степь, переходило съ одной стороны *за рѣку*, за Оксъ или Аму, въ Персію, въ Кабулъ и Индію, а съ другой достигало нерѣдко до черноморской степи и до римскихъ провинцій. Если въ за-алтайской степи до Чингисхана, и до буддизма, существовалъ какой-нибудь слѣдъ грамотности, гражданственности, умственнаго развитія, то естественнымъ проводникомъ этихъ благъ могло быть только племя турецкое, какъ удобнѣе всѣхъ прочихъ поселившееся и, относительно, самое образованное. Если кто-либо могъ тамъ философствовать, составлять сказанія, творить или сообщать отвлеченныя теоріи о мірозданіи, такъ конечно Турки, и отпечатокъ ихъ языка долженъ

Digitized by Google

преимущественно отражаться на всѣхъ за-алтайскихъ преданіяхъ, по самой необходимости. Это мы и видимъ. Нынѣшній алфавитъ монгольскій и маньджурскій, и прежній турецкій, называемый уйгурскимъ, какъ происходящій явственно отъ старо-персидскихъ системъ письма, не могъ проникнуть въ за-алтайскую степь иначе какъ черезъ турецкія руки. Примѣчательно, что тупоуміе племенъ этой степи, усиливающееся постепенно отъ запада къ востоку, воспрепятствовало монгольскому и маньджурскому племенамъ принять первыя начала образованности отъ ближайшихъ сосѣдей своихъ, Китайцевъ. Тогда-какъ отдаленная Японія приняла китайскую систему письменъ, ни Монголы ни Маньджуры никогда не могли понять и усвоить ея, и, несмотря на тѣсныя и безпрерывныя связи Степи съ Поднебесною Имперіей, которая то властвовала надъ нею, то подвергалась ея владычеству, эти люди переняли у Китайцевъ только извѣстныя политическія церемоніи и житейскія моды. Письменности ждали они отъ Запада, и получили ее изъ туранскаго края, черезъ своихъ земляковъ, Турковъ.

Въ за-алтайской степи, какъ и въ прочихъ двухъ степяхъ, поперемѣнно являлись герои то въ томъ, то въ другомъ племени и учреждались сильныя династіи, то турецкаго, то монгольскаго, то маньджурскаго происхожденія. Эти династіи, возникавшія вдругъ въ которомъ-нибудь поколѣніи одного изъ трехъ племенъ, покоряли своей власти не только все свое племя, но и одно или два остальныя племена. Изъ такой смѣси народовъ учрежда-

Digitized by Google

лись подъ ихъ властью общіе трехъ-язычные народы, огромныя разноплеменныя державы. Заимствованное у Китайцевъ, очень древнее обыкновеніе, именовать державу и всѣ ея народы именемъ, обдуманно принятымъ ея династіей, сдѣлались причиною почти полнаго затмѣнія исторіи Степи. Мы знаемъ изъ разныхъ источниковъ довольно большое число названій державъ, существовавшихъ тамъ втеченіи трехъ тысячъ лѣтъ; но какъ все это только имена династій, а не народовъ или племенъ, то чрезвычайно трудно рѣшить нынче, какого происхожденія была такая-то династія, и которое собственно племя властвовало въ данное время надъ прочими. При династіи Чингисхана, которая дала себѣ прозваніе *Монголъ*, Сердитая, вся ея держава называлась Сердитою, *Монголъ*. Всѣ подвластные ей народы, и соплеменники Чингисхана, и инородцы, то есть маньджурскія и турецкія поколѣнія, и наконецъ еще Китайцы, одинаково были Сердитыми, одинаково *Монголами*, по степной терминологіи. Между-тѣмъ, Китайцы, которые, подобно древнимъ Грекамъ, не любятъ чужеземныхъ терминовъ и при всякой возможности перелагаютъ ихъ на звуки своего языка, слово это *Монголъ* перевели у себя словомъ *Юань*, представляющимъ тотъ же самый смыслъ, *Сердитые*. Во все владычество Чингисхановой династіи, у нихъ, и Китай, и настоящая Монголія, и нынѣшняя Маньджурія, и Туркистанъ, безъ различія именовались *Юань*. Къ счастію, какъ это ближайшая къ намъ династія по времени, то мы съ достовѣрностью знаемъ, которое именно племя

Digitized by Google

было тутъ господствующимъ. Но если бы многіе улусы этой державы не пришли въ соприкосновеніе съ Западомъ или пришли въ вѣкъ болѣе безграмотный, то родимое племя Чингисхана и главное орудіе его могущества навѣрное остались бы загадкой для исторіи. Видя, что потомки воиновъ его при Волгѣ, при Сырѣ и при Аму, говорятъ турецкими нарѣчіями, мы скорѣе всего были бы убѣждены, что Чингисханъ происходилъ изъ Турковъ и что *Монголъ* означаетъ собственно турецкое племя. По нашимъ ученымъ понятіямъ, мы говоримъ, что *Китай* — вѣчное государство, что *Китайцы,* какъ народъ, существуютъ неизмѣнно и неподвижно отъ временъ потопа донынѣ. Но для пекинскихъ докторовъ философіи и исторіи, это — нестерпимые парадоксы. Для нихъ нѣтъ ни постояннаго Китая, ни даже опредѣленнаго китайскаго племени. И земля и племя разъ двадцать перемѣняли названіе, и каждый разъ именовались новымъ офиціяльнымъ именемъ вновь водворившейся династіи. При династіи Чингисхана эта земля называлась *Юань,* и другаго названія себѣ не знала. Послѣ того, подъ туземной династіей, называлась она *Минъ.* Теперь, подъ династіей пришлецовъ съ восточной оконечности заалтайской степи, называется она *Цинъ.* Династія эта приняла для себя тибетское прозвище *Маньджу,* что̀ значитъ Чистая: такъ теперь и все племя, изъ котораго она происходитъ, называетъ себя Маньджурами, *Маньджу* — а дотого называлось оно иначе — и прежніе *Монголы,* ея подданные, уже не Монголы, а *Маньджу,* и Турки за-

Digitized by Google

алтайской степи изъ *Монголъ* переобразились въ *Маньджу*, и самый Китай для Степи тоже *Маньджу*. А какъ этотъ титулъ переведенъ офиціяльно въ Пекинѣ словомъ *Цинъ*, которое также значитъ Чистый, то для Китайцевъ теперь, и ихъ собственная земля, и прежняя Монголія, и нынѣшняя Маньджурія, и Туркистанъ, все — *Цинъ*, все — Чистое. Всѣ они прежде были «Сердитые», а теперь стали «Чистые», впредь до распоряженія новой династіи.

Собственно, монгольское племя, у себя, относительно къ языку, называется *Беде*, турецкое *Тюркъ*, китайское *Хань*, маньджурское — не знаю какъ.

При такомъ политическомъ обыкновеніи, при этой безпрерывной переработкѣ разнородныхъ племенъ въ сложные народы, всякій разъ иначе прозывающіеся, само собою разумѣется, что отдѣльныхъ племенныхъ преданій или сказаній тутъ быть не можетъ. Все должно быть общее, все переливалось изъ того языка въ другой и обратно, все, имена и событія, было взаимно передаваемо, переводимо и передѣлываемо. Отсюда, въ сказаніяхъ, которыя выдаютъ за коренныя монгольскія, мы видимъ смѣсь собственныхъ именъ, заимствованныхъ изъ трехъ языковъ Дешта, то есть Степи, но, собственно, какъ и должно быть, числю турецкихъ именъ преобладаетъ, потому-что это племя имѣло всегда преимущество нѣкоторой образованности и оно держало рѣчь и перо за безграмотныхъ.

Извѣстно, что Монголы, то есть Сердитые,

Digitized by Google

пришедшіе съ полководцами Чингисхана въ степи туранскую и черноморскую, называемы были также Татарами. Извѣстно также, что и въ Джагатайской Ордѣ, въ Туранѣ, и въ Золотой, у насъ, господствующимъ языкомъ былъ турецкій, а подлинный монгольскій служилъ только для церемоніяльныхъ фразъ и офиціяльныхъ надписей, и то не долго, особенно въ Золотой Ордѣ. Онъ былъ вытѣсненъ скоро турецкими нарѣчіями, которыя, отъ обычая называть этихъ Монголовъ Татарами, стали извѣстны у насъ подъ именемъ татарскихъ. Много споровъ происходило въ ученой Европѣ о началѣ и настоящемъ смыслѣ слова *Татаръ*. Слово *таталга*, которое представляетъ звуковое сходство со словомъ *Татаръ*, значитъ *дань*. Но нельзя сказать утвердительно, что *татаръ* значитъ поэтому — данникъ. *Татаръ* такъ же легко можетъ происходить отъ *таталга*, какъ и *таталга* отъ *татаръ*, и даже два слова могутъ не имѣть никакой связи между собою. Нѣтъ надобности разбирать разныя мнѣнія. Самымъ естественнымъ и болѣе прочихъ вѣроподобнымъ заключеніемъ кажется то, что слово *татаръ* не имѣло никогда опредѣленнаго смысла, и что оно соотвѣтствуетъ въ нѣкоторой степени древнему классическому *варвары*, старинному славянскому *Нѣмцы*, арабскому *Аджеми*, русскому *инородцы*, и было въ Степи примѣняемо всѣми ко всѣмъ. Когда династія бывала монгольская и господствующимъ народомъ монгольское племя, то Татарами называли они подвластныхъ себѣ Маньджуровъ и Турковъ. При турецкой династіи, въ Татаръ обращались

Digitized by Google

Маньджуры и Монголы; при маньджурской — Монголы и Турки. Такимъ образомъ всѣ поочередно бывали Татарами. Французскіе и англійскіе оріенталисты согласились, всѣ три племена, монгольское, маньджурское и турецкое, называть безъ различія, однимъ общимъ терминомъ, Tartares, Tatars. Это обыкновеніе, для насъ нѣсколько странное, въ нѣкоторомъ отношеніи основательно.

Но три племени за-алтайской степи, порода столь различная отъ нашей западной породы и образованіемъ черепа и логикою рѣчи, еще въ до-историческое время пустили отъ себя, черезъ Алтай, къ сѣверу и въ востоку, многочисленныя и громадныя вѣтви, которыя очень давно распространились по всей Сибири, до Ледовитаго Океана, и даже по всей сѣверной Европѣ, до Лапландіи и до устьевъ Нѣмана. Это — такъ-называемое *финское племя*, племя переродившееся въ другихъ климатахъ и отъ смѣшенія съ другими людьми, бо́льшею частью поблекшее въ снѣгахъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и обмельчавшее отъ стужи и рыбной пищи. Между-тѣмъ какъ чистая за-алтайская порода считаетъ черные волосы кореннымъ своимъ признакомъ, бо́льшая часть финскихъ поколѣній почти бѣловолосыя и лицомъ въ наше время едва-ли разнятся примѣтно съ западною породою. Но по языкамъ, и по особенной логикѣ рѣчи, буквально противоположной логикѣ рѣчи западной породы, она безспорно принадлежитъ къ за-алтайскому корню. Если племена маньджурское, монгольское и турецкое — собственно *Черные Татары*, то финское племя должно назвать *Бѣлы-*

Digitized by Google

ми Татарами. Однако, не всѣ финскіе народы, которые по языкамъ своимъ кажутся истеченіемъ преимущественно турецкаго племени, полиняли до такой степени на чужбинѣ. Мадяры, Угры, или Венгры, неоспоримо финское поколѣніе, были въ средніе вѣка, и остались донынѣ, существенно черноволосыми. Въ послѣднее время утверждали, что бискайскій языкъ, въ сѣверной Испаніи, принадлежитъ къ семейству финскихъ языковъ. Если это заключеніе основательно, то за-алтайская или восточно-азійская мелко-глазая порода была бы даже источникомъ древнѣйшаго, первобытнаго народонаселенія Европы, еще до пришествія и размноженія въ ней азійско-западной породы, которую обыкновенно называютъ кавказскою, но собственно слѣдовало бы называть персидскою.

Какъ бы то ни было, а ближайшими сосѣдями за-алтайской породы были первоначально въ Сибири разныя финскія или бѣло-татарскія поколѣнія, извѣстныя въ древности подъ именемъ Масаговъ (Massagetae), Мансаковъ и Саковъ (Собакъ), а въ Туранской Степи — разныя дикія и полуобразованныя поколѣнія персидской породы, которыя нѣкогда назвались Оксанцами, Трансоксанцами, Хоразмами, Бактрами, и такъ далѣе. Къ ближайшимъ сосѣдямъ нужно еще причислить поколѣніе тибетское, помѣсь за-алтайской породы, съ индѣйскою, которая только — отрасль и измѣненіе персидской, или азійско-западной. Если, по толку нѣкоторыхъ мудрецовъ за-алтайскаго края, Черный-Князь, *Кара-Ханъ*, былъ въ сказаніяхъ представителемъ мѣстной, коренной, черноволосой поро-

Digitized by Google

ды, то братья его, *Узъ, Гезъ* и *Гизъ*, должны необходимо быть олицетвореніями племенъ финскаго, персидскаго и тибетскаго. Къ этому явственно клонится повѣсть, приводимая въ книгѣ господина Березина.

У Чернаго-Князя, собственно Злаго Начала, а иносказательно праотца черныхъ людей Степи, былъ сынъ, *Вёдро-Царь* (Aether), или Молнія-Царь, или Громъ-Царь. Когда ему было только годъ отъ роду, родитель справилъ пиръ по случаю обряда нареченія имени ребенку. Но малютка Вёдро-Царь, будучи въ то же время и молніей и громомъ по званію своему эѳира, вдругъ самъ разразился — прогремѣлъ: Я Вёдро-Царь! Я *Окузъ-Ханъ*. Всѣ гости Чернаго-Князя ужасно удивились, что такой крошечный ребенокъ, существо почти непримѣтное, говоритъ самъ собою и такъ громко. Вёдро-Царь, выросши и возмужавъ, былъ удивительный богатырь и молодецъ собою. Желая имѣть внуковъ, Черный-Князь женилъ его сперва на дочери брата своего, Уза (на дѣвушкѣ финскаго или сибирскаго племени); она была красавица, но не сошлась съ мужемъ въ его религіозныхъ понятіяхъ, и онъ оставилъ ее. Затѣмъ Черный-Князь выдалъ за него дочь другаго брата, Геза (представительницу западной или персидской крови въ Туранѣ). И эта была чудо-красавица, но никакъ не понимала особенной религіи Вёдра-Хана. Они развелись. Тогда Вёдро-Ханъ, который видно былъ отчаянный эѳиристъ, выбралъ самъ себѣ невѣсту. Отправившись однажды на охоту, вѣроятно въ Тибетъ, онъ проѣзжалъ случайно мимо воротъ

Digitized by Google

Гиза, третьяго брата батюшки Чернаго-Князя. Дочь этого дяди сидѣла надъ водопроводной канавкою. Вёдро-Царь былъ пораженъ ея красотою и немедленно предложилъ ей руку, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы она согласилась принять его вѣру. Дѣвушка, какъ Тибетянка, превосходно понимала всѣ тонкости эѳира, и съ радостью приняла предложеніе. Вёдро-Царь женился. У нихъ явилась великая дружба и любовь, и, усердно послѣдуя эѳиризму, они скоро прижили шесть прекрасныхъ сынковъ, Солнце-Царя, Луну-Царя, Звѣзду-Царя, Небо-Царя, Гору-Царя (Землю) и Море-Царя. Всѣхъ этихъ малютокъ назвали они по-турецки, и очень жаль, что господинъ Березинъ не перевелъ именъ ихъ на русскій языкъ. Это не представляло ни малѣйшаго затрудненія, а придало бы совсѣмъ другой видъ сказанію.

Видя такія блистательныя послѣдствія ученія сына эѳириста, злой Черный-Князь рѣшился убить его и пошелъ на него войною, но самъ погибъ въ сраженіи. Вёдро-Царь овладѣлъ всѣмъ его улусомъ, всѣмъ царствомъ земли.

Изъ этого простаго, естественнаго изложенія повѣсти, съ переводомъ собственныхъ именъ, каждый видитъ, что рѣчь здѣсь не объ историческихъ фактахъ, но объ идеяхъ, о вѣрахъ и волненіяхъ древняго міра. *Окузъ-Ханъ*, какова бы ни была этимологія его имени, очевидно и положительно — aether, ведро, Перунъ, Юпитеръ. Примѣчательно, что и западное баснословіе сохраняло, въ миѳѣ о войнѣ Титановъ съ Юпитеромъ и о побѣдѣ его надъ этими великанами, точно такое

Digitized by Google

же воспоминаніе о прежнемъ господствѣ на землѣ религіи дуализма, или шаманства, и о торжествѣ надъ нею позднѣйшей теоріи матеріяльнаго эѳира, вѣры въ Юпитера, въ Живбога, въ Хормузду, или пантеистическаго многобожія. Миѳъ объ одноглазомъ Полифемѣ, котораго уничтожилъ Улиссъ хитростью, ясно показываетъ, что вѣру старинаго Геркулеса, Одинна, одноглазаго бога, или «безсмертнаго» кудесника, овладѣвшаго небомъ, древніе почитали остаткомъ или особеннымъ видомъ до-юпитеровой вѣры, дуализма, шаманства. Эѳиристы приняли къ себѣ Геркулеса, гдѣ въ полу-боги, гдѣ въ полные боги, передѣлавъ его на другой ладъ; потому-что пантеизмъ по существу своему не отвергаетъ никакого вида божествъ. Но ясно изъ всего баснословія, восточнаго и западнаго, что вѣра Геркулеса и Одинна связывается непосредственно съ древнѣйшею вѣрою царя-Дновидца и Чернаго-Князя, Бѣлъ-бога и Чернобога, что она предшествовала вѣрѣ Эѳира-Юпитера, боролась съ этимъ новымъ ученіемъ, и была наконецъ побѣждена имъ.

Не нужно и говорить, что у мусульманскихъ пересказчиковъ за-алтайскихъ сказаній вѣрою Вѣдра-Царя была вѣра магометанская, вѣра въ Аллаха, *исламъ*. Буддисты, съ другой стороны, переиначили это обстоятельство по-своему. Но для проницательной и осторожной критики, которая не ищетъ исторіи тамъ, гдѣ ей быть не должно, гдѣ никто о фактахъ и не думалъ, не трудно разобрать этотъ хаосъ при помощи нужныхъ сближеній.

Digitized by Google

Не одно это обстоятельство, борьба древнѣйшаго ученія съ послѣдующимъ, дуализма съ пантеизмомъ, повторяется и въ восточныхъ и западныхъ сказаніяхъ. Мы сейчасъ увидимъ еще болѣе поразительныя точки единомыслія за-алтайской степи со степью черноморскою и со всею западною Скиѳіей.

Вѣдро-Царь далъ сыновьямъ своимъ золотой лукъ и три золотыя стрѣлы. Кто разломаетъ лукъ, тому и царствовать надъ прочими, завѣщалъ онъ. Три старшіе сына разломали лукъ: имъ и досталось на долю право *володѣть*. Три младшіе раздѣлили между собою стрѣлы, и стали ихъ холопами. Нельзя не видѣть, что здѣсь къ Вѣдру-Царю отнесено, съ небольшимъ измѣненіемъ, то же самое преданіе, которое Скиѳы, по свидѣтельству Геродота, разсказывали о Геркулесѣ. Геркулесъ, полѣсской или древлянской своей супругѣ наказалъ отдать золотой лукъ его, и тетиву отдѣльно, тремъ сынамъ, прижитымъ съ нею въ то время, когда гонялся онъ повсюду за кобылами, сбѣжавшими со двора въ лѣсъ. Разумѣется, что лѣсъ и во время Геродота росъ только тамъ, гдѣ лѣсъ расти можетъ, въ своемъ природномъ мѣстѣ, на Полѣсьѣ. Если геологія оказала человѣчеству какую-нибудь положительную услугу, такъ это безспорно тѣмъ, что привела въ совершенную ясность физическую неспособность черноморской почвы къ произращенію деревьевъ и этимъ положила конецъ отъискиванію Геродотова Полѣсья, Hylaea, на Ахилловомъ Ристалищѣ, то есть на черноморской равнинѣ и въ Перекопской Степи. Полѣсье

Digitized by Google

находилось всегда на Полѣсьѣ, и нигдѣ болѣе находиться не могло — въ странѣ существенно лѣсной, въ землѣ Древлянъ, Полешанъ, Ятвяговъ —Polexani, Jatwingi, Jati — несомнѣнныхъ Готовъ, отъ Анахарсиса, Anaharis, до весьма поздняго времени. Но гдѣ бы Полѣсье ни предполагалось, дѣло въ томъ, что Геркулесъ поручилъ своей супругѣ, дочери Днѣпра-Рѣки и Юпитера, заставить трехъ сыновей, когда они выростутъ, навязывать лукъ его, и тѣхъ, которые не смогутъ, выгнать изъ Скиѳіи — а тому, кто согнетъ лукъ и надѣнетъ тетиву, передать царство той земли. На основаніи этого распоряженія, царство Скиѳіи и досталось младшему сыну, Сколоту, или Щиту, Skoldus, полѣсному Готу, а два брата его, Agathyrs (Страхъ-великанъ), то есть дунайскій Готъ, и As (Ясный), то есть волжскій Готъ, ушли изъ Скиѳіи въ далекія страны, одинъ въ Гетію, а другой въ землю Будиновъ, нынѣшнихъ Вудовъ, или Вотяковъ — въ Асгардъ или Асбургъ, а въ буквальномъ греческомъ переводѣ Gelonos teichos, Крѣпость Ясна, или Ясно-городокъ — впослѣдствіи Великіе Болгары. Отъ трехъ сыновъ Сколота произошли три подвластные царствующимъ Щитамъ племени, по-видимому славянское, гальское или волошское, и финское.

Какимъ образомъ могли преданія эти сообщиться съ конца сѣверной Европы въ конецъ восточной Азіи? Если пускаться въ ипотезы, то самымъ простымъ предположительнымъ средствомъ къ объясненію можно принять присутствіе Македонцевъ въ Бактріанѣ, Бедехшанѣ и въ оазисахъ

Digitized by Google

туранской степи. Отъ нихъ Турки могли заимствовать много западныхъ легендъ и передать ихъ въ за-алтайскій край. Можно было бы даже указать на то, что у Вёдра-Хана былъ очень умный визирь, который самовластно распоряжался всѣмъ, какъ Одинъ (скиѳскій Геркулесъ) у Перуна, или Тора. По странному случаю, визирь этотъ назывался *Иракылъ-Ходжа*, какъ у Грековъ назывался Геркулесъ, *Иракль*. Неужели это въ-самомъ-дѣлѣ *Геркулесъ-Хозяинъ?* Но если сходство миѳологическихъ лицъ поразительно, то ужъ навѣрное сходство ихъ именъ совершенно случайно.

Послѣ кончины Вёдра-Царя, правленіе досталось Солнцу-Царю, *Кунъ-Ханъ*. Но Солнце-Царь видно не любилъ обременять себя дѣлами Земли, жилъ высоко, за облаками, а въ нижнемъ улусѣ его, пожженномъ его лучезарнымъ взглядомъ, или окостенѣвшемъ въ его отсутствіе, перебивался какъ могъ визирь покойнаго отца, рѣченный Геркулесъ-Хозяинъ — то есть, собственно, Иракылъ-Ходжа, безъ всякихъ уподобленій.

Луна-Царь, *Ай-Ханъ*, вступившій на престолъ по смерти Солнца-Царя, былъ несравненно кротче и милосерднѣе своего знаменитаго брата и предшественника. Состарѣвшись, Луна-Царь назначилъ своимъ каймаканомъ, намѣстникомъ, Звѣзду-Царя. При немъ весь улусъ былъ доволенъ. Звѣзда-Царь отличался справедливостью, руководилъ всѣхъ вѣрно, отлично зналъ астрологію. Въ Степи водворился рай подъ управленіемъ добраго и благополучнаго Звѣзды-Царя.

Небо-Царь, *Кукъ-Ханъ*, ихъ наслѣдникъ, про-

Digitized by Google

славился благолѣпіемъ и благонравіемъ. Съ улусомъ обходился хорошо.

Но Гора-Царь, *Тагъ-Ханъ*, былъ препустой ханъ: ни травы ни воды при немъ не было. Скотъ умиралъ съ голоду.

Зато преемникъ его Море-Царь, *Тингизъ-Ханъ*, слѣдовалъ въ управленіи обычаю предковъ и уставъ исполнялъ хорошо. Жилъ Море-Царь *сто лѣтъ*: это много!... Когда же состарѣлся и сталъ немощенъ, то ушелъ прочь и засѣлъ въ уголку, гдѣ-то далеко, за Маньджуріей. Геологія называетъ царствованіе Моря-Хана катаклизмомъ, великимъ переворотомъ, наводненіемъ материка.

Послѣ чего возсѣлъ на престолъ Степи Людъ-Царь, *Иль-Ханъ*. Людъ-Ханъ былъ опытный мужъ и очень свѣдущій, но въ его царствованіе пошли безпорядки. Въ улусѣ явились ссоры, несогласія. Уряду никакого не было. Туркъ разладилъ съ Монголомъ и вошелъ въ сношенія съ Тураномъ, гдѣ царствовалъ тогда коварный Туръ-Ханъ. Татары пристали къ Туру, и положили основаніе всѣмъ бѣдствіямъ Степи.

Предводителя татарскаго народа звали обыкновенно Татаръ-Ханомъ, но собственное имя его было Самолюбъ-Царь, *Севинджъ-Ханъ*.

«Когда Туръ вышелъ на Людъ-Царя, монгольскій народъ, довольный и признательный Людъ-Царю, дрался чрезвычайно хорошо и побилъ много рати у Тура съ Татаромъ. Во время битвы Татаръ съ Туромъ прибѣгли къ коварству: побѣжали на нѣсколько верстъ назадъ. Людъ-Царь погнался за ними. Вечеромъ обѣ рати останови-

Digitized by Google

«лись для ночлега. Вдругъ Туръ съ Татарами «учинили ночное нападеніе и, волею Аллаха, раз- «били Людъ-Царя, его самого умертвили и весь «народъ монгольскій уничтожили. (Это, явствен- «но, исторія баснословнаго истребленія людей при «Девкаліонѣ). Спаслись только сынъ да внукъ его, «съ супругами, а именно, Воздухъ-Царь и одинъ «сынъ Плоти-Царя, *Кіятъ-Ханъ* съ *Ногузъ-Ханомъ*. «Они были въ тылу всего войска, поскорѣе поса- «дили женъ своихъ на лошадей и о полуночи пу- «стились въ бѣгство. На зарѣ, прибыли они къ «высокой горѣ, которая верхушкою достигала до «небеснаго свода. Съ великимъ бѣдствованіемъ, «страданіемъ и злополучіемъ, отъ страху душев- «наго, взбирались они отъ подошвы на верхніе «утесы этой горы. А называлась гора та Узгене- «Конъ. Много было здѣсь долинъ съ травою, и «много родниковъ, и деревьевъ съ плодами, и, со- «твореніемъ Аллаха, на вершинѣ находился пріютъ «для житья. Они прожили тамъ многіе годы; у нихъ «родились дѣти, и набралось довольно имѣнья. Отъ «роду ихъ пошли племена, а отъ племенъ поколѣ- «нія. Каждому дали они имя. Всѣ, которые роди- «лись отъ Кіятова рода, отъ кости Воздуха-Царя, «тѣхъ и назвали Воздушными, *Кіятъ*, а которые — «отъ сына Плоти-Царя, то племя наименовали Сѣ- «мяннымъ, *Дирлигинъ*.

«Когда стало много племенъ, поколѣній, имѣнья, «нельзя уже было долѣе жить въ тѣхъ горахъ. «Пошли на равнину. Но на дорогѣ была гора, ко- «торая состояла вся изъ желѣзной руды. Поду- «мавъ, сказали: надо расплавить эту руду, такъ

Digitized by Google

«пройдемъ далѣе. Сказавъ, собрали много дровъ, «собрали много сѣры и смѣшали съ дровами. Сдѣ«лали собственнымъ вымышленіемъ девять сотъ «мѣховъ изъ кожъ онагровыхъ и стали раздувать. «Огонь пошелъ въ гору. Много было хлопотъ, од«нако часть горы расплавили, и открылся проходъ. «Вотъ вышли въ чистую степь и отъискали ко«чевья и земли отцовъ. Многіе изъ китайскаго «народа присоединились къ нимъ».

Не трудно узнать въ этомъ грубомъ разсказѣ, исковерканномъ немилосердо въ «Книгѣ о родѣ Шейбани», знаменитое преданіе Алтая о древнемъ существованіи, у подошвы этой цѣпи, съ сѣверной стороны, промышленаго народа Кузнецовъ, славившагося превосходствомъ своихъ желѣзныхъ издѣлій, и котораго могилы показываютъ тамъ донынѣ. По нѣкоторымъ сказаніямъ этотъ сибирскій Бирмингамъ основанъ былъ однимъ поколѣніемъ, подвергшимся наказанію за мятежъ и сосланнымъ изъ степи въ алтайскія ущелія для обработки желѣзной руды. Но какъ мѣсто жительства этого народа Кузнецовъ полагали уже въ Сибири, по-сю сторону горъ, то слѣдуетъ заключить, что самыя старинныя и подлинныя сказанія относили его къ Финскому племени. Такое же преданіе находимъ мы и въ древней Скиѳіи. Такъ называемыя скандинавскія, то есть собственно готскія саги, сохраненныя Исландцами, провозглашаютъ необычайное искусство одной части Финновъ въ кузнечномъ и оружейномъ дѣлѣ, а другой въ золотопромышлености. Ни одинъ славный готскій герой не выходитъ на воинскіе по-

Digitized by Google

двиги, не вооружась мечомъ, шлемомъ, панцыремъ и стрѣлами настоящей финской работы. Какъ Финны слыли въ то же время страшными колдунами, то оружейныя издѣлія ихъ пользовались тѣмъ большею репутаціей въ Скиѳіи и Скандинавіи, что, при отличной отдѣлкѣ и прочности, они бывали еще превосходно наколдованы — защищали сверхъестественною силою отъ вражьихъ ударовъ и хитростей — и наносили вѣрную смерть врагу. Кузнечное или, точнѣе, слесарское, инструментное дѣло было такимъ отличительнымъ ремесломъ финскаго племени въ Скиѳіи, какъ хлѣбопашество — ремесломъ славянскаго, а плаваніе по рѣкамъ и морю въ военныхъ лодкахъ — ремесломъ готскаго. Отсюда приводимое Геродотомъ сказаніе Сколдовъ, или Щитовъ, о началѣ скиѳскаго народонаселенія, назначаетъ первому человѣку-великану, Dar Gita, трехъ сыновъ, Kolaska, Лодочника, Hleiposka, Хлѣбника, и Hargoska, Инструментщика, слесаря, или оружейника. Если бы можно было получить подлинное, старинное, подробное преданіе за-алтайской степи о поколѣніи сибирскихъ Кузнецовъ, вмѣсто этого сокращеннаго, перевраннаго, безпощадно обезображеннаго мусульманскими руками, то вѣроятно оказалось бы удивительное согласіе между повѣстью крайняго Востока и повѣстью европейскаго Сѣвера.

Здѣсь оканчивается общая космогонія и геологія за-алтайскихъ племенъ. Далѣе начинается прямая родословная Монгола Чингисхана. Но и эта вторая часть сказанія, уже гораздо менѣе занимательная, не болѣе первой занимается ис-

Digitized by Google

торическими фактами. Она также—символическая, также основана на теорическихъ идеяхъ языческой мудрости. Особенно интересно въ ней то, что здѣсь опять повторяются извѣстная ѳракійско-греческая теорія рожденія Ахилеса, человѣка-великана, получившаго чудный щитъ съ неба; скиѳская теорія о рожденіи Таргиты-Сколда, или Великана-Щита, и другія.

По ученію Скиѳовъ, болѣе или менѣе вѣрно пересказываемому Геродотомъ, первый Щитоносецъ родился на Полѣсьѣ, въ лѣсахъ древлянскихъ, на берегахъ Днѣпра-Рѣки и дочери этой рѣки отъ Юпитера. Это явственно происходило близъ впаденія Припети, потому-что и самое названіе Припети—по-гречески Panticapes относится къ таинствамъ Венеры, какъ vaginae rerum. Дочь Днѣпра-Рѣки и Юпитера была существо *дву-природное*, въ верхней части тѣла женщина-красавица, а въ нижней змѣя, то есть Нереида, подобно Ѳетидѣ, дочери Ахилла, которая также превращалась въ змѣю по желанію. Къ этой Змѣѣ-Красавицѣ пожаловалъ въ гости Геркулесъ (Одиннъ). Онъ пришелъ на Полѣсье по дѣлу, о которомъ писано выше.—Зачѣмъ ты здѣсь? что тебѣ угодно? стыдливо спрашиваетъ Змѣя-Красавица. — Ничего! такъ! ищу своихъ кобылъ. Кобылы мои сбѣжали съ конюшни въ твои лѣса. Пожалуйста, отдай мнѣ моихъ кобылъ. — Не отдамъ! Я—владычица всей этой земли, и все, что въ ней—мое.... А впрочемъ.... если согласишься остаться у меня и быть мнѣ мужемъ.... тогда все у насъ будетъ общее и кобылы могутъ опять быть твоими. — Геркулесъ

Digitized by Google

викогда не отказывался отъ женитьбы. Онъ принялъ предложеніе, и отъ этого брака, по сказанію полѣсскихъ Скиѳовъ, родился *Великанъ*, Готъ, Ятъ праотецъ Ятвинговъ, Dar Gita (по-датски Jette) получившій щитъ, rys, rüs, и лукъ, въ наслѣдство отъ Геркулеса, а по толкамъ Скиѳовъ черноморскихъ и разсказамъ тамошнихъ Грековъ, Лодочникъ, Kolaska, съ братьями Хлѣбникомъ и Оружейникомъ.

Въ за-алтайской повѣсти о первомъ предкѣ Чингисхана ма находимъ совершенно то же самое сказаніе. И вотъ теорія его рожденія.

Изъ поколѣнія таинственныхъ Воздушныхъ, *Кіятъ*, родилась дѣвушка чудной красоты, по имени *Илан-гоа* или, точнѣе, *Ылан-гоа*. Г. Березинъ превосходно объясняетъ значеніе второй части этого составнаго имени: *гоа*, турецкая форма отъ монгольскаго слова *гое*, значитъ—прекрасная женщина, красавица. Но зачѣмъ же читаетъ онъ первую половину имени *аланъ*, а не *иланъ*, когда *аланъ* не представляетъ никакого смысла ни на турецкомъ ни на монгольскомъ языкѣ и когда, по татарскому правописанію, можно читать *иланъ* совершенно правильно? *Иланъ*, напротивъ, значитъ—змѣя. Полное имя представляетъ смыслъ: Змѣя-Красавица. Вотъ мы и въ за-алтайской степи находимъ древлянскую Змѣю-Красавицу! Вся скиѳская и скиѳогреческая теорія — тутъ. Это сходство понятій двухъ такихъ отдаленныхъ странъ могло бы быть подозрительнымъ, если бы оно составляло единственный случай: но мы уже

Digitized by Google

нашли много точекъ единогласія восточно-азійскихъ сказаній съ сѣверо-европейскими. Впрочемъ дальнѣйшія подробности за-алтайскаго сказанія еще болѣе подтвердятъ тождество его съ скиѳо-греческимъ миѳомъ о Сколдѣ-Великанѣ и объ Ахиллѣ.

Илангоа, Змѣя-Красавица, выдана была замужъ за Добунъ-Баяна. Еслибъ было время и мѣсто, я охотно занялся бы этимъ Добуномъ, чтобы удостовѣрить издателя и переводчика джагатайской книги, что въ немъ не должно искать ничего историческаго — что онъ такое же миѳическое лицо, какъ и супруга его Илангоа — и въ точности соотвѣтствуетъ великому Бриму или Албриму сѣверо-европейскихъ сказаній. Но я спѣшу окончить. Несчастная Змѣя-Красавица, вышедши за этого урода, заклятаго врага Перуна и всего эѳирнаго, много горевала и плакала, но, наконецъ, какъ-то отъ него отдѣлалась. Джагатайская книга очень не ясна въ этомъ отношеніи. Достовѣрно только то, что у нихъ не было дѣтей и ничего подобнаго. Вдругъ, когда она стала свободна и, отъ таинственнаго посѣтителя изъ неземныхъ существъ, у Змѣи-Красавицы разомъ родились три сына, Юкунъ, Бузгинъ и Бузанджаръ, отъ которыхъ произошли три народа Степи: Катаканцы, Саладжіюты и Нируны, точно такъ же, какъ на Поѣсьѣ отъ Хлѣбника, Оружейника и Лодочника произошли три народа Скиѳіи. И подобно какъ въ Скиѳіи царство досталось младшему, Бузанджару, и его роду, а потомки двухъ старшихъ братьевъ стали ему холопами.

Digitized by Google

Ученый казанскій оріенталистъ почитаетъ Бузанджара несомнительнымъ историческимъ лицомъ. Геродотъ, съ своей стороны, признавалъ совершенно историческимъ лицомъ Лодочника, Kolaskaïs, который во всей точности соотвѣтствуетъ Бузанджару.

Шесть первыхъ наслѣдниковъ Бузанджара, мнимыхъ предковъ Чингисхана, не заслуживаютъ никакого вниманія со стороны исторіи. Всѣ они— баснословные потомки баснословнаго предка; или сказочные герои, или олицетворенія державъ, существовавшихъ въ Степи въ прежнія времена.

Настоящая историческая генеалогія Чингисхана начинается только съ дѣла его, Бартапа или, еще вѣрнѣе, съ отца его, Исукая.

Остальное вовсе нелюбопытно. Изъ всей жизни Чингисхана узбекскому автору «Книги о родѣ Шейбани» интереснымъ показалось только одно: анекдотъ о томъ, какъ монгольскій герой, въ молодости, во время охоты, былъ схваченъ предводителемъ поколѣнія Табуджи; какъ ему надѣли на шею колодку и заперли его въ сарай; какъ онъ спасся оттуда, прятался отъ поисковъ и съ колодкой сидѣлъ въ водѣ озера; какъ наконецъ воротился въ своей улусъ. Отсюда авторъ переходитъ прямо къ исчисленію женъ и сыновей Чингисхана, а отъ сыновей къ длинному и сухому ряду потомковъ одного изъ нихъ, именно, Джучія, отца Батыя и Шейбана.

Изъ всей этой части книги одно только можетъ русскому читателю представлять нѣкоторую за-

Digitized by Google

нительность, а именно, что по словамъ узбекскаго историка, большаго любителя анекдотовъ, Россія была завоевана Монголами *по ошибкѣ* и совершенно *противъ воли Чингисхана*. Послѣ покоренія Бухаріи и всей туранской степи, Джучію нечего было дѣлать въ джагатайской области и онъ, безъ вѣдома отца, пошелъ съ состоящими подъ его командой Турками далѣе на западъ и завоевалъ черноморскую степь. Чингисханъ, узнавъ объ этой шалости сына, страшно разсердился на него за такое нарушеніе дисциплины, до того, что готовъ уже былъ идти на него изъ Монголіи со всѣми силами и убить какъ ослушника. Зачѣмъ ужъ не пошелъ!

Въ числѣ разнообразныхъ и любопытныхъ приложеній къ переводу «Книги о родѣ Шейбани» нельзя не отличить особенною почестью трехъ разсужденій г. Дорджи Банзарова, природнаго Монгола, который прекрасно пишетъ по-русски и владѣетъ пріемами исторической и филологической критики точно какъ германскій гелертеръ. Это ученое явленіе чрезвычайно интересно. Оно доказываетъ, что монгольское племя равно способно запутывать и распутывать исторію, разрушать и просвѣщать вселенную. Г. Дорджи Банзаровъ старается объяснить со свѣденіями и рѣшить съ авторитетомъ Чингисханова потомка, нѣкоторые темные, спорные вопросы оріенталь-ной эрудиціи, особенно два слѣдующіе: что собственно значитъ слово *Чингизъ* и почему этотъ титулъ былъ принятъ знаменитымъ завоевателемъ? —откуда взялось и что значитъ слово *Монголъ*?

Digitized by Google

Г. Дорджи Банзаровъ находитъ очень ученые и уважительные поводы думать, что *Монголъ* значитъ просто Монъ-рѣка: *Монъ* — названіе извѣстной горы, особенно почитаемой Чингисханомъ; *голъ* — рѣка; и что поколѣніе или родъ его принялъ это названіе потому, что первоначально жилъ при рѣкѣ *Моніолъ*. Доказательства г. Дорджи Банзарова совершенно благовидны, но, для основательности ихъ, нужно было бы удостовѣрить въ то же время, что такая рѣка дѣйствительно существуетъ или существовала на землѣ. Географія не знаетъ ея. Исторія никогда объ ней не говорила. Я готовъ думать, что Монголы вѣка Чингисхана вѣрнѣе понимали этотъ вопросъ, произнося названіе его державы *Мунг-голъ* и производя слово это отъ *мунгъ*, сердитый. Это значеніе было такъ для нихъ несомнѣнно, и такъ твердо принято въ тогдашней монгольской дипломатикѣ, что и Китайцевъ, ими покоренныхъ, заставили они перевесть свой династическій титулъ словомъ *юань*, сердитый. Палата Церемоній, которой важное дѣло о переводѣ титула династіи было поручено по принадлежности, не могла сдѣлать этого безъ подлинныхъ и офиціяльныхъ основаній. Окончаніе *голъ*, въ словѣ *мунг-голъ*, можетъ быть особенностью діалекта, пользовавшагося политическимъ перевѣсомъ или случайною модою при первоначальномъ дворѣ завоевателя. Въ крайнемъ случаѣ, оно не болѣе необычайно въ словѣ *мунг-голъ*, какъ и въ словахъ *кара-голъ*, караулъ, *иса-голъ*, есаулъ, *ира-голъ*, *эрта-голъ*, и тому подобныхъ, разборъ которыхъ удостовѣряетъ, что оно въ то

Digitized by Google

время равно употреблялось въ Степи и съ монгольскими и съ турецкими рѣченіями.

Что̀ касается до задачи о значеніи слова *Чингисъ* или *Чингизъ*, то г. Дорджи Банзаровъ рѣшаетъ ее различными доводами, которые приводятъ его къ тому заключенію, что титулъ *чингисъ* равносиленъ китайскому титулу *хуанди* — верховнаго владыки. Но я не вижу для монгольскаго героя никакой нужды выдумывать себѣ титулъ сомнительнаго происхожденія и смысла, когда въ его племени, во всей Степи, и во всѣхъ языкахъ ея, искони существовали титулы *ханъ* и *хаганъ*, которые степная гордость ставила всегда наравнѣ съ китайскимъ *хуанди*, если еще не выше его. Г. Дорджи Банзаровъ справедливо не забываетъ и того обстоятельства, что одно изъ божествъ Степи называлось *Чингисъ*. Но этого совершенно достаточно. Остальное объясняется обыкновеніемъ Китая, образца политическихъ модъ для Степи, придумывать, кромѣ общаго титула для всей династіи, еще особенный титулъ для каждаго царствованія. Темуджинъ, принимая титулъ *Чингисъ-хана*, просто, поставилъ себя и свое царствованіе подъ покровъ божества, *Чингисъ* называемаго. Обычай заимствовать царскія наименованія отъ названій божествъ былъ общій въ Азіи, въ Скиѳіи, въ греческой древности, во всемъ язычествѣ. Понятно, что потомкамъ Чингисхана, принявшимъ вѣру Магомета, непріятно было въ главномъ имени великаго предка присутствіе шаманскаго термина, и что они старались забыть его поганое значеніе. Съ-тѣхъ-поръ монгольскіе и турецкіе

Digitized by Google

филологи употребили всѣ мѣры своего остроумія и ханжества, чтобы объяснить слово *Чингисъ* какъ-нибудь иначе и успѣли запутать вопросъ до степени той темноты, къ которой уже и вся европейская ученость не можетъ ничего прибавить.

1850.

Digitized by Google

ЕВРОПЕЙСКІЕ ТУРКИ.

По поводу книги: *Обозрѣніе Оттоманской Имперіи, Валахіи и Молдавіи, 1854.*

Всеобщее любопытство, возбуждаемое дѣлами и судьбами Востока, совершенно оправдываетъ это множество разнородныхъ и разнообразныхъ сочиненій, которыми наводняются европейскія литературы, уже болѣе года, по случаю Турціи и Турковъ. Но получаетъ ли какую-нибудь пользу отъ нихъ общество, жаждущее просвѣтиться и узнать истину? Я не думаю. Напротивъ, можно сказать утвердительно, что эти книги, большею частью, способствуютъ лишь распространенію сбивчивыхъ и ложныхъ понятій о Востокѣ вообще, и о Турціи въ особенности. Многія изъ нихъ пишутся явственно съ этою неблагородною цѣлью. Другія ведутъ къ ней неумышленно, благодаря невѣжеству сочинителей или, все равно, приложенію западнаго образа разсужденій къ учрежденіямъ и происшествіямъ восточнымъ, основаннымъ на другой логикѣ, на фактахъ и идеяхъ, совсѣмъ чуждыхъ Европѣ. Востокъ и Западъ не двѣ страны міра, а скорѣе двѣ планеты, текущія

Digitized by Google

вокругъ двухъ различныхъ солнцевъ. Нынѣшній папскій Римъ едва-ли не ближе къ древнему Риму Цезарей, чѣмъ азіятское государство къ государству европейскому. Востокъ донынѣ былъ доступенъ и понятенъ однимъ только оріенталистамъ, которые, сроднившись съ его языками и дѣлами продолжительнымъ изученіемъ, знали его понятія, духъ религіи, законы, убѣжденія, предразсудки, средства и дѣйствія, изъ подлинныхъ и достовѣрныхъ документовъ — изъ собственныхъ писаній Востока. И тутъ еще—между оріенталистами — между спеціяльными знатоками предмета — нужно было допустить необходимый выборъ, отдѣливъ филологическихъ энтузіастовъ и разочарованныхъ поэтовъ отъ судей хладнокровныхъ и проницательныхъ, которые, умѣя остановиться на приличной точкѣ зрѣнія, различали хорошее отъ дурнаго, существенное отъ наружнаго и незначительнаго. Можно себѣ представить, какой хаосъ понятій долженъ возникнуть, когда, вдругъ и со всѣхъ сторонъ, европейскіе публицисты, историки, статистики, географы, вовсе незнакомые съ архивами восточныхъ данныхъ, вздумали прилагать свои теоріи, свои взгляды, свою логику, свой привычный образъ сужденій и разсужденій, не говоря уже о страстяхъ, къ этому странному міру, для котораго Западъ — такая же сказка, какъ Востокъ — донынѣ сказка для Запада. Когда видишь эти обозрѣнія, эти исторіи, эти *статистики* (!) Турціи, скроенныя по фасону подобныхъ книгъ и статей о земляхъ западныхъ и раскрашенныя терминологіею европейской нау-

Digitized by Google

ія, которая должна придавать имъ видъ достовѣрности, нельзя не улыбнуться хитрой самонадѣянности или неисповѣдимому добродушію сочинителей, предлагающихъ подобное чтеніе напряженному любопытству обществъ.

Въ Россіи, покамѣстъ, издаютъ такихъ твореній менѣе чѣмъ въ другихъ странахъ Европы, и, я думаю, поступаютъ мудро: лучше вовсе не знать предмета, чѣмъ знать его ложно, въ искаженномъ видѣ, и основывать свои сужденія на такомъ опасномъ знаніи.

Изъ множества родовъ обозрѣній, заслуживающихъ этого наименованія, довольно указать на одинъ, на тотъ, который служитъ основаніемъ цѣлымъ рядамъ разсужденій и выводовъ: на эти великолѣпныя таблицы народонаселенія Оттоманской Имперіи. Нѣтъ ни одного оріенталиста въ Европѣ — я смѣло утверждаю это — который не скажетъ, по совѣсти, что всѣ цифры такихъ таблицъ, отважно выставляемыхъ на показъ въ парадной формѣ науки, произвольны, написаны на-обумъ, неправдоподобны, даже и приблизительно, и что народонаселеніе Турціи — мало-того неизвѣстно — а никакою человѣческою проницательностію не можетъ быть угадано въ настоящее время. Самыя уже названія классовъ, на которые въ этихъ таблицахъ раздѣлены жители турецкихъ областей, обнаруживаютъ страшное незнаніе мѣстъ и дѣлъ со стороны незваныхъ профессоровъ восточной государственной мудрости. Кромѣ того, такое вычисленіе населенія возможно тамъ, гдѣ всѣ путь безсовѣстно, гдѣ ложь возведена въ

Digitized by Google

достоинство искусства и благоразумія, гдѣ всѣ безъ изъятія классы, какъ мусульманскіе, такъ и не мусульманскіе, имѣютъ десять разъ въ день нужду, то преувеличивать, то уменьшать свою числительность, и удовлетворяютъ ей съ неимовѣрною свободою, съ вѣковою опытностью въ обманѣ, сдѣлавшемся основнымъ камнемъ установленнаго порядка?

Многимъ въ Европѣ покажется страннымъ, что числительность классовъ въ Оттоманской Имперіи можетъ быть изслѣдуема скорѣе посредствомъ исторіи, нежели другой какой-нибудь науки, но отнюдь не помощью пріемовъ статистики, для которой тамъ нѣтъ никакихъ офиціяльныхъ матеріяловъ, заслуживающихъ малѣйшее довѣріе и, даже издали, похожихъ на правдоподобіе. Исторія же Турціи, наблюдаемая въ источникахъ, убѣдительно показываетъ, что здѣсь, во-первыхъ, существуетъ для классовъ сильная нравственная потребность обманывать другъ друга страннымъ образомъ и быть взаимно довольными этимъ обманомъ, а именно, для побѣдителей, увѣрять себя и другихъ, что число ихъ огромно, а для побѣжденныхъ — притворяться, до самоубѣженія, немногочисленными и ничтожными; и во-вторыхъ, что численность магометанскаго народонаселенія должна быть паче всякаго чаянія и разсчета незначительна въ сравненіи съ общимъ итогомъ.

Правильныхъ переписей никакихъ не существуетъ донынѣ, и народные нравы сильно противятся ихъ составленію. Все основано на примѣрныхъ смѣтахъ, даже при сборѣ податей и

Digitized by Google

мусульманъ. Эти смѣты составляются, не для приблизительной оцѣнки дѣйствительности, но для утаенія ея и для взаимнаго обмана. О числѣ немусульманскихъ подданныхъ правительство знаетъ только — по общей суммѣ *харача* (поголовной подати), а мѣстныя власти — по числу квитанцій, *тезкере*, выдаваемыхъ въ уплату ея, не лично каждому, но старѣйшинамъ общинъ или откупщикамъ сборовъ. Здѣсь-то происходятъ самые наглые подлоги и плутовства. Воровство казеннаго имущества и частное взяточничество устроены въ огромномъ размѣрѣ на всемъ протяженіи правительственнаго дѣйствія — отъ верховнаго визиря до послѣдняго полицейскаго су-баши. Самый даже Китай не можетъ идти въ состязаніе съ Турціей въ этомъ отношеніи. Всякій соучастникъ власти, высшій и низшій, знатный и ничтожный, мусульманинъ и не-мусульманинъ, пользуется съ невѣроятнымъ безстыдствомъ каждымъ случаемъ набить свои карманы и поднести *бахшишъ*, подарочекъ, старшему, и всѣ поддерживаютъ другъ друга въ обманѣ начальства, которое и очень радо быть обманутымъ тоже за *подарки*, или, попросту взятки; тамъ подарокъ — знакъ дружбы, знакъ любви, знакъ уваженія, знакъ подчиненности. Даже къ султану и шаху вы не можете явиться безъ подарка. Кого нѣтъ нужды задабривать существеннымъ подаркомъ, тому вы обязаны въ письмѣ или въ разговорѣ поднести по-крайней-мѣрѣ коробъ *алмазовъ вашихъ привѣтствій* и хоть нѣсколько *рубиновъ поклоновъ*. Не трудно представить себѣ прямыя послѣдствія этой си-

Digitized by Google

стемы на великодушную снисходительность начальствъ по части взяточническихъ разбоевъ и расхищенія казенныхъ доходовъ.

Общины и откупщики сборовъ находятъ пользу показывать мѣстнымъ властямъ въ своихъ округахъ какъ-можно менѣе податнаго народа. Мѣстныя власти убавляютъ эти показанія покрайней-мѣрѣ на половину, чтобы оклады утаенныхъ *головъ* оставить въ своихъ сундукахъ. Областныя начальства убавляютъ также и дѣлятся экономіей между собою. Въ финансовыхъ приказахъ стамбульскихъ происходятъ новыя и окончательныя утайки. По мнѣнію свидѣтелей, опытныхъ во взяточничествѣ и знающихъ его тайны — это я слышалъ отъ одного бывшаго драгомана Порты, князя, вельможи и литератора — когда дефтердарство (регистратура податей и сборовъ) отпускаетъ какой-нибудь области милліонъ изготовленныхъ квитанцій, то въ счетныхъ книгахъ оно показываетъ не болѣе *двухсотъ* или *трехсотъ тысячъ*. Знатоки дѣла полагаютъ, что всякаго казеннаго дохода пропадаетъ въ рукахъ начальниковъ и подчиненныхъ *семьдесятъ пять процентовъ*, то-есть три четверти. Нужно еще прибавить, что бездна фальшивыхъ квитанцій выпускается въ оборотъ частными промышленниками, которые продаютъ ихъ любителямъ за безцѣнокъ и почти публично; и какъ тѣ, кому предъявляются квитанціи при повѣркахъ платежа харача, во-первыхъ, не въ состояніи разобрать подлинной рукописной квитанціи, довольно грубо начертанной, отъ подложной, не уступающей ей ни въ чистотѣ

Digitized by Google

въ тонкости отдѣлки, и, во-вторыхъ, не пропускаютъ никакой квитанціи, ни достовѣрной, ни сомнительной, безъ соразмѣрнаго подарочка, то эти подлоги находятъ въ нихъ даже покровителей. Мой константинопольскій слуга, Хорватъ, родомъ изъ Герцеговины, получавшій очень хорошее жалованье, всегда покупалъ себѣ фальшивыя квитанціи, которыя приносили къ нему на домъ. Я никакъ убѣдить его не могъ отказаться отъ этой спекуляціи, казавшейся мнѣ опасною, даже предлагая ему отъ себя деньги на уплату харача. Мой Хорватъ утверждалъ, что это вовсе не нужно, что никто изъ его друзей и знакомцевъ не употребляетъ настоящихъ квитанцій, и что онъ слишкомъ *ырзъ сахиби*, слишкомъ честный человѣкъ, для того, чтобы пользоваться моей щедростью напрасну. Онъ не понималъ, какая нужда—развѣ ужъ просто европейская фантазія—платить двадцать піастровъ за то, что можно получить за полпіастра!

Въ то же самое время какъ число иновѣрныхъ подданныхъ систематически всѣ уменьшаютъ, число правовѣрныхъ, особенно бѣдныхъ и требующихъ вспоможенія въ голодные годы, въ суровыя зимы, послѣ большихъ пожаровъ, послѣ наводненій, показываютъ несравненно выше настоящаго. Когда нужно, съ такою же наглостью въ обманѣ, вдругъ гдѣ-нибудь уменьшаютъ итогъ правовѣрныхъ и увеличиваютъ число гяуровъ.

Я очень сомнѣваюсь, наберется ли полные три милліона душъ Турковъ, то-есть всѣхъ мусульманъ вообще, въ Европейской Турціи, и мнѣ

Digitized by Google

всегда казалось, что въ этой части Оттоманской Имперіи можно смѣло полагать четыре души христіанскаго населенія противъ одной магометанскаго, не пускаясь въ невозможныя распредѣленія жителей по классамъ и мѣстностямъ. Исторія всѣхъ династій турецкаго племени неопровержимо доказываетъ, что онѣ всегда основывали и поддерживали огромныя державы самымъ ничтожнымъ числомъ людей своего рода, которое, будучи одно въ правѣ носить оружіе и дѣйствуя на побѣжденныхъ ужасомъ своей свирѣпости, легко содержали въ повиновеніи обширныя области и многолюдные города. Если, въ Турціи, чужестранцу кажется, будто тутъ много Турковъ, это просто оттого, что одни Турки стоятъ впереди, а всѣ прочіе прогнаны на задній планъ, и, принуждены прятаться и уничижаться. Необходимость и долговременная привычка довели порабощенныя племена до такого искусства въ исполненіи этой печальной роли, что гордые властители обыкновенно однихъ лишь себя замѣчаютъ въ ихъ землѣ, и съ восторгомъ созерцаютъ свое превосходство и свое могущество. Между-тѣмъ, они не могутъ не чувствовать, и, при каждомъ серіозномъ случаѣ, чувствуютъ какъ-нельзя лучше, свою малочисленность. Не должно думать, чтобы между Турками не было людей благоразумныхъ и справедливыхъ, людей, которые бы не знали неправильности и опасности такого положенія. Уравненіе въ правахъ христіанъ съ мусульманами, о которомъ стали толковать нынче на Западѣ — идея вовсе не новая для сыновъ Османа. Не въ Алко-

Digitized by Google

рицѣ находитъ она главное препятствіе къ своему осуществленію. Мусульманская казуистика давно доказала свое умѣніе соглашать законы, выведенные изъ Корана, съ требованіями земныхъ страстей, такъ, чтобы и Магометъ и магометане были довольны тѣмъ, что̀ неизбѣжно должно случиться по волѣ преобладающей силы обстоятельствъ. За почести и деньги стамбульскіе богословы доказали бы немедленно, что это уравненіе даже предписано ихъ каноническимъ правомъ. Но, всякій разъ какъ вамъ случится завести объ этомъ предметѣ разговоръ съ разсудительнымъ и откровеннымъ Туркомъ, вы слышите одинъ и тотъ же отвѣтъ, доказывающій ясно, что вопросъ давно разобранъ и рѣшенъ побѣдителями: «Этого невозможно! посмотрите, сколько тутъ насъ и сколько «ихъ! При равенствѣ правъ, мы исчезнемъ въ ихъ «толпѣ. Турція будетъ христіанскою землею! *Это «государство основано страхомъ нашего ятагана, и страхомъ ятагана должно быть поддерживаемо.* Въ Анатоліи (Малой-Азіи), уравненіе правъ «еще было бы сбыточно: тамъ гораздо многочисленнѣе мы, мусульмане. Но, по сю-сторону моря, «при равныхъ правахъ мы скоро должны будемъ «убираться вонъ изъ Стамбула».

Это опасеніе, котораго нельзя назвать неосновательнымъ, такъ укоренено въ понятіяхъ не только правительственнаго класса, но и частныхъ людей, достаточно свѣдущихъ въ исторіи и дѣлахъ своего народа, что уравненію правъ они откровенно предпочитаютъ русское владычество, къ которому цареградскіе Турки совершенно и

Digitized by Google

давно приготовлены. «Въ такомъ случаѣ ужъ луч-«ше пусть приходитъ сюда *Москов* и пусть онъ «владѣетъ и нами и ими вмѣстѣ», говорилъ мнѣ одинъ кятибъ приказа иностранныхъ дѣлъ еще до войны 1828 года: «мы не боимся Москова; мы «знаемъ всѣ, что, рано ли, поздно ли, мы будемъ «служить ему. *Аллахъ керимъ!* (Богъ милостивъ!) «Московъ насъ не обидитъ! Съ нимъ мы уживем-«ся! Но наши *раіи* (не-мусульманскіе подданные) «жестоко отплатятъ намъ за все прошедшее и на-«стоящее. Они насъ прогонятъ. *Келями аамм* «*дыръ!* Это каждый вамъ скажетъ!... *Шеккю-шебье-*«*денъ бери*, *мукарраръ дыръ!* Это не подлежитъ ни «малѣйшему сомнѣнію! это достовѣрно!»

Но если между Турками есть люди разсуждающіе хладнокровно, есть съ другой стороны ослѣпленные невѣжествомъ, фанатизмомъ и народною гордостью. При обозрѣніяхъ вопросовъ внутренняго или гражданскаго устройства какой-нибудь страны, всѣ нравственныя качества народа, и хорошія и дурныя, должны непремѣнно быть приняты въ соображеніе. Несправедливо и неестественно было бы представлять Турковъ, въ общей сложности, народомъ злымъ, коварнымъ, кровожаднымъ или тупымъ. Отчаянная безнравственность той части турецкаго общества, въ которой сосредоточивается правительство или которая состоитъ въ непосредственной связи съ нимъ, не подлежитъ сомнѣнію. Эта часть общества въ самихъ же Туркахъ возбуждаетъ повсемѣстное презрѣніе и отвращеніе. Она воспитывается еще и теперь въ тѣхъ же политическихъ началахъ и

Digitized by Google

правилахъ, которыя были приняты въ Римѣ и Византіи и которыя въ исходѣ среднихъ вѣковъ излагалъ Макіавелли въ Италіи. Ложь, обманъ, измѣна, ядъ, кинжалъ, пытка, ужасъ, грабительство, признаются ею откровенно законными средствами управленія и достояніемъ политической мудрости. Въ ея литературѣ есть сочиненія, излагающія это гнусное ученіе съ ужасающею откровенностью. Но остальная часть оттоманскаго общества, люди неприкосновенные къ правительству, далеко не такъ думаютъ и чувствуютъ. Въ частной жизни Турки обнаруживаютъ много хорошихъ качествъ, которыя пріятно принять въ счетъ даже и въ непріятелѣ. Они вообще смирны, внимательны къ удовольствію другихъ, вѣжливы съ чужими, стыдливы и часто цѣломудренны внутри семействъ, въ примѣчательной степени честны и прямодушны. Вспыльчивость, лѣнь, тщеславіе и нерадѣніе составляютъ собою напротивъ главные пороки ихъ народнаго характера и темперамента. Нравственный недостатокъ, который во всѣхъ дѣлахъ съ Турками нужно принимать въ разсчетъ и соображеніе, это — высокомѣріе и необузданное хвастовство — отличительная черта всего турецкаго племени, которое, въ этомъ отношеніи, не уступитъ даже нѣжнымъ друзьямъ своимъ Французамъ. Какъ недостатки легче видѣть въ братьяхъ чѣмъ въ самомъ себѣ, то хвастовство Туркменовъ вошло въ поговорку у Оттомановъ, которые не примѣчаютъ, что сами они такіе же горькіе хвастуны какъ и ихъ соплеменники.

Это опасное для самихъ же Турковъ тщеславіе

Digitized by Google

было въ нихъ сильно развито и всегда поддерживается въ напряженіи самою ихъ исторіей, необычайнѣйшею изъ всѣхъ народныхъ исторій, непохожею ни на одну изъ нашихъ новѣйшихъ, и въ высшей степени любопытною. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, не сдѣлаться тщеславными и гордыми при мысли, постоянно и вездѣ сопутствующей Оттоманамъ, что горсть ихъ — триста или четыреста человѣкъ ихъ рода — основали и воздвигли могущественную державу, которая заключаетъ въ себѣ до сорока милліоновъ жителей и въ семнадцатомъ вѣкѣ заставляла трепетать передъ собою три части вселенной?

Огромная степь, большею частью песчаная или гористая, прорѣзываетъ, какъ извѣстно, по-поламъ всю Азію, отъ Охотскаго и Японскаго Моря до Каспійскаго и до Чернаго, и вдоль этой пустыни бѣжитъ, отъ Охотскаго Моря, длинная цѣпь Алтайскихъ Горъ, которыя, мѣняя названія и постепенно понижаясь, сравниваются съ землею на восточномъ берегу Каспійскаго Моря, но какъ бы съ тѣмъ только, чтобы проползти подъ Каспіемъ и вдругъ воспрянуть грозно по-ту-сторону моря подъ именемъ Кавказа. Степь эта, которую можно назвать охотско-каспійскою — потому-что она до-сихъ-поръ не имѣетъ въ географіи опредѣленнаго имени — составляетъ настоящую Среднюю Азію. Къ сѣверу ея лежитъ *земля соболей*, Сибирь, или Сѣверная Азія; къ югу — Китай и Персія, за которыми простираются еще другія земли, вмѣстѣ съ ними называемыя Южною Азіей. Вся эта охотско-каспійская степь занята кочую-

Digitized by Google

ными поколѣніями узкоглазой породы, которыя говорятъ тремя различными языками и, слѣдовательно, являютъ видъ трехъ отдѣльныхъ племенъ, *Мугъ*, *Бедъ* и *Тюркъ*. Восточная часть охотско-каспійской степи искони принадлежитъ племени Мугъ, которое по южную сторону Алтая зовутъ нынче Маньджурами, а по сѣверную Тунгузами. Среднюю часть степи занимаетъ племя Бедъ, извѣстное по-сю-сторону подъ именемъ Бурятъ, а за Алтаемъ прозванное, послѣ Чингисхана, Монголами. Въ западной части живетъ племя Тюркъ, къ которому относятся Уйгуры или Татары, Киргизы, Башкиры и Тюркменцы, нѣкогда носившіе названія Гузовъ, Кыпчаковъ, Кумановъ, Половцевъ.

Западная часть этой огромной пустыни начинается и средняя оканчивается противъ истоковъ Иртыша и южной оконечности нашей омской страны, въ очень замѣчательномъ мѣстѣ, гдѣ въ алтайскую цѣпь упирается подъ прямымъ угломъ хребетъ Болурскихъ Горъ, подбѣгающій съ юга, отъ Индіи, и откуда въ четыре стороны міра крестообразно вытекаютъ четыре знаменитыя рѣки, которыя разбиваютъ Азію на четыре части, сѣверо-восточную, сѣверо-западную, юго-западную и юго-восточную. Къ сѣверу течетъ Иртышъ, впадающій подъ именемъ Оби въ Ледовитый Океанъ. Къ югу — рѣка Кабулъ, тутъ же соединяющаяся съ Синдомъ, или Индусомъ, который направляется къ Тихому Океану; къ востоку — разныя горныя теченія, изъ которыхъ подальше образуется китайская Желтая Рѣка, вливающаяся

Digitized by Google

въ большой Восточный Океанъ; къ западу — рѣка Ошъ, древній Оксъ (Oxus), нынѣшній Аму, который уходитъ въ Аральское Море. Здѣсь-то, между истоками этихъ четырехъ рѣкъ, къ сѣверу отъ Кабула и Кашмира, у подножія Болурскихъ Горъ — гнѣздо и первая родина племени Тюркъ, котораго одна часть, съ незапамятныхъ временъ, была осѣдлою за горами и имѣла свои города вдоль черты торговаго сообщенія между Сибирью и Индіею, каковы Кашгаръ, Яркандъ, Хотанъ, Аксу, тогда какъ другая часть кочевала въ ближайшей степи по обѣ стороны Болурскихъ Горъ, проникая къ сѣверу до Сибири и къ западу до Каспійскаго Моря и до Волги. Знаменитая во всѣ времена рѣка *Ошъ*, Оксъ, или Аму, которая составляетъ южную границу Степи со стороны Персіи, служила ей всегда важною чертою раздѣла между богатыми областями Хорасаномъ и Балхіаною, или Бактріаною, и между населенными персидскимъ же племенемъ плодородными островами Степи, или оазами, хисарскимъ, бухарскимъ, хивинскимъ, кокандскимъ, ташкандскимъ, и прочая, вокругъ которыхъ издревле кочевали поколѣнія тюркскаго племени — такъ-называемые Тюркмен-цы — въ древности Саки, Ногаи, Кыпчаки, Копеки, то-есть, Собаки. Эта островская, самая сѣверная, часть Персіи, гдѣ нерѣдко возникали сильныя державы, именовалась За-ошаною, или За-оксаною, Transoxiana: по-просту назовемъ ее Зарѣчьемъ. Параллельно съ рѣкою Ошемъ, или Аму, течетъ въ Степи, также изъ Болурскихъ Горъ, другая большая рѣка—въ древности Сартъ,

Digitized by Google

Кшартъ, Ксартъ или Яксартъ — нынѣ *Сарръ* или по сибирскому выговору, *Сыръ* — и также втекаетъ въ Аральское Море. Плодородные острова Степи размѣщены всѣ на длинной полосѣ песчаной и каменной почвы, заключенной этими двумя рѣками, Аму и Сыромъ, и которую, для краткости и ясности нужно назвать Междурѣчьемъ — если угодно, Сѣвернымъ Между-рѣчьемъ, потому-что въ Азіи есть еще другое, южное, Междурѣчье, Mesopotamia, страна лежащая между Евфратомъ и Тигромъ, гдѣ нѣкогда находились Ниневія и Вавилонъ. По Аму, главнѣйшіе оазы — Хисаръ и Хива; по Сыру — Ташкандъ и Хокандъ, или Кокань, область и городъ. Обширнѣйшій изъ всѣхъ оазовъ Междурѣчья, плодородный островъ Согдъ, съ знаменитыми въ исторіи городами Самаркандомъ и Бухарою, лежитъ посединѣ, почти въ одинаковомъ разстояніи отъ обѣихъ рѣкъ. Удаленіе скитающихся по Зарѣчью тюркскихъ поколѣній за Яксартъ или Сыръ, въ Туранъ, въ нынѣшнюю Киргизскую Степь, было постоянною политикою, какъ собственной Персіи, такъ и персидскихъ, а послѣ Александра Великаго, персо-греческихъ государствъ Междурѣчья и сосѣдней Бактріаны, лежащей возлѣ самаго гнѣзда Тюрковъ, рядомъ съ *Тюркистаномъ*, въ крайнемъ сѣверо-восточномъ углу Персіи, между верхнимъ Аму и Болурскимъ хребтомъ, по близости истоковъ рѣки Кабула. Въ этомъ углу находятся старинные и важные города Балхъ (Bactra), Гератъ, Газна, Хуллумъ, Бадахшанъ, бывшіе по-очередно столицами значительныхъ владѣній. Богатство

Digitized by Google

ихъ, истинное или мнимое, всегда возбуждало жадность степныхъ «Собакъ», и они часто пытались пробираться между оазовъ Междурѣчья за Аму, въ Хорасанъ и Балхіану. Въ третьемъ столѣтіи по Рождествѣ Христовомъ имъ удалось овладѣть Балхомъ и всею Балхіаною, основать здѣсь свою державу, покорить кабульскую страну и проникнуть въ Индію. Саги, Спаки, или Собаки, уничтожившіе персо-греческую бактрійскую державу, неоспоримо были Турки — другіе быть не могли. Но владычество ихъ здѣсь, и въ Индіи, было кратковременно. Они исчезли, и до одиннадцатаго столѣтія не видно никакого турецкаго владѣнія въ Персіи, которая еще до исхода седьмаго вѣка увидѣла себя въ рукахъ арабскихъ халифовъ и была обращена въ мусульманство.

Въ это время водился повсюду обычай ввѣрять защиту престоловъ и государствъ иностраннымъ наемнымъ дружинамъ, которыя почти всегда оканчивали тѣмъ, что прибирали къ рукамъ своимъ, сперва все правительство, а потомъ области, государство и самый престолъ. Арабскіе халифы держали такія дружины, преимущественно изъ зарѣчныхъ Турковъ, которымъ, вслѣдствіе этого, позволили они перейти черезъ Аму, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ юртъ, и кочевать въ Хорасанѣ. Начальникъ этой дружины при халифахъ Таи и Кадерѣ былъ вмѣстѣ и верховнымъ визиремъ и зятемъ своихъ государей. Сынъ его, знаменитый Махмудъ, правилъ уже всею ихъ державою самовластно и содержалъ самого повелителя правовѣрныхъ почти узникомъ во дворцѣ, котораго

Digitized by Google

защиту принялъ на себя съ покорностью вѣрнаго раба. Отецъ его числился, въ свое время, правителемъ балхійской провинціи отъ имени халифа. Сыну должны были отдать всю Балхіану въ удѣльное владѣніе, съ правами верховной власти. Награбивъ несмѣтныхъ богатствъ въ царствѣ халифовъ, Махмудъ, котораго называютъ Газневидомъ, основалъ настоящую столицу въ Газнѣ, въ 998 году по Р. Х., и овладѣлъ Хорасаномъ, Кабуломъ, Кашмиромъ и частью Индіи, позволяя величать себя персидскимъ титуломъ *шахъ*, царь. Этого титула халифъ не могъ утвердить за нимъ, на основаніи правилъ единодержавія, которыя впрочемъ были уже нарушены образованіемъ удѣла. Не хотѣли дать ему названія, ни *малекъ*, ни *эмиръ:* первое значитъ то же что̀ и *шахъ*, «царь», а второе употреблялъ самъ халифъ въ римскомъ смыслѣ — imperator, повелитель. Арабскіе дипломаты придумали для Махмуда отличіе, *вели'ль-хелафе*, которое, на-видъ, могло польстить его тщеславію. Грозному опекуну повелителя правовѣрныхъ объяснили, что эти слова означаютъ — «товарищъ намѣстника Пророка» или «другъ намѣстничества». Въ самомъ дѣлѣ, слово *вели* значитъ — тотъ, который *слѣдуетъ*, и оно принимается у Аравитянъ въ смыслѣ — товарищъ, и другъ. Но какъ *слѣдовать* можно кому-нибудь и за кѣмъ-нибудь, то *вели* въ то же время значитъ и *слуга*, слѣдующій позади своего господина, такъ, что новозданный титулъ могъ означать въ одно и то же время и «товарищъ намѣстника» и «слуга намѣстничества», подобно рим-

Digitized by Google

скому comes imperii — comte de l'empire — Reichsgraff. Услужливые царедворцы новаго властелина не замедлили растолковать Махмуду это обидное двусмысліе, которымъ гордость халифовъ старалась прикрыть свое безсиліе. Газнинскій владыка отринулъ дипломъ съ негодованіемъ. Тогда въ Багдадѣ изобрѣли для него новое, среднесловное наименованіе, *султанъ*, которое было принято Махмудомъ, и съ того времени сдѣлалось славнымъ во всей Азіи. Слово *султанъ* значитъ въ арабскомъ языкѣ просто «власть», но, при всей скромности этого значенія, оно превосходно удовлетворяло притязаніямъ обѣихъ сторонъ, именно потому, что было вновь введено въ правительственную фразеологію и еще не имѣло опредѣленнаго смысла. Халифы могли понимать его въ смыслѣ простой установленной власти, одной изъ властей государственныхъ, каковы всѣ главноначальствующіе и высшіе правители провинцій, и съ этимъ титуломъ Махмудъ, на глаза ихъ, стоялъ не выше своего отца, числившагося правителемъ балхійской области, гдѣ было позволено кочевать его родичамъ, поставлявшимъ воиновъ въ дружину. Махмудъ напротивъ имѣлъ право воображать, что одинъ онъ представляетъ «власть» въ державѣ халифовъ и что кромѣ его нѣтъ другой власти, какъ это и дѣйствительно было. Мы сейчасъ увидимъ, какимъ образомъ этотъ титулъ перешелъ къ начальнику другой дружины, основавшему Оттоманскую Имперію.

Родичи Махмуда были Тюркменцы. Улусъ ихъ заключалъ въ себѣ едва пять или шесть тысячъ

Digitized by Google

ортъ, или семействъ. Этого числа было совершенно достаточно, во времена дружинъ, для порабощенія огромнѣйшаго царства. Норманская дружина въ семьсотъ человѣкъ овладѣла Парижемъ, взяла съ него тяжкую контрибуцію и безнаказанно оставалась въ столицѣ Франціи болѣе недѣли. Всѣ силы наслѣдниковъ Карла Великаго не могли вытѣснить двухъ тысячъ Норвежцевъ изъ Нормандіи, которую наконецъ пришлось уступить имъ, въ ленное владѣніе по имени, но въ независимое на дѣлѣ. Двѣ вышедшія отсюда дружины основали два новыя царства, въ Англіи и въ Сициліи. Не нужно поэтому преувеличивать въ нашемъ нынѣшнемъ историческомъ воображеніи этихъ прославленныхъ массъ дикарей, передъ которыми все преклонялось и падало во времена такъ-называемаго передвиженія народовъ. Все это дѣлалось самыми незначительными силами, и въ Азіи еще и теперь можетъ быть сдѣлано: доказательства — Индія и Китай, гдѣ Португальцы, Голланды, Французы, Англичане, Маньджуры основывали царства или покоряли огромные города и области ничтожными отрядами. Доказательство— нынѣшняя персидская династія Каджаровъ, возникшая изъ маленькаго тюркменскаго поколѣнія, не обладавшаго даже военнымъ искусствомъ новѣйшихъ Европейцевъ. Поэтому и число Турковъ, введенныхъ въ предѣлы Персіи до начала одиннадцатаго столѣтія, можно считать совсѣмъ незамѣтнымъ. Махмудъ уже, во время своихъ предпріятій противъ Кабула и Индіи, вызвалъ изъ Зарѣчья десять тысячъ кибитокъ Тюркменцевъ,

Digitized by Google

то-есть, какъ полагаютъ, пятьдесятъ тысячъ человѣкъ обоего пола, которымъ отвели кочевья въ Хорасанѣ и Балхіанѣ. Изъ нихъ составилъ онъ себѣ новыя дружины, которыя, спустя лѣтъ пятнадцать, налегли на него самого точно такъ же тяжко, какъ отецъ его и онъ налегали на халифовъ. Передъ смертью онъ уже долженъ былъ бороться съ насиліемъ своихъ гостей и защитниковъ, и умеръ въ 1028 году, не бывъ въ состояніи удалить ихъ изъ своихъ владѣній. Не далѣе какъ при первомъ его наслѣдникѣ, избранный по жеребью начальникъ особой дружины, Догурулъ-бей, объявилъ себя опекуномъ султана и правителемъ его царства, а племянникъ его, по прозванію *Салджыкъ* («лодочка», потому, вѣроятно, что былъ въ молодости перевозчикомъ на рѣкѣ Аму), принялъ титулъ султана и сдѣлался основателемъ знаменитой династіи Салджыковъ, которую западные историки называютъ Сельджуками.

Эта династія въ короткое время распространила власть свою почти на всю Персію и отторгла даже въ Малой-Азіи нѣсколько областей отъ Восточно-Римской Имперіи, между прочимъ важный городъ Иконіонъ, или Конію. Она была изгнана въ 1195 году изъ Персіи хивинскою династіей Харезмъ-шаховъ, вышедшею также изъ небольшой тюркменской дружины. Остатки Салджыковъ удержались великимъ чудомъ только въ Коніи и въ нѣсколькихъ сирійскихъ городахъ, гдѣ они учредили небольшія отдѣльныя владѣнія. Отъ конечной погибели спасла ихъ неожиданно ссора Чингисхана съ надменнымъ Харезмъ-Шахомъ,

Digitized by Google

и случившееся вслѣдъ за тѣмъ, страшное нашествіе Монголовъ на Азію и на сѣверную Европу. Чингизичи, Батый и Чагадай, которымъ досталось на долю, первому Кыпчакъ и Россія, а второму Зарѣчье и Персія съ остатками халифата, привели съ собою очень мало Монголовъ. Дружины ихъ набраны были почти исключительно изъ ново-покоренныхъ за-болурскихъ Турковъ, которыхъ называли *Уйгурами* (союзниками) и *Татарами* (данниками), но которые, какъ воины и подданные Монголъ-Чингисхана, величали себя Монголами. Языкъ монгольскій, какъ оффиціяльный, употреблялся только въ государственной перепискѣ ордъ, на монетахъ и въ торжественныхъ случаяхъ при дворахъ Батыя и Чагадая и первыхъ ихъ преемниковъ, и вскорѣ былъ забытъ совершенно. Господствующій языкъ такъ-называемыхъ Монголовъ, какъ волжскихъ, такъ зарѣчныхъ или сырскихъ, былъ татарско-турецкій, значительно различный отъ всѣхъ тюркменскихъ нарѣчій. Приливъ въ Персіи новыхъ Турковъ, приведенныхъ Монголами, въ послѣднемъ разсчетѣ оказывается также незначительнымъ. Намѣстники Чагадаевой Орды содержали эти страны въ ужасѣ и повиновеніи тоже помощью немногочисленныхъ дружинъ, съ которыми прежде введенные сюда Тюркменцы не сливались, какъ покоренные и какъ принявшіе уже мусульманскую вѣру. Безъ всякаго преуменьшенія можно полагать, что въ оба турецкіе прилива, при газнинскихъ владѣтеляхъ и при Чингизичахъ, не перешло за Аму

Digitized by Google

и за Кавказъ болѣе двухъ-сотъ тысячъ Турковъ обѣихъ породъ, тюркменской и татарской.

Спустя одно столѣтіе великолѣпное царство Монголовъ въ западной Азіи распалось на нѣсколько слабыхъ и враждебныхъ владѣній. Въ первое время всѣ постороннія династіи исчезли: уцѣлѣли только Салджыки въ Коніи и мало-извѣстная тюркменская династія въ Еменѣ, въ Аравіи, куда монгольское оружіе не проникало. Въ Адербаеджанѣ учредилась династія Ильхановъ, въ Фарсѣ династія Музаффери, въ Иранѣ—Джубани, въ Себзварѣ—Сербедари, или Висѣльники, въ Гератѣ и Кабулѣ — Курды. За джагадайскими Монголами остались только Зарѣчье и области, ближайшія къ рѣкѣ Аму и Каспійскому Морю.

Это раздробленіе монгольской державы, съ одной стороны, а съ другой раздѣлъ Восточно-Римской Имперіи при вторженіи крестоносцевъ, позволили конійскимъ Салджыкамъ, не только оправиться отъ ежедневнаго страха, но и усилиться до такой степени, что въ тринадцатомъ вѣкѣ они сдѣлались ужасомъ Константинополя. Въ исходѣ тринадцатаго столѣтія царствовалъ въ Коніи салджыкскій султанъ Аля-Эддинъ, рядомъ съ адербаеджанскимъ иль-ханомъ изъ монгольскихъ Татаръ, отложившихся отъ Джагатайской-Орды, которые стали тѣснить его жестоко. Въ Хорасанѣ между-тѣмъ скиталось маленькое тюркменское поколѣніе изъ Зарѣчья, пришедшее изъ-за Аму еще при халифахъ. Въ надеждѣ избѣгнуть насилій чагадайскихъ Татаръ, оно перс-

Digitized by Google

кочевало въ Иракъ, на берега Евфрата, въ окрестности Аллата и Эрзингяна. Вѣрно, ильханскіе Татары оказали ему не очень ласковый пріемъ, потому-что оно вскорѣ рѣшилось бѣжать оттуда обратно въ Хорасанъ, подъ предводительствомъ братьевъ Дундара и Эръ-Догурула. На пути, братья разссорились, и Эръ-Догурулъ остался съ своимъ улусомъ въ Арменіи, на пачинской равнинѣ, въ округѣ Сырмалы-Чукуръ, у источниковъ Аррaкса. Кажется, что мы съ авторомъ почерпаемъ наши свѣденія въ совершенно различныхъ источникахъ, потому-что онъ увѣряетъ, будто отецъ Эръ-Догурула перешелъ *на Пазинскую долину изъ Хоразана, около Магана въ Арменіи, въ страиъ Ашлатъ.* Я сомнѣваюсь, чтобы авторъ «Обозрѣнія Оттоманской Имперіи» могъ оправдать на картѣ правильность своей географіи. Что̀ касается до его исторіи, то она вполнѣ простительна писателю, попавшему въ лѣса и дебри оріентализма случайно и принужденному пользоваться матеріялами, которыхъ достоинства онъ оцѣнить не можетъ. Самъ онъ увидитъ, я надѣюсь, изъ этого разсказа, что дѣла происходили гораздо яснѣе, проще, и даже любопытнѣе — особенно если отбросить явныя басни и невѣжественныя украшенія, которыми испестрило ихъ турецкое тщеславіе.

Улусъ Эръ-Догурула — что̀ значитъ *мужъ родится* (одинъ изъ его внуковъ назывался *Ай-догду*, мѣсяцъ родился)—былъ совершенно ничтожный: въ немъ заключалось не болѣе четырехъ сотъ кибитокъ, какъ увѣряютъ тѣ, которые имѣютъ

Digitized by Google

всѣ причины преувеличивать. Въ крайнемъ случаѣ это значитъ, что онъ могъ выставить до пяти сотъ ратниковъ. Какъ ни ограниченною можетъ показаться эта помощь, но султанъ конійскій, Аля-Эддинъ, тѣснимый ильханцами, былъ очень радъ воспользоваться ею, и употребилъ нежданныхъ пришельцевъ для обновленія своей разстроенной дружины. Эръ-Догурулъ, естественно, сдѣлался ея начальникомъ. Опытъ скоро показалъ, что этотъ человѣкъ былъ надѣленъ отъ природы примѣчательнымъ воинскимъ дарованіемъ. Онъ долго поддерживалъ разрушающееся царство послѣдняго изъ Салджыковъ, одержалъ нѣсколько побѣдъ, покорилъ нѣсколько городовъ. За эти услуги онъ получилъ для своихъ родичей богатыя кочевья у Олимпскихъ Горъ и для себя большія почести и богатства. Старшій сынъ его, Османъ, или Отманъ —это арабское слово значитъ *Костоломъ*— воспитанный при дворѣ Аля-Эддина, гдѣ его звали обыкновенно *Османжыкъ*, Осмашею, былъ сподвижникомъ Эръ-Догурула и преемникомъ его въ званіи начальника дружины и главнаго полководца. Османъ преобразовалъ дружину султана совершенно, усилилъ ее остатками салджыкскихъ Тюркменцевъ и охотниками изъ мѣстныхъ мусульманъ, и умѣлъ внушить ей безпредѣльную преданность къ своему лицу. Отъ него, эти ратники прозвались *Османлы*, Османцами. И они-то корень и начало Оттомановъ. Числительную силу ихъ отряда можно полагать въ пять или, много, въ шесть тысячъ человѣкъ, между которыми Эръ-Догуруловыхъ

Digitized by Google

Туркменцевъ — чистыхъ Турковъ — не было наверное и пяти сотъ.

Не смотря на всѣ усилія и подвиги Эръ-Догуруля и Османа, ильханьскіе Татары, которыхъ оттоманскія лѣтописи всегда называютъ Монголами, стали снова, и еще сильнѣе, тѣснить царство конійскаго Салджыка. Въ 1300 году они произвели большое нашествіе на его владѣнія. Пользуясь случаемъ, начальники областей, приверженцы и созданія Османа, взбунтовались противъ Аля-Эддина, и Османъ, управлявшій этою черною измѣною, которую оттоманскіе историки старались утаить несмотря на ея очевидность, заставилъ Аля-Эддина бѣжать въ Константинополь, гдѣ, по его же проискамъ, несчастный погибъ въ заключеніи.

Замѣчательно то, что Французы были первою причиною безпрепятственнаго зарожденія и развитія турецкой державы, которая должна была вскорѣ поглотить Константинополь, предметъ ихъ жадности въ эту роковую минуту. Михаилъ Палеологъ, чтобы обезпечить себя по-крайней-мѣрѣ со стороны Малой Азіи, явно потворствовалъ измѣнникамъ Аля-Эддина и задобрялъ себѣ ихъ дружбу. Вмѣшательство Французовъ въ тогдашній восточный вопросъ воспрепятствовало Михаилу воспользоваться паденіемъ безсильнаго конійскаго султана. При всемъ своемъ звѣрствѣ, Михаилъ былъ безспорно человѣкъ съ воинскимъ дарованіемъ и умѣлъ извлекать выгоды свои изъ обстоятельствъ. Онъ имѣлъ превосходный случай, и легко могъ утвердить власть имперіи въ Малой Азіи, могъ связаться съ адербаеджанскими Монголами—

Digitized by Google

ильханскими Татарами—злѣйшими врагами Туркменцевъ и уничтожить разъединенныхъ измѣнниковъ Аля-Эддина, которые еще спорили между собою о раздѣлѣ его владѣній, могъ возвратить себѣ Конію и другіе города, и навсегда удалить опасность мусульманскаго ига—потому-что Монголы были уже не страшны и вся Персія готовилась вскорѣ возстать на нихъ. И это навѣрное сдѣлалъ бы Михаилъ, если бы со стороны Запада не посягали на Константинополь Французы. Вмѣсто оказанія Аля-Эддину болѣе или менѣе искренней защиты, которая передала бы судьбу Малой Азіи въ руки цареградскаго властелина, Михаилъ умертвилъ его на пользу Османа и его самого оставилъ въ покоѣ — искалъ даже его дружбы — не предчувствуя, что не далѣе какъ сынъ этого Туркменца будетъ уже тѣснить Константинополь при сынѣ его Андроникѣ II *. Османъ отразилъ ильханцевъ, но престола не отдалъ потомкамъ Аля-Эддина, которые исчезаютъ безъ вѣсти—не нужно говорить какими судьбами—но самъ принялъ титулъ султана. Это происходило въ 699 году ги-

* Константинополь, во время покоренія его Оттоманами въ 1443 году, былъ совершенно незначительный городъ. Занятіе этой столицы крестоносцами разогнало и разсѣяло ея жителей, и съ того времени она уже не могла возстановить своей важности. Во время осады Константинополя Магометомъ II, когда приказано было вооружиться всѣмъ способнымъ носить оружіе, не могли набрать двухъ тысячъ воиновъ изъ Грековъ. Городъ защищали усердные охотники изъ иностранцевъ, преимущественно Венеціянцы, Генуэзцы и Венгерцы. Полагаютъ, что тогдашнее населеніе столицы Вос точно-Римской Имперіи не превыша-

Digitized by Google

дары, или 1300 нашего лѣтосчисленія, слѣдовательно въ самое время нашествія ильханскихъ Татаръ изобѣга Аля-Эддина. Тутъ разсказываютъ множество нелѣпыхъ случаевъ, предсказаній и предзнаменованій, которыя будто-бы возвели Османа на царство его благодѣтеля.

Безсовѣстный Тюркменецъ учредилъ свою столицу сперва въ Кара-Хисарѣ, потому-что Конія была еще занята Монголами; но вскорѣ перенесъ свой престолъ въ Енишегиръ. Въ день объявленія себя султаномъ, онъ собственноручно пронзилъ кинжаломъ девяносто-лѣтняго дядю своего Дундара, воротившагося изъ Хорасана съ небольшимъ отрядомъ своихъ родичей къ брату Эръ-Доругулу, когда тотъ сталъ силенъ и важенъ въ конійскомъ государствѣ. Этотъ честный старикъ не одобрялъ поступковъ племянника и осмѣлился упрекнуть его въ неблагодарности.

Таково, если очистить турецкія сказанія отъ выдумокъ раболѣпнаго подобострастія, было гнусное начало оттоманской державы. Разумѣется, что не всѣ бывшіе Аля-Эддиновы подданные тотчасъ подчинились наглому измѣннику. Нѣкоторые прави-

---

ло, съ предмѣстьями, пятидесяти тысячъ душъ. Послѣ покоренія, Магометъ II, чтобы населить новую свою столицу, приказалъ нѣсколькимъ греческимъ городамъ, азіятскимъ и европейскимъ, перевесть въ нее половину своихъ жителей и призвалъ изъ Малой Азіи толпы мусульманъ для занятія остальныхъ домовъ и зданій. Такъ точно Филиппъ Македонскій въ короткое время создалъ себѣ прекрасную столицу Димитрію. Такъ Александръ Великій строилъ славные греческіе города въ Африкѣ и Азіи. Такъ дѣлали и Римляне.

Digitized by Google

тели областей, укрѣпившись въ своихъ городахъ, мечтали сдѣлаться также независимыми, какъ и Османъ, но наконецъ должны были преклониться передъ его звѣздою. Самымъ счастливымъ изъ нихъ былъ нѣкто Караманъ-Оглу, который утвердился въ южной полосѣ Малой Азіи и основалъ тамъ довольно сильное владѣніе, Караманію, долго бывшее соперникомъ и страшилищемъ новаго царства *Костоломовъ* (Османлы), замѣнившаго собою царство *Лодочниковъ* (Салджыкъ, или Сельджукъ). Но и это владѣніе перешло наконецъ, со всею Малою Азіей, въ руки Оттомановъ, которые, спустя полтора столѣтія послѣ своего основанія въ Кара-Хисарѣ, были уже владѣтелями Царяграда.

Тщеславіе Турковъ старается связать ничтожный родъ Османы съ *бѣлою костью* Чингисхана, которая считается благороднѣйшею во всей Азіи, и оттоманскіе историки невѣжественно увѣряютъ, будто Эръ-Догурулово поколѣніе пришло въ Хорасанъ съ Монголами и будто начальникъ его былъ родственникомъ великаго Чингисхана. Между-тѣмъ въ годъ вторженія Монголовъ они же показываютъ, начальникомъ своего поколѣнія, *Сулеймана*, котораго произвольно называютъ *шахомъ*. Это значило бы, что поколѣніе ихъ тогда уже исповѣдывало мусульманскую вѣру. Такой нелѣпости порядочная исторія допустить не въ правѣ. Монголы были заклятые враги мусульманства и, при вторженіи, думали даже объ искорененіи этой вѣры, въ которую стали они переходить гораздо позже и постепенно. Курганъ Сулеймана, который утонулъ въ Евфратѣ, близъ крѣпости Джаберъ,

Digitized by Google

называютъ донынѣ *Тюркъ-мезары*, «Могилою Турка»: этимъ ясно доказывается, что онъ былъ Тюркменецъ, потому-что Чагадаевыхъ сподвижниковъ нигдѣ и никогда не называли Турками, но Монголами, и сами они такъ называли себя постоянно, хотя и не знали по-монгольски, а говорили турецкими нарѣчіями. Наконецъ, самый языкъ Оттомановъ служитъ вѣрнѣйшимъ доводомъ той истины, что они происходятъ отъ зарѣчныхъ, а не отъ за-болурскихъ Турковъ, или Татаръ, изъ которыхъ состояли рати Чагадая и Батыя, и съ которыми никогда они не сливались: напротивъ, враждовали во все продолженіе своей исторіи.

Какимъ образомъ эта горсть Туркменцевъ, безпрерывно истребляемая врагами въ безпрерывныхъ войнахъ, успѣла наложить свой языкъ на обширную и многолюдную страну, такъ, что придала ея жителямъ видъ, понятія и чувства Турковъ? Это обстоятельство приводитъ многихъ въ недоумѣніе и заставляетъ предполагать огромное нашествіе первоначальныхъ Турковъ, наводнившихъ собою всю Малую Азію: чего, какъ мы видѣли, не было и быть не могло. Собравъ изъ всѣхъ степей міра все, что̀ говоритъ по-турецки, нечѣмъ было бы порядочно населить двѣ-три маленькія провинціи. Нынче извѣстно, что кочевыя народонаселенія, которыя долго воображали несмѣтными, въ сущности очень незначительны. Но это произошло очень просто—тѣмъ же порядкомъ, какимъ Римляне, жители одного города и его маленькой территоріи, наложили свой языкъ на всю Италію, Испанію, Галлію, Иллирію и Дакію: посредствомъ по-

Digitized by Google

стоянной арміи, которая всегда и вездѣ хранила у себя этотъ языкъ, воспитывая въ немъ людей разноплеменныхъ, поступавшихъ въ ея ряды или тѣснившихся около ея для промысла, и посредствомъ законовъ, писанныхъ на этомъ языкѣ и распространяемыхъ на вновь пріобрѣтенныя области. Подобно тому, какъ Римляне напускали тучи своихъ подъячихъ на завоеванныя земли, съ латинскими законами, судами и крючками, Салджыки и Османцы, съ Кораномъ въ одной рукѣ и мечомъ въ другой, приводили съ собою толпы муллъ и улемовъ, которые всѣхъ обращали въ мусульманство. Немногіе изъ побѣжденныхъ успѣвали въ первыя времена выкупить свою голову и свою вѣру платежомъ ежегоднаго харача, да и тѣ, которые великодушно остались въ законѣ предковъ, бо́льшею частью были принуждены, впослѣдствіи, обидами и угнетеніями присоединиться къ религіи и языку своихъ кровожадныхъ побѣдителей. Уже въ пятнадцатомъ столѣтіи, когда государство значительно распространилось и большія военныя предпріятія стали требовать большихъ денежныхъ издержекъ, оттоманская политика начала быть снисходительнѣе къ вѣрѣ побѣждаемыхъ. Цѣлымъ городамъ и областямъ она позволяла выкупаться отъ обрѣзанія и намаза, въ тайной надеждѣ, однако, что презрительное и грозное обращеніе съ ними мало-по-малу приведетъ гяуровъ къ Корану—что́, къ сожалѣнію, и сбылось во множествѣ случаевъ. *Кто намъ будетъ платить харачъ, если мы всѣхъ христіанъ обратимъ въ мусульманство?* говорилъ Магометъ II, покоритель Константинополя: *пусть*

Digitized by Google

бедняжки молятся Богу по-своему, а мы будемъ брать деньги за это. Этотъ аргументъ сдѣлался съ-тѣхъ-поръ основнымъ положеніемъ оттоманской политической и духовной логики: его повторяли при всякомъ случаѣ, и такъ глубоко засѣлъ онъ въ турецкомъ мозгу, что, признаюсь, я не понимаю, какимъ образомъ согласятъ эту теорію съ практикою въ предполагаемомъ отмѣненіи харача. Какъ бы то ни было, можно видѣть изъ сказаннаго, что нынѣшніе *Турки*, мало-азійскіе и европейскіе, вовсе не Турки, а просто — отуреченные Греки и Славяне, что̀ не только не мѣшаетъ имъ быть горячими поклонниками Магомета, но и дѣлаетъ ихъ, къ несчастью, еще злѣйшими врагами и гонителями Грековъ и Славянъ, не послѣдовавшихъ ихъ отступничеству. Это — главная масса такъ-называемаго «турецкаго племени» въ сѣверной Турціи. Сюда надо присоединить незначительную примѣсь выходцевъ изъ татарскихъ земель и изъ южныхъ областей, гдѣ господствуетъ арабскій языкъ, потомство вольноотпущенниковъ и рабовъ, купленныхъ за-границею, и европейскихъ ренегатовъ четырехъ послѣднихъ столѣтій. Вотъ Оттоманы! вотъ Турки!

Нельзя умолчать, при бѣглыхъ изслѣдованіяхъ, о знаменитомъ нѣкогда учрежденіи, которое сильно умножило число такъ-называемыхъ Турковъ.

Османъ началъ свое военное дѣло тѣмъ же устройствомъ, въ какомъ родился самъ: образованіемъ наемной дружины. При первомъ его преемникѣ, Орханѣ, эта дружина, бурная и властолюбивая, уже рѣшительно угрожала новому престолу

Digitized by Google

оттоманскому. Тогда *новое войско* было изобрѣтено братомъ султана Орхана, Аля-Эддиномъ, которому отецъ Османъ, далъ это имя въ Коніи, изъ подобострастія къ своему благодѣтелю, прежде чѣмъ измѣнилъ ему. *Еничери* значитъ «новое войско», и дѣло идетъ о янычарахъ, первой постоянной арміи въ военныхъ лѣтописяхъ послѣ давно погибшихъ римскихъ легіоновъ. Новое войско получило нѣкоторое образованіе: учили дѣтей воинскимъ упражненіямъ и дисциплинѣ, чтобы имѣть изъ нихъ потомъ искусныхъ и вѣрныхъ воиновъ. Въ покоряемыхъ силою городахъ забирали всѣхъ христіанскихъ мальчиковъ; съ покоренныхъ христіанскихъ областей брали дань мальчиками, и все это воспитывалось въ мусульманской вѣрѣ и въ турецкомъ языкѣ, въ училищѣ или корпусѣ «новаго войска». Это учрежденіе, которому воинская Европа долго удивлялась и завидовала, было главнымъ орудіемъ побѣдъ и величія султановъ. Можно вообразить, сколько христіанъ оно передѣлало въ Турковъ перваго разбора! Въ началѣ прошлаго столѣтія считалось болѣе ста тысячъ янычаръ, и когда это войско стало наконецъ страшно и для правительства, и для жителей своимъ высокомѣріемъ, буйствомъ и грабительствомъ, каждый записывался въ янычары, предпочитая мятежничать, жечь и грабить съ ними, скорѣе чѣмъ быть ограбленнымъ или сожженнымъ въ ихъ мятежи. Почти всѣ мусульмане были янычарами—по имени—для чести—для личной безопасности: паши и визири между-тѣмъ получали жалованье за тѣхъ, которые не имѣли нужды жить въ казармахъ.

Digitized by Google

Янычары взяли Константинополь: безъ нихъ никогда мусульмане не утвердились бы въ Европѣ, и никогда династія Османа не достигла бы безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ Востока срока существованія: пяти съ половиною столѣтій! Давнымъ-давно, еще въ четырнадцатомъ вѣкѣ, была бы она уничтожена своими дружинами.

Когда рѣчь идетъ о Турціи, о Туркахъ — и говорить нечего: ихъ тамъ нѣтъ, а есть только *Османлы*, то-есть мусульмане разныхъ націй, поклонники Корана, слѣдующіе знамени Османова потомка, по фанатизму къ вѣрѣ и еще болѣе по личнымъ выгодамъ, которыя эта вѣра доставляетъ имъ среди угнетенія пощаженныхъ для харача христіанъ, но отнюдь не по преданности къ престолу и по привязанности къ династіи. Та же самая вѣра признаетъ одну только законную власть для мусульманъ: власть побѣдителя. *Эль хукму ль галиби!* — побѣдитель есть законный властелинъ вашъ! — торжественно восклицаетъ Коранъ, и это знаменитое изреченіе составляетъ одинъ изъ основныхъ догматовъ ихъ вѣры. Если угодно, оттоманскіе мусульмане, обыкновенно называемые Турками, теперь свирѣпы, кровожадны, бурны, мятежны: разумѣется, мы говоримъ о черни. Никто однакожъ, я надѣюсь, не скажетъ, что Парижане гораздо кротче и сердобольнѣе ихъ. Парижане и низшіе классы другихъ французскихъ городовъ доказали неоднократно, что они стоютъ всѣхъ возможныхъ Турковъ. Но эти страшные пороки сердца всегда зависѣли и зависятъ отъ существующаго въ данное время правительства, какъ во

Digitized by Google

Франціи такъ и въ Турціи. Напротивъ, гражданскій порядокъ, тишина и благоустройство могутъ гораздо болѣе полагаться на необразованныхъ Оттомановъ чѣмъ на Французовъ, которые, если ихъ послушать, стоятъ въ челѣ образованности. Тотъ же самый законъ вѣры, который представляетъ власть побѣдителя священною, дѣлаетъ побѣжденныхъ мусульманъ самыми смирными и кроткими подданными новой власти. Можно даже предсказать безошибочно, что если Европейская Турція перейдетъ когда-нибудь подъ власть христіанскаго побѣдителя, то эти два или три милліона мусульманъ, которые теперь въ ней находятся, мало-по-малу возвратятся къ христіанству, узнавъ въ новыхъ властелинахъ—прежнихъ своихъ единовѣрцевъ.

1854.

Digitized by Google

ДРЕВНІЙ ЕГИПЕТЪ
и
МАЛАЯ АЗІЯ.

По поводу втораго изданія *Путешествій* А. С. Норова. 1854.

I.

Есть въ разсужденіяхъ о глубокой древности особенная, несказанная прелесть, которой не представляютъ предметы болѣе близкіе къ намъ по времени: прелесть открытія Новаго Свѣта въ нѣдрахъ Стараго Свѣта. Надѣешься вдругъ разбогатѣть умомъ и знаніемъ въ этомъ, занесенномъ землею и щебнемъ вѣковъ, забытомъ людьми, Эльдорадо.

Между всѣми трудами о географіи и топографіи странъ, гдѣ происходили событія, описываемыя въ нашихъ священныхъ текстахъ, или на которыя встрѣчаются въ нихъ указанія, первымъ превосходствомъ прекраснаго труда русскаго археолога было всегда, на глаза наши, то уваженіе, то внимательное, дружественное благорасположеніе, которыя оказываетъ онъ мѣстнымъ топографиче-

Digitized by Google

скимъ преданіямъ. Предшественники его встрѣчали обыкновенно эти преданія съ систематическою недовѣрчивостью, и она-то заставляла ихъ замѣнять вѣковыя убѣжденія туземцевъ своими заграничными ипотезами. Вслѣдствіе ея, болѣе и болѣе затмѣвались вопросы, подвергаемые изслѣдованіямъ. Авторъ трехъ «Путешествій», напротивъ, въ приложеніи и развитіи ученыхъ идей своихъ къ древней почвѣ Сиріи и Египта, сообразилъ съ превосходнымъ тактомъ, что мѣстныя преданія представляютъ вѣрнѣйшій путь къ удачному рѣшенію этихъ любопытныхъ вопросовъ. Онъ не обрекъ ихъ гордому скептицизму странствующей эрудиціи, напротивъ, старался извлечь изъ нихъ всю возможную пользу для предмета, все вѣроятное, естественное и непротиворѣчащее текстамъ, и достигъ такимъ-образомъ огромнаго результата—стройнаго и яснаго цѣлаго, въ которомъ лишь незначительныя подробности остаются еще сомнительными. И дѣйствительно: чтобы предать потомъ подозрѣнію эти скромные, но почтенные источники, какъ то вообще дѣлали ученые путешественники, занимавшіеся библейскими изслѣдованіями, нужно имѣть очень неясное понятіе о духѣ и чувствахъ первыхъ послѣдователей Евангелія, о той необыкновенной восторженности, которою пламенѣла безпредѣльная преданность ихъ Спасителю, каждому Его дѣйствію, движенію, каждому слову Его небеснаго ученія. Они не устрашились, въ виду озлобленной вражды нечестивыхъ, избрать, торжественнымъ знаменіемъ этой преданности, крестъ, орудіе страшнѣйшей и позор-

Digitized by Google

вѣчной казни, предметъ ужаса и отвращенія всего древняго міра! Понятно, что при этомъ все, что только было освящено прикосновеніемъ Божественнаго Учителя, сдѣлалось тотчасъ, и еще до вознесенія Его, драгоцѣннымъ и незабвеннымъ для вѣрующихъ. Всѣ мѣста, гдѣ протекла Его земная жизнь, которыхъ коснулась Его божественная стопа, были немедленно опредѣлены усердіемъ поклоненіемъ и молитвою первыхъ христіанъ. Для забвенія или перемѣшанія не имѣлось времени. На этихъ мѣстахъ учреждались первыя молельни и вскорѣ соорудились первыя церкви, увѣковѣчившія показанія современниковъ и свидѣтелей. Мѣстныя топографическія преданія страны, драгоцѣнной для христіанъ, заслуживаютъ поэтому полнаго уваженія со стороны науки, которая не можетъ представить никакихъ доказательствъ, что преданія были когда-нибудь насильно прерваны, уничтожены временемъ, и потомъ возобновлены на-обумъ. Случаи совершеннаго прерванія могли быть очень рѣдки, они только изъятія — и недочетъ, производимый ими, легко пополняется выводами изъ цѣлаго, приведеннаго въ надлежащую ясность. Уваженіе къ мѣстнымъ топографическимъ преданіямъ и точный смыслъ священнаго текста, вотъ два превосходныя руководства, доставившія русскому изслѣдователю тѣ прекрасные выводы, которые наука и благочестіе находятъ въ его сочиненіяхъ. Внутренность и окрестности Іерусалима, Галилея, Іорданская долина, Тиверіада, берега Мертваго Моря и другія части Святой Земли, объяснены имъ въ той полнотѣ и томъ

Digitized by Google

совершенствѣ, которыя вполнѣ увлекаютъ убѣжденіе. Мы уже указывали на географію Моисеева Исхода изъ Египта, какъ на одну изъ капитальныхъ статей, которыми ученый русскій путешественникъ истинно обогатилъ археологію, и которыя даютъ ему рѣшительное право на авторитетъ въ наукѣ. Этому свѣтлому изслѣдованію, которымъ все разъясняется, равно какъ и прекраснымъ открытіямъ его въ странѣ Семи Церквей, поспѣшимъ еще разъ принести дань справедливаго удивленія. Повторительное изложеніе подобныхъ подвиговъ эрудиціи, терпѣнія и проницательности, было бы излишне: оно увлекло бы насъ въ подробности, за которыми не легко слѣдовать читателямъ, потому-что, для достаточной оцѣнки ихъ важности, требуется нѣсколько опытное знаніе земель и мѣстъ, обслѣдованныхъ путешественникомъ. Можно удобно говорить здѣсь только о томъ, что̀ видно и ясно издали, безъ далекихъ странствованій; и въ этотъ разъ поговоримъ о древнемъ Египтѣ. Это тѣмъ справедливѣе, что прежде, въ первый разъ, по случаю книги А. С. Норова, мы занимались преимущественно Египтомъ новѣйшимъ, которымъ правилъ тогда знаменитый паша, Мехмедъ-Али. Не болѣе блаженствовалъ Египетъ въ то время отъ пашей султана Махмуда, какъ и нѣкогда отъ сатраповъ царя Камбиза, но теперь, при ничтожныхъ наслѣдникахъ этого расторопнаго Албанца, кажется, стало ему еще хуже. Перейдемъ къ фараонамъ.

Одну изъ любопытнѣйшихъ задачъ археологіи составляетъ открытіе, въ египетскихъ памятникахъ,

Digitized by Google

свѣдовъ пребыванія Израильтянъ на берегахъ Нила во время Плѣна. Съ-тѣхъ-поръ какъ проницательность новѣйшихъ филологовъ нѣсколько приподняла занавѣсъ, покрывавшій содержаніе безчисленныхъ іероглифическихъ надписей, которыя оставила египетская древность, почти всѣ разборщики этихъ письменъ искали въ нихъ упоминанія объ Евреяхъ. Нѣкоторымъ показалось, будто въ одномъ или двухъ іероглифическихъ исчисленіяхъ народовъ, покоренныхъ фараонами, прочитали они слово *Іегуда*, *Іуда*. Но дешифровка эта болѣе чѣмъ сомнительна, и нужно сознаться, что ревность египтослововъ по еврейскому вопросу досель остается довольно непріятно обманута. Это глубокое молчаніе памятниковъ страны о такомъ примѣчательномъ фактѣ въ ея исторіи въ правѣ показаться непостижимымъ: потому-что покореніе, плѣнъ и рабство еврейскаго народа — именно такое событіе, которымъ языческая набожность фараоновъ могла похвастаться передъ своими богами, и которое прежде всего должна она была записать на стѣнахъ храмовъ и монументовъ. Всеобщая ненависть древняго міра къ еврейскому народу происходила изъ чувствъ религіозныхъ. Одинъ онъ, среди всѣхъ народовъ вселенной, вѣровалъ въ единаго и всемогущаго Бога-Создателя, отвергалъ *боговъ*, thei, и не поклонялся идоламъ: на глаза многобожныхъ язычниковъ, которыхъ боги ничего не создали и сами повиновались року, то есть, физическимъ законамъ матеріи, Евреи были *безбожники*, athei, и составляли для всѣхъ предметъ омерзѣнія и ужаса. Жестокія

Digitized by Google

гоненія, которымъ подвергались они отъ Египтянъ, Персовъ, Сирійцевъ, Римлянъ, были слѣдствіемъ этого понятія. Преслѣдовать и искоренять такое «опасное» племя—составляло заслугу передъ богами. Какъ же о плѣнѣ и порабощеніи его не осталось ни малѣйшаго слѣда на египетскихъ памятникахъ, гдѣ всѣ событія политической исторіи такъ тѣсно связаны съ религіей? Это огромное затрудненіе для археологіи совершенно устраняется превосходными изслѣдованіями географіи Исхода, которыми подарилъ ее г. Норовъ. Евреи были въ плѣну у царей Нижняго Египта, содержались на этой оконечности страны, и Исходъ совершился изъ той части ея, которая прилегаетъ къ Средиземному Морю. Всѣ памятники Нижняго Египта истреблены временемъ или многочисленнымъ и дѣятельнымъ народонаселеніемъ, которое употребило матеріялъ ихъ на другія постройки, разбросало и наконецъ уничтожило. Египтословы же искали донынѣ упоминаній о плѣнѣ Евреевъ на древнѣйшихъ памятникахъ Верхняго Египта, которые въ то время находились уже въ запустѣніи, какъ удаленные отъ мѣстопребыванія верховной власти, или принадлежали другимъ династіямъ, чужимъ и вѣроятно враждебнымъ для притѣснителей еврейскаго народа.

Такимъ-образомъ нѣтъ никакой надежды отъискать, въ іероглифическихъ надписяхъ, ни современныхъ ни позднѣйшихъ свидѣтельствъ о плѣнѣ Израильтянъ и объ ихъ выходѣ. Кирпичи, которые они здѣсь дѣлали, употреблялись на постройки Нижняго Египта, которыя давно раз-

Digitized by Google

сыпались въ пыль, такъ что и этотъ слѣдъ ихъ пребыванія исчезъ совершенно. По царскимъ штемпелямъ, которыми снабжены всѣ донынѣ сохранившіеся кирпичи древней Азіи—Египетъ считался частью Азіи—слѣдуетъ полагать, что выдѣлка кирпича принадлежала къ правамъ короны, составляя одну изъ важнѣйшихъ статей государственнаго дохода. Въ земляхъ, гдѣ правительства нерѣдко овладѣвали всею торговлею на свою пользу и гдѣ даже деревья на корню бываютъ обложены пошлиною, подобная фискальная мѣра совершенно естественна. Евреи, поэтому, были казенными невольниками въ Египтѣ и дѣлали кирпичъ для царей. Они содержались на главныхъ заводахъ Дельты, разумѣется, большими массами. Это воспрепятствовало разсѣянію ихъ по всей странѣ и облегчило быстроту общаго сбора для Исхода.

Были ли Евреи употреблены для постройки знаменитыхъ пирамидъ Средняго Египта, въ окрестностяхъ Мемфиса? Нѣсколько разъ, еще недавно, заходила рѣчь о томъ у археологовъ, и вопросъ оставался не рѣшеннымъ. Въ настоящее время такого вопроса и не нужно предлагать. Въ сооруженіи пирамидъ Евреи не могли участвовать, потому-что пирамиды гораздо древнѣе Плѣна и принадлежатъ совсѣмъ другому племени—не тому, которое поработило Іудеевъ, а его предшественнику, первому населенію Египта. Старинный споръ о томъ, съ которой стороны нильская долина получила своихъ жителей, отъ юга ли, изъ Абиссиніи и Мерои, страны источниковъ Нила, или отъ сѣверо-востока изъ Сиріи, этотъ жаркій и упрямый

Digitized by Google

споръ нынче, кажется, разрѣшенъ удовлетворительно для обѣихъ сторонъ. Египетъ населялся съ обоихъ концовъ и въ двѣ различныя эпохи: сперва занятъ былъ выходцами съ юга, а потомъ перешелъ въ руки сѣверо-восточныхъ переселенцевъ. Ежели первый человѣкъ пришелъ въ Африку изъ Азіи—а это не подлежитъ сомнѣнію—то по географической необходимости, онъ не могъ первоначально придти иначе, какъ изъ южной Аравіи въ Абиссинію, кратчайшимъ и удобнѣйшимъ путемъ узкаго пролива, раздѣляющаго въ этомъ мѣстѣ два материка. Потомство его, быстро размножившееся на новой землѣ, изъ Абиссиніи, Эѳіопіи и Мерои, по естественному ходу населенностей, спустилось отъ источниковъ Нила до катаракъ, до Ѳивъ въ Верхнемъ Египтѣ, до Мемфиса въ Среднемъ, и вѣроятно, до половины Дельты, или Нижняго Египта. Населеніе это, знакомое съ моремъ, съ торговлею, съ ремеслами, принесло съ собою вавилонскія и нинивійскія погребальныя идеи—планъ и обычай тѣхъ огромныхъ архитектурныхъ *кургановъ*, которые люди начали строить вскорѣ послѣ Потопа на берегахъ Евфрата и Тигра; которыя мы называемъ *пирамидами*; къ разряду и эпохѣ которыхъ принадлежатъ наконецъ и три насыпные кургана троянскаго взморья, приписанные баснословіемъ Грековъ Ахиллу, Аяксу и Діомеду, и всѣ гигантскія сооруженія Азтековъ, или Строителей, въ первобытной Мексикѣ. *Тевкры*, то есть Трояне, значитъ также—*Строители*. Всѣ эти племена и народы безчисленны. Они существовали въ эпоху-такъ называемыхъ *циклопскихъ по-*

Digitized by Google

строекъ—эпоху *ветхую*, предшествовавшую *древней*, уже намъ извѣстной. Всѣ историческія преданія объ ней исчезли еще при началѣ или второй «древней» эпохи. Эта «ветхая» или циклопская эпоха —послѣднее названіе особенно нравится археологіи—кажется, не писала, хотя и не была совершенно безграмотная: вѣроятно, сочиненія свои вязала на снуркахъ, подобно прежнимъ Мексиканцамъ и Китайцамъ; но *буквъ*, ни іероглифныхъ, ни гвоздеобразныхъ, не употребляла и не знала. По-крайней-мѣрѣ нигдѣ не оставила она надписей на своихъ циклопскихъ строеніяхъ. Пирамиды Абиссиніи, эѳіопской Мерои, египетской Ѳиваиды и Средняго Египта, равно какъ и колоссальное карнакское зданіе, по близости Ѳивъ, относятся именно къ этой безписьменной, циклопской, или ветхой эпохѣ. Ни снаружи, ни внутри ихъ, нѣтъ ни малѣйшаго слѣда надписей, фигуръ или символическихъ изваяній. Слѣдовательно онѣ и не могутъ быть произведеніями эпохи іероглифной, письменной, или «древней», отличавшейся такою рѣшительною страстью къ монументальнымъ надписямъ. Гдѣ же, какъ не на каменномъ гробѣ или саркофагѣ тщеславнаго властелина, соорудившаго такой страшный надгробный памятникъ, каковъ Хеопсова пирамида, или по-крайней-мѣрѣ на стѣнѣ комнаты, въ которой саркофагъ поставленъ, гдѣ же и быть какой-нибудь надписи, для сохраненія памяти объ имени и званіи покойнаго, если бы онъ или его секретарь зналъ грамоту, или если бы религіозныя понятія, быть-можетъ, не запрещали писаній, увѣковѣчивающихъ тлѣнныя мірскія со-

Digitized by Google

бытія? Мы видимъ, что въ подземныхъ гробницахъ царей и подданныхъ позднѣйшей, іероглифной эпохи, эпохи другой религіи, временъ вѣры Изиды и язычества, всѣ стѣны надписями, религіозными изображеніями и даже мірскими картинами, указывающими на занятія и удовольствія усопшаго. Это совсѣмъ другой міръ понятій, другія убѣжденія, дѣла, обычаи и другіе люди, нисколько не похожіе на людей слишкомъ простой или слишкомъ строгой до-іероглифной и до-языческой эпохи. О томъ, что вѣра ветхой, циклопской эпохи враждовала съ вѣрою древней, съ язычествомъ, съ ученіями объ Озирисѣ и Изидѣ, Юпитерѣ и Юнонѣ, и была побѣждена ею, мы имѣемъ положительныя свидѣтельства въ символическомъ преданіи язычниковъ о борьбѣ Юпитера съ Циклопами и торжествѣ его надъ этими могучими врагами. И какая это была вѣра—каждый, нѣсколько знакомый съ языкомъ многобожной символистики, легко выведетъ показаніе изъ одного уже изображенія народовъ ветхой, циклопской, эпохи въ образѣ великановъ съ однимъ круглымъ глазомъ во лбу. Это былъ вѣра *стараго* Геркулеса, долго еще и при язычествѣ сохранявшаяся, въ смѣшеніи съ нимъ, въ видѣ вѣры Одинна, божества съ однимъ круглымъ глазомъ во лбу и оставившая послѣ себя сказанія объ одноглазыхъ народахъ и великанахъ на сѣверѣ. Не знаю, ясно ли это, но я не думаю, чтобы кто-нибудь изъ моихъ читателей могъ вправду принять циклопскіе народы за тѣхъ одноглазыхъ гигантовъ, которые отдѣлывали въ пещерахъ Липары и Этны громовыя стрѣлки для

Digitized by Google

Юпитера. Они превосходно знаютъ, что Циклопа- ая археологія именуетъ простыхъ людей — всѣ вообще народы, жившія до начала «древней» исто- ріи, въ неизвѣстную эпоху построенія Атреевыхъ кладбаровъ, пирамидъ въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ, тиринѳскаго дворца, троянскихъ кургановъ, эт- русскихъ пеласгическихъ стѣнъ и другихъ подоб- ныхъ зданій до-письменной эпохи, и что сказанія о великанахъ Сѣвера, Иліады и Средиземнаго Моря, развиваются одни изъ другихъ, тѣсно дер- жась между собою, какъ выраженія одной религі- озной идеи, одного и того же факта въ исторіи языческой вѣры. Если бы здѣсь можно было поз- волить себѣ довольно значительное отступленіе отъ предмета, которымъ мы заняты и о которомъ остается всегда сказать премногое, то не трудно было бы, я думаю, вывести съ достаточною убѣ- дительностью, что вѣрою Циклоповъ — было шаманство, поклоненіе двумъ враждебнымъ нача- ламъ созданія, доброму и злому, древнѣйшее изъ заблужденій человѣческихъ и котораго безобраз- ные остатки уцѣлѣли еще въ Восточной Сибири, Маньджуріи, а нѣсколько опрятнѣйшіе въ пекин- скомъ дворцѣ китайскаго богдо-хана. Геркулесъ, Одинъ, Мельхартъ и прочіе, были не что иное, какъ олицетворенія шаманскаго совершенства, оставшіяся въ язычествѣ изъ предшествующихъ ему вѣрій, послѣ побѣды вѣры Юпитера надъ вѣ- рою одноглазниковъ. Халдейское язычество со- хранило у себя даже и самый догматъ о двухъ началахъ, котораго любомудріе маговъ не принима- ло. Чтобы предупредить всякое недоразумѣніе,

Digitized by Google

я спѣшу присовокупить, что Халдеи были не народъ, но жрецы, проповѣдывавшіе особенное шамано-языческое ученіе, и что подъ этимъ названіемъ разумѣются въ археологіи они и ихъ послѣдователи.

Религіозныя преданія древняго Египта положительно утверждали, что страна эта первобытно населилась съ юга, и что Нижній, приморскій Египетъ, былъ еще покрытъ водою и болотами, когда Средній гордился уже величественными зданіями.

Послѣ ветхой, циклопской, пирамидной и безписьменной эпохи, наступила въ Египтѣ эпоха, древняя, іероглифная. Съ сѣвера пришли другіе люди и другая вѣра, которой мѣстнымъ законодателемъ былъ или считался Менесъ. Выходцы отъ предѣловъ Аравійской Пустыни и береговъ Сиріи пробрались черезъ пески безводной степи, отдѣляющей Средиземное Море отъ Краснаго, заселили Дельту, постепенно отъ устьевъ Нила по его руслу или русламъ, распространились вверхъ до Мемфиса, Ѳивъ и катаракта, но не далѣе, и этотъ наплывъ новаго народонаселенія смѣшался съ первобытнымъ циклопскимъ слоемъ и наконецъ покрылъ его. Если бы условія естественной необходимости не ручались за несомнительность событія, то самые памятники новой, иніаческой или іероглифной эпохи, въ которыхъ южный, африканскій типъ головъ безпрестанно перемѣшивается и сливается съ сѣвернымъ или азіятскимъ типомъ, могъ бы поставить внѣ всякаго спора тотъ фактъ, что Египетъ населялся дважды, съ двухъ противо-

Digitized by Google

ложныхъ концовъ; что первое народонаселеніе исчезло съ своею вѣрою, обычаями и, вѣроятно, языкомъ также, подъ вторымъ, и что оба народонаселенія оставили на этой почвѣ два совершенно различные разряда памятниковъ, которые долго смѣшивали мы между собою понапрасну, увлекаясь баснями послѣднихъ жрецовъ и довѣріемъ къ нимъ «отца исторіи», Геродота.

Жрецамъ Озириса и Изиды угодно было выдумать для потѣхи суевѣрной толпы сказки, приписывающія построеніе пирамидъ, одной царю Хеопсу, другой царю Мюкерину, третьей — неизвѣстной царевнѣ. Самая физіономія этого преданія должна была предостеречь новѣйшихъ, ученыхъ, что этихъ именъ не должно повторять серіозно въ вѣкъ исторической критики. Пирамиды были безъ надписей, построены во времена до-письменныя, при другомъ племени, подъ вліяніемъ другихъ религіозныхъ идей, и изіаческіе жрецы рѣшительно ничего не могли знать, ни о строителяхъ этихъ исполинскихъ кургановъ, ни о времени ихъ построенія, ни даже о внутреннемъ ихъ расположеніи. Откуда знать имъ это? Входы въ пирамиды были задѣланы и закрыты гранитными обшивками. Одинъ изъ строжайшихъ законовъ вѣры Изиды запрещалъ нарушать вѣчный покой гробницъ. Поэтому никто изъ жрецовъ и не видалъ ни комнатъ, ни спусковъ, ни колодцевъ, ни подземныхъ ходовъ главнѣйшихъ каменныхъ пирамидъ; а разсказывали они все это наобумъ, по аналогіи съ другими пирамидами, маленькими, построенными изъ нежженаго кирпича, которыя, разрушившись

Digitized by Google

отъ времени, случайно доставили имъ приблизительное понятіе о внутренней части подобныхъ сооруженій. Сказки о *подземныхъ ходахъ* повторяются въ окрестностяхъ каждаго развалившагося замка. Не далѣе какъ въ Ревелѣ, гдѣ ни важность мѣста, ни богатство страны не приказываютъ быть ничему необыкновенному, серіозно увѣряютъ странниковъ въ таинственномъ существованіи подземнаго хода изъ города до развалившагося монастыря Бригитокъ, верстахъ въ семи отъ Ревеля. Сфинксъ, высѣченный изъ скалы въ нѣкоторомъ разстояніи отъ большихъ пирамидъ, не имѣетъ съ ними ни малѣйшей связи. Онъ принадлежитъ явственно ко второй, или древней эпохѣ, въ которую изображалъ языческую идею о жизни и смерти. Значеніе сфинкса жрецы конечно понимали, однако не разсказали его Геродоту, или Геродотъ скромничаетъ изъ важности, какъ посвященный въ мистеріи *бога, котораго не позволено ему называть по имени* (Озириса). Но о пирамидахъ мы нынче навѣрное имѣемъ свѣденія гораздо точнѣе всего, что̀ объ нихъ думали и говорили самые ученые жрецы этого бога: потому - что мы гуляемъ внутри пирамидъ, куда они и заглядывать не смѣли.

Здѣсь говорится такъ положительно, что пирамиды были не что̀ иное, какъ курганы или гробницы, а между-тѣмъ еще недавно очень опытные знатоки древности считали нужнымъ прибѣгать къ предположеніямъ о настоящемъ ихъ назначеніи. Мнѣ кажется, что теперь миновала надобность въ этомъ. Мало того, что искони древность

Digitized by Google

признавала ихъ погребальными памятниками въ Египтѣ, Месопотаміи, Этруріи, повсюду, гдѣ онѣ ни существовали: самое названіе ихъ, pyramis, *пирамида*, очевидно оставшееся отъ языка Ветхихъ, удостовѣряетъ въ основательности всеобщаго преданія древности. Египтяне называли ихъ uhram. Аравитяне, ихъ завоеватели, изъ uhram сдѣлали ahram. Это слово значитъ въ коптскомъ языкѣ *могила*, tombeau: черезъ прибавленіе коптскаго грамматическаго члена pi получается pi-uhram, le tombeau. Вотъ какъ образовалось *пюрамъ*, pyramis Грековъ, которые всегда пропускали h варварское, за неимѣніемъ ни этого звука въ своемъ языкѣ, ни знака для него въ своемъ алфавитѣ. Но слово это вовсе не арамитическое и не персское, и не могло придти въ Египетъ изъ Сиріи съ основателями вторичнаго населенія нильской долины, съ вѣрою Озириса и Изиды, происшедшею отъ магизма, и съ ея іероглифною мудростью. Слѣдовательно оно — мѣстное, обломокъ языка Ветхихъ—того же самаго народа, который построилъ пирамиды. Подтвержденіемъ этому выводу служитъ еще то важное обстоятельство, что и эфіопскія пирамиды Мерои донынѣ именуются ohram у туземцевъ, чужихъ языку и племени равно Коптовъ, какъ и Аравитянъ. Коротко сказать, слово uhram — коренное африканское, принадлежащее языку первыхъ поселенцевъ при Нилѣ, *Хамитовъ*, проникшихъ къ берегамъ его черезъ Эѳіопію. Древнѣйшее названіе Египта было, какъ извѣстно, *Хаме* или *Хеме*, знаменитое слово, котораго блестящій оттискъ хранятъ у себя съ по-

Digitized by Google

чтеніемъ всѣ новѣйшіе языки въ названіи науки *хемія*, или *химія*, что значитъ—египетчина. *Хеми*, то есть Хамитами, именовали, какъ кажется, и сами себя первые, или ветхіе обитатели этой страны, безписьменные строители пирамидъ. Вторичное населеніе, древнее, іероглифическое, пришедшее сюда черезъ Сирію, явственно называлось *Коптъ*, и по его имени страна переименовалась въ *Египетъ*. Поколѣніе, которое мы обыкновенно теперь зовемъ *Коптами*, произноситъ само это слово *Гюпти* или, на арабскій ладъ, *Гыбти*, въ чемъ вовсе не трудно узнать источникъ греческаго и латинскаго Ае-*gypti* (начальное *ае*—ничто иное, какъ грамматическая приставка, подобно слогу рі въ словѣ pygmis). Это слово *коптъ* или *гюптъ* Греками не выдумано: оно—подлинное имя поколѣнія, распространившагося изъ Дельты на весь Средній Египетъ и на бо́льшую часть Верхняго. Оно существовало въ самомъ Египтѣ еще при фараонахъ. Доказательство тому — названіе города *Коптосъ*, одной изъ крайнихъ колоній этого поколѣнія на Верхнемъ Нилѣ, посреди инороднаго племени, вѣроятно—посреди остатка ветхихъ Хамитовъ.

Такимъ образомъ вопросъ, донынѣ очень запутанный, о происхожденіи египетскаго племени и египетской образованности получаетъ достаточную ясность. Въ первобытную, ветхую эпоху, нильская долина называлась *Хаме*, и жителями ея были *Хамиты*, пришедшіе съ юга, воздвигшіе въ мѣстоположеніи Ѳивъ карнакскіе чертоги и построившіе пирамиды не въ дальнемъ разстояніи

Digitized by Google

отъ начала Дельты, по образцу тѣхъ, которыя были уже построены ими въ Мероѣ, въ Эѳіопіи, въ подражаніе вавилонскимъ и нинивійскимъ пирамидамъ. Эта всеобщая страсть первыхъ послѣпотопныхъ, еще безграмотныхъ народовъ, къ постройкамъ гигантскихъ размѣровъ изъ огромнѣйшихъ камней, такъ трудно приводимыхъ въ движеніе, совершенно удивительна и стоитъ всего вниманія исторической философіи. Во вторую, древнюю эпоху, долина Нила находилась во владѣніи азіятскаго племени *Гюптовъ*, или Коптовъ, нахлынувшихъ отъ моря, изъ Дельты, съ своимъ азіятскимъ язычествомъ, и отъ которыхъ страна прозвалась *Египтомъ*. Исписанные іероглифами и азіатскими фигурами памятники принадлежатъ этому племени.

Евреи, какъ неопровержимо доказано ученымъ русскимъ археологомъ, находились въ плѣну у властелиновъ Нижняго Египта, слѣдовательно у коптскихъ царей, у настоящихъ *Египтянъ*. Поэтому, они никакъ не могли участвовать въ постройкѣ пирамидъ. Въ Верхнемъ Египтѣ они не бывали, и понапрасну искать тамъ упоминаній объ «Іудеяхъ». Очень примѣчательно, что знаменитое имя Ѳивъ, собственно *Тевъ*, нигдѣ не встрѣчается въ священной повѣсти о Плѣнѣ и Исходѣ, между тѣмъ какъ при господствовавшемъ смѣшеніи понятій, не различавшемъ ни эпохъ, ни образованностей, почитали этотъ городъ за представителя всей славной старины египетской. Нѣкоторые, очень важные, археологи полагали, будто большой городъ *Онъ*, упоминаемый въ еврейскомъ текстѣ,

Digitized by Google

означаетъ Тебы или Ѳивы греческихъ писателей. Но г. Норовъ превосходно объяснилъ, что *Он* было египетское названіе Геліополя, города, лежавшаго не въ дальнемъ разстояніи отъ *Мемфы*, или *Мофа* по свойству еврейскаго произношенія, устранявшаго носовые звуки: — однимъ словомъ, знаменитаго у Грековъ Мемфиса. Стовратые *Тебы* не упомянуты оттого, что они уже не были столицею Египта въ эту отдаленную эпоху древности, уже стояли развалиною послѣ паденія Ветхихъ, и фараоны не водили туда своихъ плѣнниковъ. Если бы поприщемъ Плѣна хотя нѣкоторое время былъ ѳивскій Верхній Египетъ, какъ мѣсто пребыванія царской власти, то, въ еврейскомъ текстѣ, Тебы явились бы непремѣнно подъ своимъ кореннымъ, египетскимъ именемъ: *Тебы*. Это имя опять не Греками выдумано, хотя въ Греціи и существовалъ городъ похожаго названія, Thêbae. Египетскіе Тебы, на-мѣстѣ, и до-сихъ-поръ именуются *Тебами*. На основаніи странной ошибки членовъ французской Египетской Коммисіи, путешественники и археологи были увѣрены, будто подлинное имя Ѳивъ невозвратно потеряно и *Мединетабу*, названіе іероглифныхъ дворцовъ Ѳиваиды, повторяемое туземцами, принадлежитъ арабскому языку и значитъ собственно — *городъ отца*. Какого же *отца*? — можно было тотчасъ спросить у туземцевъ. Но, кромѣ явной несообразности подобнаго значенія, тутъ встрѣчается грамматическая невозможность. Правда, *Мединетабу* можно раздѣлить на *мединетъ* и *абу:* оба слова будутъ арабскія, и одно представитъ смыслъ — *городъ*, а

Digitized by Google

другое — *отецъ*. Но языкъ рѣшительно не позволяетъ поставить ихъ рядомъ въ этомъ видѣ. Если они должны означать «городъ отца», то Аравитянинъ не скажетъ никогда *Мединетъ-абу*, но *Медина-эль-абъ*; если же «городъ отецъ», какой-нибудь «городъ» и какой-нибудь «отецъ», то — *Медине-абу*, но не *Мединетъ абу*; а опредѣлительный «городъ» и опредѣлительный «отецъ» требуютъ сказать *эль Медине эль абъ*. Но дѣло въ томъ, что названіе іероглифныхъ дворцовъ было дурно разслышано ушами неопытными въ арабскихъ звукахъ: не *Мединетъ-абу* произносятъ туземцы, но *Мединетъ Табу*, то есть городъ Табу, и такъ пишутъ они эти слова на бумагѣ. Слѣдовательно, подлинное названіе Ѳивъ, Thêbae, при Египтянахъ, было *Табу* или, быть-можетъ, по другому діалекту, *Тебу*, и Греки измѣнили его очень незначительно, чтобы приноровить къ формамъ собственныхъ именъ своего взыскательнаго языка.

Кто же соорудилъ въ Ѳивахъ эти іероглифные дворцы «города Табу», эти луксорскіе храмы и обелиски, эти безконечныя аллеи сфинксовъ и другія великолѣпія, которыхъ видны тамъ остатки или обломки, болѣе или менѣе значительные, если при язычествѣ Ѳивы не были столицею всего Египта? Мнѣ кажется, что эта задача, съ перваго взгляда такая страшная, разрѣшается очень просто. Прежде всего нужно замѣтить, что ѳивскіе памятники по стилямъ своимъ принадлежатъ нѣсколькимъ различнымъ эпохамъ, такъ, что когда одни воздвигались, другіе уже были развалинами. Нѣтъ возможности ни доказать, ни предположить,

Digitized by Google

чтобы когда-либо они представляли одно величественное цѣлое. Тотчасъ послѣ паденія Хамитовъ, которые, будучи оттѣснены Коптами отъ Мемфиса и Средняго Египта здѣсь держали свое циклопское царство, Ѳивы, Табу, какъ готовая столица, могли на нѣкоторое время сдѣлаться столицею коптскихъ фараоновъ и новой изіаческой вѣры, но, по отдаленности отъ моря, по неудобству для торговли и для военныхъ операцій противъ Сиріи, куда увлекали Коптовъ и происхожденіе и честолюбіе, необходимо были оставлены въ скоромъ времени, и фараоны возвратились въ Средній и Нижній-Египетъ. Впослѣдствіи, когда начались междоусобія, свойственныя эпохѣ и Востоку, Ѳивы бывали неоднократно столицею отдѣльныхъ или удѣльныхъ династій. Верхній-Египетъ, по всѣмъ географическимъ, племеннымъ и торговымъ поводамъ, долженъ былъ отлагаться отъ Средняго и Нижняго при каждомъ удобномъ случаѣ. Эти отложенія подтверждаются, кажется, и памятниками. Луксорскіе храмы нисколько не удивительнѣе храмовъ другихъ городовъ, не украшавшихся титломъ столицъ: нѣкоторымъ даже они уступаютъ въ громадности и художественномъ значеніи; да притомъ они — частью Птоломеевой, частью же римской эпохи. Прочія ѳивскія великолѣпія не стоили ни большаго труда, ни страшныхъ издержекъ: матеріялъ для нихъ взятъ изъ колоссальныхъ сооруженій Хамитовъ, а нѣкоторыя изъ этихъ сооруженій повидимому были только *заново отдѣланы* и исчерчены изіаческими фигурами и іероглифами по вкусу новыхъ вла-

Digitized by Google

дѣльцевъ. Такъ точно Мексиканцы дешево и великолѣпно поселились въ городахъ и зданіяхъ Ацтековъ, которыхъ они истребили и забыли.

Много драгоцѣннаго труда положено въ послѣднее двадцатилѣтіе на разъясненіе исторіи Египта по іероглифическимъ надписямъ его памятниковъ. Усердіе пламенныхъ тружениковъ науки пожертвовало огромныя сокровища ума и терпѣнія на приведеніе такимъ-образомъ въ ясность этихъ безчисленныхъ и запутанныхъ династій, которыхъ разногласящіе списки со словъ жрецовъ составила для насъ классическая древность. Стоило ли дѣло этихъ великодушныхъ усилій? Прежде, чѣмъ приписывать какую-нибудь важность династическимъ спискамъ, нужно было бы удостовѣриться, писали ль Египтяне свою исторію, имѣли ль они понятіе объ исторіи? Смѣло можно было отвѣчать—нѣтъ! Древніе начали заниматься ею только при Птолемеяхъ, послѣ основанія Александрійской Школы. У нихъ *сочинять исторію* значило буквально — сочинять, то есть выдумывать, творить повѣсть о быломъ, въ которой считалось нужнымъ говорить не то, что̀ дѣйствительно было, а то, что̀ говорится, что̀ повторяетъ изобумъ остроуміе, плутовство или тщеславіе, но говорить непремѣнно такъ, чтобы сказаніе выходило красно и удивительно. Выдумывали рѣчи для героевъ; выдумывали подробности; да и самыя дѣла — происшествія, походы, побѣды — нерѣдко позволяли себѣ выдумывать, ради краснаго стиля. Нужно ли, для примѣра, указывать на историковъ Александра Великаго, на небывалый походъ его

Digitized by Google

противъ небывалыхъ Амазонокъ, возникшихъ въ сказкахъ древняго міра изъ Валкюрій или Скьольдъ-мо, воинственныхъ дѣвъ Одиннова рая? И это выдумывалось еще и въ то время, когда исторіей уже занимались какъ полезнымъ знаніемъ, а не какъ потѣшною сказкою. Халдеи, брамины, маги, не писали исторіи — считали даже ее противною богамъ. На какомъ же основаніи мы предполагаемъ, что имъ подобные египетскіе жрецы писали исторію? что они придавали особенную важность точному знанію былаго и сохраненію всегдашней памяти о славныхъ дѣлахъ предковъ? На безконечныхъ спискахъ, состоящихъ изъ одинихъ именъ собственныхъ? Народы стараго міра, всѣ совершенно новые, именно потому, что были новые, очень любили тщеславиться своею древностью. Вотъ совершенно достаточная причина для составленія огромнѣйшихъ списковъ вымышленныхъ именъ царей и династій. И чѣмъ огромнѣе списокъ, тѣмъ сильнѣе удостовѣреніе въ томъ, что весь онъ произвольно выдуманъ. Презамѣчательное преданіе сообщили Геродоту сами же жрецы Озириса и Изиды: царь египетскій отправилъ однажды посольство въ Лидію по очень важному дѣлу — узнать кто древнѣе, Египтяне или Лидійцы. Пошли переговоры, конференціи, протоколы, и со всѣми дипломатическими обрядами рѣшено, что какъ ни ужасно древни Египтяне, а все-таки Лидійцы древнѣе. Но чѣмъ рѣшено? Не хронологіей, не исторіей, не династическими списками, а корнесловными крючками, этимологіей одного пустаго слова! Значитъ, жрецы, которые

Digitized by Google

это *достовѣрное событіе* своей отечественной исторіи разсказывали такъ же серіозно, какъ серіозно слушалъ его Геродотъ, жрецы знали сами, что списковъ ихъ съ этими замысловатыми именами и со всѣми опредѣленіями продолжительности каждаго царствованія, недостаточно для рѣшенія подобнаго вопроса: потому-что они выдуманы ими для другой цѣли! Эти списки могли быть начертываемы самыми остроумными іероглифами на стѣнахъ храмовъ и дворцовъ; только вовсе не съ историческою цѣлью, а какъ лесть основателямъ и возобновителямъ зданій, или какъ шарлатанское, но для толпы необходимое, доказательство, что древность вѣры, храма, его мистерій или особеннаго рода жертвы, поклоненія, заклинанія, восходитъ до начала міра, до временъ царствованія самихъ боговъ на землѣ. Такія же *историческія* затѣи находятся въ индійскихъ Ведахъ; вѣроятно находились и въ книгахъ маговъ, которыхъ язычество признавало древнѣе египетскихъ жрецовъ и которые, поэтому, были ихъ предками. Нѣтъ тоже никакого уважительнаго повода думать, чтобы и въ такъ-называемыхъ «историческихъ картинахъ» іероглифныхъ памятниковъ заключалось что-нибудь истинно-историческое. Это повѣрное аллегорическія картины, которыя изображаютъ въ лицахъ извѣстныя религіозныя идеи или важнѣйшіе случаи въ судьбахъ вѣры—нѣчто въродѣ предметовъ, воспѣтыхъ въ «Иліадѣ». Извѣстна система и страсть язычества превращать всѣ созерцательные выводы свои немедленно въ олицетворительныя дѣйствія и въ миѳы, имѣющіе

видъ дѣйствительныхъ событій. Повторенія одних и тѣхъ же сюжетовъ на памятникахъ различныхъ мѣстъ и различныхъ временъ подаютъ уже сильное подозрѣніе въ иносказательности этихъ изображеній. Самое присовокупленіе къ нимъ надписей *іероглифическихъ*—каждый знаетъ, что это слово значитъ: *священно-ваятельныхъ* — одно уже это показываетъ, что сюжеты мнимыхъ историческихъ картинъ должны относиться къ задачамъ вѣры, а не къ событіямъ исторіи. Чисто-историческое было бы писано гражданскою грамотою, для всеобщаго уразумѣнія и свѣденія, а не таинственною священнописью, понятною однимъ только жрецамъ. Энтузіазмъ нѣкоторыхъ ученыхъ египтослововъ усматривалъ въ этихъ барельефахъ, не только политическіе факты, но даже и портреты царей, поименованныхъ въ династическихъ спискахъ, которыхъ вы знаете историческое достоинство. Но, при пособіи энтузіазма, можно не замѣчать и того, что эти многочисленные портреты сдѣланы всѣ по нѣсколькимъ опредѣленнымъ выкройкамъ.

Это приводитъ насъ невольно къ знаменитому вопросу объ одномъ изъ двухъ огромнѣйшихъ колоссовъ, которые были нѣкогда главнымъ украшеніемъ стовратаго града, а теперь, положивъ руки на колѣни, задумчиво сидятъ среди полей въ ячменѣ деревенскаго старосты. Они глядятъ на востокъ, въ страну солнца. Одинъ изъ нихъ прославился очень простымъ физическимъ явленіемъ, которому язычество поклонялось какъ великому чуду: звучалъ отъ лучей восходящаго

Digitized by Google

солнца, быстро нагрѣвавшихъ его поверхность. Вся языческая древность, которая, кажется, должна бы знать свою вѣру, была убѣждена, что эта мемнонская фигура представляетъ *Мемнона*, то есть, *Яраго*, бѣшенаго, бѣшеника: такъ называли Греки эѳиръ, предполагаемое тончайшее, всюду разлитое вещество, начало боговъ, людей и вещей, основаніе всего существующаго, именно, эѳиръ бушующій и проявляющійся въ видѣ небеснаго огня — молніи, громовъ — коротко сказать, наше электричество — тотъ самый «небесный огонь», за которымъ Прометей ходилъ на Олимпъ въ надеждѣ украсть его у Юпитера и дать посредствомъ его жизнь человѣку. Шамполіонъ-Младшій, умнѣйшій человѣкъ, искусный археологъ, чья геніальная проницательность пролила дивный свѣтъ на систему іероглифическаго письма, Шамполіонъ-Младшій и его горячіе послѣдователи рѣшились доказать язычникамъ, что они ничего не смыслили въ догматахъ своей религіи, и что это просто портретъ царя *Аменофа Третьяго*, значущагося по династическимъ спискамъ подъ *двадцать второю* династіей и царствовавшаго, якобы, около 1680 года до начала нашей эры. Возможно ли это? Такъ что же такое язычники принимали за чудо въ звукахъ, издаваемыхъ колоссомъ *при появленіи солнца?* Зачѣмъ изъ всѣхъ странъ вселенной ходили на поклоненіе этому явленію? Если колоссъ — изображеніе и портретъ смертнаго, а не представленіе религіозной идеи и догмата, не идолъ, то какое кому дѣло до того, звучитъ ли онъ или нѣтъ и когда именно звучитъ? Пусть его

Digitized by Google

звучитъ на здоровье, и во славу покойника! Цезарямъ Германику, Адріану, Северу, особенно, большая нужда класть поклоны передъ фараономъ двадцать-второй династіи за то, что онъ вздумалъ звучать въ одно прекрасное утро! Нельзя же язычниковъ, какъ они ни язычники, принимать за умалишенныхъ. Вѣрно тутъ было что-нибудь по-важнѣе и по-хитрѣе. И къ какой стати императору Септимію-Северу съ набожнымъ усердіемъ возстанавливать въ отдаленной провинціи громадную статую какого-то фараона, разбитую за нѣсколько столѣтій до него, тратиться на нее, въ то время, когда о фараонахъ уже не знали и знать не хотѣли? Но сила и замысловатость дѣла въ томъ, что колоссъ представляетъ скрытый въ эѳирѣ небесный огонь, который, по толку язычниковъ, былъ не что иное какъ волнующійся, разъяренный эѳиръ (Мемнонъ), источникъ движенія и жизни. Эта форма эѳира всегда ужасно интересовала мистическое любомудріе поклонниковъ Юпитера: стоитъ вспомнить таинственные опыты Нумы съ атмосфернымъ электричествомъ. Колоссъ смотритъ на востокъ и ждетъ проявленія другой своей формы въ образѣ солнца. По языческимъ заблужденіямъ, эѳиръ, незримо разлитый повсюду, сгустясь немного въ центрѣ пространства, образовалъ изъ себя солнце, и, вслѣдствіе этой космогонической мечты, мистеріи разсуждали, что солнце есть *эѳиръ видимый*, а эѳиръ есть *солнце невидимое*, по-египетски *аммунъ-ра*, у классиковъ Аммонъ и Jupiter Ammonius; и наоборотъ: небесный огонь (молнія, электричество) есть невидимое

Digitized by Google

солнце въ волненіи или солнце ярое, memnon, amenoph, а солнце ярое въ спокойствіи есть чистый эоиръ, aether, wether, вёдро. Извѣстно, что̀ такое собственно *вёдро*: ясное, яркое, надоблачное пространство, знаменующее хорошую погоду; особенно то пространство, которое знахари хорошей и дурной погоды замѣчаютъ при извѣстныхъ атмосферныхъ обстоятельствахъ, въ восточной сторонѣ неба, около времени восхожденія солнца. Древніе видѣли въ этихъ случаяхъ и мѣстахъ чистѣйшій эоиръ, настоящій цвѣтъ эоира, основнаго вещества міросданія по ихъ религіознымъ теоріямъ. Это былъ для нихъ *эоиръ въ спокойствіи*, состояніе такъ же ясное, свѣтлое, какъ и состояніе небеснаго огня, но между-тѣмъ противоположное *эоиру въ волненіи*, небесному огню, Мемнону, Яру, или Ярому, по-коптски *Аменофу*. Окончаніе *офъ* или *опъ* соотвѣтствуетъ именно греческому kles, славянскому *славъ*, германскому *bert*. Я предпочтительно употребляю здѣсь слово *ярый* или *яръ*, потому-что, по моему убѣжденію, оно означало у нашихъ язычниковъ въ точности то же самое, что у Германцевъ и Скандинавовъ Har, у Персовъ *Аръ*, у Грековъ *Мемнонъ*, и у Египтянъ *Амнъ*. Какъ эоиръ въ волненіи, или эоиръ бѣшеный, Мемнонъ, Яръ, былъ въ то же время символомъ мужескаго начала (Harkleis, Herkules, Ярославъ), и затѣмъ воинственнаго расположенія духа, то въ греческомъ языкѣ это же слово послужило къ образованію имени бога войны, Ares, Марсъ, и слова aretê, мужскость, мужская добродѣтель, virtus. Коротко сказать, блестящій эоиръ, или вёдро,

Digitized by Google

восточная *ясная страна* неба, была въ этихъ умозрительныхъ хитросплетеніяхъ то же, что̀ спящая молнія—небесный огонь, разлитый безъ движенія — тотъ же Мемнонъ, тотъ же Ярый, но только спокойный. Символистика миѳовъ придумала средство выразить явленіе *ясной страны*, популярно, такимъ остроумнымъ образомъ: Мемнонъ былъ сынъ прекраснаго царевича Титона (олицетвореніе восточнаго утра) и Зари. Богиня Заря, влюбившись въ чудное восточное утро до безумія, и выпросила для него у боговъ безсмертіе. Утро не умирало, и въ самомъ дѣлѣ неизвѣстно, гдѣ конецъ утра; оно все растетъ; свѣтъ его нигдѣ не уменьшается до вечера; но состарѣлось такъ, что ему надоѣло быть все утромъ да утромъ, и исходатайствовало оно себѣ позволеніе превратиться въ стрекозу (символъ утра). Примѣните теперь эти хитросплетенія къ знаменитому колоссу. Когда при появленіи солнца на горизонтѣ, каменный истуканъ приходилъ въ звучное сотрясеніе, не имѣли ли жрецы повода и права толковать посвященнымъ, что это служитъ чуднымъ подтвержденіемъ ученія ихъ вѣры! Вотъ, де-скать, какъ небесный огонь въ волненіи, спокойно сидящій на семъ каменномъ стулѣ нѣжно радуется возврату своей другой торжественной формы въ образѣ солнца! какъ звучно привѣтствуетъ онъ ее! такихъ чувствъ не можетъ обнаруживать простой камень; здѣсь обитаетъ божество; этотъ истуканъ самъ Ярый эоиръ лично, самъ Мемнонъ, то же самое, что̀ и Солнце. И язычники съ благоговѣніемъ поклонялись мнимому чуду. Они при-

Digitized by Google

ходили слушать разговоръ эѳира съ солнцемъ — впросту, Юпитера съ Аполлономъ—изъ дальнихъ странъ и въ позднія времена. Такая причина набожнаго восторга ихъ понятна. Но звучащій портретъ неизвѣстнаго царя неизвѣстной двадцать-второй династіи!... Какой промахъ соображенія!

Впрочемъ во многихъ греческихъ и латинскихъ надписяхъ, оставленныхъ странниками, приходившими сюда на поклоненіе, опредѣлительно сказано, что это — идолъ, изображеніе божества (theos, deus), а не портретъ царя или другаго смертнаго человѣка. Павсаній, который вѣрно зналъ толкъ въ дѣлахъ язычества, пишетъ безъ всякихъ двусмысленностей, что онъ видѣлъ колоссальный идолъ *Солнца*, который именуется Мемнономъ, только Ѳиваяне, то-есть Ѳиваяне непосвященные — называютъ его иначе, *Ф'Аменофомъ* (*ф*, *п* или *пи* — членъ), именемъ одного изъ древнихъ царей своихъ. Въ династическихъ спискахъ дѣйствительно встрѣчаются цари Аменофы.

Мемнономъ звали только одинъ изъ двухъ колоссовъ одинаковой величины, позади которыхъ былъ огромнѣйшій храмъ для мемноновыхъ таинствъ, Memnonium, имѣвшій полверсты длины въ оградѣ и посвященный, безспорно, самымъ высоконаучнымъ эѳирнымъ утонченностямъ, въ которыя египетскіе жрецы, какъ видно изъ «Фрагментовъ» ихъ ученика, Пиѳагора, любили углубляться безконечно. Одно присутствіе такого храма могло бы удостовѣрить, что Мемнонъ, или Аменофъ, было очень важное мистическое лицо языческаго неба, а не царь какой-нибудь династіи.

Digitized by Google

Какъ колоссовъ впереди храма было два и одинъ изъ двухъ изображалъ ярый эѳиръ, *невидимое солнце*, небесный огонь, скрытый въ эѳирѣ, то, если жрецы любили логику и симметрію, второму колоссу слѣдовало изображать простое, *видимое солнце*, которое, по нимъ, вылилось изъ этого небеснаго огня, проявляющагося смертному зрѣнію при волненіяхъ эѳира.

Мы сейчасъ увидимъ, что это дѣйствительно такъ и было. Но между-тѣмъ этотъ знаменитый въ египтословіи случай съ Мемнономъ, котораго произвели въ историческія лица на основаніи дешифрованной надписи, можетъ служить образчикомъ того поверхностнаго направленія, которому еще недавно слѣдовало изученіе іероглифныхъ монументовъ. Священнописную надпись втораго колосса Шамполіонъ-Младшій разобралъ съ удивительнымъ инстинктомъ филологической истины и перевелъ ее такъ вѣрно, какъ только дозволяли это новость собственныхъ его открытій и тогдашняя общая неопытность въ символистическомъ языкѣ древнихъ. Но перевода своего самъ онъ не понялъ. Увлекшись мечтою важныхъ *для исторіи* открытій, онъ перетолковалъ его въ сторону, совсѣмъ противоположную прямому смыслу словъ. Переводъ Шамполіоновъ долженъ быть очень близокъ къ удачному, когда онъ превосходно согласуется почти во всѣхъ выраженіяхъ съ тѣмъ, чему научились мы гораздо позже изъ лучшаго знакомства съ символистикою и изъ сравненія памятниковъ египетскихъ съ другими языческими, открытыми впослѣдствіи въ изобиліи. Небольшія

Digitized by Google

погрѣшности происходятъ единственно отъ неправильнаго разъединенія нѣкоторыхъ словъ, связанныхъ между собою грамматикою и смысломъ: таково въ особенности выраженіе — *Горусъ, царь-солнце, сынъ солнца*, *Аменофъ, смиритель ясной страны*, вмѣсто *Горусъ, царь Солнце, сынъ царя Солнца Яраго* (аменофа), *смирившагося въ ясной странѣ*, то-есть въ Вёдрѣ, гдѣ катится солнце и гдѣ ярый или волнующійся эѳиръ является въ спокойномъ, свѣтломъ состояніи. *Ясная страна* нѣдь не требуетъ *смирителей:* она потому и ясна, что существенно смирна, спокойна. Для іероглифической дешифровки подобныя погрѣшности совсѣмъ незначительны. Случались не такія! Но объ Аменофѣ, какъ египетскомъ царѣ, нѣтъ и помину въ надписи. Этой ошибки можно было избѣгнуть посредствомъ простаго соображенія, что двухъ подлежащихъ въ одномъ предложеніи быть не можетъ, и что когда уже имѣется именительный падежъ, *Горусъ*, то *Аменофъ* можетъ явиться только въ родительномъ. Да притомъ же, *Аменофъ* (*Мемнонъ*) было искони названіемъ не этого колосса, а другаго, рядомъ: такъ какъ же *Аменофъ* можетъ стоять здѣсь въ именительномъ падежѣ и навязываться въ собственное имя статуѣ, которая уже имѣетъ другое имя и сосѣда обкрадывать не наймрена? Самая надпись не есть эпиграфъ для колосса. Это, не поясненіе значенія статуи, но, напротивъ, мистическая молитва солнцу, которой жрецы, несомнѣнно, приписывали особенную силу; инвокація, похожая болѣе на заклинанія, изъ которыхъ состоятъ Веды браминовъ. Такъ же

Digitized by Google

какъ въ Ведахъ, самое божество учитъ смертныхъ этой таинственной молитвѣ: самъ идолъ Солнца привѣтствуетъ ею восходящее солнце.

ПЕРЕВОДЪ НАДПИСИ.

Новый.	*Прежній* (Шамполіона).
Здравствуй (euge! chaire!), свѣтлѣйшій владыко Вышнихъ и Нижнихъ, законоучитель, давшій миръ вселенной, Горусъ (*Аполлонъ, Солнце*), великою силою твоею низвергшій Нечистыхъ (*Хамитовъ, покольнія циклопской эпохи и шаманскаго толка*), царь Солнце, научившій людей истинѣ (*вѣрѣ Озириса и Изиды*), сынъ царя Солнца Яраго (*или Ярослава, Аменофа, Мемнона*), смирившагося въ Ясной Странѣ (*въ Вёдрѣ*), любимецъ царя боговъ, Невидимаго Солнца (*Аммунъ-Ра, эфира неволнующагося, непримѣтнаго глазу*).	Се царственный владыко Верхнихъ и Нижнихъ странъ, исправитель нравовъ, содержащій въ мирѣ вселенную, Горусъ, великій своею силою, поразившій Варваровъ, царь солнце, владыко истины, сынъ солнца, Аменофъ (Мемнонъ), смиритель ясной страны, любимый Аммономъ-Ра, царемъ боговъ.

Слѣдовательно, это идолъ Горуса, или «Солнце»! На другомъ колоссѣ, на Мемнонѣ, который то же солнце, только въ другомъ, особенномъ видѣ, была неизбѣжно такая же инвокація, съ потребными измѣненіями въ мистическихъ титулахъ. Павсаній правъ во всѣхъ словахъ своихъ; только мы его не понимали. Разумѣется, что, по толку жре-

Digitized by Google

ивъ, вся эта инвокація, высказывалась таинственнымъ звучаніемъ колосса, освѣщеннаго восходящимъ солнцемъ, и что свою іероглифическую надпись выдавали они за переводъ этого звучанія. Это не только согласно съ ихъ привычною методою, но и подтверждается достаточно одною изъ надписей поклонниковъ, приводимою г. Новымъ: въ присутствіи императора Адріана опытъ звукопроизводства, по-видимому, не вполнѣ удался; статуя, говоритъ надпись, пробормотала только въ честь ему: *здравствуй!*... (начальное слово инвокаціи, не совсѣмъ точно переведенное у Шамполіона указательнымъ *се*, или *вотъ*). Значитъ, надпись даже очень остроумна. И какъ скоро языческая набожность вѣрила этому толку, то всемірная слава колосса и великая ревность стекавшихся отвсюду поклонниковъ совершенно естественны.

Такъ вотъ къ какому бѣдному назначенію низводится знаменитѣйшій изъ египетскихъ памятниковъ, принимаемыхъ за *историческіе*, лицеподобный монументъ, по-видимому великаго, но никому неизвѣстнаго Аменофа III, въ которомъ уже рѣшались видѣть прославленнаго Рамсеса или Сесостриса. Прежній нашъ выводъ совершенно оправдался на-опытѣ: писанное священно-ваяніемъ не можетъ быть историческое, а должно относиться непремѣнно къ предметамъ вѣры.

Нѣтъ нужды утруждать читателей изложеніемъ филологическихъ основаній, принятыхъ въ руководство при исправленіи Шамполіонова перевода, впрочемъ совершенно незначительнаго. Смыслъ

Digitized by Google

словъ вездѣ тотъ же, только формы словъ точнѣе, согласнѣе съ дѣломъ. Послѣ простаго устраненія нѣкоторыхъ явныхъ погрѣшностей противъ логическаго смысла, все здѣсь становится такъ просто, чисто и понятно, все такъ строго входитъ въ порядокъ идей, выраженій и пріемовъ язычниковъ, древнихъ и новѣйшихъ, западныхъ, сѣверныхъ и восточныхъ, что одна логика въ силахъ отстоять естественность и основательность поправокъ. Понимать Египтянъ не такъ трудно, какъ обыкновенно воображаютъ. Язычество существуетъ донынѣ — коренное язычество — со всѣми своими старинными теоріями и толками — у буддистовъ, у браминовъ, у парсовъ, и у разныхъ мелкихъ сектъ азіятскихъ. Гдѣ классическіе письменные обломки или памятники западной и восточной древности недостаточны, тамъ справки могутъ быть подведены изъ этихъ достовѣрныхъ источниковъ. И когда видишь, что доставляемыя ими свѣденія вполнѣ согласуются съ этими уцѣлѣвшими писаніями, памятниками, и еще отлично ихъ поясняютъ — исчезаетъ сомнѣніе въ единствѣ общихъ началъ, на которыя язычество опиралось повсюду. Остальное получается изъ приложеній. Есть возможность дешифрировать миѳы такъ же вѣрно и ясно, какъ дешифрировали іероглифныя и гвоздеобразныя писанія. И дѣло уже начато. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ никто объ этомъ и не думалъ. Всюду видѣли исторію и искали исторіи.

Принявъ *Яраѳо* или *Ярослава* (Harbert, Albert, Аменофъ) за одного изъ египетскихъ царей, по

Digitized by Google

недосмотру въ падежахъ, Шамполіонъ понялъ, что *владыко Верхнихъ* и *Нижнихъ* странъ (неба и земли) должно значить *Верхняго* и *Нижняго Египта* (а Средній-то куда дѣвался?). Но, въ такомъ случаѣ, какъ же фараонъ, царствовавшій въ Верхнемъ и Нижнемъ Египтѣ, могъ въ то же время царствовать и за облаками, въ другой странѣ — въ *Ясной Странѣ* Вёдра? Тамъ есть свой царь, Солнце. Одно уже соблюденіе логической связи между этими двумя мѣстами текста измѣняетъ весь смыслъ надписи.

Чтобы не подать мѣста упреку въ произвольной передачѣ русскими словами Шамполіонова толкованія этой надписи, здѣсь употребленъ русскій переводъ словъ незабвеннаго египтолога, составленный г. Норовымъ. Вѣрнѣе и искуснѣе невозможно было бы передать выраженій французскаго ученаго.

Еще нѣсколько словъ о Мемнонѣ или, правильнѣе, о Мемнонахъ. Это — самыя таинственныя лица языческой ѳеологіи и символистики. Долго своими запутанными миѳами утомляли они проницательность и терпѣніе тружениковъ сравнительной археологіи. Мемноновъ, Ярыхъ, или Эѳировъ въ волненіи и въ спокойствіи, то есть, сокровенныхъ языческихъ ученій объ эѳирѣ, было три: Мемнонъ Ассирійскій, или теорія маговъ объ этой мнимой «душѣ міра»; Мемнонъ Эѳіопскій, или, теорія египетскихъ жрецовъ, распространявшаяся до Мерои въ Эѳіопіи; и, наконецъ, Мемнонъ Сѣверный, толкъ объ эѳирѣ, принятый въ Греціи, Тавридѣ и Скиѳіи. Этотъ послѣдній эѳиръ является

Digitized by Google

въ «Иліадѣ» подъ таинственнымъ именемъ Ага-Мемнона; въ убѣжденіи древнихъ Грековъ, ихъ собственный Мемнонъ былъ и лучше, и умнѣе, и старше, и даже сердитѣе всѣхъ прочихъ Мемноновъ — настоящій *Ага*-Мемнонъ. Трояне, изъ породы Тевкровъ, или Строителей, породы, оставшейся отъ циклопской эпохи, великаны другаго толка, взяли у брата его, черезъ своего царевича, какую-то очень красивую шкатулку, helenê, вѣрно съ эѳирными тайнами, и увезли къ себѣ въ Три-Кургана — въ Трою. Кто таковъ долженъ быть братъ Ага-Мемнона, это показываютъ два брата, два истукана, сидѣвшіе передъ ѳивскимъ храмомъ *мемнóнства*. Менелай неизбѣжно — олицетвореніе кроткаго, тихаго эѳира, противоположнаго ярому — свѣтлаго эѳира въ спокойствіи — хорошей погоды и, вмѣстѣ, теплаго солнца. Какъ бы то ни было, Мемнонъ собралъ всѣхъ своихъ великановъ, взялъ съ собою Ахилла, происшедшаго отъ Ѳетіды и Пелея, и пошелъ на своихъ злодѣевъ войною, съ намѣреніемъ добыть, во что̀ бы то ни стало, обратно helenê, эту драгоцѣнную шкатулку. Геродотъ говоритъ, что Гомеръ ошибается: добыть обратно было невозможно, потому-что helenê шкатулка, *находилась тогда не въ Троѣ, а у Египтянъ*, въ Ѳивахъ. Что̀ онъ этимъ хотѣлъ сказать, неизвѣстно. Онъ разсудилъ про то съ египетскими жрецами. Но тонъ, какимъ онъ такъ рѣшительно противорѣчитъ Гомеру, показываетъ, что дѣло идетъ вовсе не о женщинѣ *Еленѣ*, а о какомъ-то предметѣ, называвшемся по-гречески тѣмъ же словомъ, helenê; по всей лексикографи-

Digitized by Google

ческой вѣроятности объ ящикѣ, шкатулкѣ или другомъ мистическомъ ларѣ, гдѣ можетъ-быть хранились сокровеннѣйшія ученія мистерій. Читатель явственно попадаетъ въ этомъ мѣстѣ въ бездну символистики, въ самый глубокій мракъ олицетвореній. Борьба была упорна и продолжительна. Но Мемнонъ не отставалъ. Наконецъ Строителямъ пришлось плохо. Обратились они къ друзьямъ за помощью. Пришелъ Мемнонъ Ассирійскій, эѳиръ маговъ. Пришелъ и Мемнонъ Эѳіопскій, эѳиръ египетскихъ жрецовъ. Ничего не могли сдѣлать. Мемнонъ, эѳиръ Грековъ и Скиѳовъ, всѣхъ побѣдилъ при содѣйствіи человѣка. Вѣрно, зато Геродотъ и не любилъ Гомера, что онъ далъ убить подъ Троей эѳіопскій эѳиръ мудрыхъ его наставниковъ и друзей, египетскихъ жрецовъ. *Одиссей* или *Улиссъ* (въ языкѣ Осковъ греческое Д превращается въ Л, и вмѣсто УДИССОС пишется УЛИССОС), значитъ также *гнѣвный, сердитый, ярый*. Это опять другое олицетвореніе яраго эѳира, толка о небесномъ огнѣ, торжествующаго надъ шаманскимъ ученіемъ; уничтожилъ Полифема, т. е. *Велемолва* (мистическое прозваніе *стараго* Геркулеса). Странствованія Одиссея просто— странствованія языческаго ученія при его началѣ. Таковъ сюжетъ гомерическихъ поэмъ. Это — иносказательная исторія борьбы и утвержденія язычества на сѣверѣ. Зато «Иліада» и «Одиссея» слыли у древнихъ мудрѣйшими изъ всѣхъ книгъ, какъ верхъ символистическаго искусства въ популярномъ видѣ, гдѣ самымъ замысловатымъ образомъ высказаны глубочайшія соображенія

Digitized by Google

многобожной мудрости и такъ искусно, что посвященные назидаются, а толпа читаетъ какъ сказку и ничего не догадывается. Это и составляло великую прелесть Гомеровыхъ поэмъ для древнихъ. Безъ этого, онѣ и въ тѣ времена показались бы такими же тяжелыми и скучными, какъ кажутся теперь. Славою своей у древнихъ язычниковъ обязаны онѣ своему таинственному ѳеологическому смыслу. Чѣмъ глубже ученые язычники ихъ изучали, тѣмъ болѣе открывали въ нихъ мудрости и тѣмъ большее питали къ нимъ уваженіе, которое дошло наконецъ до фанатическаго благоговѣнія. «Иліада» и «Одиссея» сдѣлались почти священными книгами. Никакая критика на нихъ не была терпима. Гомеръ заслужилъ храмы, и александрійскіе ученые, которые болѣе всѣхъ утвердили это раболѣпное удивленіе глубокомыслію Гомера, оказались впослѣдствіи самыми закоснѣлыми язычниками. Вотъ краткая исторія Мемноновъ и Ага-Мемноновъ. Я хотѣлъ только пояснить ею мое убѣжденіе, что они ни подъ какимъ видомъ не могутъ принадлежать къ политической исторіи.

Теперь послѣдуемъ еще за ученымъ путешественникомъ въ Малую-Азію.

II.

Малая Азія очень долго не удостоивалась прилежнаго вниманія любителей древности. Черезъ Малую Азію, странствующее любопытство обыкновенно спѣшило поскорѣе пробраться къ чудесамъ настоящаго Востока или возвратиться отъ

Digitized by Google

ихъ въ Константинополь и на Западъ, мало заботясь о встрѣчаемомъ на ея негостепріимныхъ дорогахъ. Путешествія по этому чудному полуострову, на который природа расточительно высыпала свои великолѣпнѣйшія красоты и свои драгоцѣннѣйшіе дары, вообще возбуждали весьма посредственный интересъ въ западныхъ. Одинъ лишь уголокъ полуострова, голая и скучная Троада, казался предметомъ исключительно достойнымъ классической заботливости странниковъ и школьнаго энтузіазма домосѣдовъ, пока безплодные поиски и тщетныя ожиданія не утомили тѣхъ и другихъ. Малая Азія, при всемъ отсутствіи славной исторіи и слѣдовъ высокаго или особеннаго искусства, представляетъ однако огромную занимательность для воображенія и сочувствія нашего. «Путешествіе къ Семи Церквамъ» доказало эту истину совершенно неожиданнымъ образомъ. Подъ скромнымъ, тѣснымъ, чисто спеціяльнымъ заглавіемъ, не являющимъ притязанія ни на многообъемлемость, ни на новость, блестящее и свѣдущее перо русскаго путешественника умѣло живописно соединить поэтическую сторону земель полуострова съ ихъ древнимъ историческимъ значеніемъ и нынѣшнее горестное состояніе страны, подъ гнетомъ грубаго ига мусульманскаго, съ тѣмъ глубокимъ и трогательнымъ интересомъ, который можетъ и должно имѣть для христіанина поприще начальныхъ шаговъ Вѣры Спасителя за сирійскими предѣлами и уже гласнаго торжества небесной истины надъ тьмою стариннаго нечестія. Нѣтъ нужды повторять свидѣтельства того

Digitized by Google

высокаго ученаго уваженія, которое всегда сохраняли мы къ превосходнымъ трудамъ главы и образца русскихъ путешественниковъ по Востоку. Но между путешествіями г. Норова, этотъ чрезвычайно примѣчательный томъ всегда увлекалъ въ свою пользу наше пристрастіе. Рядомъ съ любопытными разъисканіями, касающимися исторіи и географіи полуострова, среди прелестныхъ описаній мѣстностей — страницъ часто исполненныхъ удивительной поэзіи — и соображеній церковной археологіи, подтверждающихъ спеціяльность заглавія, но размѣщенныхъ съ большимъ искусствомъ и вкусомъ, это — полная, живая картина — можно сказать, исторія — первыхъ апостольскихъ подвиговъ, первой борьбы евангельскаго ученія съ изумленнымъ и негодующимъ язычествомъ, первыхъ успѣховъ удивительно быстраго развитія и распространенія христіанства. Малая Азія, благодаря равномѣрно ученому и благочестивому воззрѣнію автора, становится богатѣйшимъ предметомъ, не только любознательнаго, но и благоговѣйнаго изученія. До-христіанскія и христіанскія воспоминанія страны воскресаютъ вдругъ повсюду, и отлично поясняются однѣ другими. Этотъ двойственный интересъ ея превосходно обнаруженъ и достойно поддержанъ на всѣхъ страницахъ книги, которая, несмотря на свою изслѣдовательную форму, читается съ увлеченіемъ, совершенно непривычнымъ въ мало-азійскихъ путешествіяхъ. Къ сожалѣнію, второю частью ея двойнаго достоинства, безспорно самою важною, истинно драгоцѣнною для церковной исторіи и

Digitized by Google

церковной археологіи, трудно было бы заняться въ удовлетворительномъ видѣ, на страницахъ журнала, посвященнаго исключительно мірскимъ предметамъ. Воздавъ ей полную дань почтенія, мы ограничимся бесѣдою о нѣсколькихъ вопросахъ, принадлежащихъ всеобщей исторіи и къ которымъ Малая Азія подаетъ естественный поводъ.

Сравнительное равнодушіе европейской эрудиціи къ Малой Азіи, частью, происходило отъ фантастическихъ теорій индо-германизма, которыя должны были нѣкоторое время воспользоваться у энтузіастовъ тѣмъ большею славою, чѣмъ менѣе согласовались съ логическими правдоподобіями частью же оправдывалось нынѣшнею безцвѣтностью полуострова, нѣкогда перваго на землѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Если люди вышли въ Европу изъ блаженныхъ странъ Азіи — а этого оспаривать никакъ невозможно — то они неизбѣжно вышли отъ единственной удобопроходимой границы ея съ Европою, изъ сѣверо-западной части Малой Азіи, съ береговъ двухъ проливовъ, Геллеспонта, нынѣ Дарданеллъ, и Босфора, нынѣ Константинопольскаго Канала. Но замѣчательно, что въ Малой Азіи, на такой важной оконечности материка, въ странѣ, бывшей главнымъ поприщемъ дѣятельности народовъ и племенъ во времена распространенія рода человѣческаго къ сѣверо-западу, не осталось почти никакихъ памятниковъ первобытнаго ихъ могущества, тогда какъ земли, болѣе внутреннія, болѣе тихія и лѣнивыя донынѣ усѣяны гигантскими сооруженіями первобытной эпохи. Это произошло, конечно, отъ самой

Digitized by Google

же дѣятельности человѣка, брошеннаго сюда судьбою или жаждою прибыли. На полуострова, какъ мѣстоположенія самыя удобныя для промысловъ и торговли, всегда и вездѣ стремились люди предпочтительно. Ни одинъ полуостровъ не обладалъ такимъ завлекательнымъ сосѣдствомъ какъ Малая Азія, отдѣленная лишь двумя узкими полосами воды отъ плодородныхъ и еще дѣвственныхъ земель Европы. Этнографіи извѣстно нынче, не по теоріямъ, а практическимъ и самымъ положительнымъ образомъ, что отдѣльныя поколѣнія и ихъ мелкіе языки образуются всегда въ горныхъ долинахъ, какъ природныхъ крѣпостяхъ, въ которыхъ собственность и независимость защищаются самымъ легкимъ и вѣрнымъ образомъ. Внутреннія горы мало-азійскаго полуострова, подобно горамъ кавказскаго перешейка, были поэтому очень рано наполнены множествомъ поколѣній и языковъ, по необходимости происхожденія сосѣдняго—слѣдовательно, персидскаго: другаго тутъ быть не могло — развѣ только въ юго-восточномъ углу Малой Азіи, гдѣ, по смежности съ Сиріей, представлялся случай арамо-арабскому началу къ небольшому приливу своей крови и рѣчи въ ближайшія долины. При сильномъ движеніи поколѣній отъ горъ полуострова къ его морскимъ берегамъ и проливамъ, доставлявшимъ столько удобствъ къ предпріимчивости, столько надеждъ на обогащеніе и благоденствіе, ни одно поколѣніе не могло основать большой и долговременной державы, которая бы славу свою увѣковѣчила величественными сооруженіями. По географическому

Digitized by Google

мѣстоположенію, старая Малая Азія, до перваго порабощенія своего персидскою, сирійскою, египетскою или другою южною державою, необходимо была постояннымъ позорищемъ притока, толкотни и смѣси мелкихъ народовъ и крошечныхъ владѣній полу-торговаго и полу-воинственнаго характера, которые другъ у друга усердно вырывали обладаніе берегами и проливами, основывали приморскіе города, наживали богатства, посылали колоніи въ необитаемую еще Европу и исчезали подъ наносными слоями новыхъ завоевательныхъ поколѣній, выходившихъ изъ горъ безпрерывно. И мы видимъ, что четыре знатныя «поколѣнія», всѣ разноязычныя, но всѣ персородныя и постепенно усилившіяся до званія «племенъ», выбыли такимъ образомъ за проливы — греко-италійское, кельтское, германское и славянское, кромѣ множества мелкихъ, поглощенныхъ этими.

Слѣдствія подобнаго состоянія понятны: оно должно было истощить и обезсилить полуостровъ дотого, что быстро населившаяся и разжившаяся Европа вскорѣ стала посылать обратно свои поселенія на прежнюю родину народовъ своихъ, на ближайшіе къ проливамъ берега Малой Азіи. Много ли нужно времени на это? Въ три столѣтія Европа — хотя Атлантическій Океанъ нѣсколько пошире Дарданелль и Босфора — наполнила Америку также четырьмя разными племенами и дала ей уже тридцать наличныхъ милліоновъ европейскаго населенія, несчитая того, что̀ перешло въ Африку, Австралію и Индію. Иберійскій Полуостровъ — Испанія и Португалія — истощился

Digitized by Google

страстью къ колоніямъ въ полтора столѣтія. Почему знать! придетъ можетъ-быть время, что въ свою очередь Америка, продолжая населяться все болѣе и болѣе европейскими выходцами, найдетъ наконецъ для себя выгоднымъ отправлять колоніи въ Европу и начнетъ обратное дѣйствіе на нее съ Иберійскаго же Полуострова, который открылъ путь къ заморскимъ переселеніямъ. Судьбы человѣчества вѣчно обтекаютъ одну и ту же орбиту, которой видъ очень близокъ къ правильному кругу. Что при нашихъ глазахъ совершается, то уже неоднократно бывало въ прошедшемъ и много разъ еще повторится въ будущемъ. Повторится ли возвратъ и къ варварству, какой уже дважды испытала образованность, въ первый разъ послѣ циклопской эпохи, а во второй разъ послѣ римской, между четвертымъ и одиннадцатымъ столѣтіями, во время такъ-называемаго *переселенія народовъ?* Полагаютъ, что этого уже невозможно: варварскихъ народовъ уже почти нѣтъ на землѣ; остатки ихъ слишкомъ слабы, да и тѣ скоро исчезнутъ. На это можно возразить, что, во-первыхъ, насчетъ *переселенія народовъ*, или миграцій, новѣйшая эрудиція находится въ большомъ заблужденіи. *Переселеній народовъ* никогда не бывало, а были только походы или ополченія воинской части нѣсколькихъ варварскихъ державъ, поочередно бросавшихся на разрушающуюся римскую имперію въ надеждѣ на добычу или на завоеванія. Нигдѣ эти ополченія, даже самыя удачныя въ результатѣ, не утвердили своихъ языковъ, и не обновили племенъ, въ покоренныхъ

Digitized by Google

областяхъ. Языки и племена утверждаются на чужой сторонѣ только настоящими колоніями. Варварство образованной Европы произошло не отъ наплыва необразованныхъ варваровъ, но отъ войнъ и внутреннихъ устройствъ, вызвавшихъ эти набѣги. Войны, междоусобія, внутренніе безпорядки, могутъ и въ будущемъ произвести варварство, безъ пособія настоящихъ варваровъ, и не смотря на книгопечатаніе. Во-вторыхъ, самыя же книги, своимъ необъятнымъ множествомъ, въ состояніи произвести наконецъ невѣжество, грубость, дикость, однимъ словомъ — варварство — и потребовать новаго возрожденія наукъ и искусствъ. Давно ли началось книгопечатаніе? — лѣтъ четыреста, не болѣе! — а уже какая бездна книгъ! и какія жалобы на ихъ множество! и какъ уже много книги потеряли изъ своей прежней важности и прелести, изъ стариннаго всеобщаго къ нимъ уваженія! Что же будетъ черезъ тысячу четыреста лѣтъ, когда число печатныхъ сочиненій достигнетъ билліона! Не нужно Омаровъ: необходимость заставитъ топить книгами бани, чтобы очистить свѣтъ отъ хлама. Равнодушіе и презрѣніе къ книгамъ могутъ произойти изъ самой ихъ безчисленности и отъ невозможности объять памятью литературу и даже главныя ея творенія. Въ новомъ печатномъ Вавилонѣ, гдѣ всѣ понятія, правила, теоріи перепутаются, гдѣ самыя противорѣчащія ученія сольются въ одну неразглядную бездну, кто станетъ читать книги порядочно, систематически, полезно для ума или сердца? Книги будутъ истреблены книгами же. Творенія, ко-

Digitized by Google

торымъ мы теперь удивляемся, истлѣютъ и забудутся совершенно: никто не рѣшится пожертвовать издержками на перепечатаніе бывшихъ образцовыхъ произведеній, писанныхъ на устарѣлыхъ и едва понятныхъ языкахъ, дикими для будущихъ вкусовъ слогами. Ничто такъ не поддерживаетъ языковъ и слоговъ какъ книгопечатаніе. Антикварій какой-нибудь отроетъ на чердакѣ знаменитой библіотеки полу-гнилой экземпляръ творенія, отъ котораго мы нынче въ восторгѣ или которому быть-можетъ не придаемъ никакой важности, и спишетъ съ него копію для себя, для друзей или для знаменитой библіотеки. Несмотря на изобрѣтеніе книгопечатанія, даже вслѣдствіе самаго книгопечатанія, свѣтъ возвратится къ рукописнымъ литературамъ, ежели только станетъ думать о литературахъ. Кто можетъ сказать, къ чему ведутъ родъ нашъ нынче пары и желѣзныя дороги! Избалованныя удобствами общества предадутся лѣни, новымъ страстямъ, невѣдомымъ направленіямъ. Просвѣщеніе быть-можетъ станетъ передаваться электрическими телеграфами въ достаточномъ количествѣ для ихъ потребностей. Во всякомъ случаѣ книгопечатанію угрожаетъ большая опасность отъ самихъ же его послѣдствій. Понапрасну приписываютъ ему необычайную важность въ судьбахъ человѣчества: важность эта была дѣйствительною, пока книгъ, журналовъ, газетъ, водилось меньше; но въ наше время, когда нашъ материкъ одинъ производитъ въ двѣнадцать мѣсяцевъ до ста тысячъ новыхъ томовъ, она съ каждымъ годомъ падаетъ все болѣе и бо-

Digitized by Google

ніе. Острое слово, удачное изустное изрѣченіе, облетаетъ свѣтъ съ удивительною быстротою: то же самое, будучи напечатано, уже ни кѣмъ не повторяется потому только, что оно стало всякому доступно и можетъ быть извѣстно дѣтямъ. Печать лишаетъ литературу половины эффекта. Все это сказано только въ удостовѣреніе того, что книгопечатаніе не спасетъ человѣка отъ варварства, если другіе двигатели общественные приготовятъ и рѣшатъ новый возвратъ его, для правильности обновленія племенъ и народовъ; и что происходящее теперь между Европою и Америкою являетъ собою довольно вѣрное повтореніе того, что̀ нѣкогда, въ исходѣ циклопской эпохи, происходило между Азіей и Европою, за чѣмъ и послѣдовало первое варварство. Малая Азія, истощась, перешла въ руки другихъ поколѣній персидскаго же сосѣдняго корня. Наконецъ новыя державы, возникшія за ея предѣлами вмѣстѣ съ новою образованностью, подчинили полуостровъ постороннему игу. Отъ циклопской эпохи, которая предприняла колонизацію Европы, остались на его почвѣ одни лишь исполинскіе курганы и немногіе слѣды обводныхъ циклопскихъ стѣнъ. Отъ сирійскаго или, если угодно, египетскаго владычества, вѣроятно непродолжительнаго, не сохранилось въ Малой Азіи никакихъ памятниковъ; отъ нинивійскаго и персидскаго — почти никакихъ. Всѣ извѣстныя древности полуострова принадлежатъ временамъ македонскимъ и римскимъ. Донынѣ не представили онѣ ничего особенно важнаго для исторіи

Digitized by Google

искусствъ и образованности, и Малая Азія не славилась въ ученомъ мірѣ.

Но индо-германство, еще болѣе чѣмъ недостатокъ въ памятникахъ, повредило законной важности Малой Азіи въ соображеніяхъ европейской науки. Историческое любомудріе, обманутое корнесловными фокусами, было увлечено на берега Ганга открытіемъ санскритскаго языка въ книгахъ браминовъ, и въ Индіи стало искать начала западныхъ народовъ. Важный шагъ къ опредѣлительности и ясности сдѣлала бы первобытная всеобщая исторія, если бы, отказавшись отъ фантастическихъ ипотезъ и руководствуясь опытнымъ наблюденіемъ, рѣшилась она прежде всего утвердить у себя двѣ простыя практическія истины, а именно — что Европа получила первое народонаселеніе свое не иначе какъ путемъ колонизаціи— и что колоніи эти не могли произойти ни откуда болѣе какъ изъ Малой Азіи, съ ея богатыхъ береговъ, и преимущественно изъ окрестностей проливовъ. Не за чѣмъ странствовать въ Индію, на зло географіи, черезъ пустыни и непроходимыя горы, когда санскритскій языкъ не что иное какъ одинъ изъ діалектовъ великаго царства персидской рѣчи и когда многіе діалекты того же царства, совершенно близкіе къ границамъ Европы, являютъ въ разныхъ подробностяхъ сходство съ европейскими языками еще разительнѣе санскритскаго. Индо-германство охотно причисляетъ языки шведскій, датскій, готскій, англійскій, къ царству германской рѣчи, хотя Германецъ, Нѣмецъ, Теутъ, der Deutsche, не въ состояніи понять въ нихъ поч-

Digitized by Google

ни ни одного слова. Между-тѣмъ эти языки гораздо далѣе отъ нѣмецкаго, чѣмъ санскритскій отъ старо-персидскаго. Теперь еще можно насчитать въ Азіи персородныхъ языковъ около сотни: но въ древности было ихъ несравненно болѣе; долины Малой Азіи, Каспійскаго Перешейка и Индійскаго Кавказа кипѣли мелкими, но отдѣльными языками персидскаго происхожденія; на одномъ Кавказскомъ Перешейкѣ Римляне считали сто языковъ. Занимая средину материка, старо - персидская рѣчь, богатая интонаціями, удивительно плодородная на видоизмѣненія, имѣла совершенно равныя права и удобства пустить отъ себя многочисленныя и разнообразныя отрасли къ юго-востоку на индійскій полуостровъ, какъ и къ сѣверо-западу на мало азійскій, къ сѣверу въ Арменію, въ Грузію, въ Кавказскія Горы, въ Мидію, Парѳію, Харезмію, Согдіану, Бактрію, къ востоку въ Кабуль и Кашмиръ и къ югу къ Персидскому Заливу. Никто не станетъ спорить, что напримѣръ армянскій и грузинскій языки не персородные, не вылились прямо изъ персидской рѣчи посредствомъ особенныхъ мѣстныхъ интонацій. Между-тѣмъ съ перваго взгляда, тотъ и другой кажутся еще менѣе похожи на персидскую рѣчь, чѣмъ языки нѣмецкій или славянскій. Въ добросовѣстномъ языкознаніи, этого совсѣмъ достаточно, чтобы согласиться, что четыре племенныя рѣчи европейскаго населенія вылились также прямо изъ общей рѣчи персидской, въ ближайшемъ сосѣдствѣ ея и Европы, не имѣвъ ни малѣйшей нужды переходить черезъ санскритскій діалектъ, ровно столько же персородный какъ

Digitized by Google

и они, и существенно принадлежатъ къ древнѣйшимъ кореннымъ языкамъ Малой Азіи, какъ сѣверо-западныя отрасли этой основной рѣчи. Самое пламенное филологическое воображеніе не открыло бы, конечно, въ настоящее время ни малѣйшаго признака германской, славянской или кельтійской рѣчи въ горахъ и долинахъ Малой Азіи: слѣды этихъ языковъ уже въ древности истерты были господствомъ фригійскихъ діалектовъ, близкихъ къ сосѣднимъ языкамъ, грузинскому и армянскому, потомъ залиты наплывами мидійскаго, персскаго, парѳскаго, наконецъ греческаго и турецкаго. Но тѣмъ не менѣе, по географической необходимости, до перехода своего въ Европу, европейскіе языки помѣщались въ Малой Азіи, и были въ ней самыми важными, именно потому, что перешли и не поглотились другими.

Убѣдясь въ этой неизбѣжности, не трудно, по размѣщенію европейскихъ племенъ въ Европѣ, опредѣлить правдоподобно первобытныя родины ихъ на мало-азійскомъ полуостровѣ.

Почти все населеніе нашего материка, раздѣленное на четыре племени и четыре рѣчи — положительно персородное. По причинѣ этого общаго начала они равномѣрно и сродны и чужды между собою какъ внуки и внучки одного дѣда. Самая лишь незначительная часть этого населенія не принадлежитъ, по крови и рѣчи, къ персидской семьѣ, и проникла сюда, не черезъ проливы Малой Азіи, а въ другое открытое отверзтіе материка, именно уральскимъ путемъ, изъ Сибири, постепенно распространяя свои кочевья по верхнему сѣверу

Digitized by Google

до Балтійскаго Моря. Это—поколѣнія чудской или финской породы, вышедшія изъ семьи монгольской и развѣтвившіяся, въ одну сторону, по сѣверо-восточной Россіи, которая нѣкогда была наполнена ея мелкими языками, а въ другую, черезъ Камчатку и Курильскіе Острова, по всей старой Америкѣ. Нѣтъ слѣда, чтобы чудская порода проникла въ Европу гдѣ-либо южнѣе Балтійскаго Моря. Всегда оставалась она въ кочевомъ или звѣроловномъ состояніи, придерживаясь своихъ сибирскихъ привычекъ, всегда была пристрастна къ суровымъ климатамъ и дебрямъ, разбросана, слаба и, только по безвредности, терпима въ той части Европы, которую заранѣе успѣла занять до появленія персородныхъ поселеній. Въ немногихъ лишь случаяхъ, подъ предводительствомъ необыкновенныхъ людей своего или другаго племени, рѣшалась она на воинскія предпріятія и показала свое мужество: во все прочее время смирно оставалась подъ гнетомъ персородныхъ поколѣній, которыя брали съ нея дани или врѣзывались въ ея области, учреждая тамъ свои поселенія, торговыя, земледѣльческія или военныя, и постепенно изглаживая туземные языки и нравы порабощенныхъ жителей.

Персородныя поколѣнія, вышедшія въ Европу изъ Малой Азіи, не могли быть другаго рода или ремесла какъ земледѣльческія, промышленыя, торговыя и мореплавательныя, по однимъ уже свойствамъ полуострова. Перекочевать въ Европу черезъ морскіе проливы нѣтъ возможности. Нужно было посылать колоніи, а для этого слѣдовало, во-первыхъ, быть прибрежными и во-вторыхъ

Digitized by Google

до извѣстной степени богатыми. Съ этой стороны предстояли мало-азійскимъ поколѣніямъ два пути въ Европу, Геллеспонтъ и Босфоръ. Древнѣйшими сосѣдями и владѣльцами Босфора, нужно полагать, были Галлы (Уалы, Валы, Волы, Велы, Фалы или Хвалы), прозванные у Грековъ Кельтами и называющіе себя донынѣ Кимрами. Населивъ своими колоніями противоположный берегъ Босфора и всю Ѳракію, они послали поселенія, по Черному Морю, въ Тавриду, и съ этой стороны поднялись довольно далеко на сѣверъ по Дону и Волгѣ, врѣзываясь въ кочевья чудскихъ поколѣній, знакомыхъ съ уральскимъ золотомъ. Во Ѳракіи кельтское населеніе должно было умножиться очень скоро: извѣстно, какимъ образомъ возрастаетъ колоніяльная населенность. Въ семнадцати милліонахъ нынѣшняго населенія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ не наберется и пяти милліоновъ людей чистой англійской породы: все остальное—инородцы, принявшіе или старающіеся принять языкъ первыхъ колонистовъ, въ которомъ присутствіе ихъ причинило уже сильныя поврежденія, несмотря на охранительное дѣйствіе литературы, мірской и духовной. Лишь только первое поселеніе какого-нибудь народа и языка процвѣтетъ на новой землѣ, къ нему стремятся выходцы изъ разныхъ странъ и племенъ, и самая разнородность этихъ людей заставляетъ ихъ сливаться языкомъ и нравами съ первыми поселенцами. Языкъ отъ этой смѣси необходимо измѣняется до извѣстной степени. Колонія быстро становится полнымъ народомъ, и высылаетъ отъ себя поселенія все далѣе

Digitized by Google

и далѣе. Къ этимъ вторичнымъ поселеніямъ присоединяются новые выходцы также различнаго происхожденія; слѣдуютъ новыя сліянія породъ и новыя измѣненія языка; одновременно во многихъ мѣстахъ возникаютъ нарѣчія, которыя, смотря по успѣхамъ колоній, могутъ или сдѣлаться въ свою очередь отдѣльными языками того же первоначальнаго корня или остаться мелкими его діалектами. Другой теоріи образованія языковъ и нарѣчій у земледѣльческихъ и осѣдлыхъ народовъ допустить нельзя: завоеванія безъ поселеній не измѣняютъ языковъ; здѣсь, въ борьбѣ находятся только два элемента, послѣ чего или побѣдители, по малочисленности, усвояютъ языкъ побѣжденныхъ, или побѣжденные, по той же причинѣ, подчиняются языку побѣдителей; но, въ наибольшей части случаевъ, тѣ и другіе остаются навсегда каждый при своемъ языкѣ. Для измѣненія языка въ нарѣчіе нужно продолжительное стеченіе нѣсколькихъ элементовъ, то есть постоянная примѣсь множества разноязычныхъ людей, которые бы по необходимости подчинялись мѣстному языку, искажая его долго, каждый на свой ладъ, своимъ особеннымъ акцентомъ, своей интонаціей. Такимъ, непремѣнно, образомъ возникло на европейской почвѣ обширное племя кельтское, между - тѣмъ какъ на мало-азійскомъ берегу Босфора колонизирующее поколѣніе Кельтовъ истощалось переселеніями и защитою своей выгодной родины отъ зависти и жадности сосѣдей. Что оно первое съ этой стороны населило Европу своими колоніями, это доказывается тѣмъ, что Кельты заняли пре-

Digitized by Google

краснѣйшія по климатамъ, плодородію почвы и торговымъ удобствамъ полосы новаго материка— долины Дуная, Днѣстра, Рейна, Галліи, сѣверную Италію, всю Испанію, Португалію, весь берегъ океана и Британскіе Острова. Тогда, по-видимому, родиною Кельтовъ на мало-азійскомъ берегу Босфора, быть-можетъ тою же Галатіей, куда часть ихъ впослѣдствіи воротилась, овладѣли два поколѣнія германскія, Туты и Юты (Теуты и Готы), подвинувшіеся изъ восточной части Виѳиніи. Утвердясь на Босфорѣ, Теуты стали также основывать поселенія свои въ Европѣ, но уже съ оружіемъ въ рукахъ. Нужно было вытѣснить Галловъ изъ Ѳракіи и отнять у нихъ дунайскую долину, чтобы проникнуть внутрь материка, до Германіи. Они размножились и раздѣлились на народы, языки и нарѣчія также черезъ постоянный приливъ разноплеменныхъ выходцевъ къ ихъ колоніямъ на почвѣ новаго материка. Но необходимость вести безпрестанныя войны съ первыми поселенцами должна была придать ихъ обществамъ грубый и свирѣпый характеръ и послужить первымъ началомъ будущей дикости средней Европы. За Теутами послѣдовали прямо съ южнаго берега Чернаго Моря, какъ кажется, Готы (Йоты, Юты, Йеты, Геты, или Яты, Ятвинги, Ятва), люди слывшіе великанами и привычные къ морю, и переправились въ Тавриду, которую отняли у Галловъ; отсюда поднялись по Волгѣ за золотомъ до Асгарда (Гелона, Великихъ-Болгаръ), тогда какъ другая часть ихъ, овладѣвъ Дакіей, покоряла или прогоняла отъ береговъ нижняго Дуная и нижняго Днѣстра рав-

Digitized by Google

но кельтскія какъ и теутскія колоніи. Съ одной стороны по Вислѣ и Нѣману, а съ другой по Днѣпру и Двинѣ Готы проникли до Помераніи и Скандинавіи, оставляя внутри земель свои поселенія, для владычества надъ чудскими поколѣніями, но преимущественно ища для себя приморскихъ мѣстоположеній. Земледѣліемъ, по-видимому, мало прельщались Готы: морская торговля и разбои на морѣ и на большихъ рѣкахъ, или витяжество, были любимымъ ихъ занятіемъ. О древнихъ Скандинавахъ и вообще о Готахъ, господствуютъ въ нашихъ книгахъ очень странныя понятія: основываясь на дерзкихъ предпріятіяхъ ихъ витязей, весь народъ принято почитать за скопище наѣздниковъ. Между-тѣмъ витяжеству и, вообще, воинскому ремеслу, посвящали себя только благородные; низшій классъ, напротивъ, поставлялъ отважныхъ торговыхъ мореплавателей. Сѣверные Готы, подъ именемъ Иперборeевъ, то есть Норманновъ, слыли въ древности одно время народомъ богатымъ и счастливѣйшимъ въ мірѣ.

Когда германскія поколѣнія истратили свои силы у Босфора, этотъ уголъ полуострова перешелъ во власть Вендовъ (Вятовъ), и Хрвовъ, Срвовъ или Сливовъ (Хорватовъ, Сербовъ, Славовъ), и началась славянская колонизація Европы. Должно полагать, что Венды вышли изъ горъ Пафлагоніи и нѣкоторое время обладали всѣмъ берегомъ отъ Синопа до Босфора, отправляя, быть-можетъ въ союзѣ съ Готами, колоніи свои за море, и вмѣстѣ съ ними вытѣсняя теутскія и кельтскія поселенія изъ Ѳракіи, Дакіи, Гетіи и Паннонія:

Digitized by Google

этимъ только можно объяснить повсемѣстныя сосѣдства и связи Вендовъ съ Готами и разбивку ихъ поколѣнія на колоніи, очень отдаленныя другъ отъ друга. Явственно, переходили они въ Европу съ двухъ разныхъ точекъ, отъ устья Босфора въ Черное Море по Дунаю до Адріатики, Стиріи и Виндибоны (Вѣны), на Лехъ и на верхнюю Вислу, гдѣ послѣ и сидѣли Ванды, и отъ Синопа, черезъ Тавриду или черезъ Таманъ, на Донъ, Волгу, Оку и Каму до *Асъ - гарда* или *Асъ - Боргаръ* (Великихъ Болгаръ), города съ золотыми крышами, въ чудской области Вудовъ (Вотяковъ), основывая на всей этой полосѣ города, бывшіе очень долго — еще совсѣмъ недавно — извѣстными подъ названіемъ *городовъ вятскихъ*, то есть, вендскихъ. По временамъ бывали они очень въ этой сторонѣ и распространяли владѣнія свои далеко на югъ. Вятовъ-то Византійцы называли Антами, то есть Вандами. (Въ византійскомъ правописаніи *нт* произносится *нд*, и *Анты* должно произносить *Анды*). Главный городъ ихъ, Великіе - Болгары у восточныхъ и западныхъ лѣтописцевъ, и въ скандинавскихъ сагахъ, попеременно является то готскимъ, то славянскимъ. Греки звали его Гелономъ, Gelonòs, то есть *яснымъ городомъ*, переводя готское названіе его As-gard или As-borgar. Въ сагахъ онъ иногда именуется, согласно показанію Геродота, *городомъ Утовъ*, Ut-gard, по мѣстоположенію своему въ землѣ Вотяковъ, или Вудиновъ, которые и сами себя называютъ *Утъ*, *Удъ* или *Вудъ*. Въ огромные промежутки между вендскими поселеніями бросили колоніи свои Сербо - Славяне (Хрвы,

Digitized by Google

Сувы и Славы) посреди смѣси кельтскихъ, деутскихъ и готскихъ поселеній, когда не могли проникнуть ихъ и уничтожить. Появленіе Вендовъ и Сербо-Славянъ между прежними поселенцами должно было послужить источникомъ раздоровъ и войнъ. Вскорѣ средняя и сѣверная Европа погрузилась въ варварство, близкое къ настоящей дикости.

Сѣверо-восточная часть ея, съ перваго появленія Готовъ между Чернымъ и Балтійскимъ Моремъ, которые въ разныхъ мѣстахъ этой полосы основали свои поселенія, приняла названіе Руси, то есть *земли щитовъ*, по обыкновенію дозволять употребленіе двухъ родовъ щитовъ, rûs и skjold или skjod, только благородному военному классу и называться имъ по роду этихъ щитовъ Рюсами и Скьолдами или Скьодами. Это-то названіе Греки черноморскихъ колоній превратили въ знаменитое слово Skyth (*Скиѳъ*), Скиѳъ. На Востокѣ, въ Азіи, Готы западныхъ лѣтописей и Скиѳы греческихъ во всѣ времена были называемы не иначе какъ *Рюсъ* и *Урюсъ*, вмѣсто *Бурюсъ*, великій щитъ. Въ древнѣйшихъ богатырскихъ сказкахъ Персовъ и Армянъ и въ переводахъ греческихъ сказокъ объ Александрѣ Великомъ, повсюду и всегда слово *Скиѳъ* восточные замѣняли словомъ *Рюсъ*. Готское Море (Балтійское) писали они: *море русское*. Норманновъ, какъ готскій народъ, именовали также *Рюсъ* и это имя для Норманновъ было впослѣдствіи отъ нихъ принято въ Византіи. Геродотъ положительно говоритъ о *Руси*, и именно о *Великой Руси*, но по риторскому обычаю своему передавать отечествен-

Digitized by Google

ными словами варварскія собственныя имена которыхъ значеніе было ему растолковано, онъ, какъ пуристъ, замѣняетъ слова *Бо рюсъ*, Великіе щиты или Великороссія, греческимъ словомъ Gherroi, которымъ означался родъ огромнаго щита, бывшаго въ употребленіи и у Персовъ. Герры его помѣщались между Могилевомъ, Смоленскомъ и Тверью. Тутъ же, послѣ него, александрійскіе географы назначали мѣсто *Бо - русіи*. За многія столѣтія до Геродота извѣстны были термины *Великая Скивія* и *Малая Скивія*, или, все равно, Великорусія и Малорусія. Это доказывается чисто готскимъ названіемъ Днѣпра *Бо-рюс-тенъ*, «Великой Руси рѣка»; а древность и общеупотребительность этого термина засвидѣтельствованы невозразимо названіемъ греческой колоніи *Борюстениты*. Слово *Днѣпръ*, которое въ средніе вѣка писали Danaprіs, также подлинное готское: dan oprі значитъ *верхъ рѣки* или *верхняя* рѣка; dan istri (Днѣстръ) — низъ рѣки или нижняя рѣка. Слѣдуетъ допустить, что нѣкогда всѣ эти три названія относились къ одному руслу: полное протяженіе его называлось *Бо-рюсъ-данъ*, Великорусская рѣка; верхняя часть выше Кіева, *Данопръ*; а нижняя — *Данистръ*. Въ теченіе времени первое вышло изъ употребленія, а послѣднее перенесено у насъ къ Днѣстру, котораго настоящее имя и теперь *Тура*, какъ было въ древности. Но нижняя часть Туры и въ древнія времена навѣрное была также называема Dan-istri, потому-что точно такъ же называлась еще и нижняя часть Дуная. Изъ этого слова, откинувъ слогъ dan (рѣка) и взявъ

Digitized by Google

только вторую половину istri (низъ), Греки сдѣлали свой благозвучный терминъ Ister. Собственно Дунай называется *рѣка А, Ай* или *Ау*, Dan-A, Dan-Ay, Dan-Au. Готы, Русы, Бо-Русы, Великіе Щиты, или *настоящіе Скивы*, искони составляли во всей Скиѳіи, по показанію Геродота, *царствующее сословіе*, которому всѣ племена безпрекословно повиновались. Они хлѣба не сѣяли—жили или ходили дружинами по всему пространству Скиѳіи, но въ *землѣ огромныхъ щитовъ*, въ Геррахъ, между Смоленскомъ и Тверью, были *чрезвычайно многочисленны*. Отсюда они иногда появлялись потомъ въ грозномъ видѣ на югѣ подъ именемъ *Смолянъ*, по гречески Peukini (отъ слова peukos, смола) и *Тиверцевъ* (отъ рѣки или города Твери). Другое важное поселеніе Готовъ было Полѣсье въ землѣ Несторовыхъ Древлянъ, Геродотовой Hylaea, гдѣ они назывались Йотами, Ятами или Ятвингами, и гдѣ одни уже имена царей ихъ, *Аріовистъ*, *Эрикъ*, или Арикъ, и царевича *Анахарсъ*, ясно указываютъ на ихъ породу. Въ Асгардѣ или Великихъ-Болгарахъ они вмѣстѣ съ Вендами господствовали надъ всею древнею уральскою торговлею Грековъ, Харазмо-Персовъ и Перміи, или Бярміи. Въ Тавридѣ или по-крайней-мѣрѣ въ восточной части ея, оставались они подъ двойнымъ именемъ «Готовъ» и «Русовъ» постоянно, до весьма поздняго времени, и по этому-то случаю Тмутаракань входила въ кругъ владѣній русскихъ князей. На Червленной Руси имѣли также свое поселеніе. У Нѣмана же и Вислы сидѣли совсѣмъ другіе Готы. Разумѣется, что *царствующіе* въ Скиѳіи Готы были Готами

Digitized by Google

только потому, что пополняли свои дружины выписными соплеменниками изъ Померанiи и Скандинавiи и что, можетъ-быть, для объясненiй съ ними, старались по-возможности не забывать ихъ языка. Во всемъ прочемъ, гдѣ владѣнiя ихъ были наполнены Славянами или Финнами, тамъ они по языку и нравамъ навѣрное ничѣмъ не отличались отъ Славянъ и Финновъ. Когда славянскимъ или финскимъ поколѣнiямъ удавалось освободиться отъ ихъ опеки, они имъ же служили дружинами. Наконецъ, часто Славяне сражались въ рядахъ Готовъ и Готы въ рядахъ Славянъ, какъ союзники, такъ, что въ весьма многихъ случаяхъ этихъ двухъ народовъ невозможно различить между собою.

Нужно еще прибавить, что никогда Готы не забывали бывшей своей родины, Малой Азiи, и, когда позволяли обстоятельства, спѣшили грабить ее всѣми силами. Преслѣдуя бѣгущихъ обратно въ Азiю Кельтовъ они однажды разорили и завоевали значительную часть Персiи. Неудивительно, что слово *Русь* было искони такъ хорошо извѣстно Востоку, для жителей котораго оно составляло пугалище. Греки и Римляне знали его точно такъ же какъ и Азiятцы, но писатели ихъ, изъ риторства, предпочитали употреблять болѣе классическiй терминъ, *Скивъ*.

Оракiя необходимо принадлежала нѣкоторое время Сербо-Славянамъ. Здѣсь-то, подобно Кельтамъ и Теутамъ, поколѣнiе ихъ умножилось разнородными выходцами изъ Азiи до степени народа и племени. Здѣсь, и въ Дакiи, по-видимому,

Digitized by Google

образовались ядра главныхъ языковъ славянскихъ. Не Сербо - Славяне не были послѣдніе охотники въ Малой Азіи до отправленія колоній въ Европу. Макды (Македонцы), Трибаллы, Скордиски, Траки, оттѣснили ихъ отъ Босфора и сами утвердились во Ѳракіи. Эти не пошли далѣе. Европа уже была полна. Послѣ Кельтовъ, каждое новоселяющееся племя занимало все менѣе и менѣе пространства для своихъ колоній и не столько уже удалялись отъ Босфора. Послѣдніе же поселенцы остались въ его окрестностяхъ. Этотъ порядокъ населенія западнаго материка кажется естественнымъ, яснымъ, совершенно практическимъ. Имъ просто и легко объясняется вся путаница распредѣленія племенъ, поколѣній и языковъ въ Европѣ.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ Босфора, у Дарданеллъ, происходило точно такое движеніе персородныхъ поколѣній Малой Фригіи и Мизіи. Оски и Туски отправляли поселенія свои черезъ сѣверную Грецію въ Италію. Эллины посылали колоніи въ Пелопонезъ и Аттику, пока на мѣста ихъ не поступили выдвигавшіеся изъ ущелій Тавра поколѣнія фригійскія, съ языками близкими къ нынѣшнему грузинскому, и пока изъ нихъ не образовалось царство Лидійское. Оски, Туски, Этруски, выводили себя отъ Лидянъ и на памятникахъ своихъ употребляли фригійскія эмблемы. Преданіе это значитъ только то, что въ памяти ихъ сохранилось темное воспоминаніе о происхожденіи изъ Малой Азіи, но поселенія ихъ оставили этотъ полуостровъ гораздо прежде нашествія фригійскихъ поколѣній на его берега и основанія Лидійскаго

Digitized by Google

Царства. Съ Лидянами Креза, они, по языкамъ своимъ, не могли быть въ прямомъ родствѣ. Связь съ ними подкрѣплялась болѣе смысломъ собственныхъ именъ, чѣмъ лексиграфическими доводами: Italos значитъ—*быкъ*, Italia—*бычачья земля*, *Фрюгы* (Фригія) происходитъ также отъ *фюръ* (по-грузински *фуръ*), быкъ, и *Фрюгія*, слѣдственно, значило то же что *Италія*, бычачина. Столица главнаго царства Фриговъ называлась *Сарыи*, Sardis, *корова*, (по-грузински *сари*). На этомъ основаніи Лидяне и почитались древнѣйшимъ въ мірѣ народомъ, отъ котораго лестно было выводить свое начало. По странному ученію персидскихъ маговъ и индѣйскихъ браминовъ, родъ человѣческій произошелъ отъ коровы. Быкъ, въ языческой символистикѣ, означалъ мокрое начало природы.

Но поселенія персородныхъ поколѣній Малой Азіи въ Греціи и Италіи значительно разнились мѣстными обстоятельствами съ колоніями Кельтовъ, Германцевъ и Славянъ въ остальной части Европы. Эти болѣе похожи на насильственную колонизацію Мексики Испанцами, чѣмъ на мирное занятіе Сѣверной Америки англійскими поселенцами. Греція и Италія были уже обитаемы. Здѣсь жили *великаны*, heroës, Циклопы, Геркулесичи, Одноглазники, которые построили во многихъ мѣстахъ гигантскія стѣны, башни, амбары. Нужно было выгнать этихъ Гераклитовъ изъ этихъ укрѣпленій. Они и были вытѣснены. Но всѣ миѳологическія преданія язычества согласно свидѣтельствуютъ о грозномъ возрастѣ Гераклитовъ и порабощеніи ими новыхъ колоній. Послѣдовала про-

Digitized by Google

должительная борьба, племенная и религіозная, въ которой погибла навсегда первобытная образованность эпохи «героической», то есть великанской. Сказочное дѣйствіе «Иліады» происходитъ еще въ самую эту эпоху, между прямыми великанами съ той и другой стороны, европейскими и мало-азійскими, и гораздо древнѣе первыхъ поселеній Эллиновъ въ Греціи.

Кто были эти люди, которыхъ древность называла великанами? Искуснѣйшіе изъ современныхъ знатоковъ памятниковъ усматриваютъ въ первобытной цивилизаціи Италіи и Греціи явное вліяніе Сиріи, Ниневіи и Египта. Въ такомъ случаѣ нужно допустить, что первыми обитателями Европы были поселенцы, отправленные сюда тѣми же людьми, которые строили пирамиды на берегахъ Тигра и Нила. Можетъ-быть греческія преданія желали выразить это сказкою объ участіи Финикійцевъ и Египтянъ въ населеніи и образованіи Эллады. Въ преданіяхъ этихъ вѣроятно слиты въ одни факты героической эпохи съ событіями чисто-эллинскаго времени.

Изложивъ услуги, оказанныя Малой Азіею Европѣ, которая положительно ей, а не Индіи, обязана своими остроумными народами и прекрасными языками, обратимся къ царству Лидійскому. Въ его исторіи заключается вся извѣстная исторія независимой Малой Азіи. Здѣсь я воспользуюсь прекрасными замѣчаніями автора «Путешествія», которыми, къ моему счастью, можетъ подтвердиться многое здѣсь сказанное. Лучше, свѣтлѣе, основательнѣе ничего нельзя читать о Лидійскомъ Цар-

Digitized by Google

ствѣ и его столицѣ. Къ сожалѣнію, по ограниченности мѣста, я долженъ значительно уменьшить размѣры этой превосходной картины лидійскаго былаго и сущаго.

«По мѣрѣ приближенія къ *Сардису*, вамъ откры-«ваются два высокіе хребта живописныхъ горъ; «первый рядъ этихъ горъ состоитъ изъ скалъ съ «разодранными шпицами, а вершины втораго хреб-«та правильно закруглены и увѣнчаны снѣгомъ. «Разгромленныя и покрытыя прахомъ развалины «Сардиса прислонены къ тремъ совокупленнымъ «вмѣстѣ горамъ Тмолуса; стѣны города, отъ обры-«вистыхъ высотъ, на одной изъ которыхъ былъ «акрополисъ, или цитадель, сходили въ три ряда, «въ обширную равнину, омываемую золотоноснымъ «Пактоломъ; на горизонтѣ этихъ долинъ, къ сѣ-«веру встаютъ огромные, надгробные курганы ца-«рей сардисскихъ, эти *пирамиды* варварскихъ на-«родовъ; одинъ изъ этихъ кургановъ высится, «какъ исполинъ, надъ прочими. Таковъ первый «видъ мѣста, гдѣ былъ Сардисъ, второй по Римѣ «своимъ великолѣпіемъ и только уступавшій Ва-«вилону. Я глядѣлъ на картину его опустошенія, «сидя на мраморныхъ ступеняхъ амфитеатра, на-«ходящагося на полвысотѣ средней горы и куда «я съ трудомъ добрался по грудамъ поверженныхъ «зданій. Лощина, огибающая эту гору, привела «меня черезъ обвалы стѣнъ къ самому великолѣп-«ному остатку Сардиса; то былъ храмъ *Кивелы*, «*матери боговъ*, древнѣйшій памятникъ іоническа-«го зодчества. Среди грудъ стѣнъ, карнизовъ, «архитравовъ, капителей чистаго бѣлаго мрамора,

Digitized by Google

«встаютъ только двѣ величественныя и огромнаго «размѣра колонны; не только капители, образецъ «изящнаго рѣзца, но весь гармоническій рисунокъ «этихъ колоннъ приковываетъ къ себѣ все внима- «ніе набредшаго на нихъ путника... Можно ска- «зать, что эти двѣ колонны храма Кивелы соста- «вляютъ теперь весь Сардисъ! Подобныя зрѣлища «глубоко поучительны для человѣка и труды путе- «шественника тѣмъ вознаграждаются...

«Съ вершины Тмолуса цитадель Сардиса, по- «добно какъ ареопагъ въ Аѳинахъ, господство- «вала надъ столицею Креза. Не достигнувъ еще «половины высоты, я нашелъ нѣсколько рядовъ «мраморныхъ ступеней отъ сохранившагося амфи- «театра. По мѣрѣ подъема на гору видъ окрест- «ныхъ равнинъ Сардиса развертывается ежеми- «нутно живописнѣе. Темя горы, на которой выси- «лась цитадель, и куда доступъ такъ труденъ, «весьма ограничено. Тамъ еще сохранились остат- «ки стѣнъ, воротъ и четвероугольной башни; «ужасные обрывы со стороны цѣпи горъ Тмолуса «дѣлали здѣсь крѣпость неприступною, а съ дру- «гой стороны тройныя стѣны поставляли также «непреодолимыя преграды для осаждающихъ; слѣ- «ды этихъ стѣнъ еще видны. Но замѣчательно, «что Персы овладѣли цитаделью со стороны тѣхъ «самыхъ обрывовъ, которые казались недоступны- «ми. Геродотъ разсказываетъ, что одинъ Лидянинъ «уронилъ свой шлемъ со стѣны цитадели въ про- «пасть, что онъ спустился туда по одной едва за- «мѣтной стезѣ; это видѣлъ одинъ изъ Персіянъ и «это было причиною послѣдней гибели Сардиса.

Digitized by Google

«Вершина цитадели, не смотря на ея малое про-«странство, была украшена храмомъ и царскими «палатами. Среди грудъ обрушенныхъ стѣнъ и «башенъ безпрестанно встрѣчаются, въ ужасномъ «смѣшеніи, обломки мраморныхъ колоннъ и карни-«зовъ *бѣлаго* мрамора, совершенно согласно съ «тѣмъ, что̀ говоритъ Страбонъ. Видъ отсюда на «цѣпи облачнаго Тмолуса мраченъ и суровъ, но «съ противоположной стороны злачныя равнины, «орошенныя Гермусомъ и Пактоломъ, напоминаютъ «о роскошномъ царствѣ Лидійскомъ. Тамъ цѣлые «ряды огромныхъ коническихъ холмовъ останавли-«ваютъ вниманіе пришельца; это гробницы царей «лидійскихъ. Одинъ изъ этихъ холмовъ, гигантска-«го размѣра и господствующій надъ всѣми, по сло-«вамъ Геродота, есть памятникъ *Аліатеса*, утвер-«дившаго владычество лидійскаго царства. За эти-«ми гробницами блеститъ зеркальная поверхность «озера *Гигеева*..... Что общественныя зданія лидій-«ской столицы были великолѣпны, въ томъ нѣтъ «сомнѣнія и о томъ намъ свидѣтельствуютъ исто-«рія и развалины; но, говоря о городѣ вообще, «свидѣтельство Геродотово намъ показываетъ, что «большая часть домовъ Сардиса была построена «изъ тростей, а меньшее число, кирпичныхъ, было «покрыто тростникомъ, и оттого, въ нашествіе «Іоніанъ весь городъ былъ истребленъ пожаромъ. «Бытъ жителей Сардиса со временъ самыхъ отда-«ленныхъ былъ уже исполненъ роскоши; Лидійцы «первые изобрѣли монету и начали ее чеканить; «они же были изобрѣтателями игръ и знаменитѣй-«шими наѣздниками во всей Азіи. Во время влады-

Digitized by Google

«чества Креза, Лидяне болѣе или менѣе властво-
«вали уже почти надъ всѣмъ полуостровомъ Азіи
«и сила ихъ оружія поставила ихъ на ряду съ цар-
«ствами мидійскимъ, вавилонскимъ и даже съ
«Египтомъ. Сарды сдѣлались центромъ торговли
«между Азіею и Греціею и промываніе золотоноснаго
«го песка накопило несмѣтныя сокровища въ казно-
«хранилища царскія и даже многихъ частныхъ
«людей. Мудрецы Греціи, Азіи и Египта стекались
«туда; Мидяне промѣнивали слитки золота на
«изящныя статуи боговъ Греціи. Крезъ, взлелѣян-
«ный счастіемъ, возмечталъ первенствовать ме-
«жду всѣми владыками земли и, встревоженный
«возрастающимъ могуществомъ Персовъ, ополчил-
«ся противъ Кира; но перстъ Божій указалъ Киру
«на Сарды и Вавилонъ, какъ уже исполнившія мѣ-
«ру нечестія..... Съ паденіемъ Креза (545 л. до Р.
«Х.), Персы обратили Лидійское Царство въ *сатра-*
«*пію* и считали ее богатѣйшею изъ всѣхъ своихъ
«сатрапій, такъ что сами цари персидскіе часто
«обитали въ Сардахъ.

«За Гермусомъ ряды могильныхъ кургановъ за-
«крываютъ горизонтъ и черезъ полчаса ѣзды вы
«уже находитесь въ этомъ некрополисѣ царей ли-
«дійскихъ, который называютъ въ простонародіи
«полемъ *тысячи могилъ*. Изъ этого множества
«кургановъ, три, не въ далекомъ разстояніи одинъ
«отъ другаго, отличаются своею огромностью, а
«высочайшій изъ этихъ трехъ, безошибочно, озна-
«чаетъ знаменитый памятникъ *Аліатеса*, отца
«Крезова, тотъ самый, про который говоритъ Геро-
«дотъ, что онъ уступаетъ только памятникамъ

Digitized by Google

«Египтянъ и Вавилонянъ; онъ пишетъ, что осно-
«ваніе памятника состоитъ изъ огромныхъ камней,
«а вся верхняя часть изъ наваленной земли. На
«вершинѣ стояло пять термовъ, которые онъ еще
«самъ видѣлъ. Окружность памятника состояла
«изъ 6 стадій и 2-хъ плеѳровъ, что̀ составляетъ
«около 600 саженъ. Несмотря на то, что теперь все
«основаніе памятника далеко углубилось и занесено
«землею и что вершина значительно уменьшилась
«отъ дождей и непогодъ, видъ этого исполинскаго
«памятника поразителенъ, и даже изъ Сардиса онъ
«уже удивляетъ взоръ путешественника. И теперь
«высота его доходитъ до 30 саженъ. Видѣвъ въ
«Пантикапеѣ могильные курганы царей понтій-
«скихъ, я не могъ не узнать тотъ же самый от-
«печатокъ въ памятникахъ лидійскихъ, но только
«несравненно въ огромнѣйшемъ размѣрѣ. Вскры-
«тые курганы въ Пантикапеѣ представляютъ точ-
«но такое образованіе, какъ и памятникъ Аліатеса
«въ описаніи Геродота, за исключеніемъ термовъ.
«Одинъ изъ таковыхъ термовъ, впервые описан-
«ный Прокешемъ, выражаетъ, грубымъ миѳомъ,
«плодородную силу природы. При видѣ надгроб-
«ныхъ лидійскихъ кургановъ и находящагося въ
«виду ихъ Гигеева озера, я невольно вспоминаю
«пирамиды египетскія и Меридово озеро; это са-
«мое приводитъ насъ невольно къ другимъ сообра-
«женіямъ. Я имѣлъ случай сказать, обозрѣвая пира-
«миды египетскія, что, по нѣкоторымъ догадкамъ,
«ихъ сооруженіе принадлежитъ не кореннымъ
«Египтянамъ, а народамъ чужеземнымъ, и что
«зодчество этихъ громадъ не имѣетъ отпечатка

Digitized by Google

«зодчества собственно египетскаго—что по наше-
«му мнѣнію, оно есть подражаніе первымъ дикимъ
«памятникамъ міра, каковы суть столпъ вавилон-
«скій или башня Белуса. Геродотъ и Страбонъ го-
«ворятъ, что эта башня имѣла видъ пирамидъ; а
«въ отрывкѣ Берозія мы читаемъ, что Набула-
«саръ, отецъ Навуходоносоровъ, изъ угодности къ
«къ женѣ своей, которая родилась въ Мидіи и
«любила видъ горъ, нагромоздилъ гору изъ не-
«обычайной величины камней. Эти соображенія
«подтвердились нынѣ открытіями, сдѣланными
«докторомъ Липсіусомъ. Поэтому, сооруженіе пира-
«видъ должно быть отнесено къ дальнѣйшей эпо-
«хѣ нашествія на Египетъ пастырскихъ народовъ.

«Даже теперь можно насчитать надгробныхъ
«лидійскихъ кургановъ почти до восьмидесяти, и
«нѣтъ сомнѣнія, что время изгладило уже многое.
«Геродотъ считаетъ 500 лѣтъ или 15 поколѣній
«отъ Лида, перваго царя лидійскаго, до Кандавла,
«а отъ сего до Креза только 5 царствованій; изъ
«этого можно примѣрно положить, слѣдуя счисле-
«нію Геродота, 50 или не болѣе 60-ти царствованій
«лидійскихъ царей. Но число этихъ безмолвныхъ
«могилъ отдаляетъ существованіе въ этомъ краю
«царскаго владычества далѣе начала династіи Ге-
«раклидовъ — и поэтому, основаніе этихъ гигант-
«скихъ памятниковъ принадлежитъ, быть-можетъ,
«не Лидійцамъ, а пришельцамъ-варварамъ..... Пре-
«жде основанія Лидійскаго Царства здѣсь уже
«владычествовали нахлынувшіе отъ сѣвера Скиѳы,
«которые послѣ того еще нѣсколько разъ возобно-
«вляли свои набѣги. Судя по преданіямъ, сохранив-

Digitized by Google

«шимся намъ о Скиѳахъ, ихъ нельзя ставить на «ряду съ другими варварами, необузданными ни- «какими законами, ибо, какъ свидѣтельствуетъ «Трогъ Помпей, они воевали болѣе для славы, «чѣмъ для добычи и налагали дани на побѣжден- «ныхъ умѣренныя, не столько изъ возмездія по- «бѣды, какъ для свидѣтельства своего могущества. «Теперь, однѣ могилы и кое-гдѣ уцѣлѣвшія на «скалахъ или на обломкахъ памятниковъ миѳиче- «скія начертанія указываютъ, отъ Тавриды и «Азовскаго Моря почти до Аравіи, давно минувшіе «слѣды этого исполинскаго, мужественнаго и до- «блестнаго народа, отъ котораго происходитъ пле- «мя Славянъ. Колыбель этого удивительнаго на- «рода была между Араратомъ и Каспійскимъ Мо- «ремъ. Озеро, называемое Гигеево, прилежитъ къ «некрополису царей лидійскихъ; почти всѣ писате- «ли производятъ названіе этого озера отъ Гигеса, «царя лидійскаго, но это совершенно неправильно, «ибо надобно припомнить, что Гигеево озеро суще- «ствовало еще прежде Троянской войны..... Это «обстоятельство даетъ уже видъ истины нашему «предположенію, что сооруженіе этихъ огромныхъ «памятниковъ принадлежало, въ началѣ, не Лидя- «намъ. Геродотъ не одинъ разъ упоминаетъ о на- «шествіи Кимерійцевъ Херсониса Таврическаго на «Малую Азію. То же мы находимъ и у Страбона. «Прибавимъ ко всему этому, что коренной типъ «древнихъ лидійскихъ надгробныхъ памятниковъ «сохранился еще въ средней полосѣ мало-азійскаго «полуострова, у ската горъ Мора-дага, въ мѣстѣ, «называемомъ *Доганлы-Овасы*. Тамъ, на равнинѣ,

Digitized by Google

«стоятъ песчаниковыя массы: во многихъ изсѣче-«ны съ большимъ искусствомъ погребальныя пеще-«ры, изъ которыхъ нѣкоторыя обдѣланы въ пор-«тики, съ колоннами».

Эти превосходные выводы кажутся мнѣ рѣшительными для вопроса, разсматриваемаго съ различныхъ сторонъ въ обѣихъ нашихъ статьяхъ. Въ первой старался я представить всѣ доступныя мнѣ соображенія въ подтвержденіе того, что пирамиды и всѣ этого рода исполинскіе памятники старѣе классической древности и должны быть отнесены къ первобытной или ветхой цивилизаціи; во второй—что эта цивилизація имѣла случай погибнуть и погибла отъ потрясенія, причиненнаго колонизаціей Европы. Событія Малой Азіи не могли не отразиться на всемъ тогдашнемъ мірѣ. Неизбѣжно произвели они общее движеніе въ Великой Азіи и въ Африкѣ. Державы, связи, искусства, рушились при выходѣ отвсюду такого количества людей, присоединявшихся къ колонизирующимъ поколѣніямъ. Открытое ученымъ авторомъ «Путешествій» разительное сходство между могильными памятниками скиѳскихъ князей Тавриды и курганами Сардиса, принадлежащими, не фриго-лидійской, но гораздо древнѣйшей, первобытной эпохѣ, доставляетъ вѣрныя данныя въ пользу мало-азійскаго происхожденія Скиѳовъ, какъ Готовъ-Русовъ, такъ и неразлучныхъ съ ними Вендовъ и Славянъ. Помѣщая ихъ у Арарата, ученый авторъ разумѣетъ первые вѣка послѣ потопа. Этого времени мы не коснулись. Я съ истиннымъ удовольствіемъ спѣшу замѣтить, что между этимъ несо-

Digitized by Google

мѣннымъ опредѣленіемъ родины предковъ евро-
пейскихъ племенъ и моимъ помѣщеніемъ между
Синопомъ, Босфоромъ и Пергамомъ поколѣній, уже
возмужалыхъ, промышленыхъ и сильныхъ, не мо-
жетъ быть противорѣчія. Мои разсужденія отно-
сятся къ той эпохѣ, когда общества, возникшія у
Каспійскаго Моря и принявшія направленіе къ за-
паду, приблизились къ черноморской границѣ
Европы, чтобы приступить къ великому предпрія-
тію, рѣшившему судьбу вселенной.

1854.

Digitized by Google

ФИЛОЛОГІЯ.

СЛОВЕСНОСТЬ ДРЕВНЯЯ и ВОСТОЧНАЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОБЪ ИЗУЧЕНІИ

АРАБСКАГО ЯЗЫКА*.

Доказывать потребность познанія восточныхъ языковъ или пользу, оттого проистекающую, было бы излишнимъ трудомъ въ наше время, когда распространяющееся по бо́льшей части земнаго шара просвѣщеніе и истинныя понятія о вещахъ прекращаютъ всякіе споры и сомнѣнія объ этомъ предметѣ. Для просвѣщеннаго человѣка, всякое ученіе столь же необходимо, какъ воздухъ, которымъ онъ дышитъ, какъ пища, которою поддерживаетъ онъ физическое свое существованіе. Но способъ изученія восточныхъ языковъ въ Европѣ заслуживаетъ подробнѣйшаго изслѣдованія, потому-что въ немъ, равно-какъ и въ другихъ наукахъ, весьма часто первыя впечатлѣнія, полученныя при начальномъ изученіи, оставляютъ послѣ себя ложныя понятія, съ трудомъ истребляются впослѣдствіи, и наконецъ превращаются въ дерзкое и пренебрегающее истиною ученіе, ко-

* Это разсужденіе читано Сенковскимъ въ Петербургскомъ Университетѣ, при начатіи своихъ лекцій, въ 1822 году.—*Изд.*

Digitized by Google

торое противопоставляетъ дальнѣйшему усовершенствованію непреоборимыя препятствія.

Первыя усилія Европейцевъ къ познанію арабскаго языка встрѣтили упорныя преграды въ разности понятій арабскихъ и европейскихъ грамматиковъ объ устройствѣ дара слова. Потребно было много времени для истребленія любимаго нашего предразсудка — подводить всѣ вещи подъ нашъ образъ понятій; изслѣдовать безъ предубѣжденія арабскихъ грамматиковъ, удержать справедливыя ихъ замѣчанія, и пополнить ихъ недостатки истинами, извлеченными изъ духа и свойствъ языка. Эрпеніусъ первый въ Европѣ представилъ устройство арабскаго языка въ надлежащемъ свѣтѣ: но сочиненіе этого оріенталиста было только краткимъ начертаніемъ и не вполнѣ изображало механизмъ арабскаго языка. Труды знаменитаго ученаго, заслуживавшаго въ наше время титулъ «отца оріенталистовъ», барона Сильвестра де-Саси, почти ничего болѣе, въ этомъ отношеніи, не оставляютъ намъ желать. Его отличная «Грамматика» будетъ вѣчнымъ памятникомъ глубокихъ его свѣденій въ арабскомъ языкѣ и усовершенствованныхъ понятій о всеобщей грамматикѣ, въ которой онъ умѣлъ примѣнить понятія грамматиковъ восточныхъ, представивъ притомъ всѣ эти соображенія яснымъ и понятнымъ образомъ для Европейцевъ, судящихъ обо всѣхъ языкахъ по образцамъ, оставшимся послѣ латинскихъ филологовъ. Сочиненіе де-Саси, менѣе всѣхъ, донынѣ существовавшихъ въ этомъ родѣ, имѣетъ въ себѣ погрѣшностей; сочиненіе это—классическое;

Digitized by Google

оно составляетъ настоящую эпоху въ наукѣ арабскаго языка, и есть одно изъ важнѣйшихъ пособій по этому предмету. Нельзя однакожъ скрывать и того, что это сочиненіе приноситъ болѣе пользы тѣмъ, которые уже сдѣлали въ арабскомъ языкѣ значительные успѣхи, нежели начинающимъ ему учиться; для послѣднихъ надлежало бы имѣть краткое и ясное собраніе грамматическихъ правилъ, изложенныхъ самымъ легкимъ образомъ, и подкрѣпленныхъ разборами арабскихъ текстовъ, и это небольшое сочиненіе должно быть болѣе практическое, чѣмъ теорическое. Надобно признаться, что изъ числа изданныхъ донынѣ хрестоматій, ни одна не соотвѣтствуетъ своей цѣли, то-есть не приноситъ существеннаго облегченія въ первоначальномъ изученіи языка. Потребность и недостатокъ такого элементарнаго сочиненія тѣмъ чувствительнѣе, что хорошіе арабскіе словари весьма рѣдки и продаются дорогою цѣною; они, къ тому же, заключаютъ въ себѣ множество ошибокъ, и даже планъ, по которому они составлены, не соотвѣтствуетъ настоящей пользѣ, которой надлежало бъ отъ нихъ ожидать при начальномъ изученіи этого языка, и при сообщеніи учащимся всѣхъ его трудностей. Лучшею въ этомъ родѣ книгою была бы хрестоматія, составленная по образцу греческой, изданной профессоромъ Якобсомъ, съ соотвѣтственнымъ словаремъ и грамматическими разборами, которые бы напечатлѣвали въ памяти учащагося законы и правила языка. Такое сочиненіе было бы вмѣстѣ и настоящею практическою грамматикою и истиннымъ

Digitized by Google

самоучителемъ языка. При составленіи его, надлежало бы, по избраніи хорошихъ примѣровъ, имѣть въ предметѣ помѣщеніе большаго числа употребительныхъ словъ и выраженій; потому-что вѣрнѣйшее средство къ познанію языка есть изученіе наибольшаго количества словъ, его составляющихъ. Увѣренный въ истинной пользѣ подобнаго сочиненія, я занимался составленіемъ Хрестоматіи, при ободреніи и пособіи почтеннаго моего наставника, Арыды *, котораго смерть похитила у наукъ и дружбы въ прошломъ году: онъ скончался въ Сиріи, на рукахъ моихъ. Я постараюсь окончить этотъ трудъ, и, если способности мои будутъ соотвѣтствовать намѣреніямъ, то издамъ это сочиненіе въ пользу учащихся этому языку.

Но въ изученіи этого богатаго и прекраснаго языка, который у горделивыхъ Арабовъ называется «царемъ языковъ» (*меликетъ эль-логатъ*), когда учащійся, побѣдивъ первыя трудности и запечатлѣвъ въ памяти правила его, приступаетъ, при помощи своего наставника, къ чтенію сочиненій и рукописей, онъ долженъ побѣдить новыя затрудненія новыми средствами, если не желаетъ потерять напрасно и время и труды свои. Разборъ арабскихъ рукописей тѣсно связанъ съ наукою чистописанія или каллиграфіи; потому-что, только пи-

* Сенковскій всегда съ уваженіемъ вспоминалъ объ этомъ своемъ наставникѣ: онъ упоминаетъ объ немъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Сиріи» (см. въ I томѣ, стр. 201), и въ 1835 году написалъ о немъ біографическую статью для «Энциклопедическаго Лексикона».—*Изд.*

Digitized by Google

на много и правильно, и тщательно подражая разнаго рода почеркамъ, можно пріобрѣсти легкость въ разборѣ письменъ, часто весьма затруднительныхъ и всегда разнящихся между собою почеркомъ и соединеніемъ буквъ. Тѣ, которые, учась восточнымъ языкамъ, пренебрегаютъ или мало уважаютъ этотъ предметъ (а пренебрегаютъ имъ многіе), тѣ, говорю я, умножаютъ для себя трудности, которыхъ весьма легко можно было бы избѣжать, посвящая нѣсколько времени на пріученіе руки къ скорому и красивому письму. Это упражненіе тѣмъ нужнѣе для приготовляющихся къ государственной службѣ, которые будучи употребляемы по части иностранныхъ дѣлъ, должны будутъ писать собственноручно. Не надлежитъ также откладывать на будущее время этого искуства; потому-что пріобрѣтенная однажды привычка къ дурному письму истребляется съ большимъ трудомъ.

Другое, весьма обыкновенное, упущеніе въ изученіи восточныхъ языковъ есть пренебреженіе чистаго и старательнаго произношенія словъ и рѣченій. Это условіе не только, какъ нѣкоторые думаютъ, необходимо для тѣхъ, которые хотятъ говорить на этихъ языкахъ (хотя и для этого не надлежало бы имъ пренебрегать); но оно, сверхъ того, есть истинное и необходимое средство къ основательному познанію языка, и служитъ большимъ облегченіемъ къ удобнѣйшему его понятію. Богатый арабскій языкъ заключаетъ въ себѣ множество выраженій, отличающихся одно отъ другаго почти непримѣтными оттѣнками въ про-

Digitized by Google

изношеніи: европейскій ученикъ, не имѣя подоб
ныхъ буквъ къ своей азбукѣ, одинаково читает
и произноситъ ихъ, не понимаетъ для какой при
чины онѣ писаны различнымъ образомъ, и дл
отличенія ихъ употребляетъ *зрѣніе*, тогда когд
оно принадлежитъ *слуху*. Такимъ образомъ он
долженъ напрягать память, подчиняя ее двум
чувствамъ, когда, напротивъ, при порядочном
произношеніи, одно только чувство достаточно к
тому же самому дѣйствію. Можетъ ли дурно про
износящій почувствовать когда-нибудь сладко
звучіе какого-либо языка, и достойно оцѣнит
краснорѣчіе сочиненія, зависящее, по большей ча
сти, отъ пріятнаго и плавнаго расположенія вы
раженій! Скажу еще болѣе: не познакомивъ доста
точно своего слуха съ произношеніемъ, и не чув
ствуя его гласной красоты, не надлежитъ даже
браться за перо, потому-что для составленія пе
ріода недовольно грамматическихъ правилъ и от
борныхъ выраженій: надобно еще наблюдать плав
ность и гармонію, подчиненныя одному только
слуху. Отъ этого зависитъ выборъ рѣченій, обо
ротовъ и образъ изъясненія, которымъ избѣгаютъ
шероховатости, и сообщаютъ слогу пріятность
и нѣжность. Итакъ, одно изъ полезнѣйшихъ
средствъ къ изученію языка есть вытверживаніе
лучшихъ отрывковъ въ прозѣ и стихахъ, и чтеніе
ихъ наизустъ, или декламація, чего нельзя испол
нить безъ надлежащаго и порядочнаго произно
шенія: въ противномъ случаѣ исчезнетъ вся пре
лесть поэзіи. Прибавимъ къ тому, что ежели на
ставникъ можетъ изъясняться на языкѣ, которому

Digitized by Google

обучаетъ (что̀ должно быть непремѣннымъ его условіемъ) или по-крайней-мѣрѣ, если онъ въ состояніи парафразировать, т. е. излагать другими выраженіями, рѣченія приводимаго автора (потому что этотъ способъ почитается лучшимъ и легчайшимъ къ пріобрѣтенію понятія о большомъ числѣ выраженій), какъ же онъ самъ и его ученики будутъ понимать другъ друга, когда станутъ одинаковымъ образомъ произносить множество различныхъ рѣченій, не обращая вниманія на тѣ оттѣнки, которые, при надлежащемъ выговорѣ, различаютъ ихъ между собою?

Довольно общій предразсудокъ между европейскими учеными заставляетъ ихъ думать, будто бы въ арабскомъ языкѣ существуетъ раздѣленіе, и будто въ немъ есть другое нарѣчіе подъ названіемъ «новаго арабскаго языка» (l'arabe moderne или l'arabe vulgaire). Трудно изъяснить, откуда произошло это мнѣніе, создавшее два арабскіе языка — книжный или древній, и новый. Въ арабскомъ языкѣ, между разговорнымъ и книжнымъ языкомъ или поэтическимъ существуетъ только та разница, что въ послѣднемъ прибавляютъ къ окончаніямъ словъ, гласныя буквы *a*, *i* или *y*, не употребляемыя въ языкѣ разговорномъ. Это обстоятельство въ арабскомъ языкѣ весьма удачно можетъ быть сравнено съ обыкновеніемъ употребительнымъ въ языкѣ французскомъ, въ которомъ при пѣніи и декламаціи произносятъ *e* окончательное (*e* muet final), опускаемое въ разговорѣ или въ чтеніи обыкновенной прозы. Вотъ вся разница между арабскимъ языкомъ книжнымъ

Digitized by Google

или поэтическимъ и разговорнымъ: весьма легко доказать, что эта разница существовала даже во время Магомета и въ золотомъ вѣкѣ арабской литературы. Въ самомъ даже Алкоранѣ можно найти множество примѣровъ, гдѣ, для сохраненія риѳмъ, непремѣнно надобно опустить окончательную гласную букву. Это обстоятельство явственно удостовѣряетъ, что опущеніе этихъ гласныхъ окончательныхъ буквъ было позволено въ классическую эпоху языка, и не противилось его духу; когда же вспомнимъ, что главные знаки выдуманы и начали употребляться гораздо позже; когда разсудимъ, что грамматики, спустя долгое время по смерти Магомета, прибавили эти знаки къ тексту Корана; разсматривая эти неправильныя формы, къ которымъ нельзя приложить грамматическихъ окончаній — можемъ заключить, что самъ Магометъ не употреблялъ ихъ, читая всенародно суратьі Корана. Арабскія выраженія, перешедшія вмѣстѣ съ исламизмомъ въ персидскій языкъ, еще болѣе увѣряютъ насъ въ томъ, что въ обыкновенномъ разговорѣ краткія окончательныя гласныя буквы и тогда уже не произносились, потому-что Персіяне всегда писали и произносили: Allah, Mohammed, Abubekr, Omer, Kur'an, и проч.; а не Allahu, Mohammedu, Abubekrin, Omeru, Kur'anu, и т. д. Персіяне, безъ сомнѣнія, сохранили бы въ своемъ языкѣ этотъ образъ произношенія, если бы окончательныя гласныя буквы составляли въ то время существо языка, особливо въ выраженіяхъ столь священныхъ у мусульманъ. Наконецъ можно подтвердить эту истину свидѣтельствомъ

Digitized by Google

писателей среднихъ вѣковъ и историковъ крестовыхъ походовъ и браней Испанцевъ съ Маврами, которые, приводя собственныя имена и арабскія выраженія въ томъ видѣ, какъ слышали ихъ отъ тогдашнихъ Арабовъ, передали намъ ихъ безъ окончательныхъ гласныхъ буквъ.

Итакъ вышепоказанныя окончанія, сдѣлавшіяся впослѣдствіи предметомъ науки *нагу* (nahw) или грамматики, были, какъ кажется, всегда принадлежностью поэтическаго языка, необходимою для него тѣмъ болѣе, что арабскіе стихи, дѣлимые на стопы, произносятся на распѣвъ. Этотъ образъ произношенія употребляется единственно *нашидами* или рапсодами, и можетъ-статься, что въ древнѣйшія времена, еще до существованія литературы, когда арабскій языкъ не выходилъ за предѣлы Аравіи, онъ былъ общимъ. Но какъ скоро этотъ языкъ, въ началѣ исламизма, перешелъ въ другія страны, то народы, забывшіе для него свой языкъ отечественный, немедленно отринули эти затруднительныя окончанія (если только можно доказать, что эти окончанія тогда были въ общемъ употребленіи), и языкъ арабскій прежде своей литературы, безъ сомнѣнія долженъ уже былъ подвергнуться тѣмъ же перемѣнамъ, какимъ подвергся языкъ латинскій, отъ котораго сѣверные народы, прибывшіе въ Италію, отбросили окончанія по падежамъ, не умѣя употреблять ихъ. Даже важность и трудность науки *нагу*, въ которой сознавались древніе Арабы, доказываютъ, что окончанія словъ на гласныя буквы не были въ общемъ употребленіи; потому-что, въ против-

Digitized by Google

номъ случаѣ, не полагали бы такой трудности и славы въ знаніи того, что всякій благовоспитанный человѣкъ могъ знать, почти не учась.

Поэзія арабская сохранила древнія окончанія въ выраженіяхъ, тогда-какъ они во многихъ случаяхъ не употреблялись даже въ греческой, сохранившей навсегда архаическія формы Гомера и Гезіода, которыя, въ обыкновенномъ разговорѣ, непріятно поражали нѣжный слухъ Аѳинянъ уже во время Пиндара. Отъ первой эпохи исламизма до нашихъ временъ произношеніе окончательныхъ гласныхъ буквъ было только принадлежностію поэзіи и возвышенной поэтической прозы, также книгъ, почитаемыхъ у мусульманъ священными и каноническими: только эти сочиненія, и въ наше время, читаютъ они съ полными окончаніями. Но ни одинъ изъ арабскихъ ученыхъ, ни одинъ алепскій, дамаскскій или каирскій педантъ не станетъ читать такимъ образомъ обыкновенной прозы и не произнесетъ этихъ окончаній въ обыкновенномъ разговорѣ: въ противномъ случаѣ, онъ былъ бы столько же смѣшонъ, какъ Парижанинъ, который бы въ разговорѣ, по примѣру Савояровъ, произносилъ окончательное *e* (*e* muet final) потому только, что эта гласная буква была произносима во время короля Дагобера, или потому, что она теперь произносится въ пѣніи и театральной декламаціи. Должно однакожъ замѣтить, что и нынѣ Арабы, при чтеніи прозы, проповѣдей и въ разговорѣ между образованными людьми, всегда произносятъ окончательныя гласныя буквы тамъ, гдѣ того требуютъ гармонія, плавность и прелесть

Digitized by Google

слога *. Къ тому, что̀ мы сказали о произношеніи арабскаго языка, надлежитъ еще прибавить, что для классическаго изученія необходимо, послѣ основательнаго изученія грамматики, и когда учащійся будетъ уже умѣть читать съ полными окончаніями, начать читать книги по образцу арабскихъ литераторовъ, чтобъ не остаться всегда студентомъ. Могу подкрѣпить это мое мнѣніе примѣромъ знаменитѣйшихъ европейскихъ оріенталистовъ, которые, изъясняя арабскія выраженія латинскими буквами, почти всегда пишутъ ихъ, какъ они обыкновенно произносятся; указываю особенно на славнаго барона Сильвестра де-Саси **.

---

* «Книги, содержащія въ себѣ ученые предметы, говоритъ Арыда, не читаются по правиламъ произношенія гласныхъ окончательныхъ буквъ, исключая стиховъ, касыдъ и поэтической прозы. Всѣ другія книги, писанныя прозою, и проповѣди, читаются и произносятся по правиламъ грамматики о гласныхъ буквахъ; но никогда, или весьма рѣдко въ концѣ выраженій, и тамъ только, гдѣ требуетъ того гармонія слога». (См. Chrestom. Doct. Jahni, pag. 232).

** Баронъ Сильвестръ де-Саси пишетъ всегда такимъ образомъ (выбираю примѣры на угадъ, развернувъ книгу): *Abd-Alcader*, а не Abdul-caderi; *Sowaika*, а не Sowaikaton; *Menschieh* (каналъ въ Египтѣ), а не Menschietu; *Menschieh algorr wè almogalaka*, а не Menschietul-gorri wel mogalakata. Но здѣсь долженъ я замѣтить, что въ послѣднемъ примѣрѣ обыкновенное произношеніе Арабовъ гораздо болѣе сообразуется съ грамматическимъ, ибо должно произносить Menschiet algorr, а не Menschieh algorr. Окончательное *h* съ двумя точками, въ выраженіяхъ, находящихся въ грамматическомъ между собою отношеніи (en relation grammaticale), Арабы понынѣ произносятъ какъ букву *t*; итакъ въ выше приведенномъ мною примѣрѣ, *t* вы-

Digitized by Google

Устранивъ это первое различіе, которое многіе европейскіе оріенталисты почитаютъ дѣйствительнымъ, и которое состояло бы единственно въ произношеніи, бросимъ взглядъ на самый языкъ, называемый народнымъ или новымъ. Языкъ, которымъ нынѣ говорятъ Арабы, состоитъ изъ тѣхъ же самыхъ выраженій, формъ и оборотовъ, какъ языкъ Харирія, Абдуль-Латыфа или Макризія. Въ этомъ случаѣ я не могу представить лучшаго доказательства, какъ мнѣніе ученаго Арыды, для котораго арабскій языкъ былъ природнымъ. «Древній арабскій языкъ, говоритъ онъ, и языкъ «нынѣ употребляемый (*эль-логатъ эд-ддриджэ*) «есть совершенно одинъ и тотъ же, до такой сте«пени, что ни малѣйшей разницы нельзя полагать «между ними. Даже нельзя уподобить это различіе «съ тѣмъ, которое находится въ греческомъ древ«немъ и новомъ, потому-что два послѣдніе языка «имѣютъ свои особенныя правила, особенныя

разительно произносится на концѣ этого слова, и никогда не говорится Melikah allogât (для этихъ примѣровъ см. Хрестом. барона С. де-Саси, passim). Равно пишетъ этотъ оріенталистъ: an yenfaïl, an yafal, infak, hocm, awtad, istikhdam, istidrak, kiyas moccassem и т. д.; а не an yenfaïla, an yafala, infakon, hocmon, awtadon, istikhdamon, istidrakon, kiyasson moccassemon и пр. (См. вездѣ Notices et Extraits, во всѣхъ статьяхъ де-Саси). Это замѣчаніе не нужно для тѣхъ, которые хорошо понимаютъ этотъ предметъ, а еще менѣе для тѣхъ, которые его вовсе не понимаютъ; оно можетъ послужить въ пользу тѣхъ оріенталистовъ, которые, не зная болѣе, какъ сколько возможно научиться въ школѣ или коллегіумѣ, говорятъ, что такимъ образомъ произносятъ только арабскіе мужики (Fellah).

Digitized by Google

книги и особенные словари. Но языкъ арабскій древній и тотъ, которымъ нынѣ говорятъ, имѣютъ одни правила, однѣ книги и одни словари». (*Mufauydat el ula*, in Chrest. Jahni, pag. 225).

Различіе между этими двумя арабскими языками есть то же самое, какое находится во всякой европейской странѣ между языкомъ книжнымъ, и тѣмъ, на которомъ изъясняются простой и необразованный народъ и низшее состояніе общества. Проповѣди въ христіанскихъ церквахъ и поученія въ мечетяхъ (*хутбе*) говорятъ самымъ чистымъ арабскимъ языкомъ, однакожъ простой народъ понимаетъ ихъ совершенно. Всякій простой Арабъ, умѣющій читать, занимается чтеніемъ духовныхъ книгъ, особенно любимыхъ на Востокѣ, и понимаетъ ихъ надлежащимъ образомъ, хотя книги эти писаны языкомъ, ничѣмъ не отличающимся отъ древняго. Слѣдовательно, весьма ошибаются западные оріенталисты, которые, не сдѣлавъ повѣрки на мѣстѣ предмета, полагаютъ, будто бы существуютъ два различные между собою арабскіе языка. Нѣкоторые изъ этихъ оріенталистовъ представили въ образецъ новаго языка письма необразованныхъ купцовъ, писанныя безъ всякаго правописанія. Судя такимъ образомъ, всѣ европейскіе языки будутъ раздѣляться на два нарѣчія, если сочиненія, правильно написанныя, будемъ почитать за одинъ языкъ, а сочиненія безъ правописанія и слога за другой. Одинъ изъ нашихъ оріенталистовъ награвировалъ снимокъ (fac-simile) съ письма, писаннаго на мальтійскомъ языкѣ, представляя его равномѣрно за образецъ

Digitized by Google

новаго арабскаго нарѣчія. Хотя въ самомъ дѣлѣ, языкъ мальтійскій происходитъ отъ арабскаго, но онъ сдѣлался совершенно другимъ языкомъ, принявъ множество словъ итальянскихъ, французскихъ и испанскихъ. Это различіе дошло до такой степени, что ни Арабъ Мальтійца, ни послѣдній Араба понимать не можетъ. Наконецъ недавно вышло въ свѣтъ сочиненіе на такъ-называемомъ ново-арабскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Historia decem Visirorum». Издатель почелъ ничтожное и дѣтское правописаніе этой книги за правила языка. Несвѣдущій переписчикъ зналъ только правописные знаки, но, не умѣя употреблять ихъ, ставилъ тамъ, гдѣ ему заблагоразсудилось, что̀ ежедневно можно примѣчать у Арабовъ. Со всѣмъ тѣмъ, по исправленіи ошибокъ правописанія, книга эта оказывается писаною чистымъ языкомъ арабскимъ, хотя не самымъ лучшимъ слогомъ*.

Однако-жъ въ языкѣ, которымъ нынѣ говорятъ Арабы, находятся нѣкоторыя неправильности, изъ которыхъ главная есть неупотребленіе буквы

* Во время моего пребыванія въ Сиріи, попалась мнѣ въ руки эта книга, привезенная туда однимъ шведскимъ путешественникомъ. Я показывалъ ее многимъ арабскимъ литераторамъ, которые, видя странное ея правописаніе, удивлялись тому, что европейскіе оріенталисты не знаютъ правописанія. Въ доказательство, что нынѣшній арабскій языкъ не былъ причиною неправильностей, находящихся въ этой книгѣ, служитъ то, что величайшее безобразіе этой книги состоитъ въ дурно помѣщенныхъ *танвинахъ* (nunnatio). Если правописаніе должно соглашаться съ произношеніемъ, на чтожъ было ставить танвины, когда въ нынѣшнемъ языкѣ окончательныя гласныя буквы не произносятся?

Digitized by Google

ūna въ третьемъ лицѣ множественнаго числа настоящаго времени, хотя буква эта прибавляется въ письмѣ. Они не употребляютъ также именительнаго падежа множественнаго числа въ причастіяхъ, и оканчиваютъ его какъ винительный падежъ; сокращаютъ нѣкоторыя слова, особливо указательныя мѣстоименія и пр. Но такимъ сокращеніямъ подвергаются почти всѣ языки въ разговорѣ, хотя въ письмѣ эти различія не употребляются знающими совершенно свой языкъ, или по-крайней-мѣрѣ его правописаніе. Изо всего, сказаннаго нами выше, можно усмотрѣть, что раздѣленіе арабскаго языка на два нарѣчія, древнее и новое, не имѣетъ никакого основанія, и что это мнѣніе весьма вредно для учениковъ, которые уже сдѣлали нѣкоторые успѣхи. Вредъ этотъ тѣмъ явственнѣе оказывается въ такомъ случаѣ, когда учащійся, напитанный наукою *нагу*, встрѣчаетъ грамматическія ошибки въ манускриптахъ, сдѣланныя несвѣдущими переписчиками, и происходящія большею частію отъ примѣненія общенароднаго произношенія къ письму. Учащійся, будучи не въ состояніи понять, отчего происходятъ эти ошибки, не можетъ вникнуть въ смыслъ рукописи, и находясь въ заблужденіи насчетъ существованія новаго арабскаго языка, пренебрегаетъ разговорнымъ языкомъ, который, такъ сказать, находился въ его власти во время класснаго ученія. Такимъ образомъ учащіеся лишаютъ себя величайшихъ преимуществъ изученія въ одно время языка поэтическаго, или книжнаго, и разговорнаго, и удобности къ выразумѣнію различ-

Digitized by Google

ныхъ рукописей, безъ чего арабскій языкъ не принесетъ пользы ни учащемуся, ни его отечеству, ни ученому свѣту. Всѣ его познанія будутъ заключаться въ механическомъ школьномъ понятіи нѣкоторыхъ рѣченій, истолкованныхъ его прежними наставниками, и при всякомъ затруднительномъ случаѣ, онъ будетъ отговариваться незнаніемъ мнимаго ново-арабскаго языка, когда, напротивъ того, кто хочетъ учиться языку классически и такимъ образомъ, какъ обучаютъ ему на Востокѣ, всегда будетъ въ состояніи понимать не только всякаго рода письмена, но и самъ будетъ писать по-арабски, что̀ необходимо для совершеннаго оріенталиста, а иногда и для государственнаго чиновника.

С.-Петербургъ,
18 августа 1822.

Digitized by Google

ПОЭЗІЯ ПУСТЫНИ,

ИЛИ

ПОЭЗІЯ АРАВИТЯНЪ ДО МАГОМЕТА.

—

Величайшее несчастіе древней арабской поэзіи состоитъ, конечно, въ томъ, что тѣ, которые старались насъ познакомить съ нею посредствомъ переводовъ, не видали никогда Аравитянъ и неспособны были чувствовать никакой поэзіи. Отличнѣйшій арабистъ нашего времени, покойный Сильвестръ де-Саси, болѣе всѣхъ сдѣлалъ извѣстными въ Европѣ произведенія арабскаго поэтическаго генія, и болѣе всѣхъ лишилъ эти произведенія существенной ихъ занимательности для европейскаго поэта. Переводы его, гладкіе и точные, блѣдны до крайности: можно себѣ представить, какова должна казаться бурная, кипучая рѣчь вдохновеннаго бедуина, когда ее переодѣнутъ въ парижскую фразеологію! Школа, которую создалъ этотъ знаменитый оріенталистъ во Франціи и Германіи, наслѣдовала его любовь къ арабской поэзіи, и продолжаетъ переводить намъ ея творенія, то есть продолжаетъ убивать ее въ своихъ переводахъ, въ которыхъ отчаянная бук-

Digitized by Google

вальность истребляетъ всю красоту, всю силу, весь характеръ оригиналовъ. Эти деревянные переводы составляются безъ всякаго чувства поэзіи и даже безъ точнаго уразумѣнія силы и живописности выраженій; словарь играетъ здѣсь гораздо бо́льшую роль, нежели основательное понятіе о предметѣ. Хлопочутъ о словахъ, трудолюбиво сличаютъ рукописи, подбираютъ и сравниваютъ различныя чтенія, мучительно добиваются до логическаго смысла: все это очень похвально, но безполезно для поэзіи. Да и можно ли передавать на другомъ языкѣ древнюю арабскую поэзію, *поэзію пустыни*, никогда не видавъ ни пустыни арабской, ни образа жизни ея жителей? Какое понятіе имѣетъ Европеецъ о кочевомъ народѣ и его бытѣ? Это такіе предметы, которыхъ городской житель, и воображеніе, воспитанное европейскою образованностью, никогда не постигнутъ, если сами ихъ не видали. Не удивительно такимъ образомъ, если оріенталисты, которые никогда не выѣзжали изъ Европы, судятъ объ нихъ чрезвычайно странно. Этотъ упрекъ можно обратить и къ двумъ недавно вышедшимъ сочиненіямъ, въ которыхъ говорится о поэзіи Аравитянъ до Магомета, именно, «Lettres sur l'histoire des Arabes», г. Френеля, и «Die Poesie der Araber», доктора Вейля. Правда, оба эти писатели были въ Египтѣ; но Египетъ не пустыня и Египтяне не бедуины; и, при всемъ уваженіи къ познаніямъ доктора Вейля, нельзя не назвать взглядовъ его на эту поэзію чисто нѣмецкими кабинетными взглядами. Между прочимъ, онъ, съ большими усиліями уче-

Digitized by Google

поэты, старается убѣдить насъ, что можно писать стихи «и внѣ покойнаго кабинета», и все это для того, чтобы приготовить насъ къ своему открытію, что первые арабскіе поэты были въ то же время и воины. Да кто жъ въ томъ сомнѣвался? Развѣ мы этого не видимъ изъ самаго содержанія ихъ твореній? Мы осмѣлимся сказать болѣе г. Вейлю: эти поэты были простые *кочевые бедуины.*

Первое, и совершенно ложное, понятіе всякаго Европейца о кочевыхъ племенахъ заставляетъ его воображать эти народы *дикими.* Онъ смѣшиваетъ ихъ съ дикарями Америки и острововъ Южнаго Океана. Между-тѣмъ бо́льшая часть кочевыхъ племенъ грамотна, имѣетъ книги, литературу и не чужда даже искусствъ. Посмотрите, какъ рисуютъ наши Буряты! Право, ихъ картинки во сто разъ лучше тѣхъ, какими украшались европейскія книги въ семнадцатомъ вѣкѣ. Въ этихъ дымныхъ юртахъ неоднократно учреждались училища, семинаріи и даже академіи; эти «пастухи» неразъ сочиняли правильныя исторіи своего племени; въ этихъ степяхъ, между стадъ овецъ и верблюдовъ, часто гремѣла слава поэтовъ, умозрительныхъ философовъ и богослововъ. Даже созерцательная жизнь находила доступъ къ ихъ улусамъ, и нѣтъ сомнѣнія, что многія кочевыя поколѣнія бывали и бываютъ несравненно образованнѣе иныхъ народовъ земледѣльческихъ и осѣдлыхъ. Монголы, конечно, выше Черногорцевъ и Албанцевъ въ этомъ отношеніи. Какъ ни странною кажется намъ возможность существованія такихъ обществъ, ко-

Digitized by Google

торыя съ своими училищами, съ своей литературой, съ своими поэтами, историками, художниками, каждую весну переходятъ въ другое мѣсто, на новое пастбище, и питаютъ непреодолимое отвращеніе къ осѣдлой жизни и ея удобствамъ, тѣмъ не менѣе эта возможность — фактъ, который неоднократно встрѣчаемъ мы въ исторіи человѣчества и можемъ повѣрить еще и въ наше время.

Умственныя способности такихъ народовъ необходимо должны быть различны, какъ онѣ различны и у народовъ осѣдлыхъ. Если турецкія кочевыя поколѣнія отличаются особенною тупостью ума, зато монгольскія обнаруживаютъ рѣшительное расположеніе къ созерцательной жизни, умозрѣніямъ и отвлеченнымъ тонкостямъ, а кочевые Аравитяне, или бедуины, чистой породы, врожденную склонность къ поэзіи. Бедуинъ — стихотворецъ отъ природы и по-превосходству импровизаторъ. Можно было бы счесть за восточныя иперболы безпрерывные разсказы исторій арабской литературы о необыкновенныхъ дарованіяхъ кочевыхъ мальчиковъ и дѣвушекъ, которые говорили не иначе какъ стихами, и превосходными стихами; но тѣ, которые бывали въ улусахъ Арабовъ Аназе, и хорошо знаютъ ихъ языкъ, могутъ засвидѣтельствовать, что и теперь, при всемъ униженіи бедуиновъ, встрѣчаются у нихъ этого рода маленькіе, оборванные, или и совсѣмъ голые геніи, которые на всякій вопросъ вашъ отвѣчаютъ двустишіемъ. Если вспомнимъ всю трудность правилъ арабскаго стихосложенія, до-сихъ-поръ со-

Digitized by Google

вершенно эллиническаго, основаннаго на точной просодіи слоговъ, и притомъ сопряженнаго съ условными окончаніями словъ, чуждыми языку разговорному, то этотъ даръ импровизаціи въ неученыхъ юношахъ покажется почти чудомъ, и мы легко поймемъ, почему арабскіе писатели всегда ему такъ сильно удивлялись и съ такимъ удовольствіемъ приводятъ стихи, слышанные отъ степныхъ Саннацаровъ и Коринъ. И до-сихъ-поръ бедуины съ презрѣніемъ отзываются о стихахъ осѣдлыхъ Аравитянъ, утверждая, что горожане неспособны къ поэзіи. Мы никогда не забудемъ наивной причины, которую намъ далъ одинъ степной резонёръ, приписывая превосходство бедуинскихъ стиховъ передъ всѣми прочими тому обстоятельству, что *у бедуина не бываетъ насморка*. Онъ, мы думаемъ, хотѣлъ сказать этимъ, что въ его жаркихъ, сухихъ пустыняхъ мысль у человѣка всегда легка, голова всегда свѣтла и свободна, и никогда не отягчается мокротами, которыхъ накопленіе въ органѣ обонянія такъ непріятно дѣйствуетъ на мозгъ и на умственныя способности. Если его замѣчаніе справедливо, и наше толкованіе вѣрно, то они могли-бъ послужить къ выведенію общаго закона, что самыя неурожайныя для поэзіи страны должны быть тѣ, которыя самыя богатыя простудами. Но какъ бы то ни было, дѣло въ томъ, что нѣкогда и сами осѣдлые Аравитяне оказывали большое уваженіе къ поэтическимъ талантамъ бедуиновъ: доказательство этого — заботливость многихъ ученѣйшихъ Аравитянъ среднихъ вѣковъ собирать длинныя и ко-

Digitized by Google

роткія поэмы знаменитыхъ степныхъ поэтовъ, и составлять изъ нихъ антологіи съ весьма подробными комментаріями. Изъ числа такихъ собраній, *Хамâса* славится донынѣ и нашла себѣ издателей даже въ Европѣ. Второе и еще болѣе сильное доказательство, это — всеобщее, рабское подражаніе городскихъ поэтовъ формамъ и даже фразеологіи бедуинскихъ поэмъ. Какъ во время французскаго классицизма греческіе боги, богини и миѳы были главными пружинами европейской поэзіи и источниками всѣхъ сравненій и метафоръ, такъ точно у городскихъ арабскихъ поэтовъ во всѣ времена обстоятельства кочевой жизни и пустыня составляли единственный колодецъ, въ которомъ они почерпали свои фигуры, свои аллегоріи, всѣ свои поэтическія выраженія. Городской стихотворецъ, который никогда не видалъ ни пустыни, ни бедуина, всегда однакожъ считалъ своей обязанностью представить вамъ себя кочующимъ, говорить о своихъ перекочевкахъ, и показать свою любовницу уѣзжающею на верблюдѣ на другое пастбище среди вооруженныхъ всадниковъ (*фâрисъ*). Этотъ-то разительный и особенный характеръ арабской поэзіи г. Вейлю слѣдовало бы прежде всего замѣтить и растолковать своимъ читателямъ.

Такимъ образомъ бедуинскій наѣздникъ обыкновенно былъ въ то же время и поэтъ, особенно въ поэтическое время своего язычества, пока ученіе Магомета не превратило его въ религіознаго фанатика и не наложило печати отверженія на поэзію какъ на внушеніе дьявола и занятіе противъ-

Digitized by Google

нее Аллаху. Но причины быстраго упадка бедуинской поэзіи, то есть единственной древней поэзіи Аравитянъ, потому-что осѣдлые всегда, кажется, были только плохіе стихотворцы и подражатели бедуиновъ, не должно искать исключительно въ исламизмѣ, религіи впрочемъ крайне враждебной поэтическимъ порывамъ и свободѣ воображенія. Этотъ огромный переворотъ, который вывернулъ всѣ понятія, всѣ нравы осѣдлыхъ и кочевыхъ Аравитянъ, долженъ былъ конечно постепенно убить поэзію пустыни и въ самой даже пустынѣ, давъ совершенно другое направленіе мыслямъ, чувствамъ, занятіямъ и отношеніямъ. Но бедуины всегда были плохіе мусульмане, и главная причина — другая: оружіе бедуиновъ обращено было противъ «невѣрныхъ», то есть иностранцевъ; съ той поры они могли сочинять поэмы только въ похвалу себѣ и своимъ подвигамъ, и самое однообразіе похвалъ должно было отнять всю прелесть у ихъ поэзіи. Кончились времена независимости и тѣхъ междоусобныхъ войнъ одноплеменныхъ поколѣній, которыхъ *фарисы* (рыцари) вызывали другъ друга на бой съ тростниковымъ копьемъ въ рукѣ и съ риѳмическою бранью на устахъ, и старались быть побѣдителемъ противника и оружіемъ и стихотворнымъ искусствомъ, потому-что въ этомъ и состояла слава настоящаго Фариса; а съ уничтоженіемъ подобныхъ состязаній рушилось по-необходимости и искусство, несмотря на врожденную склонность къ поэзіи. Передвиженія бедуинскихъ массъ на чужбину и войны ихъ съ иностранцами, подъ знаменами первыхъ халифовъ,

Digitized by Google

были безспорно важнѣйшею и первою причиною упадка ихъ любопытной и оригинальной поэзіи.

Безпредѣльная пустыня, съ своимъ раскаленнымъ, движущимся пескомъ, который безпрерывно измѣняетъ ея поверхность, уподобляя ее океану; ея скалы, камни, потоки, рѣдкіе кустарники и еще болѣе рѣдкіе зеленые оазисы съ тѣнью; ея коренные обитатели — львы, тигры, гіены, барсы, волки, сайги, дикія козы, миловидныя газели, пугливые страусы, зловѣщіе вороны; солнце, пылающее надъ этою пустынею; воздухъ *кипящій*, наполненный огненными иголками, которыя «пляшутъ» передъ ослѣпленнымъ взоромъ; волшебныя преображенія миража; облака бѣлыя, безводныя, сухія какъ самая почва; и облака дожденосныя, которыхъ «каждая капля равна благодѣянію», словомъ всякаго рода и цвѣта облака, явленія столь обыкновенныя для сѣвернаго человѣка, но столь важныя, столь занимательныя для вѣчно жаждущаго сына пустыни, который съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ каждый клочокъ паровъ на небѣ и связываетъ съ нимъ свои надежды и свое отчаяніе; и посреди этой ужасной природы человѣкъ, ставка, перекочевка, ссора, война, истребленіе; человѣкъ, большею частью голодный, съ своей любовью, съ своей местью, гордостью, нищетою и славою, со всѣми страстями и доблестями своими; человѣкъ, который ѣдетъ одинъ въ пустыню, чтобы сражаться со всѣми странствующими фарисами, единственно для прославленія своего мужества; его страданія и подвиги, его несчастія и пѣсни; его конь, вѣрный другъ, кото-

Digitized by Google

рый терпѣливо дѣлитъ съ нимъ недостатокъ и мужественно спасаетъ его въ несчастіи отъ «красной смерти»; его верблюдъ, второй другъ его, все его богатство, котораго онъ боготворитъ и воспѣваетъ какъ любовницу, и котораго однакожъ всегда готовъ убить великодушно, чтобы угостить странниковъ его мясомъ, или чтобы по жеребью раздѣлить части его тѣла между голодными сподвижниками своихъ опасныхъ предпріятій для отмщенія сильному врагу; наконецъ одинокая могила этого человѣка въ пустынѣ, и кости храбраго, валяющіяся на жгучемъ пескѣ — таковы вообще главные предметы этой удивительной поэзіи, которой нельзя уподобить никакой другой на свѣтѣ. Отсюда-то пѣвецъ пустыни почерпаетъ всѣ свои краски, сравненія, весь свой теплый колоритъ. Здѣсь-то ищетъ онъ своихъ вдохновеній; здѣсь открываетъ незнаемыя красоты, и, наслаждаясь ими, находя счастіе въ своихъ бѣдствіяхъ, наслажденіе въ своихъ лишеніяхъ, блаженство въ своей страдальческой свободѣ, гремитъ презрѣніемъ къ осѣдлому, котораго называетъ онъ *толстякомъ*, что въ языкѣ сухаго, тощаго бедуина значитъ — трусъ, лѣнтяй, мерзавецъ. Нельзя не признать, что такое положеніе человѣка и такой взглядъ на жизнь заключаютъ въ себѣ высокую поэтическую сторону, которая, при врожденномъ стихотворномъ дарѣ кочевыхъ Аравитянъ, должна порождать пѣсни, изумительныя для насъ своей силою, своей неожиданною оригинальностью, новостью и красотою, но въ то же время пѣсни невыразимыя ни на какомъ другомъ языкѣ, образо-

Digitized by Google

вавшемся внѣ пустыни, внѣ этой особенной природы и этой необычайной жизни. Ничто такъ рѣзко не знаменуетъ отдѣльнаго характера бедуинской жизни и ея поэзіи, какъ синонимы поэтическаго языка Аравитянъ: въ этомъ языкѣ все, что̀ значитъ «щедрость» значитъ въ то же время «добродѣтель», и на-оборотъ; все, что̀ облака — благодѣяніе; все, что̀ низменно, сыро, влажно — довольство и счастіе; все, что́ *холодно* — превосходно, и такъ далѣе. Это почти языкъ ада: только жители пламени могутъ слить въ одно понятіе холодное и превосходное, сырость и счастіе.

Кромѣ этихъ особенностей и параллелизма, свойственнаго также еврейской поэзіи, но о которомъ мы не станемъ говорить въ этомъ мѣстѣ по трудности растолковать подобный предметъ, не прибѣгая къ утомительнымъ филологическимъ подробностямъ, въ стихотворномъ языкѣ древнихъ пѣвцовъ пустыни есть еще одна примѣчательная черта, а именно, постоянное усиліе избѣгать употребленія существительныхъ именъ и живописать предметы посредствомъ однихъ прилагательныхъ. Поэтъ долженъ подбирать всегда такіе эпитеты, которые бы ясно и живо изображали предметъ, между-тѣмъ какъ онъ его не называетъ. Здѣсь не нужно даже знать по-арабски, чтобы почувствовать, сколько это средство должно сообщать быстроты поэтической рѣчи: въ самомъ дѣлѣ, она мчится со скоростью арабскаго всадника; предметы мелькаютъ передъ вами и мгновенно исчезаютъ, и воображеніе читателя, въ безпрерывномъ очарованіи, спѣшитъ, и съ трудомъ

Digitized by Google

успѣваетъ пополнять подробностями картины, которыя поэтъ едва позволяетъ вамъ завидѣть и различить по краскамъ. Но тутъ же всякій скажетъ, что подобной поэзіи нѣтъ возможности передать на другомъ языкѣ. «Лился *крупный, обильный* изъ всякаго *утренняго* и *ночнаго*, несомаго «*южнымъ* и отвѣчавшаго *другому* трескомъ»: такъ говоритъ Лебидъ о дождѣ, облакахъ и вѣтрѣ. Вся сила этого стиха исчезаетъ въ переводѣ, который пришлось бы растянуть всѣми выпущенными именами, чтобы сдѣлать его совершенно понятнымъ для западнаго читателя. И это неудобство является въ полной своей силѣ особенно тамъ, гдѣ надобно переводить арабскія поэтическія сравненія, которыя не заключаются въ одномъ или двухъ стихахъ, какъ у насъ, но обыкновенно составляютъ огромную и богатую картину, стиховъ въ сорокъ и болѣе: при непостижимой быстротѣ поэтической рѣчи, стремящейся съ силою горнаго потока, пропускающей все, что̀ можетъ быть дополнено воображеніемъ, набрасывающей однѣ только краски, широко, рѣзко, какъ въ театральной декораціонной живописи, гдѣ художникъ старается единственно произвести эффектъ въ цѣломъ, посредствомъ искуснаго освѣщенія, читатель невольно увлекается самою этой быстротою рѣчи и приходитъ къ предмету сравненія безъ усталости, какъ бы перенесенный волшебствомъ черезъ огромныя пространства: но станьте пополнять эти великолѣпныя картины по правиламъ нашей тяжелой и осторожной фразеологіи, и длина ихъ удвоится — и сравненіе покажется утомительнымъ —

Digitized by Google

вся прелесть, вся оригинальность будутъ потеряны. Поэтому всѣ переводы древнихъ арабскихъ поэмъ ужасны, и рѣшительно несносны для того, кто въ состояніи читать эти поэмы въ подлинникѣ. Переводы, которые мы предложимъ впродолженіи этой статьи, ужасны тоже, но мы и не выдаемъ ихъ за переводы: это будутъ только общія содержанія.

Пятое и шестое столѣтіе по Рождествѣ Христовѣ были по-видимому золотымъ вѣкомъ поэзіи аравійской пустыни. Мугальгиль сочинилъ первую поэму въ тридцать стиховъ, или, правильнѣе первую, которая дошла до насъ. Онъ-то, говорятъ, далъ поэтическому языку Арабовъ надлежащую округлость и утонченность, отчего, по мнѣнію многихъ писателей, и присвоено ему применованіе Утончителя, *Мугальгиль*. Онъ былъ *фарисъ*, странствующій рыцарь пустыни, вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ, и, по преданіямъ, велъ жизнь безпокойную и полную приключеній. Мугальгиль былъ братъ Кулейба изъ колѣна Вайль, который, начальствуя надъ Арабами племени Маадъ, со славою предводительствовалъ ими въ походахъ на защиту ихъ свободы противъ владѣтелей Счастливой Аравіи. Кулейбъ употребилъ во зло свою власть; присвоилъ лучшія пажити и воды для себя и стадъ своихъ, и наконецъ въ гордости выстрѣлилъ по чужому верблюду, который заблудился въ его владѣніи: за это и былъ убитъ Джасаномъ, сыномъ Мурра, изъ племени Бекритовъ. Мугальгиль, по священному обычаю пустыни, долженъ былъ мстить за кровь своего брата, собралъ Таглеби-

Digitized by Google

ъкъ, пошелъ войною на Бекритовъ и воевалъ съ ними сорокъ лѣтъ; въ то же самое время онъ воспѣвалъ свои подвиги. Небольшой отрывокъ его пѣсней сохранился у Суюти. Г. Френель приводитъ другой отрывокъ изъ Ибнъ-абдъ-Наббуви.

«О Кулейбъ! что осталось добраго на землѣ и между ея обитателями, съ-тѣхъ-поръ какъ ты отъ нихъ скрылся? О Кулейбъ! кто сравнится съ тобою въ храбрости и великодушіи на полѣ брани? кто могъ въ палаткѣ, съ чашею въ рукѣ, соразваться съ тобой въ питьѣ среди веселыхъ гостей? Когда вѣстники смерти произнесли имя, я закричалъ имъ: «И земля еще не трясется? И горы еще стоятъ на своихъ основаніяхъ? Не онъ ли удерживалъ дѣла этого свѣта въ равновѣсіи? Не его ли сила, и не его ли рѣшимость?...» О, мой братъ! я не въ состояніи исчислить всѣхъ твоихъ доблестей. Кто могъ подобно тебѣ управлять конемъ? Кто, какъ ты, умѣлъ возбуждать и вести всадниковъ въ величайшія опасности? При тебѣ, какъ у юныхъ дѣвицъ окрашены пальцы розовымъ сокомъ хенны, такъ у каждаго всадника конецъ копія обагренъ былъ всегда вражьею кровью.»

Славнымъ соперникомъ Мугальгиля былъ начальникъ тѣхъ же Бекритовъ, наѣздникъ и поэтъ Харитъ: изъ поэмы его, составлявшей около ста стиховъ, мы имѣемъ только слѣдующій отрывокъ, приведенный покойнымъ де-Саси:

«Въ то время, какъ бразды правленія Ноамовъ были въ моихъ рукахъ, война съ сынами Вайля истощила мои силы, и лѣта ослабили мое тѣло.

Digitized by Google

«Въ то время, какъ въ рукахъ моихъ были бразды правленія Ноамовъ, волосы у меня такъ посѣдѣли, что мои домашніе не узнавали меня болѣе.

«Богу извѣстно, что я не принадлежу къ виновникамъ этой пагубной войны, но пламя ея пожрало и меня.»

Вскорѣ потомъ являются Шанфари и Антаръ, первый — изъ поколѣнія Аздъ, столь же славный воинъ, бѣгунъ, стрѣлокъ, какъ и поэтъ. Тесть Шанфари былъ убитъ племенемъ Саламанцевъ за то, что дочь свою отдалъ за Шанфари, потомка рабы. Поэтъ наложилъ на себя обѣтъ не стричь волосъ, не обрѣзывать ногтей и не мыться, пока не убьетъ ста человѣкъ изъ племени Саламанцевъ. Онъ долго странствовалъ въ пустынѣ, преслѣдуя вездѣ своихъ противниковъ. Ему удалось собственною рукою предать смерти девяносто девять Саламанцевъ: послѣ того онъ погибъ. Черепъ его валялся на пескѣ. Одинъ Саламанецъ съ презрѣніемъ толкнулъ этотъ черепъ ногою, но осколокъ кости героя смертельно ранилъ гордаго Саламанца, и такимъ образомъ обѣтъ исполнился. Стихи Шанфари можно почесть за лучшіе и самые сильные изъ всей арабской словесности. Собственныя его слова яснѣе покажутъ, какъ онъ жилъ.

«Сыны матери моей, говоритъ онъ своимъ соплеменникамъ, которые не хотѣли помочь ему отмстить Саламанцамъ за смерть его тестя: отвяжите вашихъ верблюдовъ, уѣзжайте, не ждите меня! Я пристаю къ обществу хищныхъ звѣрей,

Digitized by Google

скрывающихся въ пещерахъ и среди скалъ! Все уже готово къ вашему отъѣзду; луна освѣщаетъ пустыню; верблюды осѣдланы; подпруги подтянуты: вы можете пуститься въ путь; ждать нечего. А я остаюсь здѣсь, остаюсь одинъ. Есть еще на землѣ мѣсто, куда можетъ укрыться благородный отъ насилія! Найдется еще убѣжище для того, кому измѣняютъ низкія души!

«О, да! просторна земля для храбраго, который не страшится и мрака ночнаго, когда надобно убѣгать злыхъ, или стремиться къ цѣли своего желанія. Будутъ у меня товарищи лучше и вѣрнѣе васъ: ненасытимый волкъ, щетинистый барсъ, и гіена съ косматымъ затылкомъ. Вотъ друзья, которые крѣпко хранятъ ввѣренную тайну! вотъ души, которыя не измѣняютъ въ несчастіи! Никто изъ нихъ не стерпитъ обиды; быстро спѣшатъ они на битву: да я быстрѣе ихъ, когда надобно стремиться на-встрѣчу непріятелю! Только тогда, какъ надобно протягивать руку къ добычѣ, я не такъ быстръ какъ они, потому-что въ подобныхъ случаяхъ самые низкіе дѣлаются первыми. По моему великодушію поступаю я такъ при раздѣлѣ добычи; и нѣтъ сомнѣнія, что кто бываетъ тогда великодушнѣе прочихъ, тотъ и доблестнѣе всѣхъ. Три друга замѣняютъ мнѣ потерю людей, которые за мои благодѣянія воздали мнѣ неблагодарностью: гордое, храброе сердце, вточенный мечъ, и мой длинный лукъ изъ крѣпкаго дерева! Я не изъ тѣхъ малодушныхъ, которые не отходятъ отъ своихъ женъ и совѣтуются обо всемъ съ ними. Я не принадлежу къ числу

Digitized by Google

тѣхъ трусовъ, которыхъ страусово сердце дро
житъ, будто несомое на трепещущихъ крыль
яхъ птички. Я не ничтожный сластолюбецъ, кото
рый вѣчно забавляется съ дѣвушками, и нати
рается цѣлый день благовонными мазями. Ежели
мать воина груститъ теперь объ удаленіи Шан
фари, зато прежде былъ онъ ея радостью. Но
слишкомъ долго былъ онъ игрушкою несправе
дливостей, которыя дѣлились его тѣломъ по же
ребью, какъ дѣлятъ мясо убитаго верблюда. Ко
гда онъ спалъ, злая судьба бодрствовала, чтобы
приготовить ему новую бѣду. Несчастія стали по
сѣщать его такъ исправно, какъ четвородневная
лихорадка. Часто я ихъ отгонялъ, но все новыя
приходятъ со всѣхъ сторонъ.... Я бываю то бѣ
денъ, то богатъ; но тотъ только и пріобрѣтаетъ
прочныя богатства, кто съ великимъ, предпріим
чивымъ духомъ соединяетъ терпѣніе. Мой духъ
не упадетъ, и ни передъ кѣмъ не скрыта моя бѣд
ность; но если иногда блестѣли и мои богатства,
зато я не зналъ гордости и высокомѣрія.»

Антаръ, одинъ изъ семи поэтовъ, которыхъ
творенія, возбуждавшія всеобщій восторгъ, по
вѣшены были на золотыхъ цѣпяхъ въ мекккомъ
храмѣ Каабѣ, пантеонѣ древнихъ Аравитянъ, и
оттого получили названіе *моаллака* (привѣшен
ныхъ), храбрый Антаръ еще въ юношествѣ осво
бодилъ родственниковъ и друзей своихъ изъ плѣна.
Онъ былъ неустрашимѣйшій фарисъ поколѣнія
Абсъ, и дѣятельнѣйшій герой въ сорока-лѣтней
войнѣ, извѣстной у Арабовъ подъ именами Дагесъ
и Габра. Изъ его «привѣщенной» поэмы мы при-

Digitized by Google

ведемъ то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ своей возлюбленной:

«Если ты меня не знаешь, то разспроси фарисовъ обо мнѣ *. Видишь ли, я всегда на сѣдлѣ, на быстроногомъ конѣ моемъ, который уже причиною погибели многихъ воиновъ: стремится онъ одинъ въ сѣчу, и мгновенно возвращается въ ряды опытныхъ стрѣлковъ. Кто вмѣстѣ со мною сражался, тотъ разскажетъ тебѣ, что я всегда первый въ битвѣ, и послѣдній тамъ, гдѣ дѣлятъ добычу.

«Многихъ героевъ, которыхъ страшились и храбрѣйшіе, героевъ, которые никогда не обращались въ бѣгство и не сдавались, сразила уже рука моя, во краткомъ боѣ, прямымъ и упругимъ копьемъ. Ихъ латы разлетаются въ куски; копье мое прокладываетъ себѣ дорогу ко всякому храброму сердцу, и сраженнаго врага какъ заколотаго барана я отдаю на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, которые гложутъ его мощныя плечи и желѣзные пальцы. Сколько мой мечъ раздробилъ кольчугъ на всадникахъ, которые умѣли храбро защищать все для нихъ дорогое! Сперва я повергаю ихъ копьемъ, а потомъ устремляюсь на нихъ съ блестящимъ мечемъ. Иной былъ такъ крѣпокъ и такого огромнаго роста, что можно было почесть его за дубъ, одѣтый

---

* Мы уже сказали однажды, что слова chevalier, cavaliere, суть буквальный переводъ слова *фарисъ*, которое въ арабскомъ происходитъ отъ *фдрасъ*, конь, какъ chevalier, cavaliere, происходятъ отъ cheval, cavallo. Нѣмецкое Ritter (рыцарь) выражаетъ ту же идею, какъ происшедшее отъ Reiter, всадникъ.

Digitized by Google

въ латы, и что цѣлая воловья кожа нужна для закутанія одной ноги его».

Самое блестящее время поэзіи аравійской пустыни относится, какъ мы уже сказали, къ пятому столѣтію, когда потомки Маада подъ предводительствомъ Рабія, отца Мугальгиля, когда всѣ бедуины воевали за свою независимость противъ соединенныхъ государей Емена, къ той эпохѣ, когда сорока-лѣтняя война кровавою чертою раздѣляла многія племена Арабовъ. Большая часть поэмъ этого времени отличается рыцарскимъ духомъ, и содержаніемъ служатъ имъ сраженія, стычки, поединки. Неустрашимость при видѣ врага, и ловкость въ битвѣ, воспѣваются въ нихъ съ сильнѣйшимъ восторгомъ. Главная цѣль тогдашнихъ поэтовъ заключалась въ томъ, чтобы въ пѣсняхъ своихъ возвѣстить свѣту живо и вѣрно событія, въ которыхъ сами пѣвцы и ихъ поколѣнія покрылись славою, и по этой причинѣ стихотворное искусство было въ такомъ уваженіи у бедуиновъ, что при первомъ всенародномъ одобреніи поэта, все поколѣніе въ торжественной процессіи отправлялось къ его родителямъ, чтобы поздравить ихъ съ такимъ счастіемъ. Всякому колѣну необходимы были свои поэты, не для того только, чтобы его военные подвиги были воспѣты въ улусѣ, но чтобы и отдаленныя колѣна уважали и боялись его. Потому-то на ярмаркѣ въ Оккадѣ, гдѣ собирались бедуины изъ всѣхъ поколѣній, бывали публичныя состязанія поэтовъ, для награды достойнѣйшихъ. Пѣвецъ, увѣнчанный всеобщимъ одобреніемъ, по приговору избранныхъ судей имѣлъ

Digitized by Google

право повѣсить свою поэму въ храмѣ Каабѣ, гдѣ она, получивъ золотыя украшенія, привлекала къ себѣ удивленіе богомольцевъ: съ-тѣхъ-поръ она жила въ изустныхъ преданіяхъ народа, и прочитывалась при торжественныхъ случаяхъ. Арабскіе поэты играли часто роль скандинавскихъ скальдовъ при междоусобныхъ распряхъ. Продолжительныя вражды часто утишались черезъ посредничество сильнаго сосѣда, и на поэтовъ возлагалась защита, передъ избранными судьями, правъ того и другаго племени. Такъ, послѣ сорока-лѣтней войны, при возникшемъ спорѣ между Таглебитами и Бекритами объ одномъ источникѣ въ пустынѣ, выбраны были царь Амру-ибнъ-Гиндъ въ посредники, а два поэта Амру-ибнъ-Кельтумъ и Харетъ въ защитники правъ, первый Таглебитамъ, второй Бекритами. Каждый изъ нихъ хвалитъ въ стихахъ добродѣтели своего племени и укоряетъ противника въ трусости и насиліи. Амру славитъ своихъ за то, что они всегда пребыли независимыми и не преклоняли головы, подобно Бекритамъ, подъ иго сосѣднихъ властителей.

«О Амру, говоритъ онъ царю-судьѣ, не спѣши, погоди; мы возвѣстимъ тебѣ правду. Мы тебѣ скажемъ, что всегда выступаемъ въ поле битвы съ бѣлыми знаменами, но приносимъ назадъ обагренныя непріятельскою кровью. Мы напомнимъ тебѣ славныя битвы. Мы сражались и противъ тебя, потому-что не хотѣли унизить себя до того, чтобы покориться твоей царской власти.

«Копья наши пронзаютъ бѣгущихъ отъ насъ, и мы всегда хватаемся за мечъ, когда на насъ на-

Digitized by Google

падаютъ. И тогда черепы непріятельскіе лежатъ по землѣ кучами, подобно караваннымъ вьюкамъ, снятымъ съ верблюдовъ во время ночлега въ каменистой пустынѣ. Мы открыли у противниковъ нашихъ столько измѣнъ, что удерживаемая досада наконецъ должна была разразиться. Ежели какое-нибудь племя, страшась бѣдствій, не дерзало само выступить, то мы выставляли свои войска, какъ утесъ съ острыми боками, и первые шли защищать нашу славу. Мы выходимъ съ юношами, любящими смерть благородную, и со старцами опытными въ войнѣ. Ни одинъ народъ не припомнитъ, чтобъ мы когда-либо унижались: никогда не покорялись мы по малодушію! Какъ же могъ ты требовать отъ насъ, Амру, чтобы мы сдались твоимъ намѣстникамъ? Какъ могъ ты внимать клеветѣ и смотрѣть на насъ съ презрѣніемъ? Остановись съ твоими совѣтами и угрозами! Когда были мы данниками твоего дома? Копья наши, Амру, и прежде тебя, не уступали ни чьимъ въ свѣтѣ. И вы, сыны Бекра, не слыхали ли вы уже отъ насъ правды? Не знаете ли вы нашихъ и своихъ воиновъ, когда они сражаются копьями и стрѣлами? Прекрасныя жены слѣдуютъ за нами на войну, и мы мужественно охраняемъ ихъ, чтобъ онѣ не сдѣлались добычею вашей и не были посрамлены. Онѣ кормятъ нашихъ коней и говорятъ: Вы не мужья намъ, если насъ не оборонite! Когда колѣна Маадовы разбиваютъ свои юрты въ долинахъ, то имъ очень хорошо извѣстно, что мы остаемся тутъ же, пока намъ нравится, и переходимъ въ другое мѣсто только тогда, какъ намъ захочется. Мы пьемъ

Digitized by Google

воду, пока она свѣтла и чиста, и коль-скоро сдѣлается мутною и грязною, мы ее оставляемъ другимъ. Другія поколѣнія часто переносили гнетъ жестокой власти: мы не допустимъ до себя подобнаго безчестія! Мы будемъ распространяться по землѣ, пока она не сдѣлается для насъ тѣсною, и пока море не покроется нашими кораблями! Едва наши дѣти покинутъ грудь матерей, и герои уже падаютъ передъ ними съ почтеніемъ».

Харетъ не такъ силенъ въ своей защитѣ какъ Амру; вмѣсто того, чтобъ восторженностью увлечь судью, онъ старается убѣдить его тонкостями и уловками; онъ дѣлаетъ Бекритамъ язвительные упреки въ безпрестанной невѣрности данному слову и въ пустомъ хвастовствѣ; напоминаетъ многія пораженія, за которыя они не отмстили; указываетъ на ихъ случайныя побѣды, постыдно употребленныя ими во зло, и обращается къ своему противнику: «О ты, который клевещешь на насъ передъ Амру! долго ли устоитъ твоя ложь? Не думай, чтобы твои нападенія имѣли какую-нибудь силу противъ насъ. И прежде тебя, другіе непріятели много худаго взводили на насъ; но отъ всей ихъ злобы защитили насъ твердыни и наша незыблемая слава, которыя во многихъ уже возбуждали зависть, и всегда поражали дерзавшихъ покушаться противъ насъ.

«Если постигали насъ неудачи или несчастія, это все-равно какъ-будто ниспадали они на высокую и мрачную гору, которая вершиною, прорывая облака, съ спокойнымъ видомъ и неподвижно отражаетъ отъ себя всѣ дерзкіе удары. Спро-

Digitized by Google

сите, что произошло между Мильхою и Шакибомъ, и найдете, что вы многихъ оставили неотмщенными, а мы воздали вамъ за все. Вы хорошо насъ познали, когда всѣ поколѣнія кровожадно устремлялись одно противъ другаго; когда каждое колѣно находилось въ безпрерывной тревогѣ; когда и храбрѣйшіе не смѣли жить на равнинахъ, а трусливымъ не помогало и бѣгство. Оставьте притворство и высокомѣріе; они только увеличиваютъ вашу неправоту».

Для бедуиновъ, разсѣянныхъ по пустынѣ и вѣчно борющихся съ недостаткомъ, гостепріимство и великодушіе къ бѣднымъ и неимѣющимъ пристанища, должны послѣ храбрости занимать второе мѣсто между благородными качествами и, слѣдовательно, быть предметами стихотворства. Покровительство и благодѣянія, оказываемыя чужестранцу или союзнику, не менѣе были почетны какъ и храброе нападеніе на врага; но лишьтолько побѣда погашала племя войны, первымъ долгомъ побѣдителя было зажечь «огонь гостепріимства», который бы указалъ путнику, во время ночи, готовый для него столъ и кровъ.

«Когда честь человѣка безъ пятенъ, говоритъ Самуилъ Адіецъ, который исповѣдывалъ еврейскую вѣру подобно многимъ тогдашнимъ Аравитянамъ, то прекрасно всякое одѣяніе, какимъ онъ ни покрытъ. Не умѣющій переносить никакихъ несчастій, не найдетъ пути къ блестящей славѣ. Упрекаютъ насъ въ нашей малочисленности; я отвѣчаю: Да, это справедливо; благородныхъ немного.

Digitized by Google

«Многіе говорятъ: что думаетъ о себѣ народишко Адійцы? Онъ стремится къ славѣ, а самъ такъ ничтоженъ, и живетъ совершенно въ безвѣстности? Но вредна ли намъ наша малочисленность, когда желающій воспользоваться нашимъ кровомъ почтенъ; между-тѣмъ какъ гости многочисленныхъ колѣнъ бываютъ унижаемы? Мы возводимъ тѣхъ, кого однажды приняли подъ свое покровительство, какъ бы на неприступную гору, которая такъ высока, что взглянувъ на нее, вдругъ опускаешь утомленные глаза; гору, которая основаніемъ своимъ проникаетъ глубоко въ землю, между-тѣмъ какъ вершины деревьевъ ея возвышаются до звѣздъ. Мы чисты какъ вода облаковъ, и наши клинки не имѣютъ зарубокъ. Между нами нѣтъ скупыхъ. Падетъ ли одинъ изъ нашихъ героевъ, тотчасъ возстаетъ другой, и слѣдуетъ словомъ и дѣломъ примѣру благородной жертвы. Огонь нашъ никогда не потухаетъ, чтобы ночной странникъ зналъ, гдѣ живетъ гостепріимство, и никогда путешественникъ не вспомнитъ насъ зломъ».

Самуилъ не преувеличивалъ благородныхъ качествъ своего племени: это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что спасавшійся бѣгствомъ Амрулькайсъ, не зналъ никого, кому бы могъ вѣрнѣе отдать въ сохраненіе свое оружіе, какъ Адійцамъ, и не обманулся. Когда Харетъ, противникъ Амрулькайса, взялъ въ плѣнъ сына Самуилова, и за выкупъ его требовалъ сто панцырей Амрулькайсовыхъ, Самуилъ согласился лучше видѣть смерть

Digitized by Google

собственнаго сына, нежели выдать ввѣренное оружіе. Самуилъ разсказываетъ:

«Я вѣрно сохранилъ панцыри Киндія, и тѣмъ избѣжалъ безчестія, которое бы меня могло постичь. Мой отецъ сказалъ мнѣ однажды: Самуилъ! не разрушай того, что̀ я построилъ».

Славный поэтъ Ааша упоминалъ объ этомъ происшествіи и обезсмертилъ его своими стихами.

«Поступай какъ Самуилъ. Когда одинъ могущественный князь напалъ на него съ толпою воиновъ, густою какъ мракъ ночи, онъ не обинуясь сказалъ: Умерщвляй твоего плѣнника, но я буду защищать пришедшаго подъ мою защиту».

Образцомъ щедрости почитается у Арабовъ Хатемъ, изъ племени Таи. Нѣкоторые изъ его стиховъ дошли до насъ. Онъ говоритъ въ нихъ женѣ своей:

«Ежели ты мнѣ приготовила кушанье, то добудь мнѣ еще и товарища для обѣда; одинъ я не могу ѣсть. Призови или сосѣда, или путешественника: не хочу, чтобы послѣ моей смерти говорили обо мнѣ худо! Какъ человѣкъ можетъ досыта наѣдаться, когда желудокъ его сосѣда пустъ? Лучше смерть, нежели изобиліе скупца, который безъ жалости мимо пропускаетъ утомленнаго странника! Я слуга моимъ гостямъ, пока они находятся подъ моимъ кровомъ; только для этого одного — рабское во мнѣ чувство. Клянусь Тѣмъ, который одинъ знаетъ сокровенное и оживляетъ истлѣвшія кости, что мнѣ пріятнѣе угощать моихъ гостей и самому голодать, нежели слыть скрягою!»

Во многихъ мѣстахъ *Хамасы*, собранія древнихъ

Digitized by Google

бедуинскихъ стихотвореній, щедрость прославляется въ высочайшей степени, и мы уже замѣтили, что въ поэтическомъ языкѣ древнихъ Аравитянъ «щедрость» и «честь», «скупость» и «низость» суть синонимы.

«Оставь меня, мать моего Хайтама! говоритъ Амру-ибнъ-Атамъ: скупость лишаетъ человѣка лучшихъ его достоинствъ. Дозволь мнѣ быть великодушнымъ: благородная слава безъ пятна весьма дорога моему сердцу. Оставь меня! мнѣ должно исправить важныя дѣла; священныя обязанности призываютъ меня помогать несчастному. Вольный (бедуинъ) страшится только того, чтобъ его гостепріимство не было осуждаемо, а путь, которымъ идутъ такіе люди, есть путь добродѣтели. Клянусь твоею жизнію, никакая земля не тѣсна для такихъ жителей!..... одни только пороки дѣлаютъ ее для насъ тѣсною».

Поэтъ Марраръ говоритъ въ Хамасѣ: «Я поклялся, чтобъ, когда мрачная ночь окружаетъ мою юрту, никогда не скрывать огня своего отъ странника. Други! пусть огонь ярко пылаетъ у насъ, чтобъ онъ всю ночь свѣтилъ нуждающемуся путнику; пусть къ огню нашему приближается всякій честный человѣкъ, котораго одолѣли голодъ и усталость. Если онъ потомъ захочетъ со мною познакомиться и спросить, какъ меня зовутъ, я громко возвѣщу ему имя мое. Весело провелъ я ту ночь, въ которую удалось мнѣ принять гостя и предложить ему лучшія свои яствы, которыхъ я не выигрываю въ кости».

Любовь также составляетъ нерѣдко предметъ

Digitized by Google

древней поэзіи пустыни. Въ Хамасѣ сохранились и любовныя поэмы того времени, когда жена не была еще рабою мужа.

«Никакое мученіе не равняется мученію любящаго, хотя бы онъ и вкусилъ пріятнѣйшую награду любви. Его томятъ то желанія, то боязнь разлуки, и онъ всякій часъ плачетъ. Удалится ли его любезная, онъ вздыхаетъ въ слѣдъ ея; подлѣ него ли она—тутъ овладѣваетъ имъ страхъ, чтобъ не ушла. Краснѣютъ глаза его, когда она удаляется отъ него; говорятъ, когда она возвращается».

Другой поэтъ говоритъ: «Я былъ силенъ какъ герой, доколѣ разлука не раздула въ моемъ сердцѣ горячихъ углей; мнѣ представлялось, что продолжительное блаженство прежнихъ дней умалитъ много любовь. Но сердце мое такъ жаждетъ новаго свиданія, какъ изсохшая земля, послѣ перваго весенняго дождичка, ожидаетъ другаго. Я томлюсь желаніемъ видѣть раскрашенные любезной руки, черные ложоны, золотыя ея ожерелья и бѣлыя щеки. Прелестна стройность ея! Перлы должны бы украшать шею, но не они даютъ ей блескъ, а сами отъ нея блестятъ.

«О красная дѣвица! ты такъ дѣлала меня счастливымъ, что сердце мое плавало въ нѣгѣ, подобно дикому голубю, купающемуся въ ночной росѣ».

Послушаемъ еще, какъ славный поэтъ Аапа, жившій уже во время Магомета, воспѣваетъ свою любезную, Хурейру.

«Настала минута сказать Хурейрѣ — прощай! Поколѣніе ея выступаетъ въ путь, чтобы перейти

Digitized by Google

на другое пастбище. Но достанетъ ли силъ произнести ей «прощай?» Какъ ослѣпительна бѣлизна ея чела! Какъ длинны и густы ея волосы! Какъ блестятъ ея зубы! Медленна и спокойна ея походка, какъ шагъ коня пораненнаго въ ногу. Когда она идетъ изъ юрты своей сосѣдки, то величественно колеблется, подобно облаку, которое тихо плаваетъ въ воздухѣ. При каждомъ выступѣ, слышится звукъ бряцающихъ медаліоновъ, которыми украшены ея безчисленныя косы, звукъ, подобный издаваемому сѣменами вѣтромъ колеблемаго ишрика. Она не изъ числа тѣхъ дѣвицъ, которыхъ ненавидятъ подруги, потому-что никогда не ищетъ она подслушивать ихъ тайны. Она сложена такъ нѣжно, что даже ни разу не можетъ посѣтить своей сосѣдки безъ усилія и напряженія. Когда она немного поиграетъ съ своею подругою, то все тѣло ея приходитъ въ трепетаніе. Едва я увидѣлъ ее, тотчасъ и полюбилъ: но, увы, она пламенѣетъ къ другому, который расточаетъ любовь свою передъ иной красавицей! Любитъ и меня также другая дѣвица, но я къ ней нечувствителенъ. Такъ дѣлимъ мы всѣ одинаковую участь; такъ чувствуемъ всѣ мученія любви, и каждый попадаетъ въ тѣ же сѣти, которыми самъ опутывалъ другихъ».

Антаръ говоритъ своей возлюбленной:

«Я думаю о тебѣ, когда даже непріятельскія копья утоляютъ во мнѣ свою жажду и острые клинки купаются въ моей крови. Меня веселятъ мечи, когда ударяются другъ объ друга, потому-что они сверкаютъ тогда какъ твои блестящіе глаза, когда ты улыбаешься».

Digitized by Google

Во многихъ моаллакахъ съ любовію воспѣваются мѣстѣ неустрашимость и благородство духа самого пѣвца и его племени. Сперва поэтъ изображаетъ владычицу своего сердца; припоминаетъ многіе счастливые часы, которые съ ней проводилъ и которые внезапная война прекращала; онъ неутѣшенъ въ своей потерѣ, но на краю отчаянія перестаетъ жаловаться и ободряетъ себя мыслію, что онъ—украшеніе своего племени, которое также вѣнецъ всѣхъ земныхъ племенъ; онъ бросаетъ послѣдній горестный взглядъ на сѣтующія уединенныя мѣста, гдѣ нѣкогда раскинута была палатка его любезной; потомъ стѣсняетъ вздохи свои въ глубинѣ груди; вскакиваетъ на коня или верхового верблюда, лучшаго и прекраснѣйшаго изъ всѣхъ въ его землѣ, чтобы помогать одноплеменникамъ; опоясываетъ мечъ, который поражалъ уже сильнѣйшихъ; мчится черезъ жгучіе пески къ храбрымъ своего колѣна, и, начальствуя ими, нападаетъ на непріятелей. Едва онъ побѣдилъ, и уже состраданіе пробуждается въ душѣ его; онъ великодушенъ къ побѣжденнымъ, признающимъ его превосходство и возвращаетъ все, что̀ получилъ въ добычу.

Описательный характеръ придаетъ этой поэзіи еще особенный оттѣнокъ. Изображеніе быстраго коня, который несетъ бедуина въ битву, терпѣливаго верблюда, товарища его въ далекихъ походахъ, и острыхъ оружій, которыми защищаетъ онъ свое имѣніе и жизнь, занимаетъ въ арабскихъ поэмахъ того времени значительное мѣсто. Здѣсь-то въ особенности пускаются поэты пустыни въ

Digitized by Google

тѣ длинныя сравненія, о которыхъ мы прежде говорили. Гномовъ, или нравственныхъ изрѣченій, не забываютъ также они средь самыхъ богатыхъ картинъ своихъ. Суюти даже говоритъ, что бедуины не почитаютъ хорошимъ поэтомъ того, кто въ свое стихотвореніе, какого бы оно ни было содержанія, не вплетаетъ мудрыхъ изрѣченій. Такъ Амрулькайсъ заслужилъ имя хорошаго поэта, сказавъ: «Богъ есть лучшая помощь въ нуждѣ, а невинность лучшее благо человѣка!» Зогейръ первою славою обязанъ былъ слѣдующему стиху: «Сколько бы человѣкъ ни старался казаться лучшимъ, нежели онъ въ самомъ дѣлѣ, рано или поздно настоящее его свойство откроется». Особенно богатъ конецъ Зогейровой моаллаки нравственными правилами. Между прочимъ онъ говоритъ:

«Кто безпрестанно боится смерти, за тѣмъ она неотступно спѣшитъ, хотя бы онъ бѣжалъ отъ нея до небесъ. — Кто не защищаетъ собственнымъ оружіемъ своихъ колодцевъ, у того ихъ отнимаютъ; худо обходятся съ тѣмъ, кто слишкомъ опасается нанести несправедливость другому. — Странствующій долженъ смотрѣть на врага какъ на друга, а не уважающій другихъ не въ правѣ требовать уваженія для себя.—Человѣкъ съ дурными нравами тщетно будетъ стараться скрыть ихъ; проявятся они, какъ бы ни лицемѣрилъ онъ. —Оказывающій добро злымъ раскается въ этомъ, и заслужитъ хулу вмѣсто хвалы. — Языкъ есть одна половина человѣка, другая—его сердце; прочее только наружность — мясо и кровь. — Для безумнаго юноши есть еще надежда, что придетъ

Digitized by Google

пора, когда онъ остепенится; но ежели старикъ не разсудителенъ, то уже нельзя ждать, чтобъ одумался».

Эта оригинальная, сильная, истинная поэзія была еще въ полномъ цвѣтѣ, когда явился Магометъ. Съ той минуты она быстро начала упадать. Конечно, одно только желаніе сказать что-нибудь новое заставило г. Вейля доказывать, что исламизмъ и войны за новую вѣру не имѣли вліянія на этотъ упадокъ. Едва-ли кто изъ оріенталистовъ повѣритъ ему, будто Магометъ оказывалъ величайшее уваженіе къ поэтамъ и преслѣдовалъ только тѣхъ, которые сочиняли сатиры и эпиграммы на новаго пророка. Если въ жизни этого человѣка можно показать одну или двѣ черты особеннаго благорасположенія къ какому-нибудь поэту, то это болѣе исключеніе, нежели правило. Если онъ иногда и хвалилъ поэзію, за то въ другихъ случаяхъ отзывался объ ней съ негодованіемъ, и его негодованіе осталось закономъ для правовѣрныхъ. Не такъ ли точно Магометъ называлъ вино, въ одной главѣ Корана, «драгоцѣннымъ даромъ неба», а въ другой, когда его разругалъ одинъ пьяный Аравитянинъ, предалъ проклятію все хмѣльное, и мусульмане, забывъ противорѣчіе, послѣдовали этому новому закону? Хорошо ли, дурно ли поняли своего пророка первые магометанскіе богословы относительно поэзіи, но дѣло въ томъ, что и поэзія, въ началѣ исламизма, признаваема была богопротивнымъ дѣломъ; да и до-сихъ-поръ самые набожные мусульмане почитаютъ грѣхомъ читать стихи — по-крайней-мѣрѣ всякіе другіе стихи кромѣ ду-

Digitized by Google

ховныхъ и нравственныхъ. Такое расположеніе умовъ не могло не нанести жестокаго удара этой рыцарской поэзіи, въ которой война, любовь, вино и насмѣшка, занимаютъ три четверти мѣста. Довольно вспомнить презрительный тонъ, съ какимъ мусульманскіе богословы отзываются о *шуарѣ*, «поэтахъ», чтобы согласиться, что царствіе ихъ кончилось съ появленіемъ этихъ ученій, хотя бы они даже были противны мысли законодателя; но позволительно думать, что мусульманскіе богословы лучше доктора Вейля поняли Магомета. Не надобно забывать также, что Коранъ принесъ съ собой не одну только ту новость, что анаѳема была изрѣчена противъ стиховъ: анаѳема со-временемъ потеряла бы силу, какъ это и дѣйствительно случилось спустя два или три столѣтія; но Коранъ въ то же самое время произвелъ полную нравственную и политическую революцію во всемъ быту Аравитянъ, измѣнилъ всѣ ихъ понятія, всѣ ихъ чувствованія, всѣ ихъ стремленія: а при такихъ обстоятельствахъ могла ли прежняя поэзія продолжаться? Послѣ столь страшнаго переворота, умы были заняты совсѣмъ другими предметами. Новыя разсужденія, новыя желанія и надежды, вытѣснили прошедшее изъ памяти. Независимость бедуиновъ пала; кончились ихъ поэтическія междоусобія; обращенія въ исламизмъ, большею частью вынужденныя насиліемъ или страхомъ насилія, наполнили пустыню другими понятіями и заботами, и когда халифы погнали сыновъ ея сражаться противъ Римлянъ, Персовъ, Турковъ, Африканцевъ и испанскихъ Готовъ, тогда, право, нѣкогда

Digitized by Google

имъ было присутствовать при состязаніяхъ своихъ поэтовъ и восхищаться ихъ пѣснями! Г. Вейль забылъ одно очень важное обстоятельство: по ученію Магомета всякая побѣда мусульманина одерживалась, уже не мужествомъ, но прямымъ содѣйствіемъ силъ небесныхъ, *невидимой рати ангелов*, которые нисходятъ на землю помогать въ битвѣ правовѣрнымъ. Этотъ догматъ подкапывалъ въ самомъ основаніи весь духъ рыцарской поэзіи пустыни. Кто могъ прославлять храбрость героевъ своего колѣна, когда она не была уже личнымъ достоинствомъ? Впрочемъ, если бы самолюбіе и не уважило такого догмата, если бы врожденная склонность бедуиновъ къ стихотворству и привлекла ихъ въ станъ, во время войнъ съ христіанами, къ палаткѣ вооруженнаго поэта и они стали по-прежнему слушать его рыцарскія пѣсни, то фанатическіе муллы тотчасъ разогнали бы ихъ однимъ прочтеніемъ слѣдующаго мѣста Корана: «Долженъ я вамъ сказать, къ кому ходятъ «дьяволы? Они ходятъ къ безчестнымъ лжецамъ «(то есть поэтамъ), разсказываютъ имъ все, что̀ «подсмотрѣли у ангеловъ, и больше еще прибавляютъ своихъ лжей. *Поэтовъ слушаютъ только «отступники:* развѣ вы не видите, какъ они пре«ступаютъ всѣ законы правды и хвалятся дѣлами, «которыхъ не совершили?» Кажется, что послѣ этого приписывать Магомету особенное пристрастіе къ поэзіи и поэтамъ, значитъ только обнаруживать рѣшительную склонность къ прекословію безъ всякой надежды на убѣжденіе читателей. Изъ своей анаѳемы Магометъ исключилъ однакожъ

Digitized by Google

правовѣрныхъ стихотворцевъ, которые ведутъ святую жизнь, часто вспоминаютъ о Богѣ, и защищаютъ себя, *когда невѣрные причиняютъ имъ обиды*». Но благопріятствовало ли это духу прежней рыцарской поэзіи? Конечно, нѣтъ. Суюти, на котораго г. Вейль такъ часто ссылается, самъ Суюти разсказываетъ, что Магометъ называлъ *лжецомъ* знаменитаго поэта Лебида, обратившагося въ исламизмъ, даже за стихи, содержащіе въ себѣ чистую истину: «Спроси человѣка, чего онъ домогается: хочетъ ли исполнить свой святой долгъ или свои мечтанія и суетность? Сколько людей, которые ложно понимаютъ назначеніе свое! Но истинно разсудительный пролагаетъ себѣ путь къ Богу. Не все ли суета, кромѣ Бога? *Не всякая ли радость скоро проходитъ?* Каждаго человѣка постигнетъ наконецъ болѣзнь, отъ которой пожелтѣютъ его пальцы. Каждый познаетъ тайну своего существованія, когда съ дѣлами своими явится передъ Богомъ». Придирчивый цензоръ Магометъ нашелъ и здѣсь преступленіе: онъ упрекалъ Лебида за то, что поэтъ назвалъ всякую радость преходящею, тогда-какъ радость райская будетъ продолжаться вѣчно. А между-тѣмъ, какъ видно изъ точнаго смысла этого мѣста, Лебидъ и не думалъ говорить здѣсь о другой радости кромѣ земной, обыкновенной!

Первые ученики Магомета наслѣдовали вполнѣ этотъ духъ ханжества и лицемѣрства своего пророка. Какъ могла успѣвать поэзія при подобномъ стѣсненіи ума? Когда Омаръ велѣлъ Лебиду составить собраніе поэмъ, славившихся между Арабами

Digitized by Google

тянами до того времени, тотъ же самый поэтъ, уже проученный пророкомъ, объявилъ, что двѣ главы Корана замѣняютъ для него всѣ поэмы, и Омаръ за это увеличилъ пятью стами динаріями годовое содержаніе Лебида, отнявъ ихъ у поэта Аглаба, который, не смотря на свое обращеніе въ новую вѣру, не переставалъ сочинять стиховъ. Суюти разсказываетъ о томъ же халифѣ, что онъ лишилъ пенсіона поэта Сухейму, въ наказаніе, что тотъ въ одномъ стихѣ «Сѣдые волосы и исламизмъ отвлекли меня отъ любви», прежде поставилъ слово *волосы* чѣмъ *исламизмъ*. Османъ также не уступалъ въ нетерпимости своему предшественнику. Даже и при династіи Омміядовъ поэты большею частію не смѣли надѣяться заслужить милость халифовъ иначе, какъ избравъ предметомъ стихотвореній добродѣтели Магомета и первыхъ его наслѣдниковъ; и такимъ-образомъ похвальные стихи оставались одни въ обычаѣ изъ всѣхъ прочихъ родовъ поэзіи. Для поэтовъ ничего тогда не значили похвалы толпы; счастія и славы они ожидали только отъ халифа, и все ихъ стараніе клонилось къ тому, чтобъ льстить ему и воспѣвать его милости.

Когда Омаръ, сынъ Абдъ-эль-Азиза, принялъ правленіе, то, по словамъ Суюти, лучшіе поэты его времени явились у входа дворца, но не были къ нему допущены. Между ними находился славный сатирикъ Джериръ, который уже воспѣлъ около шести предшественниковъ Омара, одного за другимъ, какъ достойнѣйшихъ памѣстниковъ Магомета. Когда поэты хотѣли возвращаться домой,

Digitized by Google

встрѣтился имъ Ади. Джеиръ просилъ его сказать халифу, что они долго дожидались, и теперь уходятъ съ сокрушеннымъ сердцемъ. Ади доложилъ Омару: «Повелитель правовѣрныхъ, стихотворцы стоятъ у воротъ: ихъ языки подобны ядовитымъ стрѣламъ и ихъ слова вонзаются глубже чѣмъ копья!» Омаръ отвѣчалъ: «Поди, ты Ади! какое имѣ дѣло до поэтовъ?» Ади возразилъ: «Богъ да благословитъ повелителя правовѣрныхъ, надобно принять ихъ! Не слѣдуй однако примѣру Магомета. Онъ награждалъ тѣхъ поэтовъ, которые прославляли его, и одному изъ нихъ, Аббасу, подарилъ плащъ, чтобы укоротить его языкъ». Послѣ того Омаръ спросилъ: «Кто же тамъ у воротъ?» Ади исчислилъ ожидавшихъ: Омара, сына Абу-Рабіева, Фараздека, Ахтала, Ахвада и Джумейля. Омаръ при каждомъ имени произносилъ: «Я не хочу его видѣть: онъ сочинилъ то и то!» Къ этому халифъ прибавилъ одинъ стихъ, гдѣ поэты вообще описаны весьма плохими мусульманами. Когда Ади наослѣдокъ назвалъ Джерира, Омаръ отозвался: «Хоть и этотъ иногда въ своихъ сочиненіяхъ оскорбляетъ приличіе, однакожъ, чтобы не всѣхъ отослать не видавши, хочу лучше видѣть его нежели прочихъ». И ему одному, за похвальную оду подарилъ халифъ сто динаріевъ, и то единственно по уваженію крайней его бѣдности.

Поэзія пустыни исчезла на своей родинѣ, но она впослѣдствіи возродилась въ подражаніяхъ. Съ ней случилось то же самое, что нѣкогда съ поэзіей Грековъ и Римлянъ. При утвержденіи христіанства, новый міръ идей уничтожилъ всю прежнюю

Digitized by Google

классическую поэзію; но красоты ея впослѣдствіи поразили христіанъ, и они начали писать стихи, въ которыхъ опять появились боги и богини Олимпа. Довольно примѣчательно, что первый примѣръ этого страннаго обновленія забытыхъ божествъ поэтическихъ подалъ одинъ епископъ. Аравитяне также — мы уже говорим объ осѣдлыхъ Аравитянахъ — начали воскрешать мало-по-малу, среди своихъ садовъ, прежнюю поэзію пустыни, и вотъ кочевая жизнь явилась снова въ ихъ поэмахъ. Но это были уже простыя формы безъ жизни, безъ истины: настоящая поэзія никогда къ нимъ не возвращалась.

То, что́ доселѣ сказано здѣсь о духѣ арабской поэзіи, можетъ служить достаточнымъ введеніемъ къ приблизительному уразумѣнію одной прекрасной поэмы, которую мы представимъ всю въ переводѣ *. Это знаменитая моаллака Лебида, написанная имъ до обращенія своего въ вѣру Магомета. Лебидъ былъ одинъ изъ храбрѣйшихъ Фарисовъ своего времени, и происходилъ отъ рода князей арабскихъ. Читатели видятъ его въ пустынѣ: онъ стоитъ на мѣстѣ, дорогомъ его сердцу, мѣстѣ безлюдномъ и дикомъ, но нѣкогда полномъ жизни и веселія, потому-что здѣсь расположена была ставка, въ которой жила его возлюбленная, прекрасная Навара, дочь сильнаго начальника одного поколѣнія; онъ печально смотритъ на эти рав-

* См. *Моаллака Лебида*, въ I части Сочиненій, стр. 308 — 318.

Digitized by Google

ины, скалы, горы, на эти занесенные пескомъ слѣды бывшихъ жилищъ улуса невѣрной подруги сердца, и описываетъ, какъ она презрительно покинула благороднаго поэта, какъ снялось отсюда и перекочевало въ другую землю ея поколѣніе, съ какимъ отчаяніемъ смотрѣлъ онъ на ея отъѣздъ, какъ потомъ искалъ себѣ утѣшеній въ воинскихъ подвигахъ, въ винѣ, въ мимолетной любви пѣвицъ, путешествіяхъ, и прочая.

1839

Digitized by Google

ЭПОХИ

УПАДКА СЛОВЕСНОСТЕЙ.

По поводу сочиненія: ***Etudes de moeurs et de critique sur les poètes latins de la décadence, par*** M. Nisard. Paris. 1834. 2 vol.

Составьте себѣ впередъ любую систему о дѣлахъ человѣческихъ и, если она вамъ кажется неправдоподобною, прибѣгните къ пособію исторіи: исторія доставитъ вамъ неопровержимыя всему доказательства. Порокъ ли это исторіи, или ея польза — не знаю; но она готова доказать все, какъ скоро ее попросятъ или хорошенько пожмутъ. Г. Низару вспало на сердце непремѣнно отъискать гдѣ-нибудь порядочную эпоху клоненія словесности къ упадку, сходную съ той, въ которую самъ онъ родился, и исторія, съ свойственною ей услужливостью, тотчасъ поднесла ему Кесарей и ихъ поэтовъ, съ кучею готовыхъ доводовъ на придачу, что «старая» латинская словесность, заключавшаяся вся въ стихотвореніяхъ, похожа какъ двѣ капли воды на «юную» французскую словесность, которая творитъ поэзію въ прозѣ, и съ которою разсорился онъ разъ какъ-то за обѣдомъ.

Но г. Низаръ пустился въ большіе философы:

Digitized by Google

онъ, «при сей оказіи», сочиняетъ полную теорію упадка, обличаетъ его признаки, учитъ словесности упадать, и даже подаетъ имъ примѣръ своимъ слогомъ и тономъ. Г. Вилльменъ ему помогаетъ. Какъ бы то ни было, но предметъ паденія словесностей вообще чрезвычайно любопытенъ и важенъ, и мы возвращаемся къ сочиненію г. Низара, которое, говорятъ, такъ глубокомысленно, что стоитъ разбора.

Самымъ обильнымъ источникомъ заблужденій и превратнаго сужденія о событіяхъ отдаленной эпохи всегда была и будетъ страсть примѣнять понятія своего вѣка къ дѣламъ минувшихъ столѣтій, и объяснять новѣйшими идеями времена, ощущавшія совсѣмъ другія потребности, мыслившія совсѣмъ иначе. Я знаю, что это иногда называется критикою и философіею — и потому именно говорю, что это самый обильный источникъ превратнаго сужденія. Г. Низаръ черпаетъ въ немъ полнымъ кувшиномъ, и вотъ почему онъ ничего не понялъ въ характерѣ и свойствѣ паденія римской словесности, несмотря на то, что г. Вилльменъ превознесъ до небесъ его талантъ, разборчивость и познанія въ классической критикѣ. Если въ чемъ-либо авторъ и его критикъ жестоко ошибаются, то именно въ томъ, что они вообразили, будто занимаются латинскою словесностью и Римомъ, когда всѣ ихъ помышленія обращены къ нынѣшней французской литературѣ, къ сатирѣ и къ эпиграммѣ. Ничто такъ ясно не доказываетъ удивительнаго отсутствія класеической критики во Франціи, какъ это громкое одо-

Digitized by Google

бреміе, воздаваемое первыми литераторами того края фарсамъ, принимаемымъ ими за критику. Неужели, взявъ изъ Плинія, Квинтиліяна или Тацита нѣсколько литературныхъ именъ древняго Рима, и надѣливъ ихъ карикатурными чертами своихъ парижскихъ пріятелей, г. Низаръ думаетъ что онъ производитъ критическія изслѣдованія о классической словесности? По-крайней-мѣрѣ, это былъ бы новый способъ! Вся его книга, исполненная софизмовъ, самыхъ ложныхъ понятій о состояніи римской литературы въ I вѣкѣ — если только понятіями можно назвать умышленныя натяжки обстоятельствъ избраннаго предмета къ заранѣе опредѣленной цѣли — есть не что иное, какъ памфлетъ въ двухъ томахъ противъ современной словесности его отечества.

Г. Низару хотѣлось сказать, что эта словесность обнаруживаетъ всѣ признаки упадка, что г. Викторъ Гюго есть писатель временъ упадка—и вотъ онъ принялся за латинскую литературу, къ исторіи которой, какъ - бы нарочно для него, пришлось въ одномъ мѣстѣ слово «упадокъ», освященное тарою привычкою профессоровъ. Съ какою радостью, съ какимъ восторгомъ подхватилъ онъ это слово! Съ той минуты у него все упадаетъ, а если что не хочетъ упасть само, такъ онъ закидываетъ на него веревки, и тащитъ изо всей силы, чтобы непремѣнно упало. Федръ падаетъ! Сенека падаетъ! Луканъ падаетъ! Персій, Ювеналъ падаютъ! Г. Низаръ—разоритель хуже Тамерлана. Да еслибъ Федръ, Сенека, Луканъ, Персій и Ювеналъ были изъ числа нынѣшнихъ французскихъ писателей, такъ право

Digitized by Google

никто въ Европѣ, ни даже вы сами, великій пророкъ упадка, не сказали бъ, что ваша словесность клонится къ паденію!

Начать исторію упадка словесности съ Федра, по нашему, то же, что начать ее съ Лафонтена или съ Крылова. Мы никогда не скажемъ съ г. Вильменомъ, чтобъ статья г. Низара объ этомъ неподражаемомъ баснописцѣ была замысловата: она ложна, и въ основной своей идеѣ, и во всѣхъ своихъ выводахъ. Изъ нѣсколькихъ общепринятыхъ формулъ древней поэзіи, г. Низаръ создаетъ Федру, характеръ, неоправдываемый никакимъ свидѣтельствомъ, и потомъ острится надъ этимъ характеромъ. Поймавъ прекрасное выраженіе — nec hanc repulsam tua sentiret calamitas, *твое несчастіе не испытало бы этой обиды*—онъ кричитъ: упадокъ! дурной вкусъ! Какъ же слѣдовало сказать, объясните намъ, г. Низаръ, ради всего священнаго въ упадкѣ? Вотъ какъ: *несчастный, ты не испыталъ бы этой обиды!* Это ужъ слишкомъ тонко, г. Низаръ! Но ему не нравятся этого рода обороты, потому-что «юная словесность» любитъ ихъ чрезвычайно. Онъ находитъ въ Федрѣ нѣсколько словъ, которыхъ нѣтъ въ словарѣ Цицероновской академіи, и опять кричитъ. Перестаньте же наконецъ основывать понятіе упадка словесности или вкуса на уклоненіи языка отъ формъ данной эпохи! Языки измѣняются безпрерывно вмѣстѣ съ нравами и понятіями народовъ: это ихъ свойство — но они никогда не портятся. Они такъ же красивы въ началѣ столѣтія, какъ и въ концѣ его, какъ и въ слѣдующемъ столѣтіи, и

Digitized by Google

только тотъ писатель заслуживаетъ имя безвкуснаго и манернаго, который не говоритъ языкомъ своего времени. Когда вы допускаете, что только языкъ извѣстной эпохи, отличившейся твореніями пяти или шести великихъ писателей, хорошъ, правиленъ и благозвученъ, тогда одно средство спасти словесность его отъ упадка — истребить весь народъ тотчасъ послѣ смерти великихъ писателей, потому-что, какъ скоро вы оставите его еще пятьдесятъ лѣтъ на свѣтѣ, онъ неминуемо измѣнитъ свой языкъ. Шекспиръ писалъ однимъ, лордъ Байронъ другимъ, языкомъ: такъ который же изъ двухъ языковъ настоящій англійскій? Долженъ ли былъ Шекспиръ писать языкомъ Байрона, или Байронъ языкомъ Шекспира? Изучите особо каждый изъ этихъ двухъ языковъ, и вы не найдете никакой разницы въ ихъ красотѣ. Понятіе объ образцовой чистотѣ языковъ есть несчастный предразсудокъ старинной риторики, сухая и безплодная мечта схоліастовъ, которые, за недостаткомъ собственныхъ мыслей, занимались чужими словами. Да и что значитъ эта абсолютная идея упадка, который оканчивается все въ литературѣ? Слѣдственно, послѣ Шекспира и Мильтона, Байронъ и Вальтеръ-Скоттъ не могли и должны были явиться? Какъ же назовете вы промежутокъ, раздѣляющій двѣ блестящія, неотдаленныя эпохи англійской словесности — одной изъ всѣхъ новѣйшихъ, которая можетъ быть поставлена на ряду съ древнею греческою?.... Упадкомъ? Я не думаю, чтобъ языкъ Попа былъ запечатлѣнъ этимъ позорнымъ клеймомъ. Федръ, Стацій, Ювеналъ и прочіе

Digitized by Google

были писатели такого же промежутка въ латинской словесности, и называются поэтами временъ упадка потому только, что эта словесность, имѣвъ своихъ Шекспировъ и Мильтоновъ, не дождалась своего Байрона, и была разрушена Варварами вмѣстѣ съ имперіею. Да! въ латинской поэзіи былъ такъ-называемый упадокъ: но что̀ имѣетъ онъ общаго съ нынѣшнимъ состояніемъ французской словесности, въ которой господствуетъ не упадокъ, а совершенное разстройство, умственное и нравственное!

«Авторъ разбираетъ этотъ упадокъ съ удивительнымъ дарованіемъ!» говоритъ г. Вильменъ. «О трагедіяхъ Сенеки трудно было бы говорить съ большею и замысловатѣйшею ученостью, со вкусомъ чистѣйшимъ и болѣе пристрастнымъ къ истинѣ. Сравненіе «Эдипа» Сенеки съ Софокловымъ —плодъ критики глубоко-ученой и остроумной». Одинъ г. Вильменъ знаетъ, что̀ онъ хотѣлъ сказать этимъ! О глубокоученомъ сравненіи Сенеки съ Софокломъ довольно замѣтить, что ни авторъ, ни критикъ, не догадались, что Софоклъ, Сенека и Корнель стоятъ въ равныхъ, хотя и далекихъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго; что каждый изъ нихъ выражаетъ превосходно нравы, понятія и философію своего времени, и что если принять Софокла за первообразъ, Корнель столько же знаменуетъ собою упадокъ, сколько и Сенека. И г. Вильменъ напрасно принимаетъ на себя трудъ находить автора глубокимъ критикомъ, когда самъ г. Низаръ очевидно мѣтилъ въ сочинители аллегорій: разборъ трагедій Сенеки, совершенно

Digitized by Google

ложный въ отношеніи къ Сенекѣ, есть презанимательное иносказаніе о трагедіяхъ и драмахъ «юной словесности». Его Сенека — попросту Викторъ Гюго, а иногда, мимоходомъ, и Александръ Дюма. Мы не въ претензіи на г. Низара за то, что онъ ихъ такъ отдѣлываетъ; только не находимъ, чтобъ отдѣлывать кого - нибудь аллегорически было дѣло добросовѣстное. Зачѣмъ прятаться за Сенекою, и зачѣмъ взводить на него небылицы, чтобъ сказать своему противнику то, чего, по-видимому, не смѣете вы сказать иначе? Кто не догадается, о комъ идетъ рѣчь, когда авторъ, послѣ каждаго разсужденія, благосклонно принимаемаго г. Вильменомъ за критическое, восклицаетъ вамъ сперва: «Такъ - то литературныя школы понимаютъ сердце человѣческое! Оно уже не сердце, а умъ, въ крайней степени развращенія. Не надобно искать у нихъ кроткихъ чувствованій, зазрѣній совѣсти, тонкостей, умѣренности: въ этой литературѣ *перемудренной, преувеличенной, неистовой* и, что всего хуже, *хладнокровно, съ умысломъ неистовой*, нѣтъ языка для любви чистой, ни для любви сыновней, ни для стыда, ни для терпѣнія: эти добродѣтели неизвѣстны эпохѣ *Сенеки*», онъ хотѣлъ сказать—*Виктора Гюго*. Потомъ: «Такъ-то Сенека исковеркалъ всѣхъ женщинъ Софокла!» Потомъ: «Такъ - то любятъ, такъ-то страждутъ, мстятъ, ощущаютъ въ себѣ преданность и мужество у Сенеки!» Потомъ: «Такъ-то въ трагедіяхъ Сенеки вы не находите характеровъ, но только драматическія положенія! И эти положенія всегда избраны изъ числа самыхъ отчаянныхъ, самыхъ

Digitized by Google

необычайныхъ и неестественныхъ!» Далѣе: «Такъ-то Сенека перепортилъ всѣ мужскіе характеры, еще хуже женскихъ!» и прочая, и прочая. Бѣдный Сенека! досталось же тебѣ за вздоры великаго Гюго! Ты конечно не большой трагикъ, но ты сдѣлалъ то же самое, что сдѣлалъ Корнель: онъ Грековъ Софокла превратилъ въ Французовъ XVII вѣка, ты превратилъ ихъ въ Римлянъ I столѣтія. Виноватъ ли ты, что Римляне были въ твое время чудаки, что философія стоиковъ сводила ихъ съ ума, что общество, въ которомъ ты жилъ, отразилось въ твоихъ герояхъ? Я по-крайней-мѣрѣ не буду бранить тебя зато, что ты писалъ съ натуры. А что г. Низаръ съ г. Вильменомъ не поняли твоего положенія, и разругали тебя понапрасну, доказательствомъ тому очень хорошее разсужденіе того же г. Низара о философіи твоихъ трагедій и твоихъ согражданъ. Эта философія, строгій стоицизмъ, была тогда въ модѣ; она была религіею просвѣщеннаго класса; она приготовила общество къ христіанской вѣрѣ, и пособила ея торжеству. Самъ г. Низаръ, кажется, знаетъ это. Она должна была находиться въ трагедіяхъ Сенеки — иначе Сенека писалъ бы въ другомъ вѣкѣ и въ другомъ народѣ.

Что касается до классической критики этого отдѣленія — до критики, которою г. Вильменъ такъ восхищается—то она состоитъ вся въ томъ, что г. Низаръ вздумалъ рѣшить окончательно безконечный споръ о тождествѣ лицъ Сенеки-философа и Сенеки-поэта обнаруженіемъ тождества философскихъ мнѣній того и другаго. На

Digitized by Google

этотъ забавный доводъ мы сдѣлаемъ самое простое возраженіе: первый стоикъ, который бы вздумалъ писать трагедіи, первый драматическій поэтъ, который съ восторгомъ прочиталъ творенія Сенеки-философа, такъ же легко, какъ и самъ Сенека могъ придать своимъ лицамъ его философію и даже цѣлыя ея изрѣченія.

Оставимъ Сенеку. Г. Низаръ, ища всюду упадка и «юной словесности,» очевидно не хотѣлъ понять его, такъ же какъ и Персія, котораго быть-можетъ и въ самомъ дѣлѣ онъ не понимаетъ: латынь Персія, изволите видѣть, ужасно трудна. Но то, что̀ г. Низаръ хочетъ понимать, онъ понимаетъ очень хорошо. Сближеніе стоицизма съ нынѣшнею французскою оппозиціею весьма удачно, хотя не доказано. Только не обращайте вниманія на то, что̀ онъ говоритъ о Персіи: онъ толкуетъ не о томъ юномъ Персіи, который давно умеръ, а о томъ, который живетъ теперъ въ Парижѣ и сатиръ не пишетъ.

Персій не нравится г. Низару именно потому, что молодъ, совершенно какъ Викторъ Гюго̀. Какъ Сенека претерпѣлъ за Гюго̀-трагика, такъ Персій переноситъ всю бѣду за Гюго̀-юношу. Г. Низаръ стряпаетъ классическую критику аллегорически.

Сдѣлавъ изъ Персія героя «юной словесности», г. Низаръ приступаетъ къ Марціалу. Та же исторія! Однако, какъ ни поверхностны познанія г. Низара въ классической критикѣ, какъ ни склоненъ онъ къ софизму и парадоксу, статья его о Марціалѣ одна довольно основательна въ его книгѣ. Но не

Digitized by Google

думайте, чтобы онъ прошелъ Марціала, не раздѣлавшись съ «юною» словесностью.

«Молчаніе Марціала, говоритъ нашъ острый писатель, о первыхъ годахъ его жизни, объ его молодости, доставляетъ предметъ къ размышленіямъ, которыя впрочемъ могутъ относиться не къ одному Марціалу, но почти ко всѣмъ поэтамъ, какъ римскимъ, такъ и греческимъ, какъ его эпохи такъ и предшествовавшаго времени. Отчего происходитъ это молчаніе? Отчего происходитъ столь разительная противоположность съ поэтами, напримѣръ, нашего времени, которые только и толкуютъ намъ о своихъ первыхъ годахъ, о своемъ *невинномъ и рѣзвомъ* дѣтствѣ? Наша литература ежедневно обогащается этого рода подробностями, если только это богатство для литературы, бѣднѣть великими идеями и разживаться мелкими. Теперь мы знаемъ, какъ плачетъ маленькій поэтъ въ колыбели и у груди кормилицы, какого цвѣта его волосы; мы знаемъ, какой провинціяльный педагогъ билъ его линейкою по рукамъ, какъ радовались его родители, когда онъ возвращался съ раздачи наградъ въ школѣ, съ вѣнкомъ въ рукѣ и съ дареною книгою подъ мышкою; что говорила его бабушка, сидя у камина, потому-что всякій поэтъ припасаетъ себѣ бабушку — лицо, какъ извѣстно, живописное; далѣе, какъ онъ влюбился въ молодую крестьянку, которая всегда бываетъ лучше обыкновенныхъ крестьянокъ, и у которой бѣленькія ручки, хотя у крестьянокъ всегда бываютъ черныя руки; а потомъ бѣганье по полямъ, за бабочками, за стрекозами, и множество

Digitized by Google

такихъ же подробностей, которыя мы, безъ обиды для нихъ, можемъ назвать пустяками, потому-что дѣло идетъ о дѣтской любви и дѣтскихъ забавахъ. Въ древнихъ поэтахъ вы ничего подобнаго не найдете. Едва-едва находишь кой-гдѣ слѣды воспоминаній юности. Въ чемъ же состоитъ главная причина этой разности! Дѣло въ томъ, что жизнь начиналась у древнихъ тогда только, когда становилась публичною. До-тѣхъ-поръ это было только время, употребленное на то, чтобы питаться и укрѣпляться; жизнь совершенно растительная. Но какъ-скоро это время прошло и жизнь сдѣлалась довольно крѣпкою для того, чтобы не разбиться на состязаніяхъ въ форумѣ, поэтъ уже къ ней не возвращался; это была для него и для всѣхъ его соотечественниковъ страница закрытая».

На этотъ счетъ вы ошибаетесь. Во времена Марціала, для неслужащаго гражданина уже не было публичной жизни въ Римѣ: да и отъ какой точки можетъ начинаться публичная жизнь для бѣднаго поэта, чуждаго политики, въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни типографій, ни литературной собственности? Древніе поэты не говорятъ о своей молодости, потому-что это было не въ модѣ въ древней литературѣ. Всякая словесность имѣетъ свои условныя формы, изъ которыхъ не слѣдуетъ выводить никакихъ особенныхъ заключеній. Въ I вѣкѣ никто не говорилъ о томъ, какъ бѣгалъ за стрекозами, но каждый считалъ непремѣнною обязанностью говорить въ своихъ стихахъ о потомствѣ. Exegi monumentum aere perennius—была непремѣнная фраза, хотя и неодинаково выра-

Digitized by Google

жаемыя, всякаго полнаго изданія стихотвореній. Восточныя поэмы начинаются съ обращенія къ Аллаху и Пророку. Наши, русскія, оканчиваются бранью на критиковъ и прочая, и прочая. Все это литературныя формы.

Но мнѣ очень нравится, что г. Низаръ, придравшись не къ тому, что̀ Марціалъ говоритъ, а къ тому, чего онъ не говоритъ, отдѣлалъ при такомъ удобномъ случаѣ еще одного своего пріятеля. Этотъ невинный юноша, который бѣгаетъ за стрекозами, у котораго есть премилая тетушка или бабушка — мы его знаемъ: это Жюль - Жанинъ! Удивительно только, что г. Низаръ забылъ здѣсь объ Александрѣ Дюма, который сдѣлалъ публикѣ признаніе, гораздо занимательнѣе всѣхъ этихъ. Чтобъ показаться интереснѣе своимъ читателямъ, онъ напримѣръ сказалъ, что до двадцати лѣтъ ничему не учился, что его очень дурно воспитывали, и что теперь еще онъ плохо знаетъ четыре первыя правила ариѳметики. Живописнѣе этого нельзя изображать своей юности.

Г. Низаръ человѣкъ съ умомъ и дарованіемъ, и въ состояніи говорить дѣльно, если забудетъ на время о своей теоріи упадка, о паденіи живыхъ словесностей, или о томъ, что̀ г. Вильменъ еще страннѣе называетъ désorganisation de la pensée, «разложеніемъ, гніеніемъ мысли», какъ-будто въ словесности всѣ умы составляли одну мысль и народы впадали въ слабоуміе, коль скоро свѣтъ ихъ поэзіи померкнетъ на-время. Въ исторіи изящной словесности можно говорить объ упадкѣ, какъ въ астрономіи говорится о пути солнечномъ,

Digitized by Google

хотя солнце стоитъ на-мѣстѣ; но когда мы приступаемъ къ постройкѣ теорій, когда начинаемъ употреблять слова въ тѣсномъ ихъ смыслѣ, тогда ужъ слово «упадокъ» должно быть вычеркнуто изъ разсужденія, потому-что словесности собственно не упадаютъ: онѣ только разцвѣтаютъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ—потомъ закрываются, чтобъ опять разцвѣсти въ другую эпоху, уже въ другомъ видѣ и съ иными красками. Онѣ лишь тогда упадаютъ, когда разрушается языкъ — то есть оканчиваются, умираютъ навсегда вмѣстѣ съ народомъ. Греческая и латинская словесности упадали, и наконецъ упали, потому-что языки ихъ перерождались въ новыя нарѣчія, и исчезли. Никакой въ свѣтѣ талантъ не воскреситъ словесности, когда уже нѣтъ языка. Но доколѣ языкъ существуетъ, каждое появленіе генія есть новый востокъ для его словесности, которая всегда обнаруживается народу только черезъ геніевъ. Въ данные годы можетъ не быть генія: тогда нѣтъ и словесности, —есть только новыя книги и большія или меньшія книжныя дарованія, которыя томно продолжаютъ прежнюю эпоху, и о которыхъ слѣдуетъ забыть при настаніи новой эпохи блеска. Эти промежутки между великими эпохами одной и той же словесности, знаменуемыми присутствіемъ литературнаго генія, могутъ изобиловать чертами взаимнаго сходства, потому - что посредственность похожа на себя во всѣхъ вѣкахъ и народахъ; но ихъ нельзя называть упадками, ни паденіями. Упадокъ словесности, когда языкъ еще не разрушенъ, просто оптическій обманъ: это скорѣе не-

Digitized by Google

урожай на великія мысли, на мощныя вдохновенія послѣ богатой жатвы. Если г. Низаръ теперь замѣчаетъ такой неурожай въ словесности своего края —чего мы отнюдь не оспориваемъ, то признаки и слѣдствія его надлежало сравнивать съ признаками и слѣдствіями такихъ же голодныхъ годовъ между урожайными лѣтами въ другой словесности, а не съ эпохою дѣйствительнаго и окончательнаго паденія литературы и языка, какое открылъ онъ уже въ I вѣкѣ Римской Имперіи, хотя оно собственно началось позже.

Г. Низаръ заранѣе приготовилъ себѣ ложную теорію упадка, которая бы могла служить вмѣстѣ жестокою эпиграммою на родъ словесности, весьма справедливо имъ охуждаемый, и пожертвовалъ этой теоріи всѣмъ, что онъ знаетъ и чего не знаетъ о лучшихъ латинскихъ поэтахъ первыхъ двухъ столѣтій нашей эры. Онъ очень хорошо выставилъ на видъ главные недостатки нынѣшней французской школы, но въ то же время тщательно скрылъ или понялъ превратно достоинства самыхъ яркихъ свѣтилъ обрушившейся словесности, почти чудеснымъ образомъ спасенныхъ изъ-подъ развалинъ Рима, которыя погребли столько прославленныхъ памятниковъ ума, что мы даже не можемъ судить съ достовѣрностью о настоящемъ состояніи латинской литературы въ I вѣкѣ.

Г. Низаръ отнюдь не рѣшилъ задачи объ эпохахъ упадка словесностей, и только запуталъ ее софизмами. Но я не отнимаю у него всѣхъ достоинствъ, и въ книгѣ его—множество умныхъ и живописныхъ мѣстъ. Что касается до слога, то безпре-

Digitized by Google

станное повтореніе однѣхъ и тѣхъ же фразъ, и многія выраженія изысканныя, безобразныя, не показываютъ въ остроумномъ авторѣ большаго чувства изящности. Не понимаю, какъ г. Низаръ можетъ упрекать Стація въ манерности или ложномъ вкусѣ, и насмѣхаться надъ его львами, втягивающими въ себя глаза свои — онъ, который говоритъ, что у юнаго Персія «пылкая душа была *приколочена загвоздками* къ хилому тѣлу». Г. Виктору Гюго стоило бъ только подобрать на полѣ сраженія эту фразу, или другую подобную, и выстрѣлить ею обратно въ г. Низара. Коротко сказать, г. Низаръ написалъ о латинскихъ поэтахъ временъ упадка преострую книгу слогомъ временъ упадка, съ логикою временъ упадка, по правиламъ критики въ упадкѣ, и для поколебанія литературныхъ знаменитостей, крѣпко наклонившихся къ упадку.

1834.

Digitized by Google

ДРЕВНІЙ ГЕКЗАМЕТРЪ.

—

По поводу русскаго перевода *Одиссеи*. 1841.

I.

Съ перваго же слова, почтеннѣйше прошу извиненія у всѣхъ, которые писали, пишутъ и хотятъ писать новѣйшіе гекзаметры на-манеръ древнихъ, если осмѣлюсь дерзновенно сказать имъ, что они не знаютъ, не понимаютъ и не догадываются, что̀ такое въ природѣ вещей и языковъ *длинный слогъ* и *короткій слогъ;* что они не имѣютъ понятія о *дактилѣ* и *спондеѣ;* что ихъ стихи — просодическая галиматья, противная всѣмъ законамъ звука, слуха, музыки и здраваго смысла, смѣшная затѣя, несообразность, ужасъ.

Греки, Римляне, Финикійцы, Арабы, Персы, Турки! Софоклъ, Пиѳагоръ, Лебидъ, Гезіодъ, Аретинъ, Эсхилъ, Саади, Виргилій, Асмаіи, Боэцій, Хафизъ, Виргилій и Решидъ-паша! всѣ вы, которые писали настоящіе метрическіе стихи или открывали законы музыкальнаго звука, растолкуйте, пожалуйста, нашимъ поэтамъ, что долготу и краткость слоговъ, въ языкахъ, въ музыкѣ, въ

Digitized by Google

акустикѣ, въ природѣ, вездѣ, составляютъ не гласныя, но *согласныя* буквы; что гласная сама по себѣ — ни длинна ни коротка, что она только *тонъ* или, какъ прекрасно называли древніе Аравитяне, звучное *движеніе* согласныхъ, и что удареніе, акцентъ, не имѣетъ ничего общаго съ долготою или краткостью слоговъ. Греки взяли свою метрическую систему и свой гекзаметръ отъ Финикійцевъ: это фактъ, засвидѣтельствованный Геродотомъ. Правила этой метрической системы извѣстны, но настоящее, просодическое, то есть музыкальное, впечатлѣніе ея потеряно для насъ вмѣстѣ съ музыкою Грековъ, на которой стихъ ихъ вполнѣ основывался. Однакожъ есть возможность добиться до уразумѣнія ея свойства. Музыка восточныхъ, дочь усовершенствованной музыки Грековъ, еще сохраняетъ въ себѣ драгоцѣнныя указанія, и какъ Финикійцы по происхожденію и по языку были одного племени съ Аравитянами, то очень естественно искать въ метрической системѣ Арабовъ объясненія того, что̀ для насъ до-сихъ-поръ было непонятнымъ въ греческой: это даже тѣмъ необходимѣе, что удивительное, идеальное совершенство арабской метрической системы стихосложенія, тѣсная связь его съ съ внутреннимъ устройствомъ языка и вмѣстѣ съ тѣмъ непостижимое согласіе его съ акустическими законами звука, ясно показываютъ, что метръ родился въ языкахъ сирійскаго корня, былъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ихъ духа, и перешелъ къ другимъ народамъ единственно путемъ подражанія.

Можете совершенно полагаться на мою учти-

Digitized by Google

вость, что я хоть и обѣщалъ быть скучнымъ, не стану мучить васъ примѣрами арабскаго метра. Я изложу только общіе и несомнѣнные выводы, которые чрезвычайно легко получаются изъ соображенія метрической и музыкальной системы Грековъ съ метрическою и музыкальною системою Аравитянъ, объясняя эти родственныя системы одну другою.

Сравнивая эти двѣ системы, обнаруживается, что Греки и Аравитяне — непостижимое дѣло! — были несравненно умнѣе всѣхъ насъ, нынѣшнихъ. Они съ геніяльною проницательностью уха угадали великій законъ музыки человѣческаго слова и музыки безчленныхъ звуковъ, котораго мы, при всей нашей мудрости, доселѣ не можемъ ясно постигнуть. Они попали на богатѣйшую идею, на первый источникъ всякой композиціи, словесной и звуковой, на такую вещь, которая, изъ человѣческихъ словъ дѣлаетъ музыкальную симфонію и, на-оборотъ, изъ музыкальной симфоніи дѣлаетъ ораторскую рѣчь, а изъ пустыхъ стиховъ настоящій «языкъ боговъ», какъ говорили древніе, или «концертъ небесныхъ сферъ», какъ сказали бы нынѣшніе. Греки и Аравитяне совершенно правы: да! время, употребляемое на произнесеніе согласныхъ, одно опредѣляетъ въ природѣ долготу или краткость слоговъ; гласная ничего не значитъ, гласная — тонъ, звучное движеніе согласной, вещь безъ тѣла, ничто: а «ничто» не можетъ быть ни длинное ни короткое, это ясно. Отсюда легко вывести очень простое и логическое заключеніе, что чѣмъ болѣе согласныхъ въ слогѣ, тѣмъ онъ длиннѣе, чѣмъ менѣе согласныхъ, тѣмъ онъ короче. Мень-

Digitized by Google

ше одной согласной быть не можетъ въ слогѣ; слѣдственно, — именно такъ и думали Греки и Аравитяне, такъ и до-сихъ-поръ думаетъ весь Востокъ, ученикъ Аравитянъ — *одна согласная* и гласная — *короткій* слогъ; *двѣ согласныхъ* и гласная — *длинный* слогъ. Въ арабскомъ и другихъ языкахъ сирійскаго корня нѣтъ слоговъ длиннѣе этого: въ греческомъ, для котораго эта система не была выдумана первоначально, слоги имѣютъ иногда по три и четыре согласныхъ, но греческіе поэты или старались не употреблять такихъ словъ, или прибѣгали къ разнымъ хитростямъ и уловкамъ, чтобы не считать лишнихъ согласныхъ за буквы или считать двѣ согласныя за одну букву. Этого мало: въ языкахъ сирійскаго корня, никакой слогъ, и слѣдовательно никакое слово, не начинается гласною: въ греческомъ, напротивъ, это случается очень часто; и потому поэты, чтобы въ точности сообразоваться съ принесенною къ нимъ изъ Сиріи системою метра, выдумали двѣ «аспираціи», легкую и тяжкую, которыя ставили они впереди словъ, начинающихся гласными, признавая эти начальные значки согласными буквами. Такимъ образомъ, древній метръ, и всякая система стопосложенія, которая хочетъ толковать о длинныхъ и короткихъ слогахъ, есть не что иное какъ простой счетъ согласныхъ; по ней, да и по самой сущности дѣла, по акустикѣ, по музыкѣ, по хорошему слуху, по здравому смыслу, по очевидности, по всему истинному въ мірѣ —

ка — короткій слогъ, *какъ* — длинный слогъ;
то — короткій слогъ, *тотъ* — длинный слогъ.

Digitized by Google

Въ этомъ нѣтъ и не можетъ быть никакого сомнѣнія. У кого ухо чувствительно и одарено тонкимъ музыкальнымъ чувствомъ, тотъ, вникнувъ немножко въ дѣло, послѣ пяти минутъ опытовъ произношенія непремѣнно согласится съ Финикійцами, Греками и Аравитянами; а не согласится, тѣмъ хуже для него: это не сдѣлаетъ чести его ушамъ, и музыкально-акустическій законъ, угаданный Востокомъ и признанный Греками, все-таки останется несомнѣннымъ закономъ природы: *на произнесеніе слога о двухъ согласныхъ съ гласною, нужно ровно вдвое времени противъ того, сколько нужно на произнесеніе слога объ одной согласной съ гласною, каково бы ни было удареніе.* Какимъ же образомъ угадали это Греки, и отчего мы, мудрые люди, не могли донынѣ угадать такой простой вещи? А! это другой вопросъ. Этому виновата наша.... (позвольте вамъ сказать на ухо — *дрянная*!....) музыка, наша грубая, неполная и ложная гамма, испортившая намъ слухъ, доведшая его до огрубѣлости. Мы долго знали и умѣли различить въ октавѣ всего только три тона, потомъ четыре, потомъ пять, потомъ шесть тоновъ, потомъ прибавили къ нимъ еще седьмой, и то совершенно ложный; наконецъ, съ большимъ трудомъ, достигли мы того, что въ огромныхъ интерваллахъ между этими семью тонами различили и начали чувствовать слухомъ еще пять промежуточныхъ тоновъ, которые ни-вѣсть за что прозвали «полутонами», такъ, что теперь октава наша дѣлится на двадцать частей, или тоновъ. Далѣе мы не пошли; ухо наше, воспитанное на этомъ грубомъ

Digitized by Google

дѣленіи, не ощущаетъ другихъ болѣе мелкихъ отѣнковъ звука. Но Греки.... вы удивитесь! вы не повѣрите мнѣ на слово! — такъ вотъ вамъ трактатъ Птоломея о музыкѣ, вотъ его Harmonica, книга вторая.... Греки дѣлили октаву на *шестьдесятъ* частей, брали чистыхъ *восемьнадцать тоновъ* и, съ помощію своихъ порядковъ (modus) хроматическаго и энгармоническаго, которые были вовсе не то, что̀ наши нынѣшніе, вводили въ октаву еще какія-то дроби этихъ дробныхъ тоновъ, нынче неуловимыя для нашего слуха. Ушамъ, привычнымъ къ такому мелкому дѣленію звуковъ, не мудрено было чувствовать и ясно опредѣлять слухомъ, сколько нужно времени на произнесеніе одной согласной, а сколько на произнесеніе двухъ. Но прошу сдѣлать это теперь, съ нашими ушами, которыя навидъ, кажись, ничего, а въ сущности.... Ну, да объ этомъ послѣ. Возвратимся къ слогамъ.

Для бо́льшей ясности, я буду брать примѣры исключительно изъ русскаго языка. Вотъ слова, составленныя изъ однихъ длинныхъ слоговъ; прошу только помнить, что наше *й* — вовсе не гласная, а согласная: это jota, *j*; и что наши *я, ѣ, ю, е,* взятыя отдѣльно—полные, коренные слоги, состоящіе изъ одной согласной (jota) и одной гласной: *вос-тор-жен-ный, гор-децъ, мах-нулъ, пре-вос-ход-нѣй-шей, чер-ной, пал-кой,* и прочая, и прочая.

Я слышалъ — мой учитель піитики и риторики говорилъ мнѣ это—будто у насъ, въ нашемъ бѣдномъ русскомъ языкѣ, собственно, нѣтъ короткихъ слоговъ. Не угодно ли ему цѣлую фразу изъ однихъ чисто-короткихъ слоговъ?

Digitized by Google

По бе-ре-гу Не-вы Ма-ша хо-ди-ла бо-ло-ю бо-со-ю но-гою, со-би-ра-ла я-го-ды и от-мо-ро-зи-ла се-бѣ носъ (носъ—длинный слогъ, à natura).

А удареніе? скажете вы. Удареніе ничего не удлиняетъ. Я уже имѣлъ честь вамъ докладывать, что гласная сама по себѣ не можетъ быть ни длинною ни короткою; что это только — тонъ. Сколько ни ударяйте въ нее, никакъ ея не продлите: вы только возвысите ея тонъ. Тамъ думали Греки, тамъ думали Аравитяте, такъ и я думаю. Скажу болѣе: я это чувствую моимъ слухомъ. Если вашъ слухъ не чувствуетъ, ни я, ни Греки, ни Аравитяне, ни акустика, не виноваты въ этомъ. Но я дамъ вамъ простое средство ясно почувствовать, если не ухомъ, такъ грудью, что удареніемъ вы только возвышаете тонъ гласной, а не удлиняете ее. Возьмемъ такое слово, которое имѣло бы удареніе на первомъ, существенно короткомъ, слогѣ и могло постепенно наростать прибавочными слогами; напримѣръ: 1. *милъ*, 2. *мило*, 3. *милыми*, 4. *милостиво*, 5. *милостивыми*, 6. *милостивѣйшими*, 7. *милостивѣйшими-ли*.

Произнесите эти слова сряду: вы тотчасъ почувствуете, какъ, при каждомъ словѣ длиннѣе однимъ слогомъ, грудь ваша болѣе и болѣе напрягается для перваго слога *ми*. Произнесите ихъ еще разъ, обращая болѣе вниманія на голосъ: вы услышите, что дѣйствительно бо́льшему и большему напряженію вашей груди соотвѣтствуетъ бо́льшее и бо́льшее возвышеніе тона на слогѣ *ми*: въ седьмомъ словѣ, на этомъ слогѣ, вы уже возвысили голосъ по-крайней-мѣрѣ на цѣлую терцію

Digitized by Google

или на кварту, можетъ-быть и на квинту тона: съ точностью невозможно опредѣлить такихъ мелкихъ частицъ гаммы нашимъ нынѣшнимъ слухомъ; для этого нужно было бы имѣть уши древнихъ Грековъ. А попробуйте не возвышать постепенно голоса на *ми*, возьмите два крайнія слова, *миль* и *милостивѣйшими-ли*, и попытайтесь произнести *ми* послѣдняго въ томъ же тонѣ, въ какомъ сначала произносили *ми* перваго — вы не произнесете этого длиннаго слова: у васъ не хватитъ голоса уже на третьемъ или на четвертомъ слогѣ; вы спутаетесь. И вотъ настоящее назначеніе удареній: безъ нихъ мы не могли бъ произносить словъ длиннѣе одного слога. Навыкъ къ родному языку позволяетъ намъ мгновенно сообразить, насколько нужно возвысить голосъ, собираясь произнести очень длинное слово: иностранцы, потому-что не умѣютъ быстро соразмѣрить тона съ длиною слова, обыкновенно и путаются въ половинѣ его. Чтобы убѣдиться въ той истинѣ, что удареніе не имѣетъ никакой связи съ долготою слога, вытяните это *ми* въ седьмомъ словѣ хоть на цѣлую версту, но произнесите его въ низкомъ тонѣ, вы не выговорите полнаго слова: голоса не хватитъ! Напротивъ, произнесите *ми* какъ можно короче, но въ высшемъ тонѣ, и легко дойдете до послѣдняго слога. Есть одно предлинное русское слово, которымъ можно убѣдить даже глухаго насчетъ настоящаго свойства удареніе, только, произнося его, надобно ударить на первомъ слогѣ, *вы*, и уже стараться не дѣлать никакихъ удареній на слѣдующихъ: тогда, чтобы благо-

Digitized by Google

получно выговорить до конца это слово, состоящее изъ цѣлыхъ одиннадцати слоговъ, нужно вскрикнуть на слогѣ *вы*. Вотъ это слово: *высокопревосходительнѣйшими*.... А изъ всего этого слѣдуетъ слѣдующее: есть языки, въ которыхъ удареніе падаетъ однообразно на одинъ какой-нибудь слогъ; во французскомъ, турецкомъ, персидскомъ, оно падаетъ всегда на послѣдній: это значитъ, что Французы, Турки и Персіяне всегда начинаютъ слова свои въ низкомъ тонѣ и постепенно возвышаютъ голосъ до послѣдняго слога: если угодно, это—самая вѣрная метода произношенія; въ маньджурскомъ, напротивъ, удареніе стоитъ почти всегда на первомъ слогѣ: то есть, Маньджуры начинаютъ слова свои съ высшихъ нотъ и постепенно нисходятъ къ низшимъ; въ польскомъ языкѣ удареніе всегда бываетъ на предпослѣднемъ: тамъ произношеніе словъ начинается съ низшихъ тоновъ, голосъ постепенно возвышается до предпослѣдняго слога, и на послѣднемъ нѣсколько понижается. Въ русскомъ, греческомъ, англійскомъ, итальянскомъ и другихъ языкахъ, удареніе не постоянно, голосъ безпрерывно то возвышается, то понижается въ длинныхъ рядахъ слоговъ, и это уже составляетъ въ нихъ важный элементъ для музыкальной обдѣлки рѣчи. Но piano и forte недостаточны для музыки: нужны еще длинныя и короткія ноты. Возвратимся же къ примѣру *милъ, мило, милыми*, и такъ далѣе. Произнесите еще разъ тѣ же самыя семь словъ, пристально прислушиваясь къ слогу *лос* въ четырехъ послѣднихъ и къ слогу *вѣй* въ шестомъ и седь-

Digitized by Google

моимъ: послѣ всѣхъ нашихъ упражненій, вы, надѣюсь, будете въ состояніи почувствовать сами, что дѣйствительно эти слоги гораздо длиннѣе всѣхъ прочихъ, между которыми они находятся:

⏑ ˉ ⏑ ⏑ ⏑ ˉ ⏑ ˉ ⏑ ⏑

ми-лос-ти-во ми-лос-ти-вый-ши-ми, и прочая, и что удареніе на *ми* вовсе не мѣшаетъ быть этому слогу *ми* въ половину короче слоговъ *лос* и *вый*. Да что̀ долго толковать! Нужно ли осязательное доказательство, что не гласная, а согласная дѣлаетъ слогъ длиннымъ или короткимъ? Возьмемъ старинныя французскія слова—testé—festé—goustè—и новѣйшія têté—fêté—goûté: здѣсь пропущена вездѣ одна согласная, *s*, и что пустое мѣсто надобно теперь наполнить протяженіемъ тона, то есть удвоить *е* и произносить *тээтѐ*, *фээтѐ*, *гуутѐ;* время на произношеніе перваго слога употребляется точно такое же, какъ и прежде: онъ длиненъ, очевидно длиненъ; а между-тѣмъ удареніе падаетъ на слѣдующій, ощутительно короткій. Въ нѣмецкомъ языкѣ выходятъ такіе же длинные слоги тамъ, гдѣ въ произношеніи пропускается одна изъ согласныхъ, напримѣръ *h*. Во всѣхъ языкахъ то же самое. Примѣчайте тѣхъ изъ Русскихъ, которые не могутъ произносить какой-нибудь буквы, *к*, *р*, или другой, и выпускаютъ ее, удерживая время, нужное на ея произношеніе: этотъ слогъ всегда поражаетъ васъ своей долготою. И тутъ мы естественно приходимъ къ другой формѣ основнаго правила древней просодіи: длинный слогъ состоитъ, или изъ двухъ согласныхъ и одной гласной, *или изъ одной согласной и удвоенной глас-*

Digitized by Google

кой, каковы, въ греческомъ языкѣ, «омега», равная двумъ *о*, и «эта» равная двумъ *ээ*, по свидѣтельству всѣхъ схоліастовъ. Въ такомъ случаѣ вторая гласная становится согласною; потому-что всякая гласная можетъ быть ею: доказательство—jota нѣмецкое и *й* русское; *о* сербское и португальское; *у* бѣлорусское и малороссійское, или итальянское *и* и англійское *w*; *а* французское въ дифтонгѣ *oi*; *е* нѣмецкое въ словахъ Liebe, viel (почти *льебе, вьель*, по произношенію нѣкоторыхъ нарѣчій).

Но если такимъ образомъ, одна согласная — короткій слогъ, а двѣ согласныхъ — длинный, то очевидно *одинъ длинный слогъ равенъ двумъ коротким*ъ. На этой великой акустической и музыкальной истинѣ основано все стопосложеніе, все стихотворство Греціи и Востока. Безъ нея нѣтъ ни метра ни такта,—это все-равно — нѣтъ ни стиха ни музыки. Два короткихъ равны одному длинному! Слѣдственно, дактиль (— ⏑ ⏑) равенъ спондею (— —). Слѣдственно, гекзаметръ состоитъ изъ двѣнадцати длинныхъ, раздѣленныхъ на шесть равныхъ тактовъ. Слѣдственно, если длинный слогъ равенъ четверти «цѣлой» ноты, то короткій будетъ равенъ «осьмушкѣ», или кроши: напишите нѣсколько греческихъ гекзаметровъ нотными дактилями и спондеями на нотныхъ графахъ, поставьте впереди $^4/_4$ или $^2/_4$, и дѣло съ концомъ: это тактъ французской кадрили; выйдетъ музыкальная композиція. Но не забудьте двухъ важныхъ обстоятельствъ: во-первыхъ, надобно

Digitized by Google

еще, при этомъ, слоги съ удареніемъ означать нотами сравнительно высшихъ тоновъ, и тѣмъ высшихъ, чѣмъ дальше удареніе отъ конца слова; во-вторыхъ: знаете ли любопытную машинку Виллиза, которая произноситъ гласныя?... Раздвигая цилиндры этой машинки, то есть, возбуждая въ нихъ звучность отъ низшаго тона къ высшимъ, воздухъ, исходящій изъ цилиндровъ, самъ произноситъ *и, о, а, е, і;* сдвигая цилиндры, то есть, заставляя ихъ издавать звуки отъ высшаго тона къ высшимъ, когда воздухъ вторгается, вы слышите тѣ же гласныя наоборотъ, *і, е, а, о, и.* Это уже не умозрѣніе, а механическій фактъ природы; это натуральный порядокъ «гаммы гласныхъ» въ человѣческой рѣчи: дѣйствительно, произносите гласныя въ этомъ порядкѣ, *и, о, а, е, і* — и вы сами увидите, что тонъ вашего голоса постепенно возвышается отъ *и* (u) до *і;* что *и* самая низкая нота въ нашей рѣчи, *і* самыя высокая. Слѣдственно, если удареніе падаетъ на *е* или *і*, то, при равномъ разстояніи слога отъ конца слова, тонъ этого слога будетъ гораздо выше того, какой слѣдовало бы здѣсь означить въ нотной графѣ, если бы гласными его было *и* (u) или *о*. Если хорошо и понятливо такъ положить на ноты греческіе гекзаметры, то изъ разнообразія ихъ дактилей и спондеевъ, которое теперь намъ кажется случайнымъ, изъ повышеній и пониженій тона посредствомъ ударенія, о которыхъ мы до-сихъ-поръ и не думали, конечно окажется, что тутъ, кромѣ стихотворной гармоніи, есть еще настоящая мелодія, cantilena, композиція, словомъ истинная му-

Digitized by Google

зыка—музыка, какъ ее понималъ и слагалъ Бетховенъ, одинъ изъ всѣхъ новѣйшихъ композиторовъ, у котораго она подражаетъ естественной музыкѣ одушевленной и умной человѣческой рѣчи и потому такъ чудесна, такъ несравненна. Но изъ этого неизбѣжно слѣдуетъ, что нѣтъ никакой возможности писать такіе стихи какъ греческіе, не будучи вмѣстѣ музыкантомъ и композиторомъ. И дѣйствительно, всѣ древніе поэты были въ то же время музыканты и композиторы. Эсхилъ, Софоклъ, Эврипидъ, Пиндаръ, сами сочиняли музыку для своихъ поэмъ; и это было нетрудно, потому-что музыкальный рисунокъ уже заключался въ словахъ ихъ поэмъ. Тогда-то стихъ, вещь однозначительная съ музыкой и композиціей, и былъ чѣмъ-то неземнымъ; тогда-то поэзія, превращавшая грубый языкъ человѣческій въ воздушную мелодію, и могла по праву называться языкомъ боговъ. Увы! что она теперь?... Ну, такъ вотъ почему музыка и была всегда неразлучно соединена съ поэзіей. Вотъ почему она была въ такомъ уваженіи у древнихъ. Вотъ почему съ благоговѣніемъ изучали ее всѣ философы, геометры, физики, астрономы; почему она и поэзія такъ усовершенствовались, и производили такое могущественное дѣйствіе, что теперь мы и не хотимъ ему вѣрить, слушая наши бездушныя оперы, для которыхъ музыку сочиняетъ одинъ, а слова другой, и часто уже послѣ сочиненія музыки. Поэзія и музыка, двѣ родныя и неразлучныя сестры, при великомъ переломѣ въ историческомъ и нравственномъ быту древняго міра расторгли свой природ-

Digitized by Google

ный союзъ и разошлись надолго. Музыка отдѣлилась отъ поэзіи, поэзія отъ музыки, и обѣ начали вновь свое воспитаніе. Обѣ захотѣли совершенствоваться независимо одна отъ другой. Что выиграли онѣ въ этомъ разводѣ? Да то, что музыка пошла въ руки безграмотныхъ капельмейстеровъ и необразованныхъ композиторовъ, у которыхъ нѣтъ и двухъ порядочныхъ идей въ головѣ, набитой туманомъ предразсудковъ; что эти люди, вовсе не догадываясь объ основныхъ недостаткахъ новѣйшей гаммы, умножаютъ только числю инструментовъ, усиливаютъ шумъ, гоняются за контрапунктною пестротою, сыплютъ намъ въ уши длинныя вереницы звуковъ безъ мысли, безъ внутренняго значенія, и своей системой гармоніи убили душу музыки, мелодію. Поэзія, стихотворство, съ своей стороны, искусство нѣкогда столь удивительное, столь возвышенное, столь чудное, что не уступало въ идеальномъ совершенствѣ самой даже скульптурѣ, перейдя въ распоряженіе людей чуждыхъ всякаго музыкальнаго образованія, людей съ такимъ рѣдкимъ ухомъ, что *ми* и *и* кажутся имъ длинными слогами, а *стражъ, страсть, волхвъ,* (пра)*зднествъ*, короткими, что возвышеніе тона представляется имъ продолженіемъ ноты — стихотворство сдѣлалось самою анти-музыкальною разладицею, жалкою пародіей и безобразною карикатурой того знаменитаго стопосложенія, одного изъ чудеснѣйшихъ изобрѣтеній человѣческихъ, которому будто-бы оно подражаетъ. Въ словахъ, напримѣръ, *стражъ празднествъ* они видятъ одинъ слогъ короткій (*стражъ*), одинъ длинный (*пра*),

Digitized by Google

и опять одинъ короткій (*зднестьв*)!... Все это равнялось бы двумъ длиннымъ слогамъ. Между-тѣмъ, и по метрической системѣ Грековъ и Аравитянъ, и по акустическимъ законамъ, и по музыкѣ, считая по двѣ буквы на каждый короткій слогъ и по три на длинный, здѣсь находится не менѣе цѣлыхъ шести слоговъ, а именно, три корот-

⏑ — ⏑ — ⏑

кіе и три длинные: *ст-ражъ пра-зд-нес-твъ.*

Слѣдовательно, мнимые два коротких слога и одинъ длинный равны по-настоящему въ этихъ двухъ словахъ девяти короткимъ, или четыремъ съ половиною длиннымъ. Еще разъ, не должно относить этого разсчета къ произвольности системы: онъ дѣйствительно существуетъ въ природѣ, потому-что на произнесеніе девяти короткихъ слоговъ математически нужно ровно столько же времени сколько на произнесеніе четырехъ съ половиною длинныхъ. Въ этой истинѣ можно убѣдиться, взявъ метрономъ или секундные часы; и повторяя по нѣскольку разъ сряду слова, составленныя изъ различнаго числа слоговъ, но метрически равныя между собою. Вотъ, напримѣръ, слово, состоящее изъ четырехъ съ половиною длинныхъ слоговъ: *пре-вос-ход-нѣй ше.* Вотъ два слова, представляющія девять короткихъ словъ: *ве-ли-ки-ми ве-ре-ни-ца-ми.* Для метронома и, слѣдственно, для метрическаго стиха, основаннаго, не на числѣ слоговъ, но на музыкальномъ *тактѣ,* слова—*стражъ празднествъ, превосходнѣйше* и *великими вереницами* — совершенно равны между собою, какъ три нотныя четверти и три кроши равны четы-

Digitized by Google

ремъ четвертямъ и одной крошѣ, а тѣ равны девяти крошамъ. Это еще явственнѣе видно, произнося съ метрономомъ ровно, чисто, но безъ разстановокъ между словами, болѣе длинныя фразы. Возьмемъ хоть тѣ, которыя мы уже приводили въ примѣръ:

1. *Восторженный кузнецъ махнулъ превосходнѣйшей черной палкой.* — 2. *По берегу Невы Маша ходила бѣлою босою ногою, собирала ягоды и отморозила....*

Въ первой изъ этихъ фразъ мы имѣемъ семнадцать слоговъ длинныхъ, во второй тридцать четыре короткихъ. Обѣ онѣ будутъ, метрически, равны: займутъ одинаковое число тактовъ и одинаковый промежутокъ времени. И это неудивительно: онѣ состоятъ изъ равнаго числа согласныхъ; въ той и въ другой находится ихъ по тридцати четыре.

Что же изъ этого слѣдуетъ? Что тотъ, кто первый сказалъ, будто послѣ Грековъ сущность языковъ измѣнилась, будто новѣйшіе языки лишены настоящей просодіи и въ нихъ собственно нѣтъ ни длинныхъ ни короткихъ, сказалъ явную, вопіющую нелѣпость, которую умнымъ людямъ пора уже не повторять болѣе. Какъ! человѣкъ не измѣнился, горло его не измѣнилось, число буквъ, гласныхъ и согласныхъ, не измѣнилось, свойства воздуха и законы звука не измѣнились: а языки, человѣческіе языки, измѣнились? Да это физически невозможно. Если подъ этимъ «измѣненіемъ» вы разумѣете, что въ новѣйшихъ языкахъ—другое устройство слоговъ, что въ нихъ болѣе со-

Digitized by Google

гласныхъ нежели въ древнихъ, то я вамъ покажу десятки языковъ, устроенныхъ въ этомъ отношеніи по точному образцу греческаго, финикійскаго и даже арабскаго, совершеннѣйшаго изъ всѣхъ метрически. Венгерскій, финскій и всѣ языки этого корня, въ Европѣ, не допускаютъ въ слогахъ своихъ болѣе двухъ согласныхъ, и слогъ свой начинаютъ согласною. Чего же болѣе нужно для самой строгой и взыскательной метрики? Устройство слоговъ въ новогреческомъ языкѣ осталось совершенно то же, какъ было въ древнемъ. Италіянскій, испанскій, португальскій, всѣ ново-латинскіе языки, не исключая и французскаго, нисколько не уступаютъ старому латинскому наружною формою слоговъ и удобствами ея къ стопосложенію по системѣ Грековъ. Просодія, длинные и короткіе слоги, не исчезли изъ языковъ, не могли исчезнуть, потому-что они существуютъ, не въ формахъ словъ, но въ существѣ человѣческаго голоса и въ коренныхъ свойствахъ воздуха, источника звука. Словомъ, въ музыкальныхъ началахъ человѣческой рѣчи не произошло и не могло произойти никакой перемѣны: они вѣчны. Такъ что же измѣнилось?... Измѣнился нашъ слухъ. Ухо наше огрубѣло: но это значитъ, что оно можетъ опять усовершенствоваться, и опять ясно чувствовать всю разницу между долготою одной согласной и двухъ согласныхъ; дѣло еще не потеряно. Измѣнилась музыка! И отсюда проистекло все замѣшательство въ понятіяхъ народовъ о музыкальности слова и его метрѣ. Совершенно новая музыка, основанная на другихъ началахъ, замѣнила

Digitized by Google

древнюю. Европа шесть или семь столѣтій была вовсе безъ музыки, и наконецъ увидѣла себя въ необходимости вновь изобрѣтать забытое и потерянное людьми. Изобрѣтеніе произошло подъ вліяніемъ другихъ обстоятельствъ и оперлось случайно на другія основанія: оно еще не кончено; новѣйшая гамма, донынѣ неполная, значительно еще измѣнится, и черезъ два-три столѣтія потомки нынѣшнихъ героевъ контрапункта будутъ, вѣроятно, затыкать уши передъ ихъ чудесными симфоніями. Слабость человѣческая — всегда почитать себя уже достигшимъ высшей мудрости и крайняго совершенства; но надобно было бы искренно соболѣзновать о нашихъ потомкахъ, если-бы они остались при нынѣшнихъ пошлыхъ гармоническихъ «эффектахъ» и «рисункахъ», которые и въ наше время уже исчерпаны, и ничего не сдѣлали бы въ пользу сильнѣйшаго дѣйствія музыки на страсти и сердце.

Съ перваго взгляда кажется даже непонятнымъ такое полное паденіе древней музыки, такая перемѣна въ слухѣ народовъ. Но причины этого событія заключаются въ самой сущности древней музыки и древней поэзіи. Музыка нераздѣльно была слита съ поэзіей и обѣ тѣсно соединялись съ языческою религіей. Христіанство не могло принять ни той ни другой: оно ввело въ новыхъ храмахъ самое простое пѣніе, котораго вся гамма состояла изъ трехъ натуральныхъ тоновъ. Уже впослѣдствіи прибавился четвертый тонъ. Тактъ не могъ быть соблюдаемъ въ пѣснопѣніяхъ, исполняемыхъ всѣми присутствующими въ храмѣ, и

Digitized by Google

простымъ народомъ, людьми чуждыми музыкальнаго образованія, и такъ отвергли: пошло «сплошное пѣніе», plain-chant, или безтактная музыка. Забвеніе такта неизбѣжно влекло за собою забвеніе стихотворнаго метра, потому-что тактъ и метръ — одно и то же. Съ той минуты рушилось все зданіе древней метрической системы. Язычество долго еще существовало въ разныхъ частяхъ имперіи, но оно уже было безъ талантовъ, и слабыя, неудачныя усилія нѣкоторыхъ языческихъ стихотворцевъ, не только не могли имѣть вліянія на вкусъ торжествующаго христіанскаго общества, но еще, своей бездарностью, должны были оказать противное дѣйствіе. Христіане чуждались всего языческаго, и съ восторгомъ превозносили свои церковные напѣвы. Надобно замѣтить, что вся древность, разсуждая о музыкѣ, любила прибѣгать къ умозрѣніямъ и отвлеченностямъ. Любопытныя указанія въ этомъ отношеніи доставляетъ намъ сочиненіе святаго Ницета, одного изъ древнѣйшихъ писателей о христіанскомъ пѣніи (главы I—VI): въ его время утверждали, что христіанинъ не можетъ и не долженъ осквернять ушей своихъ другими мелодіями кромѣ тѣхъ, которыя приняла римская церковь для священныхъ пѣснопѣній. Нужно ли чего-нибудь больше для совершеннаго искорененія древней музыки? Словомъ, Гвидо д'Ареццо, въ одиннадцатомъ столѣтіи, нашелъ уже Европу безъ гаммы и безъ всякаго понятія о древней музыкѣ. Въ книгахъ существовали названія древнихъ тоновъ, тетрахордовъ, модовъ, модуляцій, въ искусствѣ не было возможности по-

Digitized by Google

вѣрить одного древняго звука. Пришлось все начинать вновь.

Этотъ бѣглый очеркъ судебъ древней музыки необходимо содержитъ въ себѣ и исторію древней системы стихотворства. О метрѣ не могло уже быть рѣчи. Но страннымъ образомъ ошибаются тѣ, которые думаютъ, будто риѳма — изобрѣтеніе сѣверныхъ варваровъ и была принесена ими. Риѳма старѣе метра, и всегда существовала подлѣ метра: доказательство — вся поэзія Востока. Но въ древнихъ поэмахъ, которыя слагались учеными поэтами-музыкантами и представляли настоящую музыкальную композицію, она была ненужна; эти поэмы можно сравнить съ нашими увертюрами, концертами и симфоніями, а ихъ стихи — съ фразами этихъ музыкальныхъ произведеній; мы видимъ, что даже и слова часто переходятъ у нихъ изъ одного стиха въ другой: точно такъ же въ новѣйшихъ композиціяхъ часто группы связанныхъ нотъ бываютъ разбиты на-двое тактомъ. Въ такой системѣ стихотворства риѳма никакъ не могла имѣть мѣста: она мѣшала бы рисунку мелодіи. Но не всѣ могли слагать такіе стихи: тутъ прежде всего надобно было знать музыку. Подлѣ настоящихъ поэтовъ-музыкантовъ, были однакожъ простые стихоплеты, которымъ не давалось искусство. Они сочиняли стихи внѣ музыки, и не для музыки, стихи силлабическіе, можетъ-быть даже и съ удареніями, какъ наши нынѣшніе, и риѳма, естественно, замѣняла для нихъ болѣе замысловатыя каденціи метра. Это было будничнее, простонародное, неученое стихотворство.

Digitized by Google

По мѣрѣ того какъ ученое падало, неученое должно было одерживать поверхность и входить въ моду. Сверхъ-того оно отмѣнно шло къ сплошному пѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, въ латинской церкви тотчасъ появились риѳмованные cantici sacri. Въ Греціи также, съ упадкомъ музыки, риѳма заняла мѣсто метра. Въ поэзіи бедуиновъ временъ домагометовыхъ, она всегда соединялась съ самымъ строгимъ метромъ, потому-что эти стихи произносились въ пустыняхъ безъ музыки, хотя и нараспѣвъ: въ такомъ случаѣ риѳмическая каденція замѣняетъ инструментальный аккомпаниментъ, и она необходима, и по существу дѣла, и по простой логикѣ: безъ нея стихъ будетъ вовсе безъ *гармоніи*, которой голый метрическій размѣръ, или тактъ, никогда сообщить не можетъ ни человѣческимъ словамъ, ни музыкѣ. Инструментъ или риѳма — тутъ нѣтъ средины: голосъ долженъ же съ чѣмъ-нибудь гармонировать! Если пьеса не предназначена къ распѣву съ инструментомъ, то бѣлые метрическіе стихи, стопосложеніе безъ риѳмы, тактъ безъ всякаго аккомпанимента — затѣя противная здравому смыслу. И къ чему тогда тактъ! Ужъ лучше силлабическіе стихи, сплошное пѣніе.

Но пора приступить къ заключенію. Оно плачевно. Думая подражать Грекамъ въ стопосложеніи, вы дѣлаете противоположное тому, что̀ дѣлали они. Называя одни слоги длинными, другіе короткими — бо̀льшею частью то, что̀ въ природѣ длинно, вы принимаете за короткое, а что̀ коротко, за длинное. Стремясь къ правильному размѣ-

Digitized by Google

ру въ стихѣ, вы дѣлаете все, что только можно, чтобы уничтожить въ нихъ размѣръ: пишете стихи чисто *тоническіе*, то есть основанные на удареніяхъ, а называете ихъ метрическими, «мѣрными», когда въ нихъ нѣтъ никакого метра, никакой *мѣры;* вводите въ поэзію тактъ, а всѣ такты ваши не ровны между собою; ищете гармоніи, и устраняете все, что могло бы сообщить ее стиху. Добро бы еще тоника ваша, то есть возвышенія тона въ извѣстныхъ разстояніяхъ посредствомъ гласныхъ съ удареніемъ, представляла какую-нибудь каденцію, какую-нибудь музыкальную правильность: а то вы знаете, что гласныя тономъ не равны между собою, что между *у* и *и* въ природѣ существуетъ интервалъ на цѣлую квинту; слѣдственно, возвышенія тона на удареніяхъ, падающихъ, какъ ни попало, на различныя гласныя, не достигаютъ въ вашемъ стихѣ одинаковой высоты, да и не соблюдаютъ между собою никакой мелодіи: это хаосъ, сущая безладица, янычарская музыка. Скандинавскіе скальды старались, покрайней-мѣрѣ, чтобы въ цѣломъ стихѣ удареніе падало всегда на одинаковую гласную. Посмотримъ ваши длинные и короткіе слоги. *Страхъ, въ страхъ, страсть, стражъ, волхвъ, ртомъ, яствъ, вихрь, съ днемъ, въ носъ, въ Днѣстръ*, бываютъ у васъ короткими, а *ра, во, то, не, я, и,* длинными: но это, просто, насмѣшка подъ человѣческимъ ухомъ. *То, но, не, я*, длиннѣе чѣмъ *р-то-мъ, в-но-съ, вд-нѣ-стръ* или *я-ствъ!*... Еслибы вы утверждали, что *носъ*, по размѣру длиннѣе аршина, въ стихѣ я могъ бы повѣрить этому, потому-что ухомъ не умѣю срав-

Digitized by Google

нить носа съ аршиномъ; но увѣрять мой слухъ, будто *но* длиннѣе звукомъ чѣмъ *носъ*, *въ носъ*, *износъ* — извините, я нахожу это наглостью. Дактилемъ, который долженъ имѣть одинъ слогъ длинный и два короткихъ (— ∪ ∪), что для такта равно двумъ длиннымъ, вы называете всѣ возможные метры: напримѣръ, *бабочкой, бѣлыми, городомъ, празднество* — все это по-вашему дактили, а въ первомъ изъ нихъ, *бабочкой*, одинъ слогъ короткій и два длинныхъ (∪ — —), во второмъ, *бѣлыми*, три короткихъ (∪ ∪ ∪), въ третьемъ, *городомъ*, два короткихъ и одинъ длинный (∪ ∪ —), въ четвертомъ, *празднество*, три длинныхъ (— — —), по самому умѣренному счету. Спондей долженъ имѣть два длинные слога, а у васъ онъ часто имѣетъ два короткихъ, напримѣръ *горе* (∪ ∪), *море* (∪ ∪), которые, для такта, равны только одному длинному. Когда еще, послѣ этого, станете произвольно перемѣшивать свои спондеи съ своими дактилями, подумайте только, что должно выйти! и какой тутъ можетъ быть тактъ?... Въ этой безладицѣ, при этомъ отсутствіи всякаго уваженія къ музыкальному времени, одинъ стихъ вашъ, въ которомъ случайно скопятся многосогласные слоги, требуетъ, на произнесеніе свое, трехъ секундъ, другой, составленный весь изъ самыхъ простыхъ слоговъ, оканчивается въ полторы секунды; для одного метрономъ ударитъ девять и десять тактовъ, для другаго не болѣе четырехъ. И какъ въ этой кашѣ мнимыхъ дактилей и спондеевъ даже и ударенія не слѣдуютъ никакому порядку и тонъ возвышается, гдѣ случится, то ас-

Digitized by Google

но, чисто и очевидно, что въ такомъ гекзаметрѣ нѣтъ ровно никакого размѣра, ни метрическаго, ни тоническаго; никакой каденціи, никакой гармоніи, никакой музыки слова, словомъ, никакого стиха.

Послѣ этого вы спросите: такъ что̀жъ теперь дѣлать? — Ничего! — Не писать гекзаметровъ? — Нѣтъ, писать, но не называть ихъ стихами. Или, благородно отказавшись отъ шутовскаго передразниванія греческаго метра при помощи одной тоники, однихъ ударе́ній, придумать для русскаго гекзаметра совсѣмъ другой размѣръ. Короткихъ и длинныхъ слоговъ вы не умѣете различать; ухо ваше чувствуетъ только *высшіе* и *низшіе* слоги относительно къ тону: назовите же слоги *высшими* и *низшими*, а не длинными и короткими, и составьте для русскаго гекзаметра какую-нибудь правильную систему періодическаго возвращенія высшихъ и низшихъ тоновъ. Можно, съ грѣхомъ по-поламъ, допустить существованіе тоническихъ дактилей и спондеевъ: первые будутъ состоять изъ одного высокаго и одного низшаго. Такъ употребляйте же, но ужъ *постоянно,* или пять тоническихъ спондеевъ, и одинъ дактиль въ пятомъ тактѣ — если только тутъ будетъ тактъ — или четыре спондея, и два дактиля въ третьемъ и пятомъ тактахъ — или три дактиля и три спондея поперемѣнно. Это составитъ начало какой-нибудь вокальной мелодіи; а что̀ касается до гармоніи, то, ужъ извините, ея никогда не будетъ въ чисто тоническомъ стихѣ: развѣ употребите аккомпаниментъ — ри́ему и цезуру — если ужъ нельзя

Digitized by Google

употребить инструмента. При невозможности получить правильный тактъ въ тоническомъ стихѣ, въ слогахъ котораго согласныя толпятся безъ всякаго счета, цезура — единственное спасеніе, потому-что эта остановка голоса нѣсколько уравновѣшиваетъ время въ двухъ полустишіяхъ. А всего лучше, не вѣрьте болтунамъ, которые утверждаютъ, будто греческая просодія, этотъ вѣчный и неизмѣнный акустическій фактъ, не существуетъ въ новѣйшихъ языкахъ, и попробуйте писать гекзаметры по точнымъ законамъ метрики, какъ писали Греки, какъ пишутъ Аравитяне: скажите себѣ твердо, что одна согласная съ гласною — короткій слогъ, двѣ и три согласныхъ съ гласною — длинный слогъ (четырехъ согласныхъ въ одномъ слогѣ не должно бы допускать), и составляйте изъ нихъ метрическіе дактили и спондеи, не обращая вниманія на ударенія. Если такой гекзаметръ пріятенъ для нашего слуха въ греческомъ языкѣ, то онъ ровно столько же будетъ пріятенъ и въ русскомъ: нашъ языкъ ничѣмъ не хуже греческаго. Надобно же когда-нибудь выйти изъ нынѣшняго грубаго и анти-музыкальнаго стихотворства и примирить нашъ стихъ и нашъ слухъ съ законами звука! Слухъ скоро свыкнется съ тѣмъ, что̀ истинно и вѣрно. Попробуйте! Fortes fortuna juvat.

Я измучилъ васъ, не правда ли, моей безконечною диссертаціей о гласныхъ и согласныхъ: но вы, навѣрное, простите меня, когда узнаете, что̀ подало поводъ къ этому. Меня ужасно взбѣсила одна ничтожная брошюрка, валявшаяся инкогни-

Digitized by Google

то нѣсколько недѣль на моемъ столѣ. Въ прекрасное утро — это было сегодня — машинально беру ее въ руки, раскрываю:

ОДИССЕЯ ГОМЕРА!... *переводъ съ греческаго,* ВЪ СТИХАХЪ!!... РАЗМѢРОМЪ ПОДЛИННИКА!!!... *съ примѣчаніями переводчика и съ рисунками Флаксмана. Часть первая, пѣснь первая. СП.-бургъ, 1841.*

Размѣромъ подлинника?... Размѣромъ подлинника??... «Одиссея» Гомера!... Надо же имѣть такое свѣтлое понятіе о размѣрѣ «Одиссеи» и о стихахъ, чтобы всенародно объявить съ вершины заглавнаго листка, что, будто-бы, это — стихи и размѣръ подлинника! Кровь во мнѣ снова начинаетъ страшно волноваться. Я готовъ проглотить эту брошюру, съѣсть ее вмѣстѣ съ рисунками Флаксмана, за такую кровавую обиду «Одиссеѣ», гомерическому размѣру и моимъ ушамъ. Двадцать скучныхъ страницъ, въ досадѣ, написалъ я о гласныхъ и согласныхъ: теперь только я чувствую, что этого слишкомъ мало въ отмщеніе за подобную шутку; надо было написать сорокъ. Сдѣлать формальную пародію гомерическаго метра, замѣнить превосходнѣйшую акустическую мѣру хаосомъ слоговъ forte и piano, тактическую музыку слова превратить въ безладную вокализацію, наставить строчекъ различной длины безъ всякой гармоніи, безъ малѣйшаго такта, и назвать это, безъ зазрѣнія слуха, размѣромъ Гомера!... Но что прикажете дѣлать: эти понятія у насъ — господствующія. Наша стихотворная фаланга, при помощи упражненія, пріучила свои уши къ какой-то янычарской безладицѣ, извѣстной у нея подъ име-

Digitized by Google

немъ гекзаметра, и увѣряетъ, увѣрена сама, что это очень мило, что такъ писалъ Гомеръ. Бѣдный Гнѣдичъ убилъ всю жизнь свою на усердное коверканье «Иліады» во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, на составленіе самой уродливой карикатуры ея размѣра, ея гармоніи, цвѣта, физіономіи, духа, и умеръ въ томъ блаженномъ убѣжденіи, что онъ познакомилъ Русскихъ съ формою и содержаніемъ чудеснѣйшаго произведенія древности. Потому-что, не одна только метрическая система Грековъ исковеркана и обезображена во всѣхъ этихъ переводахъ Гомера: весь Гомеръ уничтоженъ, оптомъ. Должно признаться по совѣсти, что никогда бы «божественный» Гомеръ, divus Homerus, не пріобрѣлъ такой славы у древнихъ, никогда не успѣлъ бы онъ возбудить къ себѣ такого энтузіазма въ этихъ людяхъ, столь разборчивыхъ, столь чувствительныхъ къ идеальному прекрасному, еслибы онъ въ подлинникѣ былъ даже и вдвое такъ хорошъ, какимъ является въ лучшихъ новѣйшихъ переводахъ. Что̀ болѣе всего восхищало древнихъ въ Гомерѣ, особенно въ его «Одиссеѣ»? Simplicitas: *простота*, переведете вы? — нѣтъ, не простота, а *простонародность*, простонародность, одѣтая во всѣ совершенства метрическаго стиха, перенесенная въ него со всѣмъ своимъ наивнымъ остроуміемъ, съ своей бойкой рѣчью, съ своими живописными выраженіями изъ буднишней жизни, съ своими оборотами на-распашку, и фигурами, нерѣдко переходящими въ гротескъ. Чтобы настоящимъ образомъ понимать, чувствовать и переводить Гомера,

Digitized by Google

мало того — знать по лексикону безцвѣтное значеніе каждаго слова: надо сперва прочесть всю греческую литературу, напитаться духомъ языка Эллиновъ, ясно различать чувствомъ, что̀ въ памятникахъ ихъ слова составляетъ натуральный, но очищенный и изящный языкъ людей образованныхъ, что̀ относится къ искусственному языку литературы и, наконецъ, что̀ принадлежитъ къ простонародной рѣчи; надо потомъ смѣтливо опредѣлить въ умѣ своемъ, въ какой степени каждый оборотъ, каждое слово, каждое выраженіе Гомера приближается, или къ изящному языку хорошаго общества, или къ изысканному языку литературы, или просторѣчью толпы; и наконецъ, при переводѣ на свой языкъ, надо, съ большимъ искусствомъ и вкусомъ, умѣть передавать ихъ такими словами, выраженіями и оборотами, которые бы состояли въ тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ къ нашимъ образованному, литературному или простонародному языкамъ. Въ такомъ только переводѣ подлинная физіономія поэмы сохранится во всей своей свѣжести и оригинальности. Между-тѣмъ что̀ дѣлаютъ переводчики Гомера? Они его чудесное просторѣчіе перелагаютъ сплошь на новѣйшіе литературные языки! Гомеръ изъясняется какъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ, и, очень часто, какъ кумъ Емельянъ у казака Луганскаго, а они заставляютъ его выражаться языкомъ профессора элоквенціи или маркиза, который пишетъ стихи. Онъ простъ, иногда до пошлости, а они безпрерывно надуваются. Онъ говоритъ естественно, а они изъискиваютъ слова. Онъ не создаетъ ни од-

Digitized by Google

ного новаго эпитета, вмѣсто эпитетовъ сыплетъ *прозвищами* боговъ и героевъ, принятыми религіей, общеупотребительными у простаго народа, извѣстными каждой греческой кухаркѣ, и возбуждаетъ ими то улыбку, то восхищеніе въ древнемъ образованномъ Грекѣ, любителѣ «роднаго», а они непріятно поражаютъ новѣйшаго читателя непонятными и рогатыми прилагательными своего изобрѣтенія, своего тяжкаго труда. Онъ именно приказываетъ Улиссу, когда тотъ пойдетъ осматривать греческій станъ, говорить со всѣми учтиво, по-русски, называя каждаго по *имени и по отчеству*, а они, въ русскомъ переводѣ, чествуютъ встрѣчнаго и поперечнаго какими-то греческими рѣчами, можетъ-быть и ругательными: почему это знать русскому читателю! И это вы называете переводомъ? Traduttori tradittori!

Надобно, съ другой стороны, сказать правду, что новѣйшіе европейскіе языки по большей части и неспособны къ вѣрному переводу Гомера безъ уничтоженія всей его физіономіи: они уже слишкомъ далеко отстали отъ простонародности; они слишкомъ образованы, выглажены, изящны, слишкомъ исполнены искусственныхъ выраженій и очищены отъ того множества вставныхъ частицъ и приращеній, которыми всегда отличаются просторѣчія и которыми Гомеръ удивительно обиленъ. Но по-крайней-мѣрѣ нельзя этого сказать о русскомъ языкѣ: нашъ употребительный языкъ еще очень близокъ къ просторѣчью, допускаетъ, и любитъ, вставныя частицы, приращенія, прозвища, простонародные обороты и выходки: упо-

Digitized by Google

требляемыя съ искусствомъ и вкусомъ, они даже придаютъ прелесть бойкости нашему «изящному» діалекту. Онъ не чуждается даже нѣкоторыхъ старинныхъ и обветшалыхъ формъ и окончаній. Между новѣйшими я не знаю ни одного языка способнѣе къ превосходному переводу «Иліады» и «Одиссеи» чѣмъ нынѣшній русскій; мнѣ онъ кажется какъ-бы нарочно выдуманнымъ для этого: такъ сильно чувствую я возможность вѣрно и художественно передать на нашемъ языкѣ всѣ оттѣнки живописной рѣчи умнаго простяка Гомера, хоть и не берусь исполнить того, что̀ чувствую. Для этого нужны, огромный талантъ, большая проницательность, удивительная *смѣтка*.

II.

Если вы думаете, что дѣло о гекзаметрѣ кончено и что болѣе не услышите о гласныхъ и согласныхъ, которыми столько надоѣлъ я вамъ, то очень ошибаетесь. Ужъ когда я стану говорить о гласныхъ и согласныхъ, съ которыми — увы! кто мнѣ воротитъ это время? съ которыми — возился я почти двадцать лѣтъ, то не такъ-то легко остановить меня. Съ другой стороны, и остановиться невозможно: многаго еще не досказалъ я въ первой статьѣ, объ иномъ только намекнулъ, ни на одинъ пунктъ не представилъ осязательныхъ доказательствъ. А поэтовъ не убѣдишь такъ скоро: они — народъ упрямый, называютъ себя «учителями человѣчества», и никакъ

Digitized by Google

не хотятъ, чтобы порой ихъ самихъ учили — даже самой малости — напримѣръ, правописанію. И если говорить, такъ ужъ говорить теперь: въ другой разъ, или я не вспомню, или вы не будете расположены слушать, или настанутъ лучшія времена, времена счастія, веселья и благоденствія, когда вовсе не будетъ русскихъ гекзаметровъ, такъ, что мы и не найдемъ предлога, чтобы завести рѣчь объ нихъ. Теперь, напротивъ, у всѣхъ еще свѣжо въ памяти то, что̀ я сказалъ о древнемъ гекзаметрѣ и что̀ конечно всѣхъ поразило, что̀ даже многимъ могло показаться парадоксомъ: а именно̀, я сказалъ, что въ греческомъ гекзаметрѣ заключаются, мало того дактили и спондеи, слоги музыкально-длинные и короткіе, но еще правильная мелодія, *настоящая музыкальная композиція*. Это теперь я и хочу доказать всѣмъ и каждому, кому стихи писать или читать надлежитъ, доказать самымъ яснымъ и неопровержимымъ образомъ.

А впрочемъ, я повторю, отъ слова до слова, то, что̀ было уже сказано:

«Если хорошо и понятливо положить на ноты греческіе гекзаметры, то изъ разнообразія ихъ дактилей и спондеевъ, которое теперь намъ кажется случайнымъ, изъ повышеній и пониженій тона посредствомъ ударенія, о которыхъ мы досихъ-поръ и не думали, конечно окажется, что тутъ, кромѣ стихотворной гармоніи, есть еще настоящая мелодія, cantilena, композиція, словомъ истинная музыка — музыка, какъ ее понималъ и слагалъ Бетховенъ, одинъ изъ всѣхъ новѣйшихъ

Digitized by Google

композиторовъ, у котораго она подражаетъ естественной музыкѣ одушевленной и умной человѣческой рѣчи и потому такъ чудесна, такъ несравненна. Но изъ этого неизбѣжно слѣдуетъ, что нѣтъ никакой возможности писать такіе стихи какъ греческіе, не будучи вмѣстѣ музыкантомъ и композиторомъ. И дѣйствительно, всѣ древніе поэты были въ то же время музыканты и композиторы. Эсхилъ, Софоклъ, Эврипидъ, Пиндаръ сами сочиняли музыку для своихъ поэмъ; и это было не трудно, потому-что музыкальный рисунокъ уже заключался въ словахъ ихъ поэмъ. Тогда-то стихъ, вещь однозначительная съ музыкой и композиціей, и былъ чѣмъ-то неземнымъ; тогда-то поэзія, превращавшая грубый языкъ человѣческій въ воздушную мелодію, и могла по праву называться языкомъ боговъ. Увы! что она теперь?... Такъ вотъ почему музыка и была всегда неразлучно соединена съ поэзіей. Вотъ почему она была въ такомъ уваженіи у древнихъ. Вотъ почему съ благоговѣніемъ изучали ее всѣ философы, геометры, физики, астрономы; почему она и поэзія такъ усовершенствовались, и производили такое могущественное дѣйствіе, что теперь мы и не хотимъ ему вѣрить, слушая наши бездушныя оперы, для которыхъ музыку сочиняетъ одинъ, а слова другой, и часто уже послѣ сочиненія музыки».

Теперь приступимъ къ дѣлу. Вооружитесь терпѣніемъ: оно необходимо при такомъ изслѣдованіи, но оно, я надѣюсь, будетъ вознаграждено важными и совершенно новыми результатами.

Вы уже знаете метрическую систему Финикій-

Digitized by Google

цевъ, Грековъ, Аравитянъ, Персовъ, Турковъ, и другихъ умныхъ народовъ, толкующихъ о длинныхъ и короткихъ слогахъ. Согласныя составляютъ долготу или краткость слоговъ; гласная ничего не составляетъ: она только — *тонъ*, звучное *движеніе* согласныхъ; удареніе тоже ничего здѣсь не значитъ: оно только возвышеніе тона, а не продолженіе звука. Двѣ согласныхъ въ слогѣ — длинный слогъ; одна согласная — короткій слогъ. Это положительно и вѣрно. Два короткихъ слога, въ языкѣ, акустически равны одному длинному, какъ въ музыкѣ двѣ кроши, или осьмушки, равны одной черной, или четверти. Это также не подлежитъ сомнѣнію. Вмѣсто двухъ согласныхъ и одной гласной, въ слогѣ могутъ быть одна согласная и двѣ гласныхъ, или дифтонгъ: этотъ слогъ также будетъ длинный, потому-что одна изъ двухъ гласныхъ превращается тогда въ настоящую согласную. Гекзаметръ, слѣдственно, изъ какого ни состоялъ бы числа слоговъ, всегда равенъ двѣнадцати длиннымъ слогамъ, или двѣнадцати чернымъ нотамъ, раздѣленнымъ на шесть тактовъ. Все это уже вамъ извѣстно.

Вамъ извѣстно также — объ этомъ мы подробно говорили въ первой статьѣ — что гласная, на которую падаетъ удареніе, есть самый высокій *тонъ*, самая высокая нота, въ словѣ. Если удареніе стоитъ въ началѣ слова, составленнаго изъ нѣсколькихъ слоговъ, то, въ чистомъ произношеніи, первый слогъ всегда бываетъ самый высокій тономъ, а всѣ слѣдующіе постепенно понижаются, до послѣдняго, самаго низкаго; если удареніе —

Digitized by Google

на концѣ слова, тонъ, наоборотъ, постепенно возвышается отъ перваго слога до послѣдняго, самаго высокаго; если, наконецъ, удареніе падаетъ на одинъ изъ среднихъ слоговъ, то до этого слога тонъ постепенно возвышается, на немъ достигаетъ онъ наибольшей высоты, а потомъ болѣе и болѣе понижается. Я не думаю, чтобы кто-либо подъ солнцемъ, подъ луной или подъ землею, будь онъ даже такъ крѣпокъ на ухо, какъ новѣйшіе поэты, которые почитаютъ удареніе за признакъ долготы слога, рѣшился отвергать столь очевидную истину. Станете ли спорить, что, во всякомъ словѣ, произнося его естественно, безъ натяжки, мы слышимъ ясно и чисто только *одну* гласную, именно ту, на которую падаетъ удареніе, а всѣ прочія остаются для уха какъ-бы въ полу-тѣни?... Произнесите слово *бàба*, внимательно прислушиваясь къ своему голосу: не правда ли, что здѣсь ясно и чисто раздается только первое *à* — потому-что оно самое высокое тономъ изъ двухъ — и что второе *а* слышно невнятно, какъ-бы вполовину — потому-что оно цѣлымъ тономъ, если не болѣе, ниже перваго? Возьмите слово *малà*: не правда ли, что здѣсь, наоборотъ, первое *а* слышится, тише втораго, самаго чистаго и самаго высокаго изъ двухъ? Въ словахъ трехъ-сложныхъ это еще примѣтнѣе. Въ словѣ, напримѣръ, *голова* (*галавà*) два первыя *а* гораздо невнятнѣе, гуще, тише, ниже тономъ, третьяго, снабженнаго удареніемъ, и изъ нихъ самое первое еще тише втораго. Гласныя слова *màлая* представляютъ совершенно то же явленіе, только наоборотъ: здѣсь,

Digitized by Google

изъ трехъ *а*, ясно и чисто слышится только первое, на которое падаетъ удареніе: второе уже тише его; третье еще гуще и тише. Въ словѣ *давдла*, съ ударéніемъ на среднемъ *а́*, оно только и слышно совершенно чисто: первое *а* ровно столько же гуще его сколько и второе; «ровно» — потому-что удареніе находится здѣсь въ самомъ центрѣ слова, слѣдовательно двѣ боковыя гласныя уравновѣшиваются въ тонѣ между собою, и одна лишь средняя примѣтно возвышается надъ ними. Но совсѣмъ не то будетъ въ словѣ, напримѣръ, *запла́кала*, гдѣ удареніе падаетъ на одинъ изъ среднихъ слоговъ, именно, на второй: здѣсь также, изъ четырехъ, вы слышите одно чистое *а́*, второе; третье *а* уже гуще, четвертое еще гуще: а первое?... какую степень густоты будетъ имѣть оно въ отношеніи ко второму, чистому? будетъ ли она равна густотѣ третьяго или четвертаго *а*? Очевидно, первое *а* будетъ тономъ равно четвертому. Почему? Да потому что, послѣ ударенія, здѣсь еще есть два слога и, чтобы произнести ихъ, должно между первымъ *а*, простымъ, и вторымъ *а́*, ударяемымъ, возвысить голосъ на интерваллъ двухъ слоговъ, или двухъ нотъ. Если, отъ перваго *а*, для ударенія, возвысите голосъ на интерваллъ только одного слога, одной ноты, то послѣ ударенія будете въ состояніи произнести тоже одинъ только слогъ, именно, третій; а на четвертый уже недостанетъ у васъ голоса. Поэтому, въ словѣ *запла́кала*, возвышая голосъ отъ перваго *а* до втораго, нужно перескочить черезъ одну ноту: другими словами, между тонами этихъ

Digitized by Google

двухъ *а* интервалъ, будетъ терція, потому-что, послѣ *а* съ удареніемъ, слѣдуютъ еще два слога, которые надобно произнести воздухомъ и голосомъ, захваченными въ промежуткѣ между первымъ и вторымъ *а*. Въ греческомъ языкѣ ударе-ніе никогда не бываетъ далѣе какъ на третьемъ съ конца слогѣ: изъ этого слѣдуетъ, что, тамъ, самое обыкновенное возвышеніе тона между удареніемъ и предшествующею гласною — терція. Но то ли будетъ въ русскомъ языкѣ, гдѣ, въ аршинныхъ словахъ, часто, послѣ ударенія, случаются три, четыре, пять, шесть и семь слоговъ? Кажется, разсчетъ ясенъ: если голосъ нужно возвысить на одну ноту въ словѣ, имѣющемъ послѣ ударенія одинъ слогъ, а на двѣ ноты, или на терцію, въ словѣ, имѣющемъ послѣ ударенія два слога, то въ болѣе длинныхъ словахъ, гдѣ за удареніемъ слѣдуютъ еще три, четыре, пять, шесть, семь слоговъ, вы по-необходимости принуждены будете, между гласною, предшествующею удареніе, и гласною ударяемою, возвышать голосъ на кварту, квинту, сексту, септиму, а при семи такихъ слогахъ и на цѣлую октаву. Примѣровъ я приводить не стану. Каждый легко найдетъ ихъ въ родномъ языкѣ, и нѣсколько опытовъ произношенія такихъ словъ убѣдятъ самаго недовѣрчиваго въ справедливости факта. А если кому угодно, чтобы при этихъ опытахъ и грудь у него лопнула, то вотъ самый простой и вѣрный рецептъ: возьми пятьдесятъ два слога, по числу картъ въ колодѣ; составь изъ нихъ одно слово: дай ему единственное удареніе, на второмъ слогѣ, и произнести все

Digitized by Google

это за-разъ. Грудь лопнетъ: я даю росписку! Какая грудь можетъ выдержать? *Для того*, чтобы произнесть такое слово съ однимъ удареніемъ, нужно возвысить голосъ на семь октавъ, то есть на цѣлый фортепіанный діапазонъ.

И здѣсь-то очень кстати приходится одно маленькое, но весьма любопытное замѣчаніе, относящееся лично къ бѣдной, обижаемой «Библіотекѣ для Чтенія». Я рѣшительно думаю, что она во многомъ смыслитъ гораздо болѣе своихъ почтеннѣйшихъ обидчиковъ, которые выдаютъ себя за великихъ знатоковъ въ грамматическомъ дѣлѣ. Такъ, напримѣръ, я совершенно одобряю мудрую мѣру этого журнала, принятую имъ въ отношеніи къ союзу *длятого*, котораго слоги онъ всегда пишетъ вмѣстѣ, въ видѣ одного слова. Въ самомъ дѣлѣ, въ нашемъ языкѣ есть два этого рода выраженія, различныя по удареніямъ и, слѣдственно, по смыслу — *для́ того́* (*кто́*) и *для́того* (*чтобы́*): въ послѣднемъ случаѣ, *для́того* явственно — одно слово, потому-что *того* теряетъ здѣсь свое ударе́ніе, которое переходитъ на *для* и прибавляется къ коренному удареніе этого предлога, чтобы достаточно возвысить тонъ его для удобнаго произнесенія двухъ прибавочныхъ слоговъ. То же самое разумѣется о словахъ *вдовре́мя*, *наско́ро*, и всѣхъ прочихъ, гдѣ только ударе́ніе переносится на предшествующую имъ гласную. Попытайтесь произнесть отдѣльно *для́*, *во́*, *на́*, съ удареніемъ, а *того́*, *вре́мя*, *ско́ро*, безъ ударе́нія: будь я на-мѣстѣ пожранъ грамматиками, которые давно уже терзаютъ меня своими тупыми зубами, если

Digitized by Google

вы произнесете вслухъ хоть одинъ слогъ словъ *того*, *время* и *скоро!* Если угодно, вы ихъ произнесете, но только не вслухъ, а шопотомъ. А какъ скоро нельзя произнести какого-нибудь слова отдѣльно отъ другаго, то и писать его отдѣльно не должно, неприлично, и неблагоразумно. Собственно, по всей строгости логическихъ законовъ, и *потому́что* слѣдовало бы писать вмѣстѣ: *что* также теряетъ свое удареніе, которое сливается съ удареніемъ слога *му*: есть ощутительная разница въ произношеніи между *потому́что* и *по тому́ что*, или *по тому́ что*. Но какъ въ *потому́* удареніе стоитъ въ самомъ концѣ слова, то этого возвышенія голоса достаточно для произнесенія одного лишняго слога, и, слѣдовательно, чтобы не затѣвать безполезныхъ нововведеній, можно *что* писать и отдѣльно, только въ такомъ случаѣ никакъ не должно отдѣлять его запятою отъ *потому:* послѣ остановки голоса на запятой уже нѣтъ возможности произнести *что* безъ ударенія, между-тѣмъ какъ по смыслу рѣчи оно не должно имѣть его.

Замѣчаніе это имѣетъ свою пользу и въ отношеніи къ нашему дѣлу: оно еще яснѣе показываетъ настоящее свойство и коренную цѣль удареній въ языкахъ: это свойство, эта цѣль, состоятъ существенно въ томъ, чтобы, при извѣстныхъ слогахъ, грудь наполнялась воздухомъ и голосъ возвышался на столько, сколько того и другаго нужно для внятнаго произнесенія всѣхъ слоговъ, слѣдующихъ за ударяемою гласною—внятнаго, при всемъ постепенномъ пониженіи ихъ тоновъ. вслѣдствіе

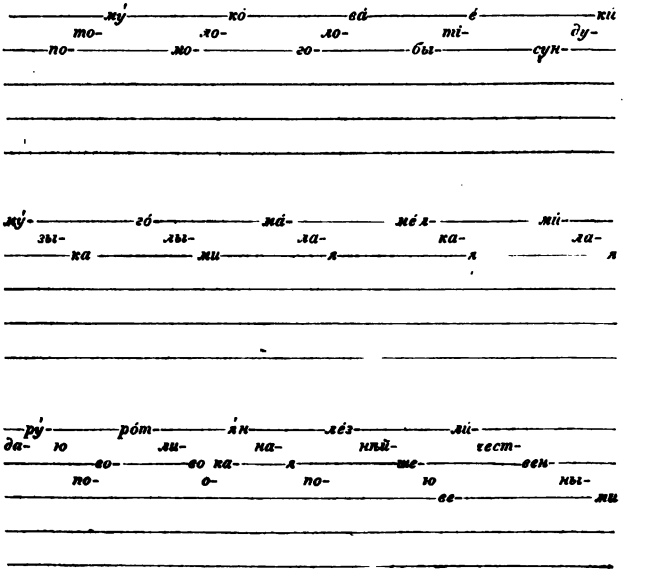
Digitized by Google

механической необходимости устройства человѣческой груди. Въ природѣ все сопряжено съ удивительнымъ разсчетомъ; и я смиреннѣйше осмѣливаюсь полагать мнѣніемъ, что природа умнѣе почтеннѣйшихъ грамматиковъ: если бы она предоставила имъ распоряжаться устройствомъ механизма языковъ, то мы не могли бы произнесть ни одного слова; они передѣлали бы насъ въ рыбъ. Они тотчасъ предназначили бы удареніе къ удлиненію слоговъ, какъ и теперь благополучно предназначаютъ его къ этому, и мы, съ сотворенія міра донынѣ, продолжали бы тянуть все одинъ и тотъ же слогъ, первый слогъ, который образовался въ устахъ Адама: втораго, слѣдующаго слога и до-сихъ-поръ не могли бы мы начать не возвысивъ тона на первомъ, то есть, не употребивъ ударенія на то, для чего природа изобрѣла ударенія, чудесную выдумку, первое начало мелодіи, основаніе всякой музыки, даже музыки скрипучаго чухонскаго колеса. Наступаетъ лѣто, вы станете ѣздить на дачи: примѣчайте же скрипъ чухонскихъ колесъ; вы всегда различите въ немъ три тона: первый, самый громкій — это «основный тонъ» немазаной оси; второй, по-тише — онъ всегда одною терціей ниже перваго; и наконецъ третій, самый тихій, пониженный на цѣлую квинту. Это, просто — трехъ-сложное слово безъ согласныхъ, съ удареніемъ на первой гласной, на основномъ тонѣ немазаной оси. Вотъ бы взбѣсились почтеннѣйшіе, если бы послѣ этого я отправилъ ихъ учиться устройству языковъ у скрипучихъ чухонскихъ колесъ! Смерть хочется это сдѣлать. Одна-

Digitized by Google

кожь, не смѣю: такъ и посыпались бы градомъ бранчивыя статьи на бѣдную «Библіотеку для Чтенія». Лучше возвратиться къ дѣлу.

Такимъ образомъ, если возьмемъ три ряда словъ —слова съ ударенiемъ на послѣднемъ слогѣ, каковы *потому́*, *молоко́*, *голова́*, *бытіе́*, *сундукі́*—слово съ ударенiемъ на первомъ, каковы *мѝлая мѐлкая*, *мѝлая*, *гѝлыми*, *мѝзыка* — и наконецъ слова съ ударенiемъ на одномъ изъ среднихъ слоговъ, каковы *дарую́*, *поворо́тливо*, *окая́нная*, *полѐзнѣ́йшею*, *велѝчественными*, и захотимъ написать все это въ нотныхъ графахъ, то мы получимъ ихъ въ слѣдующемъ видѣ:

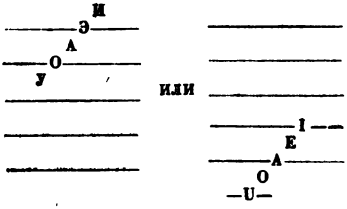

Digitized by Google

Въ каждомъ изъ этихъ трехъ рядовъ словъ, удареніе падаетъ поочередно на всѣ гласныя — *ý, ò, à, è, ù,* — и какъ эти ударяемыя гласныя однѣ ясно и чисто слышатся въ произношеніи, составляя каждая самый высокій тонъ въ своемъ словѣ, то онѣ и помѣщены здѣсь на самой высокой нотной линейкѣ. Прочія, простыя гласныя, находящіяся въ этихъ словахъ, передъ удареніемъ постепенно къ нему возвышаются, слѣдуя снизу вверхъ, а послѣ ударенія понижаются, идутъ сверху внизъ, по общему акустическому закону для всякаго звука, выдуваемаго изъ цилиндровъ, подобныхъ нашему горлу. Относительно къ интерваллямъ между гласною, предшествующею удареніе, и гласною ударяемою, соблюдено правило, изложенное прежде. Но этого мало. Могутъ ли, собственно, *всѣ* эти разнородныя, самыя чистыя и высокія, гласныя быть поставлены на одной и той же линейкѣ? равны ли между собою, въ природѣ, высоты всѣхъ этихъ самыхъ высокихъ, ударяемыхъ, гласныхъ? Конечно, нѣтъ! Мы уже знаемъ изъ опытовъ Вилиза съ цилиндрами, прилаженными къ кларинетному рыльцу съ язычкомъ, что, сдвигая эти цилиндры, то есть, возбуждая въ нихъ звукъ, постепенно понижающійся, воздухъ произноситъ гласныя въ такомъ порядкѣ: *и, э, а, о, у*; раздвигая цилиндры, то есть, производя звукъ восходящій, онъ даетъ намъ тѣ же гласныя въ обратномъ порядкѣ: *у, о, а, э, и;* потомъ, когда звукъ, достигнувъ самой высокой ноты, *и*, самъ собою начинаетъ понижаться, ухо опять слышитъ: *и, э, а, о, у*. Это ясно говоритъ намъ, что гласныя имѣютъ

Digitized by Google

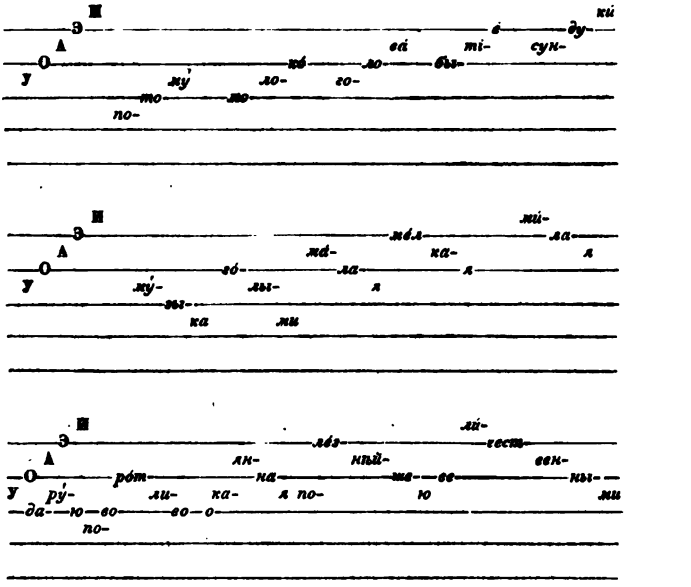
свою натуральную гамму, которой каждый тонъ соотвѣтствуетъ только одной изъ нихъ; что между *у*, самою густою и низкою гласною, и *и*, самою высокою, въ природѣ существуетъ интерваллъ въ пять нотъ, или на цѣлую квинту; и что, слѣдовательно, въ нотныхъ графахъ никакъ нельзя писать на одной и той же линейкѣ всѣ различныя чистыя гласныя, или гласныя съ удареніемъ. Какъ же быть? А вотъ: надобно, во-первыхъ, написать на линейкахъ натуральную гамму гласныхъ, начиная ее съ какой угодно ноты, напримѣръ съ самой простой и естественной, съ UT:

и, во-вторыхъ, надобно каждую гласную съ удареніемъ, какъ самый высокій и единственный чистый тонъ, вылетающій изъ горла при произношеніи всякаго слова, поставить въ графѣ, означенной именно тою же самою гласною—*у́* съ удареніемъ противъ *у* гаммы гласныхъ, *о́* съ удареніемъ противъ *о*, и такъ далѣе—наблюдая, чтобы слоги одного и того же слова, находящіеся передъ удареніемъ, возвышались къ нему по извѣстному уже намъ правилу, а слѣдующіе за удареніемъ постепенно понижались. Тогда слова, которыя мы привели, расположатся на линейкахъ точно въ такомъ же порядкѣ относительно къ высотѣ, въ какомъ они доброволь-
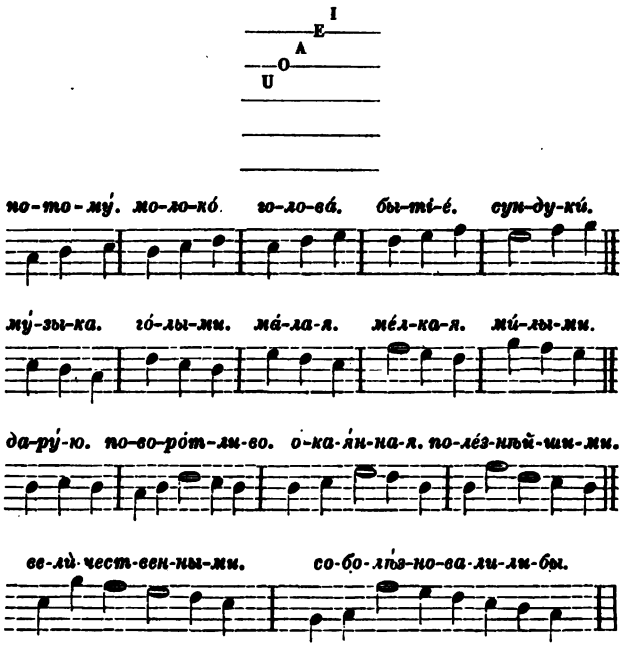
Digitized by Google

но располагаются, относительно къ тону, въ хорошемъ произношеніи, въ разговорѣ, разказѣ, натуральной декламаціи, правильномъ речитативѣ. Мы получимъ ихъ въ слѣдующемъ видѣ.

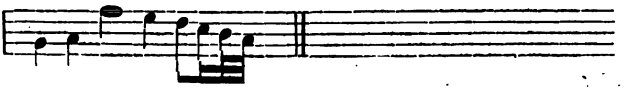

Нѣтъ ничего легче теперь, какъ выразить это нотами, замѣнивъ буквенные слоги музыкальными знаками. Сохранимъ каждой нотѣ то же самое положеніе въ линейкахъ, какое имѣетъ здѣсь каждый слогъ. Означимъ короткіе слоги, состоящіе изъ одной согласной съ гласною, «черными», а длинные, представляющіе болѣе одной согласной, половинами «цѣлыхъ», и мы будемъ имѣть:

Digitized by Google

Послѣднее слово, *соболѣзновали-ли-бы*, еще надлежало бы написать нотами нѣсколько иначе. Мало того, что послѣ ударенія гласныя постепенно понижаются: въ длинныхъ словахъ, онѣ еще *ускоряются* по мѣрѣ приближенія слоговъ въ концу слова. Поэтому *соболѣзновали - ли - бы* слѣдовало бы, собственно, выразить такъ:

Digitized by Google

Но это постороннее обстоятельство хоть и очень важное.

Пятнадцать взятыхъ въ примѣръ словъ мы выразили нотами. Можно теперь взять эти ноты на клавитурѣ фортепіано, и звуки инструмента изобразятъ точное подобіе *производимаго удареніями* движенія тоновъ въ человѣческомъ голосѣ при произношеніи словъ, написанныхъ здѣсь надъ графами. Мелодіи, музыкальнаго сочиненія, здѣсь еще не будетъ, потому-что эти ряды высшихъ тоновъ (гласныхъ съ удареніями) и низшихъ (простыхъ гласныхъ) не выражаютъ никакой ясной музыкальной мысли, и притомъ такты не ровны, или, скорѣе, тутъ нѣтъ никакого такта, размѣра, *метра*. Но если бы подобрать слова такъ, чтобы ихъ длинные и короткіе слоги представляли строгій акустическій размѣръ, или метръ, какъ это было у Грековъ, и чтобы возвышенія голоса посредствомъ болѣе и менѣе высокихъ ударенй, и пониженія его посредствомъ простыхъ гласныхъ безъ ударенй, образовали между собою послѣдовательный напѣвъ, то изъ такого расположенія словъ непремѣнно выйдутъ настоящая мелодія и правильное музыкальное сочиненіе. Мы вскорѣ увидимъ на опытѣ, что древніе Греки именно такъ и подбирали слова, такъ и располагали удареніе, въ своихъ метрическихъ стихахъ.

О строгомъ акустическомъ размѣрѣ мы уже знаемъ, что онъ дѣйствительно существуетъ въ греческомъ стихѣ, въ которомъ находится правильный музыкальный тактъ, основанный на равности двухъ короткихъ слоговъ одному длинному.

Digitized by Google

Что̀ касается до искуснаго расположенія удареній, то простой взглядъ на первые стихи «Иліады» тотчасъ убѣждаетъ меня, что тутъ есть какая - то мелодическая метода: съ самаго начала, ударенія симметрически восходятъ выше и выше, падая сперва на три *a*, потомъ на три *e*, потомъ на два *i*, а тамъ начинаютъ понижаться въ весьма замысловатомъ порядкѣ и совершенно музыкальнымъ образомъ. Порядокъ дактилей и спондеевъ, кажется, тоже не произволенъ: въ немъ рѣшительно замѣтенъ музыкальный рисунокъ. Такимъ образомъ, если нашъ способъ выражать слова нотами вѣренъ—а онъ, кажется, совершенно вѣренъ—то, написавъ стихи «Иліады» на нотныхъ линейкахъ точно такимъ же образомъ, какъ мы написали здѣсь пятнадцать русскихъ словъ, непремѣнно должны мы получить правильную мелодію, тотъ самый напѣвъ, тотъ самый речитативъ, на который сочинялъ и которымъ произносилъ «Иліаду» самъ ея сочинитель, Гомеръ. А вотъ попробуемъ!

Но сперва позвольте мнѣ объяснить слова — «напѣвъ, на который *сочинялъ* «Иліаду» самъ Гомеръ». Вы въ правѣ спросить меня: Такъ вы думаете, что напѣвъ древнихъ поэмъ сочинялся въ одно время съ ихъ содержаніемъ? Да! я такъ думаю; я убѣжденъ въ этомъ. Я видѣлъ, какъ восточные поэты, настоящіе поэты, стихотворцы и музыканты вмѣстѣ, сочиняютъ свои метрическіе стихи: они сочиняютъ ихъ, не шепча какъ мы, но *распѣвая*. Они подбираютъ слова къ мелодіи, раждающейся съ перваго метра, съ перваго такта, часто измѣняютъ эту мелодію по словамъ, и стихъ

Digitized by Google

является у нихъ вмѣстѣ съ своимъ распѣвомъ. Аравитяне и теперь еще, при всемъ упадкѣ у нихъ музыки и стихотворнаго искусства, не понимаютъ, что̀ такое *читать* стихи по-нашему: дайте стихи въ руки любому арабскому мальчику, ребенку, знающему грамотѣ, онъ тотчасъ начинаетъ распѣвать ихъ особеннымъ речитативомъ, который свойственъ только этой піесѣ и уже не можетъ повториться въ другой; просите его не пѣть, а читать естественнымъ голосомъ, онъ вамъ простодушно скажетъ, что это невозможно, что стихи *никакъ не читаются*, что ихъ *можно только распѣвать*. И, вникнувъ въ дѣло, вы сами вскорѣ съ нимъ согласитесь, что метрическіе стихи точно «никакъ не читаются», а распѣваются, распѣваются сами *собою*, потому они—настоящая музыкальная композиція изъ словъ, составленная по точнымъ законамъ звуковой музыки и съ помощью средствъ ея: совершенно такъ же у насъ, «никакъ не читаются» фразы звуковой композиціи, изображенной нотами, а надобно напѣвать ихъ. Такія же понятія о стихахъ господствовали и у Грековъ; и если ужъ простой читатель не можетъ «читать» метрическихъ стиховъ, но долженъ распѣвать ихъ, чтобы понять *весь ихъ смыслъ*, смыслъ литературный и наразлучный съ нимъ смыслъ музыкальный, то очевидно, что и поэту нельзя сочинять ихъ не распѣвая каждаго метра, каждаго слова. Будучи вмѣстѣ и стихотворцемъ и музыкантомъ, и воспитанный въ двухъ нераздѣльныхъ искусствахъ, поэзіи и музыкѣ, метрическій поэтъ по-необходимости получаетъ вдругъ двойное вдохновеніе,

Digitized by Google

поэтическое и музыкальное: онъ обработываетъ мысль свою на-распѣвъ, стихъ и мелодія выливаются у него вмѣстѣ, и мелодія содержится уже въ самомъ стихѣ, въ которомъ *согласныя опредѣляютъ мѣру музыкальнаго времени, а ударенія на извѣстныхъ гласныхъ означаютъ движеніе тона.* Мелодія будетъ самая простая; оно иначе и быть не можетъ: это не арія, не романсъ; главное дѣло здѣсь въ томъ, во-первыхъ, чтобы, когда декламируютъ стихъ мѣрнымъ, звучнымъ, одушевленнымъ голосомъ, но слова произносятъ натурально, съ соблюденіемъ естественныхъ ударенiй, безъ произвольныхъ пѣвческихъ раскатовъ голоса, безъ лишнихъ украшеній, изъ этой простой декламаціи выходилъ пріятный напѣвъ, поющій речитативъ; во-вторыхъ, чтобы стихъ всегда носилъ его съ собою, такъ-что кто ни возьметъ піесу въ руки, тотчасъ, безъ всякаго усилія, найдетъ въ ея согласныхъ и гласныхъ и напѣвъ, на который она сочинена. Оттого-то каждое отдѣльно взятое стихотвореніе распѣвается, по всему арабскому Востоку, вездѣ одинаковымъ образомъ, и одно какое-нибудь стихотвореніе никогда не распѣвается такъ, какъ другое, хотя въ обоихъ родъ метра и стопосложеніе одинаковы. То же самое было и съ рапсодіями Гомера. Онъ былъ *рапсодъ*, то есть «пѣснодѣй» или, точнѣе, «пѣсноплетъ». Сочиняя метрически, музыкально, свои стихи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ «плелъ пѣсенку», и его пѣсенка по-необходимости осталась въ его же стихахъ, въ расположеніи ударенiй въ метрѣ, этихъ-то ударенiй, которымъ древніе Греки придавали такую необыкновенную

Digitized by Google

важность, что рѣшились всегда означать ихъ въ словахъ акцентами, какъ - скоро языкъ, поэзія и музыка стали приходить въ упадокъ и коренные напѣвы старыхъ поэмъ коверкаться. И какъ пѣснопѣтъ Гомеръ распѣвалъ свои рапсодіи, такъ послѣ него распѣвали ихъ и другіе пѣснопѣты, или рапсоды. Это неизбѣжно, потому-что въ такой методѣ стихотворства, первоначальный напѣвъ не можетъ исчезнуть изъ стиха, развѣ измѣните его метръ и ударенія въ словахъ: доколѣ метръ (тактъ) и ударенія (возвышенія голоса до извѣстныхъ нотъ) останутся на своихъ мѣстахъ, напѣвъ стиха не измѣнится для всякаго, кто только умѣетъ правильно декламировать. А весь секретъ умѣнья правильно декламировать метрическіе стихи состоитъ въ томъ, чтобы *каждый тактъ, каждая стопа, слышались отдѣльно и въ то же время сохранялось совершенно натуральное произношеніе каждаго слова, безъ малѣйшей перемѣны въ его природномъ удареніи*: изъ соблюденія этихъ двухъ условій, когда стихъ сочиненъ поэтомъ-музыкантомъ, непремѣнно должна въ речитативѣ родиться мелодія; и если вы поэтъ - музыкантъ, если вы одарены музыкальнымъ ухомъ и поющею натурою, такъ и сами не сочините стиха безъ выдержанія въ немъ мелодіи, родившейся въ васъ при первыхъ тактахъ. Тогда, измѣните даже гамму существующей музыки, возьмите совсѣмъ другую: основной напѣвъ стиха останется при немъ даже и тогда. Какова бы ни была гамма, употребительная въ другое время, какъ - скоро она гамма, то уже по существу своему имѣетъ какое-нибудь симметри-

Digitized by Google

ческое дѣленіе звука, и первоначальный напѣвъ метрическаго стиха долженъ повториться и по ней, но только въ другомъ тонѣ, по причинѣ другаго дѣленія октавы. Но гамма временъ Гомера была самая простая и, конечно, весьма не многимъ разнилась съ нашею діатоническою. Поэтому, несмотря даже и на огромное различіе между древнею музыкою и нынѣшнею, есть вся логическая возможность добыть изъ гекзаметровъ Гомера тотъ самый, *почти* тотъ самый, напѣвъ, на который они сочинялись и пѣлись самимъ безсмертнымъ пѣснопѣтомъ, переписавъ эти гекзаметры на ноты, по нашему способу выражать произношеніе словъ музыкальными знаками — если только, повторяю, способъ нашъ вѣренъ. Но вѣрность нашего способа, и основательнось всего, что здѣсь сказано о сущности метрическаго стихотворства, можетъ быть рѣшена въ одно мгновеніе: съ первыхъ нотъ тотчасъ обнаружится справедливость или ложность всего нашего разсужденія; съ ухомъ нѣтъ объясненій: оно не стерпитъ и не проститъ парадокса, какую бы благовидность ни придала ему логика посредствомъ силлогизма. Приступимъ къ опыту. Если, въ самомъ дѣлѣ, дѣйствуя въ точности по этому простому способу, изъ гекзаметровъ Гомера родится правильная мелодія, то, милостивыя государыни и государи, мы здѣсь, шутя, сдѣлаемъ удивительное открытіе, такое открытіе, которое, по меньшей мѣрѣ, стоитъ шамполіоновскаго ключа къ египетскимъ іероглифамъ.

Прежде всего, изберемъ въ нашей діатонической гаммѣ начальную точку для гаммы гласныхъ,

Digitized by Google

у, а, э, о, и. Эта точка, какъ извѣстно, можетъ быть произвольна. Я желалъ бы помѣстить ее въ LA. Но, чтобы дѣйствовать какъ-можно проще и не затѣвать ничего новаго, лучше держаться прежняго порядка и поставить ее въ UT. Такимъ образомъ, двѣ гаммы будутъ состоять въ слѣдующей соотвѣтственности:

Гамма діатоническая: UT. RÉ. MI. FA. SOL. LA. SI.
Гамма гласныхъ: u. o. a. e. i.

Вы знаете, что, превращая слова въ музыкальные знаки, этими нотами діатонической гаммы должно означать *одни только гласныя съ ударе-ніемъ*, какъ самыя высокія. Изъ нихъ образуются у насъ верхушки мелодіи.

Беру нотную бумагу и «Иліаду».

Сначала, означаю на линейкахъ, четвертями и осьмушками, то есть длинными и короткими нотами, какъ гдѣ придется по слогамъ, всѣ ударяемыя гласныя цѣлаго стиха.
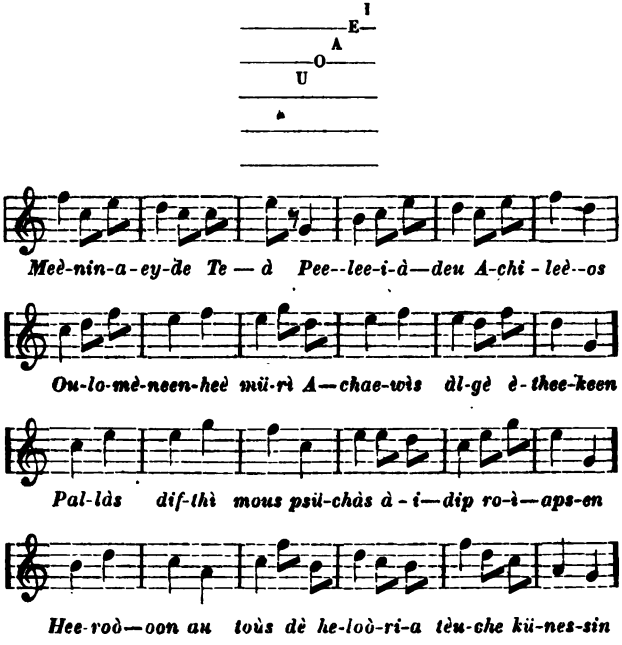
Потомъ, возлѣ каждой изъ этихъ самыхъ высокихъ нотъ, групирую прочіе слоги принадлежащихъ имъ словъ, тщательно стараясь, чтобы вездѣ, въ каждомъ словѣ, тоны слоговъ передъ удареніемъ шли къ нему въ восходящемъ порядкѣ, а тоны слоговъ послѣ ударенія опускались отъ него въ нисходящемъ.

Наблюдаю, чтобы между удареніемъ и предшествующею гласною былъ интерваллъ въ терцію: вы знаете почему.

Послѣдній слогъ стиха, какъ извѣстно, не важенъ: на немъ голосъ упадаетъ произвольно, *если только этотъ слогъ безъ ударенія.*

Digitized by Google

Наконецъ, разбиваю ноты на такты. Чудо!.... просто, чудо!.... вездѣ выходитъ шесть совершенно правильныхъ музыкальныхъ тактовъ.

Да вѣдь это прелестная *религіозная* мелодія! Эти ноты, поставленныя нами механически, безъ всякой музыкальной мысли, поются какъ-нельзя плавнѣе и даютъ чудесный напѣвъ въ томъ родѣ, который въ музыкѣ технически называется chant réligieux или mélodies sacrées. Какъ вамъ угодно, господа риторы, которые много разсуждаете объ

Digitized by Google

Иліадѣ и находите ее эпопеей, картиною геройскихъ подвиговъ, умышленнымъ и замысловатымъ сочетаніемъ историческаго съ чудеснымъ: я вамъ говорилъ прежде, что Гомеръ вовсе и не думалъ изображать никакихъ подвиговъ, что онъ былъ богословъ своей вѣры, какъ всѣ первые поэты Греціи, что онъ хотѣлъ только сказать—должно всячески уважать жрецовъ, должно благоговѣть передъ ними, а оскорблять ихъ бранчивыми словами, или между собою ссориться, сердиться, бѣситься, браниться — грѣхъ! — боги васъ за это попутаютъ!—жестоко накажутъ!—вотъ посмотрите, какую тьму бѣдствій навлекла на любезныхъ нашихъ соотечественниковъ вспыльчивость покойнаго Ахилла Пелеевича, когда онъ, поссорившись съ Агамемнономъ Атреичемъ, пришелъ въ бѣшенство и разругалъ его врахъ, вслѣдствіе обиды, нанесенной Атреичемъ жрецу Аполлона!—словомъ, я вамъ говорилъ, что это поэма чисто религіозная или, если угодно, нравственно-духовная; и теперь, вотъ видите, выходитъ по-моему: даже и напѣвъ, на который она сочинена, имѣетъ совершенно религіозный характеръ. Вотъ подлинный, буквальный смыслъ «вступленія» къ разсказу Иліады, которое мы начали класть на ноты; онъ ясно говоритъ то же самое, что это будетъ повѣсть назидательно-духовная.

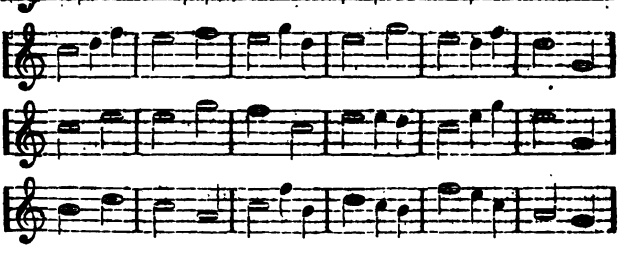
«Спой богиня, про бѣшенство Пелеевича Ахилла,
Окаянное, что тму кручинъ на Грековъ взвалило.
Многія-то побросало оно въ Адъ крѣпкія души
Богатырскія, трупами же ихъ угостило собакъ
Да вороновъ всѣхъ (Юпитера то совершалась воля!....),

Digitized by Google

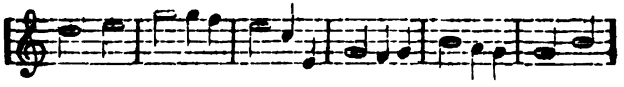
Съ-тѣхъ-поръ, то есть какъ впервые разошлись, побранившись,
Атреичъ, царь мужей, и божій Ахиллъ!
Кто же это изъ боговъ свелъ ихъ раздѣлываться бранью?
Латоны и Юпитера сынъ! Онъ-то, прогнѣвавшись на государя,
И поднялъ въ станѣ болѣзнь злую—вотъ гибли-то люди!—
Затѣмъ что Хриса, жреца, обезчестилъ
Атреичъ, и проч.

Но вы скажете, что четыре первые стиха еще ничего не доказываютъ: мелодія и ея характеръ могутъ быть случайны. Хорошо: станемъ продолжать; посмотримъ все «вступленіе». Но, какъ это, по роду своему, священная мелодія, то перепишемъ все сначала другими нотами, и притомъ, тутъ, въ пятомъ стихѣ, есть вставная фраза въ скобкахъ, (Юпитера то свершалась воля!), которая, при чтеніи произносится тише, sotto voce, какъ бы встороиу. Въ этой фразѣ нужно будетъ понизить тонъ на квинту, чтобы отдѣлить ее отъ предшествующаго и послѣдующаго.

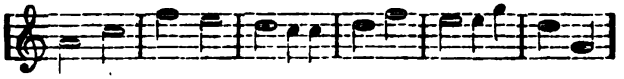
Благоразумный читатель! благоволите сѣсть къ фортепіано и разъигрывать, но тихо и мѣрно.

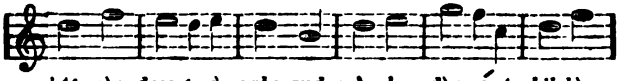
Digitized by Google

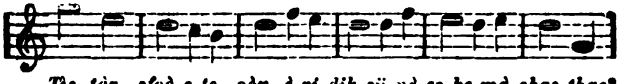
Wi-oon—wò-sè-te paâ-sí (Di-ôs de-te-lèu-e-te bou-leè!)

Eks hoù dès tâp rod-ta dí-ast-eè-tee me-rì-san-te

'At-rèy-dees-te à-naks and-rodn kay dìy-oś A-chil-lèus.

Tìs tàr sfod-e te-odn-è-ri-dik sü-nè-se-ke mâ-chas-thae?

Чудеса, да и только! волшебство! чары! дѣло непостижимое и почти невѣроятное!..... вездѣ, сплошь; выходитъ простая, но превосходная мелодія, безъ малѣйшей погрѣшности противъ уха, хотя начало гаммы гласныхъ совершенно произвольно поставили мы въ UT; и вездѣ эта мелодія сохраняетъ тотъ же самый характеръ религіознаго пѣснопѣнія. Нѣтъ это уже не случайность! Это истина! Я раскрываю «Иліаду» на-удачу, и беру первый стихъ, который попадается мнѣ на глаза. Значеніе его не затѣйливо:

«А тому, опять, отвѣчалъ Нептунъ Землебой».
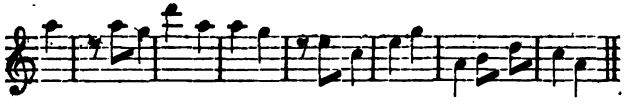

Digitized by Google
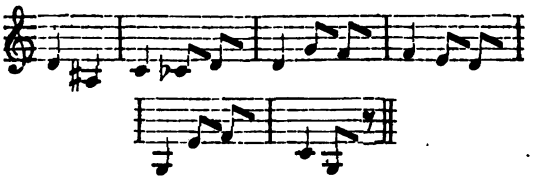
Просто, но чрезвычайно мило, и безъ всякой ошибки. Раскрываю Одиссею, и беру какой-нибудь стихъ:

«Ба! ба! ба! какъ ужъ нынче-то смертные стали обвинять боговъ!»

Въ этомъ стихѣ, для восклицанія я повышу первые три такта на квинту, какъ тамъ, для фразы въ скобкахъ, я понизилъ.

Прекрасно!.... Беру другой стихъ, совершенно наудачу. Пишу его въ другомъ тонѣ и въ другой октавѣ. Въ немъ говорится что-то о томъ, какъ богиня — не знаю, право, какая — надѣваетъ на свою ножку прекрасный башмачокъ:

Ну, право, прелесть! Знаете ли, что всѣ эти гомеровскія штуки очень напоминаютъ знаменитыя мелодіи Шуберта, которыя именно потому такъ очаровательны, что онѣ удивительно просты?

Но зачѣмъ мнѣ мучиться напрасно? Зачѣмъ писать ноты, когда я теперь знаю клавиши, соотвѣтствующіе каждому ударенію? Я возьму книгу

Digitized by Google

въ руку, и стану брать прямо на клавитурѣ высокія и низкія гласныя по точнымъ правиламъ нашего способа.

Удивительно!.... невообразимо!... просто комедія! Вся Иліада, вся Одиссея Гомера, разъигрываются сплошь, безъ всякаго затрудненія!.... И вездѣ получается правильная мелодія — очень милая — нѣсколько однообразная: ну, да это и не можетъ быть иначе; всѣ речитативы таковы: вспомните, что элементы этого очень ограничены: ихъ всего два, дактиль и спондей, тактъ въ двѣ длинныя ноты и тактъ въ одну длинную и двѣ короткихъ. Большаго движенія тутъ и быть не можетъ, по существу самаго метра: да оно даже и было бы противно характеру сочиненія. Игра тоновъ въ мелодіи, конечно, могла бъ быть разнообразнѣе, не противорѣча цѣли напѣва: но не забудьте, что я беру эти ноты совершенно механически, строго придерживаюсь правилъ нашего способа, не позволяю себѣ даже самыхъ законныхъ отступленій; я почти не выхожу изъ квинты и все время изворачиваюсь пятью или шестью тонами; я не обращаю ни малѣйшаго вниманія на смыслъ стиховъ подлинника, и читаю ихъ на клавитурѣ такъ же однообразно какъ палатскій повытчикъ читаетъ записку о дѣлѣ: въ подлинникѣ — множество вставныхъ фразъ въ скобкахъ, пропасть восклицаній, въ иныхъ мѣстахъ много жару въ разсказѣ, въ другихъ большое спокойствіе; во всѣхъ такихъ тактахъ, должно, въ хорошемъ речитативѣ, то возвышать голосъ, то понижать его, на терцію, квинту, и на цѣлую октаву, сообразуясь со смыс-

Digitized by Google

ломъ словъ: слѣдовательно и здѣсь, при разъигрываніи этихъ прекрасныхъ гекзаметровъ на инструментѣ, по-настоящему нужно было бы соблюсти такіе же попеременные переходы отъ низшихъ гаммъ къ высшимъ и отъ высшихъ къ низшимъ, и тогда мелодія получила бы совсѣмъ другую прелесть, жизнь, одушевленіе.

Способъ нашъ, котораго вѣрность доказана теперь несомнительнымъ опытомъ, подлежитъ еще многимъ усовершенствованіямъ, и онъ въ состояніи получить большее развитіе, не уклоняясь отъ основныхъ началъ своихъ. Теперь онъ даетъ только скелетъ напѣва, только трупъ умершей за три тысячи лѣтъ мелодіи, и годится лишь для «вступленій» въ поэмы, для мѣстъ спокойныхъ, лишенныхъ всякаго одушевленія. Дѣло усовершенствованія и развитія я предоставляю умнымъ и понятливымъ музыкантамъ-поэтамъ.

Я вздумалъ въ эту минуту о Н. В. Кукольникѣ: какъ музыкантъ и поэтъ, онъ можетъ окрыть тутъ гораздо больше нашего. Ему принадлежитъ по-праву разработка этого новаго и богатаго рудника.
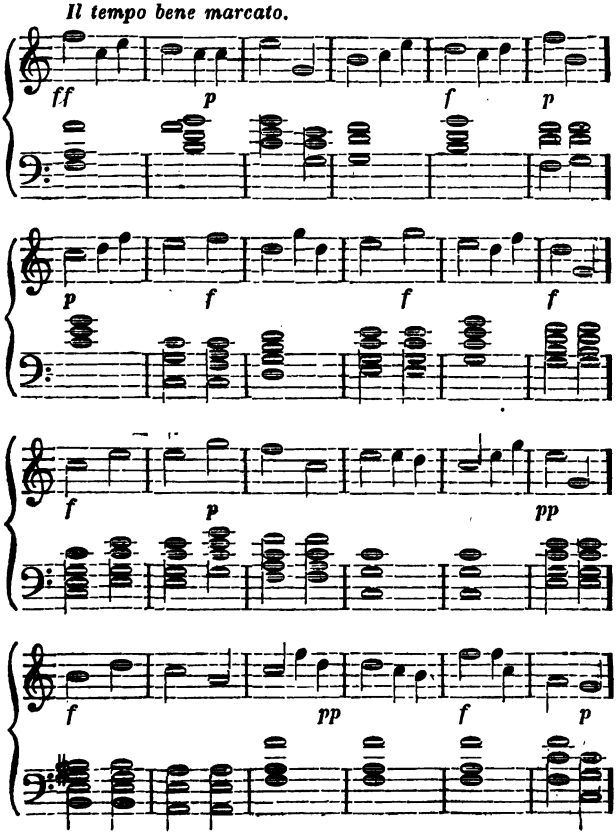
Но вы еще не имѣете настоящаго понятія и о той мелодіи, которую мы добыли изъ вступленія въ «Иліаду»: надо разъиграть ее съ аккомпаниментомъ, который былъ obligé при метрическихъ стихахъ, то есть съ аккордами при всѣхъ длинныхъ слогахъ, со вспомогательными звуками инструмента, которыми рѣзко означался бы размѣръ стиха, какъ распѣваютъ восточные свои стихотворенія, какъ распѣвали Греки. Тогда только

Digitized by Google
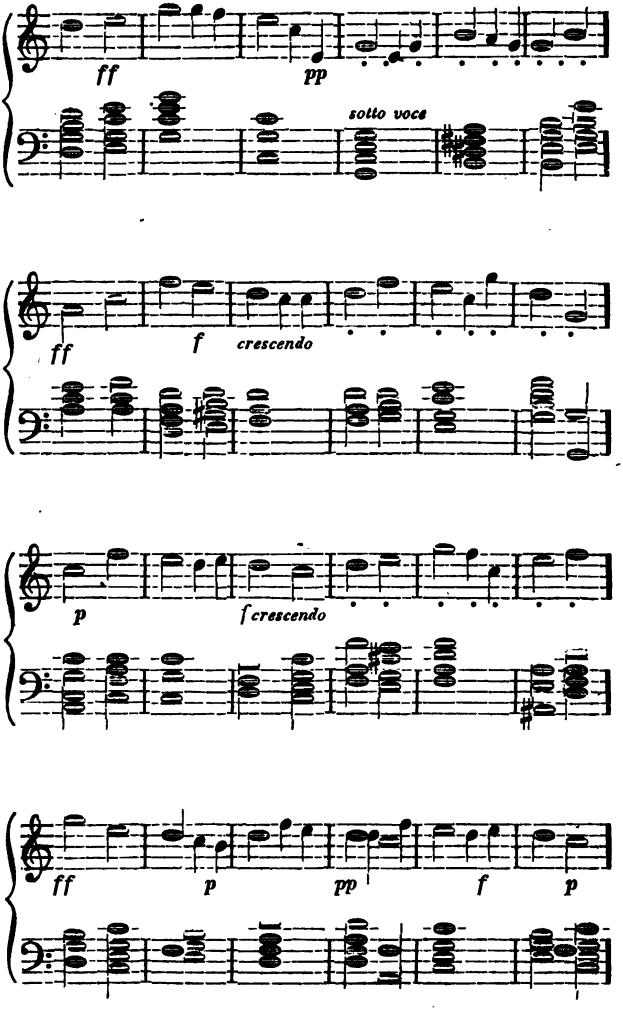
получите эту мелодію въ подлинномъ ея видѣ, мѣрномъ, гармоническомъ, величественномъ.

Прибавимъ аккорды, самые простые, ко всѣмъ длиннымъ слогамъ. Благоволите разъиграть!

Но играйте медленно, очень медленно, и ровно.

Digitized by Google

Digitized by Google
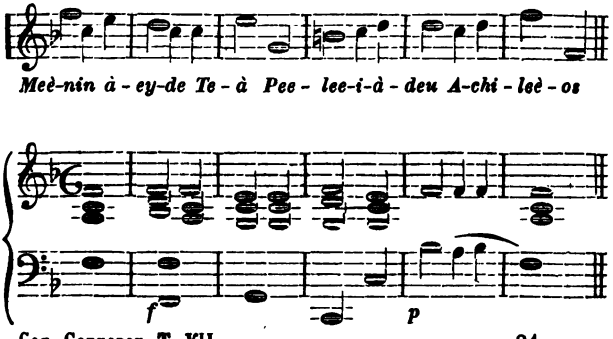
Какой чудесный речитативъ! Теперь только онъ и даетъ отчасти понятіе о музыкальномъ эффектѣ древнихъ гекзаметровъ. Но, чтобы еще болѣе приблизиться къ настоящему, древнему ихъ эффекту, надо непремѣнно пѣть эти стихи съ такимъ же простымъ аккомпаниментомъ. Надѣясь, что между моими читателями найдутся многіе отличные рапсоды, съ голосомъ не хуже гомеровскаго, я предлагаю имъ тѣ же самыя строчки, переписанныя для пѣнія, и прошу всякаго сказать по совѣсти, можно ли желать болѣе плѣнительной мелодіи въ родѣ chants réligieux.

I.
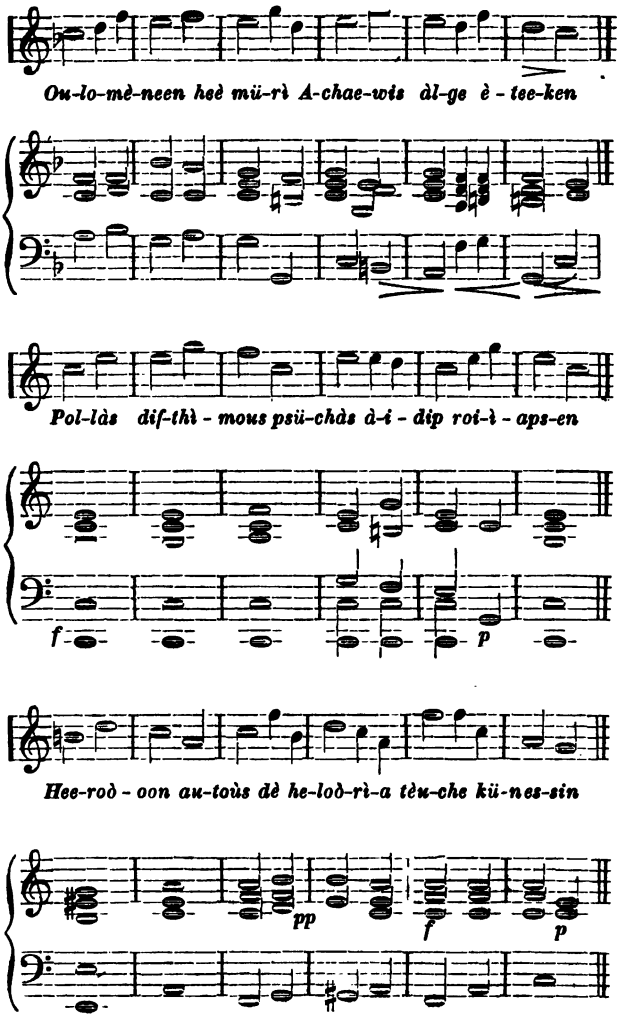
РАПСОДІЯ ГОМЕРА

для пѣнія.
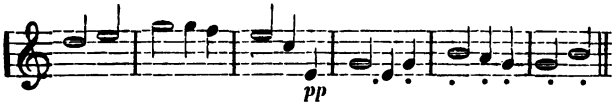
ВСТУПЛЕНІЕ ВЪ ИЛІАДУ.

Digitized by Google

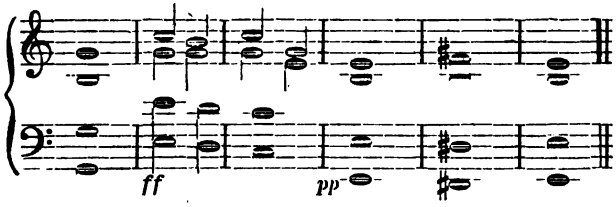

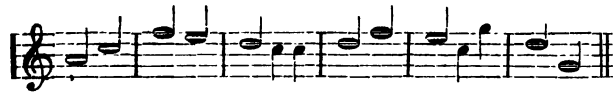
Digitized by Google
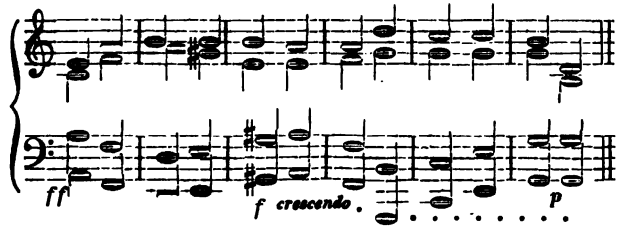

Wi-oon-wì-sì-te paa-si (Di - òs de-te-lèu-e-to bou-leè!)

sotto voce
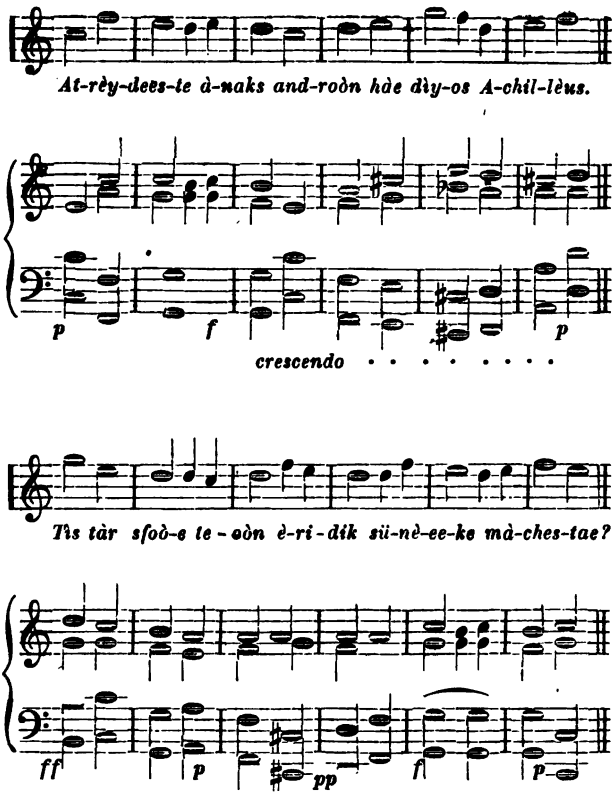

Eks hoù dèe tàp roò-ta di - ast-eè - tee me-rì - san - te

Digitized by Google

Теперь мнѣ еще остается показать ту же самую мелодію въ четвертомъ и послѣднемъ видѣ, а именно, съ болѣе полнымъ басомъ, съ аккомпанементомъ новѣйшей гармоніи.

Благоразумный читатель! покорнѣйше прошу разъиграть ее еще разъ. Но только, пожалуйста,

Digitized by Google
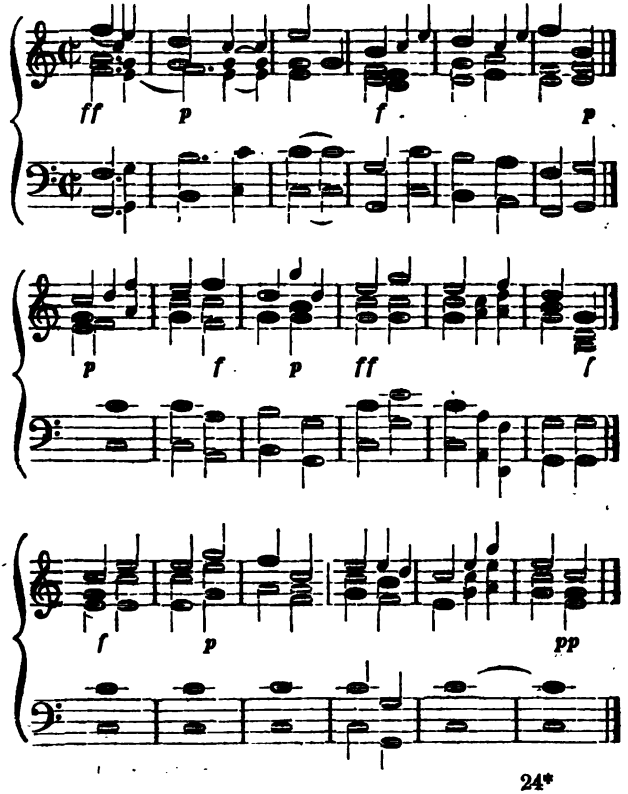
играйте очень, очень медленно; не торопитесь. Это очень нужно. Я скажу послѣ, почему.

Та же
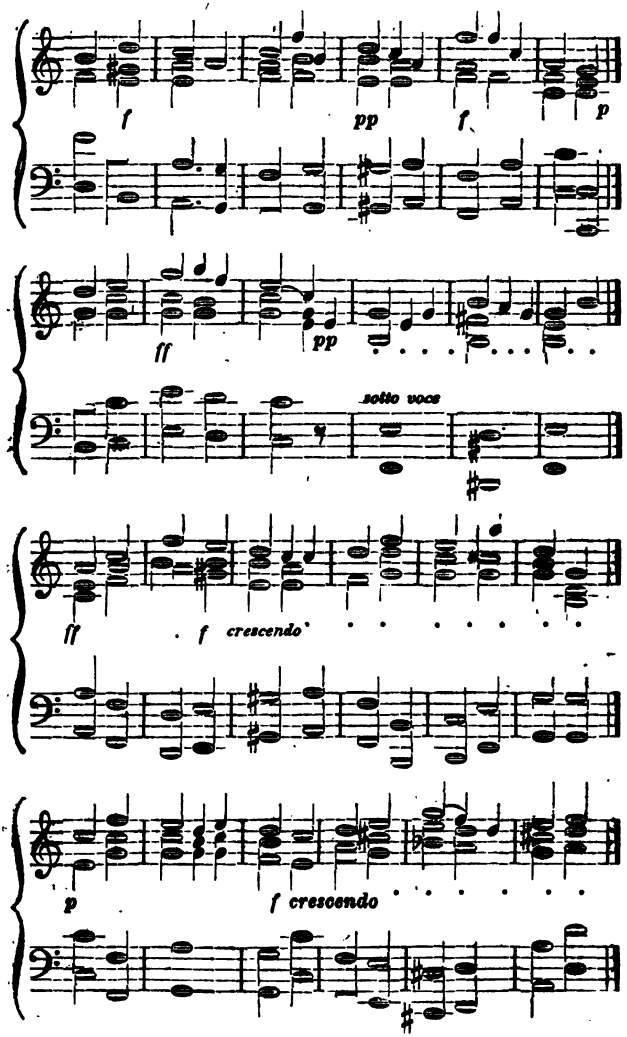
РАПСОДІЯ ГОМЕРА

Для фортепіано.

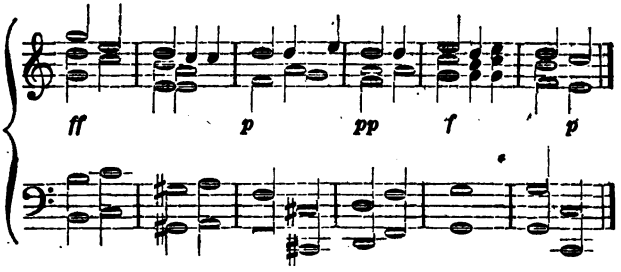
Играть очень медленно.

Digitized by Google

Digitized by Google

Что это?.... Признаюсь, я самъ никакъ не ожидалъ. Да вѣдь эти величественные звуки — разительно напоминаютъ церковное пѣніе латинскаго Запада! Я очень радъ, что мы добились до этого неожиданнаго и удивительнаго результата, потому-что это пѣніе—очень древнее; и когда мы добыли такую же мелодію изъ гекзаметра древнѣйшей религіозной поэмы Грековъ, то она дѣйствительно въ ней и находится. Какъ мы знаемъ, что греческій гекзаметръ происходитъ отъ Финикійцевъ, то смѣло можемъ теперь отыскивать начало этого пѣнія въ глубочайшей древности Сиріи, восходя до временъ патріарховъ. Язычники, вѣроятно, заимствовали его у Евреевъ. Такимъ-образомъ еще мы совершенно въ правѣ сдѣлать общее заключеніе: гекзаметръ, собственно и первоначально, былъ религіознымъ метромъ, и заключаетъ въ себѣ древнѣйшіе священные напѣвы человѣчества.

До этого любопытнаго открытія ужъ навѣрное никогда бъ мы не дошли, если бы предметомъ изслѣдованія избрали нашъ новѣйшій гекзаметръ, писанный по ударенiямъ. Что мы получаемъ при

Digitized by Google

переводѣ его на музыкальные знаки по тому же способу? Вмѣсто правильной мелодіи, мы получаемъ страшную чепуху звуковъ, дикую разладицу, достойную ушей однихъ только оленныхъ Чукчей. И эту - то чепуху, эту разладицу называютъ у насъ *размѣромъ Гомера!*

Какъ даже и смѣть писать въ наше время гекзаметры на мнимый манеръ древнихъ? Что они представляютъ? къ чему служатъ? къ какой музыкальной системѣ относятся? Вы видите, что, не зная музыки, нельзя сочинить ни одного гекзаметра. Вы видите, что гекзаметры должны быть музыкальнымъ выраженіемъ своего времени и своего предмета.

Хотите ли въ наше время писать стихи этого рода?—ну, такъ придумайте же для нихъ совсѣмъ другой размѣръ, сообразный съ условіями нынѣшней музыкальной системы. Но вамъ непремѣнно хочется шести тактовъ въ стихѣ! А шесть тактовъ совсѣмъ, нейдутъ къ нашему слуху, даже и въ важномъ пѣніи, которое нынче употребляетъ только четыре. И сверхъ - того вы рѣшительно должны разстаться съ смѣшною мыслію почитать слоги съ удареніемъ за длинные, потому только, что они слоги съ удареніемъ. Допустивъ даже невозможное—предположивъ даже, что при такой системѣ у васъ былъ бы правильный тактъ въ стихѣ — что выйдетъ, когда всѣ ваши длинные слоги будутъ съ удареніемъ?

Выйдетъ то, что, вѣчно и безмѣнно, въ каждомъ тактѣ первая нота будетъ самая высокая; выйдетъ ужасная монотонія, убійственное одно-

Digitized by Google

образіе. Вы видите, что, напротивъ того, главный секретъ греческаго гекзаметра состоитъ именно въ томъ, чтобы ударенія бо́льшею частью не сходились съ длинными слогами, чтобы они часто перекрещались съ ними, чтобы цѣлые такты были иногда безъ ударенія, чтобы въ иныхъ скоплялось по двѣ и по три ударяемыхъ гласныхъ, потому отъ этого зависитъ все движеніе мелодіи.

Но что̀ касается до невозможнаго, которое мы предположили, то ужъ на этотъ разъ не извольте безпокоиться: пока не станете вести счета согласнымъ, до тѣхъ-поръ не получите правильнаго музыкальнаго такта въ стихѣ; даю въ томъ росписку.

Возвратимся къ рапсодіямъ Гомера. Попробуемъ «Одиссею». Эта поэма, хоть миѳическо-религіозная подобно «Иліадѣ», имѣетъ совсѣмъ другой характеръ: она не столь важна, болѣе разнообразна, болѣе шутлива, и особенно отличается простонародною бойкостью выраженій и всего разсказа. Если мы найдемъ, что и мелодія, скрытая въ ея гекзаметрѣ, имѣетъ также совсѣмъ другой характеръ, то это будетъ послѣднимъ, торжественнымъ и убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ, что поэтъ дѣйствительно положилъ ее туда, что это отнюдь не игра какого-нибудь удивительнаго случая, а великая и неопровержимая истина, фактъ, poësis, «работа» самого поэта. Poësis вѣдь значитъ просто — *работа*, то же что̀ travail въ нынѣшней музыкѣ, а именно, мелодико-гармоническая *обдѣлка* звуковъ.
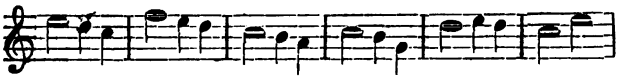
Начнемъ.

Посмотрите! послушайте!.... вѣдь тутъ въ самомъ

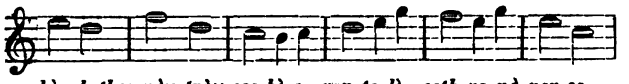
Digitized by Google

дѣлѣ совершенно другая мелодія! А между-тѣмъ метръ одинаковъ! Этоть простой, милый напѣвъ легокъ, пріятенъ, совсѣмъ не такой строгій и торжественный какъ въ «Иліадѣ.» Въ немъ даже болѣе мелодіи, нежели въ первомъ.

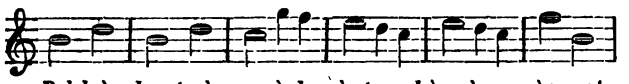
Играть весьма медленно.
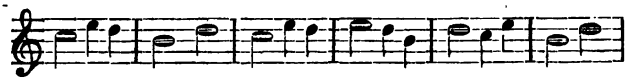

dn-dra-mì èn-ne-pe Moù-sa po-lüt-ro-po nòs mà-la pol làp
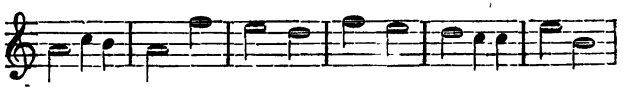

lànch-thes-pèy trày-ees hì e - rop to-lì - eeth-ro nè-per se.

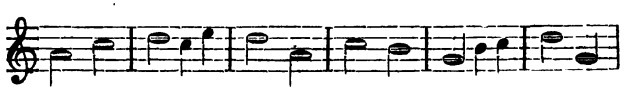
Pol-lodn dan-troò-poon-ì-de nàs-te-a kàe nò - o nèg-noo!

Pol-là do-gen pòn - too pà-te nàl-ge-a hòn ka-tà thü-mòn

Ar-nü-me nos heèn - tep sü - cheèn kae nòs-to ne - tae-roon.
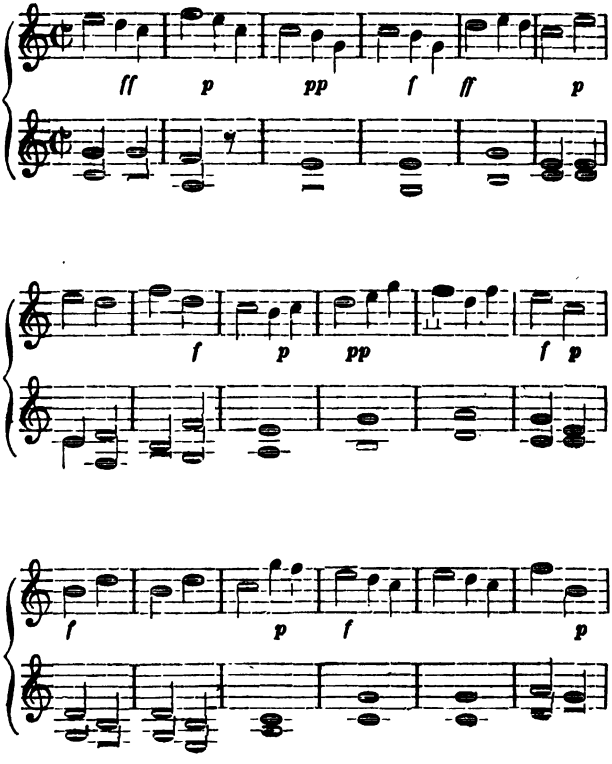

All-oùd hoòs he-ta rous er - - rü-sa-to hi-e-me - nòs per.

(Стихъ испорченный).
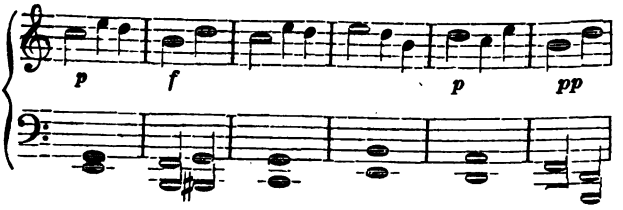
Digitized by Google
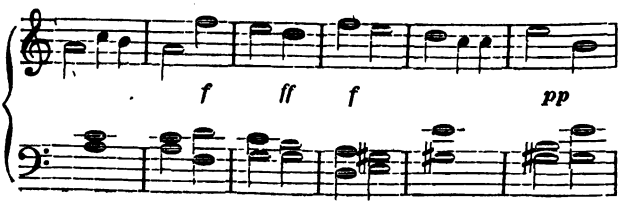
Надобно непремѣнно съиграть ее съ аккордами при всѣхъ длинныхъ слогахъ, чтобы ясно слышать метръ и оцѣнить тотъ общій эффектъ, который она имѣла въ пѣніи рапсодовъ съ аккомпаниментомъ инструмента.
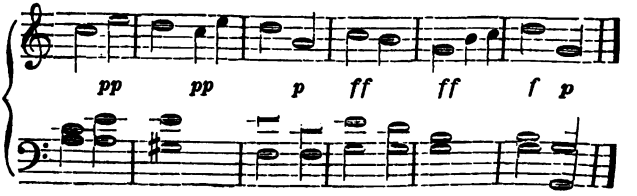
Играть весьма медленно.

Digitized by Google

Посмотрите ее еще съ болѣе полнымъ басомъ, чтобы положительно убѣдиться, что музыкальный ея характеръ совсѣмъ другой, совсѣмъ не похожъ на величественный речитативъ «Иліады».
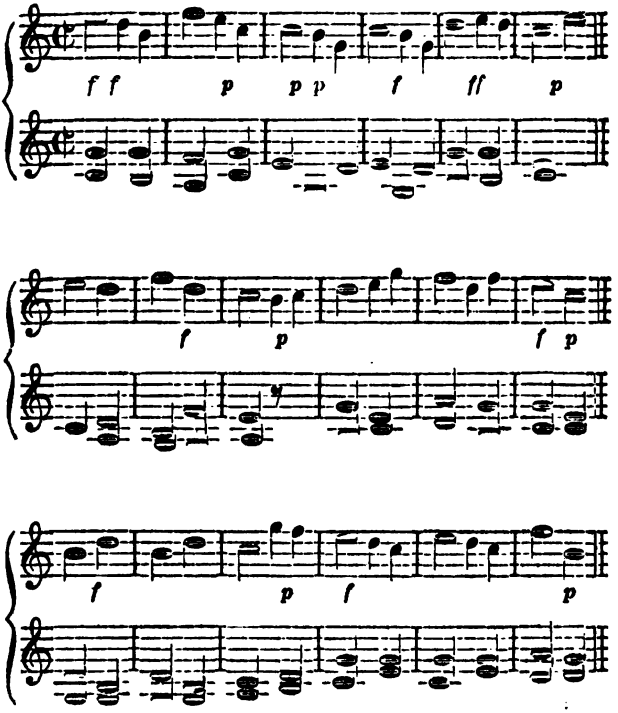
Digitized by Google

II.
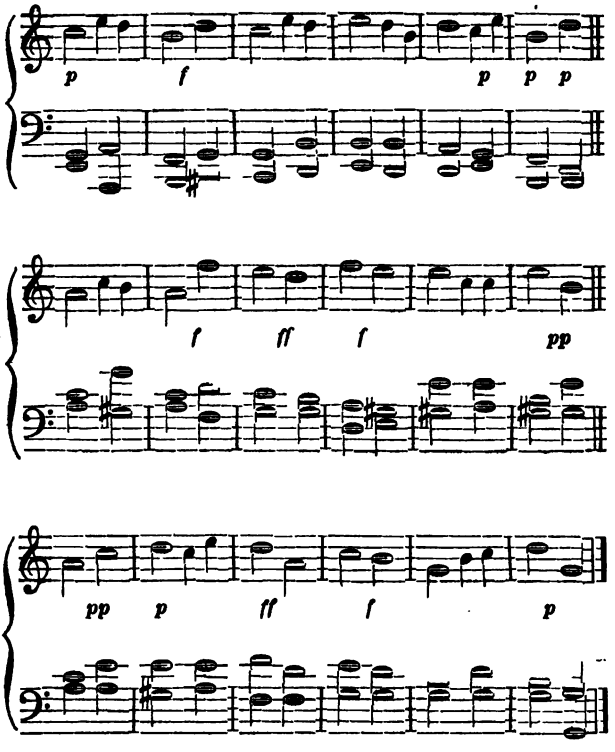
РАПСОДІЯ ГОМЕРА.

ВСТУПЛЕНІЕ ВЪ ОДИССЕЮ.

Играть весьма медленно.

Digitized by Google

Но, можетъ-быть, вы думаете, что поискавъ хорошенько, найдете такую же или подобную мелодію и въ нашихъ стихахъ, сочиняемыхъ по удареніямъ. А вотъ посмотримъ. Возьмемъ нѣсколько такихъ стиховъ. Разумѣется, я не возьму нашихъ гекзаметровъ! Это значило бы объигрывать васъ на-вѣрняка: это ужъ было бы совершенно безчест-
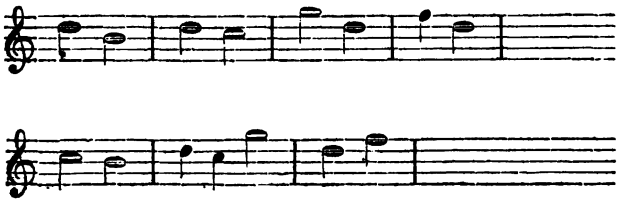
Digitized by Google

но. Я возьму нѣсколько настоящихъ, славныхъ стиховъ, и, всего лучше, пріятельскихъ: пріятеля какъ-нибудь умилостивишь, если изъ его стиховъ выйдетъ шаманская музыка, а непріятель можетъ такъ взбѣситься, что въ оправданіе придется написать цѣлую «Иліаду» и запѣть съ Гомеромъ:
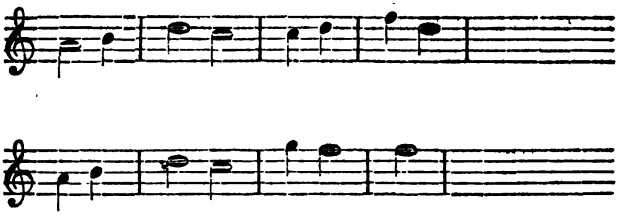
«Спой, богиня, про бѣшенство Н—я В—вича,
Что̀ стихи безъ такту по удареніямъ писалъ!»

Вотъ прекрасные стихи Эдуарда Ивановича Губера, къ которымъ Николай Ивановичъ Бахметьевъ сочинилъ одну изъ прелестнѣйшихъ мелодій, какія я знаю: только эта мелодія находится не въ стихахъ, а подлѣ стиховъ; стихи сами по себѣ, мелодія сама по себѣ: это, у насъ, двѣ разныя вещи. Всѣ знаютъ эти прекрасные стихи:

— — — — — — ◡ —
«Сномъ спо-кой-нымъ спи мла-де-нецъ,
— — ◡ ◡ — — —
Чуж-дый го-ря ист-рас-тей,
— ◡ — — ◡ ◡ ◡ —
Без-за-бот-ный по-се-ле-нецъ
◡ ◡ — — ◡ — —
Ми-мо-лет-ной жи-зни сей».

Digitized by Google

Ничего не выходитъ! Галиматья и базладица. А между-тѣмъ всѣ говорятъ, будто это греческіе хореи!

Безъ такту, безъ правильнаго музыкальнаго времени, ничего и выйти не можетъ. Чтобы въ этихъ стихахъ получить тактъ, нужно было бы у многихъ слоговъ отнять въ произношеніи по одной буквѣ, къ другимъ по одной прибавить, и произносить такъ:

Сномъ ...по-	кой-ны...	спи ...ла-	*ден*-нецъ,
Чуж- ды...	гор- ря	ист- ра	стей,
Без- за-	бот-ны...	пос- се-	*лен*-нецъ
Мил- мо-	лет-но...	жиз- ни	сей.

Тогда получится по-краней-мѣрѣ то начало глухой мелодіи, которую правильный тактъ образуетъ вездѣ, даже и на барабанѣ. Но настоящей мелодіи, музыкальной мысли, не будетъ ни какой, хотя въ этихъ стихахъ и заключается уже важное въ ней пособіе — рѳма — то есть возвратъ, въ извѣстныхъ мѣстахъ, однихъ и тѣхъ же гласныхъ съ удареніемъ, однихъ и тѣхъ же высокихъ нотъ. Такъ обрѣзанные и растянутые слоги

Digitized by Google

изобразятся, по нашему способу, слѣдующими нотами:

RE.....ut — RE.....ut — SOL....mi — FA.....mi.

UT..... — RE.....ut — SOL....mi — FA.
si
..... ut — RE.....ut — RE..... mi — FA.....mi.
SI
..... ut — RE.....ut — SOL.....fa — FA.
SI

И все-таки нѣтъ мелодіи, несмотря и на строгій тактъ, и на ритму, или возвратъ одинаковыхъ высокихъ нотъ въ одинаковыхъ мѣстахъ. Теперь, уничтожьте еще ритму, какъ вы это дѣлаете въ своихъ гекзаметрахъ и пяти-стопныхъ бѣлыхъ ямбахъ, устраните этотъ правильный возвратъ высокихъ нотъ, такъ получите просто рядъ тощихъ, вялыхъ звуковъ безъ всякаго смысла. А почему въ этихъ стихахъ нѣтъ мелодіи даже при тактѣ и при возвратѣ одинаковыхъ нотъ? Потому, что авторъ не положилъ ея туда: онъ и не думалъ объ ней, не сочинялъ своихъ стиховъ съ декламаціей, и не старался, чтобы изъ вѣрнаго такта, изъ игры высшихъ и низшихъ удареній, изъ счастливаго перекрещенія удареній съ длинными слогами, образовался въ натуральной декламаціи настоящій напѣвъ. Музыкальная мысль не соединялась у него съ поэтической въ минуту вдохновенія, онѣ не «работали» вмѣстѣ, и оттого не вышло настоящей «работы», poësis, не вышло поэтическо-музыкальной композиціи. Вѣдь не даромъ же Греки называли *работой* то, что мы теперь

Digitized by Google

называемъ *поэзіей!* Надобно было крѣпко «поработать», чтобы изъ простыхъ, чисто-декламируемыхъ, словъ, составить пріятный напѣвъ для уха, очаровать душу вмѣстѣ и смысломъ и музыкою рѣчи. *Поэтизировать* значитъ теперь—заниматься пустяками, ничего не дѣлать, а у древнихъ это слово значило — *работать*, тяжко работать. Времена и понятія ужасно измѣнились!

Въ противоположность этимъ стихамъ я поставлю — уже не древніе греческіе стихи, не стихи, сочиненные за три тысяти лѣтъ, — иной, пожалуй, можетъ думать, что для насъ, нынѣшнихъ, совсѣмъ недоступно то, что люди дѣлали за три тысячи лѣтъ — я поставлю стихи нашей эпохи, новѣйшіе, почти современные намъ, стихи народовъ, съ которыми мы живемъ въ мірѣ и союзѣ, и у которыхъ можно, когда угодно, потребовать объясненія; словомъ, персидскіе или турецкіе стихи. Когда Аравитяне изобрѣтали свои метры, они не думали ни о Персіянахъ ни о Туркахъ, не знали ихъ, не слыхали ни одного слова ихъ языковъ. Послѣ покоренія Персіи Аравитянами, Персіяне, сдѣлавшись учениками побѣдителей, приняли и метрическую ихъ систему. Турки потомъ взяли ее у Персіянъ; и оба народа преблагополучно до-сихъ-поръ сочиняютъ стихи свои по арабскимъ метрамъ. Я приведу въ примѣръ нѣсколько персидскихъ стиховъ, чтобы показать, какія чудныя вещи можно дѣлать съ новѣйшими языками при помощи настоящаго метра, основаннаго на счетѣ согласныхъ и искусной игрѣ удареній. Вы уже нашли прекрасныя важныя мело-

Digitized by Google

діи въ древнемъ метрическомъ гекзаметрѣ: но готовы ли вы повѣрить, что, по той же методѣ, можно изъ словъ любаго языка, даже самаго неблагодарнаго, даже такого, какъ персидскій, въ которомъ ударенія однообразно падаютъ на послѣдній слогъ, сочинять всякія музыкальныя піесы, выкроить вальсъ, кадриль, мазурку, то есть написать стихи, которые въ натуральной декламаціи, изъ длинныхъ, короткихъ и удареній, представятъ вамъ въ точности напѣвы этихъ танцевъ? Всякій, кто слышитъ Персіянина, декламирующаго начало одного изъ знаменитѣйшихъ стихотвореній Хафиза, которое я сейчасъ выпишу, бываетъ пораженъ удивительнымъ сходствомъ кантилены этого речитатива съ напѣвомъ нашихъ мазурокъ. Эта кантилена, выдумка ли декламирующихъ Персіянъ, или она дѣйствительно и съ умысломъ заключена въ стихѣ самимъ поэтомъ, такъ, что при хорошей декламаціи нельзя не произвесть ея и не слышать? Посмотримъ!

Вотъ метръ Хафизова стихотворенія:

⏑ — — — | ⏑ ⏑ — — | ⏑ — — — | ⏑ ⏑ — —
⏑ — ⏑ — | ⏑ — — — | ⏑ — — — | ⏑ ⏑ — —

Конечно, если короткіе слоги первой, третьей, шестой и седьмой стопъ будутъ *очень* коротки, съ едва слышными гласными, нѣсколько въ родѣ нашихъ *въ*, *съ*, *къ*, какъ и должно быть для ровности такта въ такомъ метрѣ, и если длинный слогъ положимъ здѣсь равнымъ осьмушкѣ «цѣлой» ноты, такъ это тактъ музурки, $^3/_8$. Но попробуйте сочинить по этому метру четыре стиха на-удачу, безъ

Digitized by Google

начертанной въ умѣ кантилены, безъ намѣренія выдержать въ нихъ послѣдовательность мотива, рождающагося тотчасъ въ первыхъ двухъ тактахъ: выйдетъ ли въ декламаціи что-нибудь похожее на мазурку? Ничего не выйдетъ, если нарочно не расположите низкихъ и высокихъ гласныхъ съ музыкальною цѣлью. А между-тѣмъ у Хафиза, въ первыхъ четырехъ стихахъ его піесы, то есть въ первыхъ шестнадцати тактахъ, слышна полная мазурка! И такъ хорошо слышна, что произнесите ихъ какъ слѣдуетъ, медленно, мѣрно, по тактамъ, съ соблюденіемъ всѣхъ ударенiй и выдерживая длинные и короткіе слоги, и вы сами услышите ее. Но мазурка, скажете вы, польскій танецъ и коренной польскій мотивъ: откуда онъ можетъ быть у Хафиза? Коренной польскій! Вамъ благоугодно такъ говорить. Мазурка—столько же коренной польскій мотивъ, сколько кунтушъ и жупанъ—коренное польское платье: то и другое взято было на прокатъ у крымскихъ Татаръ. А Татары взяли и это платье и эту музыку у Персіянъ. Три ноты, или три съ маленькой, въ тактѣ, и напѣвы въ стилѣ мазурки, только очень медленные, и очень минорные, заунывные, напротивъ того, коренная музыка азіятскихъ народовъ. Бо́льшая часть арабскихъ метровъ состоитъ изъ трехъ нотъ, и трехъ съ маленькою, въ тактѣ, въ различныхъ порядкахъ. Стихи Хафиза, о которыхъ мы говоримъ, потому такъ и восхищаютъ Персіянъ, что они сочинены на старинный народный напѣвъ. Я означу стопосложеніе этихъ стиховъ попеременнымъ употребленіемъ прямаго и курсивна-

Digitized by Google

го шрифтовъ: такимъ образомъ и метръ будетъ виденъ и слова не будутъ разбиты.

Э'здрь одна тюрки ширазій *бъ-дестъ аредъ* дили маа-раа,
Бе-хаалм гинду'ёшъ бехмёшъ *Семеркёнд-уу* Бухаараа-раа.
Бъ-дехъ саакій, мёи баакій!... (*къ дёрь дженнётъ* нъ хаагій яафтъ
Кендръ одб-и Рукн-абаад-и *гюль-кишгій-и* Мусаллаа-раа).

Это бахическая ода. Тактъ мазурки очень идетъ къ смыслу ея словъ:

«Если бъ эта ширазская Турчанка взяла себѣ мое сердце,
За ея злодѣйскую улыбку отдалъ бы я Самарканду и Бухару.
Подай, мальчикъ, остальное вино!... (вѣдь и въ раю не найдемъ мы
Ничего отраднѣе мусаллійскихъ розами усѣянныхъ береговъ рукнабадской рѣки»).

Въ подлинникѣ, слово, которое я перевелъ словомъ «улыбка» имѣетъ другое значеніе: это потребовало бы длинныхъ объясненій. Но смыслъ одинъ и тотъ же.

Мы положимъ эти четыре стиха на ноты, по той методѣ какъ клали гекзаметры Гомера. Но сперва покорнѣйше прошу вспомнить, что девятый и десятый тактъ въ мазуркѣ всегда переходятъ въ другую гамму, высшую или низшую, и замѣтить это восклицаніе въ началѣ третьяго стиха: «Мальчикъ! подай вина!» Оно тоже находится въ девятомъ и десятомъ тактахъ! А восклицаніе, когда имъ зовутъ кого-нибудь, заста-
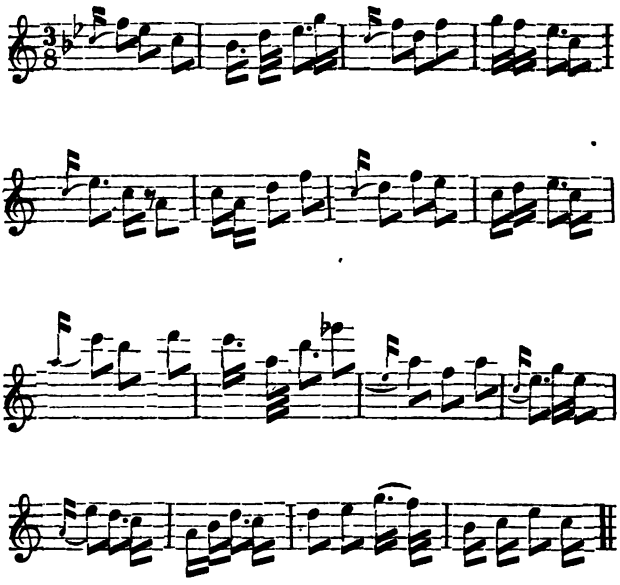
Digitized by Google

вляетъ зовущаго возвысить голосъ по-крайней-мѣрѣ на квинту; и въ натуральномъ речитативѣ нужно здѣсь непремѣнно возвысить голосъ, перейти въ высшую гамму. Этого мало: вспомните еще, что девятый и десятый тактъ въ мазуркѣ долженъ имѣть свою каденцію, и замѣтьте, какъ искусно поэтъ вводитъ въ нихъ двѣ коротенкія риѳмическія фразы съ ударѐніями на самыхъ высокихъ гласныхъ: *Бъ-дѐхъ саакій—мѐи баакій!* Замѣтьте еще, въ третьемъ и одинадцатомъ тактахъ, симметрическія каденціи ударѐній на одинаковыя гласныя, именно на *ѐ*, по два въ каждомъ тактѣ: *бъ-дѐстъ аарѐдъ — къ дѐръ дженнѐтъ.* Видите, сколько тутъ стихотворно-музыкальнаго искусства! Послѣ восклицанія, какъ перейти обратно въ низшую гамму? Очень просто, посредствомъ вставной фразы въ скобкахъ, произносимой всегда въ полголоса! Мы видѣли, что Гомеръ точно такъ же употребляетъ восклицанія и скобки. Всѣ метрическіе поэты употребляютъ ихъ, и съ одинаковою цѣлью. Слѣдственно, и мы въ девятомъ и десятомъ тактахъ возвысимъ тонъ на квинту, а во вставной фразѣ обратно перейдемъ натуральными терціями въ низшую гамму, соблюдая во всей точности правила нашего способа относительно ударѐній и низшихъ гласныхъ.

Играйте какъ можно медленнѣе: тогда только получите настоящую декламацію этихъ стиховъ. Выдерживайте хорошо каждую ноту, и каждую точку. Тихо, очень тихо, и мѣрно!

Digitized by Google

Играть весьма медленно, и всю піесу въ томъ же тонѣ.

Съиграйте теперь скорѣе, съ аккордами, и услышите чистую мазурку.

Вотъ, что̀ значитъ нарочно положить въ стихи музыку!.... Положенную вещь всегда найдешь, хорошенько поискавши. И вотъ, какъ должно употреблять метрическое стопосложеніе и понимать стихотворное искусство!

Но не должно однакожъ думать, чтобы всѣ метрическіе стихи народовъ, слѣдующихъ этой системѣ стопосложенія, заключали въ себѣ музыку. Гдѣ человѣкъ безъ грѣха, народъ безъ пло-

Digitized by Google

хихъ поэтовъ, литература безъ виршей? Весьма многіе изъ метрическихъ поэтовъ не знаютъ музыки, не имѣютъ уха, не въ состояніи правильно выдержать мелодіи въ трехъ тактахъ сряду, и даже не постигаютъ, есть ли она и къ чему служитъ въ стихахъ великихъ мастеровъ дѣла, настоящихъ поэтовъ-музыкантовъ. Но зато такіе поэты технически называются бездарными, а стихи ихъ плохими!

А непремѣнно ли нужна послѣдовательная и правильная мелодія въ метрическихъ стихахъ?..... Вопросъ этотъ я предоставляю собственному вашему рѣшенію. Доложу вамъ только, что метрическіе стихи всегда читались и читаются на распѣвъ, и затѣмъ осмѣлюсь спросить: можно ли распѣвать то, въ чемъ нѣтъ никакой мелодіи? и долго ли почтеннѣйшее ухо ваше въ состояніи выдержать при распѣвѣ наборъ звуковъ, склеенныхъ наудачу, толкотню тоновъ безъ всякой логической послѣдовательности?....

Изъ этого прямо слѣдуетъ, что, мы теперь не въ состояніи правильно судить о настоящемъ достоинствѣ древнихъ метрическихъ стиховъ: мы знаемъ одну только ихъ литературную сторону; музыкальная совсѣмъ для насъ исчезла. Въ числѣ этихъ стиховъ, есть множество такихъ, которые съ литературной, или умственной, стороны не представляютъ ничего необыкновеннаго, а между-тѣмъ они славились въ древности, она восхищалась ими, приходила отъ нихъ въ восторгъ. Такіе стихи, по всей вѣроятности, особенно поражали ее своей музыкальной стороной, прелестью скрытаго теперь въ нихъ напѣва. Я думаю, что Пин-

Digitized by Google

даръ бралъ именно этимъ. Судя по смыслу словъ, его стихи, право, не представляютъ ничего удивительнаго; но зато они, безъ-сомнѣнія, были очень блистательны со стороны музыкальной композиціи; вѣрно, въ нихъ было много *поэзіи*, то есть, *работы*, работы композиторской: вѣрно, они были très-*travaillés*—какъ и донынѣ говорится въ композиціи—очень, очень «обработаны» музыкально. Не худо бы разобрать ихъ такъ же, какъ мы разобрали гекзаметры Гомера, и посмотрѣть, что̀ такое въ нихъ скрывается, какой могъ быть эффектъ ихъ натуральнаго речитатива съ приличнымъ аккомпаниментомъ.

По тому же способу мы безъ-сомнѣнія могли бы возстановить весь речитативъ *козлопѣній*, то есть «трагедій», Эсхила, Софокла, Эврипида. Извѣстно, что эти трагедіи вовсе не походили на наши; что это были формальныя оперы. Можетъ-быть, разбирая такимъ же образомъ и хоры, мы извлекли бъ тоже и изъ нихъ по-крайней-мѣрѣ скелеты тѣхъ мелодій, на которыя они были сочинены поэтами-музыкантами.

Приложеніе нашего способа къ еврейской поэзіи также обѣщаетъ изслѣдователю богатые результаты: посредствомъ его можно было бы рѣшить многіе вопросы о загадочномъ стихотворствѣ и темной метрической системѣ древнихъ Евреевъ.

Споръ о настоящемъ произношеніи древняго греческаго уже болѣе трехъ столѣтій занимаетъ гелленистовъ: къ сожалѣнію, онъ всегда веденъ былъ односторонно, съ весьма ограниченными по-

Digitized by Google

нятіями въ общемъ языкознаніи, и оттого не привелъ спорящихъ ни къ какому ясному результату: одни остались при византійскомъ, другіе при такъ называемомъ эразмовскомъ. Мнѣ кажется, что вопросъ разрѣшается теперь самъ собою. Если бы ратоборствующіе гелленисты были вмѣстѣ хорошими арабистами, то они давно бы уже примѣтили, что у Грековъ, точно такъ же какъ у Аравитянъ, вся орѳографія языка совершенно приноровлена, примѣнена, прилажена, исключительно къ метрической системѣ стихотворства; что какъ арабскіе такъ и греческіе грамматики обдѣлывали языкъ единственно съ этой стороны — въ пользу метра—и что наконецъ такая обдѣлка, не только необходима, но и неизбѣжна, въ языкахъ, принявшихъ музыкальную теорію въ основаніе своего стопосложенія. Въ этихъ языкахъ, опять по-необходимости, должны существовать рядомъ *два* произношенія, одно стихотворное, или музыкальное, другое обще-употребительное. Нѣтъ ни одного въ свѣтѣ языка, который бы, въ томъ видѣ, какъ онъ есть, вполнѣ удовлетворялъ строгимъ условіямъ музыкальнаго метра: тутъ всегда нужны разныя условныя измѣненія въ произношеніи. Мы видимъ, что въ арабскомъ языкѣ всегда существовали, и до-сихъ-поръ существуютъ, два различныя произношенія, одно подлѣ другаго, и нисколько не мѣшая другъ другу: произношеніе музыкально-стихотворное, почитаемое ученымъ, грамматическимъ, *нормальнымъ*, прибавляетъ различныя гласныя тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ въ обыкновенномъ народномъ выговорѣ, для того,

Digitized by Google

чтобы уничтожить скопленія согласныхъ, противныя музыкальной чистотѣ метра, или отсѣкаетъ буквы, мѣшающія его правильности. Всѣ грамматики, покорнѣйшіе слуги метра, не приводя ни малѣйшаго доказательства, чтобы такое произношеніе было когда-либо обще-употребительнымъ и разговорнымъ у какой-нибудь части арабскаго народа, твердятъ только то, что такъ должно произносить. О народномъ, разговорномъ, употребительномъ, они даже и не упоминаютъ, какъ-будто оно не существовало: между-тѣмъ никто, и даже сами они, въ обыкновенной жизни, и при чтеніи простой прозы, не рѣшаются произнесть ни одного слова по своему «нормальному» выговору: заговорить такимъ образомъ было бы въ высочайшей степени смѣшно, и даже непонятно для слушателей. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что это— искусственное произношеніе и выдумка метрическихъ поэтовъ. Но также и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ, особенно подъ восточнымъ. Выдумка эта процвѣтаетъ на лицѣ земли съ незапамятныхъ временъ, съ минуты вымышленія музыкальнаго метра для стихотворства, потому-что она неизбѣжное слѣдствіе его. Не арабскіе поэты ее изобрѣли: она, конечно, ведется еще отъ Финикійцевъ, и вмѣстѣ съ ихъ метромъ перешла во всѣ языки, которые его приняли. Такимъ же образомъ она должна была перейти и къ Грекамъ. Они тоже имѣли искусственное произношеніе, приноровленное, какъ и все ихъ правописаніе, къ метрической системѣ и почитавшееся «нормальнымъ»: ихъ грамматики и схоліасты, подобно арабскимъ, объ

Digitized by Google

немъ только и толковали; всякое другое считалось неученымъ, недостойнымъ искусства, и его прятали. Если мы съ одной стороны видимъ, что Римляне часто выражаютъ греческое *ээта* своей литерою *i*, а съ другой, въ то же самое время, греческіе схоліасты увѣряютъ насъ положительно, что оно равно двумъ *ээ* и переводчики Библіи тоже ставятъ его вездѣ, гдѣ въ еврейскомъ языкѣ случается длинное *э*, что̀ значитъ это вопіющее противорѣчіе? Просто, то, что тутъ, какъ и у Арабовъ, есть два различныя, современныя, произношенія, одно ученое, искусственное, придуманное и поддерживаемое для метра, другое общеупотребительное и разговорное. Всѣ подобныя противорѣчія, начало безконечныхъ распрь и двухъ великихъ сектъ между гелленистами, очень естественно улаживаются; такимъ образомъ не о чемъ болѣе и спорить: обѣ стороны правы! Искусственное произношеніе, извѣстное у насъ подъ названіемъ эразмовскаго, служило для стиховъ, было почитаемо за нормальное, принято и защищаемо грамматиками, объясняемо схоліастами: греческіе стихи можно читать только по одному этому произношенію. Гдѣ доказательство? спросятъ послѣдователи византійскаго или обще-употребительнаго выговора гласныхъ. А вотъ гдѣ: только съ этимъ «нормальнымъ» произношеніемъ гекзаметръ Гомера и даетъ тѣ прелестныя мелодіи, которыя мы изъ него получили: слѣдуя византійскому выговору гласныхъ — выходитъ чепуха. Съ византійскимъ выговоромъ нѣтъ ни метра, ни такта, ни музыки въ стихѣ. А между-тѣмъ и византійскій выговоръ

Digitized by Google

явственно былъ извѣстенъ еще Гомеру: вы сами замѣтите, когда станете музыкально разбирать его рапсодіи, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, чтобы получить строгій метръ и сохранить послѣдовательность мелодіи, непремѣнно нужно произносить иные слоги по общее-употребительной, или византійской, методѣ. Эту вольность позволяетъ себѣ и арабское стихотворство. Я не вхожу здѣсь въ разборъ вопроса, было ли когда-нибудь, и гдѣ-нибудь, въ какой-либо части Греціи, нормальное, грамматическое, произношеніе разговорнымъ и народнымъ: можетъ-статься, и было, хотя вѣроятнѣе всего, что оно составлено ученымъ образомъ, для ученой музыкальной цѣли, изъ произношеній различныхъ нарѣчій. Мнѣ хотѣлось указать только на то, что оно явственно занимаетъ въ греческомъ языкѣ ту же самую степень искусственности и состоитъ въ томъ же отношеніи къ метрической системѣ, какъ, въ арабскомъ, соотвѣтственное ему стихотворное или ученое произношеніе.

Можно ли изъ гекзаметра «Энеиды» извлечь какую-нибудь мелодію?... Я не думаю. И, посмотрѣвъ внимательно на стихи Виргилія, не хочу даже пытаться. Этотъ гекзаметръ слишкомъ грубъ. Латинское правописаніе вовсе не принаровлено къ метрической системѣ. Долгота и краткость слоговъ бо́льшею частію произвольны въ этой орѳографіи: латинскіе поэты и грамматики думаютъ, будто сказавъ, что такой-то слогъ *длиненъ по природѣ*, а natura, они уже все сказали этимъ. Для музыки не можетъ быть длинныхъ слоговъ «по природѣ»: для ней они длинны только по числу

Digitized by Google

своихъ согласныхъ, по времени, нужному на ихъ произнесеніе. Римскіе поэты, очевидно, не знали сами, что имъ дѣлать съ своимъ необработаннымъ языкомъ: хотѣли держаться какой-то средины между счетомъ согласныхъ и ударѐніями, признавали за длинные то слоги, состоящіе изъ трехъ буквъ, то опять тѣ, на которые падаетъ ударѐніе. Это совершенно ученическая метода. Ударѐній они также не означали: а мы теперь знаемъ всю важность этихъ высокихъ гласныхъ для правильной мелодіи въ метрическомъ стихѣ! Словомъ, нѣтъ возможности положить такой гекзаметръ на ноты: почти на каждомъ шагу должно встрѣтиться сомнѣніе, которое нужно будетъ рѣшить произвольно. Да притомъ латинскіе поэты, рабы греческихъ, подражали имъ въ стихотворномъ искусствѣ уже въ такое время, когда это искусство находилось въ полномъ упадкѣ въ самой Греціи. Я не увѣренъ даже въ томъ, зналъ ли Виргилій музыку. Лира у этихъ господъ была уже простою поэтическою фигурою, а не дѣйствительностью; она для нихъ существовала только на бумагѣ. Они уже подражали Грекамъ немножко по-нашему, то есть сами не понимая хорошенько того, чему подражаютъ. Горацій кричалъ латинскимъ поэтамъ: Учитесь! подражайте! днемъ и ночью перечитывайте греческія творенія! Vos exemplaria graeca manu versate nocturna, versate diurna! Это уже показываетъ, въ какомъ жалкомъ положеніи были стихотворное искусство и понятія объ немъ въ Римѣ. Оставимъ подражателей въ покоѣ.

Я уже, вѣроятно, никогда не возвращусь къ

Digitized by Google

предмету, который занялъ здѣсь столько драгоцѣннаго мѣста, и если въ этомъ бѣгломъ разговорѣ о дѣлѣ найдется что-нибудь любопытное для читателя или полезное для успѣховъ искусства у насъ, то я желалъ бы еще пополнить разсужденіе однимъ важнымъ замѣчаніемъ о гаммѣ гласныхъ.

Мы здѣсь все разсуждали о пяти гласныхъ, о пяти основныхъ тонахъ человѣческой рѣчи. Но въ этой гаммѣ есть гораздо мельчайшія дѣленія, есть полу-тоны и четверти тоновъ, есть настоящія лѣстницы *хроматическая* и *энгармоническая*, въ древнемъ значеніи этихъ обоихъ словъ. Иначе и быть не можетъ: человѣческій голосъ — такой же звукъ какъ и звукъ металлической струны, и онъ непремѣнно долженъ имѣть тѣ же самыя дѣленія. Этого мало: всѣ гаммы, по-моему, первоначально вышли изъ удачнаго наблюденія движеній нашего голоса въ языкѣ и въ одушевленномъ разговорѣ; въ этихъ движеніяхъ заключается и вся музыка въ миніатюрѣ. Наше горло — самый превосходный музыкальный инструментъ въ природѣ: слѣдовательно, дѣленія звука должны быть въ немъ даже несравненно тоньше, вѣрнѣе и совершеннѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ, произведенномъ нашими грубыми руками. Пять начальныхъ тоновъ, u, o, a, e, i, существуютъ въ разговорной октавѣ всѣхъ языковъ, но, во многихъ, каждая изъ этихъ гласныхъ дѣлится еще на нѣсколько хроматическихъ дробей, мельче нашихъ инструментальныхъ полу-тоновъ, каждая имѣетъ въ природѣ своей «тетрахордъ», или кварту, и едва-

Digitized by Google

ли кто примѣтилъ, что распредѣленіе въ ней этихъ *пяти* кварт̀ъ удивительно сходно съ дѣленіемъ греческой октавы и ея *пятью* тетрахордами. Гласная *U* дѣлится на двѣ бемольныя четверти тона *ü* и *ы**, и на діезный или хроматическій полутонъ *ǔ*: странно! такъ именно и древняя энгармоническая гамма начиналась двумя бемольными четвертями тона! *O* дѣлится также на четыре части. Но, лучше, станемъ писать все это въ видѣ таблицы.

1. *ы*..... русское, польское (y), и прочая; извѣстно почти всѣмъ славянскимъ языкамъ и, вообще, всѣмъ языкамъ европо-азіятскаго сѣвера. Оно состоитъ изъ сліянія u съ i. Греческое *οι*, въ *нѣкоторыхъ* нарѣчіяхъ, вѣроятно было очень близко къ нему; теперь оно превратилось въ острое *ί*.
2. *ü*..... французское, нѣмецкое, персидское, турецкое, и пр. Древнее греческое υ.
3. U. —
4. *ů*..... или *uo*; финское, итальянское, арабское, и пр.; извѣстно въ весьма многихъ языкахъ. Также итальянское *o* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно (какъ въ словѣ Roma, почти *ruma*) тѣсно сближается съ u. Эта гласная была извѣстна и въ греческомъ языкѣ, хотя не имѣла особенной буквы: во многихъ словахъ писалось *o* и ου, безъ различія.
5. *ó*..... сжатое: польское *ó*, между u и *o*, ни u, ни *o*, но прежде болѣе *o*, хоть теперь болѣе u. Оно слышится почти во всѣхъ языкахъ въ видѣ сжатаго *o* въ слогахъ, удаленныхъ отъ ударенія и произносимыхъ очень быстро.

---

* Я буду здѣсь писать вездѣ *ü*, чтобы выразить французское u, нѣмецкое ü, греческое и шведское y (ypsilon).

Digitized by Google

6. O. —

7. *ȯ*..... открытое, болѣе полное чѣмъ предъидущее. Греческое *omega*. Сюда же принадлежитъ французское *au*, или *ȯ* ужѣ съ легкою примѣсью *a*, такъ что этотъ родъ полу-тона можетъ войдти въ энгармоническій тетрахордъ слѣдующей гласной A.

8. *á*..... сжатое; *á* польское, å шведское, персидское, и пр. Между *a* и *o*, но собственно уже болѣе *a*, чѣмъ *o*. Русское *o* безъ ударенія.

9. A. —

10. *ȧ*..... открытое, высшее, и болѣе полное, особенно примѣчательное въ арабскомъ языкѣ послѣ эмфатическихъ или «напыщенныхъ» согласныхъ буквъ.

11. *ä*..... *ae*, между *a* и *e*. Греческое и французское *ai*. Арабское *a* послѣ мягкихъ согласныхъ. Русское *я*, которое, въ нарѣчіяхъ, да часто и въ нашемъ произношеніи, превращается въ *ä* и въ *e*.

12. *ö*..... *oe*; французское *eu*, нѣмецкое *ö*, и пр., и пр. Тутъ собственно вовсе нѣтъ звуковъ *o* или u. Это — особенное полу-тонное измѣненіе гласной *e*. Оно, повысившись полу-тономъ, въ нарѣчіяхъ переходитъ въ чистое *e*.

13. *ĕ*..... сжатое; *e* muet французское. Оно слышно почти во всѣхъ языкахъ, въ слогахъ удаленныхъ отъ ударенія. Высшее, полу-тонное измѣненіе полу-тона *oe* или *ö*, болѣе близкое къ *e*.

14. E. —

15. *ė*..... открытое, полнѣе и выше обыкновеннаго *e*. Оно слышно во всѣхъ языкахъ. Греческое *eeta*, или двойное *e* съ весьма легкою примѣсью *i*. Оно теперь повысилось и перешло въ мягкое *i*. Русское *ѣ*, которое тоже, въ нарѣчіяхъ, превращается въ *i*. Французское *ei*. Итальянское и испанское *ie*. Нѣмецкое *ie*, тоже превратившееся въ *i*.

Digitized by Google

16. *é*..... самое высокое; польское *é*, уже почти *i*. Греческое *ει*, нынче тоже мягкое *i*.
17. I. — мягкое.
18. *ɪ*..... острое, высшее, ужѣ нѣсколько похожее на тонкое, высокое *ы* слѣдующей октавы. Повышенное полу-тономъ, оно можетъ сдѣлаться высокимъ *ü*, и, наоборотъ, высокое *ü*, понизившись полу-тономъ, всегда превращается въ нарѣчіяхъ въ это острое *ɪ*, въ которомъ уже есть нѣсколько высокаго u. Англійское *wee*. Греческое *οι*, нынѣшнее острое *i*. Русское *i* въ *ій*, переходящее въ *ей* (терціей ниже), и въ *ой* (квинтой ниже).

— (*ы*..... болѣе полная гласная *ɪ*, съ примѣсью u. Начало второй октавы и заключеніе круга. Мы начали съ этой буквы).

Не должно думать, чтобы эти различныя измѣненія гласныхъ были исключительною принадлежностью только нѣкоторыхъ языковъ. Конечно, чѣмъ ближе языкъ къ своему началу и къ природѣ, чѣмъ менѣе выглаженъ или обезцвѣченъ образованностью, тѣмъ онъ обильнѣе такими полутонами и четвертками тоновъ; однакожъ вѣрно и то, что они болѣе или менѣе слышатся въ каждомъ языкѣ во время различныхъ наклоненій голоса, но мы не обращаемъ на нихъ вниманія. Они поразительны для уха и имѣютъ особенныя буквы только въ тѣхъ языкахъ, въ которыхъ занимаютъ постоянныя мѣста въ извѣстныхъ словахъ или слогахъ и подвергаются удареніямъ: во всѣхъ прочихъ, эти минорныя ноты, бо́льшею частью мельче полу-тонныхъ, и притомъ случайныя, пробѣгающія вскользь по всѣмъ слогамъ, или не примѣтны для обыкновеннаго уха, не предвареннаго

Digitized by Google

объ ихъ существованіи, или почитаются слѣдствіемъ произвольныхъ пониженій, возвышеній и паденій голоса, признаками его полноты и сжатости, принадлежностью особеннаго «тона разговора».

Но перепишемъ ту же самую хроматическую гамму гласныхъ въ видѣ, нѣсколько удобнѣйшемъ для раздѣленія на натуральныя кварты.

Хроматическая гамма гласныхъ.

1.	ы	(SI)
2.	*и.*	1/4
3.	U	UT.
4.	*ü.*	ut *dièze.*
5.	*о.*	1/4
6.	O	RE.
7.	*о.*	re *dièze.*
8.	*а.*	1/4
9.	A	MI.
10.	*а.*	1/4
11.	*ä.*	(FA)
12.	*ö*	fa *dièze.*
13.	*ē.*	1/4
14.	E	SOL.
15.	*ė.*	sol *dièze.*
16.	*é.*	1/4
17.	I	LA.
18.	*i.*	*la* dièze.
—	ы, съ котораго начинается кругъ.	

Это—чистый сколокъ греческаго дѣленія октавы, или октахорда, на восемнадцать тоновъ, и на пять тетрахордовъ! Оно, непремѣнно, и взято было изъ человѣческаго голоса. Судя по примѣрному сближенію, въ этой таблицѣ, полной гаммы гласныхъ съ нынѣшнею хроматическою гаммою,

Digitized by Google

u, o, a, e, i, соотвѣтствовали бы тонамъ *ut, re, mi, sol, la*, такъ что всѣ пять основныя гласныхъ заключались бы въ секстѣ. Но это—только примѣрное сближеніе.

Однакожъ, и въ этомъ видѣ, хроматическая гамма гласныхъ можетъ пояснить многія до-сихъ-поръ темныя статьи древней музыкальной теоріи. Я укажу только на одну. Замѣтьте интервалъ между гласными O и A: это — кварта, тетрахордъ; онъ состоитъ изъ O, ô, á, A, то есть изъ главнаго тона, двухъ полу-тоновъ, и тона, образующаго кварту съ первымъ. Хроманическая кварта Грековъ заключала въ себѣ точно такія же ноты, главный тонъ, два полу-тона, и тонъ, принадлежащій къ квартѣ. Этотъ «аккордъ» — если только онъ былъ настоящій *аккордъ*, въ нынѣшнемъ значеніи слова, а не быстрое скольженіе пальца по струнѣ въ послѣдовательномъ порядкѣ, до-сихъ-поръ любимое восточными, и которое со-времени Паганини вошло въ моду у нашихъ романтическихъ скрипачей—приводилъ въ отчаяніе новѣйшихъ толкователей древнихъ трактатовъ о музыкѣ: его провозгласили противнымъ всякой гармоніи. Конечно, если взять на фортепіано такую кварту, какъ MI, FA, fa dièze, SOL, то она произведетъ очень непріятное впечатлѣніе въ слушателѣ. Но мы здѣсь видимъ, что хроматическія кварты гласныхъ соотвѣтствуютъ интерваламъ, не квартъ нашихъ, а секундъ или, много, малыхъ терцій. Если то же самое дѣленіе существовало и въ ладахъ древнихъ инструментовъ, какое мы здѣсь примѣчаемъ въ гаммѣ человѣческаго голо-

Digitized by Google

са, то оно вовсе не было бы неестественно. Объ эффектѣ подобнаго «аккорда» мы судить не можемъ: мы не знаемъ такихъ мелкихъ полу-тоновъ, но, на-видъ, тутъ нѣтъ ничего противнаго гармоніи.

Хроматическая гамма гласныхъ заслуживаетъ самаго тщательнаго изученія со стороны грамматиковъ и тѣхъ, которые спорятъ о произношеніи древнихъ языковъ. Въ ней только и можно удобно обозрѣть по порядку всѣ ноты чуднаго инструмента человѣческаго голоса, открыть ихъ постепенность, увидѣть, какъ, черезъ какія полутонныя измѣненія, гласныя естественно переливаются однѣ въ другія. Многое, донынѣ непонятное, объяснится имъ здѣсь самымъ простымъ образомъ, по законамъ акустики. Напримѣръ, *ä* въ нарѣчіяхъ, превращается въ *aï* и *eï*, *aï* и *eï* въ *ë*; *o* становится *oe* (*ö*), *oï*, *uï*, острымъ *î* и *ы*. Все это происходитъ такъ просто, такъ натурально, что, взглянувъ на хроматическую гамму гласныхъ, всякій, знающій первыя основанія музыкальной гармоніи, мгновенно пойметъ тайну. Но не всѣ ихъ знаютъ: древніе философы и грамматики были вмѣстѣ и музыканты; нынѣшніе, нѣтъ. Надобно нѣсколько пояснить дѣло. Ударьте какую-нибудь струну самой низкой октавы фортепіано, напримѣръ UT, и приложите ухо къ инструменту: услышите, сперва UT, тонъ струны, которую вы ударили; потомъ, слегка прозвучитъ струна MI той же октавы (терція тона *ut*), наконецъ, еще тише, струна SOL (квинта). Эти тоны, добровольно откликающіеся въ природѣ на тонъ «основнаго», то

Digitized by Google

есть перваго вызваннаго звука, называются, въ акустикѣ и въ музыкѣ, его *гармоническими нотами*. Болѣе и не нужно знать для первоначальнаго уразумѣнія всѣхъ чудесныхъ превращеній гласныхъ. Всмотритесь въ ихъ хроматическую гамму. Полутонъ *ä*, *ae* (примѣрно, FA нашей діатонической гаммы) образуетъ терцію съ мягкимъ *i* (SOL): ясно, что мягкое *i* — гармоническая нота полу-тона *ä*, и что если въ одномъ нарѣчіи *a* прозвучитъ какъ *ä*, то въ другомъ оно добровольно откликнется *ai* (ай). Въ сѣверной Франціи, faire произносятъ почти *феръ*, между *a* и *e*, въ южной—*фай-ре*. Теперь понятно, почему! По той же причинѣ, мягкое *i* должно въ нарѣчіяхъ превращаться наоборотъ, въ *ai*, гармонируя съ *ä*, основнымъ тономъ этой терціи: и мы видимъ, что, дѣйствительно, въ разныхъ германскихъ языкахъ и нарѣчіяхъ, *i* (*y* англійское) безпрерывно слышится какъ *ai* (ай) или какъ *ä*, то есть терціей ниже или терціей выше. Мягкое *i* составляетъ хроматическую квинту со сжатымъ или тихимъ *e*: и вотъ отчего оно также превращается въ *ei*; вотъ, отчего vino произносятъ—*wein*, skrib становится—*skreib* или *schreib*. Другими словами: видно, Германцы, которые передѣлали vino въ *wein*, говорили въ тонѣ ниже цѣлою хроматическою квинтою, чѣмъ тѣ, у кого они заимствовали это слово; чтобы сказать *vin*, они принуждены были брать на гаммѣ гласныхъ *e*, и тогда только въ ихъ голосѣ могло прозвучать мягкое *i* какъ гармоническая нота этого *e*. Бретанцы произносятъ *eu* какъ простое *e*: значитъ, они говорятъ въ другомъ тонѣ,

Digitized by Google

тремя четвертями тона выше, чѣмъ Французы. Польскіе грамматики еще въ прошломъ столѣтіи дѣлали большое различіе между *á* и *a*, между *é* и *e*: нынче *á* и *é* превратилось въ устахъ воспитаннаго класса въ острыя *â* и *ê*: очевидно, что настоящее образованное поколѣніе говоритъ полу-тономъ выше въ сравненіи съ своими предками. Почему русское *о* раздается въ малороссійскомъ языкѣ какъ *і*? Потому-что мягкое *і* (SOL) составляетъ квинту съ *о* (RE): интонація множества словъ у Малороссіянъ должна быть цѣлою діатоническою квинтою выше нашей; это неизбѣжно. Наше *ѣ* (полутонъ, греческое *ээта*, нѣмецкое *ie*) переходитъ у нихъ въ *і*, то есть оно возвышается только на хроматическую терцію: но и оно, конечно, возвысилось бы также на діатоническую квинту, если бы *і* не была самая высокая нота гаммы гласныхъ; но, достигнувъ еще до *î*, выше нельзя идти: горло не пускаетъ! Если древніе Греки, въ *нѣкоторыхъ* областяхъ, имѣли интонацію на цѣлую діатоническую квинту ниже нынѣшнихъ, то очень часто чистое *о* могло сливаться у нихъ своей гармоническою нотою, *і*, такъ, что изъ этого выходило бы *оі*, по тому же правилу какъ у Германцевъ изъ *і* выходитъ *еі*. Но въ большей части областей интонація была гораздо выше, и *оі* произносилось, гдѣ какъ *ö* (терція *о*), гдѣ какъ мягкое *і* (квинта *о*), а въ иныхъ нарѣчіяхъ, рѣшительно, возвышаясь еще полу-тономъ, совпадало съ острымъ *î*, въ которомъ уже есть примѣсь тона u, такъ, что *оі* являлось въ произношеніи похожимъ на англійское wee: *оінон* и *uînum* (vinum)

Digitized by Google

безспорно произносились одинаково. Для древнихъ грубыхъ Германцевъ такая интонація была слишкомъ высока: они, какъ мы уже видѣли, взяли на гаммѣ хроматическою квинтою ниже, и вотъ у нихъ образовалось *wein*, или *uein*, которое, опустясь еще ниже, на хроматическую терцію, стало англійскимъ *uain* (wine). Наконецъ высокая интонація взяла верхъ повсюду въ Греціи, вслѣдствіе моды, распространившейся вѣроятно изъ Аѳинъ, и всѣ греческія *ei*, *oi*, *ee* (*ээта*), *ü*, очень естественно превратились въ чистыя *i* и въ острыя *î*, всѣ *ai* въ простыя *e*, повысившись различными терціями и квинтами. Тогда и хроматизмъ исчезъ въ греческомъ языкѣ, точно такъ же какъ исчезъ онъ, очень недавно, въ польскомъ. Около Рождества Христова, латинское ui Греки уже должны были писать, не *oi*, а *oui*: ихъ прежнее *oi* (англійское wee) уже было острымъ *î*. Возьмемъ еще слово *молоко*, и посмотримъ какъ оно гармонически интервалами проходитъ гамму гласныхъ, сообразно съ интонаціями разныхъ языковъ:

Молóко.....	*ó* = RE dièze.
Mölk.....	*ö* = FA dièze (*терція*).
Mléko.....	*é* = SOL dièze (*квинта*).

Малáко.....*á* (сжатое)	= RE dièze съ $^1/_4$
Mëlk..... *ë* (muet)	= FA dièze съ $^1/_4$ (*терція*).
Mlćko, Mćlch... *ć* острое	= LA dièze съ $^1/_4$ (*квинта*).

Интонація вездѣ повысилась. Грубая лѣстница нашей музыкальной гаммы не дозволяетъ съ точностью выражать нотами слишкомъ тонкихъ соотношеній между тонами гласныхъ; но и это при-

Digitized by Google

близительное сравненіе ясно уже показываетъ, что тѣ же законы управляютъ звуками языковъ какъ и прочими звуками въ природѣ, и что всѣ измѣненія гласныхъ, или слѣдуютъ различнымъ порядкамъ терцій и квинтъ, діатоническимъ, хроматическимъ, энгармоническимъ, или зависятъ отъ простыхъ пониженій и повышеній народныхъ интонацій тономъ, полу-тономъ или четвертью тона. И странное дѣло! — у новѣйшихъ народовъ вообще обнаруживаются повышенія интонаціи. Это можно приписать образованности, которая влечетъ за собою изнѣженность: голосъ, въ такомъ случаѣ, необходимо становится болѣе пискливымъ и женоподобнымъ.

Система арабскихъ грамматиковъ, относительно къ гаммѣ гласныхъ, чрезвычайно замѣчательна и любопытна. Всякому извѣстно, что въ арабскомъ языкѣ, и во всѣхъ языкахъ этого корня, пишутся однѣ только согласныя, а гласныя пропускаются, и всякому изъ насъ, привычныхъ къ другому роду орѳографіи, это кажется чрезвычайно страннымъ. Между-тѣмъ, дѣло какъ-нельзя болѣе естественно, и оно иначе быть не можетъ. Въ языкахъ сирійскаго племени гамма гласныхъ удивительно обильна полу-тонными и еще болѣе мелкими измѣненіяии: всѣ восемнадцать гласныхъ, которыя мы внесли въ таблицу, рѣшительно въ нихъ находятся, особенно въ арабскомъ, но онѣ такъ непостоянны въ выговорѣ этого множества поколѣній, на которыя всегда раздѣлялись народы Сиріи, Месопотаміи и Аравійскаго Полуострова, что нѣтъ никакой возможности установить

Digitized by Google

ихъ правописаніе на пространствѣ даже двухъ смежныхъ округовъ. Не было другаго средства какъ рѣшиться на общую мѣру—вовсе не писать ихъ. Изъ этой мѣстной, племенной необходимости возникло правописаніе, основанное на однихъ согласныхъ, которыя каждое поколѣніе могло бы произносить съ своими тонами, полу-тонами и дробями тоновъ, или гласныхъ. Чтобы облегчить чтеніе метрическихъ стиховъ, которыхъ вся мелодія опирается на игру высшихъ и низшихъ гласныхъ, арабскіе грамматики изобрѣли тоническіе знаки, родъ нашихъ нотъ, и назвали первый изъ нихъ «равновѣсіемъ» голоса, *насбъ*, второй «возвышеніемъ», *рафъ*, а третій «пониженіемъ», *хафдъ*. Весь тетрахордъ согласной *а*, съ своими полу-тонами и дробями тона, какъ занимающій середину октавы, принадлежитъ знаку равновѣсія. Два другіе знака, смотря по тому, гдѣ они поставлены, надъ строчкою или подъ строчкою, указываютъ читателю, что тонъ этой буквы долженъ подыматься до кварты гласныхъ *е* и *і*, или опускаться до кварты гласныхъ о и и, съ правомъ пробѣгать всѣ ихъ интервалы сообразно съ мѣстнымъ произношеніемъ слова. Эта, совершенно музыкальная, метода нотаціи гласныхъ превосходно объясняетъ также ихъ чисто-тоническое свойство, ихъ мгновенность во времени, и неспособность ихъ быть самимъ по себѣ ни короткими ни длинными.

Тутъ я уже предвижу остроумный вопросъ почтеннѣйшихъ буквоѣдовъ: Если гласныя не пишутся, и если можно не писать ихъ, то какъ быть съ

Digitized by Google

такими слогами, *кои* состоятъ изъ одной гласной, безъ согласной? На *сіе* имъ отвѣтствуется: «О, милостивые государи! если бы вы знали, что въ этомъ голубомъ воздухѣ, который окружаетъ нашу планету, нѣтъ, нельзя слышать, невозможно произвесть гласной безъ согласной, тона безъ удара, то не перебивали бы меня въ такомъ интересномъ мѣстѣ. Купите себѣ физику, и изъ нея узна́ете, что для возбужденія звука въ воздухѣ непремѣнно нуженъ *ударъ*: въ этой великой истинѣ можете убѣдиться барабаня пальцами по столику. Удары, это — согласныя: безъ нихъ нѣтъ звука. Подуйте въ трубку, напримѣръ, флейту: вылетаетъ звукъ, котораго тонъ—основный тонъ этой трубки: основная его *гласная*. Эта гласная, одна ли вылетѣла она оттуда? Нѣтъ! Она вылетѣла вмѣстѣ съ ударомъ вашихъ губъ, съ тѣмъ легкимъ шипѣніемъ или глухимъ дохомъ, которые издаете вы сами, дуя въ отверзтіе трубки; она вылетѣла съ *согласной*, съ болѣе или менѣе примѣтнымъ *ш*, *с*, или съ чрезвычайно тихимъ *х*, смотря по вашему умѣнію дуть. Закрывайте и открывайте пальцами дырочки флейты: удары пальцевъ—согласныя, тоны, производимые ими—гласныя, гласныя этой трубки: другая трубка, напримѣръ, кларинетъ, будетъ имѣть другаго рода гласныя, вылетающія изъ нея тоже съ весьма тихимъ *х*; а приладьте къ мундштуку кларинета еще два цилиндра по способу кембриджскаго профессора Виллиза, такъ эта трубка издастъ вамъ совершенно тѣ же самыя гласныя, какія издаетъ трубка, извѣстная подъ именемъ «человѣческаго гор-

Digitized by Google

ла», съ мундштукомъ, иже у философовъ глаголется «ротъ»; издаетъ — *y*, *o*, *a*, *э*, *и*, — *и*, *э*, *a*, *o*, *y*, — съ тѣми же очень тихими *x*, въ промежуткахъ, потому-что, какъ дохъ продолжается, то и *x* повторяется безпрерывно, хоть и неуловимо для слуха. Прикосновеніе смычка къ струнѣ скрипки — согласная. Глухой толчокъ молотка въ струну фортепіано — согласная. Все на свѣтѣ — согласная, даже оплеуха, какъ все на свѣтѣ дымъ, со включеніемъ славы. Наше горло — кларинетъ, гортань собственно — его мундштукъ съ двумя Виллизовыми цилиндрами, только по-искуснѣе сдѣланный, а къ гортани еще прилаженъ ротъ съ языкомъ, зубами и губами—настоящая трещотка для производства ударовъ, или согласныхъ. Премудро назвали ихъ Греки *сим-фонос*, что̀ Римляне и перевели con-sonans, а львовскіе студенты *со-гласная*, то есть, то что̀ слышится вмѣстѣ съ «гласомъ», хоть иногда и не слышится, — потому-что одна изъ этихъ со-гласныхъ, производимая простымъ дыханіемъ, именно *x*, часто бываетъ такъ легка, что совершенно теряется для нашего уха. Французы тогда называютъ ее — *h* inaspiré. Безъ нея, безъ этого легкаго дохновенія, этого *h* inaspiré, этой непримѣтной «аспираціи», нельзя произнести «*и* — понимай какъ звали». Передъ нашимъ *и*, передъ *о* и *объ*, передъ *y*, передъ всякою гласною, неимѣющею другой согласной, существуетъ непремѣнно это *h*, это «легкое придыханіе». Въ словахъ *вообще*, *вообрази*, *поалять*, она раздѣляетъ между собою гласныя *о* и *о*, *о* и *а*; не будь ея, два *о* превратились бы въ греческую

Digitized by Google

омегу, *о* и *а* слились бы въ средній полу-тонъ, въ звукъ между *о* и *а*, и представили бы польское *á*. Безъ нея не было бы возможности произнесть отдѣльно двухъ словъ, изъ которыхъ одно оканчивалось бы гласною, а другое бы начиналось ею. Греки придумали для нея особенный знакъ, и очень справедливо. Въ этомъ они вѣроятно только подражали грамматикамъ сирійскихъ языковъ, лучшимъ въ мірѣ наблюдателямъ свойствъ и законовъ человѣческой рѣчи, первымъ открытелямъ ея музыки, первымъ изобрѣтателямъ метрической системы. У тѣхъ, каждая степень силы дхновенія имѣетъ свой знакъ, свою букву, премудро почитаемую ими за согласную. Такимъ образомъ, въ ихъ правописаніи, безъ согласной не можетъ быть ни одного слога; и какъ они, по извѣстной имъ и вамъ причинѣ, гласныхъ вовсе не пишутъ, слова ихъ на бумагѣ — ряды однихъ согласныхъ, буква ихъ и согласная — одно и то же, то слоги у нихъ очевидно будутъ состоять, или изъ одной буквы, или изъ двухъ—потому-что слоговъ длиннѣе этого не бываетъ въ тѣхъ языкахъ. Написавъ такимъ образомъ слово, каждому тотчасъ придетъ въ голову, что двѣ буквы—ровно вдвое болѣе одной: и вотъ откуда правило: два согласныхъ—длинный слогъ; одна согласная—короткій слогъ; одинъ длинный равенъ двумъ короткимъ. Тотъ, кто первый сказалъ это, открылъ метръ и науку музыки! А сказать этого не могъ никто въ свѣтѣ кромѣ народа, который пишетъ свой языкъ одними только согласными. Но если бы Финикійцы говорили по-русски, то они открыли бы еще

Digitized by Google

удивительнѣйшія вещи: они открыли бы не только что два ровно вдвое болѣе одного, но и что три ровно втрое болѣе одного, а четыре — ровно вчетверо, и написавъ, по своему, *н*, *дм*, *срм*, *смтр*, *стрет*, вмѣсто *но*, *домъ*, *срамъ*, *смерть*, *страсть*, они бы тотчасъ сказали: Есть на свѣтѣ слоги одинакіе, двойные, тройные, четвертные и пятерные; изъ нихъ самый короткій—единичный, самый длинный пятерной; онъ явственно равенъ пяти единичнымъ, или самымъ короткимъ, которыхъ два будутъ поэтому равны одному двойному, три одному тройному, четыре одному четвертному: слѣдовательно, если положимъ, что четвертной слогъ равенъ *цѣлой* нотѣ, то самый короткій будетъ равенъ ея *четверти*; двойной тогда будетъ равенъ *половинѣ* цѣлой или двумъ четвертямъ, тройной *половинѣ* и *четверти* или тремъ *четвертямъ*, а пятерной, *цѣлой* и *четверти*, или двумъ *половинамъ* и *четверти*, или пяти *четвертямъ*. Они бы сказали: Да вѣдь это чудо! съ русскимъ языкомъ можно выдумать метрическую систему въ тысячу разъ разнообразнѣе и музыкальнѣе той, которую мы выдумали по своему языку и передали Грекамъ, и которой—чего добраго!—эти бѣдные русскіе поэты станутъ еще подражать, вовсе не догадываясь о музыкальныхъ средствахъ своего роднаго языка. У насъ Финикійцевъ, въ нашемъ финикійскомъ языкѣ, всего только двѣ ноты, *половина* цѣлой и *четверть*: это ужасно монотонно для метра, или такта. Грекамъ мы хорошо продали нашу метрическую систему: они еще не образованы, сами ничего не смыслятъ въ музыкѣ сло-

Digitized by Google

ва, и притомъ любятъ монотонію; но для русскаго языка эта система никуда не годится. Изъ русскихъ слоговъ можно составлять удивительно разнообразные такты; напримѣръ, *смтр*, *плнм*, *плкг* и *влкм**, имѣютъ всѣ по четыре согласныхъ и, музыкально, совершенно равны между собою: сколько движенія могло бы возникнуть въ тактѣ при искусномъ употребленіи, по правиламъ западной музыки, подобныхъ этимъ единичныхъ, двойныхъ, тройныхъ, четвертныхъ и даже пятерныхъ слоговъ, вмѣсто нашихъ однообразныхъ одинокихъ и двойныхъ! сколько музыки было бы въ стихѣ при такомъ стихотворномъ размѣрѣ! Онъ — не чета нашему, по милости Беловой благополучно спущенному съ рукъ Грекамъ, которымъ мы дали аршинъ и метръ, и которыхъ однакожъ обмѣриваемъ и на сукнѣ и на слогахъ. Надобно для русскаго языка выдумать совсѣмъ другіе метры!.....

Но пора покончить эти гласныя и согласныя дѣла. Они уже утомили и васъ и меня. Теперь настоящее свойство метрическихъ стиховъ, я надѣюсь, сдѣлалось яснымъ и понятнымъ для всякаго. Мы нашли въ древнѣйшемъ гекзаметрѣ прекрасныя священныя мелодіи, восходящія до первыхъ временъ исторіи, и, слѣдственно, мы не напрасно трудились. Мы открыли дорогу другимъ къ дальнѣйшимъ этого рода изслѣдованіямъ. Разборъ хроматической гаммы гласныхъ далъ намъ весьма любопытные результаты относительно къ музыкальному устройству языковъ и вліянію его

---

* *Смерть, полный, пылкаго, и великими.*

Digitized by Google

на ихъ грамматику, и, посредствомъ этого разбора, мы очень естественно дошли до того, что̀ мнѣ особенно хотѣлось показать вамъ, а именно, что метрическая система стопосложенія есть прямое, натуральное и неизбѣжное слѣдствіе арамитическаго правописанія, основаннаго на однихъ согласныхъ, съ устраненіемъ гласныхъ, и, слѣдовательно, коренное изобрѣтеніе сирійскихъ народовъ. Наши изслѣдованія могутъ особенно быть полезны въ томъ отношеніи, что заохотятъ людей съ поэтическимъ геніемъ и музыкальнымъ образованіемъ къ созданію для русскаго языка новой метрической системы, сообразной съ его внутреннимъ устройствомъ и съ духомъ новѣйшей музыки, и что ихъ благородныя усилія выведутъ насъ наконецъ изъ нынѣшняго грубаго, безобразнаго и безладнаго стихотворства. Новѣйшая Европа смѣло можно сказать, еще не имѣетъ стиха, какъ въ десятомъ столѣтіи не имѣла еще музыки, въ четырнадцатомъ живописи, въ пятнадцатомъ скульптуры: и, зная теперь чудесное зданіе метрическаго стихотворства, высокую мысль древнихъ, на которой эта система была основана — превратить языкъ въ музыку — и идеальное совершенство ихъ способа осуществлять великую мысль свою, вы легко согласитесь въ справедливости замѣчанія. Да! мы еще безъ *стиха*! То, что̀ нынче называемъ мы стихомъ — ужасть, галиматья звуковъ, какая-то варварская безладица въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ Греки въ древности, Аравитяне въ средніе вѣка, называли этимъ именемъ. Персіяне и Турки, принявшіе систему Ара-

Digitized by Google

витянъ, несравненно выше насъ, образованныхъ народовъ, въ отношеніи къ стихотворству какъ искусству. Я.... я не могу слушать европейскихъ стиховъ: мнѣ все кажется, что это пародія на искусство или насмѣшка надъ человѣческимъ ухомъ!

Теперь, пока у насъ еще не положены первыя основанія лучшаго, образованнаго, усовершенствованнаго стихотворства, я обращаюсь къ вамъ, поэты, «учители человѣчества». Что̀ вамъ за охота «учить» насъ безъ такту, сочиняя гекзаметры по ударѐніямъ, безъ всякаго понятія объ ихъ сущности, о метрѣ и о музыкѣ? Развѣ вы будете счастливѣе, когда засорите наши уши своими грубыми дактилями и спондеями, изъ которыхъ, въ мнимое подражаніе Грекамъ, составляете эти анти-музыкальныя строчки?.... И развѣ мы не совершенно счастливы съ вашими прекрасными ямбами и хореями, отъ которыхъ, сказать между нами, вся древняя Грецiя, заткнувъ уши, бѣжала бы въ-разсыпную къ Массагетамъ? Посудите только сами!.... И не извольте на меня гнѣваться: я защищаю истинное искусство, которое вы варварски попираете. По-моему, если подражать, такъ ужъ знать, чему подражаешь и дѣлать въ точности то же самое; нето вовсе не дѣлать. Извольте дѣлать изъ звуковъ языка настоящую музыку, какъ дѣлалъ покойный пѣснопѣтъ Гомеръ: я не скажу ни слова!

Дѣлайте хоть мазурки, какъ дѣлалъ Хафизъ!

Мильтонъ сочинилъ анданте, аллегро и рондо въ стихахъ. Анданте, аллегро и рондо: это полный концертъ! Великій поэтъ догадывался, пред-

Digitized by Google

чувствовалъ, постигалъ геніемъ своимъ, что, въ природѣ вещей, стихъ и музыкальная фраза одно и то же, что поэзія должна быть собственно не что̀ иное какъ музыка изъ звуковъ языка, или *языкъ-музыка*. Она тѣмъ и была у древнихъ! Но великое искусство древнихъ было совершенно потеряно, никто ясно не понималъ, въ чемъ состояла его сущность, какія оно употребляло средства, къ чему стремилось, какихъ достигало эффектовъ: и въ стихотворномъ концертѣ Мильтона, написанномъ по новѣйшему стопосложенію, есть прелестныя мысли, но нѣтъ такта, нѣтъ мелодіи, нѣтъ ни слѣда музыки. Теперь, когда дѣло благополучно объяснилось, вы можете сочинять и настоящіе концерты въ стихахъ, въ которыхъ будетъ все — тактъ, мелодія, гармонія—и даже инструментовка, если съумѣете прибавить ее сами къ своимъ стихамъ, по примѣру древнихъ трагическихъ поэтовъ; словомъ, будетъ полная музыка. Да и что̀ такое «Иліада» и «Одиссея»?... Два огромные стихотворные концерта въ стилѣ религіозной музыки!

Нѣсколько времени тому назадъ, одинъ французскій педантъ преважно утверждалъ въ полномъ засѣданіи Академіи Надписей, что наша нынѣшняя музыка—верхъ совершенства, и говорилъ: «la musique qui, chez les anciens *se traînait péniblement à la suite de la poésie!...*» Больше нѐ помню: изъ всего разсужденія только эти слова остались у меня памяти, потому-что они ужасно меня разсердили. Музыка у древнихъ *ужыло тащилась за поэзіей*! Хорошо почтенный педантъ понимаетъ дѣло, о ко-

Digitized by Google

торомъ пустился разсуждать. Зачѣмъ ей было тащиться *за* поэзіей, когда она всегда и неразлучно шла *рядомъ* съ нею? когда сама поэзія была музыкой, и музыка, сливаясь метрически съ ея словами, получала въ этомъ благородномъ сообществѣ смыслъ, выразительность и могущество настоящей поэзіи? Послѣ смерти поэзіи, старшей сестры своей, бѣдная сирота, музыка, поступила подъ опеку капельмейстеровъ; и славно эти господа обдѣлали дѣла своей питомицы: она лишилась главнаго своего достоянія, смысла! Теперь, говорятъ, надо *понимать* языкъ музыки, и только немногіе, *избранные*, могутъ ясно понимать, что́ она глаголетъ. Чудесно! А прежде всѣ ее понимали, и она владычествовала надъ сердцами безпредѣльно, гармонируя, не съ контрабасомъ и барабаномъ, а съ высокою музыкою слова, и постоянно озаряясь брызжущими изъ него молніями поэзіи и лучами ума человѣческаго. Да я думаю, что и «избранные»-то ровно ничего не понимаютъ въ ея нынѣшнемъ языкѣ — кромѣ одной грамматической части этого нѣмецкаго языка, кромѣ бо́льшей или мѣньшей новости его фразъ безъ всякаго опредѣленнаго значенія въ отношеніи къ человѣку, бо́льшаго или мѣньшаго искусства въ подборѣ гармоніи къ этимъ извилистымъ струямъ мертвыхъ звуковъ, бо́льшаго или мѣньшаго умѣнья выводить на сцену различные инструменты и наносить ушамъ неожиданные удары. Это, скорѣй, шахматная игра съ ухомъ, а не языкъ. Тѣ, которые нынче говорятъ, что, изъ всѣхъ несносныхъ шумовъ, самый несносный — музыка, мо-

Digitized by Google

жетъ-быть одарены лучшимъ ухомъ и толкомъ, нежели всѣ мы, восторженные ея поклонники. Да и тѣ, которые въ наше время терпѣть не могутъ стиховъ и называютъ новѣйшую поэзію гадко исковерканною прозою, право, не такіе безчувственные къ истинному прекрасному, какъ кажется. Пока музыка и поэзія учились, жили и дѣйствовали вмѣстѣ, никто не вооружался противъ ихъ могущества; всѣ благоговѣли передъ ними. Музыка была въ поэзіи, поэзія въ музыкѣ: кто любилъ одну изъ нихъ, тотъ долженъ любить и другую. А теперь? Посмотрите, въ какомъ жалкомъ положеніи и поэзія и музыка: почти всѣ великіе новѣйшіе поэты не могли терпѣть музыки, и всѣ вообще композиторы не терпятъ стиховъ!... да и какъ человѣку съ музыкальнымъ ухомъ терпѣть такую дикую безладицу на-удачу собранныхъ звуковъ, въ которыхъ нѣтъ никакой мелодической послѣдовательности? Только при нынѣшнемъ варварскомъ состояніи стиха въ Европѣ, когда хорошая проза бываетъ несравненно пріятнѣе для уха и музыкальнѣе лучшихъ нашихъ стиховъ, и могли до такой степени превратиться понятія о поэзіи, что Французы стали положительно увѣрять, будто ихъ Фенелоновъ «Телемакъ»—*поэма*, и будто *поэзія* можетъ заключаться въ прозѣ. Такой глупости навѣрное не сказали бы, даже и въ шутку, ни древніе Греки ни древніе Аравитяне; и теперь еще ни за что въ свѣтѣ не скажутъ ея ни Персіяне ни Турки. Всѣ они знали и знаютъ, что поэзія — музыка выше всѣхъ музыкъ, и что тамъ,

Digitized by Google

гдѣ въ словахъ нѣтъ правильной музыки, не можетъ быть поэзіи.

Ну такъ теперь это — дѣло рѣшеное. Вы усовершенствуете, преобразуете новѣйшее скиѳское стихотворство, возвратите поэзіи древнее ея величіе, воскресите настоящее искусство, подведете стихъ подъ строгіе законы музыки, изобрѣтете новые метры для нашего языка—все это не трудно: я въ подмогу вамъ сообщу даже полный списокъ восточныхъ метровъ — и будете писать въ стихахъ мазурки, какъ Хафизъ, и величественные концерты, или ораторіи, какъ Гомеръ. Мы станемъ слушать, произносить всѣ стихи ваши на распѣвъ, восхищаться ихъ смысломъ и музыкой, и будемъ счастливы. Никто не посмѣетъ возставать противъ стиховъ. Философы, и самые закоренѣлые математики, будутъ благоговѣть передъ высокимъ и могущественнымъ искусствомъ поэта-музыканта, какъ они благоговѣли въ древности. Все пойдетъ прекрасно. Явятся даже новые Гомеры и новые Софоклы. Но я предвижу одно маленькое затрудненіе: вамъ надо снерва перевоспитать себя и получить музыкальное образованіе! У кого нѣтъ уха, тотъ и не будетъ *поэтомъ*, а по-гречески *poieeteès*, что̀ значитъ «работникъ», или, правильнѣе, *мастеръ*, maëstro музыки слова, а отнюдь не то̀, что̀ вы теперь полагаете. Я боюсь что, при такихъ условіяхъ, не такъ-то легко будетъ, ничему ни учась, быть «учителемъ человѣчества», и что количество стиховъ ужасно у насъ уменьшится.

А впрочемъ, нужды нѣтъ: пусть его уменьшит-

Digitized by Google

ся. Многіе изъ тѣхъ, которые теперь ничего не дѣлаютъ—пишутъ стихи!... *воспѣваютъ* шопотомъ лѣнь и нѣгу!... стихотворство, по своей легкости, и лѣнь, сдѣлались, изволите видѣть, однозначащими — многіе изъ нихъ, увидя, что «поэзія» въ самомъ дѣлѣ «работа», займутся чѣмъ-нибудь менѣе труднымъ и болѣе полезнымъ для себя и для общества. Я такъ думаю, что Финикійцы, народъ хитрый и промышленый, нарочно для того и изобрѣли метрическое стопосложеніе, чтобы на свѣтѣ было менѣе поэтовъ и менѣе стиховъ....

1841.

Digitized by Google

ОДИССЕЯ

И

ЕЯ ПЕРЕВОДЫ.

По поводу перевода «*Одиссеи*», Жуковского. *1849.*

I.

Въ странный вѣкъ этотъ, когда отъ новыхъ «Гомеровъ» и «Одиссей» не оберешься, какое счастіе, какая неожиданность, встрѣтиться съ Гомеромъ и съ «Одиссеей» старинными. Какое наслажденіе, вмѣстѣ съ ними воротиться къ тѣмъ увлекательнымъ вопросамъ о прекрасномъ и искусствѣ, которые такъ отрадно занимали собою разумъ обществъ въ блаженные годы умственныхъ востроговъ, художественныхъ удовольствій, жаркихъ преній о подвигахъ генія и способахъ производить геніяльное! Куда все это дѣвалось? чему оно уступило?... Не чудесныя ли были это времена, не восхитительныя ли заботы, эти сраженія, эти гнѣвы, эти вражды — о томъ что собственно прекрасно въ природѣ, гадкое ли или прелестное? ужасное ли или миловидное? эти всемірные споры и смятенія по поводу Грековъ грече-

Digitized by Google

скихъ и Грековъ Французскихъ, Гомера и Шекспира, классицизмовъ и романтизмовъ, трагедій древнихъ и драмъ новѣйшихъ, эпопей, ихъ сущности, и даже ихъ возможности? Въ какую эпоху свѣтъ былъ тише, веселѣе, дѣятельнѣе, богаче, счастливѣе?... *Высокимъ и благороднымъ умамъ, имъ однимъ только, дано — возвращать разумъ обществъ къ сладостному созерцанію прекраснаго, къ разбору дѣлній генія,* къ удивленію его твореніямъ, и къ внутреннему счастію *истинной мудрости*, всякій разъ какъ козни духа зла и горя отвлекаютъ его къ скорбямъ зрѣлища вещественныхъ сумасбродствъ, къ тревогамъ матеріяльныхъ лжеученій. Оставивъ Западъ, покрытый черными тучами этихъ бѣдствій, Жуковскій, съ своимъ свѣтлымъ словомъ, съ своимъ плѣнительнымъ русскимъ стихомъ, Жуковскій, поэтъ нынче болѣе чѣмъ когда-либо, поэтъ когда всѣ перестали быть поэтами, Жуковскій, *послѣдній изъ поэтовъ*, беретъ за руку самаго перваго поэта, слѣпаго пѣвца, этого дряхлаго, но нѣкогда «божественнаго» Гомера, о которомъ всѣ тамъ забыли среди плачевныхъ глупостей времени, и, являясь съ нимъ передъ своими соотечественниками, торжественно зоветъ насъ на пиръ прекраснаго. Какъ не пойти къ нимъ на встрѣчу! какъ не привѣтствовать ихъ радостно! какъ не принять съ благодарностью, изъ рукъ ихъ, зеленой вѣтки, предвѣстницы возврата солнца и изобилія, послѣ потопа безсмыслицъ, который грозилъ истребить достойнѣйшія удовольствія человѣческія!

Читателямъ уже извѣстно, что въ двухъ томахъ

Digitized by Google

«*Новыхъ стихотвореній* Жуковскаго» заключается, не болѣе и не менѣе, какъ переводъ Гомеровой «Одиссеи».

Во всѣ времена, переводъ которой-нибудь изъ поэмъ Гомера, особенно переводъ, представляемый поэтомъ, равнымъ по знаменитости и таланту Жуковскому, считался огромнымъ событіемъ въ образованной Европѣ, всегда жаждавшей увидѣть на новѣйшемъ языкѣ достойное воспроизведеніе одного изъ образцовъ всякой поэзіи. Въ настоящую эпоху, вообще такую неизящную, непоэтическую, подобное событіе пріобрѣтаетъ еще новое значеніе. Русская словесность можетъ гордиться имъ.

Жуковскій не знаетъ по-гречески, а между-тѣмъ онъ перевелъ съ греческаго «Одиссею». Какъ это случилось? Вотъ уже первое, очень любопытное обстоятельство. Но поэтъ самъ объясняетъ намъ его, въ предисловіи, скромно и прекрасно написанномъ. Одинъ изъ его ученыхъ друзей въ Германіи, профессоръ боннскаго университета, написалъ ему подъ каждымъ греческимъ словомъ соотвѣтственное слово нѣмецкое, и такимъ образомъ составился буквальный подстрочный переводъ, который нашъ поэтъ превратилъ въ русскій гекзаметръ.

Процессъ этотъ, какъ кажется, очень простъ, и каждый, вѣроятно, съ перваго слова готовъ объявить себя отличнымъ переводчикомъ съ греческаго по этому способу, безъ знанія подлиннаго языка. Но надо исполнить дѣло такъ, какъ исполнилъ его Жуковскій; и здѣсь-то мѣсто удивленію. Буквальный переводъ былъ сухая нѣмецкая про-

Digitized by Google

за: вмѣсто ея мы находимъ великолѣпную поэзію въ образѣ изящнаго русскаго стиха, съ сохраненіемъ примѣчательно-близкаго сходства въ содержаніи и формѣ съ подлинникомъ. Матеріяльное достоинство этого буквальнаго перевода зависѣло, разумѣется, не отъ однихъ только познаній боннскаго друга въ греческомъ языкѣ — мы готовы полагать ихъ неограниченными — но также и отъ его умѣнія владѣть нѣмецкимъ языкомъ, отъ его личной проницательности, бойкости въ употребленіи родной рѣчи, находчивости въ пріисканіи всегда вѣрно соотвѣтствующаго слова, отъ его дара угадывать силу или тонкость выраженія относительно къ слуху древнихъ соотечественниковъ эллинскаго баяна, и наконецъ отъ его поэтическаго вкуса, его литературныхъ теорій, его понятій о прекрасномъ — а все это условно и, по необходимости, въ Германіи, должно быть болѣе или менѣе нѣмецкое, а въ университетѣ болѣе или менѣе *академическое*. Въ этомъ подстрочномъ словословіи, въ этомъ грубомъ художническомъ матеріялѣ, геній русскаго поэта долженъ былъ различить и угадать все — и «божественнаго» Гомера, стариннаго Грека, идола Грековъ, и небожественнаго новѣйшаго Нѣмца, его комментатора, друга ученаго и обязательнаго, но вѣроятно писателя, еще не удостоившагося храмовъ и статуй на родинѣ за свой словесный геній — и мастера и подмастерье — и рапсода и профессора — и подлинную, свѣжую, первозданную красоту этой древней поэзіи, и ея переводное отраженіе въ тускломъ зеркалѣ прозы и сомнительной бук-

Digitized by Google

вальности — ея двойное, тройное переломленіе при проходѣ сквозь академическую ученость, лишній языкъ и чужія идеи — три такія зыбкія и мутныя посредства, въ которыхъ всѣ свѣтлые лучи, всѣ радужные цвѣты такъ легко спутываются и разсѣваются! Были при этомъ въ виду и другіе извѣстные переводы «Одиссеи»—новыя пособія—новыя помѣхи — при необходимости вѣрить и этимъ другимъ на-слово. Преодолѣть всѣ эти затрудненія вѣрнымъ поэтическимъ инстинктомъ, вывести изъ этого хаоса разноязычныхъ началъ и разноголосныхъ данныхъ одну стройную, русскую, новѣйшую красоту, которая бы примѣтно уподоблялась первобытной, древней, греческой красотѣ—вотъ въ чемъ будетъ навсегда состоять слава Жуковскаго. Можно предсказать навѣрное, что этотъ переводъ «Одиссеи» составитъ въ отечественной литературѣ самый нетлѣнный ученый монументъ его поэтическому имени.

Но когда нѣмецкій ученый пишетъ для Жуковскаго подъ каждымъ греческимъ словомъ «Одиссеи» свои нѣмецкія слова, почемужъ бы и намъ не сдѣлать того же, не написать подстрочно *нашего русскаго слова*, не помочь поэту или читателю съ другой стороны къ лучшему уразумѣнію текста? При всей подобающей скромности, позволительно не думать, чтобы можно было объявить à priori петербургскій буквально-русскій переводъ хуже боннскаго буквальнаго. Букву всѣ мы равно понимаемъ, какъ-скоро языкъ, его филологія, его литература, извѣстны намъ въ приличной степени: добро бы разумъ буквы понимали всѣ мы

Digitized by Google

такъ же легко и равно. Въ разумѣ буквы — вся важность. Въ немъ-то и все достоинство буквальности. Къ чему годится буквальное значеніе слова безъ его буквальнаго разума, безъ соблюденія тѣхъ условій, которыя требуютъ, чтобы это слово и его форма, при одинаковомъ значеніи, имѣли еще тѣ же самыя отношенія къ другимъ словамъ и формамъ нашего языка, какое имѣетъ слово подлинника съ своей формой къ прочимъ словамъ и формамъ языка древняго писателя? Нужно, чтобы оба однозначащія слова, и ихъ формы, вполнѣ соотвѣтствовали другъ другу, и *чикомъ и воспитаніемъ*, и силою и тонкостью, и изяществомъ или грубостью, и бойкостью и вялостью, и красотою и странностью, и употребительностью и изысканностью, и пошлостью и благородствомъ. Буквальный переводъ съ такими качествами можетъ даже быть мастерскимъ произведеніемъ своего рода. Это совершенно зависитъ отъ силы и упругости таланта.

Не обѣщая такого снимка, можно однакожъ ясно понимать и живо чувствовать какъ долженъ онъ быть сдѣланъ. И это уже къ чему-нибудь полезно. Поэту нашему для совершенства его труда, быть-можетъ только и не доставало — имѣть передъ глазами рядомъ съ буквальнымъ нѣмецкимъ болѣе или менѣе удачный буквальный русскій переводъ, чтобы изъ сравненія ихъ вывести настоящій духъ этой «дальнославной» поэзіи. Языкъ русскій, русскіе обороты, русскіе пріемы, обычаи, нравы, особенно простонародные, такъ разительно похожи на древніе греческіе, что все

Digitized by Google

это уже кажется буквальнымъ переводомъ одно другаго. Притомъ русская рѣчь такъ гибка, такъ податлива, такъ развязна въ своихъ движеніяхъ, такъ хорошо при небольшой снаровкѣ поддѣлывается подъ тонъ всякой другой рѣчи, что, по-необходимости, при равной степени знанія буквы со стороны переводчиковъ, русскій буквальный переводъ долженъ несравненно чище нѣмецкаго напоминать физіономію греческаго подлинника.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ боннскій ученый эллинистъ подъ стихъ Гомера подставилъ свой буквальный толкъ нѣмецкій, точно такъ же мы подставимъ нашъ русскій буквальный толкъ подъ стихъ Жуковскаго. Этимъ, вмѣстѣ и удовлетворятся требованія того точнаго, внимательнаго, подробнаго разбора, котораго заслуживаетъ великій трудъ великаго русскаго поэта со стороны отечественной филологіи, и воздастся безъ похвалъ полная честь его прекрасному подвигу: читатель будетъ совершенно поставленъ въ возможность оцѣнить самъ всѣ заслуги, всю вѣрность, всю красоту переводнаго стиха Жуковскаго, слѣдуя безотступно за гармоническимъ перомъ его. Если же гдѣ гармонія этого чуднаго пера перейдетъ въ другой тонъ, не ладящій съ тономъ подлинника, въ тонъ шумнѣе или высокопарнѣе древняго греческаго, который такъ древне-естественъ, такъ старинно-простоватъ, такъ наивенъ, и ударится въ торжественный тонъ академическій, то неудовольствіе читателя падетъ прямо и по справедливости на капельмейстера этого *классическаго концерта*, на ученаго боннскаго филолога, который

Digitized by Google

сбилъ русскаго поэта съ настоящаго пути и произвелъ этотъ диссонансъ.

Мы намѣрены простереть буквальность до крайнихъ ея предѣловъ — сколько русскій языкъ позволитъ это — съ сохраненіемъ всѣхъ мелочныхъ оттѣнковъ въ сходствѣ значеній словъ, въ особенностяхъ ихъ формъ, въ порядкѣ ихъ расположенія въ оборотахъ, замашкахъ и промахахъ рѣчи. Мы не пропустимъ въ переводѣ также ни одной изъ этихъ живописныхъ *частицъ*, которыя такъ обильно разсыпаны въ греческомъ текстѣ и придаютъ ему совсѣмъ особенный типъ. Частицы — богатство и признакъ простонароднаго языка, искры его краснобайства, орудіе его живости, душа его выразительности: это — размашистые жесты черной рѣчи. Образованная рѣчь гонитъ ихъ изъ своего опрятнаго и гладко причесаннаго способа изложенія, какъ образованная осанка гонитъ жесты изъ пріемовъ и положеній тѣла. Мало-по-малу частицы вовсе исчезаютъ изъ языковъ, достигшихъ нѣкоторой степени изящества. Гомеровы частицы всегда пропускаются, въ самыхъ буквальныхъ переводахъ, за невозможностью выразить ихъ на новѣйшихъ языкахъ. Понятно, что пропускъ этотъ совершенно обезцвѣчиваетъ переводы, и лишаетъ разсказъ настоящаго характера, переодѣвая его по другой модѣ. Даже самый предметъ дѣлается вялымъ и тяжелымъ. Борода сбрита, вмѣсто шапки на бекрень — благопристойная шляпа, и привольный армякъ замѣненъ тѣснымъ сюртукомъ: не мудрено, что движенія будутъ неловки, походка неуклюжа и самая физіономія —

Digitized by Google

совсѣмъ другая. Выпустить въ русскомъ переводѣ частицы было бы тѣмъ непростительнѣе, что образованность языка еще не успѣла истребить ихъ въ нашей бесѣдѣ: онѣ всѣ есть, почти всѣ — тѣ же что̀ въ языкѣ странствующаго народнаго пѣвца, слѣпаго рапсода Гомера — и настоящая русская рѣчь даже любитъ щеголять ими. А сохранивъ частицы, постаравшись передать ихъ съ точностью — странное дѣло! — поэма Гомера, въ буквальномъ переводѣ, покажется первоначально писанною на простонародномъ русскомъ языкѣ: іонійскій рапсодъ какъ-будто съ русскаго перевелъ ее буквально на греческій и выдалъ за оригинальное произведеніе! Дотого образъ выраженія, теченіе фразы, перестановки словъ, обороты предложеній, пріемы нѣжности и учтивости, ухватки, замашки, шутки этихъ двухъ рѣчей, сходны между собою. Дотого два простонародія, греческое и русское, послѣ двухъ-тысячъ-пятисотъ лѣтъ — еще родные братья, еще помнятъ общій родной кровъ восточной Европы, общее первоначальное воспитаніе подъ вліяніемъ сосѣдней Азіи.

Трудъ такой представляетъ даже особенную прелесть. Всѣ мы — почти всѣ — нѣкогда учились, между-прочимъ и по-гречески; сиживали, какъ тогда изящно говорилось, въ храмахъ науки; чинно слушали ученыхъ преподавателей изъ Нѣмцевъ — въ возможность русскаго ученаго Россія тогда еще не вѣрила. По мѣрѣ силъ и охоты, внимали мы мудрымъ истолкованіямъ выписной эллинской мудрости, которая — во время оно —

Digitized by Google

въ наши юные года — считалась такою драгоцѣнностью, такою рѣдкостью. И какой восторгъ возбуждали въ насъ открытія, которыя умъ нашъ дѣлалъ въ этомъ новомъ за страшною древностью мірѣ, сквозь странный, ломанный діалектъ иноплеменнаго преподавателя! Счастливыя времена! сладкія воспоминанія! Времена прошли какъ легкія облака: не возвратятся къ намъ болѣе, ни это свѣтлое, горячее солнце юности, подъ которымъ такъ сильно растетъ, такъ великолѣпно разцвѣтаетъ воображеніе, ни этотъ чистый воздухъ былаго, вѣявшій на насъ свѣжестью идей, звучавшій щебетаніемъ мыслей, усѣянный во всѣхъ направленіяхъ лучами надеждъ. Спаслись одни воспоминанія, блуждающій въ пустотѣ отголосокъ вспыхнувшаго, засіявшаго и лопнувшаго счастія, или сна. Но и этотъ отголосокъ, какъ онъ еще милъ нашему слуху, какъ сладостно сотрясаетъ въ жилахъ весь остатокъ еще не испарившейся жизни! Первая любовь, извѣстно, самая упоительная нота въ такихъ отголоскахъ.... Первою нашею любовью былъ Гомеръ. Мы обожали этого слѣпаго, оборваннаго, нищаго старика, который, явясь изъ тьмы вѣковъ съ своей сумой за плечами и съ цитарою въ рукахъ, искалъ вездѣ народной толпы, равной ему по простотѣ ума, по дѣтству понятій, по добродушію слова, и повсюду встрѣчалъ только напыщенность теорій, спесь толкователей и подражателей, дерзости критическаго самолюбія. Мы, молодые, еще неученые, еще не переученые, составляли ему — толпу. Мы привѣтствовали его съ радушнымъ шумомъ, окружали съ лю-

Digitized by Google

бопытствомъ и съ страстью къ наслажденію, проводили цѣлыя ночи въ обществѣ умнаго краснобая, геніяльнаго іонійскаго мужика-стихотворца, несравненнаго бродяги, слушая его бойкіе, живописные разсказы. Съ восторгомъ, но безъ восторженности, безъ ученыхъ преданій, безъ теорій, бесѣдовали мы съ нимъ объ этомъ странномъ мірѣ, изъ котораго прикочевалъ онъ пѣть намъ свои уличныя рапсодіи; и, казалось, онъ любилъ наше общество, за то, особенно, что оно чуждалось высокопарности, еще неразлучной тогда съ поэзіей. Мой наставникъ въ греческой литературѣ, и наставникъ немногихъ моихъ товарищей, былъ одинъ изъ ученѣйшихъ Нѣмцевъ, мастеръ на сводки, на разночтенія, извѣстный въ греко-латинскомъ мірѣ комментаторъ и издатель нѣсколькихъ трагедій Софокла и Эврипида. Эрудиція его казалась намъ еще огромнѣе горба его. Поэзіи онъ и не предполагалъ на землѣ, въ простомъ быту, въ нескладной народной пѣснѣ. Поэзія представлялась ему неиначе какъ въ видѣ огромнаго Эолова пузыря, надутаго вѣтромъ, наполненнаго гремучими эпитетами и туманно плавающаго подъ облаками. Поэзія — для него — витала на небѣ, не ближе; высоко какъ ода, лучезарно какъ диѳирамбъ, величаво какъ классическая трагедія, торжественно какъ эпопея. Безъ *торжественности и благородства,* по немъ, и по общему тогда ученію, поэзіи, то есть прекраснаго и высокаго, быть не могло, такъ, что природа, которая—вся сплошь должна быть поэзія, и притомъ высочайшая изъ всѣхъ поэзій, выходила, по этой теоріи, бо́льшею

Digitized by Google

частью самая пошлая проза; потому-что въ ней все просто и обыкновенно, даже самыя изумительныя для нашей слабости чудеса, самыя богатыя для нашей бѣдности явленія. Мы, его почтительные слушатели, не совсѣмъ вѣрили этому. Мы уже таили въ сердцѣ мятежныя идеи другаго ученія о поэзіи; юныя и пылкія души наши были крѣпко заражены романтическою ересью. Мы потихоньку читали Гердера и Шлегеля — въ его же присутствіи — этихъ сумасбродовъ — варваровъ — софистовъ, какъ выражался онъ: «которые «вздумали быть умнѣе всего ученаго свѣта; двѣ «тысячи лѣтъ отличнѣйшіе критики, ученѣйшіе «мужи слышали пѣсни простаго народа, и не за«мѣчали въ нихъ ничего особеннаго, кромѣ гру«быхъ, невѣжественныхъ понятій, пошлыхъ вы«раженій и грамматическихъ ошибокъ: а они вдругъ «увидали въ этой безобразной чепухѣ золотыя го«ры поэзіи, сокровища искусства, чудеса вдохно«венія, драгоцѣннѣйшія перлы того, что̀ древніе «вѣчные учители наши называли poesis, *мастер«ствомъ*.... Безъ *торжественности и благородства «поэзія*....» и такъ далѣе. Нашъ ученый наставникъ былъ неисчерпаемъ по этой статьѣ. Онъ приводилъ намъ авторитеты Платона и Аристотеля, Горація и Квинтиліана, Попа и Бутервека, и уничтожалъ впрахъ вводителей новаго опаснаго суевѣрія въ простонародную поэзію. «Niebelungen»?... Онъ и слышать не хотѣлъ о *Нибелунгахъ!* Лейбницъ, ужъ конечно, былъ умнѣе и Гердера и Шлегеля: онъ зналъ эти мнимыя *поэмы*, эти *эпопеи*, какъ называютъ ихъ теперь, и не видѣлъ въ нихъ

Digitized by Google

ничего, кромѣ дикаго языка и варварскихъ понятій. *Безъ торжественности и благородства, поэзія....*

— Такъ въ простонародномъ быту, въ селѣ вы не допускаете никакой поэзіи?

— Я этого не говорю. Поэзія, нѣкотораго рода, можетъ быть и въ селѣ.... напримѣръ *идиллія!*... Но это уже — поэзія *второстепенная*.... И притомъ, тутъ нужно, чтобы поэтъ, своимъ образованнымъ вкусомъ, своимъ тонкимъ умомъ, *облагородилъ* село, *возвелъ* его до поэтическаго достоинства, перенося туда *возвышенные* предметы философіи или политики, дѣла и чувствованія *изящной* жизни.... въ иносказательномъ видѣ.... Напримѣръ, пятая эклога Виргилія. *Безъ торжественности и благородства поэзія не можетъ*.... и прочая.

Это — фактъ, достойный всего вниманія, что двѣ тысячи двѣсти лѣтъ, со времени изобрѣтенія въ Европѣ литературной учености древними грамматиками и схоліастами, критики искусства и всѣ вообще ученые слышали ежедневно простонародныя пѣсни, баллады, сказанія, и не примѣчали въ нихъ ни слѣда поэзіи, не предполагали даже, чтобы тутъ могло быть что-нибудь интересное для ума и сердца.

Другой фактъ, неменѣе любопытный, что, въ то же время они ворочали во всѣ стороны «Иліаду» и «Одиссею», и, съ-тѣхъ-поръ какъ Александръ Великій взялъ эти двѣ поэмы въ руки и заговорилъ объ нихъ съ восторгомъ, восхищались ими до сумасбродства, до бѣшенства, изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, забывая совершенно, а

Digitized by Google

впослѣдствіи уже и не догадываясь, что это — тѣ же простонародныя пѣсни и сказанія, уличныя краснобайства язычества, «Тысяча одна Ночь» классической древности. Въ необузданной восторженности своей они наперерывъ открывали и ясно видѣли здѣсь всѣ великолѣпія утонченнаго искусства, всѣ хитрости ученаго вдохновенія, всѣ затѣи вооруженнаго теоріями и правилами изобрѣтенія, всѣ изысканности обдѣланнаго, отборнаго, торжественнаго языка стиходѣевъ подражательной эпохи, съ усиліемъ взлѣзающихъ на ходули чтобы достичь высоты генія, напередъ измѣренной аршиномъ современнаго вкуса. Они объясняли, толковали, переводили эти двѣ поэмы, провозглашенныя безсмертными, неподражаемыми, образцовыми — стихами и прозой — подстрочно и вольно — ни разу не подумавъ о томъ, что *просторѣчіе какого бы ни было языка можетъ быть переведено только на просторѣчіе другаго языка:* что-бы вышло, еслибъ вы вздумали перевесть *Волга рѣченька глубока* или одну изъ тѣхъ неподражаемыхъ пѣсенъ, которыя иногда слышатся при свадебныхъ обрядахъ русскихъ простолюдиновъ, на языкъ хорошаго общества, на языкъ изящной словесности и поэзіи, на языкъ Державина или Пушкина, Попа или Фосса? Узнали ли бы вы ее? Тронула ли бъ, восхитила бъ она васъ?... не зѣвали ли бы вы отъ скуки уже въ концѣ первой строфы?

Мы осмѣливались представлять объ этомъ ученому нашему просвѣтителю. Кто-то изъ насъ сказалъ однажды:

Digitized by Google

— Но всѣ люди, даже самые ученые, съ сотворенія міра, видѣли какъ яблоки падаютъ съ яблони, а до Ньютона никто не примѣтилъ такой простой вещи, какова та, что земля течетъ около солнца на томъ же самомъ основаніи, на которомъ яблоко валится съ дерева на траву?

— Этого нельзя сказать, возражалъ намъ ученый эллинистъ. Понятіе о теченіи земли около солнца существовало у древнихъ, и, вѣроятно, съ незапамятныхъ временъ. Пиѳагоръ училъ этому положительно, но конечно, не онъ выдумалъ такую теорію. Навѣрное онъ вывезъ ее изъ Египта, какъ и прочія свои понятія, теоріи, догматы, отвлеченности.... На свѣтѣ нѣтъ ничего новаго. Классическая древность все знала, все опредѣлила, все высказала, и она вѣчно пребудетъ нашею наставницею и руководительницею. *Безъ торжественности и благородства, эпопея....*

А впрочемъ умный былъ человѣкъ, нашъ покойный просвѣтитель. Нѣкоторые изъ насъ усердно занимались, въ то же время, и восточными языками, и онъ, не зная этихъ языковъ — удивительное дѣло! — не зная вовсе, не унижалъ ихъ!... Напротивъ, самъ онъ насъ заохочивалъ къ основательному изученію Востока, его нравовъ, понятій, литературъ, и говорилъ: «Черезъ него «вы яснѣе поймете древнюю Грецію. Востокомъ «объясняется Греція, Востокъ Греціей. Они роди«лись, выросли и умерли вмѣстѣ. Ройтесь во всѣхъ «развалинахъ, сравнивайте, все что̀ ни найдете, «здѣсь и тамъ: тутъ есть сокровища, еще невѣ«домыя нынѣшнему разуму. Я очень сожалѣю,

Digitized by Google

«что, въ мое время, пренебрегъ изученіе восточ-«ныхъ языковъ....» Онъ даже былъ дотого великодушенъ къ ученымъ предметамъ, въ которыхъ самъ не упражнялся, что, хотя Нѣмецъ, соглашался съ нами, что славянскіе языки, особенно русскій, по духу и оборотамъ — ближе всѣхъ новѣйшихъ къ греческому гомерическому, что обычаями русскаго и малороссійскаго простонародія превосходно объясняются многія спорныя или сомнительныя черты греческихъ текстовъ, и что для него самого разныя этого рода мѣста, разныя рѣченія, разные намеки, казавшіеся странными, стали совершенно понятны, съ-тѣхъ-поръ какъ онъ переселился въ Россію.

Мы позволяли себѣ, пользуясь такими случаями, подвергать на его мудрое благоусмотрѣніе то обстоятельство, что и уваженіе къ народной поэзіи такъ же не ново на свѣтѣ, какъ и понятіе о теченіи земли вокругъ солнца. Не говоря уже о внезапномъ энтузіазмѣ Грековъ, въ самую блистательную эпоху ихъ просвѣщенія и могущества, къ простонароднымъ рапсодіямъ, приписываемымъ Гомеру, о которомъ еще Геродотъ отзывался съ презрѣніемъ, какъ о мужикѣ и невѣждѣ — но рапсодій Гомера нашъ эллинистъ не почиталъ за произведеніе простонародное: онъ видѣлъ въ нихъ образецъ искусства, чудное созданіе генія, который выше всѣхъ общественныхъ разрядовъ — точно такой же энтузіазмъ къ простонародной поэзіи вспыхнулъ вдругъ и у Аравитянъ, тоже въ самую славную эпоху ихъ ума и силы, около начала девятаго столѣтія. Ихъ ученые усердно за-

Digitized by Google

нялись собираніемъ твореній поэтовъ стараго, почти безграмотнаго, до-магометовскаго времени, степныхъ стиховъ Бедуиновъ, народныхъ пѣсней; и эти созданія природныхъ, необразованныхъ геніевъ, изъяснявшихся грубымъ, но бойкимъ живописнымъ говоромъ просторѣчія, сдѣлались идеалами поэзіи для ученыхъ поэтовъ послѣдующаго времени, классическою поэзіей Аравитянъ. Во всей арабской литературѣ, и въ другихъ восточныхъ, которыя отъ нея произошли, собственно, нѣтъ истинной поэзіи кромѣ какъ въ этихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ неученой эпохи и полу-дикихъ областей, гдѣ, до появленія науки, вкуса, роскоши, общимъ языкомъ всѣхъ и каждаго было, разумѣется, просторѣчіе.

— Быть-можетъ! отвѣчалъ нашъ наставникъ: но во всѣхъ этихъ обломкахъ вы не покажете мнѣ ни одной эпопеи; *а безъ торжественности и благородства, поэзія, особенно эпопея, или героическая поэма....* и прочая.

Почтенный профессоръ прекращалъ этимъ всѣ разсужденія, тѣмъ болѣе, что онъ не любилъ быть прерываемъ вопросами или возраженіями въ своихъ глубокомысленныхъ чтеніяхъ. Я привожу эти бесѣды потому, что онѣ превосходно показываютъ, подъ вліяніемъ какихъ идей составляются всѣ переводы Гомера, въ какомъ духѣ еще недавно излагали его преподаватели, какъ на него смотрѣли академическія теоріи о поэзіи вообще и объ эпопеѣ въ особенности. Допустить, что Гомеровы поэмы — *просторѣчіе*, объяснять *просторѣчіе* въ «храмѣ науки» — Боже мой! да это было бы не-

Digitized by Google

достойно ученаго сана, унизительно для важности докторской шапки — всѣ парики грозно съежатся при одной мысли о такой ужасти. Нѣтъ, нѣтъ! Гомеровы поэмы — верхъ словеснаго совершенства, образецъ творческаго и литературнаго искусства. Гомеръ вездѣ великъ, высокъ, торжественъ, благороденъ; онъ въ каждомъ словѣ обдуманъ, отборенъ, изысканъ....

Подите говорите!

Главное «искусство» Гомера поставляютъ въ *выборѣ эпитетовъ* его. Какія чудныя слова! сколько въ нихъ красокъ! какой колоритъ! Сколько нужно генія и искусства, чтобы придумать, подобрать, составить такіе эпитеты!

Но скажите гелертерамъ: «Да гдѣ вы тутъ видите искусственные эпитеты? У Гомера, право, ихъ нѣтъ. Есть у него, довольно часто, тѣ прилагательныя безъ нужды и значенія, которыя вообще любитъ всякое просторѣчіе, каковы — солнце *ясное*, море *синее*, небо *широкое*, а прочіе такъ-называемые «эпитеты», особенно «эпитеты», придаваемые богамъ, мѣстамъ, воинамъ — совсѣмъ не эпитеты, а простыя *прозвища*, sobriquets, и, слѣдовательно, рѣченія въ то время самыя обыкновенныя, слова самыя общеупотребительныя, какъ термины, принадлежащіе вѣрѣ и общежитію; слова, бывшія извѣстными всѣмъ греческимъ кухаркамъ и повторявшіяся въ разговорѣ всѣхъ древнихъ дворниковъ». Скажите это въ нѣмецкомъ университетѣ, или въ университетѣ, гдѣ господствуетъ нѣмецкое вліяніе: и вамъ торжественно припишутъ съ педелемъ consilium abeundi

Digitized by Google

— васъ прогонятъ изъ «храма наукъ» какъ святотатца.

Ученые предразсудки, ученыя суевѣрія, укоренившись однажды, упрямѣе и жесточе предразсудковъ и суевѣрій круглаго невѣжества. Они вооружены полнымъ арсеналомъ доказательствъ, догматовъ, теорій, и огорожены высокимъ валомъ ученой гордости. Они непобѣдимы, и ликуютъ вѣчно въ своихъ неприступныхъ Гибралтарахъ.

Весною, въ концѣ курса, ученый нашъ наставникъ, кончивъ короткую повторительную лекцію, обыкновенно говаривалъ намъ: «Ну, теперь спрашивайте меня. Можете дѣлать возраженія. Требуйте объясненій на то, въ чемъ сомнѣваетесь». Разумѣется, что мы съ радостью и нещадно пользовались этимъ великодушнымъ разрѣшеніемъ. Тутъ завязывались очень интересныя бесѣды; иногда возникали и довольно жаркія пренія — борьба идей свѣжихъ съ полуистлѣвшими, юныхъ съ пожилыми, новыхъ, робкихъ, непріобрѣтшихъ ни чина, ни званія, со старыми и почтенными.

— Вы изволили переводить намъ первые два стиха «Одиссеи» такъ:

О мужѣ скажи мнѣ, муза, многоискусномъ, который
очень много
Странствовалъ, послѣ того какъ Трои святой градъ
(или *городъ*) разрушилъ.

Но, у Гомера, вмѣсто *скажи* стоитъ другая форма слово *сказать*. Оно не говоритъ—ере, но—еппере. Смыслъ, конечно, тотъ же, но эффектъ долженъ быть другой. Быть не можетъ, чтобы для грече-

Digitized by Google

скаго уха ере и еппере не представляли никакого оттѣнка въ выразительности!

— Оттѣнокъ, вѣроятно, былъ, говорилъ намъ нашъ наставникъ: но для насъ онъ исчезъ. Въ лексиконахъ, между ерô и епперô не полагается никакой разницы; оба слова переводятся одинаково, словомъ dico, *сказать*, *разсказать*.

— Потому-что латинскій языкъ, черезъ который мы получаемъ понятіе о значеніяхъ греческихъ словъ, очень бѣденъ этого рода оттѣнками и выразить ихъ не умѣетъ. Но въ нашихъ славянскихъ языкахъ, въ русскомъ особенно, такіе оттѣночные эффекты чрезвычайно многочисленны и удивительно похожи на греческіе. Прибавленіе еп, въ греческомъ, соотвѣтствуетъ прибавленію *по* у насъ: ennükti, *по*-ночамъ, ennomos, *по*-законамъ, *по*-законно, законный. Слѣдовательно, если вмѣсто чистаго ерô, *разсказать*, мы находимъ епперô, это слово должно было на древнее греческое ухо производить такое же дѣйствіе, какое на нашъ слухъ производитъ слово *поразсказать*. Намъ хотѣлось бы перевесть это начало такъ: *О мужъ поразскажи мнѣ, муза....*

— Но такъ говорятъ только мужики!

— Но Гомеръ былъ мужикъ, гусляръ, и пѣлъ на толкучихъ рынкахъ торговыхъ городовъ Іоніи! Онъ и его базарная публика наслаждались такими формами.

— Но въ переводѣ ихъ допустить невозможно! Красота поэзіи, достоинство эпопеи, требуютъ словъ и формъ изящныхъ, отборныхъ. Вы впадаете въ просторѣчіе.

Digitized by Google

— То есть, въ собственный языкъ? Просторѣчіе-то и есть настоящій языкъ, звуковое отраженіе общаго и постояннаго образа мыслей народа; языкъ вѣчный, неизмѣнный. Литературный, отборный, изящный языкъ, или языкъ хорошаго общества, сдѣланъ уже изъ него искусственно; онъ — слѣдствіе разныхъ постороннихъ вліяній и, большею частью, иностранныхъ; онъ вымыселъ, капризъ, произвольный знакъ отличія, условный говоръ одного класса; и онъ безпрестанно мѣняется, подобно всякому капризу. Изъ вѣка въ вѣкъ онъ не похожъ на себя, тогда какъ просторѣчія живутъ цѣлыя тысячи лѣтъ, почти безъ перемѣны, если вслѣдствіе политическихъ событій не произойдетъ насильственныхъ смѣшеній племенъ, языковъ или нарѣчій. На эти-то вѣчные языки и слѣдовало бы переводить такіе вѣчные монументы, каковы «Иліада» и «Одиссея», тѣмъ болѣе, что одни они выражаютъ въ точности ихъ смыслъ и ихъ характеръ.

— У васъ, видно, страсть къ просторѣчію!

— Не страсть, а только то соображеніе, что одно оно идетъ здѣсь къ дѣлу. Во-первыхъ, оно буквально выражаетъ, не только смыслъ, но и тонъ подлинника: во-вторыхъ, просторѣчіе — есть національность! Надо же какимъ-нибудь отливомъ отразить на переводѣ главную прелесть поэмъ Гомера, именно, ихъ національность! Чтобы получить тотъ самый эффектъ, нѣтъ другаго средства, какъ одну національность замѣнить другою. Санчо-Панса, у Сервантеса, говоритъ испанскими пословицами: пословицы — просторѣчіе и одна изъ

Digitized by Google

главныхъ національностей; она мудрость и философія просторѣчія. Перелагая «Донъ-Кихота» на русскій языкъ, вы не можете же переводить испанскихъ пословицъ отъ слова до слова: вы должны замѣнить ихъ русскою соотвѣтственною національностью, равносильными русскими пословицами. Тогда только переводъ будетъ буквально выражать смыслъ, тонъ и эффектъ подлинника.

— Ну, далѣе?

— Далѣе, вы изволили переводить:

О мужѣ скажи мнѣ, муза, многомудромъ, или многоопытномъ...

Такъ конечно перевелъ и Фоссъ — vielgewandten — но всѣ эти слова не выражаютъ еще тона подлинника, ни даже буквальнаго смысла.

— А вамъ какъ хотѣлось бы перевесть?

— Намъ хотѣлось бы перевесть: *О мужѣ поразскажи мнѣ*, или, еще ближе: *Про мужа, поразскажи мнѣ, муза, преувертливаго, который очень много....*

— Что вы это!... Преувертливаго!... Улиссъ, герой, и *преувертливый!*... какъ это можно!

— Такъ говоритъ Гомеръ: polytropon.... Tropos значитъ *оборотъ*, *изворотъ*, polytropos буквально — *многоизворотливый*, *многувертливый*. Но polytropos, въ греческомъ, простое, обыкновенное слово, а въ русскомъ *многоувертливый* было бы слово изысканное. Обыкновенное и буквально соотвѣтствующее греческому русское слово есть *преувертливый*.

Digitized by Google

— Такъ вѣдь это выходитъ насмѣшка надъ героемъ поэмы?

— Напротивъ, похвала. Греки хвастали своимъ коварствомъ; они гордились тѣмъ, что никакой чужой человѣкъ не перехитритъ Грека. Точно также древніе Норманны, Готы, Руссы хитрость поставляли себѣ въ честь, въ одно изъ первыхъ своихъ достоинствъ. Нашъ простой народъ тоже довольно расположенъ къ этого рода тщеславію: желая похвалить себя, онъ съ удовольствіемъ говоритъ — *русскій человѣкъ хитеръ!* Улиссъ....

— Говорите *Одиссей*.

— Ну, Одиссей, если вы приказываете; только слово *Улиссъ* болѣе извѣстно въ русскомъ языкѣ чѣмъ *Одиссей*, а переводъ есть собственно переложеніе словъ неизвѣстныхъ на слова извѣстныя. Одиссей есть олицетвореніе греческой добродѣтели, хитрости. Онъ и въ герои попалъ за свою хитрость. Хитростью своей онъ доставилъ торжество Грекамъ, покореніе Трои. Его искусное коварство составляло ихъ наслажденіе, ихъ радость. Каждый истинный Грекъ узнавалъ въ немъ себя. Это въ высшей степени — національный типъ всего племени. *Хитрый*, *коварный*, *преувертливый*, были похвалы, въ понятіи Гомера, его современниковъ, да и всѣхъ вообще еще необразованныхъ народовъ. До введенія образованности, хитрость и коварство люди вездѣ принимаютъ за умъ. У западныхъ Славянъ есть точно такой же герой, какъ Одиссей, или Улиссъ: это — *Сбытньвъ*, *Событньвъ* или *Збытньвъ*. Въ ихъ народныхъ сказкахъ, гдѣ только нуженъ хитрый и коварный че-

Digitized by Google

ловѣкъ, тамъ непремѣнно эту роль разъигрываетъ какой-то *Сбѣгневъ*, то есть *Себѣневъ*, человѣкъ который *про себя гнѣвается*. Видно слово *гнѣваться* значило первоначально *мыслить зло*. Примѣчательно, что и греческое слово Odysseüs представляетъ тотъ же самый смыслъ: odyssô значитъ *гнѣваться*. Сбѣгнѣвъ поэтому выходитъ древній переводъ Одиссея, или Одиссей — переводъ Сбѣгнѣва. У Римлянъ онъ извѣстенъ былъ также въ переводѣ; назывался не *Одиссей*, а *Улиссъ*. Слово Ulisses, какъ мы полагаемъ, должно быть этрусское или осканское и, навѣрное, ulysso значило также *гнѣваться*. *Одиссей*, слѣдственно, не собственное имя, не лицо историческое, а всеобщій сказочный типъ древней Европы, съ незапамятныхъ временъ любимецъ всѣхъ дикихъ и полудикихъ племенъ, у которыхъ хитрость была въ чести.

— Ммъ! проворчалъ нашъ наставникъ, глубокомысленно: замѣчаніе ваше о сходствѣ характеровъ и названій Одиссея и Сбѣгнѣва не дурно. Въ древнихъ германскихъ сказаніяхъ есть также одно лицо, котораго названіе означаетъ *шилъ* и котораго должность — изобрѣтать разныя хитрости и фокусы. Въ эту минуту не могу съ точностью припомнить его имени, но я сдѣлаю объ этомъ надлежащія Untersuchungen.... и напишу Beitrag....

Нашъ добрый наставникъ вынулъ памятную книжку изъ кармана и записалъ въ ней: Odysseüs — Sbegneff. Результатъ его Untersuchungen остался намъ неизвѣстнымъ.

Digitized by Google

— Что̀ далѣе?

— Далѣе, слова *странствовалъ* и *градъ* или *городъ*.... Вы изволили переводить:

О мужѣ скажи мнѣ, муза, многоискусномъ, который
очень много
Странствовалъ, послѣ того какъ Трои святой *градъ*
онъ разрушилъ.

Не лучше ли, вмѣсто *странствовалъ* сказать *скитался*.... оно какъ-то было бы буквальнѣе?

— Отчего же!

— Да оттого, что въ подлинникѣ слово planô, *скитаться*, *блуждать*, есть самое обыкновенное, общеупотребительное греческое слово, а *странствовать* въ русскомъ языкѣ — слово искусственное, литературное, изысканное. При одинаковомъ значеніи, оно производитъ совсѣмъ другой эффектъ, даетъ ложное понятіе о тонѣ подлинника. Что̀ касается до *святаго града Трои*, то, право, не знаемъ какъ и сказать вамъ.... вы будете насъ бранить!

— Не буду. Говорите.

— Для буквальности, вмѣсто *градъ*....

— *Святой градъ!*... это очень хорошо!... лучше чѣмъ *святой городъ*. Въ поэзіи нужна важность, торжественность....

— А намъ бы, для вѣрности и правды хотѣлось переводить: *Трои святой городишко*....

— Фуй! *городишко*?... какъ это можно!... фуй! фуй!... и слышать не хочу!

— Но въ подлинникѣ вѣдь стоитъ *городишко*.... именно эта уменьшительная форма. Еслибы было

Digitized by Google

сказано у Гомера polis, можно еще было бы переводить *градъ*. Еслибы онъ, по выговору діалектнаго просторѣчія, употребилъ здѣсь ptolis, выходило бы, буквально, *городъ*. Скажи онъ, въ первой уменьшительной формѣ, polion или, простонародно, ptolion, это значило бы *городокъ*. Но онъ говоритъ ptoliethron, въ самой крайней уменьшительной формѣ и по самому площадному произношенію. Ptoliethron значитъ *городишко, мѣстечко*. И эта форма, намъ кажется, употреблена здѣсь съ умысломъ.

— Но я же вамъ говорилъ, что это только поэтическая вольность, что ptoliethron поставлено здѣсь вмѣсто ptolis или, правильнѣе, изящнѣе polis, *городъ*, *градъ*; что поэтъ принужденъ былъ къ этому требованіями размѣра, просодическаго метра; ему нужно было въ этомъ мѣстѣ, для полноты стиха, слово по-длиннѣе и по-обильнѣе согласными чѣмъ слово polis, и онъ употребилъ особенную форму того же слова, ptoliethron; но, *въ умѣ своемъ онъ думалъ* polis *и уменьшительному* ptoliethron *мысленно придавалъ значеніе: градъ*. Такъ всегда объясняли это мѣсто самые знаменитые критики текстовъ, самые дальновидные толкователи Гомера. Я говорилъ вамъ, именно, что на буквальный смыслъ не надо здѣсь обращать вниманія, потому-что буквальный смыслъ представлялъ бы несообразность, нелѣпость.... Троя «широкоуличная», «высокозданная», «бѣлокаменная» Троя, какъ поэтъ часто ее называетъ, пышная, богатая, могущественная Троя — *городишко?* Какъ это можно допустить! Говоря *городишко*, онъ оче-

Digitized by Google

видно думалъ *городъ*, *градъ;* и такъ надо переводить. Такъ переводили всѣ, кто только чувствовалъ достоинство поэзіи. Переводите: *градъ*. Иначе нельзя: особенно послѣ слова *святой*, гдѣ по-необходимости нужно именно это слово; слово принадлежащее къ высокому слогу; слово отборное, благородное, торжественное. Безъ торжественности и благородства, поэзія, и преимущественно эпопея, героическая поэма.....

— Позвольте возразить. Намъ кажется, что сказать несообразность, безсмыслицу, для полноты стиха, въ угодность размѣру — дѣло непростительное для великаго поэта. Такія поэтическія вольности не могутъ возбуждать удивленія къ таланту, который къ нимъ прибѣгаетъ. Находчивость геніальнаго ума пріискала бы мгновенно сто другихъ словъ по-длиннѣе слова polis и совершенно идущихъ къ дѣлу, а ужъ не рѣшилась бы сказать нелѣпость для полноты стиха. Мы осмѣливаемся думать, что *городишко* поставлено здѣсь поэтомъ нарочно, съ удовольствіемъ, съ наслажденіемъ, съ любовью.... для красоты и бойкости рѣчи.... и что оно несказанно восхищало собою его слушателей. Мы увѣрены, что когда онъ величественную Трою называлъ *городишкомъ*, они стоя вокругъ него вскрикивали: айда, краснобай!... славно, слѣпецъ-гусляръ! славно!... Бойкость этого выраженія намъ, Славянамъ, совершенно понятна: русскій сельскій Цицеронъ, воротясь изъ Петербурга въ деревню, готовъ сказать сосѣдямъ своимъ точно также: *знатный городишко*, *Питеръ!*... Въ этомъ словѣ ptoliethron, городишко, употре-

Digitized by Google

бленномъ въ самомъ началѣ поэмы, заключается весь характеръ, весь тонъ, весь отличительный типъ «Одиссеи», состоящій не въ торжественности и благородствѣ, а въ развязной шутливости умнаго, смѣлаго, размашистаго просторѣчія. Позвольте, Готфридъ Готлибовичъ, переводить такъ — по точному разуму буквы:

Про мужа поразскажи мнѣ муза, преувертливаго, который очень много
Скитался, послѣ того какъ Трои святой городишко разрушилъ....

— Не позволяю!... ни за что въ свѣтѣ не соглашусь я на это!... Если вы, во время экзамена, вздумаете перевесть — *городишко*, я вамъ поставлю всѣ балы черные. Вы меня осрамите!... тутъ будутъ важные люди.... которые пишутъ сами высокимъ слогомъ.... Что скажутъ о моемъ преподаваніи? Гдѣ достоинство храма наукъ?... Гдѣ классическая торжественность?... Нѣтъ, этого никакъ невозможно! Я не позволяю!

— А жаль, Готфридъ Готлибовичъ. Вы ужъ позволили бъ намъ хоть.... *городокъ!*

— Нельзя! никакъ нельзя! Безъ торжественности и благородства, поэзія....

— Да мы для торжественности и просимъ позволить намъ *городокъ*. По-русски *городокъ* слово очень благородное.

— Какъ такъ?

— А вотъ какъ. Странное дѣло, Готфридъ Готлибовичъ! Въ Малой Азіи и повсюду, гдѣ господствовали нѣкогда Греки, до-сихъ-поръ цитадель

Digitized by Google

большаго города, городская *крѣпость*, или, по-старинному по-ученому *вышгородъ*, acropolis, называется неиначе какъ *касаба*, городокъ, мѣстечко. Слово арабское, принятое Турками и Новогреками, но смыслъ тотъ же, древне-греческій, какъ кажется. Гомеръ говоритъ здѣсь, что Улиссъ разрушилъ, не *Трою, святой городишко*, а *Трои святой городишко:* какъ-будто говоритъ онъ о *городишкѣ* или *городкѣ*, заключавшемся въ большомъ *городѣ*, о троянской *касабѣ* или цитадели. Обыкновеніе называть цитадель города *городкомъ*, видно, сохраняется въ той странѣ со временъ Трои и Гомера. Аѳинскій акрополисъ тоже называютъ нынче *касаба*, городкомъ. Не замѣчательно ли, что и въ прежнемъ русскомъ языкѣ, отъ Нестора до Петра Великаго, *городокъ* значило тоже крѣпость, укрѣпленіе, цитадель, *городить городки*, строить укрѣпленія?

— Да! это очень замѣчательно! Постойте, я запишу у себя.... ptoliethron, garadok, kassaba.... Русскимъ языкомъ, я вамъ говорю, объясняется многое удивительно!... Изучайте Востокъ: это очень полезно для уразумѣнія Гомера. Въ самомъ дѣлѣ здѣсь рѣчь можетъ идти о троянской цитадели, въ которую введенъ былъ деревянный конь, изобрѣтеніе хитраго, изящнѣе, многоискуснаго Одиссея. Только на слово *городокъ* я не согласенъ. Переведите: *вышгородъ* — или еще лучше, *вышеградъ.... Вышеградъ* — изящнѣе и понравится любителямъ высокаго слога. Торжественность необходима въ поэзіи: безъ торжественности и благородства.... что̀ далѣе?

Digitized by Google

— Далѣе, вы изволили перевесть намъ слѣдующій, третій стихъ такъ:

Многихъ людей видѣлъ онъ города, и обычаи изслѣдовалъ.

— Ну, что же вамъ здѣсь нужно?

— Вы изволили послѣ *многихъ* пропустить греческую частицу de, которая очень важна.

— Потому-что она непереводима. Въ новѣйшихъ образованныхъ языкахъ ея нѣтъ.

— Но въ русскомъ она есть.... это частица *то*.... и просторѣчіе употребляетъ ее съ большимъ эффектомъ экспрессіи. Она встрѣчается и въ третьемъ и въ четвертомъ стихѣ, сряду, слѣдовательно употреблена съ умысломъ, а не для мнимой полноты стиха, и пропускъ ея въ переводѣ лишаетъ рѣчь поэта всей выразительности, всей жизни. Тутъ есть еще третья частица, ge, а по-русски, *же*, или *да и*. Тутъ есть также любопытная перестановка предлога, совершенно русская, столько же любимая нашими простолюдинами сколько и Гомеромъ — hon kata thümon — буквально: *на своемъ на ретивомъ*. Зачѣмъ пропускать эти перлы просторѣчія, эти чудесныя черты сходства между Русью и старою Греціею? Вмѣсто:

Многихъ людей видѣлъ онъ города, и обычаи изслѣдовалъ,
И много терпѣлъ сердцемъ печалей на морѣ,

мы, отъ слова до слова, буквально, не перемѣняя ни волоска на головѣ Гомера, перевели бы, съ вашего позволенія, такъ:

Многихъ-*то* людей видѣлъ онъ города, и *разумъ* узналъ;
Да и многія-*то* на *пучинѣ* терпѣлъ скорби *на своемъ на ретивомъ*.

Digitized by Google

Скажите сами, Готфридъ Готлибовичъ: не вѣрно ли это? и не хорошо ли? По-насъ, это чудесно. Такъ и видишь, слышишь стараго гусляра, который....

— Вѣрно-то, оно вѣрно.... буквальнѣе быть не можетъ: но такимъ образомъ вы уничтожаете всю поэзію въ Гомерѣ. Безъ торжественности и благородства, эпопея, повторяю вамъ.... Послушайте только какъ это изящно:

Многихъ людей города видѣлъ онъ, и въ обычаи вникнулъ,
Много и сердцемъ скорбѣлъ на морѣ, заботясь и печалясь....

Смыслъ подлинника вполнѣ удержанъ, стихъ въ стихъ, гекзаметръ правиленъ: и сколько достоинства, благородства, venustatis, въ этой переводной поэзіи!...

— Но такому переводу, издавая его въ свѣтъ, слѣдовало бы непремѣнно, Готфридъ Готлибовичъ, дать заглавіе: «Одиссея, простонародная поэма древнѣйшей, еще безграмотной Греціи, переведенная на русскій языкъ хорошаго тона и изящнаго общества, докторомъ философіи, членомъ разныхъ ученыхъ обществъ, Готфридомъ Готлибовичемъ....

Нашъ добрый наставникъ расхохотался на каѳедрѣ, при этомъ заглавіи, которое самъ онъ признавалъ довольно справедливымъ, и мы, вмѣстѣ съ нимъ, смѣялись на скамьяхъ. Желая вполнѣ оправдать себя, почему, въ этихъ двухъ стихахъ, слова его *обычаи*, *на морѣ*, и *сердцемъ*, замѣнялись у насъ словами *разумъ*, *на пучинѣ*, *на своемъ на ретивомъ*, мы представляли еще слѣдующее:

Digitized by Google

— Въ стихѣ — *Многихъ-то людей видѣлъ онъ города*, и разумъ (noon) *узналъ* — слово noon значитъ, подлинно и буквально *разумъ*, *толкъ*, по-латыни mens, animus, intelligentia, sententia. Никогда это слово не имѣло значенія — *обычаи* или *нравы*, mores; такого значенія нѣтъ даже и въ лексиконахъ, гдѣ обыкновенно выставляютъ столько приблизительныхъ и ложныхъ значеній. Улиссъ, положительно, по мысли Гомера, узналъ *разумъ* или *толкъ многихъ городовъ;* и прекрасно сдѣлалъ: ничего лучшаго нельзя узнавать путешествуя. Но, неизвѣстно почему, мудрымъ критикамъ текстовъ показалось, будто *разумъ* или *толкъ* сюда нейдутъ, и будто *разумъ* изображаетъ здѣсь *обычаи*, mores; и вотъ въ латинскихъ подстрочныхъ переводахъ произвольно стали писать — mores cognovit, *обычаи узналъ*, вмѣсто буквальнаго и превосходно яснаго смысла — mentem cognovit, *разумъ узналъ*. Нѣтъ никакой разсудительной причины слѣдовать такому произвольному толкованію, особенно переводя на русскій языкъ, въ которомъ выраженіе *узналъ разумъ*, *узналъ толкъ разныхъ городовъ* отлично живописно и національно.

Я весьма удивился, находя и въ переводѣ Жуковскаго *обычаи* вмѣсто *разумъ*. Какъ слово это онъ почерпнулъ изъ подстрочнаго перевода своего боннскаго друга, то позволительно утверждать съ полною достовѣрностью, что этотъ ученый другъ переводилъ ему Гомера, не съ греческаго, а съ латинскихъ переводовъ.

Digitized by Google

Въ слѣдующемъ стихѣ — *Да и многія-то въ пучинѣ терпѣлъ скорби на своемъ на ретивомъ* — hon kata thümon — греческое thümos, по этимологіи сходное съ нашимъ словомъ *дума*, по общему употребленію во всѣхъ своихъ оттѣнкахъ значитъ то же самое что̀ въ русскомъ языкѣ *ретивое* — чувство сердечное, вмѣстѣ пылкое и вспыльчивое, смѣлое и напряженное, нѣжное и мужественное. *Ретивое* такъ же часто исправляетъ должность обыкновеннаго слова *сердце*, какъ и греческое thümos. Но зачѣмъ, если мы хотимъ въ точности выразить смыслъ, разумъ и тонъ подлинника, прибѣгать къ общему слову *сердце*, когда у насъ есть для этого отдѣльное и тождественное слово *ретивое*?

Что̀ касается до слова *въ пучинѣ*, вмѣсто *въ морѣ*, то вопросъ филологическій не чуждъ здѣсь даже историческаго и національнаго русскаго интереса. У Гомера, стоитъ, не *море*, thalassa, а pontos, слово явственно не греческое, не имѣющее въ этомъ языкѣ ни корня ни производствъ, а заимствованное просторѣчіемъ, для означенія морей отдѣльныхъ, далекихъ и неизвѣстныхъ, отъ собственнаго имени *Понта Эвксинскаго*, что̀ нынче Черное Море. Изъ какого языка первоначально взято это имя pont и его прилагательное (thalassa) pontina, (море) понтское, неизвѣстно, но нельзя не замѣтить вдругъ этимологическаго сходства между pontina и *пучина*, особенно зная греческое произношеніе буквъ nt, которое у Славянъ переходитъ въ *ч*, и обыкновеніе многихъ славянскихъ языковъ замѣнять носовой звукъ оп буквою *у*. Слово *пучина*

Digitized by Google

такъ же не-славянское, въ славянскомъ языкѣ, такъ же безъ корня и безъ производствъ у насъ, какъ и слова pont и pontina въ греческомъ, и точно также употреблялось для означенія морей отдѣльныхъ, дальнихъ, невѣдомыхъ. Въ «Дѣяніяхъ» мы встрѣчаемъ: *въ адріатской пучинѣ*, вмѣсто — въ Адріатическомъ Морѣ; *эѳіопская пучина* еще недавно красовалась въ нашихъ славяно-русскихъ географіяхъ. По какому странному случаю Черное Море, такое бурное, опасное, негостепріимное, прозвано Pontos Euxeinos, *моремъ гостепріимнымъ?*... Вопросъ этотъ уже предлагали себѣ многіе, и не нашли ему удовлетворительнаго отвѣта. Но помощью русскаго языка начало такого прозванія объясняется какъ-нельзя лучше. Не переводите слова euxinos приблизительно, на-угадъ, словами *гостепріимное*, hospitalier и тому подобными: о *пріемѣ* гостей тутъ нѣтъ помину; переводите буквально: xeinos значитъ *гость;* чтобы изъ этого слова сдѣлать прилагательное, надо, по обычаю греческаго языка, вначалѣ прибавить къ нему слогъ eu, который здѣсь будетъ служить только знакомъ прилагательнаго, не имѣя самъ особеннаго опредѣлительнаго значенія; такимъ-образомъ получается eu-xeinos, *гостиный*—pontos euxeinos—*пучина гостиная*. Что же это значитъ? Ничего болѣе какъ *пучина торговая*, торговое море!... Между Новгородомъ и Старою Ладогою есть по Волхову мѣсто, которое донынѣ зовутъ *Гостиное Поле*, въ память торжищъ, которыя здѣсь происходили съ свейскими и мурманскими *гостьми*, то есть купцами. *Гостиное Поле*, *Гостиная Пучина* и еще *Го-*

Digitized by Google

стиный дворъ, если угодно, сочувствуютъ другъ другу. Какъ Черному Морю не носить въ древности названія торговаго моря, когда тутъ были кругомъ греческія *торжища*, emporia, эти знаменитые коммерческіе города, которые связывали міръ эллинскій съ міромъ варварскимъ, и куда съ равною жадностью стремились съ своимъ промысломъ и Греки съ юга и Скиѳы съ сѣвера, какъ въ Эльдорадо тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ? Переводите, если вамъ любо, pontos eu-xeinos *пучиною благо-гостиною* или *благо-торговою*. Значенія, яснаго и опредѣлительнаго, вы этимъ не измѣните, а только выкажете неумѣстное педантство. Да если бы намъ вздумалось также быть педантами, мы бы пустились доказывать другое! а именно, что pontina или *пучина* легко можетъ-быть испорченное наше *пятина*, и что pontos euxeinos значитъ собственно *гостиная пятина*, по причинѣ бывшихъ тутъ *пяти* знатныхъ *гостиныхъ* или торговыхъ городовъ. Если справедливо Несторово показаніе, что по нижнему Днѣпру жили нѣкогда Поляне, такъ полянское произношеніе слова *пятина* извѣстно. Жители Великой и Малой Польши, которые донынѣ называютъ себя неизмѣнно Великополянами и Мало-полянами, не скажутъ вамъ иначе какъ *пьонтина* или *пьонцина*. Народы сербскаго корня, замѣняющіе вендское *он* своею гласною *у*, жили тогда подальше отъ эвксинскихъ городовъ, внутри материка, и они легко могли полянское *пьонцина* превратить у себя въ *пучина*, придавъ этому слову вмѣстѣ и значеніе *моря*, котораго сами никогда не видали. Но все имѣющее видъ

Digitized by Google

натяжки противно нашему сердцу, и *пятину* мы охотно оставляемъ всторонѣ, не смотря на ея правдоподобіе. Довольно того, что pont и *пучина* явственно произошли изъ одного источника и весьма долго имѣли одинаковое значеніе у Грековъ и Славянъ: слѣдственно, въ этомъ стихѣ Гомера нѣтъ причины вводить слово *море*, котораго здѣсь нѣтъ, а должно, по весьма интереснымъ уваженіямъ, удержать первобытное слово *пучина*. Въ этомъ состоитъ хорошій разумъ буквы.

Я долженъ прибавить, что объясненіе прозванія Чернаго Моря «Понтомъ Эвксинскимъ», то есть *Гостимою Пучиною*, по-нынѣшнему торговымъ моремъ, очень понравилось покойному Готфриду Готлибовичу, который, записывая его въ свою памятную книжку, сказалъ намъ: «Вы, господа, дѣлаете странныя сближенія.... но.... иногда похожія на дѣло».

Много такихъ бесѣдъ и преній бывало у насъ съ добрымъ Готфридомъ Готлибовичемъ, котораго мы никакъ не могли отклонить отъ толкованія Гомера по преданіямъ старинной школы къ раціональному объясненію по естественному значенію словъ, по точному смыслу и тону выраженій. Можно себѣ представить ужасъ почтеннаго классика, когда еще мы предложили ему перевесть буквально — *дурни* — одно греческое слово, которое онъ, для торжественности поэзіи и достоинства эпопеи, переводилъ—*неосторожные!*.... и уже только въ крайнемъ случаѣ соглашался перевесть—*безумные*, или *безумцы*. Рѣчь у Гомера идетъ о томъ, что Улиссъ старался спасти своихъ товарищей, и поэтъ замѣ-

Digitized by Google

частъ, буквально, со всѣми своими живописными частицами, слѣдующее:

А все-таки товарищей не спасъ, какъ ни старался!
Сами вѣдь отъ собственныхъ сумасбродствъ погибли,
Дурни! Они поѣли быковъ Солнца Вышехода,
А онъ, опять, у нихъ отнялъ возвратное днище!

Спорное здѣсь слово по-гречески гласитъ nêpioi; и оно какъ-нельзя яснѣе опредѣляетъ характеръ разсказа, въ высшей степени простонароднаго. Мы просили Готфрида Готлибовича указать намъ на греческое ругательное слово грубѣе этого nêpioi. Онъ принужденъ былъ согласиться, что въ древнемъ языкѣ это — самое крупное *пренебреженіе*, какъ онъ выражался. Nêpios значитъ просто и чисто *дуракъ*, и еще нѣсколько болѣе. Такъ зачѣмъ же смягчать его въ переводѣ? Что̀ истина, что̀ искусство, выиграютъ отъ этого? Не ясно ли, что оно въ вѣрномъ переводѣ должно быть выражено совершенно равносильнымъ словомъ — а невѣрные переводы — зачѣмъ ихъ дѣлать? и къ чему полезны? Что̀ тутъ страннаго или неумѣстнаго, если бродяга-гусляръ говоритъ языкомъ бродяги?.... Въ отчаяніи, почтенный Готфридъ Готлибовичъ кричалъ намъ: «Ну, такъ переводите буквально!.... вы любите буквальность!.... nêpios произведено изъ стариннаго отрицанія na, *не*, и epo, *молвить* — na-epios, *не-молвецъ*. Такъ переводите же буквально — *немолвцы!*»

— Готфридъ Готлибовичъ! возражали мы: вѣдь это еще хуже! Въ языкахъ сербскаго корня *немлавец*, по-польски *niemowlę*, значитъ — грудной ребе-

Digitized by Google

нокъ, который еще не говоритъ, не съумѣетъ молвить ни слова. А посмотрите, какъ слово *немлвецъ* произносится у Вендовъ?... (и кто-то изъ слушателей взялъ томикъ «Слованки» Добровскаго и показалъ на первой страницѣ: Nematz, *немолвецъ, немолве* — грудной ребенокъ). Хотите ли вы, чтобы этого рода слово было уже у Гомера самымъ крупнымъ ругательнымъ? чтобы онъ о безумныхъ товарищахъ Улисса отзывался: *Сами вѣдь отъ собственныхъ сумасбродствъ погибли, немолвцы*, а въ сокращенномъ произношеніи — *нѣмцы*. Буквальность будетъ: но гдѣ же должное уваженіе....

— У васъ всегда готовы престранныя сближенія! говорилъ Готфридъ Готлибовичъ, весьма недовольный нашимъ послѣднимъ сближеніемъ, котораго даже и не записалъ онъ въ свою памятную книжку.

Читатели, навѣрное, замѣтили въ этихъ стихахъ выраженіе, совершенно простонародное, но отлично поэтическое—*Солнца вышехода*. Это одинъ изъ тѣхъ знаменитыхъ «эпитетовъ», которые придаются богамъ и составляютъ отчаяніе и переводчиковъ Гомера и ихъ читателей. Въ подлинникѣ стоитъ Helios hyperiôn, *солнце вышеходъ*, а въ другихъ мѣстахъ коротко — hyperiôn, *вышеходъ*, безъ прибавленія слова *солнце*, чѣмъ уже показывается ясно, что это не эпитетъ, не поэтическій вымыселъ, не украшеніе слога, почерпнутое изъ вдохновенія, а простонародное прозвище бога, религіозный терминъ, бывшій въ общемъ употребленіи и всѣмъ извѣстный. Нашъ ученый наставникъ переводилъ его длинно, тяжело, мучительно: *Геліосъ*,

Digitized by Google

высоко надъ нами ходящій богъ. Такъ точно и боннскій профессоръ перевелъ для русскаго поэта. Не значитъ ли это уничтожать добровольно всю живописность и весь характеръ подлинника? Зачѣмъ *Геліосъ*, а не *Солнце?* Развѣ въ греческомъ языкѣ helios — мистическое слово, котораго никто безъ особеннаго посвященія не понималъ въ подлинникѣ поэмы, и котораго, слѣдственно, не должны понимать читатели въ ея переводѣ? Развѣ это — собственное имя? Развѣ есть или было другое слово, по-проще, для выраженія «солнца» въ самомъ обыкновенномъ разговорѣ? Зачѣмъ эта напыщенность взамѣнъ такой простоты? этотъ нарядный плащъ безвкусной эрудиціи взамѣнъ скромнаго гуслярскаго рубища? Какой латинскій поэтъ осмѣлился бы, переводя Гомера, сказать здѣсь Helios вмѣсто роднаго слова Sol, солнце? Зачѣмъ же вы удерживаете Геліосъ? Хотите ли вы явить себя утонченнѣе самихъ язычниковъ въ дѣлахъ язычества? Язычники *всегда* переводили названія боговъ изъ одного языка на другой, потому-что боги ихъ были только понятія, олицетворенія идей, которымъ собственныхъ именъ быть не можетъ: имъ полагаются только прозвища, а прозвища — слова существенно переводимыя. Вы усиливаетесь будтобы удержаться въ духѣ и тонѣ язычниковъ?... такъ подражайте же имъ — переводите всѣ извѣстныя названія боговъ на извѣстныя или общепонятныя — дѣлайте, какъ дѣлали они, которые даже и Одиссея безъ обиняковъ переводили «Улиссомъ». Русскій язычникъ, слыша слова *Зевсъ*, *Юпитеръ*, *Аполлонъ*, *Фебъ*, *Геліосъ*, *Вулканъ*, *Ифестъ*,

Digitized by Google

Венера, *Афродита*, *Марсъ*, *Аресъ*, не посовѣстился бы нисколько переложить ихъ тотчасъ же на свои родные звуки—*Перунъ Батько* (изъ Геродота извѣстно, что дѣйствительно Скиѳы такъ называли Юпитера—paraios, папашей, батюшкой), Бѣлбогъ, Свѣтовичъ, Солнце, Жарбогъ, Чернобогъ, Силанъ, Бойбогъ, Любиня, Любица, Любуша, Краса-дѣва, и такъ далѣе. И не переведи онъ, не будетъ язычникъ; онъ прослыветъ еретикомъ, вводящимъ чужихъ боговъ, выдумывающимъ *новыхъ духовъ*. Сократу велѣли выпить яду за это. Въ языческой поэмѣ изъясняйтесь по-язычески. Да и пусть скажетъ всякій, у кого только есть чувство искусства: не говоря уже о ясности, не болѣе ли поэзіи, краски, жизни въ этомъ короткомъ и естественномъ выраженіи — *Солнце вышеходъ*, нежели въ цѣлой многохитрой фразѣ переводчиковъ — *Геліосъ, высоко надъ нами ходящій богъ*? Рѣчь язычниковъ, по сущности ихъ вѣры, состоящей изъ олицетвореній, должна была изобиловать такими прозвищами, и сохраненіе ихъ въ видѣ прозвищъ, въ переводахъ, крайне необходимо. Не превосходно ли это прозвище отца боговъ, nefelegêrata Zeûs, *Тучевалъ Перунъ*, которое, въ переводахъ, излагаютъ—*облака накопляющій Зевесъ*? Не чудно ли это другое прозвище олицетвореннаго моря—*Землебой* или *скалотрясъ* Нептунъ, ennosichtôn? Въ буквально-разумной вѣрности этихъ прозвищъ, мнимыхъ эпитетовъ, заключается болѣе важности нежели какъ полагаютъ коментаторы и переводчики: прозвища боговъ часто связываются съ основаніемъ вѣры, съ догматами язычества, даже съ

Digitized by Google

глубочайшими вопросами его сокровенной философіи, открывавшейся въ Таинствахъ однимъ только посвященнымъ. Таково въ особенности прозвище Минервы, Glaukopis Pallas — которая, не *свѣтлоокая* и не *голубоглазая*, а *синева*, *Синѣдѣва*, символъ воздуха.

Сравненіе намековъ, оброненныхъ неумышленно скромностью древнихъ писателей; признаній, вырвавшихся въ жару полемики у политеистовъ Александрійской Школы; ихъ собственныхъ теорій; обломковъ отъисканнаго обрядника инвокацій; упоминаній о Пиѳагоровомъ толкѣ; египетскихъ барельефовъ и надписей—съ древнѣйшими философіями Востока, куда упряталось коренное любомудріе языческаго міра, съ философій Китайцевъ, индійскихъ брахмановъ, и особенно буддистовъ, какъ наслѣдниковъ метемпсихозы, высшей степени языческаго умозрѣнія; сличеніе всѣхъ этихъ разнородныхъ и разносторонніхъ данныхъ не оставляетъ нынче сомнѣнія относительно къ роду и сущности истинъ, хранившихся въ сокровенныхъ ученіяхъ Таинствъ, истинъ, безъ которыхъ, утверждаетъ Цицеронъ, *жизнь не стоила бы названія жизни*. Великая тайна всего языческаго, къ которой приклеивались со всѣхъ сторонъ разные его оттѣнки, состояла въ томъ, что первоначально существовали Разумъ, Законъ, Число въ образѣ Времени, котораго общенародный символъ — Кроносъ, Сатурнъ, Годыня, и прочая. Этотъ разумный и предвѣчный численный Законъ привидъ эѳира, который есть *тончайшая изъ тончайшихъ и чистѣйшая изъ чистѣйшихъ* (матерія) —

Digitized by Google

изъ него же (изъ эѳира) *все, и все въ него разрѣшится*, какъ выражаются метемпсихозисты—*онъ жизнь, онъ движеніе, онъ сила, онъ единство, онъ вѣчность, всезнаніе, блаженство; онъ невидимый огонь* (электричество облаковъ) *и невидимый свѣтъ* (разумъ), *онъ холодъ, онъ мракъ, зримая темень и незримое солнце, единица и множество, краса и безобразіе, добро и зло, мужъ и жена, духъ и матерія, душа и тѣло, онъ разлитъ повсюду, проникаетъ и наполняетъ, движетъ и оживляетъ все, вездѣ присутствуетъ и вездѣ дѣйствуетъ, онъ и Творецъ и твореніе, словомъ онъ все.* Это — Юпитеръ, Батько, Зевесъ, Осири (что̀ значитъ *Самосущій*), Ормузда (*тоже*), Перунъ, Торъ, Аммонъ-Ра (*невидимое солнце*, солнце разлитое повсюду въ видѣ незримаго эѳира, въ-противоположность видимому солнцу, свѣтлому скопленію того же эѳира въ одной точкѣ, названному въ символахъ Аполлономъ), и такъ далѣе. *Всякое свойство божества есть богъ, равный ему сущностью, но только неравный силою.* Здѣсь-то основаніе многобожія. Эѳиръ, какъ тончайшая изъ тончайшихъ и чистѣйшая изъ чистѣйшихъ матерія (Юпитеръ), сохраняетъ видъ *летучій*, но прежде всего, собственнымъ усиліемъ, однако по численному или разумному закону Времени, проявился въ двухъ другихъ первобытныхъ видахъ, *жидкомъ и плотномъ*. Летучесть, жидкость и плотность, три первые, самые простые вида эѳира, это въ символахъ—Юпитеръ и два его брата, Нептунъ (вода) и Плутонъ (земная толща), одной съ нимъ сущности, одной чистоты, но не одинаковы дѣйствіемъ, по причинѣ различія въ видахъ.

Digitized by Google

Далѣе начинаются разныя *проявленія* отдѣльныхъ свойствъ эѳира, или разныя преображенія Юпитера. Каждое свойство основнаго божества, то-есть каждый богъ, можетъ, черезъ разныя сгущенія эѳира, болѣе или менѣе правильныя, болѣе или менѣе чистыя, проявиться въ видахъ *отвлеченномъ*, *летучемъ*, *жидкомъ*, *твердомъ* или минеральномъ, *растительномъ* и *животномъ*. Любопытные найдутъ образцы этой странной естественной философіи въ выпискахъ, которыя ученый отецъ Іакинѳъ сообщилъ отечественной публикѣ изъ положеній первыхъ китайскихъ философовъ. Идеи эти были распространены по всему древнему міру. Внимательный изслѣдователь откроетъ ихъ повсюду, съ разными оттѣнками, съ разными измѣненіями. Наконецъ, въ наше время, возродились онѣ въ мечтаніяхъ Окена, который навѣрное не думалъ ни о язычествѣ ни о Китайцѣ Джу-дзы. На свѣтѣ ново только то, что̀ было хорошо забыто.

Эѳиръ-Юпитеръ, въ отвлеченномъ видѣ, это — *саморазумное всемогущество* (природа), дѣйствующее отъ себя и черезъ себя, но подчиненное вѣчному, напередъ разумно выведенному численному закону (судьба, fatum), имѣвшему первоначально форму Времени, отъ котораго Эѳиръ (Юпитеръ) и происходитъ. Отсюда гомерическая теорія о «суженомъ» и «сверхъ-суженомъ», изложенная въ первой рѣчи отца боговъ въ «Одиссеѣ», и которая, послѣ этого, не возбудитъ ни чьего недоумѣнія. Отсюда и знаменитая надпись надъ дверями Платона: *Все въ мірѣ число*. Словамъ этимъ новѣйшіе ученые приписывали необыкновенный смыслъ фи-

Digitized by Google

зико-математическій; но, вы сами видите — они, высокимъ слогомъ «Таинствъ» выражали, очень пошлую идею, составлявшую впрочемъ, основный догматъ языческой вѣры и, въ переводѣ на вседневный языкъ не посвященныхъ, даютъ, просто, турецкую нелѣпость: «все въ мірѣ судьба!» Ларчики, вообще, очень просто открываются.

Въ летучемъ видѣ, Юпитеръ—*чистѣйшій эѳиръ* (жизнь); въ этомъ видѣ, какъ жизнь, онъ—*душа* всякой твари и, какъ всюду разлитый, *душа міра*.

Въ жидкомъ видѣ, въ видѣ братнемъ родному Нептуну, онъ *воздушная животворная вода*, видимое проявленіе невидимой атмосферной влажности, Jupiter imbricus, *Дождьбогъ* (Дажбогъ), и въ то же время — *воздушный огонь*, знаменитый въ алхиміи, «огонь философовъ», могучій холодный огонь (нынѣшнее электричество); вода и огонь, отличные отъ тяжелой вселенской воды (Нептуна, брата) и отъ матеріяльнаго огня или пламени (Вулкана), отъ ремесленнаго, плавильнаго и кипятильнаго огня, который — его произведеніе (сынъ). Уразумѣніе всѣхъ этихъ мистическихъ подробностей необходимо для уразумѣнія Гомера, который тонкимъ, ловкимъ, популярнымъ изложеніемъ ихъ въ аллегорическихъ формахъ и возбуждалъ такой энтузіазмъ языческой мудрости, что она, послѣ Александра Великаго, воздвигала ему статуи и храмы.

Въ твердомъ или минеральномъ видѣ Эѳиръ-Юпитеръ былъ — самое чистое золото, которое, будучи растворено, составляло амвросію, напитокъ безсмертія: это очень просто—боги пили отвердѣлый и растворенный эѳиръ, который есть жизнь,

Digitized by Google

и оттого не умирали. На землѣ люди искали изъ золота составить такой же напитокъ, «элексиръ», чтобы *пить жизнь* и, слѣдственно, быть всегда юными и здоровыми. Какъ всѣ металлы — такія же какъ и золото твердыя сгущенія эѳира, только съ разными примѣсями нечистаго начала, то стоило только, помощію «философскаго огня», отдѣлить отъ нихъ эти нечистоты, чтобы получить золото. Отсюда—алхимія, наука, которою усердно занимались во всѣхъ Таинствахъ, особенно въ Египтѣ. Посмотрите, какъ человѣческія глупости, разбросанныя нынче по разнымъ угламъ свѣта и съ виду самыя несогласимыя, плавно и гладко сходятъ всѣ въ одной первоначальной идеѣ, изъ которой онѣ развились какъ логическія слѣдствія ея! Въ растительномъ видѣ проявленіе Эѳира-Юпитера— могучій дубъ, по египетскому толку нетлѣнный сикоморъ и лотосъ, оставшійся и донынѣ въ чести у буддистовъ; въ животномъ видѣ, по царству воздушному, орелъ, который, въ символахъ, и держитъ воздушный огонь, перуны — у другихъ языческихъ толковъ коршунъ— а по царству земному левъ—у другихъ толковъ баранъ, черный быкъ— у Египтянъ бѣлый быкъ, Apis. Эти растенія и животныя и были посвящены Юпитеру. У Славянъ и Литовцевъ дубъ считался представителемъ Перуна, у Скандинавовъ — представителемъ Тора, который тотъ же Перунъ или Юпитеръ. Нужно ли еще яснѣйшее доказательство той истины, что язычество, или многобожіе, опиралось повсюду на одно и то же ученіе, на одну и ту же физическо-созерцательную теорію, правильно развитую въ

Digitized by Google

подробностяхъ, и составлявшую вѣрованіе, въ сущности вездѣ одинаковое, только на-видъ различное относительно замысловатостью обрядовъ или грубостью народныхъ легендъ, смотря по степени образованности племени, которое его исповѣдывало?

Отсюда съ перваго уже взгляда видно, какъ восторженное преувеличеніе нѣкоторыхъ положеній этой теоріи ведетъ прямо, съ одной стороны, къ суевѣрному поклоненію разнымъ растеніямъ и животнымъ, почитаемымъ за святые образы различныхъ свойствъ эѳира, то-есть различныхъ боговъ, съ другой—къ метемпсихозѣ: все составилось изъ сгущенія эѳира въ извѣстныхъ формахъ, которыя зависятъ отъ преобладанія въ такомъ-то тѣлѣ такого-то особеннаго *свойства* этой первобытной летучей матеріи, такого-то бога. Отсюда и знаменитое восклицаніе Ѳалеса при видѣ притягательныхъ свойствъ магнита: *Все полно богами!*... то есть «свойствами» эѳира. Но какъ въ эѳирѣ заключается все, и хорошія и дурныя свойства, и чистое и нечистое, то, разумѣется, въ одной формѣ созданія, въ одной твари, бываетъ чистаго эѳира менѣе, а нечистотъ его болѣе, чѣмъ въ другой. Тонкость языческой мудрости раздѣлила всѣ твари, всѣ тѣла органическія и неорганическія, на разряды, по степенямъ предполагаемой въ нихъ чистоты эѳира, изъ котораго они составлялись. Египетскіе мудрецы особенно были искусны въ родѣ умозрѣнія, котораго часть свято хранятъ донынѣ Евреи-талмудисты. Душа человѣка, оскверненнаго преступленіями и грубыми грѣхами, раз-

Digitized by Google

рѣшаясь послѣ смерти его въ эѳиръ, не могла бы слиться прямо съ чистѣйшею изъ чистѣйшихъ и тончайшею изъ тончайшихъ и въ ней блаженствовать ея блаженствомъ: она должна по-необходимости слиться съ тою степенью нечистаго эѳира, которая соотвѣтствуетъ собственной ея нечистотѣ, съ такимъ-то, по разрядной росписи, животнымъ, изъ котораго она правильно по разрядамъ будетъ переливаться въ животныя все чище и чище, пока наконецъ, очистившись совершенно, не перельется она въ *мудреца*, въ мемфискаго первожреца, въ элевсинскаго дадуха, въ монгольскаго хутухту, а тамъ, пожалуй и въ далай-ламу, который уже — самый чистый эѳиръ, то же самое что̀ божество. Такъ нѣкогда разсуждали Египтяне; такъ донынѣ разсуждаютъ буддисты, и въ числѣ ихъ наши собственные Калмыки. Это — высшая степень напряженія языческаго многобожнаго любомудрія. Ни Греки, ни Римляне до нея не возвышались. Египтяне, по признанію греческихъ мудрецовъ *мудрѣйшіе изъ людей*, одни были въ состояніи проникнуть мыслію въ эти глубокія дѣянія эѳира. Но и въ Скиѳіи не всѣ языческіе толки были такіе тупоумные, какъ обыкновенно думаютъ. Напримѣръ Безсмертствующіе Скиѳы, народъ явственно готскій, принимали метемпсихозу, и Геродотъ добродушно увѣряетъ, будто ихъ Залмоксъ или Гевелейзисъ (Zal mögs по-готски значитъ *Могучій*, a gewäleisis *Избранный*) былъ рабомъ у Пиѳагора и у него-то этотъ Варваръ выучился такимъ высокимъ и сокровеннымъ наведеніямъ. А впрочемъ, и Греки и Римляне слѣдова-

Digitized by Google

тели той же самой теоріи въ другомъ родѣ приложеній: богословы ихъ объявляли, что такой-то царь Птоломей или такой-то Цезарь состоитъ весь изъ чистѣйшаго и тончайшаго эѳира: слѣдовательно, онъ — богъ; ему можно воздвигать жертвенники и храмы; ему можно поклоняться, даже при его жизни. Разсужденіе — совершенно логическое по эѳирной теоріи; и отнюдь не мудрено, что нѣкоторые изъ Птоломеевъ и Цезарей вѣрили сами своему божеству: имъ стоило только повѣрить числу градусовъ чистоты своего составнаго эѳира, найденному богословами и опредѣленному отличнымъ ареометромъ ихъ сокровенной мудрости. До Птоломеевъ, Египтяне вносили, въ ликъ боговъ, своихъ туземныхъ царей и Греки своихъ героевъ, на томъ же основаніи. Геркулесъ, въ нѣкоторыхъ языческихъ толкахъ, а именно, въ финикійскомъ, въ этрусскомъ, въ готскомъ-дакійскомъ и готскомъ-скандинавскомъ, былъ еще одною степенью выше далай-ламы: подъ именами *Мелкарта* (царя земли), *Герклиса* (Ратислава) *Гевелеизиса* (Избраннаго), или *Заль-мокса* (Могучаго) и *Во-дана* или *О-динна* (Не-умирающаго или Безсмертнаго), этотъ герой достигъ доблестями своими такой степени эѳирной чистоты въ душѣ и плоти, что, перейдя на небо, оказался чище самаго эѳира (Юпитера) и, слѣдственно, сталъ могущественнѣе его. Безсмертствующихъ черноморскихъ Готовъ я считаю одинистами, съ прибавкою душепереселенія: athanatizontes очевидно то же, какъ бы сказать, wodanatizontes, поклоняющіеся Неумирающему или Без-

Digitized by Google

смертному, Wodann. Одинновъ или Водановъ, по сагамъ, было нѣсколько.

Какъ-скоро духъ этого ученія постигнутъ, не трудно опредѣлить настоящій смыслъ очень важнаго ряда эпитетовъ, присоединяющихся обыкновенно къ именамъ героевъ у Гомера и другихъ поѣтовъ и писателей древности; эпитетовъ въ родѣ antitheos, isotheos, theios, divus, и такъ далѣе, которые переводятъ — *богамъ подобный* Ахиллъ, *божественный* Улиссъ, Аяксъ, Августъ, Цезарь, и прочая. Не *богамъ подобный* и не *божественный* должно переводить, а *равнобожный* Ахиллъ, Аяксъ, Улиссъ, Августъ. Дѣло не въ сходствѣ ихъ съ небожителями, наружномъ или внутреннемъ, красотою, силою, или умомъ, а въ тождественности степени чистоты эѳира, сгущеннаго въ образы этихъ людей, съ эѳиромъ, изъ котораго состоятъ боги: въ одноэѳирности ихъ съ богами и, слѣдовательно, въ правѣ занимать мѣсто между ними, получая отъ людей такія же жертвы, молитвы, почести; словомъ, если позволительно призвать здѣсь въ помощь языкъ нынѣшней химіи, дѣло — въ изомеріи различныхъ эѳирныхъ составовъ, изъ которыхъ и они и боги состроены.

По случаю слова divus нужно одно замѣчаніе, которое можетъ сдѣлаться длиннымъ отступленіемъ, потому - что мы встрѣтимся и опять поссоримся съ переводчиками Гомера. Нимфа Калипсо названа въ «Одиссеѣ» dîa theaôn. Въ латинскихъ переводахъ выраженіе это передается обыкновенно словами diva dearum, что̀ переводятъ: *божественная между богинями*. Каждый видитъ, что

Digitized by Google

это—нелѣпость. Она однако жъ перепечатывается изъ рода въ родъ. Боннскій ученый присовѣтовалъ русскому поэту перевесть—*богиня богинь*, принимая латинское diva за dea. Каждому, однакожъ, и ему прежде всѣхъ, должно быть извѣстно, что Калипсо, простой нимфѣ, совсѣмъ не по чину быть *богинею богинь*; что она никогда не занимала этой должности на Олимпѣ, куда, вѣроятно, и пріѣзда не имѣла. Она даже и не *равнобожная*. Настоящій титулъ ея у Гомера — *честная нимфа* Калипсо (potnia), тотъ же самый, которымъ пользуются члены Нижней Палаты англійскаго парламента: *the most honourable*. Dîa, женскій родъ прилагательнаго dîos, происходитъ отъ Dîs, divs или zevs, что̀ по этимологіи значитъ собственно *дивъ*, *дивбогъ* (Юпитеръ). Dîa поэтому не что̀ иное какъ *юпитерная*. Слово это принималось въ двухъ смыслахъ: *юпитерный* значило, во-первыхъ, *дивный*, *чудный*. *отличный*, почти по тому же правилу какъ у насъ, отъ имени *чортъ*, который тоже диво своего рода, прилагательное *чертовскій* значитъ часто *удивительный*. Во-вторыхъ, *юпитерными*, dîos, значились у язычниковъ всѣ боги, герои, гиганты, нимфы, и люди отъ роду Юпитера, всѣ *зевсородные*. Какъ не справиться въ олимпійскихъ родословныхъ скорѣе чѣмъ прибѣгать къ явственно невозможнымъ переводамъ! Честна̀я нимфа Калипсо въ самомъ дѣлѣ была *зевсородная*, дворянка между нимфами. Она приходилась праправнучкою Юпитеру черезъ мать отца своего, гиганта Атласа, нимфу Азію, дочь Ѳетиды, замужемъ за Рѣкой-Океаномъ, и владѣла островомъ, который лежитъ

Digitized by Google

— говоритъ Гомеръ — *гдѣ - то у самаго пупа моря*—этакой мужикъ! — то есть, на самой срединѣ моря; а живетъ она, честная Калипсо, не по обычаю другихъ нимфъ, которыя прячутся по дикимъ и сырымъ пещерамъ, а *въ домахъ*, то есть, комнатахъ, кованныхъ въ скалѣ искусными мастерами, въ пещерахъ *глаженыхъ*, или, правильнѣе, *рѣзноглаженыхъ*, glafyrois, съ стѣнами и полами полированными, съ фризами, съ карнизами, съ рѣзными архитравами, какъ подобаетъ юпитерноі. Выраженіе *сидитъ какъ пупъ на срединѣ*, доселѣ употребляется въ восточныхъ просторѣчіяхъ съ отличнымъ эффектомъ краснобайства. Не странно ли, что и это выраженіе, *пупъ моря*, такое пошлое, было принято комментаторами и переводчиками за высокое поэтическое изобрѣтеніе, за вымыселъ Гомерова чуднаго воображенія, и удержано даже тѣми, которые старались придать «Одиссеѣ» тонъ высокопарный или, по-крайней-мѣрѣ, отлично учтивый и изящный. Признаться, этотъ «пупъ» торчитъ у нихъ очень неловко, между-тѣмъ какъ, рядомъ, они же, чтобы облагородить гусляра-Гомера и его пріятеля, кума Кроныча, не позволяютъ Юпитеру открыть засѣданіе совѣта боговъ, послѣ глубокаго раздумья о глупостяхъ людей, внезапнымъ восклицаніемъ: «Ба! ба! ба!....»

Ба! ба! ба! ну, ужъ какъ боговъ тлѣнные порочатъ!

Всѣ эти междометія и частицы какъ и прочія слова стиха, буквально, находятся въ подлинникѣ: poi poi (ба! ба!) — nû (ну) dê (ужъ) — hoî (какъ), и

Digitized by Google

изъ всего ихъ богатаго числа въ переводахъ удерживаютъ только одно *какъ*; прочіе выпускаются, или замѣняются болѣе бонтонными поэтическими словами. Вмѣсто *ба! ба!* ставятъ обыкновенно—*удивительно!*—или *странно!*... «Странно! какъ смертные о насъ богахъ дерзновенно судятъ». Зачѣмъ вы не хотите говорить просто, какъ говоритъ вашъ авторъ? Не узнаете, что-ли, восклицанія *ба! ба!* въ звукахъ ро! ро!—оттого что Греки, не знавшіе знаковъ препинанія, писали эти два звука въ видѣ одного слова—ророі. Между-тѣмъ латины это ророі передавали всегда двойнымъ восклицаніемъ ра! рае!—которое они также писали вмѣстѣ—рарае. Но ра! ра! донынѣ—восклицаніе южныхъ Итальянцевъ, въ точности соотвѣтствующее французскимъ bah! bah!—испанскимъ и арабскимъ vah! vah!—подобно тому какъ другое знаменитое этого рода восклицаніе Грековъ—babai! babai! (произноси va, vai! va, vai!) есть чистое восточное *вай! вай!*—наше *ай! ай!* Я знаю, какое возраженіе сдѣлаютъ тѣ, которыхъ учатъ или учили, какъ насъ училъ Готфридъ Готлибовичъ. Чтобы не допустить въ Гомерѣ такого неблагоприличнаго восклицанія каково *ба! ба!*, чтобы спасти торжественность поэзіи, достоинство эпопеи, они отъискали, что у *Дріоповъ* слово papaios, папа, батюшка, произносилось popoios, и что эти люди будто-бы называли иногда боговъ popoios, отцами—собственно, *батюшками*. А богинь - то?... И богинь Дріопы называли отцами или батюшками?... Да и какая же связь между уѣзднымъ выговоромъ

Digitized by Google

Дріоповъ, ро оіоі, и общимъ всего народа и всего языка восклицаніемъ роroі—произноси ро! роі!

Ну, а еслибъ и такъ? — все же, выйдетъ, что Юпитеръ въ засѣданіи боговъ, воскликнулъ — какъ деревенскій староста—

Э! батюшки!... ну, ужъ какъ тлѣнные-то боговъ порочатъ!

порочатъ! а не—*удивительно!* или *странно!*—или какъ нашъ наставникъ совѣтовалъ переводить и какъ многіе переводятъ: *О! боги!... о! отцы! какъ дерзновенно судятъ смертные о насъ!* Вѣдь тутъ были и богини. Юпитеру слѣдовало по - крайней-мѣрѣ начать учтиво съ—mesdames et messieurs!—сказавъ: *О богини и боги!...* или *о матери! о отцы!* Разбирая подобныя безсмыслицы, право, трудно получить чувство отличнаго уваженія къ проницательности коментаторовъ и критиковъ Гомера. Какъ его читали! какъ понимали! и какъ донынѣ переводили!... Но воротимся къ эѳиру. Мы видѣли семь различныхъ проявленій чистаго эѳира, Юпитера. *Семь*—число мистическое отъ этого.

Нѣтъ здѣсь ни нужды ни мѣста излагать, по случаю «Одиссеи», полную теорію многобожія въ томъ подробномъ видѣ, въ какомъ она, при нынѣшнемъ состояніи науки о древности, могла бы быть развитою. Знакомымъ съ миѳологіей уже изъ того, что̀ доселѣ сказано, открывается достаточный взглядъ на предметъ, и каждый можетъ самъ приложить постигнутое основное къ извѣстнымъ ему частностямъ. Мы укажемъ только на тѣ, которые будутъ намъ нужны впослѣдствіи.

Digitized by Google

Въ эѳирѣ, какъ сказано, заключались и темнота и свѣтъ, но свѣтъ рождается изъ тьмы.

На этомъ основаніи Темнота (въ символахъ Юнона) — сестра Эѳиру - Юпитеру, невидимому, вездѣ - разлитому Солнцу, супруга ему, и мать видимому Солнцу, или блестящему скопленію эѳира въ кругломъ видѣ для освѣщенія вселенной (въ символахъ Аполлону). Въ образахъ невидимаго свѣта и невидимой темноты Юпитеръ и Юнона раздѣляютъ между собою царство вселенной. Но Темнота, самое первобытное свойство эѳира, можетъ быть Темнота черная и Темнота бѣлая. Черная темнота, это— Ночь, особенное божество, какъ видимое проявленіе темнаго эѳира. Бѣлая мерцающая Темнота произошла черезъ сгущеніе незримой Темноты въ кругломъ видѣ и произвела Луну (въ символахъ Діану), по такому же точно порядку, какъ свѣтлоневидимый эѳиръ, сгустясь шарообразно, произвелъ Солнце. Юнона—луна невидимая, всюду разлитая; темнота еще не проявившаяся, въ подражаніе супругу своему Юпитеру, невидимому солнцу. Ночь—темнота видимая. Ночь и Луна — проявленія Темноты, какъ Солнце и дневной свѣтъ проявленія *свойства* Свѣтозарности эѳира. Темнота или Юнона въ отвлеченномъ видѣ—плодородіе, въ летучемъ — теплотворъ, въ жидкомъ—молоко, въ твердомъ—серебро, и такъ далѣе. Растительныя и животныя проявленія этой силы природы извѣстны каждому. Изъ этихъ подробностей понятны всѣ должности, которыя отправляетъ Юнона въ народныхъ легендахъ и въ сказаніяхъ поэтовъ. Въ символахъ, свойство Темноты быть черною и бѣлою,

Digitized by Google

проявляться лунным свѣтомъ, молокомъ и серебромъ или ночью и безцвѣтною теплотою, выражалось черною одеждою статуи, которой и лицо часто расписывали черною краскою, оставляя руки и плечи бѣлыми: въ богатыхъ статуяхъ онѣ бывали изъ слоновой кости. Вотъ начало прозвища Юноны—*Бѣлорукая*. Какъ всякій видитъ, это — не произвольный поэтическій эпитетъ, а религіозный терминъ, связанный съ высочайшимъ догматическимъ ученіемъ, но извѣстный тогда всѣмъ и каждому, общеупотребительный и простой какъ — здравствуйте.

То же самое должно разумѣть и о другихъ такъ-называемыхъ «эпитетахъ» Гомера.

Темнота и матерія смѣшивались въ этой теургической или богодѣльной философіи въ одно понятіе. Эоиръ — матерія неосязаемая или сила, темнота — матерія осязаемая и *растяжимая* — главный эпитетъ матеріи. *Отецъ даетъ силу, мать даетъ матерію:* такова была основная теорема. Въ латинскомъ языкѣ даже и самое слово materia, materies, произведено отъ слова mater. Отсюда Юнона, какъ матерія темная, осязательная, была естественною супругою Юпитеру, какъ силѣ или матеріи летучей, и почиталась *матерью* всего. Первое ихъ произведеніе—видимый свѣтъ, Солнце. Сила, матерія и произведеніе, или мужъ, жена и ихъ потомокъ, составляли всегда *тріаду*. Всякіе три бога, которые вслѣдствіе бо́льшей или меньшей связи между явленіями природы, въ нихъ выраженными, могли, по соображеніямъ теургическаго умозрѣнія, войти въ такое тройственное

Digitized by Google

сочетаніе, могли также и составить отдѣльную тріаду, необходимую для полученія храма и обрядовъ, гдѣ одинъ изъ трехъ боговъ получалъ главныя почести, а два другіе были только его сохранниками. Длинная іерархія боговъ раздѣлялась такимъ образомъ на безчисленныя тріады, которыхъ внутренній составъ и чинъ на небѣ не вездѣ бывали одинаковы, вслѣдствіе ранообразныхъ утонченностей богомудрствующаго умозрѣнія, отчего часто и происходятъ сбивчивости въ миѳологическихъ легендахъ насчетъ родства разныхъ боговъ между собою, особенно когда сказанія такого рода принадлежатъ различнымъ мѣстамъ.

Аполлонъ есть проявленное свѣтозарное свойство эѳира; невидимое солнце, ставшее видимымъ. Видимое солнце и его видимый свѣтъ, становясь, умозрительно, въ свою очередь невидимыми, изображаютъ науку, которой безсвѣтный свѣтъ незримо освѣщаетъ человѣческій разумъ, дѣйствуя черезъ эѳиръ души. Въ отвлеченномъ или метафизическомъ видѣ, Аполлонъ, какъ Солнце—вѣчно-юная краса природы; въ физическомъ, летучемъ — дневной свѣтъ, разливающійся въ воздухѣ, и, въ то же время, звукъ: есть очень основательные поводы думать, что по египетскому толку Гермеса Тревеликаго свѣтъ и звукъ почитались явленіями одного рода, и что опытнымъ доказательствомъ этого физическаго таинства служила Мемнонова Статуя, звучавшая отъ прикосновенія первыхъ *лучей* восходящаго солнца, или *солнечныхъ стрѣлъ*. Какъ свѣтъ и звукъ вмѣстѣ, Аполлонъ-Солнце-видимое—не только наука, но и поэ-

Digitized by Google

зія, и музыка. Можно ли, спрашивается, подобныя явленія означать собственными именами? Можно ли допустить, чтобы слово hêlios въ какомъ-либо случаѣ и для кого бы то ни было перестало значить—*солнце* и сдѣлалось собственнымъ именемъ, непереводимымъ *Геліосомъ*? Еще разъ: всѣ языческіе боги — простыя физическія явленія, и названія ихъ въ высшей степени переводимы — должны быть переводимы — иначе, измѣняется сущность вѣры древнихъ. Поэту съ счастливыми вдохновеніями, съ даромъ творить свѣтлыя слова, я бы даже присовѣтовалъ всѣ древнія миѳологическія названія выразить въ переводѣ звуками своего роднаго языка: аллегорическій разсказъ получилъ бы черезъ это для новѣйшаго читателя ту же прозрачность и замысловатость, которую имѣлъ онъ для древняго, когда каждое названіе боговъ представляло смыслъ въ его языкѣ: а мы еще стараемся отнять у нихъ и послѣднюю тѣнь смысла, превращая ихъ въ собственныя имена, и солнце высокопарно называя Геліосомъ! Мы—то есть, ученый и услужливый боннскій эллинистъ,—мы, лично, сколько въ насъ есть *марса* (физической силы, если угодно), никогда не напустимъ себѣ въ голову *такой ужасной юноны* — какъ сказалъ бы нѣкогда язычникъ — такой темноты, какъ говорится нынче, когда между Марсомъ и физической силою, между темнотой и Юноной, всякая связь исчезла для мысли.

Солнце *стрѣляетъ* лучами. Это ученіе выражено и въ прозваніи солнца, aktinobolos, *Лучестрѣлъ*, и въ другомъ прозвищѣ Аполлона hekobolos.

Digitized by Google

Дальнострѣлъ. Слѣды его сохранились донынѣ въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ языкахъ, напримѣръ, въ германскомъ Sonnenstrahl и въ русскомъ *лучъ*, состоящемъ въ тѣсной этимологической связи съ словомъ *лукъ*, который, въ символахъ, и давали въ руки Аполлону, для выраженія его *лучезарной* силы. Простонародныя легенды объясняли этотъ лукъ разными сказками. Жуки (скарабеи), рыжіе быки, соловей, лавръ, красная мѣдь, и прочая, принадлежатъ къ другимъ видамъ проявленій Аполлона какъ Солнца.

Быкъ Аполлоновъ — быкъ не простой, а очень умозрительный. Видимый *золотой* свѣтъ, Солнце, есть также и органическое животное начало, подобно тому какъ видимая бѣлая, *серебряная* темнота, Луна, есть начало растительное. Поэтому Аполлонъ и занимался въ молодости своей скотоводствомъ у царя Адмета, и быки Солнца, о которыхъ говорится въ «Одиссеѣ»—таинство очень важное, которое не должно принимать въ шутку. У русскихъ славянъ Аполлономъ или животнымъ началомъ, былъ Волосъ или Велесъ, *скотій богъ* по Нестору. Слово это имѣетъ и форму и окончаніе готское, Wolus. По скандинавской формѣ оно—Velir или Velr, извѣстный богъ *Вели*. Замѣтьте, что быкъ въ южной Россіи и во многихъ славянскихъ языкахъ называется *волъ*: тутъ есть игра звуковъ. Каламбуры играли дѣятельную роль въ символикѣ язычества. Извѣстно, какую необыкновенную философическую важность приписываетъ Аристотель *названіямъ вещей*: Аристотель въ этомъ случаѣ явился болѣе язычникомъ, чѣмъ

Digitized by Google

философомъ. Луна, торжественное, бѣлое проявленіе невидимой Темноты, которая въ то же время и темная матерія, hylê, Луна (Діана) — вмѣстѣ и растительное начало, а тамъ далѣе — и *лѣшая богиня* или богиня лѣсовъ, что̀ не обошлось безъ каламбура, такъ - какъ hylê въ то же время значитъ и *матерія* и *лѣсъ*. Въ символахъ Діаны встрѣчается другой каламбуръ: ей дана въ эмблемы собака и сама она стала богиней охоты, единственно на томъ основаніи, что hyleiô значитъ— *лаять*. Разумѣется, что у народа, въ языкѣ котораго названіе собачьяго лаю не представляло никакого звуковаго сходства съ названіями матеріи и лѣса, Діана-Луна не могла быть богиней охоты и имѣть собаки въ числѣ эмблемъ своихъ. Вотъ одинъ изъ главныхъ источниковъ разницъ въ наружныхъ изображеніяхъ боговъ и въ народныхъ легендахъ объ нихъ при всей одинаковости вѣры.

Кромѣ прозвищъ *Лучестрѣлъ* и *Дальнострѣлъ* есть Аполлону еще одно прозвище, *Вышеходъ* или *Высокоходъ*. Это прозвище надо такъ и оставить, не толкуя его словами—*высоко ходящій надъ нами богъ*, потому-что въ словѣ *Высокоходъ* дѣло идетъ не объ *насъ*, а о тропикахъ, о *высокомъ* зодіакѣ, объ этомъ звѣздистомъ *мостѣ*, перекинутомъ въ небесномъ пространствѣ отъ одного тропика къ другому, по которому Солнце разъѣзжало. Мы тотчасъ же приведемъ изъ Гомера доказательство, что высокохожденіе Солнца относится прямо къ высотѣ зодіакальнаго пути и къ тропическому поясу, гдѣ Солнце течетъ *выше* нежели во всѣхъ другихъ странахъ. Тамъ только оно и есть hyperiôn,

Digitized by Google

Высокоходъ или *Вышеходъ*, тамъ только ходитъ оно въ *вышнихъ*; въ другихъ земляхъ, гдѣ Солнце будто-бы ходитъ *подъ ними*, оно уже путешествуетъ въ *нижнихъ*, по чертѣ, наклоненной къ горизонту. Вотъ что говоритъ Гомеръ. Нептунъ отправился къ Черномазымъ (къ Эѳіопамъ), къ Неграмъ, *отвѣдать* принесеннаго ими стожертвія изъ быковъ и барановъ —

Къ Черномазымъ что на-двое живутъ—*крайніе* изъ всѣхъ людей они —
Тѣ—подъ закатнымъ *Вышеходомъ*, а другіе подъ восточнымъ.

То есть, тѣ—подъ западнымъ тропикомъ зодіакальнаго пути, проходящаго у нихъ *въ вышнихъ*, надъ ихъ головами, а другіе подъ восточнымъ, и потому они *крайніе*, какъ занимающіе два боковые *края* Земли. Вы видите, что въ этомъ одномъ прозвищѣ заключается цѣлая теорія небесной сферы. Вотъ чему древніе и удивлялись въ божественномъ Гомерѣ: въ простонародномъ, грубомъ разсказѣ гусляра они неожиданно встрѣчали всю ту мудрость, которую можно было узнать только въ Таинствахъ! Неосторожнымъ прибавленіемъ словъ *надъ нами*, вся эта мудрость, все это удивленіе, вдругъ уничтожаются. Скажите, какъ не удивляться! Простой іонійскій нищій знаетъ болѣе философовъ ученаго времени: онъ знаетъ о Неграхъ западнаго тропика, о жителяхъ устьевъ Конго, о Нигерѣ. Давно ли мы сами узнали объ этомъ?... Поэтому-то и думали, что Гомеръ бывалъ въ Египтѣ и тамъ выучился всей этой высокой мудрости, которая

Digitized by Google

у него проглядываетъ иногда, даже въ самыхъ незначительныхъ выраженіяхъ. Хорошій буквальный переводъ Гомера — дѣло нелегкое. Ученому боннскому эллинисту, который изъ *Солнца Выше-хода* дѣлаетъ *Геліоса высоко надъ нами* (!) *ходящаго бога*, едва-ли оно было по силамъ.

Разумъ считался за первое свойство эѳира; мудрость—за первое свойство разума. Это—Паллада или Минерва, выскочившая изо лба Эѳира-Юпитера, и это — первый отвлеченный видъ ея. Въ летучемъ видѣ — она воздухъ, въ жидкомъ — кровь, въ твердомъ желтая мѣдь, латунь, или бронза, въ животномъ — сова, одаренная, подобно мудрости, свойствомъ видѣть въ темнотѣ, и такъ далѣе. Какъ латунь была металломъ воинскихъ оружій, а мудрость въ жидкомъ видѣ есть кровь, то изъ соединенія мудрости въ жидкомъ и въ твердомъ (латунномъ) видахъ явственно происходитъ *кровопролитіе*, умозрительный каламбуръ, выражаемый въ символахъ воинскими доспѣхами Минервы, въ честь которымъ она и провозглашена въ миѳологіи, въ легендахъ, богиней войны. Каламбуровъ въ языческой религіозной философіи—множество, Аполлонова *стрѣльба* явственно происходитъ изъ такой игры звуковъ. Цѣломудріе Мудрости, или Минервы, которая и осталась старой дѣвою, основано также на каламбурѣ. Третій и самый замѣчательный каламбуръ подалъ поводъ къ избранію совы въ одинъ изъ образовъ проявленія Паллады: какъ воздухъ, она—небесная синева, и навѣрное русское слово *Синева* есть древнее языческое прозвище сѣверной Паллады. *Синева*, *Синяя-дѣва*

Digitized by Google

пролетѣла или *показалась изъ-за тучь*—выраженія удивительно гомерическія, и соотвѣтствуютъ вполнѣ выраженіямъ: *пролетѣла*, или явилась *синевидная Минерва*, glaukopis Athênê. Но glaukopis въ греческомъ языкѣ можетъ значить вмѣстѣ и *синевидная* и *сововидная*, смотря по корню, къ которому вы отнесете это слово, такъ-какъ glaukos значитъ *синій*, а glaux, въ родительномъ glaukos, *сова*. Прекраснымъ изслѣдованіемъ различныхъ окончаній ops и opis французскій академикъ Гель (Gail) доказалъ неоспоримо, что окончаніе это относилось въ греческомъ языкѣ не только къ *зрѣнію*, но и къ *лицу* и вообще къ наружному виду, и что слово glaukopis можетъ быть переводимо совершенно съ равною степенью правильности и *синеглазая*, или голубоглазая, и *синелицая*, и *синевидная* и, наконецъ, *сововидная*. Минерва, въ животномъ своемъ проявленіи, принимаетъ *видъ совы*, явственно для того, что *сововидный* и *синевидный*—одно и то же слово въ греческомъ языкѣ, glaukops, а Минерва и рождена *синевидною*, потому-что она прежде всего — *синева*, воздухъ. Оттого статую Минервы нерѣдко цѣликомъ окрашивали синимъ цвѣтомъ, именно небесно-синимъ; въ другихъ, одно лицо богини расписывали этою краскою; о цвѣтѣ же глазъ ея положительно ничего не извѣстно. Въ статуяхъ не-расписныхъ, остроумному скульптору стоило только посадить сову на голову бѣлой мраморной Минервѣ; остроумный аѳинскій зритель при *видѣ совы*, тотчасъ вскрикивалъ: «Да это Glaukopis!... наша родная *Синевидная*!... святая и чистая *Синева*!... воздухъ - божество!...» Послѣ этого,

Digitized by Google

не знаю, можно ли признать совершенно удачнымъ эпитетъ, принятый славнымъ русскимъ поэтомъ для этой богини — *свѣтлоокая* Минерва или Паллада. Вся языческая вѣра ниспровергнута этимъ словомъ. Безъ синяго цвѣта, безъ *Синевы* въ Минервѣ, нѣтъ Гомера. Новое и послѣднее доказательство, что эпитеты боговъ у него не поэзія, а философія; не вымыселъ, а религіозные термины, и что нельзя переводить ихъ произвольно или только приблизительно.

Можно сдѣлать одно сближеніе?.... Aithy - ops, *черно-видный* (эѳіопъ), мы говоримъ *черно - мазый*. Такъ Glauk-ops, *сине - видный*, слѣдовало бы ужъ по-русски сказать — *сине - мазый!*.... Скорые синемазая Минерва—а не свѣтлоокая. Ее такъ и *мазали* синькою. Это — не поэтически, но — правда. Я уничтожаю всю поэзію?.... Нѣтъ, я васъ переношу во времена язычества, въ вѣкъ Гомера. Тогдашніе люди были люди простые. Зачѣмъ дѣлать изъ нихъ романическихъ обожателей *голубыхъ очей?* Вы видите, что въ словѣ Aithy-ops (aithy, *черный*, ops, *видъ*), которое стоитъ рядомъ, Гомеръ думаетъ не о *черныхъ очахъ* Негровъ, а объ ихъ всей черной наружности. Какъ же послѣ этого въ словѣ glauk-ops (glauk, *синій*, ops, *видъ*) можетъ онъ говорить о *голубыхъ очахъ* богини, а не о всей ея синей наружности? Разсудите сами!

Что̀ Мудрости, Синевѣ - Минервѣ, очень по вкусу приходились каламбуры, мы имѣемъ тому примѣръ въ забавномъ каламбурѣ, который отпускаетъ она въ началѣ «Одиссеи» отцу боговъ. Юпитеру *Кронычу*. Извѣстно, что во всей древней

Digitized by Google

восточной Европѣ, отъ Пелопонеза до Скандинавіи, господствовало обыкновеніе чествовать знакомыхъ по имени и отчеству; почтенное, обыкновеніе, которое нынче одни мы, Русскіе, сохранили. Въ «Иліадѣ», Улиссъ, давая наставленіе дозору, который отправляютъ для обозрѣнія греческаго лагеря, положительно приказываетъ имъ быть со всякимъ учтивыми, ласкательными, всякаго называть по имени и отчеству. У Грековъ были два окончанія для отчествъ, одно — *идъ*, которое въ точности соотвѣтствуетъ нашему *ычъ* или *ичъ*, другое—*іонъ*, совершенно малороссійское *енко;* оба, какъ и наши *ичи* и *енки* были формами уменшительными, ласкательными, и, когда говорилось Кронидъ, *Кронычъ*, или Кроніонъ, *Кроненко*, равно означали—*Кроненокъ*, маленькій Кончикъ. Такъ же какъ въ нашемъ просторѣчіи, имя часто пропускалось, и говорилось коротко: Атридъ — *Атреичъ*, вмѣсто полнаго: Агамемнонъ Атридъ — *Агамемнонъ Атреичъ;* Кронычъ, вмѣсто *Зевсъ Кроновичъ*. Неужели, въ русскомъ переводѣ Гомера, мы, имѣя со временъ его точно такія же формы для отчествъ, напишемъ *Атридъ*, *Кронидъ*, слова чуждыя, слова для насъ такія же странныя какъ *мосье Жюпитеръ* или что-нибудь подобное, единственно потому, что у Нѣмцевъ такихъ формъ нѣтъ, и что они не умѣютъ перевесть ихъ?... Ахъ, это ужъ было бы болѣе чѣмъ уничтожать весь характеръ «Одиссеи»!... Рѣчь Мудрости, Минервы, хорошо понятая и вѣрно, чисто переведенная на подлинный русскій языкъ, эта рѣчь — прелесть прелестей! Какъ эта Мудрость—душой Гречанка!

Digitized by Google

какъ она льстива, ласкательна, хитра, когда ей нужно что-нибудь выпросить!... Ей хочется, чтобы Юпитеръ помиловалъ ея хитраго любимца, Улисса, или Одиссея; чтобы онъ не преслѣдовалъ его болѣе; и она подходитъ къ могучему Эоиру-невидимому солицу съ своей коварной греческой улыбкой, смягчаетъ голосъ, начинаетъ подобострастно — *Отецъ нашъ, Кронычъ!... высокодержавнѣйшій!..* потакаетъ ему, отзывается съ уваженіемъ о знатности ненавистной ей нимфы Калипсо, потому только, что она—юпитеродная, праправнучка Кронычу, ласкается, чествуетъ его *Олимпійскимъ*, что̀ значитъ не *Олимпіецъ*, не житель Олимпа, гдѣ живутъ всѣ боги, а высокопочитаемый въ язычествѣ *Юпитеръ Олимпійскій*, Юпитеръ имѣвшій въ городѣ Олимпіи храмъ и знаменитую статую, которой приписывали великія чудеса; говоритъ то—*Кронычъ!*—то *Кроненко!* — напоминаетъ о набожности къ нему Одиссея; наконецъ, чтобы разсмѣшить, и этимъ окончательно убаюкать угрюмаго небеснаго старосту, сочиняетъ для него забавный каламбуръ, котораго и передать нельзя, если мы имени *Одиссей* не замѣнимъ Сбѣгнѣвомъ или *Себягнѣвомъ:*

.....Ну, неужто у тебя такъ и
Не поворачивается нутро дорогое, *Олимпійскій!* Ну, неужто *Себягнѣвъ*
Тебя не потѣшилъ передъ ладьями Вѣлогречиновъ, святыню *(жертвы)* чиня
Во Троѣ во широкой *(равнинѣ)?*... Ну, что̀ ты на него такъ *разсебягнѣвился*, Кроненко?....

Послѣднее слово прибавилъ отъ себя Жуков-

Digitized by Google

скій, но — превосходно; совершенно — въ духѣ подлинника, хотя въ текстѣ находится только офиціальный титулъ, *Зевсъ*, потому-что размѣръ стиха не позволилъ Гомеру употребить формы подлиннѣе и понѣжнѣе. Odysseus — odyssaô.—*Сбыгнѣвъ—разсбыгнѣвшися*. Каламбуръ на-славу! Онъ исчезаетъ во всѣхъ переводахъ. Но непонятно, какъ переводчики, утверждавшіе, будто они знаютъ по-гречески, по этому уже одному не примѣтили, что характеръ поэмы—существенно шутливый, а не торжественный!...

Но пора приступить къ подстрочному переводу, который мы обѣщали. Имѣвшіе терпѣніе прочитать до-сихъ-поръ эти замѣчанія о философіи языческой вѣры, о разумѣ миѳологическаго языка, о различныхъ образахъ воззрѣнія на родъ и тонъ Гомеровой поэзіи, на употребительнѣйшіе способы переводить ее, вѣроятно, не станутъ сомнѣваться въ томъ, что въ буквальности нашей буква Гомера получитъ должное ей уваженіе, приличную внимательность, строгое соблюденіе порядка, тона и экпрессіи, и не претерпитъ произвольнаго толкованія. Если между этимъ переводомъ и стихомъ великаго русскаго поэта окажутся нѣкоторыя несходства, всѣ они будутъ, мы надѣемся, доказательствами его необыкновеннаго таланта, потому-что несходство въ смыслѣ и, главное, въ тонѣ—не его вина — онъ приведенъ былъ въ заблужденіе боннскою академическою манерою — а поэтическая красота такихъ уклоненій, прелесть изящнаго русскаго ихъ выраженія, принадлежатъ ему одному.

Digitized by Google

Муза, скажи мнѣ о томъ многоопытномъ мужѣ, который,
Про мужа поразскажи мнѣ, муза, превертливаго, который очень много

Странствуя долго со дня, какъ святой Иліосъ имъ разрушенъ,
Скитался, послѣ того какъ Трои святой городищко разрушилъ.

Многихъ людей города посѣтилъ и обычаи видѣлъ,
Многихъ-то онъ людей видѣлъ города, и разумъ узналъ!

Много и сердцемъ скорбѣлъ на моряхъ, о спасеньи заботясь
Да и многія-то въ душѣ терпѣлъ скорби на своемъ на ретивомъ,

Жизни своей и возвратѣ въ отчизну сопутниковъ; тщетные
Отстаивая и свою душу и возвратъ товарищей! *

Были однако заботы, не спасъ онъ спутниковъ: сами
А все-таки товарищей не спасъ, какъ ни старался!

Гибель они на себя навлекли святотатствомъ, безумцы,
Сами вѣдь отъ собственныхъ сумасбродствъ погибли,

Съѣвши быковъ Геліда, надъ нами ходящаго бога —
Дураки! Они поѣли быковъ Вышехода-Солнца,

День возврата у нихъ онъ похитилъ. Скажи же объ этомъ
А онъ, опять, у нихъ отнялъ возвратное днище! **

Что-нибудь, о, Зевсова дочь, благосклонная Муза.
Объ этомъ-то немножко, богиня Зевсовна, разскажи и намъ.

Всѣ ужъ другіе, погибели вѣрной избѣгшіе, были
Ну, вотъ ужъ всѣ другіе, которые ушли отъ знатной погибели,

---

* По-русски слѣдовало бы сказать: *Отстаивая и свою душеньку*.... но мы не хотимъ ставить уменьшительныхъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ въ подлинникѣ.

** *Возвратное днище*; настоящее русское выраженіе было бы — *возвратный денекъ:* но пусть останется все погомерову.

Digitized by Google

Дома, избѣгнувъ и брани и моря; его лишь разлукой
Дома былъ, избѣгнувъ войны, да и моря,

Съ милой женой и отчизной крушимаго, въ гротѣ глубокомъ
А то-то, знай, нуждавшаяся и въ возвратѣ и въ женѣ,

Свѣтлая нимфа Калипсо, богиня богинь, произвольной
Нимфа честная Калипсо задерживала, сестрородная меж бессмертными

Силой держала, напрасно желая, чтобъ былъ ей супругомъ.
Въ пещерахъ разнолаженныхъ, настаивал — быть ей мужемъ.

Но когда наконецъ обращеньемъ временъ приведенъ былъ
Но когда пришло лѣто, меня текучими годами,

Годъ, въ который ему возвратиться назначили боги
Въ которое разрѣшили ему боги домой плыть,

Въ домъ свой, въ Итаку (но гдѣ и въ объятіяхъ вѣрныхъ друзей онъ
Въ Итаку, хоть и тамъ не избѣгнуть-то ему раздоровъ

Все не избѣгъ отъ тревогъ), преисполнились жалостью боги
Даже съ друзьями своими: бог-то помиловалъ всѣ,

Всѣ; Посидонъ лишь единый упорствовалъ гнать Одиссея,
Кромѣ Нептуна; этотъ безостановочно бѣсновался

Богоподобнаго мужа, пока не достигъ онъ отчизны.
Противъ равнобожнаго Одиссея, пока онъ домой не пріѣхалъ.

Но въ то время онъ былъ въ отдаленной странѣ Еѳіоповъ
Да этотъ, почитай, къ Черномазымъ отправился-было дальножилымъ.

(Крайнихъ людей, поселенныхъ двояко: одни гдѣ нисходитъ
(Черномазымъ, что надвое живутъ — крайніе изъ всѣхъ людей они —

Богъ свѣтоносный, другіе гдѣ всходитъ), чтобъ тамъ отъ народа
Ты — почитай, подъ заходящимъ Выщеходомъ, а другіе — подъ восходящимъ)

Digitized by Google

Пышную тучныхъ быковъ и барановъ принять экатомбу.
Отъѣдать стожертвія изъ быковъ и барановъ;

Тамъ онъ, сидя на пиру, веселился; другіе-же боги
Тамъ-то онъ тѣшился, присутствуя при пиру; другіе же боги

Тою порою въ чертогахъ Зевесовыхъ собраны были.
Въ Зевса ведь хоромахъ Олимпійскаго собрались-было.

Съ ними людей и безсмертныхъ отецъ начинаетъ бесѣду;
Къ нимъ-то сказку началъ отецъ боговъ и людей;

Въ мысляхъ его былъ Эгистъ безпорочный (его же Атридовъ
Думалъ же въ ретивомъ объ Эгистѣ безстрашномъ, котораго, молъ,

Сынъ, знаменитый Орестъ умертвилъ); и о немъ помышляя,
Агамемноныч дальнославный убилъ. Орестъ *

Слово къ собранію боговъ обращаетъ Зевесъ Олимпіецъ:
Объ немъ-то призадумавшись, слово промолвилъ къ безсмертнымъ:

«Странно, какъ смертные люди за все насъ боговъ обвиняютъ!
«Ба! ба, ба!... ну, ужъ какъ тѣлѣнные боговъ порочатъ!

Зло отъ насъ, утверждаютъ они; но не сами ли часто
Отъ насъ, дескать, все зло есть; а сами-то вѣдь

Гибель, судьбѣ вопреки, на себя навлекаютъ безумствомъ?
Собственными сумасбродствами сверхъ суженаго горе себѣ наживаютъ **.

---

* Греческія частицы man и ga выражаютъ въ точности наше *почитай* и *молъ*. Men есть *мни, почитай, думай, знай*, родъ повелительнаго отъ mnaomai, *думаю, считаю*, а ga—*молъ*, такой же родъ сокращеннаго повелительнаго отъ старинnаго reô, *молвлю*. Частица gar есть составъ изъ ge, *же*, и того же ga или aga.

** Въ подлинникѣ *горе имѣютъ* или *горе держатъ*, но оба эти выраженія нейдутъ по-русски.

Digitized by Google

Такъ и Эгистъ: не судьбѣ ль вопреки онъ супругу Атрида
Вотъ какъ и нынче: Эгистъ, сверхъ сужденія на Атрѣича

Взялъ, умертвивши его самого при возвратѣ въ отчизну?
Помолвной супругѣ женился, да и его самого убилъ, домой возвращавшагося,

Гибель онъ вѣрную вѣдалъ; отъ насъ былъ къ нему остроокій
Вѣдая о знатной погибели — потому-что сказали ему мы сами,

Эрмій, губитель Аргуса, ниспосланъ, чтобъ онъ на убійство
Меркурія пославши мѣткоцѣла, аргусогубца *,

---

* Легенду объ Аргусѣ и Меркуріи очень трудно разобрать. Вѣрно это — пущенный въ народъ изъ Таинствъ миѳъ алхимическаго мистицизма, и оттого онъ такъ теменъ. Или можетъ-быть это—символическое истолкованіе теоріи цвѣтовъ, какъ понимали ее хранители сокровенной мудрости. Какъ и въ другихъ языческихъ символахъ, многое здѣсь должно рѣшаться каламбурами. Юпитеръ (эѳиръ въ твердомъ видѣ, золото) влюбленъ въ нимфу Io (ios — мѣдную зелень). Юнона (невидимая темнота въ твердомъ видѣ, серебро) приставляютъ къ ней стоглазаго сторожа Аргоса (argos—бѣлосеребряный цвѣтъ, серебристость, или бѣлая свинцовая соль, бѣлилы), который никогда не спитъ. Юпитеръ (золото) посылаетъ противъ него Меркурія (ртуть), которая обладаетъ даромъ открывать всѣ металлы въ земляхъ: отчего Меркурій — богъ сокровищъ, а по прозвищамъ своимъ или эпитетамъ—*пользодѣй*, но не «податель благъ», какъ названъ онъ гдѣ-то въ русскомъ переводѣ; даже просто — *полезный* Меркурій; *быстроногій посланецъ*, золота — Юпитера; шпіонъ золота, *соглядатай*, *тонкозоръ*, *мѣткоцѣлъ*, и такъ далѣе. Меркурій также, въ другомъ разрядѣ теургическихъ соображеній—горизонтъ, горизонтальный кругъ небесной сферы, раздѣляющій его на двѣ полу-сферы—верхнюю, или царство свѣтлаго эѳира, Юпитера, и нижнюю, царство темнаго эѳира, темноты, Юноны, а въ плотномъ видѣ, брата ихъ Плутона, или

Digitized by Google

Мужа не смѣлъ посягнуть и отъ брака съ женой воздержался.

Ни его не убивать, ни на сожительницу не свататься,
Месть за Атрида свершится рукою Ореста, когда онъ
Затѣмъ что отъ Атрѣича мщеніе будетъ, отъ Ореста,

земной толщи, самой темной и густой матеріи: отсюда Меркурій—переводчикъ душъ изъ царства свѣта въ царство тьмы. Но, въ этомъ символѣ своемъ, коренномъ и главномъ, Меркурій нейдетъ сюда: онъ тутъ—агентъ какого-то алхимическаго производства, дѣйствуетъ безъ сомнѣнія въ металлическомъ видѣ, а не въ отвлеченномъ и математическомъ. Онъ убиваетъ эту свинцовую соль.... или эту серебристость.... что̀ именно и какъ, одни алхимики могутъ объяснить удовлетворительно. Если это—символическое изложеніе какого-то оптическаго явленія или теоріи цвѣтовъ, то желтый цвѣтъ (Юпитеръ—золото) влюбленъ въ фіолетовый цвѣтъ (iodès, отъ io, ion, фіолка), а черный цвѣтъ (Юнона, темнота, серебро), который вмѣстѣ и бѣлый, потому-что бѣлый и черный—двѣ крайности цвѣтовъ и оба граничатъ съ темнотою, даже и въ Ньютоновой теоріи свѣта, черный цвѣтъ ревнуетъ къ фіолетову и наряжаетъ бѣлый цвѣтъ (argos) сторожить его; но желтый цвѣтъ посылаетъ красный цвѣтъ (Меркурія, ртуть, которой окись даетъ киноварь), и этотъ красный цвѣтъ убиваетъ бѣлый. Все это очень темно—но аллегорія легко можетъ относиться къ какому-нибудь оптическому фокусу, который помощью цвѣтныхъ стеколъ показывали въ Таинствахъ посвящаемымъ въ сокровенную мудрость. Цвѣтныя стекла извѣстны были глубочайшей древности: искусство ея въ этомъ издѣліи, особенно искусство египетское, превосходило даже наше нынѣшнее, а фокусники древніе были отличные, и естественная магія достигла въ Египтѣ и Греціи рѣдкаго совершенства. Теорія свѣта, цвѣтовъ, звука, были, равно какъ и алхимія, достояніемъ Таинствъ. Даже древніе трактаты о музыкальномъ звукѣ вообще наполнены эпизодами неразгадаемаго мистицизма, который явственно показываетъ происхожденіе этихъ теорій изъ святилищъ всего завѣтнаго.

Digitized by Google

Въ домъ свой вступить, возмужавъ, какъ наслѣдникъ, захочетъ». Такъ было

Какъ-скоро вырастетъ и наслѣдія своего потребуетъ.

Сказано Эрміемъ — тщетно! не тронулъ Эгистова сердца

Такъ и сказалъ Меркурій; да ушковъ сердца Эгистова

Богъ благосклонный совѣтомъ, и разомъ за все заплатилъ онъ».

Не склонилъ, добро толкуя: теперь же разомъ за все и поплатился!» *

Тутъ свѣтлоокая Зевсова дочь Аѳинея Паллада

Его же смѣнила затѣмъ богиня Сѵнева Минерва:

Зевсу сказала: отецъ нашъ, Кроніонъ, верховный владыка!

Отецъ нашъ, Кроновичъ!... высоковладѣтельнѣйшій!...

Правда твоя, заслужилъ онъ погибель, и такъ да погибнетъ

И весьма по-дѣломъ этотъ-то палъ погибелью!

Каждый подобный злодѣй! но теперь сокрушаетъ мнѣ сердце

Такъ да погибнетъ и всякій, кто таковов учинитъ!

Тяжкой своей судьбой Одиссей хитроумный; давно онъ

Но у меня объ Одиссеѣ боемыслѣ кручинится нутро,

Страждетъ, въ разлукѣ съ своими, на островѣ вѡлнообъятомъ

О несчастномъ, что̀ далеко отъ мобезныхъ бѡды терпитъ

---

* *Сказать сердцу въ ушки—сказать на ушко сердцу*—прелестныя выраженія, и теперь еще употребительныя въ восточныхъ просторѣчіяхъ и стихотвореніяхъ. Слѣдовало бы, для большей ясности мысли, сказать—*да рѣчью своей въ ушки Эгистова сердца не попалъ* — онъ — нашъ мѣткоцѣлъ—который Аргуса съумѣлъ убить! Шутка надъ Меркуріемъ. Юпитеръ трунитъ себѣ. Это исчезло во всѣхъ переводахъ. Не догадались, зачѣмъ Аргусъ выведенъ на сцену, зачѣмъ говорится о дарѣ Меркурія вѣрно прицѣливаться, потому-что не поняли фразы, относящейся къ *ушкамъ сердца*, frenas, которой смыслъ надо было знать изъ другихъ источниковъ.

Digitized by Google

Пучѣ широкаго моря, лѣсистомъ, гдѣ властвуетъ нимфа,
На островѣ на обливномъ, вдѣ-то у самаго пупа моря —
островъ деревесть; богиня же въ домахъ живетъ—

Дочь кознодѣя Атланта, которому вѣдомы моря
Дочь Атласа всезнахаря, который моря всею

Всѣ глубины, и который одинъ подпираетъ громаду
Бездны знаетъ и держитъ самъ-то столпы

Длинноогромныхъ столбовъ, раздвигающихъ небо и землю.
Длинные, что́ и море-то и землю кругомъ держатъ.

Силой Атлантова дочь Одиссея, лiющаго слезы,
Его-то дочь бѣдняжкѣ рыдающему задержку дѣлаетъ;

Держитъ, волшебствомъ коварно-ласкательныхъ словъ
объ Итакѣ
Все мягкими да сладкими рѣчами

Память надѣяся въ немъ истребить. Но, напрасно желая
Прельщаетъ, какъ бы Итаку забылъ. Опять же Одиссею,
который

Видѣть хоть дымъ, отъ родныхъ береговъ вдалекѣ выходящій,
Желаетъ хоть дымъ своей земли вструмившійся завидѣть,

Смерти единой онъ молитъ. Ужель не войдетъ состраданье
Смерть хочется (туда). Ну, неужто у тебя такъ и

Въ сердце твое, Олимпiецъ? Тебя ль не довольно дарами
Не поворачивается нутро дорогое, Олимпiйскiй? Ну, неужто
Одиссей (Себѣшнувъ)

Чтилъ онъ въ Троянской землѣ, посреди кораблей тамъ Ахейскихъ
Тебя не потышилъ передъ ладьями Бѣлогречиковъ, святыю
(жертвы) чиня,

Жертвы тебѣ совершая? За что́ жъ ты разгнѣванъ, Кронiонъ?
Во Троѣ во широкой? Ну, что́ ты на него такъ разсебѣшнувился, Кроненко?» *

---

* Въ подлинникѣ, просто *Зевсъ*. Мы поставили *Кроненко* только потому-что русскiй поэтъ поставилъ *Кронiонъ*, гре-

Digitized by Google

Ей возражая, отвѣтствовалъ тучъ собиратель Кроніонъ:
Ее смѣяся, промолвилъ Тучегалъ Юпитеръ:

Странное, дочь моя, слово изъ устъ у тебя излетѣло.
«Дитя мое! что это у тебя за рѣчь удрала изъ острога зубовъ!...

Я позабылъ Одиссея, безсмертнымъ подобнаго мужа,
Какъ же мнѣ, опять, Себѣшнева божьяго забыть?

Столь отличеннаго въ сонмѣ людей и умомъ и усерднымъ
Который и тѣлныхъ, знай, разумомъ перехитрилъ, и столько святыни (жертвъ) *богамъ*

Жертвъ приношеніемъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ?
Безсмертнымъ передалъ—что небо широкое держатъ?...

Мы здѣсь остановимся, на первый случай. Но мы будемъ продолжать нашъ подстрочный переводъ, избравъ любопытнѣйшія страницы изъ разныхъ мѣстъ поэмы. Искоренить убѣжденія, привыкшія думать по давно сказанному или въ предвзятыхъ идеяхъ, мы не надѣемся, да и не видимъ нужды. Но для тѣхъ, которые любятъ сближаться съ истиною безъ гордости и готовы разсматривать съ нею предметъ съ спокойнымъ любопытствомъ, для тѣхъ, смѣемъ думать, не останутся безполезными, и замѣчанія здѣсь изложенныя, и переводъ, такой какъ мы понимаемъ, при всемъ его несходствѣ съ тѣмъ какъ понимали другіе. Знаменитый русскій поэтъ самъ навѣрное не пренебрежетъ имъ совершенно, какъ матеріяльною данною, которую можетъ онъ употребить для

ческое уменьшительное тамъ, гдѣ, по первому праву русскаго перевода, слѣдовало бы русское.

Digitized by Google

усовершенствованія разныхъ мѣстъ своего прекраснаго труда. Напримѣръ, какъ жаль, что вся замысловатость безсмертной восточной притчи, вся соль и бойкость отвѣта, исчезли, по милости боннскихъ *штандпунктовъ*, въ четырехъ послѣднихъ стихахъ, особенно въ стихѣ, который буквально гласитъ—

Дитя мое! что̀ у тебя за рѣчь удрала изъ острога зубовъ—

и который можно было бы почти такъ же буквально перевесть—

Дитя мое! что̀ за рѣчь вырвалась у тебя изъ-за частокола зубовъ? —

потому - что употребленное въ подлинникѣ слово herkos значитъ и *острогъ*, и *укрѣпленіе*, и *частоколъ*, изъ котораго старинныя укрѣпленія и остроги состояли преимущественно. Стихъ этотъ — прелесть, если понять весь смыслъ его. А для этого нужно только знать или вспомнить древнюю какъ свѣтъ притчу, повторяемую доселѣ во всей Азіи и Греціи, приписываемую то Локману, то Эзопу, и въ которой содержится капитальное правило восточнаго благоразумія. По этой притчѣ, языкъ— первый врагъ человѣка, опаснѣйшій злодѣй его, и потому Богъ милосердый засадилъ его въ тюрьму—въ острогъ рта—который и обвелъ крѣпкимъ частоколомъ изъ кости, острыми зубами, для того, чтобы всѣ глупыя рѣчи языка содержались тамъ узниками и не перелѣзали черезъ этотъ спасительный заборъ. Притча эта воспроизведена въ Гомеровомъ стихѣ съ неподражаемою тонкостью и

Digitized by Google

ловкостью. *Узникъ изъ - за частокола удралъ* — а узники по притчѣ—глупыя рѣчи! Слѣдовательно Кронычъ, деликатно, сказалъ льстивой плутовкѣ Мудрости: «что это за глупость «вырвалась у тебя, «матушка!... а мудростью слывешь!... и изъ моей «еще головы на свѣтъ вылѣзла!...» Всѣ боги и богини должны были улыбнуться, при этомъ щелчкѣ Минервѣ, а слушатели гусляра Гомера навѣрное забрасывали его булками и мѣдными грошами, когда онъ читалъ имъ это—на-распѣвъ—выбивая тактъ на лютнѣ — какъ читались гекзаметры. Стихъ русской Одиссеи—

Странное, дочь моя, слово изъ устъ у тебя излетѣло —

безспорно прекрасенъ, звученъ, изященъ, но я, лично, предпочитаю, и вѣроятно многіе любители замысловатости древнихъ притчъ предпочтутъ вмѣстѣ со мною, стихъ первобытной Одиссеи—

«Дитя мое! что это у тебя за рѣчь удрала изъ острога зубовъ?

II.

Въ предъидущемъ разсужденіи о Гомерѣ, о характерѣ поэмъ, извѣстныхъ подъ его именемъ, о способахъ перелагать ихъ на новѣйшіе языки, о древней поэзіи, о религіи древнихъ язычниковъ, я можетъ-быть сказалъ, между-прочимъ, кое-что такое, чего еще не говорили другіе—собственно, чего другіе еще не успѣли сказать. Я очень сожалѣю. Другіе сказали бы со временемъ лучше и обстоятельнѣе. Но этому преступленію—какъ оно

Digitized by Google

ни длинно — есть нѣкоторыя извинительныя обстоятельства.

Было время — еще весьма недавнее — когда европейская эрудиція, когда вся наша великая ученость, черезъ которую мы прослыли между собою «просвѣщенными народами» и овладѣли правомъ презирать три остальныя части свѣта какъ погруженныя въ мракъ невѣжества, состояла исключительно въ знаніи, уразумѣніи, сводкѣ и истолкованіи того, что̀ сказали Греки и Римляне— главное, Греки, учители Римлянъ, нашихъ учителей. Всѣ наши знаменитыя идеи, всѣ мудрые выводы или глубокомысленныя догадки, вся домашняя слава наша по высокому разуму и образованію, процѣстекала изъ этого источника. Кругъ ученыхъ соображеній не простирался шире и далѣе, и въ его-то завѣтной чертѣ создались, выросли и укрѣпились всѣ нынѣшнія понятія Европы объ этихъ предметахъ.

Пока мы читали однихъ Грековъ и ихъ учениковъ, пока изъ ихъ случайныхъ разсказовъ, изъ ихъ всегда неполныхъ и односторонникъ показаній, отрывистыхъ словъ, неясныхъ намековъ, извлекали всѣ наши свѣденія о древности, понятія эти были очень естественны. Мы могли ошибаться, но ошибались на законномъ основаніи: далѣе Грековъ ничего не было видно въ туманѣ давно былаго времени. На всѣ наши вопросы откликивались одни только ихъ голоса.

Это было еще такъ недавно, что между тою эпохою и нами едва успѣли пролетѣть двѣ холерки.

Но съ-тѣхъ-поръ обстоятельства чрезвычайно

Digitized by Google

измѣнились. Послѣднее двадцати-лѣтіе нанесло чувствительный ударъ старинной учености. Пришлось всему переучиваться, переправлять почти всѣ свои свѣденія, перестанавливать понятія по другому порядку, бросить прежнія точки зрѣнія и вновь учиться смотрѣть, съ другихъ сторонъ и другими глазами. Многимъ, конечно, еще не хочется; да не отъ нихъ зависитъ остановить ходъ дѣла; не они, такъ другіе за нихъ увидятъ, что̀ стало ясно вопреки общепринятымъ ученіямъ. Старая эрудиція оказалась ложною ученостью, какъ-скоро новый духъ историческихъ изслѣдованій, отрекаясь отъ исключительности классическихъ авторитетовъ, съ жаромъ принялся повсемѣстно за раскрытіе памятниковъ и преданій всѣхъ странъ, всѣхъ языковъ, всѣхъ племенъ земли. Цѣлые міры, зарытые, забытые, неподозрѣваемые, вышли вдругъ наружу. Масса новыхъ свѣденій, новыхъ фактовъ, новыхъ данныхъ, новыхъ способовъ повѣрки и сравненія понятій, добытая въ эти двадцать лѣтъ общимъ усиліемъ изслѣдователей разныхъ европейскихъ народовъ, неимовѣрна. Если взять ее въ цѣломъ объемѣ, на всѣхъ языкахъ и по всѣмъ отраслямъ, то своей огромностью и своимъ разнообразіемъ она въ состояніи изумить воображеніе даже тѣхъ, которые, имѣвъ случай, возможность, или терпѣніе слѣдовать за постепеннымъ ея накопленіемъ и сами, доселѣ безъ большаго труда, записывали въ памяти эти открытія по мѣрѣ ихъ полученія. А въ цѣломъ объемѣ и брать ихъ надо, непремѣнно, когда дѣло идетъ объ употребленіи, полезномъ для исторической

Digitized by Google

истины: взятыя отрывочно, съ одной, двухъ или болѣе отдѣльныхъ отраслей, какъ донынѣ брали ихъ обыкновенно, они только вовлекаютъ неосторожныя воображенія въ ложные выводы и скорѣе опасны чѣмъ полезны для исторіи. Благодаря прекрасному усердію новѣйшаго изслѣдовательнаго трудолюбія, пекущемуся о сближеніи, обмѣнѣ и доступности плодовъ ученыхъ предпріятій, средства къ соображенію ихъ въ цѣломъ удивительно облегчены или ежедневно облегчаются болѣе и болѣе.

Разумѣется, что нынче, когда мы такъ же свободно какъ «Парижскія Тайны» или чудныя дѣянія Монте - Кристо, рядомъ съ тайнами Грековъ и Римлянъ читаемъ тайны древнѣйшихъ Египтянъ и Китайцевъ, Скандинавовъ и Индійцевъ, Германцевъ и Монголовъ, Славянъ и Этрусковъ, Аравитянъ и Финновъ, Персовъ и Финикійцевъ, Турковъ и Англосаксовъ, тайны буддистовъ, езидовъ, друзовъ, кружащихся дервишей, тайны Вей, Экватаны, Ниневіи, Вавилона, Мемфиса — когда читаемъ все это вмѣстѣ, вдругъ, въ подлинныхъ памятникахъ, изваянныхъ и писанныхъ — и можемъ все сравнивать, провѣрить, сообразить одно съ другимъ — разумѣется, что мы должны понимать вѣру древнихъ язычниковъ нѣсколько иначе, нежели какъ понимали ее, читая однихъ только Грековъ и Римлянъ. Это совершенно простительно.

Сами Римляне и Греки, которыхъ намъ удалось застать врасплохъ подъ землею, въ ихъ городахъ, гостиныхъ, спальняхъ, храмахъ, могилахъ, сказали намъ о себѣ, въ эти двадцать лѣтъ, утро-

Digitized by Google

ившія число извѣстныхъ памятниковъ, гораздо болѣе любопытнаго и достовѣрнаго, нежели сколько сказано было въ ихъ изорванныхъ книгахъ. Слѣдовательно, есть возможность нынче предложить о древности кое-что не старое, не избитое, не затасканное гелертерскими *бейтрагами*. Въ этомъ нѣтъ никакого преступленія—даже ничего удивительнаго: столько предстоитъ сказать о древнемъ мірѣ новаго, что самые великіе ученые не успѣваютъ всего высказать вдругъ и по нѣкоторымъ вопросамъ могутъ быть, случайно и смиренно, опережены самыми малыми.

Если бы непремѣнно нужно было привесть поразительный примѣръ того, какъ ложно иногда понимали мы древность при всемъ искусствѣ нашемъ объяснять ее помощью греческихъ и латинскихъ текстовъ, которые такъ превосходно были разобраны прежнею нашей ученостью—что ближе къ дѣлу какъ примѣръ *одноцвѣтности* греческихъ храмовъ и статуй, примѣръ этой восхитительной простоты древняго искусства, выражавшаго въ архитектурѣ все изящество, въ скульптурѣ жизнь и всѣ ея страсти, однимъ только цвѣтомъ — снѣжною бѣлизною пентеликскихъ и паросскихъ мраморовъ и слоновой кости, или желто-зеленымъ отливомъ бронзы? Какъ мы восхищались этой простотой! какъ усердно старались подражать ей!... Одноцвѣтность! одноцвѣтность! кричали мы: безъ *одноцвѣтности* нѣтъ искусства! Она была внесена во всѣ наши трактаты о прекрасномъ. Не нужно пестроты! Греки и Римляне, вѣчные образцы вкуса и изящества, ненавидѣли

Digitized by Google

ее. Посмотрите на ихъ храмы, на статуи боговъ ихъ: прелесть прелестей!... а все это бѣло — ни пятнышка на мраморѣ. Чѣмъ чище, чѣмъ одноцвѣтнѣе былъ камень, тѣмъ дороже платили они за него: такъ строго соблюдали простоту!...

И что же оказалось въ это двадцати-лѣтіе? Простота, насъ восхищавшая, была.... разбой времени, который своей опустошительной рукою стеръ съ этихъ стѣнъ и статуй всѣ блестящія краски и позолоту, и оставилъ ихъ одноцвѣтными, для нашихъ классическихъ восторговъ. Все это, когда ново, было расписано, раззолочено — пестро — ярко—богато.

Какъ?... и эти драгоцѣнные бѣлые мраморы были покрыты красками? и слоновая кость? и бронза?... Къ какой же стати употреблять такіе дорогіе матеріялы?

Да! и слоновая кость, и бронза, бывали раскрашиваемы разноцвѣтно, чтобы вѣрнѣе изобразить жизнь. Расписанныя и раззолоченныя статуи еще иногда одѣвались въ порфировыя мантіи, въ настоящія платья. А къ какой стати употреблялись на это такіе дорогіе матеріялы? — Изъ набожности!... на основаніи эѳирной теоріи! Языческій фанатизмъ ничего не жалѣлъ для своихъ боговъ: тѣло ихъ, въ статуяхъ, для достоинства олимпійскихъ существъ, должно было состоять изъ веществъ, почитавшихся за отвердѣнія эѳира почти такъ же чистаго какъ эѳиръ, изъ котораго состояли сами боги. И для этого брали самые бѣлые мраморы, безъ пятенъ и изъяну, смѣси самыхъ благородныхъ металловъ; что нисколько не мѣшало рас-

Digitized by Google

крашивать наружность того же тѣла подъ живые цвѣта для показанія небесной красоты божества. Народъ аѳинскій, въ пылу своей благодарности къ покровительницѣ города, Минервѣ, заказалъ у знаменитѣйшаго изъ греческихъ скульпторовъ колоссальную статую ея всю изъ золота и слоновой кости, какъ веществъ, представляющихъ самый чистый эѳиръ и единственныхъ достойныхъ богини: и наврядъ-ли они еще не пошли подъ краску. Стѣны храмовъ, изъ благоговѣнія къ богамъ, строили также, когда могли, изъ самаго чистаго, бѣлаго камня: и стѣны эти для пышности дому божества, расписывались еще всѣми цвѣтами; каждая архитектурная часть бывала покрыта другою краскою.

Какъ же? и древніе въ своихъ книгахъ, ничего не сказали намъ объ этомъ своемъ обыкновеніи?...

Ничего! Видно, считали это вещью такою общеизвѣстною, что и рѣчи заводить о ней не стоитъ. Можетъ-статься, гдѣ-нибудь въ литературѣ, и говорили они объ этомъ подробно, но вѣдь до насъ дошли только ея обломки. Впрочемъ, кое-что намекнули они мимоходомъ и въ тѣхъ оборванныхъ книгахъ, которыя чудомъ спаслись отъ варварства среднихъ вѣковъ, но мы не понимали этихъ намековъ — не хотѣли понимать — не предполагая у нашихъ идоловъ такого страннаго вкуса—пока не нашли, случайно, слѣдовъ красокъ на ихъ скульптурахъ и даже подлиннаго разсчета ихъ съ малярами за окраску одного изъ знаменитѣйшихъ храмовъ. Съ той минуты всѣ темныя упоминанія стали для насъ ясны: растолковавъ

Digitized by Google

ихъ превосходно, по всѣмъ правиламъ критики, мы замѣнили, въ теоріяхъ нашихъ о прекрасномъ. слова *изящная одноцвѣтность древнихъ* словами—*ихъ изящная многоцвѣтность*, или *полихромія*, какъ говорится нынче — простоту прогнали изъ искусства какъ нелѣпую выдумку классицизма, не умѣвшаго читать греческихъ текстовъ съ приличною проницательностью, и—вотъ ужъ тринадцатый годъ какъ, чтобъ быть порядочнымъ Грекомъ, надо размалевать свой домъ снаружи и внутри, свои столы, стулья, кровать, всѣми цвѣтами радуги — чѣмъ ярче и пестрѣе, тѣмъ древнѣе и изящнѣе—что у новѣйшихъ маляровъ и называется: *въ помпейскомъ вкусѣ*.

Такова исторія греческой простоты, которая, однакожъ, такъ ясно и неопровержимо была нами доказана тамъ, гдѣ ея вовсе не существовало, гдѣ напротивъ господствовала изысканная пышность—въ древнемъ искуствѣ.

Что жъ мудренаго, послѣ этого, если въ древней поэзіи, при такой вѣрности нашихъ понятій, если въ первобытной поэзіи Гомера, мы наоборотъ видѣли изысканную пышность тамъ, гдѣ заключалась величайшая, самая ветходревняя простота, и даже пошлость? Ошибка такъ естественна, что и сердиться нельзя на себя за недогадливость. Она гораздо извинительнѣе предположенія объ одноцвѣтности и простотѣ въ искусствѣ, противъ которыхъ давно уже имѣлись доказательства, не принимаемыя въ уваженіе единственно изъ ученаго упрямства. Торжественность и благородство гомерической поэзіи — опять дѣйствіе коварнаго

Digitized by Google

времени, котораго рука, стирая краски и позолоты съ мраморовъ великихъ владѣтелей богатой и роскошной эпохи, заодно стерло и площадную грязь со словъ древнѣйшаго поэта-гусляра: слова, выраженія и обороты, самые пошлые, поровнялись въ достоинствѣ съ самыми изящными для инородныхъ и позднихъ читателей, и даже получили на нашъ глазъ особенный отливъ рѣдкости, необычайности, отъ котораго они кажутся еще красивѣе, еще выше обыкновенныхъ изящныхъ словъ, выраженій и оборотовъ, встрѣчаемыхъ нами въ литературномъ языкѣ греческихъ писателей.

Въ чужомъ языкѣ, даже современномъ, всѣ слова кажутся намъ одинаково изящными и благородными. Всѣ мы, на Руси, говоримъ или читаемъ по-французски: но многіе ли изъ насъ въ состояніи судить, что̀ такое хорошій и что̀ дурной французскій слогъ? Всякій французскій слогъ кажется намъ, *обыкновенно*, лучше русскаго, потому - что мы не чувствуемъ относительной пошлости и неуклюжести разныхъ словъ и оборотовъ въ чужомъ языкѣ, такъ живо и рѣзко какъ въ своемъ родномъ, гдѣ каждый оттѣнокъ примѣтенъ, каждая бездѣлица сильно насъ поражаетъ. Сказать по совѣсти—не критикуя никого—въ нашемъ французкомъ разговорѣ мы съ удовольствіемъ повторяемъ слова и фразы очень низкаго разбора, подхваченныя гдѣ - нибудь въ безвкусной книгѣ или дурной бесѣдѣ, и считаемъ ихъ даже несказанно изящными, потому - что они рѣдко слышатся или случайно только попадаются.

Къ этому акустическому прельщенію со сторо-

Digitized by Google

ны чужихъ языковъ, дѣйствующему такъ обманчиво на слухъ по одной только отдаленности мѣста, прибавьте еще большое разстояніе времени: тогда всякая рѣчь покажется вамъ, при малѣйшей склонности къ энтузіазму и, особенно, при непривычкѣ обращаться съ языками, въ высшей степени колоссальною и торжественною, будь она самая простая, самая обыкновенная въ свое время и на своемъ языкѣ. Снаровка различать тоны и оттѣнки иностранныхъ рѣчей и относительныя достоинства ихъ словъ — достояніе немногихъ людей и добывается не иначе изученіемъ большаго числа разнородныхъ языковъ, вовлекающемъ неизбѣжно въ безчисленныя и безпрестанныя сравненія. И эти люди никогда не переводятъ. Переводятъ тѣ, которые знаютъ малое число языковъ и—слѣдовательно—мало знаютъ что̀ такое языки. Оттого, всѣ переводы Гомера существенно ложны.

Римляне точно такъ же говорили нѣкогда безъ всякой нужды, изъ одного благовоспитаннаго тщеславія, по - гречески, какъ мы Русскіе говоримъ нынче по-французски. Они-то первые своимъ удивленіемъ всему греческому, которое сіяло имъ въ глаза ослѣпительными прелестями моды, сбили всѣхъ съ толку въ оцѣнкѣ рѣчи Гомера — не только иностранной для нихъ—не только бывшей уже очень древнею — но еще, напослѣдокъ и въ заключеніе, сдѣлавшейся священною. При возрожденіи наукъ въ Европѣ все это превратилось въ ученый энтузіазмъ и школьное суевѣріе. Сколько поводовъ къ обману! Сколько причинъ къ промахамъ! Состоялся ложный вѣковой при-

Digitized by Google

говоръ, и самые свѣтлые умы добродушно ему подчинялись.

Все это—оправдательные пункты для того необычайнаго перевода «Одиссеи», который осмѣлился я предложить, какъ ближайшій смысломъ и тономъ къ подлиннику, по моему убѣжденію—если угодно, по моему чувству гомеровскаго греческаго языка. Чувства этого, разумѣется, передать нельзя: оно—существенно личное; но можно, приблизительно, дать понятіе объ его происхожденіи и даже показать возможность нѣкоторой его основательности.

«Ближайшій смысломъ и тономъ къ подлиннику», сказали мы объ этомъ безпритязательномъ на изящество переводѣ: но — въ моемъ понятіи о дѣлѣ — онъ еще очень невѣренъ, далеко не производитъ на русское ухо того умственнаго дѣйствія, не говоря уже о музыкальномъ, какое производилъ подлинникъ на слухъ современнаго земляка Гомерова. А до этого - то дѣйствія и нужно добиться въ настоящемъ буквальномъ переводѣ.

Что̀ такое для насъ, спрашиваю, слова—*Муза*—*Зевсъ* — *Паллада* — *Аѳина* или *Аѳинея* — *Эрмій* — *Посидонъ* — *Аидъ* — *Калипсо* и тому подобные? Ничего; техническіе термины; чужестранныя собственныя имена; мертвые звуки; дикія слова безъ природнаго значенія; диссонансы съ нашею отечественною рѣчью, не возбуждающіе въ насъ своими слогами никакого непосредственнаго ощущенія. Для нашего уха, въ нихъ нѣтъ ни рисунка, ни колорита, ни выпуклости — ничего ни толковаго, ни безтолковаго — никакой замысловатости и ни-

Digitized by Google

какого безсмыслія: они — рѣшительно пустой голосъ, лишняя тяжесть для слуха, и только. Но тѣмъ ли они были для греческаго уха? О! нѣтъ. Для Грека, каждое изъ этихъ словъ, кромѣ значенія *священнаго*, которое мы нынче должны и можемъ кое-какъ замѣнить значеніемъ *ученымъ*, имѣло еще непосредственное звуковое значеніе, брызжущее въ умъ прямо изъ роднаго языка. При всей привычкѣ почитать слова Zevs, Dios, Dîs, Mousa, Pallas, собственными именами, могъ ли онъ, Грекъ, произнося Zevs или Zav, Dîs или Dios, забыть свои родные слова *zaô*, *zoô*, *zê*, и не чувствовать того, что Zevs значитъ собственно *живъ*, *живо*, а Dîs вмѣсто Divs, значитъ *дивъ*, *диво*, и dios—*дивный*?....

Мало этого: когда, произнесши Zevs, или, какъ мы говоримъ, *Зевесъ*, въ именительномъ падежѣ, ему нужно было употребить то же самое слово въ родительномъ, онъ чувствовалъ тутъ же, что — грѣхъ сказать Zevos, *Зевеса*. Онъ зналъ, что священный обрядъ его вѣры запрещаетъ измѣнять черезъ склоненія непоколебимое, неприкосновенное слово *Живъ* (у нѣкоторыхъ Славянъ *Живе*) или *Живбогъ*, какъ мистическое изображеніе вѣчнаго и неизмѣннаго жизненнаго начала вселенной: Юпитеръ-Эѳиръ, въ отвлеченномъ видѣ, *жизнь*, сказали мы уже. Онъ вспоминалъ, что *Живъ* или *Живе* (Zevs) въ родительномъ и другихъ падежахъ говорится благоговѣйно: *дива*, *диву*, *дивомъ* или *дивбогомъ* (Dios, diô, etc.). Да можно еще сомнѣваться, произносили ли Греки-язычники когда-либо и въ разговорѣ или чтеніи слово Zevs, даже

Digitized by Google

и въ именительномъ падежѣ. Полно, не выговаривали ль они Dîs тамъ, гдѣ у нихъ было написано Zevs, а Di, гдѣ стояло Zev? не поступали ли съ этимъ мистическимъ словомъ точно такъ же, какъ Египтяне со словомъ *Осирн*, которое, всякій разъ, какъ оно встрѣчалось въ письмѣ, изъ почтенія было замѣняемо простымъ рѣченіемъ Rhe, *царь?* какъ Евреи-талмудисты, которые донынѣ, при чтеніи Библіи, всюду гдѣ выставлено таинственное слово Iehwa, *Сущъ*, произносятъ вслухъ Adonai, *Господь?* Но положимъ, что въ именительномъ Греки произносили Zevs, *Живъ*, *Живбогъ* или *Живе:* все же весьма замѣчательны — и благоговѣніе ихъ передъ этимъ словомъ, неизмѣннымъ въ языкѣ какъ неизмѣненъ самый законъ жизненнаго начала въ природѣ — и живописный обычай склонять: *Живъ*, *дива*, *диву*, *дива*, *о! Живъ*, *дивомъ*, *въ дивѣ*? Можно ли выпустить такое важное поэтическое обстоятельство въ переводѣ Гомера? И можно ли дать объ немъ понятіе, сдѣлавъ изъ слова *Зевсъ* непереводимое собственное имя?

Когда же, скажите, слово, значащее *богъ*, на какомъ-нибудь языкѣ почиталось собственнымъ именемъ?

Оно во всѣ времена и во всѣхъ религіяхъ было переводимо съ одного языка на другой. А въ такомъ случаѣ, согласитесь, и *боги*, и всѣ названія *боговъ* — не собственныя имена! Это — названія различныхъ свойствъ общаго бога, и они — радикально, слова, подлежащія переводу. Зачѣмъ же употреблять пустой и дикій для насъ звукъ *Зевесъ*, когда можно такъ удобно сказать

Digitized by Google

Живъ, *Живбогъ* или *Живе*, въ именительномъ, а въ другихъ падежахъ — *дива*, *диву*, или *дивбогу*, и произвесть въ читателѣ поэтическое ощущеніе картины тѣхъ отдаленныхъ временъ, чувствъ и понятій? Невѣроятно, чтобы у славянскаго *Живе*, что̀ значитъ *живетъ*, былъ свой собственный родительный падежъ: быть-можетъ, наши язычники, въ родительномъ, говорили *перуна*, то есть грома, сказавъ въ именительномъ мистически: *Живе* — наподобіе греческаго мистическаго склоненія Zevs, dios, diô, и прочая.

Но оставимъ Перуна: будемте держаться буквальнаго смысла греческихъ названій боговъ. Спрашиваю: тотъ же ли смыслъ, та же ли картина предстанетъ передъ воображеніе новѣйшаго читателя, если я ему напишу — *вотъ такую-то рѣчь держалъ Зевесъ; а ему на смѣху промолвила голубоокая Аѳинея Паллада* и прочая, или если я, переводя буквально эти названія на родные звуки моего языка, *вотъ*, скажу: *такую-то рѣчь держалъ Живе* или *Живбогъ*, *а Диву на смѣху промолвила Синева Невидимка....* или *Синь-Дѣва: О! Живбогъ, ну, что ты на Сбѣгнева, грабимысла, главнаго напѣздника, такъ разебѣгнѣвился, Временко!... отецъ нашъ!... высокодержавнѣйшій!...* и прочая. Все ли равно для поэзіи — разговоръ между какимъ-то безсмысленнымъ *Зевесомъ* и его дочкою *Аѳинеей Палладою*, или разговоръ между Жизнью, всемірнымъ жизненнымъ началомъ, и *синимъ* по цвѣту, но вмѣстѣ съ тѣмъ *незримымъ* рычагомъ жизни, Воздухомъ, *синевой-невидимкой*, чистой *синь-дѣвой*, или *синей дѣвственницей*, glaukopis

Digitized by Google

Athênê, Pallas?... Вѣдь читая эти слова у Гомера, Грекъ, его землякъ, даже и не-язычникъ, невольно чувствовалъ, что, какъ Zevs, *Живъ*, какъ glaukops, *сине-вная*, точно такъ же A-thê-nê—слогъ въ слогъ значитъ въ языкѣ *Не-зри-ня*, невидимка, а Pallas — значитъ *дѣвственница*, дѣва, и что дѣло разбирается здѣсь не между какими-то нездѣшними лицами, имѣющими свой чинъ, имя и фамилію, а между *яснымъ* Животворнымъ Началомъ и его орудіемъ, *синимъ* Воздухомъ, который они многобожники олицетворяютъ въ образѣ *чистой дѣвы синяго цвѣта?* Вѣдь о Pucelle d'Orléans мы говоримъ: Орлеанская *Дѣвственница?* Зачѣмъ же одна Pucelle у насъ *Дѣвственница*, а другая *Паллада?* Есть ли тутъ логика? — Вопіющая несообразность употребленія греческихъ названій боговъ въ русскомъ переводѣ греческой поэмы бросается въ глаза уже изъ этого перваго примѣра. Римляне, обязанные вѣрою чтить мистическіе термины ея, въ латинскомъ переводѣ замѣнили бы всѣ эти названія непремѣнно своими отечественными словами: какъ же мы-то, незваные и ничѣмъ неповинные, стали такіе низкопоклонные рабы гомерическаго язычества, что не смѣемъ тронуть прозваній его идоловъ и переносимъ въ свой языкъ эти странные звуки цѣликомъ, свято и ненарушимо, съ попраніемъ всѣхъ правъ поэзіи, которая вездѣ требуетъ картинности, и правъ здраваго смысла, который говоритъ, что ни общее *божество*, ни его частныя *свойства*, какія бы они ни были и сколько бы ихъ не предполагалось, не могутъ никогда быть означаемы словами безъ

Digitized by Google

положительнаго значенія въ языкѣ, каковы собственныя имена, особенно иностранныя?

Возьмемъ первыя слова «Одиссеи»: *О мужъ поразскажи мнѣ, Муза....* Благодаря присутствію этой *Музы*, обезславленной нашимъ уродливымъ классицизмомъ, начало древней поэмы не только не поэтическое, но даже смѣшно для нашего уха. Этотъ мертвый безсмысленный иноземный звукъ, кромѣ скучныхъ воспоминаній, не представляетъ ничего ни сердцу, ни воображенію. Не такимъ-ли было слово mousa для Грека, въ языкѣ котораго mousoô значило *мусикійствую*, *пою и играю* вмѣстѣ, веселюсь, потѣшаюсь? Нынѣшнее наше выраженіе *Вокальная артистка* довольно вѣрно изображаетъ древній смыслъ слова *Муса*: но оно неуклюже и, кромѣ того, иностранное. Слово *Пѣвица* недостаточно — развѣ согласиться, что оно будетъ принимаемо въ строгомъ артистическомъ значеніи. Въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ существуетъ старинное слово — *Спѣвана*, которое, конечно, было бы живописнѣе слова *Пѣвица*. Но, первоначально, слово Mousa, явственно, вышло изъ сирійскихъ языковъ: форма его — совершенно арамитическая, да и самый звукъ — чисто кананскій и аравійскій. Какъ Греки, по собственному признанію, гекзаметру выучились у Финикійцевъ, то и *Музъ*, неразлучныхъ украшеній этого рода стихотвореній, разумѣется, получили они отъ нихъ же. *Муса*, *мусійе*, въ языкахъ этого корня, значатъ *утѣшеніе*, *облегченіе души въ грусти*, *утѣшительница*, *отрадная*, *отрада;* и глаголъ, отъ котораго *муса* и *мусійе* правильно

Digitized by Google

происходятъ, донынѣ у Аравитянъ тѣсно связанъ съ терминологіей ихъ *мусикіи*, или музыки. Шесть искусствъ и три науки, вотъ что̀ искони почиталось *девятью утѣшеніями мудреца*, *девятью отрадами человѣка*. Вотъ и происхожденіе девяти Музъ. И какая прелестная идея!... Сказать девять *отрадъ* сердца въ скорби, или девять *музъ:* значеніе — одно, но одинаково ли впечатлѣніе на умъ, одинаково ли дѣйствіе на воображеніе? То — прекрасная мысль философическая, а другое — глухая нелѣпость. *Отрада* или *Утѣха*, короткій и буквальный переводъ финико-греческой *Музы*, ужъ конечно, въ тысячу разъ былъ бы и красивѣе и замысловатѣе ея въ новѣйшемъ стихѣ. Каждый согласится, что, въ поэтическомъ отношеніи, далеко не все-равно перевесть: *Про мужа поразскажи мнѣ*, *Муза.... объ этомъ-то маленько разскажи*, *богиня Зевсова дочь....* или: *Про мужа поразскажи мнѣ*, *святаяОтрада.... объ этомъ-то маленько*, *богиня Утѣха Дивовна, разскажи и намъ.*

Возьмемъ нимфу *Калипсо*. Значитъ ли что-нибудь это слово для насъ? Ровно ничего. Мы изъ него сдѣлали иностранное собственное имя. А для Грека оно составляло родное, обыкновенное, шутливое слово — эпиграмму на женщинъ — простонародную остроту насчетъ притворства по части скромности: kalyptô, *закрывать*, *скрывать*, *покрывать*, kalyptron, покрывало, kalypsô, *покрывалиха*, *ложная скромница*, женщина, закутывающая лицо свое въ покрывало передъ народомъ, и невоздержная въ страстяхъ своихъ, готовая на всѣ крайности, за-глазами, при удобномъ случаѣ, въ сто-

Digitized by Google

ронѣ. Вся сказка о нимфѣ Калипсо — нелѣпая и непонятная чепуха, какъ-скоро ее зовутъ *Калипсо*, и не иначе можно возвратить первоначальную замысловатость разсказа гусляра-поэта о проказахъ этой знатной, *дивородной* особы, какъ переведя и ея названіе и названія тѣхъ, которые объ ней разсуждаютъ.

Возьмите въ толкъ хорошенько (я обращаюсь къ переводамъ Гомера, а не къ вамъ, благоразумные читатели): *Синевидняя Невидимка* (glaukopis Athênê), по званію своему *Дѣвственница* (Pallas), а по чину въ міроздапіи Воздухъ, воплощенная мудрость и цѣломудріе вмѣстѣ, искусно дѣлаетъ на Олимпѣ сплетню — подаетъ мимоходомъ отцу боговъ доносецъ на одну изъ благороднѣйшихъ особъ того свѣта — жалуется *Живу-Диву* (Zevs, Dios), будто бы на его строгость къ знаменитому наѣзднику, *грабимыслу* (daifrôn) Сбѣгнѣву хитродуму, а между-тѣмъ рѣжетъ праправнучку Олимпійскаго: *вотъ, дескать, о чемъ у меня кручинится нутро, отецъ нашъ, Живъ Годочисловичъ, высокодержавнѣйшій!... честная нимфа Покрывалиха* (Kalypsô), *дивородная межъ богинями, вельможная, у которой — цѣлый свой островъ, деревистый, цвѣтистый, гдѣ-то всторонѣ, у самаго пупа моря, и которая живетъ какъ барыня, въ рѣзныхъ, полированныхъ хоромахъ, поймала бѣдняжку Сбытьва* (dysmoron Odyssea) — *и мучитъ его — изъ рукъ не выпускаетъ — всякія задержки чинитъ — тотъ плачетъ, а дивородная* (титулъ дворянокъ) *все мягкими да сладкими словами прельщаетъ какъ-бы Итаку забылъ — тому домой*, къ

Digitized by Google

женѣ смерть хочется, а честная Покрывалиха настаиваетъ — будь ей мужемъ!... непремѣнно!... Ну, зачѣмъ ты его такъ преслѣдуешь, Олимпійскій?... Это неожиданное заключеніе очень мило. Живъ-Дивъ ни душой ни тѣломъ не виноватъ въ дѣлѣ. Сама же Синяя Дѣва утверждаетъ, что ея любимица мучитъ высокородная въ язычествѣ барыня, что честная Покрывалиха, скромница-притворщица, силою держитъ его у себя; и вдругъ выводъ изъ всего этого: *за что ты его преслѣдуешь?...* Сплетня на-славу! Разумѣется, что Живъ-Дивъ, который не гораздъ понимать женскія тонкости, осердился на синевидную Невидимку за такой странный оборотъ бесѣды и по-дѣломъ ей замѣтилъ: *Дитя мое, что это за рѣчь перескочила у тебя черезъ частоколъ зубовъ?...* то есть что за глупости изволишь ты говорить?... *гдѣ же я-то его преслѣдую?... совсѣмъ не я!...* я вѣдь — Эфиръ, у Грековъ aether; у Германцевъ *wether*, *wedr*, у Великороссовъ *вёдро*, у прочей Руси *свѣтло*, откуда *свѣтлѣйшій*, то есть эоирнѣйшій, изъ чистаго эоира состоящій — титулъ князей. У другихъ Славянъ я — *ясъ* или *яса:* откуда *ясный*, *яснѣйшій*, *наияснѣйшій*, тоже эоирный, эоирнѣйшій, и тоже титулъ дворянъ, вельможъ и князей, гордящихся происхожденіемъ отъ меня, подобно греческимъ дворянамъ и князьямъ, которые величаютъ себя *дивородными*, diogenês, отъ меня происходящими. У Готовъ и Скандинавовъ я — As, откуда As-gard или As-borg, что Геродотъ, твой пріятель, переводитъ Gelôn polis, *Свѣтлъ городъ*, и котораго жителей зовутъ Готы As-Borgar (As-

Digitized by Google

purgitani), а подданные ихъ, Славяне, Вятичи зовутъ, *Болгарами*, одинъ и тотъ же городъ съ тѣмъ, что̀ въ нормандскихъ сагахъ часто именуется Ut-gard, городомъ Утовъ, Удовъ или Вудовъ. Ты знаешь, что такъ собственно называютъ себя Вотяки, Вотины, а по Геродотову правописанію *Вудины*, Boudini. Коротко сказать тебѣ, я — aether, я — вёдро, я — свѣтло, я — ясъ или as, летучій, тончайшій эѳиръ, я — хорошая, тихая, ясная, свѣтлая погода, и преслѣдовать Сбѣгнѣва въ морѣ не могу. А братъ у меня есть, пресердитый, преопасный, эѳиръ въ текучемъ видѣ, по-латыни Нептунъ, а по-гречески Posidôn.... Разбери: posis, *питье*, *текучая*, *капельная*, или *прозрачная жидкость*, idês, *видный*, оба вмѣстѣ posid — *текучевидный*, и — прибавь еще ôn, *сущій*, такъ слѣдовательно выйдетъ *текучевиднымъ-сущій*, или *текуча-сущь*. Назови его, для краткости, пожалуй хоть *Текучистомъ:* названіе изрядное для олицетворенной морской прозрачной, чистой влаги или вселенской воды, стихіи, обхватывающей землю. Вотъ Текучистъ-то, землежатель, скалотрясъ, все бѣснуется да волнуется, не пускаетъ Сбѣгнѣва плыть домой, а хочетъ отправить его къ третьему брату нашему, котораго зовутъ Аидомъ, A-idês, то есть къ Не-виду, Без-виду, Непрозраку, эѳиру въ плотномъ, темномъ, непрозрачномъ видѣ, земной толщѣ, сырой землѣ, Плутону. Какъ хорошая язычница, ты знаешь, что я — свѣтлая, ясная *Летучесть* эѳира и тебѣ родитель, прозрачная синевидная Невидимка; они же вдвоемъ — прозрачная *Текучесть* его и непрозрачная, без-

Digitized by Google

видная *Плотность*, а тебѣ — дяди: такъ что же ты обвиняешь меня въ преслѣдованіи твоего корсара грабимысла Сбѣгнѣва?... Ты сказала вздоръ! Впередъ держи крѣпко такія рѣчи въ острогѣ зубовъ, а теперь *поговоримъ*, *да придумаемъ всѣ вмѣстѣ*, *какъ бы Текучиста землежателя* унять....

Вотъ философія совѣта боговъ на хоромахъ Жива-Дива Олимпійскаго. Вотъ настоящій смыслъ рѣчей Юпитера и Минервы. Это, не пустая сказка, а религіозная аллегорія, не миѳъ, а теорія мірозданія въ лицахъ, представленная въ простонародномъ разсказѣ, весьма замысловатомъ, бойкомъ, хитромъ, забавномъ. Какъ можно было и предполагать, чтобы набожный языческій поэтъ заставилъ своихъ боговъ нести безсмысленный вздоръ, сказывать дѣтскія сказочки, и чтобы вся языческая древность съ благоговѣніемъ этому удивлялась? Заранѣе можно было угадать, что каждое слово должно быть здѣсь исполнено глубокаго религіознаго смысла. Переводы Гомера рѣшительно не понимаютъ ни одного слова въ этомъ мѣстѣ, какъ и во всей поэмѣ. Да и какъ понять, не отдавъ себѣ отчета въ значеніи названій боговъ, въ эффектѣ, который эти мнимыя собственныя имена производили на слухъ и разумъ Грековъ? Какъ доказать, что вы понимаете содержаніе и его тонкости, не переведя этихъ именъ или прозвищъ на свой языкъ и не дѣйствуя черезъ нихъ на воображеніе читателя?

Мнѣ скажутъ, что перевесть ихъ трудно, потому-что, для русскаго напримѣръ перевода, нуж-

Digitized by Google

но было бы знать всѣ названія боговъ, бывшія въ употребленіи у русскихъ Славянъ.

Да намъ-то какое дѣло до языческой терминологіи русскихъ Славянъ? Рѣчь идетъ о вѣрномъ выраженіи религіозныхъ, философическихъ и поэтическихъ идей Гомера, а не какихъ-нибудь Славянъ: мы должны *его* прозвища боговъ перелагать вѣрно на наши звуки и дѣлать ихъ понятными намъ, нынѣшнимъ, живымъ, Руссамъ, а не покойнымъ славяно-русскимъ язычникамъ. Не для нихъ же мы переводимъ! Совершенная правда, что мы знаемъ очень немногія прозванія боговъ нашихъ предковъ, да и тѣ, которыя случайно знаемъ, почти всѣ — не славянскія, а готскія и литовскія. Но тѣмъ лучше, что они неизвѣстны: намъ еще болѣе открыто поле творить названія, совершенно понятныя нашему поколѣнію, придерживаясь буквальнаго смысла греческихъ названій, въ которыхъ — вся сила Гомера, вся его прелесть и замысловатость. Для полной системы греческаго многобожія нужно сотворить такія названія, если мы хотимъ понять эту вѣру серіозно, основательно, достойнымъ нынѣшнихъ свѣденій образомъ. Нельзя же намъ, теперь, послѣ столькихъ трудовъ и столькихъ открытій, довольствоваться тѣмъ, чѣмъ, по части *миѳологіи*, забавлялся восемьнадцатый вѣкъ, легкомысленный и поверхностный. Для него вѣра древняго міра составляла только собраніе поэтическихъ сказочекъ. Онъ тѣшился этими народными легендами, которыя позднѣйшіе стихотворцы древности расписали, для пустыхъ головъ, всѣми красками развращенной

Digitized by Google

поэзіи, за что Платонъ ихъ проклялъ и прогналъ изъ своей идеальной республики, гдѣ онъ требовалъ почтенія къ таинствамъ вѣры. Геродотъ, болѣе богословъ чѣмъ историкъ, и единственный языческій богословъ не-реформаторъ и не-еретикъ, котораго мы знаемъ, утверждаетъ, что въ его вѣрѣ главная важность — *знать названія боговъ*, умѣть назвать каждаго бога точно и ясно. Надо же, наконецъ, основательно вникнуть въ то, что говоритъ онъ, знатокъ своего дѣла. Пора разобрать внимательно смыслъ языческой номенклатуры и выучиться искусству *удачно называть боговъ древности*, если это такая важность для ихъ вѣры.

Что значитъ этотъ смѣшной списокъ странныхъ и непонятныхъ *собственныхъ именъ* древней миѳологіи, которымъ донынѣ изворачивалась наша археологическая ученость? Понимаете ли вы что-нибудь въ такой табели религіозныхъ идей? Первоначальными небесными существами древніе считали бога *Скота*, Skotos, бога *Нуса*, Nous, или Закона, Logos, бога *Эѳира*, Aether, и бога *Урана*, Ouranos, Janus, отъ которыхъ произошли богъ *Кронос*ъ, или Сатурнъ, пожиравшій дѣтей своихъ, и супруга его, богиня *Рея*, Rhea; а отъ нихъ родились *Зевс*ъ или Юпитеръ, богъ грома, *Ира* или Юнона, богиня родовъ, *Посидонъ* или Нептунъ, богъ моря, и *Аидъ* или Плутонъ, богъ ада; а отъ тѣхъ — *Аполлонъ*, или Фебъ, богъ солнца и поэзіи, *Селена* или Діана, богиня охоты, *Димитра* или Церера, богиня жатвъ, *Ифестъ* или Вулканъ, богъ огня, *Афродита* или Венера, богиня любви,

Digitized by Google

Эрмій или Меркурій, богъ денегъ и краснорѣчія, *Иракл*ъ или Геркулесъ, полубогъ, и прочіе разные боги, полубоги и гиганты, божества низшаго достоинства. Но — послушайтесь Геродота — выучитесь *правильно называть* эти существа, и вы увидите, что это баснословіе, надоѣдающее даже дѣтямъ своей безтолковщиною, вовсе не такъ глупо, какъ мы вообще полагали; что оно, не сборникъ своенравныхъ суевѣрій простонародія, *миѳовъ* — какъ любятъ называть это нынче — а систематически и подробно соображенная философія природы, по понятіямъ древнихъ мистиковъ, полная и очень хитро обдуманная теорія пантеистическаго матеріялизма, ищущаго учредить связь между духовнымъ и вещественнымъ міромъ и объяснить бытіе, умозрѣніе, а не пустая легенда о родствѣ и семейныхъ отношеніяхъ кумировъ.

Ученіе это полагало началомъ міра *Темень* (Skotos, Nox, Chaos), безвидный и бездѣйственный мракъ, въ которомъ уже таился первобытный законъ всего добровольно создавшагося и развившагося впослѣдствіи, абсолютный порядокъ всего будущаго. Этотъ законъ или порядокъ, всему предшествовавшій и все напередъ въ себѣ самомъ разсчитавшій и опредѣлившій, въ ученіяхъ разныхъ божницъ, которыя сводить здѣсь не мѣсто, именовали также *Разумомъ* (Noûs), Благоустройствомъ или *Ладомъ* (Harmonia), и *Числомыслом*ъ (Arithmos или Logarithmos), самосущею мыслью, заключавшею въ себѣ заранѣе число и мѣру всего имѣющаго быть, что̀ называлось Eimarmenê, Fatum, его Урокомъ, *Рокомъ*, Судомъ или *Судьбою*.

Digitized by Google

Я долженъ прервать на нѣсколько минутъ переводъ списка прозваній боговъ, чтобы обратить вниманіе на одно обстоятельство, касающееся нашего роднаго Сѣвера. Слитый съ первобытною Теменью первобытный Законъ, *Темнотолкъ* или Числомыслъ, обожаемъ былъ на славянской Руси подъ литовскимъ названіемъ *Диди Ладо* (*дидисъ* въ этомъ языкѣ значитъ великій, *ладо* порядокъ, законъ, ладъ). Литовцы, какъ кажется, славились въ сѣверномъ язычествѣ, своими богословскими познаніями. Не одно это названіе, чисто *литейтское*, встрѣчается въ дошедшей до насъ скудной номенклатурѣ многобожія сѣверо-восточныхъ Славянъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что Литовцы были уже извѣстны Геродоту подъ названіемъ *Людоѣдовъ*, Anthropofagi, какъ народъ важный и сильный. При нынѣшней грубой обработкѣ началъ нашего сѣвернаго бытописанія, это утвержденіе можетъ показаться чрезмѣрнымъ, особенно если еще прибавить, что и *Велико-Россія* и *Велико-Руссы*, и *Кривичи*, и *Дреговичи*, и *Древляне*, и *Вятичи*, и *Славяне*, и *Поморяне*, и *Норманны*, и *Готы*, и *Бѣлозерцы*, и *Чудь чухонская* существуютъ уже у этого писателя, всѣ въ буквальныхъ переводахъ своихъ собственныхъ именъ на греческія прозванія. Но можетъ-быть еще впродолженіи этой статьи, если позволитъ намъ здоровье, мы будемъ имѣть случай удостовѣриться съ полною очевидностью, что Геродотъ получилъ почти всѣ свои свѣденія о Скиѳіи отъ пріятеля своего Тимпы, пелопонезскаго Грека. Этотъ пріятель, хорошо знавшій по-готски, всѣ скиѳскія собственныя

Digitized by Google

имена объяснялъ ему готскимъ языкомъ, а отецъ исторіи съ готскаго толка перевелъ ихъ на греческія названія. Такимъ образомъ, между прочими, и народное названіе Литовцевъ Liteitis превратилось у Геродота въ Antropophagi, Людо-ѣды: и въ самомъ дѣлѣ lit-eitis значитъ по-готски *людо-ѣдъ*. Тимпа же, этотъ энциклопедическій словарь Геродота, былъ учителемъ или смотрителемъ (epitropos) *царя Скиѳовъ*, явственнаго и неопровержимаго Гота, по имени *Генриха* (Horik, Orik), сына царя *Аріобита* (Ariapit, вмѣсто Ariabit, по правописанію Геродота, постоянно употреблявшаго *п* и *мп* вмѣсто *б* въ иностранныхъ словахъ) и царицы *Опіи* (hopia, hope), потомка царя *Идантюрса* (Idanthyrs)—Horik, Orikos, у Ломбардо-Италіянцевъ Arigo — Ariabit или правильнѣе Hariabit, у Франковъ Ariobist или Ariovist — Hopia — Idanthyrs, и другіе, все это — чисто-готскія формы діалекта, сдѣлавшагося впослѣдствіи извѣстнымъ подъ названіемъ мезоготскаго. Съ именемъ одного царя *Идантюрса* можно даже встрѣтиться въ Іорнандовой исторіи италіянскихъ Готовъ. Это не будетъ отступленіемъ: мнѣ хочется показать, что «Одиссея» представляетъ для насъ Русскихъ, кромѣ поэтической, еще національную историческую занимательность; потому-что не кто иные какъ мы, *Велико-Руссы*, играемъ въ ней важную роль подъ знаменитымъ названіемъ *великановъ Циклоповъ*. Въ повѣсти Гомера о путешествіи Улисса къ Циклопамъ и выдолбленіи единаго глаза *Полифему*, что въ переводѣ значитъ *Ярославу* (титулъ скиѳскаго Геркулеса, готскаго бога Hars,

Digitized by Google

Hors, Chars, Несторова Хорса), въ этой на-видъ безсмысленной повѣсти — мы надѣемся вывести это съ надлежащею точностью — рѣчь идетъ подлинно о Кривичахъ и ихъ одноглазомъ Одиннѣ. А нравоученіе сказки: хитродумъ Улиссъ былъ такой проворный и тонкій витязь, что, проникши случайно къ страшнымъ гигантамъ, Велико-Руссамъ, передъ которыми трепещетъ вся Скиѳія и вся Гостиная Пучина, справился и съ ними наславу: въ области ихъ, обитаемой *одноглазыми* Кривичами и Людоѣдами, скотопасами, онъ умомъ и хитростью своей искоренилъ премерзкую велико-русскую ересь, которая Геркулеса ставитъ выше Юпитера — *Ярослава* своего выше могучаго *Жива-Дива* — напоилъ этого великана сладкимъ греческимъ виномъ и высверлилъ ему глазъ коломъ. Результатомъ такой смѣлой и удачной экспедиціи національнаго героя-плута должна была несказанно восхищаться базарная публика Гомера, съ дѣтства наслышавшаяся отъ нянюшекъ о существованіи *за Понтомъ*, за Гостиною Пучиною, свирѣпаго народа *Великановъ-Руссовъ* и, между ними, племенъ *Одноглазыхъ* (кривыхъ) и Людоѣдовъ (Литовцевъ), которыхъ ересь, олицетворенная въ образѣ первенствующаго на небѣ бога *Ярослава*, а по-гречески *Полифема*, съ однимъ *круглымъ глазомъ* (kykl-ops) во лбу, ужасала языческое правовѣріе Грековъ.

Воротимся къ Року или Судьбѣ Числомысла, предсуществующаго Великаго Лада, оставшагося донынѣ въ совершенномъ бездѣйствіи и покоѣ въ образѣ Темени.

Digitized by Google

Первымъ проявленіемъ его, когда онъ пошевелился, было превращеніе Темени въ *Ясъ*, въ Свѣтло, въ Вёдро, въ Aither, который такъ названъ отъ aithô, *яснѣть*, *свѣтиться*, *пылать*, *горѣть*. Aith и *ясъ*, какъ вы видите — одинъ и тотъ же звуковой корень. Мы нынѣшніе называемъ aithêr *эѳиромъ*. Въ проявленіи этомъ прежняя Темень приняла видъ тончайшей изъ тончайшихъ и чистѣйшей изъ чистѣйшихъ, свѣтлой, прозрачной, летучей, безгранично разлитой матеріи. Воображенію древнихъ представлялась она въ видѣ легкаго матеріяльнаго *духа* или *пара*, подобнаго запахамъ: отчего, изъ словъ thüiê (thyiê) запахъ, theion, паръ, однокоренныхъ съ славянскими *дуй*, *духъ*, *дохъ*, dech, возникло у Грековъ общее названіе божествъ, theos, пары, духи — но духи матеріяльные, а не духовные: этихъ язычники не понимали. Такой *духъ* (эѳиръ, ясъ) — въ первой степени прозрачнаго и летучаго сгущенія своего есть *вздухъ* (воздухъ), Синяя Дѣва, ближайшее произведеніе и ближайшій видъ эѳира. У Готовъ и Скандинавовъ общее названіе божествъ Asar, *ясы*, произведено было прямо отъ названія эѳира, as.

Числомыслъ или Великій Ладъ, рѣшивъ напередъ все какъ чему быть и оборотясь тончайшею изъ тончайшихъ и чистѣйшею изъ чистѣйшихъ матерій, *Aether*'омъ, Вёдромъ, сталъ немедленно сгущаться въ *образы вещей*, принимая разныя формы, летучія, жидкія, твердыя, растительныя, животныя, человѣческія, съ тѣмъ чтобы, въ такихъ образахъ съ различными устройствами и различными движеніями, самородная матерія его *насла-*

Digitized by Google

ждалась безпрестанно, разнообразно, быстро, скоротечно, и, насладившись нѣсколько времени въ одномъ образѣ, поскорѣе разрѣшалась снова въ эѳиръ для перехода его въ другой образъ и другое наслажденіе. По этой отчаянной теоріи, человѣкъ былъ только страдательнымъ орудіемъ самонаслаждающейся въ его образѣ, въ его плоти, въ страстяхъ, міровой эѳирной силы, приборомъ для пріятныхъ ея ощущеній, печальною жертвою потѣхъ этого себялюбиваго всебожества. Эпикуреизмъ заключался въ сущности язычества, и изъ нея произошелъ. Поэтому язычество и считало боговъ врагами человѣка. Боги были только свойства эѳира, а вся цѣль бытія — его личное безконечное наслажденіе. Прометей, принявъ сторону людей, хотѣлъ передѣлать этотъ ужасный *ладъ* и сочинить другаго человѣка: извѣстно, какъ *Живе-Дивъ*, олицетворенный эѳиръ, отплатилъ затѣйщику за это дерзкое посягательство на свои пантеистическія удовольствія.

Какъ-скоро Числомыслъ, или Великій Ладъ, пошевелился въ Темени и сталъ Ясомъ или Эѳиромъ, прежде чѣмъ эѳиръ принялся сгущаться въ образы вещей и творить всякую тварь, онъ необходимо началъ проявлять свои различныя отдѣльныя свойства. Самыми первыми изъ такихъ проявленій свойствъ его были *Время* и *Дѣйствіе*, результатомъ сочетанія которыхъ явилась *Жизнь*. Время — это Годыня, Годовикъ или *Годочислъ*, Кронось, Сатурнъ, который рождаетъ изъ себя годы и самъ же поглощаетъ ихъ въ существѣ своемъ безконечнаго времени. Дѣйствіе, это — *Дѣяна*,

Digitized by Google

или Дѣя, Rhea, отъ rhezô, *дѣю, дѣйствую, учиняю.* Годочислъ сочетался бракомъ съ Дѣяной и они произвели Жизненность, могучаго *Живе-Дива*, старшаго и самаго главнаго представителя эѳира въ его естественной летучей формѣ.

Эѳиръ или Ясъ называется также *Небесомъ*, Ouranos. Когда Небесъ прилагается къ первобытному эѳиру, лишь-только проявившемуся, то мѣсто ему — между старинными, преджизненными богами. Но если эѳиръ принимается уже дѣйствующимъ и творящимъ, въ состояніи Жизненности, тогда Небесъ можетъ означать Юпитера и супруга ему въ такомъ случаѣ — *Небеса.*

Двѣ другія формы эѳира, текучая и плотная, названы *Токовидомъ*, Neptunus, и *Непрозракомъ*, Aïdês, Orcus, Pluto. Непрозрачная плотность однакожъ не есть безусловное прикосновеніе другъ къ другу атомовъ сгущающагося въ массивность эѳира. Между атомами всегда существуютъ промежутки. Земная вода, *Проползана*, Proserpina, сильно всасывается этимъ строеніемъ плотности, и свободно проходитъ между атомами самыхъ твердыхъ и непрозрачныхъ массъ до глубочайшихъ нѣдръ земной толщи. Отсюда *Проползана*, супруга *Непрозрака*, который похитилъ ее на лицѣ Земли и увлекъ въ свои мрачныя пещеры. Проползана, въ отвлеченномъ видѣ — атомическая скважистость непрозрачной плотности. Одно уже присутствіе Проползаны въ спискѣ низшихъ божествъ или второстепенныхъ свойствъ эѳира, удостовѣряетъ, что не Эпикуромъ выдумано знаменитое его ученіе объ атомахъ: онъ заимствовалъ его

Digitized by Google

изъ Таинствъ своей вѣры. Понятіе объ атомахъ есть неизбѣжное логическое слѣдствіе ученія, представляющаго летучесть, текучесть и плотность тремя состояніями одной и той же тончайшей матеріи. Нынѣшняя химія точно такъ же понимаетъ это дѣло.

Сестра летучему, текучему и плотному состояніямъ эѳира, особенное его состояніе, соединяющее въ себѣ всѣ эти три формы, летучесть, жидкость и плотность, особенная форма всеобщей міровой матеріи, или *ясу*, это — плоть, органическая матерія, матерія по-превосходству, чудный видъ вещества — нѣжный, мягкій, слабый — и вмѣстѣ съ тѣмъ пылкій, сильный, *многій*, то есть многообразный и множительный, могучій, страстный, неукротимый — однимъ словомъ *ярый*. Нужно быть знакомымъ съ языкомъ сектъ, родившихся непосредственно изъ язычества, особенно гностиковъ и манихеистовъ, съ ихъ ожесточеніемъ противъ *матеріи*, именно, органической матеріи, или плоти, чтобы ясно понимать причину присвоенія ей эпитета *ярая*. Это слово *ярый* играетъ неимовѣрно обширную роль во всѣхъ языкахъ древняго міра и принимаетъ весьма разнообразныя формы. Въ юго-западныхъ европейскихъ языкахъ оно является въ видѣ слоговъ er, her, ier, ser, ter — откуда между прочимъ не только erd, и herta, но даже и латинское terra*. Въ сѣверо-западныхъ

---

* Согласныя *j*, *s*, *t*, *v*, *m*, суть первыя и самыя простыя превращенія придыханія *h*, явственнаго или тихаго; *h* интонированное нѣсколько другимъ образомъ.

Digitized by Google

оно проявляется какъ har, hari, haria, haro, her, jer, jar, var, ver, и прочая. Въ сѣверо-восточныхъ и средиземныхъ языкахъ, къ которымъ принадлежатъ славянскіе, финскіе и готскіе, имѣетъ оно видъ *яръ*, ar, har, char (готское произношеніе), hor, chor, chors, chorus, и такъ далѣе. Въ юго-восточныхъ—въ греческомъ ari, hêra (что произносится, также и *ира*) — въ персидскихъ ari, aria, hari, chari, chori, chur, и такъ далѣе. И повсюду значитъ оно — пылкость, огненность, блескъ, цвѣтистость, силу, славу, честь, *многость*, неукротимость, особенно въ томъ чувственномъ отношеніи, которое, вмѣстѣ съ прочими значеніями выражаетъ и русское слово *яръ*. И повсюду *ярый* прилагается къ органической матеріи, къ плоти и ея явленіямъ. Земля, по причинѣ своей плодородной силы, у большей части народовъ именуется этимъ звукомъ. Имъ означается также мужество, бодрость, военная и любовная ярость, все славное, доблестное, блестящее: vir, vir-tus, mar-itus, mars, arês, her-*kules*, chars, chors или charus (готское произношеніе скандинавскаго har или harr), heer, herr, jarl, etc., происходятъ отсюда. Во всѣхъ языкахъ, олицетворенія *мужества* (богъ войны) и *мужскаго совершенства* (Геркулесъ) имѣли разныя формы слова *яръ* и *ярый* своими прозвищами и титулами. Наше слово *хорошій*, *харошій* (собственно славный, отличный, мужской) произошло отъ готскаго выговора, на который мы сейчасъ указали: по-славянски должно бы быть *ярошій*. *Ярошъ* было титуломъ Воданна въ полянскихъ языкахъ, тогда какъ у Руси мы находимъ его въ

Digitized by Google

готской формѣ *харосъ*, *хоросъ*, *хорсь*. Наконецъ, весна и весенняя зелень, какъ слѣдствіе этого избытка теплоты и силы въ животворящемъ веществѣ, въ разныхъ языкахъ получили названія отъ того же корня*. Словомъ живая матерія, *многая*, то есть самовоспроизводящаяся и множительная матерія, сестра жизненному эѳирному началу, или Живу, есть матерія *ярая* или, коротко, *Яра* — по-гречески Hêra (Ира, Юнона), въ другихъ языкахъ Hara, Harta, Arta (откуда и греческое названіе *хльба*, artos, и aristos, наилучшій, *ярѣйшій*, и aristokratiê, *ярѣйшодержіе*), Herta, Jer, Jerta, Jorda, Ard, Aratz, Chera, Chara, Ara, и прочая. Въ готскихъ нарѣчіяхъ особенно, такъ же какъ и въ славянскихъ, *h* и *ch* безпрестанно то перемежаются въ выговорѣ, то совсѣмъ исчезаютъ, Har, Char, Ar, въ словахъ Готовъ, мѣняются безъ всякаго видимаго правила. Можно почти съ достовѣрностью допустить, что наше слово *харя* — отъ готскаго Hara или Chara — есть старинное названіе русской Юноны, народное воспоминаніе о безобразномъ истуканѣ, олицетворявшемъ у насъ матушку *ярую матерію*, мать боговъ и людей.

Іонійское *ê* (êta) въ другихъ греческихъ діалектахъ превращалось въ *a:* слѣдовательно и во многихъ странахъ Греціи Hêra, *Яра*, произносилось

---

* Въ русскомъ языкѣ есть два слова *яръ*, одно славянское, отъ котораго мы имѣемъ производныя слова, ярый, ярость, яркій, и прочія; а другое татарское, *яръ*, берегъ, безъ производныхъ. Этихъ двухъ словъ не должно смѣшивать между собою.

Digitized by Google

Нага. Въ славянскихъ языкахъ греческому придыханію *h* попеременно соотвѣтствуетъ то g, то ch, напримѣръ, horos, *гора,* и hodêo, *ходить.* Вотъ еще вторая причина, почему Юнона могла у насъ называться *харя.*

Но два чрезвычайно замѣчательныя русскія слова, *большой* и *хорошій*, которыхъ нѣтъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, и которыя оба имѣютъ готскія формы, и оба тѣсно связывались съ религіей многобожія, составляютъ совершенно достаточное доказательство, что *харей* мы обязаны владычеству воинственныхъ, предпріимчивыхъ, неугомонныхъ Готовъ у сѣверо-восточныхъ Славянъ, бывшихъ тутъ съ самой глубокой древности почти постоянно господствующимъ народомъ или налагавшимъ ей и Чуди свои династіи. Bo, boh, bogg, boy во всѣхъ готскихъ нарѣчіяхъ встрѣчается въ значеніи *великанъ,* гигантъ: извѣстно, что Готы и родъ свой производили отъ великановъ, а въ греческихъ, скандинавскихъ и германскихъ сагахъ они, кругомъ, слывутъ страшными великанами. Повсюду гдѣ *володѣли* Готы, названіе страны начиналось слогомъ bo, bogg, boyy, boh. Одно изъ древнихъ готскихъ поселеній, Boio-heim, Bo-heim, донынѣ извѣстно, въ германскомъ переводѣ, подъ названіемъ Riesen-Gebirge, *нагорной стороны Великановъ.* Bol и boyy суть прилагательныя, *великій* и *великанскій,* отъ существительнаго имени bo, boh. Отсюда у насъ *боляре*, великіе (мужи), и въ то же время и у насъ и въ гото-испанскомъ языкѣ, *бояръ* (бояринъ) — чистое готское boy-wair (произноси boy-uär), *вели-*

Digitized by Google

кій мужъ; большой, равносильное слову «великій»; *больно*, велико, много, великански, исполински, и прочая. Другое наше слово *хорошій*, *харошій*, вмѣсто *ярошій*, взятое отъ готскаго выговора эпитета, придаваемаго предпочтительно доблестному Одинну или Воданну, chars, charus, вмѣсто hars, harus, также явственно обнаруживаетъ вліяніе сабли и вѣры Готовъ на введеніе въ нашъ языкъ двойнаго произношенія одного и того же звука, *яръ*, *яра* и *харъ*, *хара* или *харя*.

Въ греческомъ языкѣ обыкновенное произношеніе этого звука было ar и art: ari, крѣпко, сильно, ярко; arês, мужественный, *Мужанъ*, Марсъ; artemis, доблестная, совершенная, эпитетъ у однихъ Димитры, Пре-матери, у другихъ Самокрасы, небесной Венеры, и такъ далѣе. Форма hêra (hara) встрѣчается тамъ только въ двухъ словахъ, *Hêra* (Яра, самомножительная или органическая матерія, Юнона) и *Hêra*-kleis, Яро-славъ, Геркулесъ, мужское совершенство, достигающее всѣми родами мужскихъ доблестей, и достойное степени небеснаго божества: kleis, какъ извѣстно, и по буквальному значенію и по образу употребленія въ точности соотвѣтствуетъ нашему *славъ* — Perikleis, Переславъ — Damokleis, Мирославъ — Agathokleis, Доброславъ — Timokleis, Чеславъ (вмѣсто Честославъ), и множество другихъ. Латинское Hercules, этрусское Herklis, осканское Hercle, были слишкомъ близкія формы произношенія къ греческому Hêrakleis и не требовали для Грековъ истолкованія. Но скиѳскій *Ярославъ* уже былъ имъ непонятенъ безъ перевода, несмотря

Digitized by Google

на свою однокоренность со словомъ Herakleis, и мы находимъ его истолкованнымъ другими словами въ имени Polyphemos, *Многославный* или *Велеславный*. Кромѣ-того, очень понятно, что правовѣрные язычники не хотѣли смѣшивать своего Геркулеса съ одноглазымъ и круглоглазымъ Геркулесомъ еретиковъ одиннистовъ, и киевскаго Ярослава называть *Herakleis*'омъ. *Въ названіяхъ боговъ вся сила этой религіи*, и Ярославъ переведенъ Полифемомъ: значеніе то же, но мистическій смыслъ совсѣмъ другой.

Въ языкахъ готскихъ, скандинавскихъ и германскихъ, греческому окончанію *kleis* и славянскому *славъ* соотвѣтствуетъ ald, ild, hald, hild (Brunehild, Брониславъ, Longobard, Далиславъ, *далославъ*, греческое *телеклитъ*); также hand, nand, mand, and, mund, mana, man (Harmand, Hornand, Jornand, тоже что Harald; Hernand, Hermand, Hermana, Herman, Воеславъ; Ferdnand, Конославъ; Vemund, Святославъ; Sigmund, Братиславъ, Брацлавъ, Bomund, Bohmund, Bohemund, Болеславъ); наконецъ bert, bart, burt, bard (Dagobert, Мечиславъ, Robert, Тихославъ), и проч. Rik или ryk выражаютъ, напротивъ, славянское окончаніе *міръ* (рать, дружина) и греческое laos: Frederik, Любоміръ, Philolaos; Rörik, Тихоміръ, и проч. Такимъ образомъ не трудно узнать готскіе, скандинавскіе и германскіе титулы Одинна или Водинна, соотвѣтственные греческому Hêrakleis и славянскому Ярославъ: вотъ нѣкоторые изъ нихъ — Harahild, Harald, Harmand, Harman, Hornand,

Digitized by Google

Jornand, Herbert, Herburt, Harbert, откуда новѣйшее испорченное *Альбертъ*, и такъ далѣе.

Переводное названіе Круглоглазника, Киклопа, *Полифемъ*, равно относится къ готскому *Гаральду*, скандинавскому *Гарангильду*, германскому *Гарберту*, какъ и къ славянскому *Ярославу*, но мы впослѣдствіи увидимъ, что миѳологическая географія народъ Одноглазниковъ или Круглоглазниковъ помѣщала именно въ землѣ Кривичей, сосѣдней съ Людоѣдами, Литовцами, у верховьевъ рѣки, прозванной Готами на своемъ языкѣ Dan-aprі, Верхнею Рѣкою, и уже Геродоту извѣстной подъ именемъ *Бо-рюсъ-дана*, *Велико-русской-рѣки* (Bo-rüsthenes), въ томъ же мѣстѣ гдѣ вскорѣ потомъ являются у Птоломея народъ Bo-ruski. *Велико*-Русскіе, или *Великаны*-Руссы, живущіе рядомъ съ Сѣверянами, Savari. Мы увидимъ также, что слова *Скивъ* (Skyth), *Рюсъ* и *Готъ* — суть три слова, означающія одинъ и тотъ же народъ, которыя и въ Европѣ и въ Азіи употреблялись безъ различія одно вмѣсто другаго, и изъ которыхъ два, *Skyth* и *Рюсъ*, съ прибавкою еще третьяго, *Gerrh*, введеннаго Геродотомъ, для означенія той же верхнеднѣпровской земли, суть буквальные переводы одинъ другаго, всѣ три одинаково выражая *щитъ*, именно, большой щитъ въ ростъ человѣка и притомъ краснаго цвѣта, привилегированный щитъ царствующихъ Готовъ и готскихъ *мужей*, воевъ дворянъ, отчего эти славные и въ Европѣ и въ Азіи люди и назывались *Щитами*, Skythae, или Russi, и у Западныхъ и у Восточныхъ.

Не одна эта *Боруссія*, или *Великороссія* — Зем-

Digitized by Google

ля Щитовъ Великановъ, при баснословіи — Земля Великихъ Руссовъ при исторіи — существовала на древнемъ сѣверѣ. Гдѣ Геродотъ помѣщаетъ *Щитовъ Поморскихъ*, Skythae Paralii, на балтійскомъ берегу, и гдѣ, какъ мы знаемъ дѣйствительно владычествовали Готы, въ средніе вѣка открывается другая *Борусія*, нынѣшняя Пруссія. Въ Галиціи была третья Борусія: изъ польскихъ писателей семнадцатаго столѣтія видно, что еще въ то время Великополяне и Малополяне называли Червленыхъ Русиновъ *Борусами* или *Борысами*. Названіе «Червлены Русы» или «Борусы» значитъ поэтому Красные Великаны Щиты. О важности и значеніи красныхъ щитовъ можно довольно начитаться въ сагахъ сѣвера.

Литовцы всѣхъ этихъ Руссовъ, какъ насъ, такъ Пруссаковъ и Галичанъ, называютъ и до-сихъ-поръ не иначе какъ Готами, Gudas. Это Gudas есть настоящая, старинная готская форма нашего литературнаго и исковерканнаго *Готъ* или *Готовъ*.

Литовское названіе Геркулеса, до насъ дошедшее, было Kreve, что̀ значитъ только — *истуканъ, идолъ*. Но несомнѣнно было ему и у этихъ «Людоѣдовъ» прозвище, соотвѣтственное торжественнымъ во всемъ язычествѣ титуламъ Hêrakleis, Hercules, Herklis, Ярославъ, Harahild, Harald, Harman, Herbert, Harbert, Albert, и прочая.

Замѣчательно, что въ языкѣ Римлянъ нѣтъ отечественнаго слова для означенія неба. Всѣ слова, въ которыхъ встрѣчается *oe* — не латинскія, но заимствованы у Грековъ, Этрусковъ и Осковъ, которыхъ языкъ, въ особенности, доста

Digitized by Google

вилъ Римлянамъ множество рѣченій, по свидѣтельству Страбона. Римское coelum есть греческое и, вѣроятно, осканское koelon, koilon, и значитъ только — *вогнутое*. Куда же дѣвалось собственное слово *небо*? Оно, безъ-сомнѣнія, поглощено словомъ Jupiter, что̀ значитъ: *Ю батько*. Навѣрное это *ю* есть остатокъ подлиннаго латинскаго слова, значившаго «небо». Судя по Juno, женскому роду этого Ju, слѣдуетъ заключить, что полное слово небо у Латиновъ было первоначально Jum, и что Jupiter возникъ изъ Jum-pater, Небо-Отецъ. Въ такомъ случаѣ все становится ясно: jum Латиновъ, jumal или jumala Финновъ, Himmel Германцевъ, Hymr (Hümr) Скандинавовъ сливаются въ одинъ звукъ и одно понятіе. Юпитеръ есть *Небесъ*-Батько (Ouranos), Юнона — *Небеса*, и Латины, значитъ, принимали, въ символѣ Юпитера, эѳиръ только-что проявившійся и еще не ставшій Жизнью или Живе-дивомъ. Юнона ихъ была слѣдственно матеріяльное вещество небесное, вселенское, а не *ярая* органическая матерія. Выраженіе *на Небеси* показываетъ, что и нѣкоторые Славяне понимали Юнону въ томъ же смыслѣ. Ярая матерія, плоть, вѣрно составляла у нихъ особенное проявленіе Небесы и называлась, быть-можетъ, *Телеса*. Указанія на это существуютъ, и они очень любопытны. Я нѣсколько сожалѣю, что мѣсто не позволяетъ развить ихъ.

Живе-дивъ и Яра носили въ язычествѣ множество прозвищъ, мистическихъ и простонародныхъ, но всегда освященныхъ вѣрою, общепринятыхъ

Digitized by Google

и всякому тогда извѣстныхъ, въ родѣ *высокодержавнѣйшій, вседержавный, самосущій, вездѣсущій, могучій, животворный, благодатная, всесильная, неукротимая, многородная, бѣлорукая*, и прочая. Мы видѣли, къ какому догмату относилось прозваніе *бѣлорукая* и что̀ оно выражало. Однихъ прозвищъ Живе-дива извѣстно въ греческомъ языкѣ до ста. Между ними есть многія очень живописныя, другія — очень странныя, но всѣ съ мистическимъ и религіознымъ, а не съ поэтическимъ значеніемъ: таковы — *Тучевалъ*, которое уже намъ встрѣчалось; *Тучегонъ, Громометъ*, у Славянъ *Перкунъ* и *Перунъ*, у Литовцевъ Perkunas, у Финновъ Perkul, Pergula — нынче названіе чорта; *Молотобой*, сходное съ готскимъ molnias и скандинавскимъ mjölnir, которыя, означая *молотъ* Перуна, дали начало русскому слову *молнія*; *Дождьбогъ* (Даждбогъ, Дажбогъ); *Мухобогъ* или *Мухорой*, финикійскій Bel-zebûb, отъ котораго произошло и слово Велзевуѳъ; *Яичникъ; Роетовщикъ*, Dardanos; *Распребѣшенникъ*, Agamemnôn, и такъ далѣе. Прозвище *мухобогъ* имѣло связь съ особенною теоріей жизненности, проповѣдуемою въ нѣкоторыхъ Таинствахъ и — странное дѣло! — господствующею въ наше время во многихъ германскихъ физіологіяхъ, гдѣ она извѣстна подъ названіемъ *теоріи добровольнаго зарожденія*. Предполагали, и доказывали, будто, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, животное можетъ родиться изъ ничего; будто мухи и другія насѣкомыя раждаются прямо изъ эѳира. Язычество, право, было не глупѣе многихъ профессорскихъ уче-

Digitized by Google

ній нашего вѣка, и, въ нынѣшнихъ опытныхъ наукахъ, особенно со времени воскрешенія эѳира, язычества такая бездна, что, право, можно извинить древнихъ жрецовъ, если они, въ своей религіозной философіи природы, часто завирались до-смѣшнаго.

Другія, особенно сирійскія, Таинства учили, напротивъ, что *все въ мірѣ — изъ яйца и даже самый міръ*. Разные египетскіе и греческіе храмы, въ спискахъ силъ міросданія, вмѣсто Темени и Закона, ставили *Яйцо*, Оон. Однакожъ это яйцо было болѣе символическое чѣмъ подлинное: оно выражало, что міръ — сфера, и что въ этой сферѣ, темной внутри какъ яйцо, и полной безвиднымъ веществомъ какъ оно, заранѣе помѣщались Законъ и его Рокъ или Судьба, то есть, не только разумъ и законъ всего будущаго бытія, но и напередъ разсчитанный, опредѣленный порядокъ, что̀ и какъ должно изъ этого вещества собственною силою развиться, какія проходить измѣненія и какъ кончить свое существованіе, по точному подобію животнаго существа, предварительно въ образѣ жидкой массы заключеннаго въ яичной скорлупѣ вмѣстѣ съ законами своего развитія, порядкомъ своего бытія и судьбою своего назначенія. Эѳиръ развился первый въ этомъ міровомъ яйцѣ и оттого Живе-Дивъ Яичникъ. *Ростовщикомъ* названъ онъ, вездѣ развитое невидимое Солнце, за то, что даетъ эѳиръ свой только въ займы и въ ростъ человѣку: сгущается на-время различными составами въ его образъ для своего личнаго наслажденія, работаетъ для своихъ пре-

Digitized by Google

вращеній въ разныя вещества его желудкомъ, грѣется огнемъ страстей его въ *Ярой*, въ этой бурной, сладострастной, неукротимой органической матеріи, тѣшится его свѣтлыми мыслями черезъ Аполлона-Видимое-Солнце, который вмѣстѣ свѣтъ дня, свѣтъ науки, звукъ, и его мелодія, купается въ его благочестивой мудрости черезъ Синевидную Невидимку, матеріялъ *дыханія* и *духа*, между которыми грубый матеріялизмъ язычества не умѣлъ понять разницы, и — насладившись — наигравшись — разоряетъ своего кредитора, губитъ, уничтожаетъ, разрѣшая все существо его опять въ эѳиръ; беретъ себѣ весь капиталъ и все что̀ нажито человѣкомъ, его трудомъ, его страданіями, путемъ этого жестокаго займа. Это безжалостное умозрѣніе, угловой камень эпикуреизма, составляло самую жестокую язву язычества, какъ религіи и какъ *мудрости*, то есть философическаго ученія.

Что̀ касается до Жива-Дива *Распребьшенника*, то надо, послѣ сильнаго ливійскаго вѣтра днемъ, въ темную и безвѣтренную ночь быть въ Средиземномъ Морѣ, чтобы живо понять всю основательность такого прозванія. Когда эта бирюзовая зыбь — въ ту минуту черная какъ смоль — страшно реветъ подъ вашими ногами, качаясь въ полный размахъ и не двигаясь съ мѣста; когда по полированной, мерцающей стали темно-синяго неба быстро текутъ рѣки отрывистыхъ тучъ, между-тѣмъ какъ горизонтъ завaленъ ихъ горами; когда мрачная духота тѣснитъ грудь; когда неумолкаемые раскаты отдаленнаго грома рѣзко, и

Digitized by Google

со всѣхъ сторонъ одновременно, обрамливаютъ кругомъ васъ зловѣщимъ гуломъ своимъ погребальную тишь приземной атмосферы, и въ то же время молнія льется какъ изъ ведра изо всѣхъ точекъ неба, электричество бурно играетъ въ высшемъ воздухѣ, изъ молніи вдругъ становясь огненною звѣздою, которая разражается мгновенно или въ двѣ противныя стороны двумя ломаными чертами бѣлаго пламени или, на весь сводъ небесный, полнымъ букетомъ такихъ струй и какъ будто осыпаетъ васъ громовыми стрѣлами — когда все это длится — длится — безконечно и, кажется, все это небо скоро будетъ сожжено въ ужасной игрѣ огней своихъ — о! при такомъ зрѣлищѣ, не будучи ни язычникомъ, ни даже профессоромъ естественной философіи Окена, а только эѳиристомъ — что̀ нынче въ большой модѣ — вы, невольно, закричите: «О! Живе-Диве! эѳиръ мо«гучій! *по-истинѣ Распребышенникъ* ты, и по-дѣ«лом̀ Греки называли тебя aga-memnon'омъ». Я видѣлъ очень храбрыхъ и очень ученыхъ путешественниковъ, которые прятались въ койки и тонули тамъ въ своемъ поту, чтобы только не смотрѣть на эту потѣху Юпитера: а между-тѣмъ нельзя, конечно, во всей природѣ видѣть зрѣлища великолѣпнѣе, удивительнѣе и любопытнѣе. И растолковать имъ не было возможности, что громъ гремитъ далеко — ближняго треска не слышно — и, слѣдственно, нѣтъ ни малѣйшей опасности быть свидѣтелемъ небеснаго представленія!

Видимое солнце, въ образѣ Аполлона, значитъ

Digitized by Google

Истребитель. Слово *Аполлонъ*, поэтому, вовсе не собственное имя. Оно выражаетъ изсушительную силу южнаго солнца, пожигающаго лѣтомъ лучами своими всю растительность; также губительное дѣйствіе ихъ, въ отношеніи къ возбужденію заразъ и повальныхъ болѣзней. Посмотрите въ «Иліадѣ», какъ Солнце-Аполлонъ *стрѣляетъ* ядовитыми лучами въ людей, гибнущихъ толпами отъ заразы. Если вы не переведете этого прозванія, и вмѣсто *Истребитель* будете всегда говорить *Аполлонъ*, на своемъ языкѣ, то мало того, что уничтожите и замысловатость и смыслъ подлинника: вы еще можете сказать жестокую безсмыслицу, не чувствуя, въ какихъ случаяхъ такое имя вовсе нейдетъ къ дѣлу, и употребляя *Аполлонъ* тамъ, гдѣ слѣдовало бы избрать совсѣмъ другое наименованіе. Прозваній Видимому Солнцу много: мы уже видѣли нѣсколько изъ нихъ—*Дальнострѣлъ* и *Лучестрѣлъ*, которыя относятся къ тѣмъ же опустошительнымъ свойствамъ: *Лучезаръ*, *Свѣтовидъ*, *Красавецъ*, *Юноша; Скотопасъ*, какъ производитель корма на лугахъ, хлѣба на полѣ и, отсюда начало, питатель и охранитель животнаго царства; *Вышеходъ*, какъ свѣтило текущее въ вышнихъ, по зодіаку; *Безложникъ*, Elektôr, потому-что никогда не ложится, не отдыхаетъ, но вѣчно обходитъ кругъ свой по небесной сферѣ; *Худогъ, художный* (Phoebus), въ точномъ смыслѣ этого стариннаго русскаго слова, которое собственно значило *отчищенный*, *отполированный*, и вмѣстѣ съ тѣмъ *блестящій*, *чистый*, *опрятный*, *изящный:* худогъ онъ какъ отлично полированное, блестящее солнце,

Digitized by Google

и худогъ также какъ представитель образованности, на основаніи невиннаго языческаго каламбура: образованность, обученіе искусствамъ и наукамъ, древніе называли *полировкой нравовъ;* человѣкъ образованный былъ у нихъ чѣловѣкъ хорошо отполированный, politus. Къ-счастію, такой же каламбуръ содержится и въ нашемъ словѣ *Худогъ*, которое какъ-нельзя лучше идетъ къ Вышеходу, когда онъ принимается распространять въ темени череповъ незримый свѣтъ науки и съ девятью сестрами своими—*Утѣхами Дивовыми*—или *Отрадами Перуновыми* — проливать на нравственный бытъ нашъ, на наши заботы и скорби, такія же свѣтлыя и упоительныя радости, какія возбуждаетъ во всей внѣшней природѣ торжественный восходъ его на горизонтъ, прогоняя мракъ и его страшилища. Я готовъ думать, что это слово *Худогъ* было дѣйствительно однимъ изъ титуловъ Солнца въ нашемъ язычествѣ: оно такъ сходно во всѣхъ оттѣнкахъ значеній своихъ съ греческимъ Phoebos, что это не можетъ быть дѣйствіемъ простаго случая.

Pallas, какъ мы видѣли, значитъ *Дѣвственница, Дѣва:* этимъ прозваніемъ выражали язычники чистоту Воздуха, котораго Паллада была олицетвореніемъ. Glaukopis, cerulea, вовсе не имѣло у древнихъ значенія *голубоокая*, которое приписали ему новѣйшіе толкователи. Это слово значило только *синевидная*, и обыкновенно присоединялось къ прозванію Athênê, Невриня, Невидимка. *Синевидная Невидимка*, я полагаю — названіе нѣсколько незамысловатѣе чѣмъ *свѣтлоокая Авинея*, и въ идеѣ

незримости явственнаго для глазъ синяго явленія, конечно, болѣе поэзіи нежели во всѣхъ голубыхъ глазахъ — если бы дѣло шло о поэзіи, о фантазіи, о вымыслѣ. Но тутъ — дѣло религіозное, какъ и во всѣхъ прозванівхъ боговъ. Мы уже достаточно видѣли и, кажется, убѣдились, что въ этихъ прозвищахъ, даже въ самыхъ живописныхъ или самыхъ странныхъ, содержится всегда смыслъ мистическій, выведенный изъ коренныхъ догматовъ вѣры. Непостижимое заблужденіе — воображать, будто-бы въ какой-либо религіи, особенно въ такой суевѣрной и такой взыскательной какова была языческое многобожіе, могло быть дозволено поэту обойти термины, утвержденные храмами и принятые народнымъ благоговѣніемъ, и играть предметами вѣры по усмотрѣнію своихъ вдохновеній! Cerulea dea Латиновъ, то есть *Синяя богиня*, или *Синяя дѣва*, Синьдѣва, Синева, подтверждаетъ этотъ простой смыслъ, котораго религіозная важность довольно здѣсь показана. Латинское прозваніе Minerva, по этимологіи, относится къ памяти и къ уму, и можетъ-быть переведено *Разумница*.

Димитра, dimêtêr по іонійскому выговору, слѣдственно по другимъ dêmêtêr и dâmâter — потому-что произношеніе буквы êta было самое непостоянное и безпрестанно изъ ê переходило въ *ĕ* и въ a, смотря по діалекту, составилось явственно изъ усилительной частицы da, *пре*, съ измѣненіемъ a въ *ê*, по обычаю Іоновъ, или, если угодно, изъ частицы *dê*, которая значитъ *да*, *истинно*, *справду*, и изъ слова mêtêr, *матерь*, *мать*. Оно — названіе Цереры,

Digitized by Google

то есть Луны или свѣтлаго проявленія невидимой темноты, *Яры* (Юноны), ставшей органическою матеріей и начавшей отдѣльно дѣйствовать въ природѣ какъ растительное начало. Прозваніе это представляетъ смыслъ, равный выраженіямъ *прематерь*, *айдаматерь* или *поистинѣ-матерь* — смыслъ простой, естественный — сообразный съ духомъ языческой терминологіи и пріемами языка Грековъ. Толкователи миѳологіи несказанно затруднялись этимъ dê, началомъ слова dêmêtêr, и, наконецъ, рѣшили міромъ, что dê какимъ-то чудомъ возникло здѣсь изъ gê, *земля*, изъ превращенія буквы g въ букву d, и что первоначально говорилось Gêmêtêr, Земля-матерь. Это уже слишкомъ высокая словарная поэзія! Превращеніе g въ d совсѣмъ не въ натурѣ греческаго языка, гдѣ обѣ эти буквы очень тверды и, слѣдственно, очень не податливы на взаимные переливы: мѣняются только мягкія g и d, а не такія, каковы *гамма* и *дельта*. Да и примѣра нѣтъ, ни въ какомъ другомъ случаѣ, чтобы Земля въ греческомъ, или въ сродныхъ ему языкахъ, именовалась *dé* или *dî*. Чтобы Лунѣ стать Церерой, для этого ей вовсе не нужно дѣлаться непремѣнно Землею. Пока многобожіе понимали мы по народнымъ легендамъ, разномѣстнымъ и отрывочнымъ, которыя зовутъ «миѳологіей», родословныя и семейныя связи боговъ и богинь могли почитаться чѣмъ-то существеннымъ и доводить ученыхъ мужей до головной ломоты. Извѣстно, какая сбивчивость господствуетъ въ этихъ сказаніяхъ насчетъ Луны и Земли, которыя поочередно являются то Юноной, то Діаной, то Це-

Digitized by Google

рерой, то Кивелой, такъ что разобрать между ними часто нѣтъ возможности. Но этой путаницы не существовало бы, еслибъ древнія прозванія были вѣрно переводимы и обнаруживали ясно каждому тотъ смыслъ, который мы убиваемъ страстью къ *собственнымъ именамъ* — въ теоріи космогоніи! — въ многобожіи древнихъ!

Эѳиръ, свѣтъ и темнота вмѣстѣ, растворенное, всюду разлитое *невидимое Солнце*, проявляя свое тайное свойство Свѣтозарности, становится видимымъ въ образѣ яснаго шара, вещественнаго Солнца, которое въ свою очередь становится животнымъ началомъ. Потомъ, тотъ же эѳиръ, проявляя свой даръ быть также и темнымъ, становится осязаемою, полу-прозрачною матеріей, которая должна дать живую плоть всему, что̀ эѳиръ, являющійся вслѣдъ за тѣмъ Жизнью, долженъ оживить. Эта ярая матерія, или Яра, преображеніе всюду разлитой невидимой Темноты, эта растворенная въ пространствѣ невидимая Луна, дѣйствуетъ паралельно невидимой Свѣтозарности: проявляется видимымъ бѣлымъ шаромъ въ родной темнотѣ ночи, видимою Луною, а та, параллельно Солнцу, оказывается съ своей стороны растительнымъ началомъ. Какъ вы видите, по этой теоріи, растительность относится къ животности, какъ женскій полъ къ мужскому: просто, нѣмецкая *поляризація половъ!* Но вы также видите и то, что Юнона, Діана и Церера, только представляютъ собою три стороны одного предмета — именно три условія бытія славной и пылкой Яры, органической матеріи, что всѣ онѣ, вмѣстѣ — и Земля и Луна, въ

Digitized by Google

какомъ-нибудь отношеніи, но не та Луна и не та Земля, о которыхъ вы думаете при чтеніи сказочекъ символическаго баснословія, а Луна и Земля отвлеченныя, разлитыя въ пространствѣ, Небеса (Juno). Луна и Земля, какъ три проявленныя формы эоира, ставшаго ярой матеріей; какъ общая органическая матерія, какъ организирующая растительная сила и какъ организирующееся растительное вещество. Въ проявленіи своемъ видимою луною, Яра получаетъ прозванія *Полни* (совершенства), точнѣе *Ярополни*, *Ярославны*, Artemis, и *Дивы*, *Дивонодьвы*, Diana. Въ дальнѣйшемъ проявленіи растительнымъ веществомъ, дѣйствующемъ уже посредствомъ земли и ея плотности—она *Прематерь*, *Мать-кормилица*, *Хлѣбородица*, *Благодатная*, *Цвѣтовита*, *Сертуха*, *Колосовѣнчанная*, Dèmêtêr, Ceres, и прочая.

Матеріяльности темнаго эоира какъ плоти соотвѣтствуетъ матеріяльность свѣтлаго эоира, или Яса, какъ земнаго огня. Это одно изъ самыхъ наивно остроумныхъ умозрѣній язычества. Огонь родился отъ яснаго эоира и ярой матеріи, отъ Живе-Дива и Яры. Но чадо ихъ вышло престранное: оно дымится, коптитъ, пыхтитъ, все маратъ и все портитъ—гадкое такъ что ужасъ—и одноногое—горятъ ли огнемъ масляныя вещества или дрова, у него всегда только одна ножка — свѣтильня — лучина — полѣно; грязное, неуклюжее, глупое дитя, и между-тѣмъ одно оно только и умѣетъ мягчить, прясть и плести металлы, выдѣлывать изъ нихъ самыя изящныя и самыя тонкія формы. Для надлежащей ясности дѣла, надо вспо-

Digitized by Google

мнить или посмотрѣть несравненное совершенство филиграновыхъ работъ глубочайшей древности—произведенія, напримѣръ, Этрусковъ, которыхъ слава, по части «галантерейныхъ издѣлій», затмѣвалась однакожъ знаменитостью Финикійцевъ, когда Тиръ былъ Парижемъ Гречанокъ; когда, услышавъ о приближеніи корабля изъ этой столицы моды и вкуса, весь прекрасный полъ Эллады выбѣгалъ на морской берегъ и ждалъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ выгрузки прелестей и счастія. Несмотря на этотъ драгоцѣнный даръ огня, въ свѣтломъ и чистомъ Ясѣ, на небѣ, ему не могло быть мѣста съ такой грязной и гадкой натурой. Живъ-дивъ, Распребѣшенникъ по своему наияснѣйшему характеру, схватилъ его за единую ножку и выбросилъ на землю. Но какъ ни гадокъ, золъ, нечистоплотенъ огонь, при неблагопристойныхъ примѣтахъ и рядомъ съ ними въ немъ есть удивительная красота—всѣ цвѣта радуги—блескъ, сіяніе—отрада для глазъ. *Самогаръ* явственно состоитъ въ брачномъ союзѣ съ *Самокрасой*. На этотъ-то таинственный союзъ Огня и Красоты указываетъ Пиндаръ въ началѣ одной изъ знаменитѣйшихъ одъ своихъ, въ которыхъ, вообще—бездна языческой *мудрости*. Разумѣется, они плохо уживаются другъ съ другомъ. Прелестная Самокраса не можетъ любить его, и она, тайкомъ, гуляетъ отъ пыхтящаго и копотнаго съ другимъ болѣе нѣжнымъ и учтивымъ огнемъ—смѣлымъ—доблестнымъ, славнымъ—съ мужскимъ пыломъ природы, отличнѣйшимъ качествомъ ярой матеріи, олицетвореннымъ мужествомъ, однимъ словомъ,

Digitized by Google

Мужаномъ, Mars, Arês. Какъ ловко, забавно и совершенно простонародно изложено все это ученіе въ восьмой книгѣ «Одиссеи»! Мы переведемъ это мѣсто буквально.

Hêph-aistos и Aph-roditê, въ самомъ дѣлѣ, значатъ *Самогаръ* и *Само-краса*. Aistos правильно происходитъ отъ aithô, *горю;* rhodos, германское roth, значило первоначально, все красное и красивое, впослѣдствіи же примѣнено исключительно къ красной розѣ и ея прелести: rhoditê въ точности соотвѣтствуетъ нашей формѣ *красавица*. Въ началѣ обоихъ греческихъ названій находится слогъ aph или, все-равно, êph, и въ имени Самогара онъ даже — съ придыханіемъ h: *haph*-aistos или *hêph*-aistos, и *aph*-roditê. Слогъ этотъ, сомнительнаго происхожденія, затруднялъ уже древнихъ богословъ, для которыхъ прозванія боговъ составляли предметъ необыкновенной религіозной и философической важности. Но не трудно показать совершенно удовлетворительнымъ образомъ, что эти af и hêf произошли отъ сокращенія avto и heavto, самъ, и самъ собою — *Самъ-собою-гаръ* — *Самокраса*. Не умѣя, при своихъ ничтожныхъ филологическихъ средствахъ, разобрать этихъ словъ, жрецы постарались объяснить вопросъ каламбуромъ. Вмѣсто того, чтобы читать, естественно, Aph-roditê, они стали читать aphro-ditê; и какъ aphros значитъ *пѣна*, то и сочинили безтолковую легенду, которая ни съ чѣмъ не вяжется, о *добровольномъ* рожденіи Красоты изъ морской пѣны: однакожъ, о *добровольномъ* — явственно, потому-что въ древнѣйшихъ преданіяхъ вѣры упоминалось о *само*-бытности

Digitized by Google

Красоты, нѣкогда выраженной первымъ слогомъ прозвища Af-roditê. Самокраса была *небесная* и *земная*, то есть невещественная и вещественная. Первая составляла самобытное свойство эѳира и проявлялась въ ясѣ, въ солнцѣ, въ звѣздахъ, въ воздухѣ и воздушныхъ огняхъ (электричествѣ), словомъ, во всемъ *Убранствѣ*, то есть мірѣ—потому-что языческій мистицизмъ называлъ міръ не иначе какъ Убранствомъ, kosmos, mundus. И здѣсь-то вполнѣ понятно, отчего Красота получила названіе *Само*красы. Вторая Самокраса, земная, вещественная, горячая, страстная, была связана съ матеріальнымъ огнемъ и, въ животномъ видѣ, проявлялась голубемъ, символомъ оплодотворительности.

Прозваніе Artemis, Полія, совершенство, которое обыкновенно означало Луну, латинскую Діану, въ нѣкоторыхъ богослуженіяхъ было присвоено Небесной Самокрасѣ, Venus coelestis.

Эѳиръ, скрытый въ хлѣбномъ зернѣ, въ виноградѣ, въ финикахъ, въ плодахъ, въ сахарѣ, и который мы нынче называемъ алкоголемъ, этотъ эѳиръ, отдѣляющійся при разложеніи растительныхъ веществъ черезъ броженіе, возбуждалъ всегда удивленіе языческихъ философовъ природы не менѣе притягательныхъ свойствъ магнита. Эѳиристы думали видѣть, въ хмѣльномъ началѣ плодовъ, неоспоримое доказательство присутствія здѣсь эѳира и того великаго догмата, что все состоитъ изъ него въ различныхъ степеняхъ сгущенія и все въ него разрѣшается. Вотъ основаніе той необыкновенной важности, которую, у Грековъ особенно, имѣли Таинства Вакха, или Діониса. Она кажется

Digitized by Google

намъ смѣшною, даже непостижимою: между-тѣмъ она не только—совершенно въ духѣ эѳирной теоріи, обращенной въ религію, но даже главная опытная ея опора. Dionysos значитъ *Дивовъ уколъ*, *Ясово жало*, *Ясь-Упой*, Bakchos—*Изступъ*, *Одурь*, чудныя и очевидныя дѣйствія «распребѣшеннаго» эѳира. Скиѳы, отъявленные пьяницы, не вѣрили, чтобы тутъ было какое-нибудь чудо—человѣкъ нарѣзался браги и свалился съ ногъ, вотъ и все тутъ!—и вакхическія таинства Грековъ въ торговыхъ городахъ Гостиной Пучины были, на ихъ глаза, ужаснѣйшимъ соблазномъ.

Свойство легкости, летучести и быстродвижности эѳира, свойство проницать всюду, наполнять собою все пространство, и все содержать въ порядкѣ, благоустройствѣ, равновѣсіи и прочности—выражались символомъ Меркурія, Hermês, бога съ крылышками у ногъ и на головѣ, посланца и истолкователя всѣхъ прочихъ свойствъ эѳира или боговъ. Нынѣшняя ондуляціонная теорія свѣта, которая волнѣ эѳира велитъ пробѣгать до трехъ сотъ тысячъ верстъ въ секунду, должна превосходно понимать пользу Меркурія, представителя быстродвижности этого міроваго вещества. Herma значитъ опора; hermasis, уравновѣшеніе; hermazô, подпираю, упрочиваю, устроиваю, уравновѣшиваю; hermencuô, прилаживаю, подбираю слова къ смыслу, объясняю. Въ этихъ значеніяхъ заключаются всѣ главнѣйшія должности Меркурія. *Hermês* значитъ, прежде всего, *Опорный*, какъ кругъ горизонта, на который опирается небесный куполъ вселенной и

Digitized by Google

который служитъ ему взаимно опорою. Назовемъ его, для большей ясности идеи, *Кругопоромъ*.

Въ другомъ смыслѣ, Гермесъ или Эрмій—*Равновѣсъ*, потому-что этотъ кругъ раздѣляетъ небесную сферу на двѣ равныя половины, и держитъ равновѣсіе между верхнимъ царствомъ свѣтлаго Яса, Диве, и нижнимъ царствомъ темнаго Яса, Темноты, Яры (Юноны, Земли), или между эѳиромъ какъ первою силою и эѳиромъ, какъ производительною матеріей. Въ этомъ смыслѣ также онъ *Устрой*, *Благочинный*, и *Полезный* (а не *податель благъ*, какъ перевели въ Боннѣ). Прочія прозванія его: *Душеводъ* — потому-что кругъ горизонта служитъ проходомъ для душъ покойниковъ изъ ясной половины небесной сферы въ темную, въ царство Тьмы, *Скороходъ*, *Быстролетъ*, *Меткоцѣлъ*, *Соглядатай*, *Посланникъ*, *Толмачъ*, *Краснобай*, и прочая. Въ алхимической симболикѣ, гдѣ ртуть изображаетъ быстродвижность эѳира въ металлическомъ состояніи, одинъ изъ видовъ *Кругопора*, или *Устроя*, и такъ *полезна* для отъискиванія признаковъ золота, прозвища Гермеса или Меркурія не менѣе разнообразны.

Круговоръ, какъ Устрой и Благочинный, былъ между прочимъ, чрезвычайно *полезенъ* для отвода дурнаго глаза. Въ Аѳинахъ, передъ каждымъ домомъ, у входа, стояли двѣ *опорки* (каламбуръ изъ звуковъ и значеній словъ herma и hermês), два каменные столбика, длятого чтобы первый взглядъ дурнаго глаза завистника, который входитъ въ домъ, взглядъ самый опасный, палъ на эти *опорки* (гермесы) и на нихъ притупился. Въ Египтѣ *опор-*

Digitized by Google

ки такого рода бывали нерѣдко колоссальны: это —знаменитые обелиски, воздвигавшіеся съ той же «полезною» цѣлью у входа въ дворцы и храмы, по обѣ стороны главной двери. Передъ частными домами обелиски въ Египтѣ бывали не выше гермесовъ въ Аѳинахъ. Водились даже, и нынче можно видѣть въ музеяхъ, для большей безопасности обелиски комнатные, тоалетные, карманные, какъ изображенія эѳирнаго свойства всеустроительности и уладчивости, какъ символы ко всему полезнаго *Кругопора* и, главное, какъ отличные глазоотводы на случай посягательства завистниковъ на ваше счастіе. Ничто не пропадаетъ подъ луною. Гермесы съ великимъ шумомъ возродились въ Европѣ, во второй половинѣ прошедшаго столѣтія, подъ названіемъ громоотводовъ. Но, въ настоящее время мудрѣйшіе изъ физиковъ полагаютъ, что наши громоотводы, ровно столько же *полезны* какъ и древніе глазоотводы, гермесы или обелиски. Суевѣрія мѣняютъ только названія, но человѣкъ всегда возвращается ко льстивой мечтѣ, если не путемъ невѣжества, то путемъ науки.

По случаю любопытнаго вопроса о *Кругопорѣ* или *Устроѣ*, нельзя пропустить одного важнаго обстоятельства, до него лично касающагося, и которое весьма полезно знать изслѣдователямъ славянскихъ миѳологій, потому-что оно превосходно объясняетъ сущность и духъ язычества какъ религіозной теоріи. Вотъ оно. Во *Ѳракіи* или *Фракіи*, которую уже пора бы намъ называть *Тракіей*, какъ она и называлась, не Юпитеръ, не Зевсъ, не *Живе-Дивъ*, былъ первымъ и главнымъ богомъ на небѣ,

Digitized by Google

но *Кругопоръ* или *Устрой*, Hermês, Mercurius; и ни Греки ни Римляне, не почитали Фраковъ, то есть Траковъ, еретиками. Напротивъ: многіе храмы въ собственной Греціи и въ Малой Азіи слѣдовали тракскому толку и первыя почести воздавали Гермесу, *Кругопору*, *Устрою*, *Толмачу*, ставя *Живе-Дива* или Зевса въ разрядъ второстепенныхъ божествъ. *Толмача* называли даже *Закономъ* или *Ладомъ*, и присвоивали ему всѣ лучшія прозвища Живе-Дива. Какъ это могло быть?—великое удивленіе у новѣйшихъ классическихъ и историческихъ критиковъ:—а это было очень просто.

Одна, самобытная, основная и всеобщая сила существуетъ и дѣйствуетъ въ природѣ, и ей-то покланяется язычество. Это — эѳиръ, ясъ, вёдро, wether, въ латинскомъ просторѣчіи serenum, отчего во французскомъ осталось донынѣ serein — le serein tombe, въ значеніи: *роса падаетъ*, которая, какъ извѣстно, падаетъ только при *ясномъ* (эѳирномъ), безоблачномъ небѣ — и отчего въ нижней латыни слово serenissimus, наияснѣйшій, пресвѣтлѣйшій. Это обожаніе эѳира было, какъ вы видите, повсемѣстно въ древнемъ мірѣ. Многобожіе это— эѳиръ, разложенный на свои главныя свойства, которыя, повторимъ съ Геродотомъ, нужно *умѣть только хорошо называть*. Какъ всѣ свойства эѳира равно благородны и равно святы для язычества, то не все-ли равно признать первымъ и самымъ чудеснымъ между ними то или другое, по своему любомудрствующему разумѣнію, и въ немъ сосредоточить всѣ прочія? Тракамъ, и послѣдователямъ ихъ умозрѣнія, показалось, что свойство эѳира

Digitized by Google

двигаться съ непостижимою скоростью, все устраивать, все подпирать, укрѣплять и содержать въ прочномъ порядкѣ, еще удивительнѣе свойства его давать жизнь всему составляющемуся изъ *яркой* его стороны, и Жива-Дива они вынесли за кулисы, а на главной сценѣ поставили Кругопора, Устроя или Благочиннаго.

Это ученіе Траковъ стоитъ полнаго вниманія нашихъ археологовъ. Кто бы ни были Траки первоначально—одинъ извѣстный гелертеръ, въ своемъ миѳологическомъ бреду, недавно доказывалъ, что они когда-то были умнѣйшій и образованнѣйшій народъ въ поднебесной, просвѣтившій Грецію, населившій Малую Азію, основавшій все великое и славное на землѣ — кто бы они ни были въ то незапамятное время, — несомнѣнно то, что уже при Геродотѣ Тракія населялась Готами и Славянами вмѣстѣ. *Готъ* или *Славянинъ*, это все равно. Некогда толковать теперь, слово ли *готинъ* переведено словомъ *славянинъ*, или слово *славянинъ* словомъ *готинъ*: довольно указать только одно занимательное обстоятельство. И готское имя Gauthus, Godas, Gaudynus, Gothunus, отъ котораго въ англійскомъ и англо-саксонскомъ донынѣ остается gaudy, и наше *Славянъ* или *Славянинъ*, равно значатъ *славящійся*, даже *тщеславящійся*, а у Геродота главный скиѳскій народъ названъ въ греческомъ переводѣ Auchatae, что̀ также значитъ и *славящіеся* и *славящіе себя* и *тщеславные*. Однозначительность этихъ двухъ народныхъ названій такъ ясна и такъ велика, что невозможно было бы разобрать, о Готахъ ли онъ говоритъ или о Славянахъ,

Digitized by Google

если бы другія мѣста его разсказа не показывали, что тутъ были и Готы и Славяне вмѣстѣ, только Славяне — подъ владычествомъ Готовъ, которые и есть его *Царствующіе Щиты* (basilevontes Skythae, или Skoloti, Skoldi, Skjöld; по Несторову выговору *Осколдъ*), и Птоломеевы Великаны-Щиты или, все-равно, Великіе-Русскіе, Boruski *. Баснословно-политическое имя племени Готовъ въ древности было положительно *Щитъ*, но, отъ двухъ родовъ готскихъ щитовъ, sköld i rüs, одна часть племени, какъ кажется, называлась Sköldi или Skölti, а другая Rüs или Rys: нѣтъ однакожъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что обѣ части составляли одинъ и тотъ же народъ, и что оба эти названія

---

* У Нестора—*пришли въ Кіевъ воеводы Рюрика, Осколдъ и Диръ.* То есть пришли *Скиѳъ* (Готъ, Щитъ) и *Великанъ*. Каждому, кто знакомъ съ языками исландскимъ и готскимъ, извѣстно, что dir есть одно изъ прозваній гигантовъ. *Осколдъ* — простонародный выговоръ слова *Сколдъ*. Греческое Sküth совершенно правильно образовано изъ готскаго Skjöld: l передъ d не произносилось, въ большей части случаевъ, и d въ концѣ словъ выговаривалось какъ t. Сотни доказательствъ этого можно привесть изъ готскаго и изъ исландскаго. Слѣдовательно, Греки очень основательно Skjöld (*скетъ*) произносили *Скютъ*, Skytha. Но самъ же Геродотъ прибавляетъ: мы, Греки, такъ называемъ ихъ, *Скютъ*, а *собственно на ихъ языкѣ они называются* Skolot (Skolt), *по имени перваго царя своего*. Раскройте саги: кто первый царь всего готскаго и скандинавскаго племени?... Skjöld или Skolt. Кто Осколда и Дира принимаетъ за историческія лица, того можно поздравить съ особеннымъ даромъ снисходительности къ народнымъ сказаніямъ.

Digitized by Google

принимались въ Европѣ и Азіи одно за другое. Всюду, гдѣ Греки выводятъ на сцену *Скютовъ* или *Сколотовъ*, въ древнѣйшихъ преданіяхъ Персовъ вы находите *Русовъ*. Славяне, и въ Тракіи и въ этой сторонѣ, всегда жили подъ властью Готовъ—Царствующихъ Скютовъ или Сколотовъ—*подъ мягкимъ кнутомъ*, какъ увѣряетъ Геродотъ. Но какъ Славяне обыкновенно бывали многочисленнѣе, и Готы, правящіе ихъ поколѣніями посредствомъ своихъ династій, нерѣдко забывали родной языкъ среди людей полянскихъ, вятскихъ (то есть вентскихъ), радимскихъ, древлянскихъ, дрегвицкихъ и другихъ, то многіе изъ Готовъ говорили *словомъ словаческимъ*, нашимъ, человѣческимъ. И тутъ-то является необходимость, и для Готовъ по роду, и для Человѣковъ ставшихъ Готами по закону завоеванія, перевесть слово Gaudus на общій языкъ. Оно и переведено *Славянъ*, *Словянинъ*, по коренному обычаю древности переводить всѣ собственныя имена; и это переводное названіе могло уже быть съ одинаковою гордостью употребляемо и покорителями и покоренными. Наоборотъ, гдѣ люди *словаческой* породы, живя между Готами и были немногочисленны въ сравненіи съ ними, тамъ, естественно, они принимали и языкъ Готовъ и племенное прозваніе Gaudus, Godynus. Коротко сказать, между Готами и Славянами, чѣмъ далѣе мы восходимъ въ древность, тѣмъ труднѣе опредѣлить различіе. Если у Траковъ опорное, равновѣсное и быстродвижное свойство яса поставлялось выше свойства жизненности, то этотъ толкъ, черезъ Готовъ или черезъ Славянъ, вѣрно удѣлился и нѣ-

Digitized by Google

которымъ другимъ областямъ сѣвера. Въ самомъ дѣлѣ Великій Ладъ Людоѣдовъ-Литовцевъ, ихъ Didis Lado, русскій *Диди Ладо*, означая то же что̀ греческое Logos, первобытный Законъ въ Темени, по многимъ признакамъ очень похожъ на Гермеса. Знаменитое тракское ученіе, какъ кажется, не ограничивалось Дунаемъ.

Одобряя Траковъ по дѣлу Гермеса, за что̀ же Греки, какъ видно изъ аллегоріи о Полифемѣ, не жаловали одинистовъ? Кривичи наши—вмѣстѣ и Славяне и Готы, какъ жившіе подъ владычествомъ Готовъ Щитовъ—Геродотъ говоритъ, что именно въ этихъ мѣстахъ, у верховьевъ Днѣпра и Волги (Gerrhos), живутъ *Щиты многочисленнѣйшіе и благороднѣйшіе, которые царствуютъ надъ всѣми прочими* — и за-одно съ Кривичами Готы, поселившіеся въ Швеціи и на Поморьѣ — могли оправдывать свой толкъ тѣмъ, что одно изъ прекраснѣйшихъ свойствъ эѳира или яса состоитъ въ дарѣ его проявляться въ благородномъ образѣ человѣка-мужчины, и что это свойство они почитаютъ первымъ изъ всѣхъ и изображаютъ его въ лицѣ Одинна, Воданна (Несмерта), Хароса, Ярослава, Гарольда, Крива, или какъ угодно назовите его. Въ самомъ дѣлѣ, оправданіе благовидно, и Греки вслухъ не спорятъ: они уважаютъ догматъ, но — тутъ есть оттѣнокъ. Несмертъ, Ярославъ или Геркулесъ, былъ сперва человѣкъ — онъ только воплощеніе Жива-Дива — онъ родился отъ тлѣнной женщины, состоялъ изъ ярой матеріи, и даже представлялъ собою ея оппозицію притязаніямъ этого Ростовщика Эѳира смотрѣть на нее какъ на стра-

Digitized by Google

дательное орудіе своихъ наслажденій. Притомъ же этотъ Ярославъ или Кривъ такой гадкій — съ однимъ круглымъ глазомъ во лбу — а Великаны Щиты, которые спускаются безпрестанно по Верюс-дену, по велико-русской или велико-щитовской рѣкѣ, и грабятъ Грековъ въ Гостиной Пучинѣ— такіе ужасные гиганты! По всѣмъ таковымъ уваженіямъ весьма прилично и полезно, чтобы Сѣгнѣвъ-Одиссей, первый классическій плутъ и, слѣдовательно, единственный человѣкъ, который въ состояніи съ ними справиться, высверлилъ этотъ негодный глазъ коломъ ихъ Криву-Ярославу, отъ котораго они и называются у легковѣрныхъ Гречиновъ Кривыми, *Одноглазыми*, Monophthalmi, а у себя *Кривичами*, то есть ни болѣе ни менѣе какъ Heraklidae, *Геркулесичи*.

Этотъ подвигъ считался такимъ важнымъ, что имъ затмѣвается даже славное путешествіе Одиссея въ преисподнюю. Когда онъ, хитростью, пробрался въ адъ, тѣнь Ахилла встрѣчаетъ его съ великимъ удивленіемъ, и какъ Ахиллъ Пелеевичъ былъ столько же боекъ на языкѣ сколько и на копьѣ, то, въ видѣ дружескаго привѣтствія, *плачетъ отъ радости, отпускаетъ онъ ему такія словатники* своимъ шутливо-казарменнымъ слогомъ:

«Наияснѣйшій Лаэртовичъ!... на всѣ шутки Одиссей!...
Подлецъ! что жъ ты еще знатнье этого выдумаешь въ могу своемъ?
Да какъ ты смѣешь въ адъ-то нисходить? Тутъ только мертвецы
Безмозглые живутъ, образы окаянныхъ тѣлъ нѣтлѣнныхъ! *
(XIII, 15).

* Переводъ совершенно буквальный — съ отвѣтомъ за

Но вотъ наияснѣйшій Одиссей Лаэртовичъ выдумалъ нѣчто еще по-знатнѣе этого — Одноглазнику, Кривичу, Ярославу-Полифему, который *считаетъ себя выше Живбога,* глазъ выдолбилъ! — ересь искоренилъ! — славное и богамъ угодное дѣло учинилъ!

Но я забываю, что нѣкоторымъ изъ моихъ читателей можетъ показаться — мало того, неслыханнымъ—даже ненатуральнымъ дѣломъ, чтобы *Кривичи* были *Гераклидами.* Они привыкли такъ глубоко уважать Гераклидовъ!.... и такъ низко цѣнить Кривичей!.... Но — кромѣ необходимости серіозно и съ приличными средствами заняться изслѣдованіями по такимъ предметамъ, прежде чѣмъ имѣть

каждое слово. Въ подлинникѣ вмѣсто *наияснѣйшій* стоитъ *дивородный*, но уже здѣсь показано, что *дивородный* было у Грековъ титуломъ, во всей точности соотвѣтственнымъ прежнему славянскому *ясньйшій*, *свѣтлѣйшій*. Эпитетъ polymêchanos, который Ахиллъ даетъ старому пріятелю Одиссею, буквально значитъ *многошитучный*, но въ русскомъ языкѣ такое слово было бы двусмысленно. Мы говоримъ обыкновенно: человѣкъ *на всѣ штуки*. Вѣрности ради, можно бы сдѣлать изъ этого выраженія прилагательное *навсештучный*, но употребительное всегда лучше придуманнаго. Слово *окаянный* есть отличный славянскій переводъ слова katôn, находящагося въ подлинникѣ и неправильно объясняемаго въ словаряхъ словомъ *умершій*. Для слова phrên, *сердцевые ушки* и, вообще, вся ближайшая окрестность сердца, у насъ нѣтъ однозначащаго выраженія на томъ простомъ языкѣ, которому phrên принадлежитъ: на медицинскомъ нашемъ языкѣ есть слово *околосердіе*, но оно слишкомъ неуклюже. Нѣтъ другаго средства, какъ допустить, вмѣсто однозначащаго, равносильное, *мозгъ*.

Digitized by Google

объ нихъ сужденіе — кромѣ отличной пользы для вопроса узнать напередъ все, что нынче можно узнать по этой части — не противно здравому смыслу принять въ соображеніе хотя одно, слѣдующее, обстоятельство. Если Геркулесъ существовалъ и былъ въ чести у всего язычества—а у *Щитовъ*, Скиѳовъ, Скютовъ, Скольдовъ или Рюсовъ, онъ существовалъ положительно—былъ извѣстенъ Грекамъ и Римлянамъ подъ названіемъ *Скиѳскаго Геркулеса*—то Гераклиды, или Геркулесичи, должны непремѣнно обнаружиться въ разныхъ мѣстахъ древняго міра. Ненатуральное дѣло было бы, напротивъ, то, если бы Гераклиды водились въ одной только Греціи, и нигдѣ болѣе слѣда ихъ не открывалось бы въ историческихъ памятникахъ, между-тѣмъ какъ мистическое вѣрованіе въ Геркулеса, Hari, Яра или Ярослава, Хероса, распространялось отъ Ботническаго до Персидскаго Залива, отъ Печоры до Тага. Къ счастію, при надлежащемъ сличеніи всего, что въ наше время уже можно сличать удобно, все оказывается совершенно сообразнымъ съ *натурою вещей*.

Гераклиды существовали во многихъ мѣстахъ. Вы помните *Арію*, благороднѣйшую область древней южной Персіи, отечество Камбюсовъ и Дарієвъ? *Ари* въ древне-персидскихъ языкахъ означаетъ во всей точности то же что Hari у Англосаксовъ и Скандинавовъ, Her и Har у Латиновъ, Тусковъ и Тудесковъ, Char или Charus у Готовъ, Hêra у Грековъ, Яръ у Славянъ—повсюду предикатъ Геркулеса или первый слогъ его титуловъ. *Арія*, слѣдственно, значитъ *Арія*, Геркулесовщина:

Digitized by Google

это положительно. Тутъ также жили Гераклиды, люди производившіе родъ свой отъ Геркулеса. Между титулами, которые даетъ себѣ Дарій, сынъ Истаспонъ, мы находимъ: *Ари Арияотра—я Аріецъ Аріевичъ*—сынъ Арія, Геркулеса, какъ всѣ Арійцы.

Обратимся теперь на сѣверъ. Кривичи—исторически извѣстно—вели свой родъ отъ Геркулеса. У Геродота, Царствующіе Скиѳы живутъ *главно* и *преимущественно* въ томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи времени открываются Кривичи: въ *Геррахъ*, что значитъ—въ *Рюсахъ* или *Щитахъ*—въ Птоломеевой *Бо-русіи* или древней *Велико-Россіи*—именно, у верховьевъ *Бо-Рюсъ-тена*, велико-русской рѣки, Днѣпра. Живутъ они отъ мѣста, называемаго Тарhi (*Могилы*, переводъ имени Могилевъ)—тутъ же близко есть и ихъ *царство*, basilia, то есть столица (Смоленскъ или Орша: orsza въ языкѣ Угровъ, или Мадьяровъ, которыхъ столицею, по венгерской хроникѣ Неизвѣстнаго, была Суздаль, orsza дѣйствительно значитъ *царство;* но навѣрное и Готы и Славяне употребляли это слово равномѣрно, потому-что это—знаменитое слово *орда*, громогласное во всѣхъ сѣверо-азіятскихъ и восточно-европейскихъ языкахъ, завѣтный историческій терминъ для означенія вмѣстѣ и *царства* и столицы). Отъ *Могилъ*, живутъ эти Царствующіе Скиѳы до рѣки Gerrhos, что также значитъ рѣка *Русъ:* Gherros есть буквальный греческій переводъ готскаго слова *рюсъ* (rys), означающаго именно тотъ самый родъ огромнаго и легкаго щита, плетенаго изъ тальнику и обитаго кожей, который Готы называли rys (произноси *рюсъ*), а Исландцы

Digitized by Google

на своемъ нарѣчіи reit, откуда у нихъ, въ ихъ сагахъ знаменитая и древняя какъ свѣтъ Reith-Gauthland, названіе совершенно равносильное готскому Rys-Gaudland, Щито-Готландія или, все-равно, Рюсо-готская Земля. Удивлялись, отчего о Руссахъ нигдѣ не говорится въ исландскихъ или такъ-называемыхъ *скандинавскихъ* сагахъ, если Руссы вышли изъ Скандинавіи—если даже послы свейскаго короля называли сами себя Русами—если Аравитяне въ девятомъ столѣтіи Норманновъ, ограбившихъ Севилью, вдругъ неизвѣстно откуда именуютъ Русами—если въ Византіи также даютъ названіе Русовъ дружинѣ, набранной изъ скандинавскихъ выходцевъ. На этомъ отсутствіи имени *Рюсовъ* въ исландскихъ сагахъ строили даже цѣлыя системы. Да какъ же тамъ можетъ встрѣчаться имя *Рюсъ*, когда *рюсъ* значитъ особенный родъ *щита* и это—готская форма, а исландскія саги писаны на нарѣчіи дано-норвежскомъ, въ которомъ тотъ самый щитъ называется reit—въ англо-саксонскомъ reus? Reit-Gotland встрѣчается почти въ каждой сагѣ—даже дѣйствіе большей части древнѣйшихъ и интереснѣйшихъ сагъ происходитъ въ *Reit-Gotland*'ѣ, нынѣшней Россіи, а *Reit-Gotland*—все-равно что Rys-Gotland или Rüs-Gotland: Щито-Готія. *Рюсъ*—имя миѳо-политическое, а не племенное, такъ же какъ *Скольдъ* или *Сколоты*. Рюсъ собственно прилагается къ Готамъ. Притомъ же не всѣ Готы были *Рюсъ*, какъ не всѣ Скандинавы были *Готъ*. Готы, жившіе въ Швеціи, хотя и пришли туда изъ Рейтъ-Готландіи или Рюсъ-Готландіи, не употребляли прозванія *Рюсъ*

Digitized by Google

правительственно, составляя владѣніе подъ другимъ политическимъ наименованіемъ. На Востокѣ, съ-тѣхъ-поръ какъ солнце обтекаетъ его на памяти исторіи, Готовъ называли не иначе какъ *Рюсь*, между-тѣмъ какъ Греки знали ихъ подъ двумя однозначащими названіями, и *Скюѳъ* или *Сколѳъ* (по нашему несчастному произношенію, *Скивъ*) и *Рюсь* или Рюски (Boruski). Въ глубокой древности, рядомъ съ названіемъ *Скюѳъ* или *Сколѳъ* названіе *Рюсь* проявлялось у Грековъ въ готскомъ имени рѣки, Днѣпра, Bo-rüs-then, и въ днѣстровскихъ *Бо-русахъ*, или скрывалось въ переводномъ названіи Gerrhi. Въ овосточившейся Византіи, когда вышло изъ моды классическое слово *Скюѳъ*, слово *Рюсь* взяло свой естественный перевѣсъ, и съ-тѣхъ-поръ оно не сходило тамъ со сцены. При появленіи Скандинавовъ, и Греки при Босфорѣ и Аравитяне въ Испаніи, въ одно время и въ одно слово вскричали: это—*Русь!* Они хотѣли сказать: это—Готъ! Если тутъ заключалась какая-нибудь неточность выраженія, такъ развѣ въ томъ, что они всѣхъ безъ разбора Скандинавовъ принимали за Готовъ. Но неточность эта совершенно простительна для такихъ отдаленныхъ судей. На нашей землѣ—на Поморьѣ—въ разныхъ мѣстахъ сѣверной Германіи и даже Швейцаріи — гдѣ только *сидьли* Готы, вы непремѣнно встрѣчаете названія *Рюсь*, Rys, Rüs, Reus, Reuth, Ruth. Отсюда и знаменитые германскіе principes Ruthorum — то есть principes Gothorum, князья именно тѣхъ Готовъ, которые удерживали за собою славный старинный титулъ *Щитовъ*. Все рѣшительно сходно съ нату-

Digitized by Google

ромъ вещей. Надо только — не на выдержку брать свидѣтельства и документы, а обнять и сличить ихъ въ цѣломъ — со всѣхъ концовъ міра свести во-едино — и составить себѣ ясное общее понятіе обо всемъ древнемъ мірѣ. Дѣло надо вести немножко энциклопедически — извините такую дерзость — но другой процедуры въ вопросахъ такого рода быть не можетъ.

Браните, но выслушайте. Меня обвинятъ, можетъ-статься, въ дерзкомъ намѣреніи произвесть этими сближеніями переворотъ въ историческихъ идеяхъ людей, которые и важнѣе и умнѣе меня. Вотъ уже была бы несправедливость! Я — въ высшей степени консервативный изслѣдователь; доказываю смиренно, что подъ луною все старо какъ луна: гдѣ Россія — Великая Россія — лежитъ нынче, тамъ она и всегда лежала, подъ тѣмъ же безсмертнымъ названіемъ; и съ-тѣхъ-поръ какъ свѣтъ стоитъ, володѣли въ ней Руссы-Щиты, славные *Готы* или *Славяне* — что все-равно — володѣли лично или посредствомъ своихъ династій; и изъ таковыхъ династій послѣднею и самою счастливою была династія Рурика, Гота-Рюса, пришедшаго, натурально, изъ Скандинавіи, потому-что прочіе Готы, мѣстные, давно уже оставили свою прославленную Рюсъ-Готландію или Рейтъ-Готландію, ушли володѣть въ Италію, Испанію, Африку, и тамъ пропали, а остатки ихъ въ бывшей Рюсъ-Готландіи слились совершенно съ славянскими или, правильнѣе, вендскими поколѣніями.

Все это принадлежитъ къ другому труду моему, давно начатому, долго, постоянно и съ великою

Digitized by Google

любовью, съ упорнымъ трудолюбіемъ, пополняемому среди почти безконечныхъ изслѣдованій. При нынѣшнемъ состояніи моего здоровья, когда я тихо бесѣдую съ читателями съ одра болѣзни, мнѣ простительно не надѣяться на приличное окончаніе этого труда. Я пересказываю здѣсь только нѣкоторые главные, общіе результаты его — сколько и какъ могу пересказать теперь — и только съ той цѣлью, чтобы добрыхъ людей, которые переживутъ меня — тружениковъ, не презирающихъ чужихъ соображеній и готовыхъ соображать тѣ же самые источники съ тѣмъ же вниманіемъ — навести на путь и мѣсто, гдѣ должно искать первыхъ слѣдовъ нашей исторіи, показавъ тутъ же, хоть слегка, что̀ можно найти. Вотъ я моя цѣль.

Главное же — и очень серіозно — я доказываю теперь только то, что мы — великаны. Мы-то тѣ страшные гиганты — циклопы — притча во языцѣхъ ветхости — о которыхъ сплетничали всѣ древніе суевѣры и которымъ высверлили глазъ въ «Одиссеѣ». Мнѣ хочется удостовѣрить почтенныхъ Смолянъ, что они дѣйствительно происходятъ отъ Геркулеса, какъ потомки древнихъ Кривичей. Я, можетъ-быть, успѣю вывести обстоятельно, если не теперь, такъ послѣ, что у нихъ, у Смолянъ, Одноглазниковъ, ужаснѣйшихъ исполиновъ въ мірѣ, было нѣкогда то, чего нынче нѣтъ — своя поэма — знаменитая — священная — подъ названіемъ Arimaspou — переведенная нѣкогда на греческій языкъ, столѣтій за шесть до Рождества Христова, однимъ

Digitized by Google

угорѣлымъ мистикомъ-язычникомъ. Нарочно за этимъ кладомъ пробрался онъ къ нимъ черезъ землю *Исидонъ*, что въ финскихъ языкахъ значитъ *Бѣлозеро* (wissi, *бѣлый*, don, *озеро*). Къ счастію, пріятель Геродота, толковавшій ему всѣ имена помощью готскаго языка, не гораздъ былъ на чухонскіе діалекты, и такимъ образомъ случайно сохранилъ намъ подлинное названіе мѣста. Отъ Бѣлозерцевъ прошелъ тотъ мистикъ къ *Съверным Людямъ*, Hyperborei (переводъ слова Nordmanner), на Волховъ, и былъ даже у *Чернокафтанниковъ*, Melanchlaeni: переводъ словъ «Чудь-Чухонская», tschŏd, въ разныхъ финскихъ языкахъ, черный, tschuha, tschuchay, кафтанъ, платье, и особенный родъ толстаго чернаго сукна, донынѣ извѣстнаго въ Бѣлоруссіи и Литвѣ — и не только тамъ, но даже у Татаръ, Турковъ и еще далѣе. Мало того: я надѣюсь показать, совершенно удовлетворительно, что эта древняя смоленская поэма существуетъ донынѣ, такъ, что Смоляне, выучившись по-исландски, могутъ читать ее въ старинномъ скандинавскомъ переводѣ, потому-что это всѣмъ извѣстная поэма, *Волхвини Спаньё*, или «Сновидѣніе волшебницы», Volu-spa, которой заглавіе если буквально переложить на готскій языкъ, выйдетъ Arimaspou, тоже «волхвини Спанье». Читая это «Спанье», они, если не заснутъ сами, ясно увидятъ, чему вѣрили и чему не вѣрили, будучи Кривичами. Но важнѣе всего для насъ то, что они происходятъ прямо отъ Геркулеса. На это теперь легко представить документы. Многоупоминаемые Герры Геродота, Борусія

Digitized by Google

Птоломеева и Земля Кривичей Нестора, какъ мы видѣли — одна и та же земля, проявляющаяся въ исторіи подъ однозначительными именами въ три постепенныя эпохи, каждая черезъ семь столѣтій спустя. Какъ Gerrhi значитъ *Рюсъ* или *Русь*, а Царствующіе Щиты-Скюты или Щиты-Сколты жили главнѣйше на этой Руси, слѣдовательно, они предки Кривичей. Царствующихъ же Скиѳовъ, по родословной, подробно излагаемой Геродотомъ, предокъ былъ Геркулесъ.

Онъ пришелъ въ землю Hylaea, *Древлянскую, лѣсную, Полѣсье*, тожъ, (буквальный переводъ), лежащую возлѣ Земли *Крученыхъ Нитокъ*, Nevri — буквальный переводъ имени *Дреговичей*. Загляните въ «Словянку» Добровскаго: найдете, что по-вендски drehovati значитъ *крутить* нитки, снурки, веревки; отсюда же въ русскомъ языкѣ слово *дратва*, собственно, drahtwa или drehtwa. *Дреговичи* же или *Дрегвичи*, что̀ значитъ *Крути́чи*, есть не что̀ иное какъ славянскій переводъ готскаго, норманскаго и германскаго Vindi, Vendi, Wandi, Wanti, даже Anti съ пропускомъ w у Грековъ, по ихъ обычаю, Väti, Väni, Wiene, Venedi, Vene, Vani, и прочая. Все это различныя измѣненія одного и того же основнаго имени или прозванія Vindi, которое значитъ также *Крутичи* и происходитъ отъ стариннаго германскаго vinda, vinta, venda, väta, *крутить нитки*. Почему значительную часть Славянъ нѣмецкіе люди прозвали *Крутичами* или *Крученными Нитками* — это трудно объяснить, но несомнѣнно то, что слово это старо какъ свѣтъ, какъ *Рюсъ*, какъ *Готъ*, какъ *Щитъ*, какъ *Сколдъ*,

Digitized by Google

что оно — еще слово миѳологическое, что имѣло оно какой-то смыслъ баснословный, даже важный, и многіе славянскіе народы сами не отвергали этого титула, даже гордились имъ и нѣкоторые сохраняютъ его до-сей-поры. Остроумные древніе Бѣлорусины, большіе какъ видно пуристы, не желая называться по-нѣмецки *Вендами*, перевели это слово на свой языкъ и величались *Дрегвичами*. Пуризмъ ихъ былъ очень недалекій, потому-что drehowati явственно происходитъ отъ нѣмецкаго drehen. Поляки, въ пѣсняхъ своихъ тщеславились происхожденіемъ отъ Вандовъ. *Вятичи* также — не что̀ иное какъ русско-славянскій выговоръ слова Венды или Ванды. Дрегвичей Несторъ причисляетъ къ Ляхамъ, слѣдовательно, къ Вендамъ. Вятичи же по его словамъ происходятъ отъ Ляховъ. Не странно ли, что то же самое говоритъ и Геродотъ, который въ землѣ *Будиновъ* (Вотяковъ) около *Гелона*, Ясна Города, Асгарда, Асборга или Болгаръ, поселяетъ часть народа Nevri, *Крученыхъ Нитокъ*, Дратвы, Дреговичей?... Преданіе о происхожденіи Вятичей отъ Ляховъ и Дрегвичей, Nevri, повторяется слово-въ-слово у двухъ неизвѣстныхъ другъ другу писателей, раздѣленныхъ пятнадцатью столѣтіями! И преданіе ни съ чѣмъ не сообразное! Языкъ Ляховъ не похожъ на языкъ Дрегвичей, и оба они вмѣстѣ очень мало похожи на языкъ Вятичей. Слѣдовательно, не общее происхожденіе связываетъ въ преданіяхъ эти три народа, а одно слово *Ляхъ*. Что̀ же значило оно? Значеніе извѣстно. Слово ляхи, lechi, значило *союзъ* и *союзники*, то же са-

Digitized by Google

мое что̀ vare и varingar у насъ и византійцевъ, что foederati у Римлянъ, которые, чтобы не подвергаться грабежамъ сѣверныхъ Варваровъ, должны были принимать ихъ дружины на жалованье, въ союзъ, foedus, платить имъ деньгами или предоставлять имъ удовольствіе *володѣть* въ пограничныхъ областяхъ. При первомъ случаѣ эта союзная дружина овладѣвала всѣмъ у своихъ наемщиковъ. Система варяжества водилась въ этихъ странахъ съ глубокой древности подъ разными названіями, которыя всегда означали — *союзъ*. Нѣкоторое время я полагалъ, что настоящее происхожденіе слова *варягъ*, varing, должно заключать въ довольно употребительномъ въ сагахъ словѣ varna, landvarna, *охранять государство:* но причастіе отъ этого слова было бы понастоящему varning, а не varing. Можно было бы произвести его, и очень правильно, отъ var, *война:* тогда varing значило бы *воинъ*. Но слово *ляхъ* или *лехъ* рѣшаетъ вопросъ. Готское lagh, которое произносится и *ляхъ* и *лехъ* значитъ то же, что̀ норманское vare, именно, *союзъ* foedus: varing и laghing (*ляхингъ, лехингъ*), союзникъ, foederatus. *Варяги*, varingar, слѣдственно, не что̀ иное какъ возобновленіе древняго готскаго *ляхъ*, *лехъ*, *лехингъ*, въ нормандскомъ переводѣ и позднѣйшаго латинскаго foederati. Остается только согласиться, въ какомъ смыслѣ Дреговичи и польскіе Венды — были *ляхами*. Составляли ли они союзъ между собою? Тогда, что̀ дѣлало бы у нихъ готское слово *ляхъ*, и какимъ образомъ они могли состоять въ союзѣ съ Вятичами у Вотяковъ, съ жителями

Digitized by Google

Ясна-города, Асгарда или Асборга? Самое названіе Aspurgitani показываетъ, что въ Болгарахъ володѣли Готы. Слѣдовательно, они точно также володѣли у Дреговичей и польскихъ Вендовъ, но не какъ Царствующіе Скиѳы или Рюсы у насъ, въ Средней Скиѳіи, а володѣли только какъ ляхи, какъ варяги, посредствомъ своихъ дружинъ, которыя то нанимались къ этимъ Славянамъ содержать у нихъ landvarn, *охрану государства*, противъ другихъ Готовъ, Руссовъ, Велико-Руссовъ, то покоряли ихъ себѣ и учреждали у нихъ свои династіи. Очевидно, что это былъ особенный родъ Готовъ, отдѣлившихся отъ *Руси* и состоящій даже во враждѣ съ этими Щитами. Этимъ только образомъ объясняется натурально и согласно съ общимъ характеромъ исторіи древняго сѣвера *ляхское* качество привислянскихъ Вендовъ, придвинскихъ Дреговичей и приволжскихъ Вятичей. Когда у Геродота видишь явно готскую династію у Древлянъ, на Полѣсьѣ, когда тутъ, еще въ средніе вѣка, возлѣ Дратвы находишь *Ятвягу* и *Ятвиговъ*, Jat, Jatewing, Jot, Jut, Jete, Gete, Gita, Got, God, Gud (все различныя измѣненія слова *Готъ*, и всѣ употребительныя въ сагахъ), предположеніе становится очевидностью.

Относительно къ землѣ Hylæa (*Древлянской*, или *Польсью*, отъ hylê, *древляне*, *лѣсъ*), я ожидаю возраженія со стороны тѣхъ, которые никогда не могли выпутаться изъ Геродотовой географіи Скиѳіи, потому-что не изучили предварительно общей географической теоріи этого писателя, примѣчательной во многихъ отношеніяхъ,

Digitized by Google

но въ основаніи ложной и поведшей его ко множеству ошибочныхъ выводовъ, единственно изъ удовольствія спорить съ Гомеромъ и опровергать послѣдователей гомерической теоріи земли. Между-прочимъ, въ духѣ своей системы, онъ принимаетъ, что берегъ Чернаго Моря, отъ устья Дуная до устья Дона — *одна прямая линія* и *основаніе большаго квадрата*. Онъ не знаетъ, или не хочетъ знать того, что отъ устья Днѣпра берегъ вдругъ поворачиваетъ къ востоку подъ очень сильнымъ угломъ. Но у него, отъ Дуная до Днѣпра двадцать дней ѣзды и отъ Днѣпра до Дона опять двадцать дней, всего сорокъ дней, и все *по прямой линіи*, по базису этого *квадрата*, по одному меридіану. Затѣмъ, въ угожденіе своей общей системѣ, онъ переноситъ Древлянскую Землю и ея рѣку съ правой стороны Днѣпра на лѣвый. А какъ эта земля лежитъ днями въ пятнадцати отъ моря и недалеко отъ Днѣпра, а Днѣпръ течетъ по его склонамъ отъ сѣвера къ югу и весь морской берегъ тоже идетъ прямо отъ сѣвера къ югу, то очевидно, что почти все теченіе Днѣпра пойдетъ на его картѣ *параллельно* къ берегу моря и близехонько къ нему, такъ что Нуіæа, *Лѣсная* или *Древлянская* Земля примыкаетъ къ *Ахиллову Бѣгу* (Перекопской Степи). Вздорность этой теоріи кидается въ глаза, но, привыкши благоговѣть передъ правдивостью Геродота, толкователи его не умѣли отличить хорошей части его свѣденій отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ ошибается съ ученымъ умысломъ и систематически. Не понимать писателя, избраннаго къ объясненію, со

Digitized by Google

вершенно позволительно и — слава Богу! — не ново, особенно въ нашей отечественной исторической критикѣ. Но какъ можно было потерять даже и полчаса времени на отыскиваніе *Лѣсной Земли* близъ черноморскаго берега, гдѣ по геологическому строенію почвы отъ потопа донынѣ не росло и не могло расти никакое дерево!... гдѣ верхній растительный слой, или слой способный быть растительнымъ, не толще шести, семи, много восьми вершковъ, и непосредственно подъ нимъ лежитъ каменная толща! Коротко сказать, Нуіса, *Полѣсье*, *Лѣсная Сторона*, куда пришелъ Геркулесъ, всегда лежала тамъ, гдѣ ей должно лежать не только по закону природы, но даже и по хорошо понятому описанію Геродота, въ Древлянской Землѣ, въ Полѣсьѣ. Въ этой Древлянской Землѣ, замѣтимъ мимоходомъ, за шесть столѣтій до Рождества Христова володѣла готская династія: всѣ лица царствовавшаго тамъ дома, къ которому принадлежалъ Анахарсисъ, носятъ у Геродота готскія имена. Но во время прихода Геркулеса Древлянская Земля была еще безлюдна.

Въ Древлянской Землѣ, по своему достохвальному обыкновенію, Геркулесъ сталъ ухаживать за мѣстной красавицей — божеской впрочемъ породы — дочерью Великорусской-рѣки, Bo-Rüs-thenes'a. Красавица была ехидна, отъ головы до пояса женщина, а тамъ далѣе змѣя, одинъ изъ тѣхъ составныхъ уродовъ, которые простой народъ тѣхъ странъ, въ сказкахъ своихъ, называетъ донынѣ *случаями*. Не явственно ли тутъ усиліе сообщеннаго Геродоту скиѳскаго преданія символиче-

Digitized by Google

ски объяснить имя древлянской рѣки *Случа*, впадающей въ *Припеть*, которая втекаетъ въ *Борюсъ*-тенъ? Въ этой сложной красавицѣ верхнюю, женскую половину тѣла, составляетъ рѣка Случъ, а нижнюю, змѣиную, Припеть. Навѣрное — слово *припеть* значило по-древлянски *змѣя*, или самая рѣка называлась *змѣинкою* — точнѣе *Рѣкою Ужей*, которыхъ тамъ болѣе чѣмъ звѣздъ на небѣ. Несомнѣнно, что древлянская женозмѣя, у Геродота, есть языческій символъ двухъ рѣкъ, Случа и Припети, и что Случъ сама получила названіе отъ воображаемаго образованія съ нею двуроднаго миѳическаго существа, *случа*. Но Припеть играетъ здѣсь роль первостепенную, потому что дѣло идетъ о дочери рѣки *Бо-рюсъ-тенъ*, Днѣпра. Это та же исторія Тевкра, прадѣда троянскаго царя Пріама и сына рѣки Скамандра и нимфы Идеи. Скамандръ и гора Ида лежатъ рядомъ. Язычество другихъ генеалогій не сочиняетъ.

Съ этой ехидной, съ этимъ *случомъ*, Геркулесъ прижилъ сына, *великана*, по имени Targita: tar — готскій членъ (нѣмецкое der), gitta, которое и по греческому и по готскому обычаю должно произносить *йита — великанъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ сагахъ, одно изъ прозваній Готовъ, произведенное отъ самаго же слова gaudas, Готъ, и измѣненное въ діалектномъ выговорѣ. По-датски jette, тоже *великанъ;* но это слово наоборотъ нерѣдко произносятъ gete. Привычку произносить g вмѣсто i и j вмѣсто g Прусаки, потомки поморскихъ Готовъ, сохраняютъ доселѣ. Богемцы, въ подра-

Digitized by Google

жаніе готскому правописанію, пишутъ постоянно g вмѣсто j.

Я и забылъ сказать, что au въ готскомъ языкѣ произносится какъ глухое o, между o и u. — Gaudas, Gauthas, надо читать почти *Гудасъ*, *Гутасъ*. Названіе *Ют*ландіи проистекаетъ изъ тѣхъ же особенныхъ правилъ произношенія. *Ютъ*-ландія все-равно что̀ *Гутъ*-ландіа, земля Готовъ. Древнее названіе Gete, Гетовъ и Гетіи — оттуда же: оно произносится также Jete, Jetia, значитъ *великаны*, *земля великановъ*, и произошло отъ присутствія въ этой области Готовъ, жившихъ тамъ вмѣстѣ съ Славянами и, разумѣется, *володѣвшихъ:* это — ихъ готское дѣло. Другаго ремесла они и не знали: тѣмъ только и промышляли, что *володѣли*, гдѣ только могли. Они ходили *володѣть*, какъ нынче ватаги ходятъ на рыбный промыселъ. Зато и попали въ великановъ. Зато и были Щиты, Сколты, Рюсы, ужасъ и сказка древняго міра. Одна изъ самыхъ милыхъ повѣстей Геродота — разсказъ о томъ, какъ они пошли володѣть Персіей, какъ ею володѣли, какъ добрались до самаго Египта, и какъ назадъ воротились. Не мудрено, что имя *Русь* такъ славно въ древнѣйшихъ преданіяхъ Востока и что оно было тамъ еще такъ живо въ средніе вѣка.

Вотъ мы наконецъ отъискали въ Геродотѣ Готовъ, не только въ переводномъ словѣ Auchatæ, *Славящіеся*, но и подъ особенною, очень употребительною формою родоваго ихъ имени, Gita, въ словѣ съ ихъ же членомъ, tar Gita. Gautha, *Готъ*, не значило *великанъ*, но Готовъ всегда смѣшива-

Digitized by Google

ли съ великанами — по происхожденію ихъ отъ этого великана Gita, черезъ праотца Геркулеса, и по ужасу, наводимому ихъ отчаянною отвагою.

То же самое преданіе о началѣ Готовъ, съ неважными измѣненіями, находимъ мы и въ шотландскихъ сагахъ.

Царь *Сколтъ* и Щиты-*Рюсъ* (Skythae-Gerrhi), *благороднѣйшіе изъ всѣхъ Щитовъ* по Геродоту, владыки и предки Кривичей, произошли уже отъ этого великана Gita, и, слѣдственно, Кривичи — подлинные Гераклиды, Геркулесовичи, еслибы и самое *Кривичъ* имя не указывало на родъ ихъ отъ колѣна Крива, Одноглазаго.

Наша исторія, исторія *Руси*, связана, какъ теперь видно, очень тѣсно съ первобытною исторіей міра, съ исторіей Великановъ. И нѣтъ возможности отдѣлить *Руси* отъ *Великановъ*, *Гигантовъ* (то есть землеродовъ), *Обримовъ* или *Олбримовъ* (силачей), *Киклоповъ* (круглоглазниковъ или одноглазниковъ или кривичей), *Тевкровъ* (строителей), *Титановъ* (штукатуровъ, каменщиковъ), *Сколдовъ* или Скиѳовъ (исполинскихъ щитовъ), и *Геркулесовъ* (ярыхъ, страшныхъ людей, ярославовъ). Слово, которымъ мы нынче политически именуемся, существуетъ такъ же давно какъ страхъ, суевѣріе и басня. Мы, *Русь*, Щиты, начали собою историческій міръ въ образѣ или въ сотовариществѣ тѣхъ страховъ, горо-человѣковъ, сверхъестественныхъ богатырей и дивныхъ затѣйщиковъ, которымъ впослѣдствіи народы, начинавшіе сочинять исторіи въ стихахъ и прозѣ, словесныя и

Digitized by Google

полуграмотныя, поочередно приписывали находимыя въ разныхъ мѣстахъ памятники неизвѣстнаго первовселенскаго времени, огромные могилы-курганы, необъяснимыя насыпи, развалины необычайной постройки, горные проходы и пещерныя подземелья, гдѣ природа, въ игрѣ силъ своихъ, какъ-будто подражала искусству или предсказывала его человѣку. Притча или существенность, *Рюсъ*, *Русь*, за-одно съ разными видами великановъ, была первою обитательницей нашего роднаго сѣвера, всей этой нашей земли; *самопочвенными* ея чадомъ и народонаселеніемъ, autochthone; и неоспоримо то, что при началѣ морской торговли, образованности и исторіи, готское племя, какъ самое романическо-страшное овладѣло въ свою пользу старыми разсказами объ Исполинствѣ или стало ихъ законною наслѣдницею по завѣщанію всеобщаго суевѣрія. Тогда *Русь*, Великощитность, исключительно къ нимъ примѣнилась, съ необходимою примѣсью то одноглазія и оппозиціи эоира Живу-Диву, то участія въ странныхъ постройкахъ, то другихъ необычайныхъ людскихъ затѣй Славяне (vindi, vandi, ven, van, vät, anti), попеременно ихъ рабы и товарищи, работали и подвигались неразлучно съ ними въ воображеніи повѣствующаго міра: быть-можетъ *крутили* веревки, которыми тѣ встаскивали камни на горы для дивныхъ построекъ и вязали побѣждаемыя племена, и потому *славились* вмѣстѣ прославляемыми и самославящимися Готами, gandy. Дѣло въ томъ, что, въ сагахъ какъ юга такъ и сѣвера, Славяне (Ваны, Неври) неизлечимо зараже-

Digitized by Google

ны великанствомъ и готствомъ: часто различить нельзя, кто тутъ, Готы или Славяне — настоящіе исполины — и кто кого притѣсняетъ сверхъ естественными подвигами и затѣями. Преданія скандинавскаго сѣвера, бо́льшею частью, примѣняются одинаково и къ тѣмъ и къ другимъ. Они дѣйствуютъ вмѣстѣ на поприщѣ всего баснословія. Въ греческихъ сагахъ, Траки, смѣсь Готовъ и Славянъ, получаютъ на свою долю, какъ ближайшіе этого рода сосѣди, самую интересную долю сказочныхъ дѣйствій, обдѣланныхъ художественнымъ суевѣріемъ Грековъ такъ хорошо, что они кажутся уже почти исторіей, и неосторожною ученостью могутъ быть приняты за документы новыхъ фактовъ. Гелертерство, особенно подкрашенное нибуризмомъ, очень часто попадается тутъ въ просакъ: такъ напримѣръ господинъ Ушольцъ нашелъ въ греческомъ баснословіи столько указаній на первобытное могущество, искусство и знахарство Траковъ (Θρακίϊцевъ), что ему и его критикамъ показалось, будто онъ сдѣлалъ чудное открытіе: Тракія, дескать, населила, обстроила и просвѣтила Грецію.... это ясно! Конечно, ясно: тутъ всегда жили Готы и Славяне, а они — великаны, страхи всѣхъ возможныхъ видовъ, и къ нимъ басня относила все дивное и необычайное, отъ нихъ выводила все первоначальное. Скандинавскія саги порой къ гото-славянскому великанству допускаютъ и Финновъ; іонійскія напротивъ — Кельтовъ но болѣе какъ колдуновъ, кузнецовъ, ремесленниковъ, нежели какъ богатырей, силачей или строителей.

Digitized by Google

Замѣтьте, что великанамъ, одноглазникамъ-геркулесичамъ и титанамъ, то есть штукатурамъ-каменьщикамъ — потому-что titanos значитъ *известка* — приписывалось не только на нашемъ полушаріи, но даже и въ Америкѣ, построеніе и сооруженіе всего примѣчательнаго въ эпоху первобытной древности. Что̀ такое мексиканскіе *Азтеки*, странствующіе великаны-каменщики, если не тѣ же Титаны, Киклопы, Одноглазники, Кривичи? Неизвѣстно только, носили ли они большіе *щиты*, были ли вмѣстѣ съ тѣмъ и *рюсъ*?... Жаль, что это обстоятельство не изслѣдовано американскими археологами. Для меня, нашедшаго повсюду въ первозданной баснѣ, переходящей въ писанную исторію, слѣды миѳическаго *рюсъ*, отъ которой родилась Русь историческая, для меня такая подробность чрезвычайно интересна. Однажды — въ жизнь мою — я чуть не отправился въ Мексику, чтобы собрать свѣденія о щитѣ *рюсъ* въ мѣстныхъ преданіяхъ и въ азтеканскихъ барельефахъ. *Рюсъ* легко быть можетъ всемірная мечта. Нынче она, въ образѣ Россіи, величественная существенность.

Кто-нибудь изъ Русскихъ будетъ въ Мексикѣ, и можетъ-быть, вспомнитъ объ этомъ: вопросъ тогда объяснится. Онъ касается перваго зародыша исторіи *Руси*.

Во всякомъ случаѣ, наша исторія, какъ исторія Руси, начинающейся съ великановъ, произведшихъ все чудное и неизвѣстное, связывается съ исторіей Трои. Кто построилъ Трою? Когда она существовала? Когда исчезла?... Разумѣется, что

Digitized by Google

построенная *Тевкрами*, то есть *Строителями*, европейскими ацтеками, вышедшими изъ Тракіи, которая была наполнена славяно-готскими Щитами, притомъ еще Безсмертствующими или Ярославствующими Щитами, одинистами, гераклидами, кривичами, родными нашимъ кривичамъ, слѣдственно щитью-*русіей*, она была построена нами, еще въ тѣ славныя времена, пока мы были великанами. Не долго она существовала. По сказкѣ, а сказка — лучшая исторія Трои, которая и сама — сказочка, великаны, прибывшіе изъ Тракіи, выстроили ее: процарствовали только два царя; третій погибъ уже въ ея развалинахъ, которыхъ и признаковъ, какъ-бы по волшебству, нигдѣ не осталось — и конецъ Троѣ!... Она промелькнула въ баснословномъ мірѣ, какъ молнія мелькаетъ въ воздухѣ — быстро — и не оставляя слѣда послѣ себя. Единственное указаніе на мимолетный бытъ ея — три огромные кургана, насыпанные у самаго моря на плоскомъ берегу всунувшейся между горъ треугольной равнины, въ сорокъ или пятьдесятъ квадратныхъ верстъ поверхности. Эти три кургана составляютъ не только главный, но и весь характеръ берега. Они — отличительная черта его, и мореходу, плывущему мимо, такъ и хочется назвать этотъ берегъ *Тройкой*, *Тройней*, Troiê. Что названіе Трои происходитъ отъ этихъ *трехъ* кургановъ, которыми — говорятъ — кончилось ея существованіе, потому-что тутъ погребены Ахиллъ, Аяксъ и Діомедъ, это очевидно: сомнѣваться могутъ только тѣ, которые читаютъ

Digitized by Google

Гомера вдали отъ мѣста дѣйствія *Иліады* — что̀ значитъ *сборникъ*, сказать мимоходомъ.

Названіе Troiê, служащее собственно берегу и равнинѣ, а не городу — городъ зовется Иліономъ — явственно придумано очень поздно и въ такое время, когда равнина представляла видъ пустыни, безъ поселеній, безъ слѣдовъ города и только съ тремя курганами на взморьѣ, неизвѣстно кѣмъ насыпанными; въ такое уже время, когда никто не зналъ, былъ ли тутъ городъ когда-либо или нѣтъ, а догадывались только, по тремъ огромнымъ курганамъ, что тутъ было что-то — люди дрались — и вотъ оставили могилы своихъ трехъ богатырей — дрались вѣрно за что-нибудь очень важное — не-какъ за красавицу? — али за городъ? — чай, за городъ и за красавицу вмѣстѣ!

Треугольная равнина, обращенная основаніемъ своимъ къ морю, узкимъ концомъ и верхушкою упирается въ великолѣпную гору Иду, мрачную, отвѣсную, обремененную облаками и снѣгомъ. Воды, стекающія съ Иды, отрѣзали отъ нея утесъ и обточили его въ видѣ круглаго холма, который кажется каменнымъ *шарикомъ*, катающимся у ногъ громаднаго исполина. Здѣсь-то — говорятъ — былъ славный городъ, построенный знаменитыми...? ну, построенный *строителями!*... какъ же ихъ назвать иначе? Каменная почва шарообразнаго холма не представляетъ нигдѣ ни малѣйшаго слѣда труда руки человѣческой: заступъ здѣсь не работалъ, ломъ не долбилъ и не тесалъ, молотъ не ковалъ и не гладилъ — даже ни одной ступеньки не сдѣлано въ скалѣ для схода къ рѣч-

Digitized by Google

кѣ за водою, не прорыто ни одного жолобка для водопроводовъ: а воды на холмѣ нѣтъ ни капли. Въ глубокомъ оврагѣ съ отвѣсными стѣнами, отдѣляющемъ утесъ-шарикъ отъ Иды, бурлитъ ручей Скамандръ, но не видно, чтобы тутъ кто-нибудь пытался пользоваться ею, помощью высѣченной въ скалѣ лѣстницы, открытой дорожки или крытаго хода. На поверхности холма, изсѣченій для фундаментовъ зданій, никому еще не удалось отъискать — даже и мнѣ — а ужъ какъ я искалъ!... какъ мнѣ хотѣлось открыть кусочикъ Трои — слѣдъ — тѣнь ея!... Я теперь былъ бы безсмертенъ.. Только въ разныхъ мѣстахъ холма, на горбу и у подножія, небольшія коническія кучи наваленнаго булыжника, которыхъ считается до шести, одна, главная — позначительнѣе, а прочія пять — совсѣмъ не важныя, иныя даже едва примѣтныя.

Разумѣется, что главная куча — могила Гектора. О! какъ она меня взволновала. Я сѣлъ на нее, глубоко-растроганный, и сталъ читать послѣднее прощаніе Гектора съ Андромахой. Солнце садилось. Равнина, покрытая богатою зеленью, убранная двумя рѣчками, Скамандромъ и Симоисомъ, двумя голубыми лентами, вьющимися между розовыми полосами цвѣтущихъ рододендровъ, была отъ холма до моря чудесно освѣщена пурпуровымъ огнемъ заката. Богатое зарево чудно отражалось отъ зеркальной поверхности Геллеспонта, на которомъ, среди разноцвѣтныхъ отливовъ воды, брилльянтами горѣли известковыя вершины раскиданныхъ островковъ, тогда какъ въ глубинѣ

Digitized by Google

картины черною массою залегли угловатыя горы Самотраки, заслоняя солнце, а за ними ярко сіялъ бѣлый и низкій берегъ противолежащей Европы — Фракіи — или Θракіи. Великолѣпнѣйшаго вида представить себѣ невозможно. Я былъ растроганъ Гомеромъ и очарованъ природою мѣста. Проклятая гіена, вылѣзшая вдругъ изъ бѣлотерновника, которымъ холмъ покрытъ, помѣшала наслажденію. Надо было взяться за ружье — выхватить ятаганъ — приготовиться къ бѣдѣ. Гадкій звѣрь стоялъ передъ кустомъ, шагахъ въ пятнадцати. Мы глядѣли въ глаза другъ другу. Минутъ черезъ пять — осмотрѣвъ меня хорошенько и подумавъ себѣ: «Гомера читаетъ!... видно, ищетъ Трои!... право, не стоитъ вниманія!»—она поворотила влѣво и стремглавъ побѣжала къ Скамандру, пробираясь на Иду. Послышались выстрѣлы и крики. Турецкіе мужики изъ *Бурнаръ-башы*, селенія, лежащаго не вдалекѣ отъ холма, преслѣдовали ее за разрытіе въ предъидущую ночь свѣжей могилы на ихъ кладбищѣ. Я побѣжалъ на краіі холма, со стороны Скамандра и Иды, полюбоваться на эту охоту, и потерялъ въ бѣлотерновникѣ свою «Иліаду». О! въ какомъ я былъ отчаяніи!... на троянской равнинѣ, и безъ «Иліады»!.. Но впослѣдствіи — когда мнѣ вторично случилось быть въ Троадѣ — я благословлялъ гіену. Нѣтъ сомнѣнія, что пока Европейцы будутъ пробѣгать троянскую равнину съ «Иліадой» въ рукахъ, они никогда ничего на ней не увидятъ: будутъ видѣть только «Иліаду» и Гомера. Уже во второй пріѣздъ, безъ «Иліады», примѣтилъ я горькое ви-

Digitized by Google

чтожество этой прославленной долины и понялъ, отчего, во все историческое время, не бывало здѣсь значительнаго города. Въ восторгѣ отъ Гомера, Александръ Великій посѣтилъ воспѣтую имъ равнину и основалъ на ней Новую-Трою: несмотря на покровительство великаго человѣка и его преемниковъ, Александрова-Троя всегда оставалась ничтожнымъ поселеніемъ и наконецъ исчезла безъ вѣсти. Въ средніе вѣка не образовалось здѣсь никакого торговаго заведенія. Въ новѣйшіе никто и не подумалъ основаться въ Троадѣ. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на свою наружную привлекательность, эта равнина обречена природою и мѣстоположеніемъ на вѣчную безполезность для человѣка. Черезъ горы, которыми она окружена съ востока и юга, нельзя учредить никакихъ важныхъ сношеній для внутренней торговли. Съ сѣверной стороны, откуда она доступнѣе, близость Дарданелъ дѣлаетъ городъ ненужнымъ въ этомъ мѣстѣ — даже невозможнымъ — потому-что по всему берегу, верстъ на двадцать въ длину, нѣтъ ни одного мѣста удобнаго для коммерческой пристани. Здѣсь никогда не могло быть большаго города. Троя — мечта! Однѣ только сказки могли строиться на этой почвѣ. Если непремѣнно долженствовалъ быть городу въ этой сторонѣ, то ему во сто разъ способнѣе основаться на островѣ Тенедосѣ, лежащемъ у самаго берега, чѣмъ на равнинѣ или на ея послѣднемъ, угловомъ холмѣ, гдѣ могъ помѣститься подлинно только *городишко*.... ptoliothron—помѣститься, а не существовать. Троянская равнина годится только на-дно—быть

Digitized by Google

полемъ сраженія для арміи, перешедшей въ Дарданеллахъ изъ Тракіи и встрѣчающейся съ арміей, поспѣшившей къ отпору отъ востока, изъ внутренней страны, черезъ горы или, по берегу, отъ Милета. Три кургана на берегу — шесть могилъ въ глуби долины, на горѣ, гдѣ защищался побѣждаемый непріятель, могутъ быть памятниками такой встрѣчи, случившейся, какъ мы сказали, еще въ эпоху великановъ.

Но пылкому воображенію Грековъ, которые всегда лгали безъ - памяти и, по свидѣтельству своихъ же господъ, Римлянъ, способны были душевно вѣрить всему, что̀ ни солгутъ сами для своей потѣхи, красавица и городъ представляли такую прелесть, передъ которою должны были расѣяться всѣ другія предположенія. Разумѣется, что, въ ихъ разказахъ, разрушителями воображаемаго города были сами же они, Греки, и что эти три огромные кургана со стороны моря насыпаны ими и — могилы ихъ богатырей, а тѣ шесть—скромные памятники избитыхъ предводителей народа.... какого?.. да народа Тевкровъ—Teucri.... сирѣчь сказать, *строителей* того города.... отъ teucho, строю, teuktêr, занимающійся постройками, и такъ далѣе.

— Да гдѣ же городъ? гдѣ слѣды его? гдѣ онъ лежалъ?

— А вонъ тамъ, въ углу долины.... вонъ на этомъ шарикѣ что̀ у Иды.... этотъ холмъ и зовутъ *шарикъ* или *клубокъ*, потому - что онъ похожъ на нихъ. Славный былъ городъ!... огромный!...

Digitized by Google

— Какъ же звали этотъ славный, огромный городъ, который лежалъ на шарикѣ?

— Ну, и его, вѣрно, звали *шарикъ, клубокъ*, Ilion. Имя-то города забыто... по холму, по шарику, ilion, можно полагать, что и городъ былъ ilion, шарикъ. Впрочемъ его зовутъ обыкновенно такъ же какъ и равнину, или государство того города... государство - то было сильное и самый городъ былъ важный, богатый городъ; дорого намъ стоило взять его; взяли только хитростью: не зато ужъ поживились!... золота, красавицъ, рабовъ — бездна. Всѣ воротились домой богачами.

— А какъ знали это сильное государство? эту богатую, торговую землю, которой имя прилагается и къ городу?

— Какъ ее знали?... да никакъ!... вотъ три кургана: такъ по нимъ можно назвать его, пожалуй Troiê, Тройня, Тройка, Самъ-Третей.... или какъ угодно.... Въ самомъ дѣлѣ, преданіе гласитъ, государство, которое наши разорили, называлось *Самъ-Третей*, Troiê.

— Кто же защищалъ это государство? Съ кѣмъ вы воевали?

— Кто защитники?... Вотъ это трудно сказать. Гамъ, на горѣ, на шарикѣ, и подлѣ, есть шесть каменныхъ кучъ.... вѣрно, это — могилы защитниковъ государства, между которыми одинъ, судя по могилѣ, былъ старшій.... не-какъ сынъ самого царя.... Ну, какъ ихъ было шестеро, такъ и звали— царевичъ *Шестеръ*, Hector.... или царевичъ *Самъ-шестъ*.... А сынъ онъ былъ царя *Откупщика*, Priamos.. такъ какъ онъ, полагаютъ, было очень

Digitized by Google

богатъ и городъ его *шарикъ* славился торговлею. А съ нашей стороны, гласитъ исторія, главными предводителями были два царя, каждый *Безъ-трехъ*, A-trei-des.... что̀ составляетъ *безъ шести*. Безъ шести противъ шестерыхъ — счетъ, какъ видите, вѣренъ, но дѣла должны идти трудно и плохо. Числа, знаете, у насъ, у язычниковъ, имѣютъ мистическое значеніе, очень важное. *Одинъ* изображаетъ совершенство, порядокъ и благополучіе, *два*—горе, несчастіе, сеору, невзгоду: отсюда греческое dye, *двойня*, слово, произведенное отъ дуо, *два*, и которое всегда употребляется въ значеніи бѣдствія, неблагополучія, calamitas, infelicitas, *три*, trei — полнота, торжество, успѣхъ, удача. A-treis, *не-три* или *безъ-трехъ*, значитъ безъ успѣха, безъ удачи, не-впопадъ. Два царя Атрида, *Atridae*, два Невпопадовича, два Бѣдовича, лица признанныя историческими... вы понимаете, что война должна длиться до безконечности и что исторія плоха!... но все-таки исторія!

— Какъ такъ?... царь *Безъ-трехъ* нападалъ на городъ *Самъ-третей*, котораго защитникъ назывался *Самъ-шестъ*? Что̀ же это за исторія?

— Древняя греческая исторія! Очень ученые люди обдѣлываютъ ее... о троянской войнѣ, которою она начинается, написаны цѣлыя библіотеки.... привели ее въ надлежащую достовѣрность и ясность.... вычислили даже годъ похода царя Безъ-трехъ на городъ Самъ-третей.... знаютъ, когда умеръ почтенный царь Откупъ, въ которомъ году убитъ сынъ его царевичъ Семъ-шесть Откуповичъ, смотрятъ, чтобы всѣ дѣйствія ихъ

Digitized by Google

согласовались съ политикою того времени, съ *законами жизни народовъ*, и объ ихъ названіяхъ вовсе не заботятся. Собственныя имена! что на нихъ обращать вниманіе!... особенно когда они благозвучны и легко удерживаются въ памяти.

Въ самомъ дѣлѣ, любезные читатели: какъ исторія проглотила троянскую войну съ этими именами, и какимъ образомъ донынѣ не примѣчаютъ они, что Гомеръ пздѣвается надъ нею, это достойно всего нашего съ вами удивленія. Бѣдная мудрость человѣческая! какъ она увлекается блескомъ вымысловъ! какъ легко позволяетъ надувать себя краснобаямъ! какъ ее можно выучить всему подъ волшебные звуки громкихъ именъ! Мы сейчасъ увидимъ, что въ сказаніи о троянской войнѣ есть цѣлая и очень забавная система вымышленныхъ собственныхъ именъ — именъ совершенно въ томъ родѣ, какія мы употребляемъ въ нашихъ комедіяхъ и водевиляхъ — и между-тѣмъ война принимается у насъ за историческій фактъ!... и люди спорятъ объ ея эпохѣ, дѣлаютъ предположенія объ ея цѣли и вліяніи, ищутъ въ ней политическихъ видовъ времени, выводятъ изъ нея послѣдствія для торговли, для отношеній народовъ, для образованности человѣчества!

Она допущена во всѣ наши древнія исторіи, и строгая критика позволяетъ себѣ сомнѣваться только въ подробностяхъ событія, но событія отвергнуть не смѣетъ. Оно совершенно правдоподобно. Тѣхъ, которые вздумали объяснять его египетскими или другими миѳами, оборвали и, въ наказаніе за дерзость не вѣрить общепринятому

Digitized by Google

факту, забыли. И дѣйствительно, если взять исторію троянской войны съ славными и красивыми греческими именами, чѣмъ же она не исторія? Сильный и доблестный царь Аргоса и Микенъ, *Агамемнонъ*, по отчеству *Атридъ*, женатый на *Клитемнестрѣ*, дочери царя *Тиндара*, былъ избранъ предводителемъ всей ополченной Греціи, обиженной дерзкимъ поступкомъ одного изъ троянскихъ царевичей, по имени *Париса*, нарушившаго священныя права гостепріимства. У царя Агамемнона Атрида былъ братъ, царь *Менелай Атридъ*, женатый на прекрасной *Еленѣ*, тоже дочери *Тиндара*. Юный и прекрасный принцъ, путешествовавшій для образованія ума и сердца своего, *Парисъ*, сынъ могущественнаго царя троянскаго Пріама и супруги его *Гекубы*, братъ храбраго *Гектора*, женатаго на добродѣтельной *Андромахѣ*, и знаменитой *Кассандры*, пріѣхалъ къ нимъ въ гости, влюбился въ Елену и похитилъ ее. Изъ уваженія къ царю Агамемнону, первому въ Греціи, по его слову, поднялась вся Эллада, всѣ греческіе цари вооружились—особенно *Одиссей Лаэртіадъ*, умный и многоискусный царь Итаки, главный распорядитель предпріятія, *Ахиллъ Пеліадъ*, сынъ *Пелея*, царя *Мирмидонцевъ*, знаменитѣйшій изъ героевъ того времени, *Аяксъ Теламонидъ*, *Діомедъ*, и прочіе. Собрался огромный флотъ. Осада продолжалась десять лѣтъ, потому что Троя, самый торговый, самый богатый городъ того времени, кромѣ огромныхъ средствъ своихъ, увлекъ за собой въ борьбу народы Малой Азіи, но война кончилась взятіемъ и разоренiемъ Трои. Царь Агамем-

Digitized by Google

номъ воротился въ Грецію торжественно съ *Кассандрою*, дочерью побѣжденнаго царя Пріама, которая очаровала его необыкновеннымъ умомъ своимъ, простиравшимся до дара предвидѣнія. Онъ ѣхалъ въ Аргосъ, гдѣ находилась супруга его, Клитемнестра съ дѣтьми *Орестомъ, Антигоною, Электрою. Ифигенія*, старшая дочь Агамемнона, была принесена имъ въ жертву Діанѣ еще до начала войны. Въ отсутствіе Агамемнона, супруга его Клитемнестра вышла замужъ за *Эгиста*, и этотъ измѣною убилъ побѣдоноснаго предводителя похода. Сынъ его *Орестъ* убилъ преступную мать свою. *Эгистъ* погибъ ничтожно. Самая важная и сильная изъ греческихъ династій разстроилась несчастіями, ослабѣла и исчезла, и троянскую войну можно почитать началомъ клоненія Греціи къ республиканской формѣ правленія. Торговля и богатство греческихъ городовъ быстро стали возвышаться, и демократическій элементъ взялъ перевѣсъ, послѣ паденія Трои, какъ неизбѣжный результатъ его. Это важное событіе, очевидно слѣдствіе торговаго соперничества Греціи съ Малой Азіей и преимущественно съ Троей, лежащей у прохода въ Пропонтиду и Черное Море, на берегахъ котораго Греки уже старались утвердить свои поселенія, вытѣснивъ оттуда Финикійцевъ и Троянцевъ, это событіе имѣло неисчислимыя послѣдствія для судьбы Греціи и для образованности всего человѣчества, принявшаго съ того времени греческое направленіе.... и прочая.

Такъ мы разсказываемъ сами себѣ исторію троянской войны — такъ разсуждаемъ въ духѣ модной

Digitized by Google

нашей исторической философіи, пекущейся о *жизни народовъ* — и, кажется, разсказываемъ хорошо, разсуждаемъ глубокомысленно — благодаря звонкости греческихъ собственныхъ именъ, о значеніи которыхъ мы и не заботимся.

Но разберемъ эти собственныя имена. Составимъ правильный списокъ ихъ—чего, къ сожалѣнію, никто не думалъ сдѣлать, хоть для своего личнаго любопытства. Посмотримъ, что̀ они выражаютъ собою. Согласитесь, что отъ одного званія собственноименности, эти имена не могли же потерять своего буквальнаго значенія для уха слушателей гусляра-Гомера, изъ поэмъ котораго исторія ихъ добыла. Переведемъ ихъ буквально, но толкомъ, съ надлежащимъ соображеніемъ этихъ именъ съ древнею системою собственноименности у равныхъ народовъ, въ системою общею тогда всѣмъ языкамъ — а не такъ, какъ люди дѣлаютъ обыкновенно, хватая имена на выдержку и объясняя ихъ значеніе первыми приблизительными словами, какія попадутся подъ перо. Мы увидимъ странное зрѣлище: длинный рядъ остроумно подобранныхъ шуточныхъ именъ и отчествъ, комическихъ псевдонимовъ, которыхъ острота была тѣмъ эффектнѣе для уха древнѣйшихъ язычниковъ, что бо̀льшая часть именъ заимствованы изъ вѣры, взяты отъ религіозныхъ прозваній боговъ, и соединены съ фантастическими отчествами, для того, чтобы вдругъ отвлечь вниманіе отъ священнаго и перенести его на характеристику лица. Эти мистическія, почтенныя для язычниковъ имена, въ сочетаніи съ произвольными и странными отчествами, брошенными,

Digitized by Google

какъ отпечатокъ характера, какъ клеймо, на дѣйствующее лицо, представляютъ каламбурную двусмысленность, довольно смѣлую, но удачную, и дѣлающую очень много чести изобрѣтательности Гомера, но очень мало — недогадливости тѣхъ историковъ-философовъ, которые, зная по гречески, не примѣчаютъ ея вовсе. Не всякій конечно мастеръ свободно понимать каламбуры — ученые вообще очень тупы на это дѣло, недостойное ихъ высокаго разума — но, все же, тутъ порой есть такія вещи, которыя кидаются въ глаза и могли бы разбудить самое сонное вниманіе—каковы напримѣръ имя *Кассандры,* съ которою царь Агамемнонъ изволитъ плыть домой, къ супругѣ — имена *Антигоны*, *Ифигеніи*, *Клитемнестры*, *Гекубы*, *Андромахи*—имя и отчество *Ореста - Агамемноныча.* Предположите древнихъ греческихъ родителей какими угодно философами и космополитами—все же неслыхано, невѣроятно, невозможно, чтобы отецъ и мать, кто бы они ни были, согласились дать новорожденнымъ дѣтямъ своимъ такіе имяреки. Перескажите себѣ всѣ эти имена и отчества въ вѣрномъ переводѣ, и посмотрите, что это за комедія:

Былъ царь *Распребѣшанъ Невпопадовичъ* (Agamemnôn Atreides), а женатъ былъ онъ на *Славноприданой Драчуновнѣ* (Klytê-mnêstrê Tydareis или, все - равно, по другимъ діалектнымъ произношеніямъ, Syndêreis); а у нихъ дѣти:

Сынъ:

Грубіянъ Распребѣшанычъ (Orestes, убившій мать свою: собственно Orestes значитъ *горецъ*, но извѣстно, что это

Digitized by Google

слово употреблялось въ смыслѣ *дикарь*, *мужикъ*, *грубіянъ*, *разбойникъ*.

Дочери:

Выродокъ Распребѣшановна (Anti-gonê Aga-memnôneis).
Безложница Распребѣшановна (Ëlektrê Aga-memnôneis).
Дебелощека Распребѣшановна (Iphi-geniê Aga-memnôneis; собственно *дебелоподбородая*). Вы помните, что Aga-memnôn, Распребѣшенникъ, составляетъ одинъ изъ мистическихъ титуловъ *Эвера* или *Яса*. Надо еще вспомнить, что Iphigenia, *Дебелощека*, было одно изъ религіозныхъ прозваній Луны, Selenê, по произношенію нѣкоторыхъ діалектовъ Helenê, потому что *h* и *s* мѣняются часто въ греческомъ языкѣ. Такимъ образомъ, *Дебелощека Распребѣшеновна* есть игра религіозными словами, приспособленная къ житейской характеристикѣ лица — прозваніе забавное — остроумное до дерзости — но едва ли приличное къ употребленію въ честномъ семействѣ. Понимается, почему принесли ее въ жертву Лунѣ; она и выдумана нарочно для этого: и луна, и дочь аргивскаго царя, обѣ — *дебелощеки распребѣшеновны!*.... *Безложница Распребѣшеновна* — имярекъ точно такого же рода по значенію, и такого же достоинства по каламбурной остротѣ. Какъ êlektôr, безложникъ, было титуломъ Солнца, точно такъ же êlektrê, безложница, составляло въ религіозной номенклатурѣ прозваніе луны. Но, въ примѣненіи къ смертной женщинѣ, это прозваніе представляло смыслъ очень невыгодный для прекрасной особы. Когда вы сблизите это имя, въ спискѣ гомерическихъ дѣйствующихъ лицъ, съ совершенно безцеремоннымъ именемъ *Кассандры*, которая принадлежитъ къ семейству черезъ благонравнаго папеньку, то, надѣюсь, не усомнитесь въ настоящемъ смыслѣ его въ устахъ краснобая Гомера. Самое имя Helenê состоитъ у него въ каламбурной дружбѣ съ этимъ пріятнымъ балагурствомъ насчетъ злосчастнаго семейства *Безтройныхъ*, *Нетройней* или *Невпопадовичей*, Atridae,

Digitized by Google

потому-что helenê, собственно *шкатулка, коробка для храненія драгоцѣнностей*, и мистическій сосудъ, который носили въ процессіяхъ таинствъ Луны съ какою-то очень важною святынею, helenê многіе произносятъ selenê, а selenê значитъ *луна*, а луна *безложница*, а навѣстно, какія неоспоримыя права на такое прозваніе имѣетъ, по сказочкѣ Гомера, прекрасная супруга *Крѣпимѣра Невпопадовича*, Menelaos Atreides—Крѣпи-міра, то есть *крѣпи-дружину*; laos, ryk, *міръ*, всегда означали только воиновъ. Собственно этому имени Menelaos у Славянъ соотвѣтствовало имя *Буривой*, отъ стариннаго слова *бурить*, одушевлять къ изступленной храбрости, придавать воямъ *бурь* (menos), жаръ, пылъ, крѣпость духа и силъ. Но *Крѣпимѣръ* понятнѣе нынѣшнему уху, и это—достаточная причина къ предпочтенію.

Далѣе. У царя *Распребѣшана Невпопадовича* былъ братъ, храбрый — одинъ изъ прекраснѣйшихъ характеровъ въ «Иліадѣ», въ *Сборникѣ:* да что̀ проку! — на этомъ семействѣ лежала печать отверженія; все что̀ ни дѣлали потомки царя *Безтрета, Ньтроя, Невпопада*, обращалось имъ въ горе и срамъ. Такъ вотъ у бѣдоваго царя *Распребѣшана Невпопадовича*, котораго въ *Сборникѣ* честятъ устами Ахилла: «Ахъ, ты негодный пьяница! съ собачьимъ глазомъ!...: съ оленьимъ сердцемъ!...», у царя этого былъ братъ, *Крѣпимѣръ Невпопадовичъ*, Menelaos Atreides. Вдумалось же ему жениться на *Шкатулкѣ Драчуновнѣ*, сестрицѣ *Славноприданой Драчуновны* (Helenê Tyndareïs или Syndereïs), и пошла бѣда—срамъ — и поношеніе. Пріѣхалъ къ нимъ въ гости молодой царевичъ, *Макферъ Откуповичъ* (Paris Priamides), и похитилъ прекрасную и богатую *Шкатулку*....

Digitized by Google

А до выхода замужъ была юная *Шкатулка* или Коробочка назначена въ супруги Фригійцу, Азіятцу, *Душисту Дальдальновичу*, Thyestês Tantalides, пріѣхавшему съ дальняго Востока, гдѣ растутъ духи и пряности, уха живать за такой чудесной *Шкатулкой*. Да умеръ тотъ. *Душистъ* (купецъ торгующій духами), и ее отдали за Крѣпиміра Невпопадовича, отъ котораго она бѣжала съ другимъ купчиною, между-тѣмъ какъ сестрица ея, *Славнопридана Дрючуновна*, забывъ мужа въ свою очередь, влюбилась въ дюжаго *Козиста* (Aegistês), славнаго богатыря козопаса. *Душистъ* и *Козистъ* имѣли большое вліяніе на сердца этихъ древнихъ дамъ и купцы что-то жестоко добирались до Шкатулки. Одинъ, явственно, хотѣлъ вынуть богатое ея содержаніе и уложить туда духи свои, другой проворно укралъ ее и бѣжалъ въ Египетъ. Въ Египтѣ гуся поймали, шкатулку у него отняли и заключили въ храмъ, а купчину отпустили. Геродотъ, очень ученый языческій богословъ, который ужъ навѣрное хорошо понималъ Гомера, бранитъ его за непростительную ложь въ такомъ важномъ дѣлѣ: онъ узналъ съ достовѣрностью отъ египетскихъ жрецовъ, что Шкатулки не было въ Троѣ въ то время, какъ Гомеръ производитъ осаду городу Шарику или Пещеркѣ, а была она тогда спрятана въ Египтѣ. Значитъ, въ Шкатулкѣ было что-то очень важное для язычества — какое-то великое таинство, заповѣдная святыня. Древніе объ этихъ предметахъ, принадлежащихъ къ Мистеріямъ, говорятъ всегда неиначе какъ иносказательно, символически: но въ этой примѣчательной полемикѣ Геродота съ

Digitized by Google

Гомеромъ, сквозь всю плотность аллегоріи и символовъ, нельзя не видѣть, что дѣло идетъ для древности о чемъ-то поважнѣе сбѣжавшей отъ мужа жены. Эти язычники ужъ слишкомъ хлопочутъ объ отысканіи похищенной шкатулки, helenê — какъ-будто отъ нея зависитъ вся судьба ихъ вѣры. Въ самомъ дѣлѣ, возвративъ ее себѣ, они потомъ носили въ торжественныхъ ходахъ таинствъ Луны какія-то шкатулки или коробки, называемыя *еленами*, съ чѣмъ-то очень свято и тайно хранимымъ. А долгополый азіятскій бородачъ, невѣжда, *Душистъ Дальдальновичъ*, такую важную шкатулку хотѣлъ примѣнить къ своему употребленію: зато же ему и досталось!....*

Таковая, почтеннѣйшій читатель, исторія двухъ сестеръ, Славноприданой Драчуновны, и Шкатулки Драчуновны, которую похитилъ царевичъ Маклеръ. Царь *Драчунъ*, давалъ, видно, знатныя приданыя за своими дочерями: но и странныя же зато имена нарекалъ онъ имъ при рожденіи!... А былъ тотъ царевичъ сыномъ царя *Откупщика Міроуходыча*, могучаго государя трехъ кургановъ царства *Тройни*, Troiê, съ славнымъ и гостинымъ го-

---

* Эллинистамъ, которые будутъ читать это, можетъ-быть не излишне напомнить, что удвоеніе перваго слога въ словѣ служило въ греческомъ языкѣ средствомъ придать этому слову особенную выразительность: такъ, изъ daptô, хорошо поѣсть, образуется dardaptô, обжираюсь, dardaptês, обжора; изъ daneistês заимодавецъ и dânos, заемъ—dardanos, ростовщикъ; изъ têlês или talês, дальній, далекій — tantalos, дальнодалекій, предальній: любимыя просторѣчіемъ преувеличиванія значеній.

Digitized by Google

родомъ *Шерникомъ*, Ilion, лежавшимъ на холмѣ на *Клубочкѣ* (тоже ilion), въ которомъ есть и *пещерка* (опять ilion же, по-гречески), знаменитое мѣсто, гдѣ европейскіе туристы пьютъ аравійскій кофе, курятъ турецкій табакъ и читаютъ *Сборникъ*, Ilias, а въ словарь-то и не посмотрятъ — и въ умъ не возьмутъ, что: эта-то *пещерка* и есть Ilion, великій градъ «Сборника» и войны троянской—*городище* «Себѣгнѣвщины», Odysseiê. Вотъ семейный списочекъ дому царя *Откупа:*

Царь Откупщикъ Миръуходовичъ (Priamos, скупатель, перекупатель, монополистъ; Laomêdôn, міру-услужный, ухаживающій за міромъ, поставляющій дружинѣ всѣ потребности: точнѣе *Міруслужка*, канъ Agathemêdôn, Благомуслужка, Theomêdôn, Богусдужка, и прочія).

У него жена:

Самоходка (Hekoubê: отъ hekous, sponte sua, *bê*, venit. Извѣстно, что прекрасный полъ былъ у Грековъ отдѣленъ отъ мужчинъ и недобродѣтельнымъ почиталось для женщины ходить на мужскую половину).

У нихъ сыновья:

Самъ-шестъ Откуповичъ, или Шестеръ (Hektor Priamides), женатый на строгой и добродѣтельной *Мужетузихѣ* (Andro-machê, женщинѣ, которая *съ мужемъ дерется* или *воюетъ*).

Маклеръ Откуповичъ, Paris Priamides: собственно, *проѣзжій*, *проѣзжій*, *странствующій купчина*, commis-voyageur, отъ pariêmi, прохожу мимо, проѣзжаю. Paris было въ то же время религіознымъ титуломъ *Устроя* (Меркурія), какъ покровителя ходячаго купечества и какъ услужливаго устройщика нѣкоторыхъ особенныхъ дѣлъ Живи-Дива. По многимъ

Digitized by Google

соображеніямъ приходится назвать здѣсь соблазнителя прекрасной Шкатулки *Маклеромъ*, между-прочимъ потому, чтобы не назвать его хуже).

Дочь:

Кассандра, имя непереводимое на новѣйшіе языки (meretrix viri munus perficiens). Можно посмотрѣть въ словарѣ Стефана подъ словомъ: Kassa. Съ нею-то царь Распребѣшанъ Невпопадовичъ поплылъ послѣ взятія Трои къ своей супругѣ Славноприданой Драчуновнѣ.

Я думаю, каждый признаетъ, что наборъ такихъ имярековъ не можетъ быть дѣломъ случая; что въ двухъ такъ хорошо выдержанныхъ и полныхъ собственноименныхъ характеристикахъ семействъ царя Распребѣшенаго и царя Откупщика непремѣнно долженъ скрываться злой умыселъ гусляра явить свое острословіе и не имѣть въ предметѣ ничего псторическаго. Посмотримъ еще имена главнѣйшихъ героевъ войны.

У царей Распребѣшена и Крѣпиміра Невпопадовичей главный совѣтникъ, распорядитель всѣхъ дѣлъ и душа всего похода — царь крошечнаго голаго утеса, островка Итаки, хитродумъ *Себѣгнѣвъ*, Міруспособновичъ, Мірупригожичъ или *Міругожичъ*, Odysseus Laërtidês, котораго мы уже знаемъ *. Этотъ почтенный герой, идеалъ чисто

* Отъ laos, міръ, дружина, іоническаго ertios, вмѣсто artios, пригожій къ чему-нибудь, полезный, способный, гожій. *Odyssd*, какъ уже сказано, значитъ *гнѣваться*, но и *dyssd* значитъ то же самое, а *o* происходитъ здѣсь изъ сокращенія *auto*, въ просторѣчіи *sto*, *самъ себѣ*. Dyssd же какъ и odissd оба произведены отъ частицы dys, *зло, худо*

Digitized by Google

символическое лицо, представитель заключающагося въ самомъ эѳирѣ дара *хитро все устраивать*, зато *равнобожный*, самъ объясняетъ читателю поэмы и значеніе своего прозванія и свое назначеніе въ сказочномъ мірѣ. *Я никто!* говоритъ онъ Полифему - Ярославу: *мое дѣло на свѣтѣ — хитрости людямъ поставлять*, плутни для пользы людей выдумывать. Какъ Ярославъ самъ — лицо символическое, такъ тутъ скрываться было нечего, объясненіе пошло на - чистоту, и Сбѣгнѣвъ говоритъ откровенно: я — такая же притча какъ и ты! Герой хитродумъ, наияснѣйшій царь Сбѣгнѣвъ, женатъ на образцѣ женскаго совершенства, идеалѣ супругѣ, примѣрѣ всѣмъ женамъ, царицѣ *Мучисковородѣ* (Pene-lopê), которая безъ памяти *работаетъ сковородою*, изъ кухни не выходитъ, все блины печетъ. Зарѣзалъ—гусляръ!... Что, послѣ этого, можно еще прибавить къ комизму этой номенклатуры лицъ? Но посмотрите, какъ онъ милъ, этотъ острякъ Гомеръ. Одинъ только Сбѣгнѣвъ Міругожичъ, который *всѣхъ тяжныхъ умомъ перехитрилъ*, могъ на свѣтѣ добыть себѣ такую чудесную жену. Какой кладъ—жена *Мучискорода*, которая владѣетъ сковородою въ совершенствѣ и кормитъ отлично! Всѣ Сбѣгнѣву завидуютъ. Лишь-только онъ уѣхалъ, мужчины со всѣхъ сторонъ бѣгутъ къ ней, ухаживаютъ, сватаются, и,

---

которая происходитъ отъ dyo, dy, *два*, которое, мистически, означаетъ все худое, и, какъ *два*, можетъ вмѣстѣ и усиливать и удваивать значеніе словъ. O-dys-sô, буквально—про себя *злю*, про себя *злов мышлю*, себѣ *гнѣваюсь*. Odysseus — *себѣгнѣвъ*, *сбѣгнѣвъ*, *збѣгнѣвъ*.

Digitized by Google

увѣряя, будто мужъ погибъ, каждый старается овладѣть безцѣнной *Мучисковородой*. Возвращается мужъ; и почти вся вторая половина поэмы занята—чѣмъ? — о! чрезвычайно важнымъ дѣломъ, особенно для Грековъ, которые женъ своихъ считали ни во что и уступали ихъ какъ товаръ — на сдѣлку. Половина поэмы состоитъ изъ упорной борьбы мужа съ безчисленными женихами жены: тѣ хотятъ захватить сокровище *Мучисковороду* себѣ — а тотъ ее отстаиваетъ изо всѣхъ силъ! — никакъ не намѣренъ лишиться несравненной — и, наконецъ, успѣваетъ, хитростями, прогнать и уничтожить всѣхъ претендентовъ на руку рѣдкой сожительницы, первой кухарки своего времени. Удержите въ переводѣ на отечественный языкъ прозвище ея въ видѣ собственнаго имени — не переводите его — выставьте вездѣ *Пенелопа* вмѣсто *Мучисковорода*—что будетъ эта половина поэмы?... Скука! вздоръ! непонятныя происшествія! Вся наивная острота вымысла уничтожится. Вся гомерическая соль пропадетъ. Имена дѣйствующихъ лицъ Гомера должны, рядомъ съ именемъ Мучисковороды, быть выставляемы въ переводѣ отечественными словами, чтобы читатель — да и самъ переводчикъ—понимали, въ чемъ тутъ сила. *Мучисковорода* — вмѣстѣ и эпиграмма на прекрасный полъ Греціи: одна она прозвана лестнымъ для хорошей хозяйки именемъ. Вы видѣли другія женскія имена гусляра?... Ужасъ, что за титулы! Такихъ женщинъ какъ Мучисковорода въ Греціи и не водится. Она дочь Икарійца, Icarios, человѣка македонскаго, изъ Икариса—или изъ благонравной

Digitized by Google

Икаріи, гдѣ господствуютъ жрецы *Прематери* — Мучисковорода Икарьевна. Достохвальнѣе нельзя называться. Мать у нея была тоже примѣрная женщина, княгиня *Прителятная*, Periboiê. Уже не чета кузинѣ Шкатулкѣ Драчуновнѣ, которая была влюблена въ Душиста Дальдальновича и только помадилась да натиралась пахучими маслами, или кузинѣ Славноприданѣ Драчуновнѣ! Но у такихъ родителей, каковы Себѣгнѣвъ Мірýгожичъ и его супруга, царица Мучисковорода Икарьевна, и сынъ долженъ быть чудо-мальчикъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ юноша подаетъ о сéбѣ прекраснѣйшія надежды—совсѣмъ не таковъ, какъ другіе знатные молодцы, что̀ разбойничаютъ въ окрестностяхъ, по близости родительской кровли: нѣтъ, онъ *Дальновой Сбынпьичъ*, Têle-machos — ѣздитъ грабить далеко—сосѣдей отца не безпокоитъ. Примѣрное семейство! Это — третье у Гомера, исторіей котораго онъ занимается. Характеристика этого семейства опять выражена именами и отчествами лицъ. Еще разъ спрашиваю: случай ли это или намѣреніе?...

Надежнѣйшій защитникъ предпріятія Невпопадовичей, вѣрнѣйшій богатырь ихъ—*Мечъ Портупеевичъ*, Ajas Telamonidês. Ajas есть названіе особенной формы меча; telamôn, перевязь, на которой мечъ носили.

Но самый блистательный изъ героевъ, самый равнобожный воевода, хоть и невѣрный сподвижникъ, пылкій, гордый, неуступчивый, таинственный, это *Непъда Сизоголубычъ*, Achilleus Peliades. Если не угоденъ *Непъда*, такъ еще буквальнѣе будетъ *Безкормъ*, A-chille-vs. Онъ — сынъ водяной, которую

Digitized by Google

зовутъ *Положеніе* (положенная, данная матерія, Thetis, thesis) и *Сизоголубова*, Peleus, представителя оплодотворяющей силы любви, и царя, происшедшихъ, отъ сочетанія такой данной матеріи и такой силы, крошечныхъ органическихъ существъ, *Муровидовъ*, Myrmidones. Это — отвлеченные муравьи еще насѣкомыя, а уже имѣютъ, какъ настоящіе муравьи, характеръ, инстинкты и нравы человѣческіе—живутъ кучками, какъ-будто городами, ведутъ войны, даютъ сраженія, обращаютъ плѣнныхъ въ рабовъ, знаютъ слугъ и господъ и держатъ хозяйство — и черезъ разныя превращенія могутъ изъ насѣкомыхъ сдѣлаться человѣками. *Без-кормъ*, A-chille-vs, самъ, есть идеальный самородный человѣкъ, возникающій въ воображеніи языческихъ мистиковъ, *безъ корму*, безъ вліянія *пды*, прямо изъ *данной* ярой матеріи (положенія, *тезиса*) и отъ лучшей оплодотворительной силы, которая изображена въ символикѣ птицею Венеры, увлекающій колесницу ея къ предназначенной цѣли красоты и любви. Этой водяной, Thetis, этой безсмертной нереидѣ, особенно покровительствуемой Живъ-Дивомъ, этому положенному или данному началу, тезису, *суждено было*, говоритъ миѳъ, соединиться съ кратковременнымъ, смертнымъ началомъ оплодотворенія и родить изъ себя человѣка. Миѳъ этотъ повторяется почти во всѣхъ миѳологіяхъ съ разными измѣненіями, и повсюду съ участіемъ какой-нибудь птицы, морской змѣи (нереиды), которая въ иныхъ сказаніяхъ изъ змѣи естественно переходитъ въ волхвиню, и муравьевъ, и совершается въ дѣйствіи обыкновенно въ такихъ

Digitized by Google

мѣстахъ, которыя, какъ Ѳессалія, Пинскія болота Древлянъ, Муганская Степь за Кавказомъ славятся множествомъ змѣй, муравьевъ и колдуновъ. Онъ проявляется и въ знаменитой поэмѣ сѣвера, *Волуспь*, которая не исландское и не скадинавское, а готское, *рюс-ское* произведеніе. Онъ относится къ тайному ученію эѳиристовъ-многобожникъ въ опредполагаемой возможности превращенія животныхъ формъ однихъ въ другія, такъ, что изъ червяка, который, какъ многіе изъ нихъ думали, зарождается прямо изъ эѳира, самородная тварь, черезъ многія метаморфозы, можетъ дойти до человѣческаго образа. Thesis и thetis — одно и то же слово: первое принято въ мудрости Философовъ-мірянъ, второе — въ мистической мудрости язычества какъ вѣры. Въ ея аллегоріи, эта thesis или thetis, или какъ мы произносимъ *Ѳетида*, эта водяная ярая безсмертная матерія, которой изрѣчено Рокомъ произвесть человѣка, попадается въ руки оплодотворяющему началу, заключающему въ себѣ условія кратковременности и смертности, сизому голубю, *пелею* — не поддается ему — борется — мѣняетъ формы — становится поперемѣнно водою, воздухомъ, огнемъ, червячкомъ, воздухомъ, насѣкомымъ, змѣей, птицей, зайцемъ, лютымъ звѣремъ, переходитъ черезъ всѣ возможныя превращенія — но оплодотворяющее начало держитъ ее крѣпко — не выпускаетъ — и наконецъ, въ изнеможеніи, она поддается — и, изъ этого брака, при которомъ присутствуютъ всѣ боги и рукоплещутъ, рождается самородный человѣкъ, отличный экземпляръ результата теоріи о

Digitized by Google

добровольномъ зарожденіи. *Безкормъ*, Achilleus, образецъ мужчины, твореніе превосходнѣе даже всѣхъ людей старинной работы Жива-Дива, Безкормъ былъ внесенъ въ ликъ боговъ и имѣлъ свои храмы, вовсе не какъ воинъ и герой троянской войны, но какъ представитель особеннаго любомудрствующаго ученія о свойствахъ ярой матеріи и *природѣ вещей*. Язычество не воздвигало храмовъ ни идоламъ, ни человѣческимъ заслугамъ, а всегда какой-нибудь мистической идеѣ, олицетворяемой только идолами и живописуемой миѳомъ для *предхрамной толпы*, profanum vulgus. Каждый храмъ, не говоря о знатнѣйшихъ и славившихся мудростью, имѣлъ свои маленькія мистеріи и свой причтъ *посвященныхъ* въ тайный смыслъ болваннаго представленія и пущенной въ народный оборотъ сказки. Другихъ богатырей войны мы разбирать не станемъ: кромѣ *Дивослуживаго* (Діомеда) они почти не стоятъ разбора; и притомъ же я спѣшу — меня торопятъ — кончить эту статью: для нея пріостановился на нѣсколько дней выходъ «Б. д. Ч.», чтобы доставить мнѣ удовольствіе побесѣдовать подолѣе съ моими добрыми читателями, которымъ я столько благодаренъ. Они простятъ эту смѣлость старинному больному знакомцу.

И подняли всѣхъ этихъ воевъ и богатырей, и собрали рать великую и ладью многую, и пошли воевать царя Тройни, славнаго государя трехъ кургановъ, и напали на *городишко* его на *святой*, на городъ на Шарикъ, на крѣпость пещерку — кто?.... Греки?.... то есть, *Эллины*?—ничуть не бы-

Digitized by Google

вало: кто же вамъ сказалъ, что тутъ были Греки или Эллины? Они нигдѣ и не упомянуты у Гомера. Объ нихъ нѣтъ и рѣчи въ его поэмахъ, которыя однакожъ сочинены имъ на эллинскомъ языкѣ. Онъ, напротивъ, тщательно избѣгаетъ этого историческаго имени. Пошли воевать—вспомните хорошенько—кто—*Ветхіе*, Danai—люди Древніе—люди предшествовавшіе поселенію Элиновъ въ Греціи—какіе-то неизвѣстныя существа, еще исполинскаго сложенія и равнобожной породы, жившія тогда въ Арголидѣ, въ Ахаіи, въ Македоніи, въ Тракіи, и называемые Гомеромъ, преимущественно, на-глухо, аргивами, что̀ значитъ «бѣляки» (argos, бѣлый), и ахеянами, что̀ значитъ «бѣдняки», жителями *бѣдной*, голой, безплодной страны (achês, acheos, achêu, achau, нищій, безхлѣбный, бѣдный). Кто же вамъ виноватъ, что вы не переводите собственныхъ именъ Гомера, человѣка, который самъ всѣ имена и всѣ прозвища переводилъ, по коренному обычаю древности, а вмѣсто перевода толкуете слова произвольно, и оттого не можете ничего понять въ его разсказахъ? Danaeos и dênaeos вѣдь значитъ *ветхій, древній, первобытный!* Сказано у Гомера *Ветхіе*, такъ и говорите прямо *Ветхіе*, а не наобумъ и наугадъ — Греки? Съ чего вы взяли, что Danai, *Ветхіе*, были Эллины, Греки? Греческому народному тщеславію простительно толковать, что Гомеровы *Ветхіе* это — они, Греки, и изъ гордости, величать себя произвольно Данаидами, *Ветхичами*. Римскому невѣжеству, воспитаннику и ученику Грековъ, простительно вѣрить, будто

Digitized by Google

Danai въ самомъ дѣлѣ—эти плутишки Graeculi и употреблять прозваніе *Данаяне* безъ разбора вмѣсто имени *Греки* или *Эллины*. Но вамъ-то, вамъ—историческимъ критикамъ, философамъ исторіи, эллинистамъ, гелертерамъ, ученымъ съ докторскими шапками, статное ли дѣло повторять донынѣ такіе пустяки, будто Danai, *Betxie*, и Эллины все-равно? будто Мирмидоны были и населили, отстроили, просвѣтили Аттику, Троаду, азіятскую Іонію, даже Лидію и Карію, тогда какъ вы видите, что myrmêdon значитъ *муравейникъ*, а murm-idôn, муровидный, и что тутъ играетъ роль peleios, *сизой голубь* Самокрасы, эмблема, извѣстно чего? будто Гомеръ жилъ какъ близко къ эпохѣ трехъ-курганной или, какъ вы говорите, *троянской* войны, когда его богатыри принадлежатъ еще къ нашей *русской* эпохѣ *великановъ* и большихъ, чудесныхъ *щитовъ*, по-нашему, по-великанскому, *рюсъ* и *сколд*, которыхъ описаніемъ занято его воображеніе особенно? когда самъ онъ вамъ безпрестанно напоминаетъ, что эти вои метаютъ такими камнями, *какихъ нынче тридцать человѣкъ одного съ мѣста не сдвинутъ?* Вспомните столько же длинное, сколько знаменитое описаніе щита Безкорма Голубыча, самороднаго человѣка, сравните это со славою, съ древностью, съ самородствомъ сѣвернаго щита *рюса, рейта* или *сколда*, съ важностью щита въ сагахъ, и сообразите—о комъ тутъ скорѣе идетъ рѣчь, о баснословныхъ *щитахъ* или дѣйствительныхъ *людяхъ*, о сѣверѣ ли или о югѣ? Изъ юга, въ миѳологіи, ничего не вышло; изъ сѣвера—все. Съ юга приходятъ въ ней только системы, ученія,

Digitized by Google

таинства, а всѣ дѣйствующія лица этихъ теорій являются съ мрачнаго сѣвера. Дельфійскія таинства и оракулы состоятъ равномѣрно въ связи съ таинствами Саиса въ Египтѣ и съ главнымъ прорицалищемъ Иперборейцевъ, Сѣверянъ, Нордмановъ, на берегахъ *Гагачьяго Моря*, гдѣ *густый пухъ летаетъ въ воздухѣ облаками**. Все это пространство обложено одною сѣтью общихъ миѳовъ, общей мистической аллегоріи, принадлежащей къ одному и тому же основному ученію. *Ветхіе*, это — мы, съ нашими дивными *щитами* фабрики боговъ, существа еще сверхъестественныя болѣе чѣмъ естественныя, *Понтъ* у Гомера просто — *Понтъ*, Черное Море, невѣдомая Пучина, у которой помѣщается вся баснословная географія, а непроизвольное поэтическое слово, вмѣсто *море*. Въ сказкахъ нѣтъ произвола въ словахъ: слова для нихъ — факты.

Гдѣ вы это у Гомера вычитали, чтобы онъ разрушеніе Трои представлялъ или воображалъ народнымъ подвигомъ своихъ Грековъ, дорогимъ

---

* Я кажется забылъ объяснить, что *Норманны сѣверяне* и *людоѣды*—такіе же миѳологическіе термины Русо-Готіи или Щито-Славіи, *Рейтъ-годландіи*, какъ и *рюсы*, *сколды*, *дратва*, *ятва* (Іоты), вендство, кривичество, одноглазіе, великанство. Впослѣдствіи уже, когда басня вздумала переодѣться исторіей, одинъ изъ такихъ терминовъ (*норманны*) присвоили себѣ Норвежцы, другой Днѣпровцы, третій Нѣманцы или Двиняне, четвертый Волжане, и такъ далѣе. Что *Сѣверя*, Nordmannir, Hyperboraei, нѣкогда, въ баснѣ-исторіи, полагались не въ Норвегіи, а въ другихъ и въ разныхъ мѣстахъ, это можно доказать неопровержимо и баснею и исторіей.

Digitized by Google

для нихъ отечественнымъ преданіемъ? Онъ, напротивъ — врагъ *Ветхимъ*, онъ ихъ не любитъ, и чтеніе поэмъ его возбуждаетъ въ насъ безпрерывное негодованіе на *Ветхихъ*, Danai, а живѣйшее благорасположеніе къ промышленнымъ *Строителямъ*, Teucri. Эти, полагаетъ онъ, прибывъ сюда, прекрасно обстроились, и только-что зажили славно, какъ вотъ пришли *Ветхіе*, которые, до появленія Эллиновъ въ Грецію, разселились тамъ-было подъ названіями Бѣляковъ и Бѣдняковъ — пришелъ царь Распребѣшанъ Невпопадовичъ — пришелъ притча-во-языцѣхъ хитродумъ Сбѣгнѣвъ Міругожичъ — пришелъ самородный человѣкъ, идеалъ, Безкормъ Голубычъ — и трехъ-курганное царство не какъ разорили они — Шарикъ да Пещерку коварствомъ смели съ лица земли — а съ достовѣрностью про то онъ не знаетъ, вовсе взятіемъ Шарика и не интересуется. Главное для него дѣло вотъ какое. Ветхіе были народъ грубый, дерзкій, неблагочестивый. Царь ихъ Распребѣшанъ Невпопадовичъ обидѣлъ жреца Солнца-Истребителя (Аполлона), похитивъ дочь его, *Сочную* или правильнѣе *Сочнову*. Знать, батюшко-то красавицы, жрецъ, такъ же какъ и она, обиловалъ животнымъ сокомъ, былъ жиренъ и толстъ: сокъ такъ и брызгалъ изъ нихъ (bryseis, bryôdês) сквозь всѣ скважинки кожи, оттого что они много *жрали* — извините слово: оно, въ славянскомъ, значило прежде *жертвовать*, приносить *жертвы*, а нынѣшнее его значеніе есть только воспоминаніе объ апетитѣ, съ какимъ предки наши благоговѣйно кушивали потомъ то, что́ сперва поднесли-было

Digitized by Google

богамъ. Ветхіе учинили великое преступленіе противъ жрецовъ. И вотъ посмотрите, какъ боги наказали Ветхихъ за такую наглость; какіе несчастія, страданія, бѣдствія—какая *знатная погибель*—какіе внутренніе раздоры и скорби, посыпались на нихъ, по волѣ Ясныхъ, безъ которыхъ ничего у людей не дѣлается; люди—игра Яса, игра игры разныхъ свойствъ его, а одни только мудрые жрецы понимаютъ его, находятся въ ладу съ нимъ и могутъ умилостивить. Слѣдуютъ двадцать-четыре книги бѣдъ скорбей и *Ветхихъ*. Не мудрено, что жрецы взяли *Сборникъ Заложника*, Ilias Hotêrou, подъ свое покровительство и, впослѣдствіи, съ такимъ жаромъ, съ такимъ фанатизмомъ, проповѣдывали его святость, когда свѣтскіе философы и поэты, злоупотребленіемъ силлогизма и легендъ, поколебали прочность язычества и уваженіе къ его святынѣ. Дѣла Ветхихъ кое-какъ поправилъ наконецъ *самородный* человѣкъ, свѣжаго издѣлія, совсѣмъ не ветхой породы—*Безкормъ Голубычъ*—чадо новой теоріи эѳира—и то единственно по благорасположенію Яса къ *Тезису*, къ *Данной* яркой матеріи, изъ которой, по чуднымъ его и ея свойствамъ, можетъ все образоваться добровольно, даже полный человѣкъ, пройдя черезъ извѣстныя метаморфозы. Доказавъ это, Гомеръ оставляетъ трехъ-курганное царство, забываетъ и *Ветхихъ* и *Строителей*, оставшихся возиться передъ Шарикомъ, и переходитъ къ болѣе интересному сюжету чѣмъ взятіе Пещерки—къ тому что дѣлалъ Сбѣгнѣвъ Мірупригожича въ Понтѣ-Пучинѣ, какъ тамъ наѣзднчалъ, какіе

Digitized by Google

страшные грабилъ тамъ народы, какъ искоренилъ ярославскую ересь у великановъ-щитовъ, какъ самъ онъ даже, любимецъ народовъ, идеалъ плута, полезнѣйшее человѣкамъ существо, страдалъ отъ боговъ за то, что помогалъ *Ветхимъ*, какъ выпутался изъ всѣхъ этихъ напастей, а — главное—какъ отстоялъ несравненную Мучисковороду Икарьевну, на которой всѣ Ветхіе хотѣли переженіться, чтобы кушать ея блины. Это для него гораздо важнѣе взятія Тройки, и — я полагаю — онъ тутъ показалъ гораздо болѣе здравой исторической критики, чѣмъ новѣйшія свѣтила исторіи, для которыхъ паденіе Трои все-еще составляетъ важный фактъ и политическое событіе.

Самое названіе Ilias Homêrou, изъ котораго легкомысленно сдѣлали два собственныя имени *Иліада Гомера,* будь оно съ самаго начала переведено буквально, «Сборникъ Заложника», или аманата, давно бы указало всѣмъ на не-греческое происхожденіе сюжета гомерическихъ разсказовъ. Homêros всегда и постоянно значило въ греческомъ языкѣ *аманатъ;* homeroi, аманаты. Но это не нравилось греческому самолюбію: значеніе *аманатъ* наводило всегда на мысль о привозѣ извнѣ, Грекъ ли былъ аманатомъ въ чужой землѣ или Варваръ аманатомъ у Грековъ. Сочинитель жизни Гомера, подложно приписанной Геродоту, открылъ, что гдѣ-то, у Кумейцевъ, *въ Кумахъ,* между Осками и Сабинцами — вотъ прекрасное мѣсто для изученія настоящаго смысла греческихъ словъ!— homêros значитъ *слѣпой.* И сказка о *слѣпотѣ* Гомера, объ его нищенствѣ, его гуслярствѣ, взяла

Digitized by Google

въ ученомъ мірѣ перевѣсъ на основаніи этой смѣшной этимологіи. Преданіе объ аманатѣ, привезшемъ быть-можетъ изъ Тракіи или Иллиріи эти поучительныя языческія аллегоріи, и о переводѣ ихъ на эллинскій языкъ, пали. Въ поэмахъ этихъ однакожъ замѣтно столько единства въ слогѣ, въ тонѣ, въ содержаніи, въ направленіи, что онѣ никакъ не могли быть произведеніемъ самихъ рапсодовъ: это — очевидная передѣлка или обдѣлка какого-то *сборника* прежнихъ, уже готовыхъ, чужихъ сказаній, произведенная одной бойкой рукою — однимъ простымъ, но острымъ и смѣлымъ умомъ, для употребленія народныхъ греческихъ гусляровъ.

Мнѣ кажется, что послѣ всѣхъ этихъ разсужденій и доказательствъ, читатели позволятъ мнѣ перевесть имъ вновь то же самое мѣсто, которое уже было здѣсь переведено буквально въ прежней статьѣ — но перевесть въ немъ *все* безъ исключенія, какъ должна быть переводима сказка — такъ, чтобы тутъ никакая національность не заслоняла своими собственными именами настоящаго смысла рѣчи.

Боже мой! для чего я это дѣлаю!... Когда подумаешь, что о трудѣ, въ которомъ иногда сосредоточиваются результаты изъисканій, размышленій, соображеній, безсонныхъ ночей, мучительныхъ дней всей вашей жизни, первые и громче всѣхъ произносятъ судъ почти всегда тѣ, которымъ предметъ знакомъ только поверхностно или и вовсе неизвѣстенъ — которыхъ быть-можетъ только учили предмету другіе когда-нибудь, а сами

Digitized by Google

они потомъ никогда не переучивались ему, съ новыми средствами, съ другими свѣденіями — уныніе, и еще другое чувство, которое такъ естественно въ подобномъ случаѣ, способны выронить перо изъ руки. Не разъ мнѣ самому случалось вдругъ бросить его, когда подобная мысль овладѣвала мною, сказавъ про себя: не стоитъ!... пусть будетъ все по-старому!... одно только старое и пошлое ведетъ къ успѣху. Но правда и то: мысли мои, теперь, еще болѣе чѣмъ когда-либо далеки отъ всякой заботы объ успѣхѣ. Я ищу только необходимаго развлеченія въ воспоминаніяхъ нѣкогда дорогихъ мнѣ занятій, и въ бесѣдѣ съ тѣми изъ читателей, съ которыми учредился у насъ родъ литературной дружбы—слѣдствіе продолжительнаго знакомства и извѣстнаго созвучія мыслей.

Я охотно возвращусь къ нашему предмету въ другой разъ, и какъ, между-прочимъ, обѣщалъ я перевесть изъ Гомера мѣсто, относящееся къ Одноглазнику Ярославу и къ Кривичамъ, то, при этомъ случаѣ, мы пройдемъ всѣ страницы четвертой книги Геродота, гдѣ только говорится о нашей родной Скиѳіи, Скоѳіи или Русіи. Мы увидимъ его странную географическую теорію. Онъ, по страсти къ спору, отвергалъ существованіе Оксана. Это заставило его, по логической необходимости, не допускать возможности Оловянныхъ Острововъ (Англіи) и Балтійскаго Моря, Западной Двины, Вислы, и Рейна, которые не имѣли бы устья въ такомъ случаѣ, хотя эти рѣки были уже извѣстны Грекамъ, его современникамъ, слить Каспійское Море съ Чернымъ и протянуть эту массу воды до самаго

Digitized by Google

сѣвера. Все его географическое описаніе Скиѳіи, гдѣ, какъ мы увидимъ сами, онъ никогда не бывалъ лично, принаровлено къ этой любопытной системѣ, и, по ней, если бы она оказалась справедливою, онъ во всемъ правъ: скиѳскія рѣки и земли лежали бы въ томъ порядкѣ, который онъ имъ приписываетъ.

1849.

Digitized by Google

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ФИЛОЛОГІЯ.

ИНДО-ЕВРОПЕИЗМЪ.

—

По поводу сочиненія: *О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ.* А. Гильфердинга. *1853.*

I.

Одинъ мой ученый пріятель, и отчасти родственникъ, принесъ мнѣ нѣкогда свою новую книгу, только-что отпечатанную и прекрасно переплетенную, желая, по несказанной вѣжливости, оставить ее мнѣ, какъ говорится въ авторской риторикѣ, въ знакъ дружбы и истиннаго уваженія, и въ то же время услышать мое мнѣніе о книгѣ и объ ея предметѣ. Книга была о санскритскомъ языкѣ. Заглавіе удивило меня немножко: я никогда не слыхалъ, чтобы мой ученый пріятель занимался оріентальною частью, Востокомъ, санскритизмомъ, сравнительнымъ языкознаніемъ. Но я чувствительно благодарилъ моего ученаго пріятеля — увѣрялъ его, что буду читать его твореніе съ живѣйшимъ вниманіемъ и что оно непремѣнно доставитъ мнѣ страшное удовольствіе, по особенной любви моей къ предмету, на который

Digitized by Google

и мнѣ тоже, грѣшному, привелось истратить часть драгоцѣннаго времени жизни. Откинувъ заглавную страницу, мелькомъ прочиталъ я первыя четыре строчки предисловія, и почтительно поставилъ книгу въ шкафъ, на самую верхнюю полку. — Зачѣмъ же вы ее такъ далеко прячете? сказалъ мнѣ мой ученый пріятель: теперь вы и забудете ее, и читать не станете. — Да я уже прочиталъ ее! — Какъ такъ? — Да такъ! вся книга ваша заключается въ первыхъ четырехъ строкахъ предисловія, съ которыми имѣлъ я уже время и удовольствіе ознакомиться. Мой ученый пріятель покраснѣлъ, смутился, и съ нѣкоторою досадою просилъ меня сказать, что̀ такое нахожу я въ этихъ четырехъ строкахъ. Я взялъ книгу съ полки обратно и показалъ ему слова: «Преди-«словіе. Прежде всего долженъ я покорнѣйше «просить у моихъ благосклонныхъ читателей из-«виненія, что рѣшился сочинить и издать въ «свѣтъ книгу о предметѣ, котораго вовсе не «знаю....» — Послѣ этого, вы согласитесь, присовокупилъ я, что книгу вашу читать не нужно; можно знать напередъ ея содержаніе. — Только это! вскричалъ мой ученый пріятель, вдругъ оправившись отъ смущенія и весело улыбаясь: только это?... Фуй! какъ вы меня перепугали!... Я думалъ, вы нашли тамъ Богъ знаетъ что̀ такое!... Конечно, оно не совсѣмъ-то ловко сказано... можно было выразить ту же самую мысль болѣе ученымъ образомъ.... словами болѣе *научными*, какъ иные изъясняются, то есть, болѣе науковидными или наукообразными, по-нѣмецки

Digitized by Google

wissenschaftlich... она бы поражала менѣе.... Но, извините, мой другъ, я человѣкъ прямой... простите мою откровенность... я очень хорошо знаю, что вы много занимались языкознаніемъ отдѣльнымъ и сравнительнымъ... и поэтому удивляюсь, что... какъ мнѣ кажется... ну, ужъ не прогнѣвайтесь!... какъ мнѣ кажется, вы не понимаете сущности этой, въ высшей степени любопытной, заманчивой, удивительной науки. — Мой ученый пріятель произнесъ эти послѣднія слова такъ серіозно, что теперь мнѣ пришла очередь покраснѣть и смутиться. — Не знаю, какъ вы думаете, продолжалъ мой ученый пріятель: а по-моему, сравнительное языкознаніе есть наука, состоящая въ умѣньѣ или искусствѣ разсуждать наукообразно о языкахъ, которыхъ никто не знаетъ, начиная съ разсуждающаго....

Я опомнился и долженъ былъ сознаться, что опредѣленіе моего ученаго пріятеля, не только остроумно, но и совершенно справедливо. Въ восторгѣ моемъ отъ этого благополучнаго оборота бесѣды, становившейся щекотливою, я обнялъ его — поцѣловалъ — и чуть-чуть не присовокупилъ комплимента, что столько ума и такаго меткаго взгляда я никакъ не ожидалъ отъ его учености.

Я положилъ книгу на свой письменный столъ, въ тотъ же вечеръ прочиталъ ее, и впослѣдствіи иногда справлялся съ нѣй съ пользою. Въ ней заключается довольно порядочный сводъ того, что въ разныя времена и въ разныхъ книгахъ

Digitized by Google

было напечатано по дѣламъ санскритскимъ, индо-германскимъ или индо-европейскимъ.

Мой ученый пріятель не хотѣлъ разстаться со мною, не убѣдивъ меня въ законности права своего писать объ этихъ дѣлахъ безъ изученія языка, который служитъ имъ основаніемъ.

— Признайтесь, говорилъ онъ, что знать языкъ какой-бы то ни было — великое дѣло! Надо, во-первыхъ, произносить его въ совершенствѣ, такъ, чтобы получить чувство гармоніи этого языка, ощущать вполнѣ всю его эстетику, быть въ состояніи измѣрять бо́льшую или меньшую свѣжесть и устарѣлость, пошлость и благородство, колоритность и безцвѣтность, силу и слабость различныхъ рѣченій. Во-вторыхъ, надо знать исторію когда слова: откуда оно, что́ оно такое, въ какихъ смыслахъ употреблялось въ разныя эпохи, къ какимъ обстоятельствамъ поочередно относилось, въ какой связи состояло тогда-то съ нравами, съ обычаями, съ законодательствомъ, съ вѣрою, съ предразсудками, со страстями, со всею вообще жизнію народа. Безъ этихъ двухъ условій нѣтъ настоящаго знанія языка, а они недосягаемы самоучкою по словарямъ, болѣе или менѣе исправнымъ, внѣ той земли, которой языкъ принадлежитъ, внѣ того воздуха, въ которомъ онъ родился и привыкъ звучать своимъ чистымъ, кореннымъ, естественнымъ звукомъ. Признайтесь...

Я долженъ былъ признаться, что всѣ мы, которые въ Европѣ принимали или принимаемъ трудъ проникнуть болѣе или менѣе въ тайны санскритскаго языка и имѣемъ удовольствіе раз-

Digitized by Google

суждать объ немъ отдѣльно или сравнительно, разумѣется, не годились бы въ индійскіе пандиты даже самой посредственной репутаціи.

— Признайтесь....

Я долженъ былъ признаться, что мода, въ которую санскритскій языкъ вошелъ въ любословномъ мірѣ, со времени Вольтера и Гердера, подала поводъ къ большимъ филологическимъ злоупотребленіямъ, къ ипотезамъ и системамъ самымъ страннымъ и несбыточнымъ — чтобъ не сказать уморительнымъ — которыя однакожъ, по своей таинственности, получили такую знаменитость, что даже и внѣ любословія безпрекословно повторяются какъ факты очень умными и дѣльными людьми, въ той, разумѣется, увѣренности, что любословы или филологи, совершенно проглотили этотъ языкъ и знаютъ что говорятъ.... А это еще требуется доказать.

— Признайтесь....

Я долженъ былъ признаться, что изъ всѣхъ языковъ, о которыхъ приходится намъ разсуждать въ книгахъ или бесѣдахъ, ни одинъ не производитъ такаго страшнаго ученаго эффекта, какъ санскритскій, особенно при помощи мистическихъ словъ—Индо-европейцы, Индо-германцы, Индо-славяне, Индо-греки, но что въ то же время онъ — самый неудобный и самый опасный для сравненія съ посторонними языками, потому-что — мало того онъ мертвый, искони мертвый и бездыханный — онъ сверхъ того лишенъ всякой хронологіи и исторіи, не только относительно къ отдѣльнымъ словамъ и къ твореніямъ своимъ,

Digitized by Google

но даже и относительно къ своему происхожденію.... Все что можно сказать объ немъ съ достовѣрностью, ограничивается тѣмъ, что онъ принадлежитъ къ многочисленной и безконечно разнообразной семьѣ языковъ персидскихъ, къ которой принадлежатъ древне-персскій или языкъ *арм*, древне-парѳскій, древне-мидійскій, древне-фригійскій, зендскій, пеглійскій, курдскій, новоперсидскій или языкъ *фарси*, армянскій, грузинскій и прочіе кавказскіе, и что неизвѣстно когда, съ кѣмъ и по какому случаю, изъ своего отечества, изъ Средней Азіи, пробрался онъ въ Индію черезъ страшныя горы и непроходимыя ущелія, куда, признаться....

— Да не въ томъ дѣло, вы все не въ томъ признаетесь, что нужно! перервалъ мой ученый пріятель. Мы говоримъ о языкознаніи. Признайтесь, что, для сравнительнаго языкознанія, покрайней-мѣрѣ такого, какъ оно до-нынѣ производится вообще, въ ученомъ мірѣ, въ глубокой европейской филологіи, знаніе языковъ вовсе ненужно: возьми словари, какіе ни есть, отъищи слова, болѣе или менѣе сходныя между-собою по буквамъ, не заботясь объ ихъ правильномъ произношеніи, и укладывай въ столбцы. Всѣ такъ дѣлаютъ! Связь же между значеніями словъ всегда найдется. Напримѣръ слова *вода* и *вадзе* — вы не станете отвергать — очень сходны между собою по своимъ буквамъ. Языкосравнительно, они совершенно могутъ происходить другъ отъ друга. Я и ставлю ихъ вмѣстѣ. Вы, можетъ-быть, возразите: да какая же тутъ связь между значе-

Digitized by Google

ніями! одно значитъ *жидкость*, а другое значитъ *блестьть!*... Вы не имѣете права дѣлать такое возраженіе въ сравнительномъ языкознаніи. Вода, хорошо освѣщенная, блеститъ иногда удивительно! Индіецъ, то есть, я разумѣю Индо-индіецъ, настоящій Индѣецъ, который въ Индіи и остался, могъ сказать: *ваджъ!* блеститъ! Индо-европеецъ, Индо-славянинъ, то есть, Индіецъ, рѣшившійся покинутъ Индію и отправиться въ Европу, чтобы быть себѣ Славяниномъ, могъ подслушать его и сказать: въ самомъ дѣлѣ — *ваджъ!* блеститъ ужасно!... умное замѣчаніе! и какъ оно кстати! у меня еще нѣтъ хорошенькаго названія для этой жидкости; какъ приду въ Европу, я непремѣнно, маленько измѣнивъ звуки, назову ее *вода* въ память того, что она у насъ въ Индіи иногда блеститъ премило. Вы знаете, что подобное предположеніе, въ сравнительномъ языкознаніи, совершенно позволительно. И признайтесь, что можно привести цѣлыя сотни и тысячи примѣровъ подобныхъ предположеній, отпущенныхъ самыми громкими авторитетами въ наукѣ.

Я долженъ былъ во всемъ признаться. Въ наукѣ, которой логика и географія допускаютъ Индо-Европу, Индо-Германію и Индо-Славянію, все можетъ быть допущено. Всѣ ипотезы, всѣ сближенія, какъ бы они невѣроятны ни были, позволительны тѣмъ, кто въ состояніи былъ выдумать, ухитрился удобно помѣстить въ своей головѣ, и храбро продолжаетъ поддерживать и защищать индійское происхожденіе европейскихъ

Digitized by Google

народовъ, европейскихъ языковъ и европейской образованности.

Къ этому невинному вступленію послужило поводомъ единственно заглавіе книги г. Гильфердинга, «О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ», напомнившее мнѣ это «научное» происшествіе, а отнюдь не ея содержаніе. До содержанія я не касаюсь и вовсе не намѣренъ говорить объ немъ. Я предполагаю охотно, что оно прекрасно, что оно даже удивительно, что, корнесловно и языкосравнительно, лучше ничего быть не можетъ. Я готовъ безъ спора и безъ оговорокъ отдать всю справедливость и похвальному трудолюбію молодаго ученаго, выставившаго имя свое на краю этой пучины страшныхъ корней всякаго рода и вида, и благородному усилію его произвесть по части, имъ любимой, нѣчто правильное и полное въ томъ направленіи, которое почиталъ онъ за истинное и ведущее къ полезному результату. Но, къ сожалѣнію, я не могу сойтись съ индословами въ основаніи дѣла — въ общемъ взглядѣ на предметъ. Я не вѣрю ни въ индо-германство, ни въ индо-славянство, ни въ другіе индійскіе идолы, которымъ, несмотря на ихъ уродливость, поклоняются съ такимъ энтузіазмомъ европейскіе пандиты, жрецы санскритскаго корнесловія, и ихъ непосвященные послѣдователи. Сверхъ того, корнесловіе я считаю только ученою забавою, болѣе или менѣе остроумною, но никакъ не наукою. Словомъ, если бы я сталъ дѣлать строгіе логическіе выводы изъ моихъ по этой части убѣжденій, съ примѣненіемъ ихъ къ

Digitized by Google

подробностямъ индословія, то, можетъ-быть, мы пришли бы къ заключенію, что подобныя писанія не стоятъ истрачиваемаго на нихъ трудолюбія и только безполезно обременяютъ собою литературу. До этой крайности я не хочу доводить ни себя, ни моихъ читателей, которымъ, напротивъ, я желалъ бы внушить большое уваженіе ко всякому въ сущности ученому труду. Вотъ почему я предпочитаю говорить скорѣе о самомъ предметѣ — о великомъ санскритскомъ вопросѣ — котораго рѣшеніе было бы очень полезно въ наше индославянское время. Мнѣ кажется, что если взять въ приличное соображеніе всѣ данныя, которыми нынче обладаетъ восточная эрудиція, объ немъ можно уже сказать много разсудительнаго и — слѣдовательно — совершенно новаго.

Скоро будетъ два столѣтія, какъ Европа узнала впервые о существованіи таинственнаго языка, на которомъ писаны духовныя книги браминовъ. Католическіе миссіонеры извѣстили европейскихъ филологовъ, что этотъ языкъ, совершенно различный отъ тѣхъ языковъ, которыми говорятъ народы индійскаго полуострова, обладаетъ богатою литературою; что кромѣ духовныхъ книхъ, на немъ сочинено съ разныя времена множество грамматикъ, риторикъ, поэмъ, ариѳметикъ, философскихъ разсужденій, и даже драмъ; и что — странное дѣло! — многія слова этого языка, давнымъ-давно мертваго и едва-ли бывшаго когда-нибудь разговорнымъ на полуостровѣ, представляютъ разительное сходство со словами латинскими, греческими и нѣмецкими.

Digitized by Google

Этого было совершенно достаточно для возбужденія общаго любопытства. Какъ всякая находка нежданнаго клада располагаетъ людей къ преувеличеннымъ ожиданіямъ и разсказамъ, какъ въ вѣкъ открытія Америки пылкія воображенія создали немедленно баснословныя картины благъ, чудесъ и золота Новаго Свѣта, такъ точно ученые энтузіасты прошедшаго столѣтія мало-помалу разгорячились дотого, что въ невѣдомой Индіи, въ ея священномъ языкѣ и въ его тогда недоступной литературѣ, извѣстной только по немногимъ переводнымъ отрывкамъ, увидали цѣлый *новый міръ* неподражаемыхъ произведеній человѣческаго генія, драгоцѣнныхъ свѣденій, и дивныхъ, неожиданныхъ фактовъ. Этими фактами опровергались всѣ наши понятія и преданія. Въ крайнемъ случаѣ, эти факты давали, дескать, совершенно другой оборотъ нашему знанію. Вольтеръ господствовалъ тогда въ Европѣ. Дѣло попалось въ его руки и извѣстно какого шуму надѣлалъ онъ своей *Зэуръ-ведою*, санскритскою священною книгою, присланною ему изъ Индіи въ подлинникѣ и переводѣ. Съ этою книгою въ рукѣ, Вольтеръ уничтожалъ все, что̀ ему хотѣлось непремѣнно уничтожить. Школа его искала вездѣ народа, который бы сидѣлъ не на почвѣ еврейской географіи и могъ быть признанъ первымъ просвѣтителемъ и образователемъ человѣчества. Упрямство этихъ ученыхъ усилій не пугалось смѣшнаго и жалкаго. Случайно открыли Уйгуровъ. Дикому и грязному поколѣнію Монгольской Степи

Digitized by Google

торжественно признана была честь распространенія на землѣ образованности и науки. Нынѣшніе санскритолюбцы и добродушные ихъ послѣдователи не знаютъ или не помнятъ, что Уйгуры были еще недавно въ такой же модѣ, если еще не въ бо́льшей, какъ теперь ихъ возлюбленные Индійцы съ своимъ милымъ и интереснымъ потомствомъ, Индо-Нѣмцами, Индо-Галлами и Индо-Славянами. Ученый міръ съ величайшимъ почтеніемъ заговорилъ о *Верхней Азіи*, la Haute Asie, о засыпанныхъ снѣгами *средне-азійскихъ возвышенныхъ плоскостяхъ*, какъ о колыбели всѣхъ языковъ и знаній. Индійцевъ вытащили на сцену уже послѣ паденія славы Уйгуровъ, но все съ тою же благонамѣренною цѣлью: вывести нашъ родъ, языки и образованность изъ какого бы то нибыло неизвѣстнаго мѣста, лишь бы только не изъ Тигро-евфратской страны, на которую указывали всѣ наши древнія преданія, священныя и свѣтскія.

Индоманія началась во Франціи, но обстоятельства воспрепятствовали необузданному развитію ея на-мѣстѣ. Вскорѣ, по положенію, перешла она въ Германію, и, здѣсь, въ густомъ дыму «научныхъ» трубокъ расправила крылья свои свободно. Здѣсь-то, въ этой главной мануфактурѣ дикихъ умозрѣній и уморительныхъ теорій, облеклась она въ великолѣпное платье наукообразной системы, и, вооруженная острыми корнями и рогатою терминологіей, заняла академическія кресла, заговорила съ университетскихъ каѳедръ. Добродушные Нѣмцы сначала ушамъ своимъ не вѣрили, услы-

Digitized by Google

шавъ, что они, не Тевты, а природные и коренные Индійцы и, бесѣдуя на своемъ отечественномъ языкѣ, говорятъ чисто по-санскритски. Но Нѣмцы обожаютъ таинственное и сверхъ-вѣроятное. Имъ понравилась лестная мысль, что, прежде чѣмъ Португальцамъ, Голландцамъ, Французамъ или Англичанамъ, Индія принадлежала Нѣмцамъ, что Гангъ — рѣка нѣмецкая точно такъ же какъ Рейнъ, что они кушали нѣкогда кокосы и бананы, жили подъ великолѣпнѣйшимъ солнцемъ въ мірѣ и только по обстоятельствамъ живутъ теперь въ туманной и сырой Германіи. Неправдоподобное, несбыточное слово «Индо-германцы» обворожило всѣ воображенія и скоро сдѣлалось моднымъ. Въ другое время одно уже подобное слово предало бы всю систему подозрѣнію и посмѣшищу. Но Германія тогда была наводнена бездною самыхъ дикихъ и самыхъ неслыханныхъ словъ, которыя мастерили для нея умозрительные философы, и въ которыхъ предполагался смыслъ глубокій, доступный только избраннымъ. Общество привыкло повторять съ почтеніемъ непонятныя слова, скрывающія въ себѣ будто бы новыя и высокія истины. Одно лишнее слово такого же рода, при всей осязаемости своего безсмыслія, не встревожило народнаго здраваго смысла, уже порабощеннаго словами. Гелертеры же увѣряли, что индійское происхожденіе Германцевъ утверждено и доказано *неопровержимыми фактами*. Всѣ повторяли любимое слово. Никто не справлялся съ *фактами*. Никто не взвѣшивалъ ихъ достоинства. *Факты-то*,

Digitized by Google

состояли — можно ли повѣрить? — изъ дюжины словъ общихъ двумъ языкамъ, санскритскому и нѣмецкому, да двухъ-трехъ десятковъ корней, болѣе или менѣе подходящихъ другъ къ другу по буквамъ и смыслу? Остальное — безобразная куча натяжекъ, незаслуживающихъ ни малѣйшаго серіознаго вниманія!

Впрочемъ и не было возможности подвергнуть эти мнимые «факты» правильной повѣркѣ и оцѣнкѣ. Европейская книжная торговля не представляла никакихъ средствъ къ этому. Нельзя было достать ни текстовъ, ни словарей, ни грамматикъ. Желавшіе познакомиться лично и коротко съ священнымъ языкомъ браминовъ встрѣчали непреодолимыя препятствія и, утомясь безплодною борьбою съ ними, отказывались отъ предпріятія. Санскритскій языкъ знали кое-какъ два-три человѣка, поставленные въ особенныя обстоятельства и окруженные славою изъятной мудрости — знанія того, чего никто не знаетъ. Но они-то и творили эти «факты»! Можно ли было противорѣчить ихъ авторитету? Индо-германизмъ торжествовалъ безпрекословно. Нѣмцы рѣшительно пришли въ Европу изъ Индіи!

Но счастію Нѣмцевъ позавидовали вскорѣ сосѣди. Славянамъ, Кельтамъ, Греко-латинамъ, захотѣлось тоже быть браминами. Пустясь тѣмъ же вѣрнымъ путемъ къ «фактамъ», они въ свою очередь подобрали въ санскритскомъ языкѣ по нѣскольку десятковъ хорошенькихъ корней да по дюжинѣ словъ, сходныхъ со словами своихъ языковъ — еще болѣе сходныхъ, чѣмъ тѣ, кото-

Digitized by Google

рыми гордились Нѣмцы — и начали одинъ за другимъ перелѣзать изъ Индіи въ Европу. *Перелѣзать* — настоящее слово: тогда еще не знали — да Индо-германцы не знаютъ, кажется, и теперь — что изъ Индіи нѣтъ нигдѣ открытыхъ выходовъ; отвсюду — страшныя горы, на которыя нужно карабкаться: путь чрезвычайно удобный для образованности, просвѣщенія и языковъ, которые будтобы вышли на весь міръ оттуда! Видя это странное нашествіе разноплеменныхъ завистниковъ, полководцы Индо-германцевъ прибѣгнули къ стратегической хитрости: помощью корнесловія ловко доказали Славянамъ, Кельтамъ и Греколатинамъ, что они поднимаютъ оружіе на своихъ родителей, потому-что сами явственно происходятъ отъ Нѣмцевъ — что они такіе же Нѣмцы какъ всѣ, какъ весь свѣтъ — просто племена нѣмецкой работы, сравнительно гораздо позднѣйшей. Въ послѣднемъ результатѣ, все-таки изъ Индіи вышли первобытно Индо-германцы! Но какъ путь далекъ, разстояніе огромно и досужнаго времени было довольно, то Славянъ, Кельтовъ и Греко-латиновъ произвели они — отъ нечего дѣлать — на отдыхахъ — во время торжественнаго шествія своего отъ Гангеса до Эльбы.

Кажется, что эта остроумная уловка германскихъ корнеслововъ, которые величаютъ себя *языкознателями* и свои филологическія потѣхи *языкознаніемъ*, значительно умѣрила пылкость недоброжелательныхъ сосѣдей, стремившихся завладѣть Индіей и вытѣснить изъ нея Нѣмцевъ. Послѣдовалъ родъ мирнаго договора, по которому

Digitized by Google

положено: Индію раздѣлить между воюющими корнесловными націями, Нѣмцами, Славянами, Кельтами и Греко-латинами, съ правомъ выходить изъ нея въ Европу, каждой на своемъ иждивеніи и въ какое угодно время; слова *Индо-германцы* не употреблять въ печати, но всѣмъ одинаково и дружно именоваться *Индо-европейцами*. Славяне, Кельты и Греко-латины, надо отдать имъ справедливость, честно исполнили условіе: съ нѣкотораго времени объ Индо-славянахъ, Индо-кельтахъ, Индо-грекахъ, вовсе у нихъ не слышно. Они отказались отъ самостоятельности и скромно исчезли въ союзѣ Индо-европейцевъ. Но долгъ безпристрастія велитъ отискрыть, предать порицанію міра вѣроломство Нѣмцевъ, проистекающее изъ ихъ неукротимаго гелертерскаго тщеславія: они и до-сихъ-поръ всячески избѣгаютъ употреблять союзный титулъ «Индо-европейцевъ» и при всякомъ удобномъ случаѣ говорятъ объ однихъ только «Индо-германцахъ», съ явнымъ намѣреніемъ присвоить себѣ исключительно всю славу выноски изъ-за Гималайскихъ Горъ сокровищъ индійской образованности для распространенія ихъ по лицу земли, и достаточнаго количества санскритскихъ корней для поддѣлки языковъ на всю вселенную.

Я не называю никого, питая особенное уваженіе къ нѣкоторымъ почтеннымъ и европейскимъ именамъ, замѣшаннымъ по увлеченію или по неосмотрительности, въ эти печальныя дѣла сравнительнаго языкознанія. Но тѣ, которые прожили довольно долго въ области общей филологіи и близко

Digitized by Google

видѣли ея внутреннюю исторію, ея подвиги, раздоры и тре волненія, тѣ не могутъ не вспомнить, что таковъименно былъ ходъ происшествій. Имена намъ не нужны. Мы говоримъ исключительно о предметѣ, объ индо-германизмѣ или, если угодно, индоевропеизмѣ.

Одного, бѣглаго и слабаго, очерка исторіи этого предмета уже кажется достаточно для того, чтобы умы серіозные, привычные къ хорошимъ изслѣдованіямъ, встрѣтили его улыбкою особеннаго смысла. Самъ по себѣ онъ такъ смѣшонъ, что повидимому и не требовалъ бы опроверженія. Но самонадѣянность Индо-германцевъ и Индоевропейцевъ превосходитъ всякую мѣру. Она наконецъ становится опасною, сбивая съ толку молодыя эрудиціи и давая ложное направленіе ихъ трудолюбію. Привыкнувъ за бывшею неприступностью храма своей мудрости не встрѣчать нигдѣ ни противорѣчія, ни критики, эти *научные* мужи смѣло продолжаютъ утверждать еще и нынче ту же самую небывальщину, которая была простительна только во времена совершенной скудости сравнительныхъ матеріяловъ, до раскрытія тайнъ новаго и стараго Востока. Въ самыхъ почтенныхъ органахъ строгаго разума науки и основательнаго знанія они безпрестанно объявляютъ во всеуслышаніе, что *нынче уже невозможно подвергать сомнѣнію преданія* (какія преданія?... гдѣ они?), *относящія образованность человѣчества къ Верхней-Азіи, удостовѣряющія, что она родилась на берегахъ Ганга, у подножья Гималаи, и оттуда черезъ Малую-Азію перешла* къ

Digitized by Google

Грекамъ, которые намъ ее передали. Этотъ-де *великій фактъ* (!) *теперь математически доказанъ* (!) филологіей. Сравнительное языкознаніе *доказало,* и *можетъ всегда доказать всѣмъ и каждому, кто бы спорить осмѣлился*, что всѣ европейскіе языки, нѣмецкій, греческій, латинскій, кельтскій, и даже славянскій (у Индо-славянъ это мѣсто провозглашается наоборотъ: славянскій, литовскій, греческій, латинскій, кельтскій, *и даже нѣмецкій*) *получили свои корни и нерѣдко свои формы* изъ священнаго языка Индійцевъ, на которомъ писаны Веды. *Мы положительно утверждаемъ,* говорятъ храбрые корнесловы, что *языкъ санскритскій — отецъ всѣхъ языковъ племени, очень справедливо прозваннаго индо-европейскимъ: факты эти достовѣрны, не только въ физическомъ, но и въ умственномъ отношеніи, въ умственномъ еще гораздо болѣе,* и эти факты *осязательно вывело наружу сравнительное языкознаніе, для наставленія этнографіи и исторіи*, которыя должны просвѣтиться его факеломъ. Оно-то показало *путь, которымъ прокатился этотъ огромный потокъ языковъ и идей, отдѣлившійся отъ Ганга, прорѣзавшій русло Индуса* (хорошъ путь!... нечего сказать), *прошедшій всю Персію, Грецію и Италію, куда онъ принесъ вѣру, мудрость и знанія, оплодотворившій Западную Европу*, и прочая, и прочая.

Я бы никогда не кончилъ, если бъ сталъ прописывать всѣ подобные отзывы и возгласы, которые съ непостижимою самоувѣренностью ежедневно произносятся изступленными санскритистами въ самыхъ ученыхъ мѣстахъ и органахъ

Digitized by Google

образованнаго міра. Каждый чувствуетъ, какое предосудительное вліяніе должны они оказывать на умы, воспламенные благородною любовью къ наукѣ, но неопытные, не извѣдавшіе всего пространства предмета, или слишкомъ довѣрчивые и, въ своемъ скромномъ невѣденіи, слѣпо повинующіеся громогласнымъ авторитетамъ. Какъ не преклониться передъ фактами, великими фактами, объявляемыми темному свѣту и самой наукѣ съ такимъ шумомъ и трескомъ?... А вотъ посмотримъ, эти знаменитые «факты». Увидимъ въ чемъ состоитъ эта достовѣрность, эта неоспоримость, заранѣе разражающаяся угрозами всякому противорѣчію, эта математическая точность доказательствъ. Я боюсь, что при полномъ, внимательномъ и хладнокровномъ разборѣ вопроса, обнаружится совершенно противоположное.

Весь итогъ нынѣшняго знанія, со включеніемъ сюда даже и корнесловствующей филологіи, служитъ, напротивъ, по моему убѣжденію, самымъ торжественнымъ подтвержденіемъ старой какъ свѣтъ истины, заповѣданной намъ всѣми извѣстными преданіями вѣры, исторіи и наслѣдственнаго разума народовъ, и которая гласитъ, что страна араксо-евфратская, страна четырехъ рѣкъ Рая, или Западная Азія, есть именно то мѣсто, съ котораго великій потокъ народовъ, языковъ и идей, всѣ древнѣйшія формы вѣрованія и образованности, вышли и разлились по Вселенной, причемъ проникли они между-прочимъ и въ Индію, до самаго Ганга, по неуклонной необходимости географическаго образованія земной поверхности, есте-

Digitized by Google

ственнаго порядка вещей, и кореннаго образа дѣйствія всякой распространительной силы, отъ центра къ окружности и къ оконечностямъ.

Касательно послѣдняго пункта, нужно тотчасъ же замѣтить, что когда священныя и мірскія или народныя преданія, доставшіяся намъ въ наслѣдство, были впервые списываемы для сохраненія ихъ отъ утраты, географическія знанія эпохи еще не позволяли думать, чтобы центромъ Вселенной, то есть, Населенной, или Обитаемой, было именно Четверорѣчье или Междурѣчье, Месопотамія древнихъ, благодатная полоса Азіи, лежащая между четырехъ рѣкъ, текущихъ въ четыре разныя страны, Тигромъ, Евфратомъ, Оронтомъ и Араксомъ. Только теперь мы знаемъ и, когда нужно, можемъ, съ циркулемъ въ рукѣ, удостовѣриться на картѣ, что эта страна въ самомъ дѣлѣ — средоточіе всего пространства земель, занятыхъ родомъ человѣческимъ на нашемъ полушаріи. Одно это обстоятельство уже достоточный поводъ думать, что преданія наши правдивы, что здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ должна непремѣнно быть колыбель человѣчества, племенъ, языковъ, идей, образованности; и что отсюда, какъ изъ географическаго центра, распространялись они правильно во всѣ стороны. Индія ни въ какомъ случаѣ, ни въ какой человѣческой ипотезѣ, имѣющей притязаніе на здравый смыслъ и правдолюбіе, не можетъ требовать для себя этой чести, по самому уже положенію своему на краю Вселенной, на полуостровѣ, отгороженномъ огромными горами отъ всѣхъ прочихъ земель, годныхъ къ

Digitized by Google

населенію. Да она и не требуетъ ея. Индо-германцы насильно и для своего личнаго удовольствія возвели ее въ санъ колыбели народовъ, языковъ и всякой человѣческой мудрости, не читавши и даже въ глаза не видѣвши Ведъ, которыя они прославляли. Нынче, когда бо́льшая часть Ведъ издана, оказывается, что индійскія же преданія о потопѣ помѣщаютъ *на сѣверъ* гору, у которой остановился ковчегъ человѣка, спасшагося отъ всеобщей погибели и бывшаго отцомъ новаго поколѣнія людей. Этотъ *сѣверъ*, эта *сѣверная гора* явственно означаетъ персо-каспійскую страну и Араратъ, искони пользовавшійся въ Азіи славою пристани ковчега. Ни въ какомъ случаѣ подобное преданіе не могло создаться въ Индіи. Оно, да и самая Веда, объ немъ упоминающая, должны быть занесены туда съ сѣвера, изъ Персіи, знавшей о существованіи и мѣстоположеніи такой горы. Если же первые люди послѣ потопа родились — родились у *сѣверной горы* на *сѣверѣ*, значитъ — и родъ человѣческій, и языки, и всякая мудрость распространились оттуда, и брамины сами своими *преданіями* признаются, что они — не индійскаго происхожденія.

Гдѣ Индо-германцы или Индо-европейцы нашли *преданія, относящія начало образованности нашего рода къ странѣ, лежащей у подножья Гималаи*, этого я не знаю. Я не припомню, чтобы гдѣ-либо, и на какомъ-либо языкѣ, читалъ я такія *преданія*. Извѣстная намъ древность, первую образованность и первое человѣческое величіе постоянно и согласно относила къ Между-

Digitized by Google

рѣчію къ странѣ, лежащей между Евфратомъ и Тигромъ, гдѣ мы дѣйствительно и нашли недавно великолѣпнѣйшіе слѣды того и другаго, не позволяющіе сомнѣваться въ правдивости древности. Никогда не знала и не упоминала она ни о какомъ движеніи съ индійскаго полуострова въ нашу сторону, переселенческомъ, военномъ, или умственномъ. Да и не мудрено: такихъ движеній быть не могло! Они противо-естественны. Народы всегда и вездѣ стремились съ твердой земли на полуострова, а не обратно. Для овладѣнія полуостровами, какъ самыми удобными мѣстоположеніями для спокойствія, торговли и благосостоянія, они готовы были, не жалѣя трудовъ, не взирая ни на какія препятствія, перелѣзать черезъ непроходимыя горы — гибли на-половину въ снѣгахъ и въ изнеможеніи — и все-таки лѣзли. Но вылѣзать оттуда никому и въ голову не приходило. Англичане недавно попробовали вылѣзти съ индійскаго полуострова въ сосѣдній Кабулъ, да и тѣ, несмотря на все могущество средствъ новѣйшей образованности, костей своихъ не подобрали на этомъ походѣ. Индо-германцамъ и индо-европейцамъ, для которыхъ походецъ цѣлаго племени отъ Ганга до Эльбы или до Сены совершенно ни почемъ, можно было бы присовѣтовать посмотрѣть хотя-бы въ «Запискахъ Бабера», основателя династіи великихъ-монголовъ въ Индостанѣ, картину наслажденій и пріятностей, которыми усыпаны проходы въ Индіи. Путь изъ Персіи черезъ Белучистанъ нисколько не веселѣе избраннаго Баберомъ.

Digitized by Google

Четыре тысячи лѣтъ изрядно извѣстны исторіи, и ни одного разу́ не видала она, чтобы какой-нибудь народъ индійскаго полуострова носъ показалъ по-сю-сторону го́ръ. Но предпріимчивость племенъ твердой земли, всегда жаждущихъ моря и его сокровищъ, не удерживается непроходимостью. Тогда-какъ нѣтъ ни въ исторіи примѣра, ни въ преданіяхъ слуха, ни на пескѣ слѣда, чтобы Индійцы, при всей храбрости своихъ санскритскихъ героевъ, завладѣли когда-либо однимъ аршиномъ персидской земли, древніе Персы и новѣйшіе Персіяне, Персо-мидійцы, Персо-македоняне, Трансоксіанцы, Бактрійцы, Афганцы, неоднократно покоряли Индію и основывали въ ней свои державы. Всѣ они заносили туда свою вѣру, свои законы, свою образованность и литературу, и, разумѣется, въ то же время, свои персидскія нарѣчія, которыя тамъ и укоренялись. Это всѣмъ извѣстно. О томъ знаютъ и исторія и географія. Вслѣдствіе этихъ естественныхъ, неотразимыхъ движеній съ твердой земли на полуостровъ, три новѣйшія персидскія нарѣчія, бухарское, кабульское и фарсистанское, до-сихъ-поръ употребительны въ разныхъ частяхъ Индіи, какъ у насъ нарѣчіе французско-парижское. Кто же сказалъ почтеннымъ Индо-германцамъ, что ихъ дроцѣнный санскритскій языкъ не занесенъ туда же, изъ Персіи, персидскими же завоевателями, въ болѣе или менѣе глубокой древности, или персидскими раскольниками вслѣдствіе жестокихъ религіозныхъ гоненій, ко-

Digitized by Google

торымъ на ихъ родинѣ подвергались разныя секты мѣстнаго язычества?

Ежели санскритскій языкъ — одинъ изъ персидскихъ языковъ, то онъ и не могъ попасть туда иначе какъ изъ Персіи. Коренные языки полуострова, языки индостанскіе, совсѣмъ другаго вида и свойства. А въ томъ, что онъ дѣйствительно принадлежитъ къ семьѣ персидскихъ языковъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Никто изъ Индо-европейцевъ не осмѣлится и заспорить объ этомъ. Они знаютъ эту истину какъ-нельзя лучше; только не любятъ упоминать объ ней. Да какъ упоминать! Съ великими натяжками отыскали они въ санскритскомъ языкѣ извѣстное количество корней, словъ и формъ нѣмецкихъ, славянскихъ, кельтскихъ, греческихъ, латинскихъ и съ великимъ шумомъ прокричали объ этомъ какъ о чудѣ, для котораго нужно преобразовать всю исторію и этнографію, и построить новую систему происхожденія народовъ. Признаться ли теперь, что все это было сдѣлано опрометчиво и неосмотрительно? Но какое же тутъ чудо! европейскіе языки и сосѣдственны по родинѣ и, до извѣстной степени, очень сходны по устройству словамъ и формамъ, съ языкомъ персидскимъ, а санскритскій — только одинъ изъ персидскихъ діалектовъ. Тѣ же европейскіе корни, которые найдены въ санскритскомъ, находятся и въ персидскомъ и въ разныхъ его нарѣчіяхъ, да еще на придачу куча новыхъ, совершенно очаровательныхъ, о которыхъ они и не думали. Относительно къ формамъ, можно ли самому пламенному

Digitized by Google

корнеслову желать болѣе разительнаго «сродства», какъ напримѣръ въ слѣдующихъ образчикахъ спряженій персидскихъ, русскихъ и польскихъ: *будемъ, буди, будъ, будимъ, будидъ, будендъ* (буду, будешь, будетъ, будемъ, будете, будутъ); *гестемъ, гести, гестъ, гестимъ, гестидъ, гестендъ* (естемъ, естесь, естъ, естесмы, естесте)? Взглянувъ на это, иному корнеслову пожалуй можетъ показаться, что порядочному Славянину и ненужно учиться по-персидски: одинъ и тотъ же языкъ! — можно понимать съ перваго услышанія!... Многимъ изъ Индо-германцевъ въ совершенствѣ извѣстны, и тѣсная родственная близость санскритскаго языка къ персидскому, и относительная близость европейскихъ языковъ къ тому же персидскому, какъ общему географическому и филологическому центру. Но нельзя заикнуться объ этомъ. Вся система рушится! Тогда Индо-германцевъ не будетъ. Будутъ только Персо-нѣмцы. А имъ смерть хочется быть браминами!

По увѣренію индо-европейцевъ, не кто иной какъ брамины дали Грекамъ формы ихъ остроумной и изящной миѳологіи. Этого однако же изъ Ведъ совсѣмъ не видно. Формы радикально различны. Индѣйскія подходятъ ближе къ формамъ персидскимъ, нинивійскимъ и египетскимъ, и, по моему разумѣнію, должны неминуемо быть перенесены въ Индію изъ Персіи, какою-нибудь созерцательно сектою древняго персидскаго многобожья, побѣдоносною или преслѣдуемою. Но при всемъ различіи формъ, основаніе конечно одно и то же. Да всѣ системы многобожья основываются

Digitized by Google

на одномъ началѣ. И брамины, и Греки, и Персы, и Египтяне, всѣ безъ исключенія были отчаянные пантеисты и считали эѳиръ «душою міра», началомъ и концомъ жизни, вещества, формъ и всего существующаго. Брама, Зевесъ, Осири, Ормузда— одна и та же идея, олицетвореніе эѳира, какъ всеобщаго дѣятеля въ природѣ. На всѣхъ страницахъ Ведъ господствуетъ самый восторженный пантеизмъ, или эѳиризмъ, какой могутъ постигнуть одни только воображенія, разгоряченныя и разстроенныя напряженнымъ созерцаніемъ. Оттого и миѳологическія формы браминовъ такъ дики и уродливы. Персы, Ниневійцы и Египтяне, сколько можно судить по ихъ памятникамъ, были такъ же большіе созерцатели, но въ различныхъ степеняхъ, и вѣроятно уступали въ этомъ отношеніи восторженнымъ Индійцамъ. Конечно, Египтяне, наставники Грековъ, сильно пускались въ созерцательныя отвлеченности объ эѳирѣ, его свойствахъ и его могуществѣ, какъ это видно изъ Фрагментовъ Пиѳагора, ихъ воспитанника. Греки съ почтеніемъ удивлялись ихъ «мудрости», но сами очень мало были расположены къ созерцаніямъ. Направленіе ихъ ума было болѣе матеріяльное и свѣтское. Оттого и миѳологическія формы ихъ имѣютъ въ виду болѣе наружную красоту и художественное достоинство чѣмъ внутренній мистическій смыслъ и символическія изысканности, увлекающія всегда къ уродливымъ изображеніямъ и въ скульптурѣ и въ живописи. Греки рѣшительно ничѣмъ не обязаны Индіи. Нигдѣ не нахожу я ни тѣни преданія о томъ, чтобы Греки,

Digitized by Google

Египтяне, Халдейцы или Персы получили отъ Индійцевъ какія-нибудь религіозныя идеи или формы. Объ индійской «мудрости» древность, намъ извѣстная, вовсе и не заботится, какъ будто ея не существовало на свѣтѣ. А напротивъ, въ миѳологіи Грековъ я вижу явственное указаніе на то, что пантеизмъ, обожаніе эѳира и многобожье, посланы были Индійцамъ съ Запада, изъ Сиріи, и наложены на нихъ оружіемъ. Что̀ такое миѳъ о торжественномъ шествіи Вакха изъ Сиріи въ Индію и о покореніи имъ этой отдаленной земли? По теоріи эѳиристовъ, каждое божество могло быть представителемъ и символомъ всей системы вѣры. Слѣдовательно Вакхъ въ этомъ греческомъ сказаніи изображаетъ не что̀ иное какъ пантеизмъ, вѣру Зевеса, эѳирословное многобожье, и самый простой смыслъ иносказательной повѣсти тотъ, что эта вѣра, выйдя изъ Сиріи, торжественно распространилась на всю тогда извѣстную Азію и проникла даже въ Индію, которую покорила себѣ силою оружія.

Никакая миѳологія не занимается фактами мірской исторіи. Это — пустая мечта новѣйшихъ баснослововъ. Миѳологія хлопочетъ только о своихъ жреческихъ дѣлахъ. Тѣ изъ миѳовъ, которые не содержатъ въ себѣ таинственныхъ положеній языческой вѣры, могутъ содержать только исторію этой же вѣры. Между дошедшими до насъ греческими миѳами, покореніе Индіи вѣрѣ Юпитера, изображенное походомъ Вакха — не единственный примѣръ аллегорической исторіи языческой вѣры, признававшей эѳиръ и его пред-

Digitized by Google

ставителя Зевеса, или Жизнь, главою всѣхъ силъ природы. Сказаніе о Прометеѣ принадлежитъ къ тому же разряду. Война Юпитера съ великанами и низверженіе одноглазыхъ Киклоповъ несомнѣнно относятся къ борьбѣ, которую коренное язычество должно было выдержать въ Греціи съ могущественнымъ расколомъ, распространившимся на сѣверѣ, родинѣ великановъ, особенно между ѳракійскими Готами, ихъ потомками, и которая въ Греціи, по-крайней-мѣрѣ, кончилась въ пользу чистыхъ эѳиристовъ и Зевеса. Расколъ этотъ, выше всѣхъ боговъ. или свойствъ эѳира, и выше самаго эѳира, Зевеса, поставилъ смертнаго человѣка, достигшаго доблестями своими идеальнаго совершенства и безсмертія, и отдалъ ему въ исключительное управленіе небо, землю и судьбу. Этимъ идеальнымъ, избраннымъ человѣкомъ, истуканы котораго представляли фигуру великана съ однимъ круглымъ глазомъ во лбу, былъ Wudann, Odinn, Харсъ, Кривъ — по номенклатурѣ Геродота *сѣверный Геркулесъ*, ѳракійскій *Залмоксъ* или *Гевелейсъ*. Всѣ эти слова — чистыя готскія. Воданъ, wu-dan, un-dina, o-dinn (untodt), *неумирающій*. Харсъ, hars, у скандинавскихъ Готовъ harr, у Славянъ Яръ (Herr), *сильный*. Кривъ, kreiw, одноглазый. Залмоксъ, zal Mogs (der Mächtige), *могущественный*. Гевелейсъ, Gewaleis (отъ Wahl, выборъ), *избранный*.

Несмотря на побѣду правовѣрныхъ эѳиристовъ и Зевеса, поклоненіе Геркулесу, какъ божеству, управляющему міромъ, было однакожъ принято и терпимо въ нѣкоторыхъ частяхъ Греціи, Этру-

Digitized by Google

ріи, Малой-Азіи и Сиріи. Тутъ замѣтимъ мимоходомъ, что точно такой же расколъ возникъ и въ Индіи, только гораздо позже. Буддисты, или поклонники далай-ламы, также отдали на десять тысячъ лѣтъ небо, землю и судьбу въ полное и неограниченное управленіе человѣку, достигшему созерцательными доблестями совершенства и бессмертія. Этого человѣка, прозваннаго Буддою, величаютъ они тѣми же титулами — неумирающимъ — сильнымъ — могучимъ — избраннымъ — какіе употреблялись у Готовъ и, разумѣется, у другихъ одиннистовъ или геркулесистовъ, и живымъ представителемъ его на землѣ признаютъ тибетскаго далай-ламу, который въ свою очередь старается тоже всѣми силами и хитростями не умирать. По сказанію буддистовъ, было уже много Буддъ, и, когда минуетъ десять тысячъ лѣтъ управленію нынѣ царствующаго на небѣ Будды, онъ сольется съ эѳиромъ, и явится новый Будда, опять на десять тысячъ лѣтъ. Я считаю почти не нужнымъ напоминать, что, у одиннистовъ, точно также было нѣсколько Одиннонъ послѣдовательно и ожидали еще новаго.

Теперь обратимся къ Индо-европейцамъ. Я хочу принять за доказанный и истинный хотя одинъ маленькій фактъ изъ всѣхъ великихъ фактовъ, которые они напилили на верстакѣ сравнительнаго языкознанія. По ихъ вычисленіямъ — потому-что брамины, подобно древнимъ Персамъ, никогда не писали исторіи и не имѣютъ хронологіи, считая всѣ дѣйствія жизни и міра ничтожными, мимолетными, недостойными ни памяти, ни

Digitized by Google

пера — по вычисленіямъ Индо-европейцевъ буддійскій расколъ возникъ въ Индіи не ранѣе пятаго и не позже втораго вѣка до начала нашей эры. А на греческомъ-то сѣверѣ, въ Малой-Азіи, Сиріи, Италіи, за пять вѣковъ до нашей эры совершенно такой же расколъ находился уже въ полномъ цвѣту! быть можетъ и въ упадкѣ!... и при Геродотѣ даже исторія рожденія его была уже забыта! Видя разительное сходство теоріи египетскихъ эѳиристовъ съ ученіемъ поклонниковъ сѣвернаго Геркулеса, которые подобно нынѣшнимъ буддистамъ и тогдашнимъ Египтянамъ допускали также и переселенія душъ, Геродотъ, какъ прямой Грекъ, увѣрялъ, что готскій Будда, Залмоксъ (Могучій) былъ — не иначе — рабомъ у Пиѳагора и у него-то наметался онъ, варваръ, всѣхъ этихъ высоко-эфирныхъ хитросплетеній. Стало-быть буддизмъ, созерцательная копія нѣсколько матеріяльнаго оддиннизма и геркулеизма, принесенъ въ Индію изъ Сиріи и Персіи, когда онъ явился тамъ такъ недавно? Если же расколъ прошелъ извнѣ, то и правовѣріе или первоначальная вѣра пришло-тоже изъ-за-границы. Это ясно!

Конечно, Индо-европейцамъ и въ голову не приходило это торжество двухъ раздѣленныхъ вѣками и землями явленій, двухъ расколовъ, легко показавшихся ихъ развлеченному вниманію совсѣмъ разными вѣрованіями. Но кто же виноватъ ихъ односторонности? Надо было сперва собрать и свести всѣ концы: оказалось бы, что подъ солнцемъ нѣтъ ничего новаго... кромѣ развѣ Индо-германіи.

Digitized by Google

Такъ мало-по-малу уменьшается историческая важность Индіи, исчезаютъ всѣ тѣ блестящія фантасмагоріи, которыя Индо-европейцы настроили вокругъ своей таинственной палатки для того, чтобы пустой призракъ казался издали великимъ фактомъ. Но таковъ, признаться, привычный «ходъ наукъ»... предполагая, что сравнительное языкознаніе — наука. Что геніи одной ученой эпохи открыли, создали, провозгласили фактами и истинами, къ великому удивленію толпы, то всѣ совокупныя силы другой эпохи должны разбивать и ломать, чтобы очистить мѣсто для новой дивной постройки знанія, которая въ свою очередь будетъ уничтожена слѣдующею эпохою. По врожденной гордости своей, наука всегда расположена презирать и объявлять предразсудками народныя понятія и старинныя убѣжденія: на мѣсто ихъ она предлагаетъ свои толкованія и идеи, которыя, будучи украшены всѣмъ великолѣпіемъ теорій, принимаются съ энтузіазмомъ и становятся убѣжденіемъ ученыхъ и неученыхъ. Нужны потомъ десятки, иногда и сотни лѣтъ, пока примѣтятъ, что теорія не совсѣмъ согласуется съ дѣйствительностью. Тогда вся дѣятельность наблюденія и эрудиціи обращается къ собранію доказательствъ, что теорія ложна; и вотъ является на сцену чудное, неожиданное открытіе, новая ученая истина, передъ которой всѣ стоятъ въ удивленіи; и наукѣ сыплются отвсюду вѣнцы и букеты — за что? — какъ за что? наука открыла, что народное понятіе, старинное всеобщее убѣжденіе, отнюдь не было предразсудокъ, а сущая истина!...

Digitized by Google

Сначала никто даже вѣрить этому не хочетъ. Потомъ наука сочинитъ на то же самое народное понятіе другое толкованіе, совсѣмъ новую теорію, которая опять будетъ въ ходу и славѣ, пока наука же вновь не откроетъ, что — нѣтъ! — все-таки старина права! — прежнее общее убѣжденіе совсѣмъ не такъ глупо, какъ казалось!... И такъ далѣе, до безконечности.

Индо-европейцы могутъ изъ этого видѣть, что никто здѣсь не думаетъ объявлять ихъ невѣждами. Они въ полной мѣрѣ — мужи ученые и достойные почтенія, но судьбы человѣческой науки сильнѣе ихъ свѣденій и воли. Теорія ихъ отжила свой вѣкъ. Было время — удивляться ей. Теперь наступаетъ время — ей не вѣрить. Они могли предвидѣть это заранѣе. Зачѣмъ было трогать прежнее всеобщее убѣжденіе, и замѣнять его выдумками своей страсти или своего энтузіазма? Свѣтъ преспокойно вѣрилъ тому, на что̀ указывали ему здравый смыслъ и всепочтеннѣйшія преданія наши — былъ убѣжденъ, что образованность непремѣнно родилась и развилась тамъ же, гдѣ родился первый человѣкъ и гдѣ слѣдовательно развились первыя общества, гдѣ, по преданіямъ, образовались также и первые языки — и свѣтъ считалъ себя очень изрядно ученымъ, слѣдуя этому убѣжденію. Но, нѣтъ, захотѣлось поумничать. И пришла же охота переносить колыбель образованности изъ центра вселенной за лѣса и горы — на край свѣта — въ Индію, и съ вершинъ Гималаи пускать съ шумомъ на всю Западную Азію и Европу *великій*

Digitized by Google

потокъ языковъ и просвѣщенія! Вольно же было увѣрять, будто этотъ *великій фактъ*, уже *вполнѣ доказанъ* сравнительною филологіей, одѣвъ этимъ пышнымъ титуломъ простое, бѣдное корнесловіе, и еще стращать свѣтъ тѣмъ, что оная филологія, дескать, *математически докажетъ* этотъ великій фактъ всякому, *кто еще осмѣлится противорѣчить!* Какъ вамъ угодно, вашему выскоученому индо-европейству, а я самъ — корнесловъ, накопалъ таки въ жизнь свою порядочную кучу всякихъ разныхъ корешковъ, и между-тѣмъ я убѣжденъ — утверждаю — что корнесловіемъ или сравнительнымъ языкознаніемъ ничего доказать невозможно. Ровно столько же нѣмецкихъ корней, при всемъ моемъ скудоумьѣ, берусь я отъискать въ китайскомъ или въ бурятскомъ языкѣ, сколько оно отъискало въ санскритскомъ — не предоставляя себѣ даже, въ награду за трудъ, права выдумать Сибиро-германцевъ или Китае-европейцевъ и изъ Якутска пускать на весь земной шаръ великій потокъ языковъ и просвѣщенія.

Сравнительное языкознаніе, безъ уважительныхъ преданій, безъ историческихъ данныхъ, не въ состояніи рѣшить никакого вопроса. Когда и вполнѣ обнаружено, что извѣстное число корней, общее двумъ отдаленнымъ языкамъ, напримѣръ нѣмецкому и санскритскому, можно ли еще выводить изъ этого «сродства» рѣченій какое-нибудь полезное заключеніе. Есть ли средство убѣдиться, что нѣмецкій языкъ дѣйствительно происходитъ отъ санскритскаго, когда вопросу такъ легко дать обратный видъ, сказавъ съ совершенно равнымъ

Digitized by Google

правдоподобіемъ, что напротивъ санскритскій происходитъ отъ нѣмецкаго? При безусловномъ отсутствіи историческихъ указаній, Германо-индійцы ровно столько же вѣроятны какъ и Индо-германцы. Если бы даже брамины говорили просто по-нѣмецки, чистымъ берлинскимъ нарѣчіемъ, такъ и тутъ еще, безъ исторіи, нельзя ничего узнать объ одноплеменности и разноплеменности двухъ отдаленныхъ народовъ. На островѣ Гаити Негры говорятъ по-французски. Уничтожьте исторію, и къ чему вамъ пригодится тогда сравнительное языкознаніе, если зайдетъ вопросъ, происходятъ ли американскіе Негры изъ Европы, отъ Французовъ, или Французы отъ Негровъ, изъ Америки? Но зачѣмъ брать большія пространства? На самомъ близкомъ разстояніи корнесловный мечъ не разсѣчетъ никакого этническаго узла. Русскіе и Малороссіяне сидятъ рядомъ, вмѣстѣ: какъ доказать, кто отъ кого происходитъ? Русскій ли языкъ родился отъ малороссійскаго или малороссійскій отъ русскаго? А между-тѣмъ, легко можетъ статься, оба они возникали въ разныхъ мѣстахъ, далеко другъ отъ друга, и только случайно сошлись и живутъ на одной землѣ!

Какъ невинная, полу-ученая потѣха, корнесловіе, сравнивающая языки между собою, всегда будетъ для многихъ имѣть особенную прелесть. Но какъ наука, въ наше время, при нынѣшнемъ состояніи человѣческаго знанія, оно лишилось полезной цѣли. Было время, когда сравнительное корнесловіе могло оказать дѣйствительную услугу человѣчеству, но оно прошло, и должно надѣяться, для чести

Digitized by Google

ума нашего, что оно не возвратится. Ошибочныя наблюденія Свammердама и Вальпиги, и основанныя на нихъ мудрствованія Лейбница, дали начало, въ физіологіи, знаменитой теоріи добровольнаго самозарожденія. На основаніи этой теоріи умы особеннаго разбора безразсудно стали отвергать единство человѣческаго рода и всѣ христіанскія преданія объ его началѣ. Въ это время, сравнительное языкознаніе имѣло прекрасное поприще передъ собою: оно могло показать, совершенно убѣдительно, что всѣ языки происходятъ отъ одного первоначальнаго, и что слѣдовательно родъ человѣческій, несмотря на наружную разность племенъ, не могъ никакъ начаться въ разныхъ мѣстахъ вдругъ, сравнительное языкознаніе не умѣло воспользоваться случаемъ—оно не поняло дѣла—связалось даже, немножко, прости ему, Господи, съ врагами преданій — поскакала въ угожденіе имъ въ Индію отыскивать источникъ «великаго потока языковъ» — а между-тѣмъ теорія добровольнаго самозарожденія состарѣлась, упала и умерла, и докторъ Бурдахъ не спасъ ея своимъ искусствомъ.

Въ каждой формѣ бытія, жизнь можетъ родиться только изъ жизни, формы эти неизмѣнны, онѣ не смѣшиваются и не подлежатъ никакимъ превращеніямъ. Сотни томовъ написаны въ послѣднее время, и написаны превосходно, въ защиту той физіологической и анатомической истины, что весь нашъ родъ, при всемъ своемъ разнообразіи, состоитъ не только изъ одного племени, но даже изъ одной породы. Въ этомъ нынче нѣтъ и быть не

Digitized by Google

можетъ ни малѣйшаго спору. А какъ скоро мы всѣ, сколько насъ ни есть на земномъ шарѣ — одна порода, и жизнь раждается только изъ жизни, и добровольно сама собою возникнуть не можетъ— то родъ человѣческій неминуемо произошелъ отъ одной пары людей, и древнія преданія наши совершенно правы. Сравнительному корнесловію болѣе уже нечего защищать ихъ отъ лжемудрствованій науки.

Но подумало ли оно, какой ударъ нанесла ему этимъ физіологія? Когда всѣ племена происходятъ отъ одного человѣка, такъ и всѣ языки происходятъ отъ одного языка! Слѣдовательно, одни и тѣ же корни словъ должны находиться во всѣхъ языкахъ. Слѣдовательно, языковъ и сравнивать нечего: напередъ извѣстно, что всѣ языки сродны между собою!

Что же затѣмъ остается теперь дѣлать сравнительному языкознанію? Составлять списки языкамъ, распредѣлять ихъ по вѣтвямъ и отраслямъ, групировать, вокругъ главныхъ языковъ, ихъ нарѣчія? Ну, это не Богъ знаетъ какая страшная работа! Составить списки не долго: они уже и составлены. Можно еще кое-что въ нихъ исправить и пополнить. А тамъ что?... Закрыть ли-науку, за неимѣніемъ для ней дѣла?...

Да полно, въ состояніи ли еще почтенное сравнительное языкознаніе и списки-то языкамъ составлять? Послѣ того какъ оно признало вполнѣ сродными между собою — здѣсь языки санскритскій и нѣмецкій—тамъ санскритскій и греческій— индо-санскритскій и кельтскій — санскритскій и

Digitized by Google

славянскій — славянскій и литовскій — да сродными дотого, что они *могли бы быть приняты за нарѣчія одного народа* — послѣ того можно жестоко сомнѣваться въ способности его распознавать породы и виды языковъ. Значитъ, оно дѣйствуетъ на-обумъ. Значитъ, у него нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ началъ. Какая же оно — наука?

А между-тѣмъ сравнительное языкознаніе могло быть настоящею наукою, и одною изъ прекраснѣйшихъ наукъ человѣка. Но для этого ему нужно выйти совершенно изъ школьной рутины, забыть пустыя выдумки греческихъ грамматиковъ, которыхъ умственная репутація рѣшена еще древними ихъ современниками, оставить всѣ эти безполезныя дѣленія звуковъ на губные, зубные, гортанные, шипящіе, всѣ эти мнимыя правила измѣненія гласныхъ и согласныхъ, и заняться настоящимъ языкознательнымъ дѣломъ. Языкъ — произведеніе звука. Звукъ — произведеніе голосоваго музыкальнаго инструмента, изобрѣтеннаго мудростью Творца и устроеннаго съ безконечнымъ искусствомъ. Этотъ инструментъ помѣщенъ въ трубѣ, снабженной разными пристройками, appendices, и управляется очень сложнымъ приборомъ нервовъ и мускуловъ, состоящихъ въ связи съ нервами и мускулами зрѣнія, слуха, вкуса, обонянія и осязанія, завися вмѣстѣ съ ними отъ общаго чувствилища, мозга, органа мысли и чувства. Каждое внѣшнее и внутреннее впечатлѣніе производитъ въ немъ, посредствомъ соотвѣтственныхъ нервовъ и мускуловъ, особенное сотрясеніе, которое отражается особенною игрою этой чудной

Digitized by Google

механики инструмента и его пристроекъ, и особеннымъ родомъ звуковъ. Все это совершается по извѣстнымъ и постояннымъ законамъ, механическимъ, акустическимъ, музыкальнымъ. Такъ нужно прежде всего изучить анатомію человѣческаго тѣла вообще, и въ особенности анатомію всей системы голосоваго инструмента. Нужно изучить акустику, общіе законы всякаго звука, и изучить не по книгамъ, а посредствомъ личнаго и тщательнаго изслѣдованія многочисленныхъ способовъ добывать звуки различнаго свойства и качества, управлять ими, и замѣнять ихъ по желанію, стараясь открыть законы *интонаціи* голосоваго органа, и законы *звукопроизводства*, въ немъ совершающагося. Въ интонаціи важную роль играетъ количество захватываемаго и испускаемаго воздуха. Отъ количества выпущеннаго воздуха, и отъ способа выпуска зависитъ звукопроизводство простое, однобуквенное, и сложное, или многобуквенное, въ которомъ есть свои натуральныя серіи, свои законы превращеній, послѣдовательности и гармоніи. Количество же воздуха въ звукопроизводствѣ опредѣляется вліяніемъ нервовъ, нажимаемыхъ внѣшнимъ впечатлѣніемъ или внутреннимъ чувствомъ. Наконецъ, нужно изучить музыку, относительно къ ея особеннымъ законамъ и ея механизму: потому-что языкъ—удивительнѣйшая музыка въ природѣ, разъигрываемая на самомъ чудномъ инструментѣ, музыка, которой каждая нота и каждая группа нотъ соотвѣтствуетъ какому-нибудь предмету или обстоятельству во внѣшнемъ мірѣ и такимъ образомъ получаетъ ясное значеніе. Если

Digitized by Google

послѣ того приложить къ разбору существующихъ языковъ совокупность всѣхъ этихъ законовъ и свѣденій, разумѣется, что можно судить и рядить о каждомъ языкѣ со знаніемъ дѣла, можно чувствовать, что̀ въ немъ свое, что̀ чужое, что̀ натуральное, насильственное, или ложное, и назначить ему настоящее мѣсто̀ въ семьѣ языковъ. Но пока языкознаніе будетъ безъ основаній, достойныхъ истинной науки, пока оно не постигнетъ въ совершенствѣ инструмента, котораго тонами хочетъ въ своихъ слѣдованіяхъ распоряжаться, не зная ни способа ихъ производства ни физическихъ законовъ ихъ послѣдовательности, прямой, обратной, сложной, гармонической, языкознаніе будетъ уподобляться слѣпцу, желающему разсуждать о цвѣтахъ. Голосовой инструментъ донынѣ изучали одни физіологи и акустики. Но это не ихъ дѣло. Они не могутъ сдѣлать изъ своихъ наблюденій и открытій никакого полезнаго приложенія къ образованію и устройтству языковъ и оставляютъ трудъ именно въ томъ мѣстѣ, съ котораго могла бы начаться практическая польза. Это — прямое дѣло сравнительныхъ языкознахарей.

По моему разумѣнію, даже простая грамматика, должна бы начинаться очеркомъ акустическихъ законовъ звука и устройства голосоваго инструмента. Странные грамматическіе пріемы, заимствованные нами у Грековъ, могли удовлетворять мудрецовъ Александрійской школы, но, въ нынѣшнемъ состояніи опытныхъ наукъ, они грубы, можно сказать невѣжественны.

Обыкновенно думаютъ, и въ грамматикѣ и въ

Digitized by Google

филологіи при опредѣленіи корней и производствъ, что при образованіи языковъ, каждое племя составляло себѣ звуки и слова по своему вкусу и усмотрѣнію, что перо оно называли *перомъ*, случайно или по какому-нибудь внѣшнему обстоятельству, бывъ совершенно въ правѣ назвать его *дубомъ*, *рѣкою* или *сапогомъ*. Совсѣмъ нѣтъ! Ни *перо*, ни измѣненія этого слова, прямыя, производныя или сродныя, не создались по доброй волѣ человѣка, давшаго первое начало особенному племени. Онъ принужденъ былъ такъ назвать перо по физическому устройству голосоваго инструмента, и по интонаціи, которую случайно пришлось принять для объясненій съ своей супругой, и которой потомъ выучили они своихъ дѣтей. Въ то же время два три другіе подобные ему человѣка, желая быть, можетъ, сказать *перо*, заставлены были насильно, каждый своей интонаціей, произнести *plume*, feder или *тюй*, и тотъ, кто сказалъ plume, долженъ уже былъ непремѣнно вмѣсто oculi сказать yeux и вмѣсто decem сказать dix. Интонація, передаваясь изъ рода въ родъ, посредствомъ родительскаго ученія, можетъ очень долго оставаться постоянною, однакожъ она измѣняется — непримѣтно — но не произвольно, а по извѣстнымъ акустическимъ законамъ, которые такъ вѣрны, что, будь они достаточно изслѣдованы, такъ можно было бы нынче же предсказать, какую форму примутъ черезъ пятьсотъ лѣтъ слова plume, yeux или dix въ устахъ народа, который передѣлалъ ихъ изъ penna, oculi и decem.

Мы только-что говорили мимоходомъ о дѣтяхъ.

Digitized by Google

Они—кладъ для наблюдательнаго изслѣдователя свойствъ голосоваго инструмента. Если дѣти, начиная говорить, вмѣсто *перо* произносятъ *тено* или *хено*, какъ иногда случается намъ слышать, это значитъ, что они *не попадаютъ въ настоящую интонацію* родительскую. Они не захватываютъ и не выпускаютъ именно того количества воздуха, какое нужно, чтобы голосовой инструментъ ихъ издалъ самъ собою звукъ *перо*. Дѣти между-тѣмъ вполнѣ увѣрены, что они произносятъ, какъ слѣдуетъ, *перо*, и скажите имъ вы сами *тено* или *хено*, они возражаютъ, что вы произносите неправильно. Дѣтолюбцы могутъ ежедневно дѣлать чрезвычайно интересныя филологическія открытія, наблюдая только усилія дѣтей при первомъ ихъ говорѣ, и измѣненія, которымъ у нихъ подвергаются слова вслѣдствіе этихъ усилій, порождающихъ различныя интонаціи. Одну четырехъ-лѣтную дѣвочку хотѣлъ я непремѣнно заставить произнести слово *небо*: она, сначала, постоянно произносила *тьна*; потомъ, сдѣлавъ особенное усиліе съ своимъ горлышкомъ, стала произносить *шема*. Не мнѣ, темному Русину, учить ученыхъ Индогерманцевъ языкознанію: но тѣмъ, которые не занимаются предметомъ, совершенно позволительно доложить, что *тьнъ* — слово китайское, и значитъ «небо», а *шема* — слово еврейское, и тоже значитъ «небо». Послѣ того, желаю всѣмъ Индогерманцамъ, или Индо-европейцамъ счастія, славы и всякихъ благъ отъ сравненій корня съ корнемъ и отъ историческихъ или этнографическихъ выводовъ изъ этой потѣхи.

Digitized by Google

Дѣвочка, о которой упомянулъ я для примѣра, составляла собою акустическое явленіе, тѣмъ болѣе примѣчательное, что и бабушка ея принадлежала отчасти къ тому же разряду явленій и что тутъ совершалось нѣчто племенное, указывающее на способъ образованія отдѣльныхъ языковъ. Дѣвочка эта первоначально произносила только три буквы, *т*, *п*, и *м*, которое иногда измѣнялось въ *х*, и долгое время всѣ русскія слова передавала этими тремя или четырмя звуками. Впослѣдствіи пріобрѣла она еще три или четыре согласныя буквы. Эта малочисленность согласныхъ показывала въ ней родъ интонаціи, приближающійся къ китайскому, и дѣйствительно, всѣ русскія, нѣмецкія и французскія слова произносила она совершенно на китайскій манеръ: по пятому году, *шуберть* выговаривала она *тупанъ*, волянжъ — *онапитахъ*, скоро — *тхопа*, и такъ далѣе. Дайте природному Китайцу: онъ не произнесетъ чище съ перваго раза. Вотъ, что̀ значитъ интонація. А объ ней-то и не подумаютъ въ сравнительномъ языкознаніи.

Мы, напримѣръ, произносимъ *сонъ*, то, что̀ латины произносили somnus, а не sonus, какъ бы слѣдовало, если бы интонаціи наша и латинская были совершенно одинаковы. *Сонъ* есть поименованіе дѣйствующей силы. Если мы особеннымъ усиліемъ воли захотимъ выразить дѣйствіе этой силы, ускоривъ нѣсколько движеніе струи воздуха въ горловой трубкѣ, по роду нашей интонаціи мы уже не въ правѣ сказать *сонить:* голосовой органъ нашъ уже такъ настроенъ привычною своей интонаціей, что онъ добровольно издастъ, при этомъ

Digitized by Google

усилія воли, звукъ *спать*. *Сонить* не выражало бы дѣйствія и производило бы диссонансъ. По интонаціи готскаго языка, *спа*, spa, выражаетъ уже другое дѣйствіе этой же силы, именно, сновидѣніе — въ одномъ нарѣчіи, видѣніе на яву — въ другомъ. Почему же въ латинскомъ языкѣ нѣтъ такого превращенія *сп* въ *сп*, нѣтъ слова *спа*? Да потому,-что усиліе воли выразить дѣйствіе именованной силы заставитъ нервъ, а нервъ заставитъ мускульный приборъ, погнать нѣсколько сильнѣе воздухъ изъ легкихъ въ горловую трубку. Латинская интонація при мысли о силѣ уже была сильнѣе нашей, производила уже не *сп*, но *смн* (somnus); усиливъ еще болѣе струю воздуха, сколько нужно для выраженія дѣйствія, голосовой органъ издастъ, не *спа*, а уже *стра*, или скорѣе *спгра*, рядъ звуковъ слишкомъ тяжелый, утомительный для органа. Въ этомъ случаѣ предпочитается прибѣгнуть къ наименованію третьяго рода дѣйствія той же силы, dormitus, дремота, и сказать dormire. Но въ латинскомъ языкѣ есть *спа*, только не въ дѣйствіи, а въ наименованіи. Это — spes, надежда, мечта, родъ сновидѣнія на яву. Латинское spes и наше *сонъ* — одно и то же слово, одинъ корень, по физической необходимости. Въ правѣ ли однако догадываться самый смѣлый корнесловъ, по правиламъ сближенія одинаковыхъ буквъ, что наше *сонъ* и французское espérance имѣютъ одно и то же филологическое начало? Конечно нѣтъ! Между-тѣмъ, по своимъ правиламъ, онъ совершенно въ правѣ производить *муха* отъ *мука*, объясняя сближеніе это тѣмъ, что мухи ужас-

Digitized by Google

но мучатъ людей лѣтомъ. Между-тѣмъ, если бы наименованіе *муха* заключало въ себѣ малѣйшее понятіе о дѣйствіи мученія, то оно звучало бы у насъ *муча*, или скорѣе *моча*, *мича*, а не *муха*. *Мука* и *муха* — произведенія двухъ совершенно-различныхъ интонацій, и случайно сошлись въ одномъ языкѣ, не имѣя ничего общаго между собою. Что же послѣ этого значитъ корнесловіе? что можетъ оно доказать? Правила сближенія одинаковыхъ или подобныхъ буквъ позволяютъ ли ему утверждать, что наше *день* и французское *журъ*— одно и то же слово? А эти оба совсѣмъ различные звука исторически происходятъ отъ одного. Латинское dies, по русской интонаціи *день*, имѣло прилагательнымъ diurnus, дневной; изъ него тосканская интонація сдѣлала *джорно*, венеціянская *гьорно* (giorno), а французская *журъ* (jour).

Есть интонаціи вверхъ, и интонаціи внизъ, или прямыя и обратныя, какъ есть гаммы вверхъ, и гаммы внизъ, или восходящія и нисходящія. Въ одной усиленіе струи воздуха превращаетъ звукъ *с* въ *сѣ*, а въ другой наоборотъ въ *пс*. Есть также разныя интонаціи носовыя: однѣ изъ легкаго *х*, которымъ всегда оканчивается всякая гласная въ природѣ, дѣлаютъ *н* съ сильнымъ напоромъ воздуха на ноздревыя трубки, каковы интонаціи французская, польская, китайская. Музыкальныя трубки оканчиваютъ также всякій изданный тонъ легкимъ *х* или h muet; въ фортепіанной же интонаціи, и въ другихъ ударныхъ, всѣ тоны оканчиваются сильнымъ носовымъ *н*. Другія, слабѣйшія интонаціи въ языкахъ образуютъ изъ *х* звуки *нг*,

Digitized by Google

нк, нд, нт, нджс, нжс, нь, м, мн, мп, мб, какъ въ языкахъ англійскомъ, нѣмецкомъ, персидскомъ, латинскомъ, греческомъ, нѣкоторыхъ славянскихъ, монгольскихъ, турецкихъ и сиро-аравійскихъ, дѣлая примѣрно изъ слога *ган* (han), съ сильнымъ носовымъ звукомъ, слоги *ганъ, гандъ, гантъ, ганджъ, ганжъ, ганзъ, гансъ, гань, гамъ, гамнъ, гампъ, гамбъ* и такъ далѣе. Наконецъ, самыя слабыя обнаруживаются однимъ звукомъ *т*, или *ть*, вмѣсто *нт*, или *н* измѣняютъ въ *й*, или превращаютъ *мн, мб, мп*, но обратно - носовой интонаціи въ *лб, рб, нм, тк, тм, тс*, иногда разбивая ихъ гласными. Таковы, въ русскомъ и арабскомъ языкахъ, примѣрно слова *сутъ* (вмѣсто *сунтъ*), *мой* (вмѣсто *монъ*), *кельбъ, гарбъ, тманъ*, и прочія. Въ послѣднемъ словѣ носовая интонація (тм) стоитъ вначалѣ, а не въ концѣ: въ нѣкоторыхъ языкахъ, напримѣръ китайскомъ, и въ нѣкоторыхъ музыкальныхъ инструментахъ, это слышится совсѣмъ явственно.

Теперь, если эти очень недостаточныя и отрывочныя свѣденія объ интонаціяхъ приложить къ сравнительному языкознанію, непремѣнно окажется то, о чемъ самый дерзкій корнесловъ не смѣетъ и во снѣ подумать, а именно, что *собака, гундъ* (hund), *догъ* и *копѣйка*—одно и то же слово, только различно интонированное. Нужно только замѣтить предварительно одно важное обстоятельство. Если всѣ люди анатомически одинаковы, если во всѣхъ помѣщенъ одинъ и тотъ же голосовой инструментъ, съ одинаковымъ приборомъ или механикою нервовъ и мускуловъ для приведенія его въ игру, если эта игра совершается добро-

Digitized by Google

вольно, по физическимъ законамъ звука, то первое впечатлѣніе внѣшняго предмета, полученное глазными и слуховыми нервами и переданное далѣе механикѣ инструмента, должно всегда выжать изъ этого инструмента одинъ и тотъ же звукъ, гдѣ бы человѣкъ ни находился. Названіе всякой вещи, слѣдовательно, уже есть въ человѣкѣ первобытно. Онъ родится на свѣтъ съ именами предметовъ—и преданіе о томъ, что перваго человѣка Богъ научилъ названіямъ вещей, вполнѣ подтверждается простымъ физіологическимъ соображеніемъ. Но, въ такомъ случаѣ, положимъ, что собаки доселѣ не было на свѣтѣ—что она теперь изобрѣтена и разослана по свѣту—что люди только-что увидали ее впервые и одновременно во всѣхъ частяхъ свѣта. Каждый, кто ни взглянетъ на нее, кто ни услышитъ ея лай, долженъ, инстинктивно, безъ запинки сказать, что это животное собственно называется... han (съ сильнымъ носовымъ n). Han — hen — hun — это все-равно: я говорю приблизительно, желая только опредѣлить то, что̀ слѣдуетъ назвать *врожденнымъ* или *физическимъ именемъ* предмета. Но, впрочемъ, можно полагать, что дѣйствительно физическое имя есть han (съ носовымъ n). Кому угодно спорить, тотъ можетъ пожалуй утверждать, что, напротивъ, собака натурально называется внутри человѣка an, а не han. Акустически, оно одно и то же. Въ акустикѣ, и въ природѣ, нѣтъ гласныхъ; онѣ невозможны — да не прогнѣваются грамматики! Изъ всякой духовой трубки, въ которой начинаетъ вибрировать заключенный въ ней столбъ воздуха,

Digitized by Google

прежде чѣмъ раздастся тонъ, или гласная, струится воздухъ беззвучный, образуя легкое h— иногда hhhh, если трубка дурно интонирована въ музыкальномъ отношеніи. Это придыханіе, h, болѣе или менѣе сильное, всегда существуетъ вначалѣ каждаго тона, каждой гласной; оно неразлучно съ ними; ни *a* ни *e* чистаго нѣтъ на свѣтѣ; есть только ha, he, и такъ далѣе. Чѣмъ лучше трубка интонирована, тѣмъ слабѣе звучитъ это h; часто оно и совсѣмъ непримѣтно для уха, нѣсколько удаленнаго отъ трубки; но все-таки оно существуетъ и его нельзя не принимать въ счетъ. При окончаніи тоновъ или гласныхъ, когда вибрація прекращается, опять выходитъ изъ трубки нѣсколько воздуха беззвучно, образуя новыя h, hh, hhh, на оконечности. Такимъ образомъ каждая, такъ-называемая, гласная начинается и оканчивается неизбѣжно придыханіемъ: мы получаемъ собственно hah, heh, hhahh, hhehh, hhihh, hhohh, hhhuhhh, и прочая, но никогда чистыхъ a, e, i, o, u. При малѣйшемъ измѣненіи нормальной интонаціи, это начальное h или hh начинаетъ свистѣть, шипѣть, стучать или дребезжать въ отверзтіи трубки, отдаваясь болѣе или менѣе сильными s, t, k, g, и прочая. Окончательное h или hh, сливаясь съ эхомъ резонансовыхъ пристроекъ, напротивъ имѣетъ естественное стремленіе гнусить и раздаваться болѣе или менѣе сильнымъ носовымъ звукомъ n, ng. Всякое посовое окончаніе—напримѣръ окончаніе слога mon во французскомъ языкѣ, есть не что иное какъ эхо — эхо смѣшаннаго съ остаткомъ выходящаго изъ трубки воздуха. Стоитъ только немножко сдавить или

Digitized by Google

смутить это эхо, и оно прозвучитъ какъ *нт*, *нд*, *м*, *мп*, и такъ далѣе, смотря по интонаціи инструмента. Въ латинскомъ словѣ somnus, somns, интонація была такъ сильна, столько воздуху выходило еще по заключеніи тона *о*, что изъ сдавленнаго эха образовалось носовое окончаніе mn и еще свистъ s слышался въ концѣ: значитъ, въ голосовомъ инструментѣ образовался собственно звукъ hohhh, для наименованія сна: начальное h вышло изъ инструмента свистомъ s, два первые конечные hh отъ сдавленія эха превратились въ mn, а третье h просвистѣло. Извѣстно, что латинскій, греческій, готскій и литовскій языки, какъ говорится, *любятъ* окончанія въ s. Откуда у нихъ эта особенная любовь, теперь понятно. Точно также языки нѣмецкій, скандинаво-готскій, и спартанскій выговоръ греческаго языка, одарены любовью къ окончаніямъ въ r, то есть по уничтоженіи эха еще остатокъ лишне выгнаннаго воздуха дребезжитъ у нихъ, въ большомъ отверзтіи инструмента, какъ мѣдь въ валторнѣ.

Все это нужно было сказать для того, чтобы сдѣлать понятнымъ, что хотя для собаки есть въ человѣкѣ готовое, врожденное названіе, и хотя этимъ названіемъ должно, какъ кажется, быть han, съ болѣе или менѣе сильнымъ придыханіемъ въ началѣ и съ носовымъ отголоскомъ въ концѣ, однако, явись собака впервые теперь въ разныхъ мѣстахъ свѣта, люди не вездѣ называли бы ее han.... (я попытаюсь выражать по-русски латинское h и носовое французское n помощью ера и апострофа, такъ: *гъан'ъ;* наши ъ и ь вовсе не лиш-

Digitized by Google

ни въ алфавитѣ; они, акустически, выражаютъ эхо, или окончаніе эха, которое въ другихъ языкахъ свиститъ какъ *с* или дребезжитъ какъ *р*. Каждый народъ, во-первыхъ, употребилъ бы другую гласную, смотря по высотѣ своего привычнаго тона, и *гъан'ъ* въ разныхъ мѣстахъ, слышалось бы какъ *гъан'ъ*, *гъен'ъ*, *гъон'ъ* или *гъун'ъ*. Во-вторыхъ, смотря по интонаціи языка, начальное придыханіе тотчасъ раздалось бы свистомъ (*с*), иканіемъ (*к*, *г*), хлопаніемъ (*т*, *д*), шипѣніемъ (*ш*, *сх*), дребезжаніемъ (*р*, *л*), брезжаніемъ (*дж*, *ч*), пыхтѣніемъ (*п*, *б*), выдуваніемъ (*х*, *хв*, *ф*), или даже сложными неисправностями чистой первоначальной интонаціи, звуками *хр*, *ср*, *ст*, *тс*, *пс*, *сп*, *сп*, и такъ далѣе; окончательное же придыханіе, смѣшивающееся съ болѣе или менѣе сдавливаемымъ эхомъ, прозвучало бы непремѣнно какъ *нт*, *нд*, *ндж*, *нк*, *мс*, *мк*, *нс*, *мб*, *мп*, *бк*, *пк*, и прочая, или просто какъ *т*, *к*, *м*, *п*, *й*, и прочая. Такимъ образомъ одновременно родились бы: *гъан'ъ*, *гъэн'ъ*, *гъон'ъ*, *гъун'ъ* (hun), и вмѣстѣ съ ними — *кан'ъ* (canis, латинское, собака); *кандъ*, *канджъ* (кандже, турецкое, сука); *кондъ*, *кондсъ*, *кондръ*, *кондль* (kondel, славянское, простая собака); *конкъ*, *комкъ*, *копкъ*, *кобкъ* (*копекъ*, турецкое, собака); *кобръ*, *кобль* (русское, кобель) и на-оборотъ *кольбъ*, *кельбъ* (kelb, арабское, собака); *гъонгъ* (китайское, родъ собаки); *гъондъ*, *гъундъ* (hund, нѣмецкое, собака); *тонгъ*, *донгъ*, *тогъ*, *догъ*, *гогъ* (dog, англійское, собака); *сонгъ*, *сунгъ*, *сункъ*, *сугъ*, *сукъ* (славянское, сука); *сакъ*, *санкъ*, *сагъ*, *сакъ* (sag, sek, ново-персидское собака, и saka, древне-персидское, собака и Скиѳъ); *спанъ*,

Digitized by Google

спаꙗ, *спакъ*, *сбанꙗ*, *сбаꙗ*, *сбакъ* (spaka, персо-мидійское, собака и сука, слово, сохраненное Геродотомъ, и sbaka, shaka, санскритское, собака, или на-оборотъ, *псакъ*, *псака* (общее славянское, песъ, псакъ, псюкъ, псюка), и прочая. И еще, съ носовымъ звукомъ въ началѣ и совершеннымъ сдавленіемъ эха въ концѣ: *н'ай*, *нгай*, *нхай* (нохай, ногай, монгольское, собака). И опять, съ умягченіемъ начальнаго носоваго звука, изъ чего возникаетъ *л*, *лай* (русское, голосъ собаки).

Вотъ мы видимъ, мы убѣждаемся начисто, безъ умозрѣній и ипотезъ: самыя различныя на-видъ слова, каковы hund, dog, canis, копекъ, ногай и собака, рождаются физически отъ одного коренаго звука, составляютъ собою правильныя акустическія измѣненія одного и того же слова, han, *гъан'ъ*.

Корнесловіе, производимое такимъ образомъ и съ такими средствами, безспорно, и любопытно и очень поучительно, и когда оно можетъ еще быть подкрѣплено историческими данными, то и очень полезно для рѣшенія нѣкоторыхъ любопытныхъ вопросовъ. Такъ напримѣръ, мы давно знали, что древніе Персы, всѣхъ азійскихъ Скиѳовъ, называли *Сака*, и здѣсь пріобрѣтаемъ мы физическое удостовѣреніе, что Сака рѣшительно значило — собака, то же что̀ по-мидійски *спака*. Теперь мы понимаемъ, что̀ такое были сибирскіе Масагеты у Грековъ, Майсаки или Мансаки у Аравитянъ, Магоги и Гоги въ еврейской географіи: это были, просто, Великіе Собаки, Maha или Maa Sag, Maa Saka, Maa Gog, или, все-равно, Великіе Скиѳы, о

Digitized by Google

которыхъ шла молва по міру, и еще недавно, что головы ихъ похожи на собачьи, а языкъ ихъ — лай. И нѣтъ сомнѣнія, что Саками или Собаками названы они не въ поруганіе, потому-что и сами придавали себѣ этотъ же титулъ, именуясь офиціально *Нохай* и *Ногай*, монгольскимъ словомъ, которое также значитъ — собака. Почему они такъ именовались, это касается до ихъ религіозныхъ понятій, въ которыхъ собака составляетъ донынѣ очень важный символъ. Государи ихъ также охотно принимали имя Собака, *Нохай*, или, въ турецкомъ переводѣ, *Копекъ*. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ ихъ государей, Копекъ-ханъ, царь Золотой Орды, очень извѣстенъ въ нашей отечественной исторіи: монеты его чекана назывались *копеки;* изъ восточной же исторіи мы знаемъ, что динаріи *копеки* долго послѣ него были еще въ обращеніи въ Средней Азіи. Отсюда названіе нашей *копѣйки*. Оно несомнѣнно осталось у насъ отъ Золотой Орды, потому-что и всѣ прочіе термины старинной нашей монетной системы, *деньга, алтынъ, рупь, рубь* или *рубль* — заимствованы у Татаръ. *Рубь* есть собственно арабское слово, и значитъ — четверть, но оно искони принято всѣми магометанами и вошло въ ихъ языки. Индійская *рупія* великихъ монголовъ происходитъ отъ него же. Копекъ-ханъ, какъ магометанецъ, конечно, не могъ быть нарѣченъ этимъ именемъ, изъ особеннаго уваженія къ собакамъ. Это имя, въ Золотой Ордѣ, значило только Ногай-ханъ, котораго оно — буквальный переводъ. Были Ногай-ханы, Копекъ-ханы. Слѣдовательно и *Копекъ-ханъ*

Digitized by Google

значитъ, просто, царь Великихъ Собакъ, Майсаковъ, Масагетовъ, Великихъ-Скиѳовъ; коротко: Скиѳъ-царь. Такимъ образомъ, сравнительная филологія, основанная на опытныхъ началахъ, на физическихъ изслѣдованіяхъ звука и голосоваго инструмента, обнаруживаетъ намъ, посредствомъ Саковъ, непрерывную, чудно черезъ всѣ вѣка и перевороты сохранившуюся связь нашей маленькой копѣйки со временами Даріевъ и Ксерксовъ. Это, конечно, очень любопытно.

Второй примѣръ: помощью такихъ началъ и такого изслѣдованія, можно изъ двухъ, трехъ ничтожныхъ обломковъ погибшаго языка возсоздать понятіе о цѣломъ языкѣ, подобно тому, какъ сравнительная анатомія изъ обломка ископаемой кости возсоздаетъ фигуру и свойства допотопнаго животнаго. Въ Даріевой гвоздеобразной надписи, царь Персовъ принимаетъ титулъ *царя Спарди*. Полагали, что это означаетъ Спарту. Но мы видѣли интонаціонное свойство мидійскаго языка, въ которомъ *с* превращалось въ *п*, и гдѣ персское слово *сака* выговаривалось *спака*. Слѣдовательно, въ надписи рѣчь идетъ о фригійской столицѣ *Сарди*, или Сардахъ, которыхъ имя прописано по мидійскому выговору, а не о Спартѣ. Столица на-мѣстѣ называлась *Сарди;* греческое правописаніе этого имени вѣрно. Государству же имя было *Фрюги*, Фригія. Изъ примѣра извѣстнаго имени *Мердисъ*, которое писали то *Мерди*, то *Мерги*, слѣдуетъ заключить, что по интонаціи мѣстнаго языка можно было безразлично сказать *Сарди* или *Сарги*, *Фрюги* или *Фрюди*. Слогъ же *ги*

Digitized by Google

іонійскіе Греки произносили *ій*, и это *ги* или *ди* навѣрнос не что̀ иное какъ прилагательное окончаніе *ій* ново-персидскаго языка. Коренное имя столицы было поэтому *Сари*, а государства — *Фрюи*. Мы знаемъ общее обыкновеніе прежняго персидскаго Востока производить названія столицъ отъ названій странъ. А потому слѣдуетъ полагать, что слова *Сари* и *Фрюи* состояли между собою въ тѣсномъ филологическомъ отношеніи. Но тутъ нельзя не вспомнить тотчасъ же, что по особенной интонаціи грузинскаго языка, который принадлежитъ къ семьѣ языковъ персидскихъ, *Фури* въ немъ естественно превращается въ *Сари*. *Сари* есть женская форма слова *Фури*. Первое значитъ — корова, второе же — быкъ. Поэтому страна называлась *Бычачьей*, а столица *Коровьей*! Какъ ни странною кажется эта номенклатура, а она дотого правдоподобна, что можетъ идти за достовѣрную. Мы увидимъ впослѣдствіи, когда перейдемъ къ языку и содержанію четырехъ священныхъ книгъ браминовъ, Ведами называемыхъ, какимъ блестящимъ положеніемъ пользовалась корова въ миѳологіи персидскихъ народовъ, перенесенной, по нашимъ доводамъ, въ Индію изъ Западной Азіи. Между-тѣмъ довольно будетъ указать, что Этруски, Оски, и другія поколѣнія древней Италіи, вели свой родъ отъ Фригійцевъ. На ихъ медаляхъ и скульптурныхъ памятникахъ безпрестанно встрѣчаются символы, напоминающіе о фригійскомъ ихъ происхожденіи. Народы стараго міра, какъ всѣ народы, которые не пишутъ исторіи, чрезвычайно дорожили предположитель-

Digitized by Google

ною древностью своего существованія, и хвастались ею одни передъ другими, основывая на этомъ свое высокоблагородство. Фригійцы же, а не Индійцы, не во гнѣвъ будь сказано почтеннымъ Индо-германцамъ, признавались древнѣйшимъ изъ всѣхъ народовъ, и по преданіямъ и по общему мнѣнію стараго міра. Немудрено, что италіянскія поколѣнія и города хотѣли непремѣнно происходить отъ такого благороднаго родителя. Но на чемъ могло основываться это притязаніе? Откуда родилась подобная идея? Ни географія, ни тождество языка, не подтверждали этой родословной. Явственно, преданіе народовъ Италіи о выходѣ своемъ изъ Малой Азіи опиралось единственно на одинаковое названіе двухъ странъ. Italos значитъ — быкъ, и Italia — *бычачья* земля. *Фрюги* или *Фрюйй*, прилагательное или производное отъ *Фюри*, должно поэтому непремѣнно значить также— *бычачья*, тѣмъ болѣе, что это слово состоитъ въ правильной интонаціонной связи съ *Сарій*, *Сарги* или *Сарди* (коровья), названіемъ столицы, и что эти значенія подтверждаются словами сосѣдственнаго языка той же персидской семьи. Грузины, по арабскимъ свидѣтельствамъ, пришли вѣдь въ кавказскую страну «съ юга». Изъ всего же этого слѣдуетъ, что Фригійцы говорили языкомъ очень близкимъ къ грузинскому, когда въ немъ происходили такія интонаціонныя превращенія звуковъ какъ *Фрюгіи* въ *Сарій*. Исторіи не безполезно замѣтить это въ своей памятной книжкѣ для дальнѣйшаго соображенія.

Третій примѣръ — который не совсѣмъ отно-

Digitized by Google

ется къ индо-германскому вопросу, но зато Индославянамъ можетъ показаться довольно любопытнымъ. Какъ это случилось, что славянскія поколѣнія, такія близкія по языкамъ, такъ различно прозвали себя, кто Славяниномъ или Словакомъ, кто Сербомъ, Србомъ или Срвомъ, Хорватомъ, Хрватомъ, Хрбатомъ или Кроатомъ, кто Моравомъ или Мравомъ, кто Антомъ, Вантомъ, Вандомъ, Вендомъ, Виндомъ, Вятомъ или Вятичемъ, и такъ далѣе? Не происходитъ ли просто отъ различій въ интонаціяхъ нашихъ славянскихъ языковъ? Здравый толкъ, кажется, очень расположенъ къ этому подозрѣнію. Иначе — откуда бы такимъ близкимъ роднымъ и хорошимъ сосѣдямъ такъ ужасно разниться въ мнѣніи о томъ, какъ по общему отцу слѣдуетъ называться ихъ племени? Посмотримъ. Статься-можетъ, тутъ найдется нѣчто еще страннѣе превращенія Фригіи въ Сарды. Переходы *х* въ *с*, *х* и *с* въ *м*, *и* въ *р* въ *л*— мы видѣли въ изобиліи, и видѣли, что они совершенно правильны, какъ физическій результатъ различныхъ интонацій. Поэтому, *Хр—въ*, *Хр—бъ* (Хорбаты или Хорваты) даютъ первое естественное измѣненіе въ *Ср—бъ* и *Ср—въ* (въ Сербовъ и Сервовъ) при переходѣ выдувной интонаціи въ свистящую. *Ср—въ*, отъ смягченія этой послѣдней интонаціи, очень просто становится *Сл—въ* (Славомъ или Словомъ). *Хр—въ* (Хрватъ) также натурально дѣлается *Мр—въ* (Мравомъ, Моравомъ). Въ *М*, первой буквѣ звука *Мр—въ*, мы уже видимъ явное сдавленіе начальнаго носоваго гнушенія. Но, и *л*, и *р*, раждаются равномѣрно изъ уничто-

Digitized by Google

женія носоваго звука; такъ что и *сл* и *ср* и *хр* трехъ первыхъ формъ показываютъ явное расположеніе древнѣйшей славянской интонаціи гнусить вначалѣ слога. Надо поэтому допустить, что было еще другое, менѣе сдавленное произношеніе, въ которомъ начальное *м* звучало какъ *н*, болѣе или менѣе носовое, и что *Мр—въ* выговаривали также какъ *Нр—въ* (Нравъ или Наровъ), вмѣсто вполнѣ гнусящаго *нг'авъ*. Чтобы легче понять всѣ эти превращенія, надо постараться выговорить это *нг'ъ* въ словѣ *нг'авъ* и совершенно какъ французское оконечное n, каждый тогда убѣдится въ чрезвычайной близости этого звука къ звукамъ *кравъ* и *мравъ*. Въ интонаціяхъ, которыя не допускаютъ носоваго гнушенія въ началѣ слога, гнусящій выпускъ воздуха въ ноздри, слышный до появленія тона или гласной, замѣщается глухимъ выпускомъ, образующимъ *в;* но, тогда гнушеніе *нг'ъ* само собою перепрыгиваетъ на конецъ слога, гдѣ оно смѣшивается съ эхомъ. Такимъ образомъ была непремѣнно форма *Ванг'ъ* или другая очень близкая къ этому. Въ этой формѣ оконечное *въ* формъ *Мр—въ*, *Хр—въ*, *Ср—въ* или *Сл—въ* перескакивало въ начало слога, конецъ слога становился совсѣмъ свободенъ для разныхъ гнушеній, чистыхъ и сдавленныхъ, *н'*, *нг'ъ*, *нтъ*, *ндъ*, *мпъ*, *мбъ*, и прочая. Слѣдовательно, изъ *Ван'гъ*, или вмѣсто *Ван'гъ*, если первое нигдѣ не употреблялось у Славянъ, возникли немедленно *Вандъ*, *Вантъ*, *Винтъ*, *Вентъ*, *Вятъ*, или, какъ произноситъ Чудь, *Ветъ*, *Венъ*. Я не хочу идти далѣе и выводить, что *вагъ* есть первоначальная

Digitized by Google

и коренная форма во всѣхъ европейскихъ языкахъ для означенія человѣка, homo, uomo, uom, uon, uong, weng, ang, ing, и прочая, что даже *Фронкъ, Франкъ, Хранкъ* произошли отъ него по тому способу какъ *Хробъ*, Хробатъ, *Србъ, Сербъ; Слв*, Словакъ то же что̀ и Teut, Deut-sch, Deut-sk, истекли оттуда же, и что̀, конецъ концовъ, все это значитъ только — человѣкъ. Каждое племя, разумѣется, называлось первобытно тѣмъ звукомъ, какой по интонаціи его языка выражалъ понятіе «человѣкъ», однимъ изъ измѣненій звука *ванъ*.

Различія въ интонаціяхъ возникаютъ отъ смѣшенія поколѣній, вслѣдствіе войнъ, союзовъ и разныхъ политическихъ переворотовъ, которые безпрерывны въ первобытныхъ обществахъ, раздробленныхъ и дикихъ. Всегда образуется сперва множество нарѣчій отъ смѣси малыхъ разноплеменныхъ поколѣній, такъ какъ эти сліянія даютъ начало множеству разнообразныхъ интонацій. Значительныя измѣненія интонаціи почти всегда бываютъ слѣдствіемъ прилива, къ данному поколѣнію, людей другаго племени или господства другаго, инороднаго языка. Потомъ уже, изъ нарѣчій возникаютъ языки посредствомъ политическаго соединенія сродныхъ поколѣній въ отдѣльныя группы. Одно какое-нибудь нарѣчіе одерживаетъ верхъ, преимущество, поглощаетъ другія, подвластныя, и становится общимъ языкомъ. Мнѣ кажется, что можно съ отличною физическою или акустическою достовѣрностью опредѣлить, что самое древнее прозваніе славянскихъ поколѣній было Ванды, Венды или Анты, какъ самое близкое

Digitized by Google

къ звуку *ван'ъ*, человѣкъ, и что самое позднее или новое должно быть *Славъ* или *Словъ* (Словаки, Словяне), отъ котораго уже произошло *Шловъ*, *Човъ* (человѣкъ). Ближайшимъ измѣненіемъ слова *Вандъ* будутъ формы *Мр—въ*, *Хр—въ* и *Ср—въ*, Сервы или Сербы также очень древнее имя: латинское servus происходитъ отъ него. Надо замѣтить, что Греки толковали слово *Вендъ* или *Виндъ* готскимъ словомъ vinda, крутить снурки, веревки, и Геродотъ называетъ Вендовъ *Снурками*, Nevri. Его Гелоно-Будины, несомнѣнные волжскіе Великіе-Волгары, были потомки Невровъ, то есть Вендовъ, отброшенные далеко отъ своей родины, а Невровъ помѣщаетъ онъ около Нѣмана и Вислы. Теперь понятно, что̀ такое говоритъ Несторъ, утверждая, что волжскіе *Вятичи* — потомки *Ляховъ*. Подъ словомъ *Ляхи* онъ разумѣетъ *Вендовъ*. Ляхи признавали себя *Вендами* или *Вандами*, которыхъ Геродотъ называетъ въ переводѣ *Невра-ми*, Снурками. Слѣдовательно Несторъ говоритъ совершенно то же, что̀ Геродотъ. И эта родословная, явственно основанная на томъ, что приволжское поколѣніе называлось *Вятичи*, то есть *Вендичи*, сыны *Вендовъ*. Видно *Венды* сидѣли нѣкогда длинною полосою отъ Вислы черезъ Украину до Волги, а *Словяне*, новое поколѣніе, врѣзались между нихъ распространеніемъ своимъ отъ Дуная къ сѣверу. Но воротимся къ Индо-германцамъ.

Нынѣшніе азіятскіе языки рѣзко отличаются отъ европейскихъ примѣчательною легкостью и простотою интонацій. Кромѣ армянскаго, грузин-

Digitized by Google

скаго и нѣкоторыхъ кавказскихъ, то есть кромѣ языковъ сѣверныхъ для Западной Азіи и по пространству незначительныхъ, всѣ прочіе не терпятъ никакого стеченія гласныхъ въ началѣ слоговъ. Слогъ всегда начинается тамъ или одною согласною или легкимъ придыханіемъ, и только изрѣдка имѣетъ на концѣ двѣ согласныя, происходящія отъ различныхъ степеней сдавленія эха. Но мы видѣли изъ примѣровъ словъ *Фрюгіи*, *Спака* и *Спарди*, что совсѣмъ не то было въ старину. Знаменитѣйшій народъ Малой-Азіи, котораго владычество и языкъ простирались далеко, Фригійцы, говорили языкомъ, допускавшимъ въ началѣ слога стеченіе *фр;* интонація такого языка необходимо допускаетъ и *пр*, и *хр*, и *ср*, и *пл*, и *скр*, и многія другія стеченія согласныхъ. Смежный съ фригійскимъ, греческій языкъ, въ которомъ такія стеченія согласныхъ очень обыкновенны, и другіе европейскіе языки, бывшіе смежными съ греческимъ, не имѣли поэтому никакой нужды ходить въ Индію, чтобы тамъ нахвататься подобныхъ слоговъ. Они могли сами образовать ихъ у себя, черезъ смѣшеніе сосѣднихъ поколѣній и интонацій, азійскихъ и европейскихъ, еслибы прежде того Европа была вся занята Чухнами-врагами всякаго консонантизма. Да этого, надѣюсь, никогда и не было. Чудь принадлежитъ собственно къ монгольскому племени, которое не могло простираться до Италіи и Испаніи. Довольно предоставить ему Сибирь и Сѣверъ Европы. Мы теперь имѣемъ довольно вѣрное понятіе о языкѣ древне-персидскомъ, томъ, который былъ

Digitized by Google

правительственнымъ и господствующимъ въ Азіи при Даріяхъ. Этотъ языкъ допускалъ также стеченія согласныхъ въ началѣ слоговъ. Онъ уже такъ близокъ къ санскритскому, что его и разобрали главнѣйше помощью священнаго языка браминовъ. Между-тѣмъ это — языкъ *ари*, діалектъ области Аріи, ближайшей къ Индіи. Такъ что же тутъ удивительнаго, если въ индійскихъ книгахъ найдемъ языкъ, сродный съ европейскими языками, когда эти языки сродны со всѣми персидскими, а древне-персидскій такъ близокъ къ языку этихъ книгъ? Языкъ мидійскій былъ въ томъ же родѣ. Не ближе ли полагать, что индійскія священныя книги писаны на одномъ изъ нарѣчій языка арійскаго или мидійскаго, принесенномъ туда изъ древней восточной Персіи побѣдителями или бѣглыми фанатиками, чѣмъ строить страшныя ипотезы о выходѣ всѣхъ народовъ, языковъ и идей изъ земли, неимѣющей выходовъ? Въ Ведахъ найдемъ мы пѣсни или скорѣе магическія воззванія къ богамъ, инвокаціи, дотого сходныя съ фрагментами Пиѳагора, что это сходство не можетъ быть случайное: тѣ и другія должны быть взяты изъ третьяго источника, а его долго искать нечего. Извѣстно, откуда Пиѳагоръ почерпнулъ свое мистическое ученіе. Слѣдовательно эти формулы, эти инвокаціи, вышли первоначально изъ Египта и Сиріи. Говорятъ, будто онѣ открываютъ намъ цѣлый «новый міръ идей», давшихъ начало греческой миѳологіи. Ничего не бывало. Веды не открываютъ намъ ничего новаго, кромѣ фанатическихъ бредней одной изъ сектъ древняго язы-

Digitized by Google

чества. Кольбрукъ былъ совершенно правъ, когда, изучивъ ихъ съ великимъ трудомъ, отозвался, что, признательно сказать, онѣ не стоятъ изученія. Онѣ, однакожъ, любопытны, только не въ томъ отношеніи, на которое указываетъ нѣсколько приторный энтузіазмъ индо-европеизма, а въ обратномъ. Какъ всѣ инвокаціи язычества, греческаго и египетскаго, истреблены усердіемъ первыхъ вѣковъ христіанства, то Веды могутъ намъ показать довольно вѣрно, что это были за формулы и какъ язычники понимали вѣру свою въ храмовыхъ мистеріяхъ.

Это разсужденіе вышло уже такъ длинно, что я боюсь утомить читателей, продолжая его нынѣ. Остается еще разсмотрѣть содержаніе Ведъ, которыми подтверждаются многія обстоятельства, бѣгло здѣсь изложенныя. Но гораздо интереснѣе и важнѣе Ведъ, и для общаго любопытства, и для самой науки, окончить рѣчь объ интонаціи, о механизмѣ голосоваго инструмента, и о физическихъ свойствахъ человѣческаго слова, которое донынѣ разсматривали только умозрительно, безъ содѣйствія опытнаго процесса. Механизмъ этотъ такъ чуденъ, что заслуживаетъ всего нашего удивленія, и въ то же время такъ простъ, что уразумѣніе его не въ состояніи обременить ничьего вниманія, а многимъ можетъ доставить значительное удовольствіе. Предметъ этотъ, между прочимъ, коснется важной задачи, какимъ образомъ одинъ человѣкъ можетъ понимать *звуковую рѣчь* другаго человѣка, и какъ *глазами можетъ онъ понимать слова*, когда слова принадлежатъ уху — то есть,

Digitized by Google

какимъ путемъ понимаемъ мы написанное, или слова безъ звука. Все это нужно оставить до слѣдующей статьи.

II.

Человѣческая наука исполнена предразсудковъ и суевѣрій, точно такъ же какъ и человѣческое невѣжество. Разница только — въ томъ, что предразсудки и суевѣрія науки, называютъ себя теоріями, системами, философическими точками зрѣнія — плодами глубокихъ изслѣдованій и высшихъ воображеній — и, считаясь дѣйствительною мудростью, позволяютъ себѣ быть слишкомъ гордыми со старшею своей братьей, предразсудками и суевѣріями невѣжества.

Къ числу такого рода ученыхъ суевѣрій или предразсудковъ принадлежатъ: во-первыхъ, цѣлая одна область новѣйшей науки, именовавшаяся прежде корнесловіемъ, осмѣянная подъ этимъ именемъ по-дѣломъ за свои бредни, и прозвавшаяся недавно сравнительною филологіей или языкознаніемъ, чтобы опять интриговать добродушное невѣжество подъ новою и затѣйливою маскою; во-вторыхъ, обще-принятое нынче понятіе, будто первая наука родилась изъ перваго невѣжества, первая гражданственность и образованность вышли изъ варварства, дикости или, такъ-называемаго природнаго быта, тогда-какъ самое простое соображеніе здраваго смысла, преданія,

Digitized by Google

факты, памятники, все согласно и явно показываетъ, что, напротивъ, невѣжество наслѣдовало наукѣ, что знаніе старѣе незнанія, что дикость, грубость, необразованность не что̀ иное какъ отрасли или наросты первобытной гражданственности, начавшейся и развившейся вмѣстѣ съ родомъ человѣческимъ, но вскорѣ сдѣлавшейся ихъ жертвою.

Для древности, которую мы называемъ образованною и ученою, и отъ которой мы наслѣдовали, не прямо, а черезъ руки родившихся отъ нея невѣжества и варварства, бо̀льшую часть нашего знанія и нашей образованности — для этой древности, классической, мудрой, очень гражданственной, но возникшей въ свою очередь также изъ грубости и варварства, была другая древность, богатая, великолѣпная, могущественная, въ которую существовали огромные города, процвѣтали художества, строились гигантскія зданія, впослѣдствіи разрушенныя и забытыя совершенно. Эту первую древность, для различія отъ извѣстной намъ второй *древности*, начинающейся при Авраамѣ и оканчивающейся паденіемъ Римской Имперіи, я полагаю нужнымъ назвать *ветхостью*. Это не составляло ни даже нововведенія. Слово существовало уже во вторую древность, въ древность классическую. *Данаи* значитъ именно *Ветхіе*. Данаи существовали до Эллиновъ, или Грековъ, до Латиновъ, и даже до Пуновъ, или Финикійцевъ *.

* Греческое Ф было особенный родъ П и произносилось нѣкогда какъ *пх*. ОІ у Грековъ и ОЕ у Латиновъ, какъ

Digitized by Google

При Данаяхъ, Киклопы, великаны, существа одноглазые, что̀ значитъ просто — удивительные люди, поклонники старинаго одноглазаго Геркулеса, построили тѣ славные города и могучіе памятники, которыхъ безъименныя развалины виднѣлись на почвѣ древности и о которыхъ уже въ первыя времена греческой письменности всѣ историческія преданія были потеряны. И рядомъ съ этими Данаями, или Ветхими, были еще *Тевкры*, Строители, совершенно такъ же какъ у Азтековъ, въ Мексикѣ, гдѣ въ незапамятныя времена жили Каменщики, которымъ и приписывалось построеніе всѣхъ зданій исполинскаго зодчества, неизвѣстно кѣмъ воздвигнутыхъ и когда разрушенныхъ.

Дѣло въ томъ, что уже при Авраамѣ страна тигро-евфратская была покрыта остатками гигантскихъ построекъ, оставленныхъ человѣкомъ безъ исторіи и безъ имени и относимыхъ къ эпохѣ Столпотворенія, къ Ветхости. Ѳивы, какъ видно изъ исторіи Іосифа и Моисея, уже не были столицею Египта. Съ перваго начала Древности, Ѳивы находились уже въ развалинахъ, конечно со времени ига кочевыхъ царей, *Гъуксовъ* (*Г* я позволяю себѣ читать какъ *h*, а *ъ* какъ французское u, нѣмецкое ü или древне-греческое ypsilon). Фарао-

---

видно изъ надписей, нерѣдко употреблялись вмѣсто U, или вмѣсто ü: напримѣръ, coeravit (*кюравитъ* или, можетъ-быть *кюравитъ*), «построилъ», вмѣсто curavit. Такимъ образомъ Foinikos, Foenicus и Punicus — слова вполнѣ тождественныя — прилагательныя отъ Punus или *Пунъ*, собственнаго и настоящаго имени Финикійцевъ.

Digitized by Google

ны Древности съ новой своей образованностью сидѣли въ Нижнемъ-Египтѣ. Большія пирамиды принадлежали несомнѣнно къ той же Ветхости времени построенія этихъ колоссальныхъ архитектурныхъ кургановъ никто въ Древности не могъ показать опредѣлительно, и первый греческій историкъ собралъ объ нихъ на-мѣстѣ однѣ только народныя сказки. За тысячу или болѣе лѣтъ до нашей эры, рапсоды сочиняли или передѣлывали на греческій ладъ фантастическія пѣсни объ Ахиллѣ, самородномъ человѣкѣ, и о ссорѣ его съ душею міра, эеиромъ, Агамемнономъ, особеннымъ изданіемъ ассирійскаго и египетскаго Мемнона. Тогда уже никому изъ лучшихъ грамотѣевъ Іоніи не было извѣстно, какъ собственно назывались государство и столица, о существованіи которыхъ въ эпоху Данаевъ, или Ветхихъ, у пролива, отдѣляющаго Азію отъ Европы, свидѣтельствовали куча развалинъ, сохранявшихся въ глубинѣ большой равнины, и три большіе кургана на берегу моря, и называли государство *Тройкой*, Троіѣ, а столицу ея *Кучкой*, Ilion.

Вторичная образованность приступила, въ лучшіе годы классической Древности, къ собранію историческихъ свѣденій о землѣ, гдѣ существовали самые удивительные памятники первобытной образованности, странѣ тигро-евфратской, объ *Атурѣ*, Асюрѣ, или Ассиріи. И что же узнала она изъ достовѣрнѣйшихъ источниковъ обыкновеннаго знанія? Ровно ничего. Новая мудрость принуждена была удовольствоваться невинною повѣстью, которая гласила, что первою основатель-

Digitized by Google

ницею разрушеннаго великолѣпія Ветхихъ была *Шемирамъ* (Семирамида), по-русски *Симовна*, дочь Сима, или *Шема* по арамейскому выговору, а первый царь загадочной страны былъ *Нинъ* (Развалина), послѣ котораго владѣлъ Ассиріей царь *Арамеецъ* (Аралій или Арамій, человѣкъ арабской породы), а тамъ царь *Аріецъ* (Arsi, человѣкъ персидской крови: *ари*, какъ извѣстно, названіе одного изъ древнѣйшихъ языковъ и народовъ Персіи, ближайшихъ къ Ассиріи). Послѣ царя Арійца на Нинивіи и Вавилонѣ сидѣлъ царь *Пегълiецъ* (Bali или Pali; собственно pahli, названіе другаго древнеперсидскаго поколѣнія и языка, pahlewi, pehlewi, языкомъ пегълійскимъ, какъ полагаютъ, говорили въ Мидіи, или Мадаѣ). Послѣ царя Пегълійца, престоломъ мудрой Симовны обладалъ царь *Армянинъ* (Армамитръ: третій народъ и языкъ персидскаго происхожденія), а тамъ царь *Белхiецъ*, Beloch, или Бактріецъ (Belch, Balch, Bactr, названіе четвертаго персидскаго народа и языка), а послѣ него — опять царь *Пегълiецъ*, и опять *Бактріецъ*, и такъ далѣе, втеченіи почти тысячи лѣтъ, до царя Сарданапала, уже нѣсколько похожаго на лицо историческое. Не могли даже рѣшить, въ этомъ множествѣ колоссальныхъ слѣдовъ ветхаго величія, гдѣ собственно лежалъ Вавилонъ, предметъ самыхъ дивныхъ сказаній, и одни показывали его при Тигрѣ, а другіе при Евфратѣ.

Наука третичной образованности, то есть нашей, нашла, что все это—очень легко вывести наружу и поставить достодолжный порядокъ при помощи нѣкоторыхъ *научныхъ* пріемовъ: стоитъ только

Digitized by Google

предположить — бездѣлицу! — что родъ человѣческій уже милліоны лѣтъ существуетъ на землѣ; запутать скудныя преданія, собранныя Древностью, еще болѣе теоріями и высшими взглядами: тогда все станетъ ясно. И *сравнительное языкознаніе*, не зная быть-можетъ порядочно, филологически, ни одного языка, и ужъ подавно не зная, что̀ такое языкъ человѣческій въ физическомъ отношеніи, взялось помогать ей въ этомъ невинномъ предпріятіи. Накопавъ себѣ Богъ знаетъ какихъ корней, оно потащило первобытнаго человѣка въ Монголію, въ Индію, чтобы оттуда по мѣрѣ надобности разсылать по землѣ племена, языки, идеи и славу въ продолженіи неограниченнаго періода времени, названнаго *до-историческимъ*. Благодаря ему мы ожили до новаго вавилонскаго чуда — до настоящей *умозрительной исторіи*. Но я думаю, что не худо было бы среди своего языко-сравнительнаго энтузіазма, справиться о томъ, что́ нынче знаютъ и думаютъ другія отрасли человѣческой науки, хотя бы для того только, чтобы не поставить себя въ очень «научное» противорѣчіе съ опытными фактами, особенно съ фактами сравнительной анатоміи и сравнительной статистики.

Если что̀-либо доказано въ наше время опытнымъ знаніемъ, если что̀ можетъ назваться фактами и истинами науки, такъ это — единство рода человѣческаго, очень недавнее существованіе его на землѣ, и немедленное, быстрое развитіе населенія, гражданственности и образованности при самомъ же началѣ существованія.

Digitized by Google

Пренія между теоріями много-породною и одно-породною были бы теперь такъ же неумѣстны, какъ споры о системахъ Коперника и Тихона Браге. Полигенетизмъ не можетъ болѣе подняться на ноги. Всѣ племена, бѣлыя и черныя, красныя и бронзовыя, какъ ни различны кажутся глазу, происходятъ рѣшительно и несомнѣнно отъ одного семейства и одной пары людей. Это было извѣстно человѣку искони изъ повсемѣстнаго преданія. Если наука позволяла себѣ спорить съ этимъ преданіемъ, тѣмъ хуже для науки: она не отличилась въ настоящемъ случаѣ ни здравымъ смысломъ, ни наблюдательностью.

Модулъ или мѣрило архитектуры нашего тѣла найденъ. Это мѣрило — перпендикулярный или большой діаметръ головы. Какъ въ планетномъ строеніи большой діаметръ небесныхъ шаровъ и ихъ орбитъ, такъ точно большой діаметръ головъ въ зданіяхъ нашего тѣла составляетъ основную единицу всѣхъ пропорцій цѣлаго, всей гармоніи частей. Три такихъ мѣрила — три большіе діаметра головы—даютъ наибольшую окружность головы. Въ тотъ день, когда будущій ребенокъ обнаруживаетъ первое движеніе въ чревѣ матери, вся длина его тѣла равна одному мѣрилу, то есть равна длинѣ взрослой головы лицъ его пола. Грудная кость — одно мѣрило; отъ грудной кости до пупа — одно мѣрило; отсюда до угла ногъ — одно мѣрило. Кисть руки — одно мѣрило. Длина руки до кисти — три мѣрила. Верхняя длина ступени — одно мѣрило. Длина выпрямленной ноги до оконечности большаго пальца — пять мѣрилъ. Длина

Digitized by Google

всего тѣла — *десять* мѣрилъ. Человѣкъ дѣлится на равныхъ десять частей, подобно музыкальной струнѣ, трубкѣ, плевѣ или пластинкѣ (язычку), которыя въ акустическомъ отношеніи дѣлятся также на десять равныхъ частей для изданія десяти натуральныхъ гармоническихъ тоновъ. И точно такъ же какъ въ механикѣ струны, вибраціи и звуки, извѣстное число этихъ дѣленій составляетъ особенный членъ правильнаго аккорда, здѣсь извѣстное число дѣленій образуетъ особенные отдѣлы тѣла или особенные его члены. Я прошу читателя теперь же замѣтить это важное соотношеніе и позволить мнѣ тутъ же сдѣлать изъ него выводъ, полезный для общаго нашего предмета. Онъ пригодится намъ впослѣдствіи.

Я могу не знать изслѣдованій ни Каруса, ни Кетле, ни Флурана, ни другихъ, но если я, дѣйствительно, физически, дѣлюсь на десять равныхъ частей, изъ которыхъ состоитъ вся гармонія моего цѣлаго, разумная душа моя, вовсе не учась анатоміи, должна уже безгласно или инстинктивно чувствовать это девятичное раздѣленіе моего механизма: иначе она не могла бы управлять имъ. Если притомъ въ горлѣ моемъ натянуты двѣ пары вокальныхъ струнъ, которыя такъ же дѣлятся на десять частей и, разумѣется, хорошо настроены, и если онѣ еще обставлены полнымъ приборомъ нервовъ и мускуловъ для свободнаго приведенія ихъ въ естественныя вибраціи, то прямымъ слѣдствіемъ дѣйствія моей души на мой голосовой приборъ и вокальныя струны, должны быть безсознательное чувство *десяти* чиселъ и безсознательное

Digitized by Google

выраженіе ихъ десятью звуками этихъ струнъ въ гармоническомъ порядкѣ вибрацій, соотвѣтственномъ гармоническимъ сочетаніямъ чиселъ. Здѣсь-то основаніе и начало всего строенія языка, или рѣчи человѣческой. Звуковыя вибраціи — дѣло математической механики, рѣчь — произведеніе этихъ вибрацій, которыми распоряжаться мы не въ правѣ—не въ силахъ—которыя слѣдуютъ своимъ неуклоннымъ, вѣчнымъ законамъ, дѣйствуя въ насъ при образованіи словъ совершенно безъ нашего вѣдома. Съ этой-то натуральной и наукової стороны должно разсматривать и разъискивать языки, а не со стороны корешковъ и грамматическихъ формъ. Онѣ — такое же невольное, неуклонное произведеніе этихъ математическихъ звуковыхъ законовъ, какъ и все прочее въ языкѣ, то есть въ звукѣ. Нужно только знать инструментъ, употребляемый для производства звука, и опредѣлить, какъ онъ интонированъ, то есть сколько гдѣ по климату, мѣсту и особенному тѣлосложенію употребляютъ воздуха на приведеніе его въ дѣйствіе, какъ направляется струя воздуха на вокальныя струны, и по какой методѣ выпускается она въ оконечное отверзтіе, въ ротъ; а тамъ уже корни и формы рѣшатся сами собою. Разбирать языки по этимъ пустячнымъ привѣскамъ — все равно, что стать позади полка кавалеріи и судить о качествахъ лошадей по ихъ хвостамъ, выдергивая изъ каждаго по нѣсколько волосковъ и сравнивая волоски между собою. Не угодно ли зайти спереди и прежде всего посмотрѣть въ ротъ? Но,

Digitized by Google

покамѣстъ, дѣло у насъ не объ интонаціяхъ голосоваго инструмента, а объ одно-породствѣ человѣка.

Самыя точныя изслѣдованія тѣхъ физіологовъ, которые въ послѣднее время занимались этимъ вопросомъ, единогласно показываютъ, что, какое ни возьмите племя, основная пропорція частей и главные размѣры тѣла вездѣ одни и тѣ же. Большой діаметръ головы служитъ повсюду мѣриломъ всего органическаго зданія. Если гдѣ убавлено немножко съ одной стороны, тамъ на столько же сейчасъ прибавлено съ другой. Наружность измѣнена, но типъ — строго одинъ. И эти измѣненія скорѣе ощущаются глазомъ, чѣмъ измѣряются футомъ или аршиномъ. Остовъ, каменная постройка костей, твердое основаніе тѣла, нигдѣ не искажается примѣтно въ главныхъ, гармоническихъ размѣрахъ своихъ. Самыя разительныя различія между племенами стоятъ собственно въ бо́льшемъ или меньшемъ наращеніи мягкихъ частей въ той или другой части тѣла; а это зависитъ прямо отъ воды, воздуха, пищи и общаго образа жизни, но не отъ органическихъ разностей.

Важныя различія происходятъ вездѣ отъ внутренней окраски кожи и волосъ. Эта краска подчинена совершенно количеству и свойству красильнаго вещества, содержащагося въ крови, а составъ и цвѣтъ крови — я думаю, никто не захочетъ оспаривать этого — рѣшаются водою, теплотою и свѣтомъ солнца, качествомъ воздуха, пищи и климата. Между-тѣмъ дѣйствіе красильнаго вещества на наружность, котораго и въ разсчетъ не принимаютъ, такъ значительно, что вмѣстѣ съ цвѣтомъ

Digitized by Google

волосъ и кожи измѣняется и строеніе ихъ. Кому неизвѣстна разница въ толщинѣ и мягкости волосъ на головахъ одного и того же племени, ощутительная даже и для простаго прикосновенія! Она—слѣдствіе различной окраски наружности тѣла кровью, происходящей отъ одного только различія въ темпераментахъ, безъ прибавки различнаго дѣйствія климатовъ и образовъ быта. Нѣмецкая физіологія имѣла терпѣніе сосчитать число волосъ на четырехъ густоволосыхъ головахъ, въ полномъ ихъ возрастѣ, свѣтлорусой, темнорусой, черной и рыжей. Оказывается, что на свѣтлорусой головѣ растетъ около 140,000 волосъ, на темнорусой 110,000, на черной 103,000, а на рыжей 89,000: это и даетъ рыжимъ волосамъ почти толщину и жосткость щетины. Количество волосяной матеріи, извергаемой головами, явственно одинаково, но оно раздѣляется разно, на бо̀льшее или меньшее число волоконъ при выходѣ изъ кожи. Для каждаго цвѣта волосъ ткань кожи должна поэтому быть различна относительно къ плотности, къ частотѣ скважинокъ. Италіянцы—порода существенно черноволосая. Венеція населена Италіянцами и окружена черноволосыми поколѣніями. Между-тѣмъ эта мѣстность славилась всегда своими блондинками, на чудесные золотистые волосы которыхъ каждый любуется въ картинахъ живописцевъ венеціянской школы. Слѣдовательно, иногда одной уже мѣстности достаточно для произведенія важной перемѣны въ наружности.

Въ парикмахерскую торговлю волосы, употребляемые на букли, парики и накладки, поступаютъ,

Digitized by Google

обыкновенно, русые, разныхъ отливовъ изъ сѣверной Франціи, Бельгіи, Голландіи, Германіи, черные же изъ Португаліи, Испаніи и южныхъ французскихъ провинцій. Доброта этого «товара» очень много зависитъ отъ мѣста его происхожденія, и «волосяные артисты» утверждаютъ, что, при покупкѣ партій, они по запаху могутъ безошибочно узнать, чьи это волосы, Нѣмокъ ли, Француженокъ, Голланокъ, Испанокъ, или Италіянокъ. Такія же различія видимъ въ домашнихъ животныхъ, въ садовыхъ и огородныхъ растеніяхъ: воспитаніе, климатъ, земля, вода, пища, помѣсь, прививка, совсѣмъ перемѣняютъ ихъ наружность: другія формы, другой объемъ, цвѣтъ, запахъ, другія внутреннія свойства. Но типъ остается все тотъ же. И перенесите ихъ обратно въ то же мѣсто, изъ котораго взяты, черезъ извѣстное число поколѣній они возвращаются къ своему первоначальному виду.

До какой степени внѣшнія вліянія могутъ въ разныхъ частяхъ свѣта преобразовать голову, это видно изъ одного различія между волосами бѣлаго человѣка, пуховою шерстью негра и щетиною краснаго американскаго Индійца. Можно сказать, въ этомъ случаѣ, что климатъ, пища и образъ жизни измѣняютъ людей *только на одинъ волосъ*— и какая уже разница между людьми! умственныя способности измѣнились вмѣстѣ съ измѣненіемъ *волоска!...*

Въ то же время надо помнить, что и шея, и грудь, и дыхательный приборъ, измѣняются также *на волосъ*, по тѣмъ же причинамъ и по тѣмъ же законамъ. И вотъ становится понятно, какая

Digitized by Google

огромная разница, при производствѣ звука, должна возникать въ интонаціи голосовыхъ инструментовъ, какимъ невѣроятнымъ преобразованіямъ необходимо подвергается природная, нормальная рѣчь рода человѣческаго. Рѣчь — у всего рода одна. Такъ сказать, *вещество рѣчи*—одно, подобно тому какъ одно и волосяное вещество. Языки растутъ какъ волоса. Это общее вещество врожденной намъ рѣчи измѣняется въ огромное число языковъ точно также какъ общее волосяное вещество — въ огромное число видовъ волосъ, не по волѣ или происхожденію человѣка, а по дѣйствію внѣшнихъ вліяній на наше тѣло, одаренное свойствомъ измѣняемости *до извѣстнаго предѣла*. Поставьте Японца подъ дѣйствіе совершенно тѣхъ же внѣшнихъ вліяній, которыя образовали Славянина извѣстной породы, но гдѣ-нибудь въ Африкѣ, далеко отъ всего славянскаго, его волосы, его физіономія, его голосъ и языкъ добровольно измѣнятся по направленію этихъ вліяній, и наконецъ онъ заговоритъ.... по-славянски!

Бо́льшее или меньшее нараще́ніе мясныхъ, мягкихъ частей въ извѣстныхъ точкахъ тѣла отъ дѣйствія внѣшнихъ вліяній, разумѣется, должно произвести однимъ уже бо́льшимъ или меньшимъ давле́ніемъ своимъ нѣкоторыя разности въ формѣ ближайшихъ костей остова. Но эти мелкія анатомическія отступленія отъ нормальной формы не превращаютъ кореннаго типа. Родъ нашъ въ этомъ отношеніи состоитъ собственно изъ двухъ главныхъ отдѣловъ—*круглоглазаго*, къ которымъ принадлежимъ и мы, Европейцы, и *узкоглазаго*, къ

Digitized by Google

которому относятся Китайцы, Турки, Монголы и разныя другія племена въ разныхъ частяхъ свѣта. Черепъ узкоглазаго Китайца, или черепъ за-алтайскаго Турка чистой породы, конечно, представляетъ различія съ нашимъ черепомъ, примѣтныя даже съ перваго взгляда. Скулы немножко выдались впередъ и верхушки ихъ отстоятъ другъ отъ друга на нѣсколько линій далѣе; отъ этого носовая кость растянута и понижена, и глазныя отверзтія сдавлены и привздернуты съ наружной стороны. Не нужно входить въ подробности физіологическаго вопроса, связывающагося съ этою формою черепа. И безъ нихъ видно, что она происходитъ совершенно отъ внѣшнихъ причинъ, отъ очень обильнаго прилива волосянаго и чернокрасильнаго веществъ въ верхней части головы, который, минуя щеки и уменьшая густоту бороды, наращаетъ страшную массу предлинныхъ и скороспѣлыхъ волосъ на крышкѣ черепа. Тяжесть этихъ волосородныхъ соковъ, и тяжесть ихъ богатаго произведенія, которое въ этомъ племени оба пола заплетаютъ въ двѣ и три толстыя и длинныя до земли косы, отгибаетъ нѣсколько черепъ назадъ, отчего скулы неизбѣжно выходятъ впередъ и расходятся въ стороны. Но изъ этого слѣдуетъ, что мозговыя полушарія и задній продолговатый мозжечокъ должны получать формы нѣсколько различныя съ формами этихъ отдѣленій общаго чувствилища, замѣчаемыми въ круглоглазомъ отдѣлѣ. Замѣчательно, что при такомъ устройствѣ головы, не только родъ интонаціи голосоваго органа совсѣмъ другой въ цѣломъ узкоглазомъ отдѣлѣ, но

Digitized by Google

и самая *логика языка*, то есть логическая послѣдовательность словъ во фразѣ, въ предложеніи, въ періодѣ, *является буквально обратною въ сравненіи съ порядкомъ словъ, почитаемымъ у насъ за естественный.* Каждую нашу фразу, каждый нашъ періодъ—напримѣръ хотя бы это послѣднее предложеніе, которое здѣсь видите напечатаннымъ курсивными литерами—чтобъ сдѣлать яснымъ на этихъ языкахъ, надо выворотить вверхъ ногами во всю длину его. Читайте предложеніе вспять, если хотите получить понятіе о томъ, какъ человѣкъ монгольскаго племени, сказалъ бы вамъ его по строгой логикѣ своего языка и своего узкоглазаго мозга. У него выйдетъ, что естественная послѣдовательность словъ *естественный-за насъ-у почитаемымъ словъ порядкомъ-съ сравненіи-въ обратною буквально является.* Вотъ какія разстройства производитъ въ языкахъ большая куча волосъ на головѣ, зависящая быть-можетъ отъ употребленія какой-нибудь за-алтайской рѣпы!

Это правило такъ постоянно въ узкоглазомъ мірѣ, и такъ широко примѣнено ко всѣмъ операціямъ дара слова, особенно въ турецкомъ языкѣ, самомъ чистомъ и самомъ правильномъ изъ всѣхъ языковъ монгольскаго племени, что, переводя колоссальные періоды оттоманскихъ писателей, административныхъ и литературныхъ, на русскій, французскій или англійскій языкъ, періоды растянутые иногда на цѣлыя страницы, вы не иначе можете выпутаться изъ этого лабиринта неумолимой обратности и получить ясный смыслъ европейскій, какъ начавъ переводъ съ самаго послѣ-

Digitized by Google

дняго слова періода и подвигаясь слово за словомъ, снизу вверхъ, до самаго начальнаго рѣченія. Венгерцы и другія финскія поколѣнія удерживаютъ болѣе или менѣе и до-сей-поры въ своихъ языкахъ эту оборотную логику словъ, несмотря на сильное измѣненіе племенныхъ признаковъ черезъ примѣсь западной крови и на господство европейскихъ народовъ и европейскихъ языковъ надъ этими обезцвѣченными потомками монгольской семьи. Между-тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія, и физически, и даже корнесловно, что всѣ слова языковъ этой семьи происходятъ отъ тѣхъ же корней, отъ которыхъ произошли и наши собственныя слова. Покорнѣйше прошу всесравнивающее языкознаніе объяснить своими средствами, съ помощью даже всѣхъ возможныхъ корнесловныхъ и грамматическихъ натяжекъ, этотъ коренной расколъ въ понятіи объ естественности, этотъ капитальный феноменъ въ дарѣ слова.

Но процессъ этого превращенія совершенно простъ и понятенъ въ физической наукѣ о звукѣ, въ акустикѣ. Онъ какъ-нельзя лучше объясняется законами музыкальнаго звука, показывая намъ вмѣстѣ съ тѣмъ осязательно, что рѣчь человѣческая—музыка, а не грамматическая какая-нибудь поддѣлка или этимологическая игра въ санскритскіе корни. И на-оборотъ, музыка — та же рѣчь человѣческая, имѣющая свои глаголы, свои подлежащія и сказуемыя, свои падежи, наклоненія, прилагательныя, причастія, мѣстоименія, предлоги. Это неизбѣжно: иначе она не имѣла бы никакого смысла для нашего уха и мозга. Вотъ какъ

Digitized by Google

это происходитъ. Въ музыкальномъ звукѣ, въ каждомъ предложеніи или періодѣ этого звука—напримѣръ въ гаммѣ Do, Re, Mi, Fa, Sol, La, Si, do—существуютъ, по математическимъ законамъ вибрацій, два противоположные, но совершенно естественные порядка тоновъ, одинъ—прямой—Do, Re, Mi, Fa, Sol, La, Si, do, а другой обратный—do, Si, La, Sol, Fa, Mi, Re, Do. Можете играть гамму снизу вверхъ, или сверху внизъ; тоны слѣдуютъ одинъ за другимъ совершенно логически — ухо не поражается ни малѣйшимъ диссонансомъ—фраза совсѣмъ ясна и смыслъ для нашего ума рѣшительно тотъ же. Стало-быть, маленькое измѣненіе въ положеніи скулъ мгновенно оборачиваетъ нашу мысль и нашъ разумъ вверхъ-ногами: они начинаютъ дѣйствовать на-изнанку, съ другаго конца, но при заключеніи извѣстнаго, акустически послѣдовательнаго ряда тоновъ, доходятъ до одного и того же результата. Узкоглазый разъигрываетъ мысль свою на голосовомъ инструментѣ сверху внизъ; круглоглазый снизу вверхъ; и какъ этимъ *послѣдовательная гармонія* тоновъ или словъ не нарушается нисколько, то въ мозгу звучитъ ясная мелодія, и оба понимаютъ сказанное противоположно, но сказанное *разумно*, то есть гармонически, безъ диссонансовъ, которые мгновенно спутали бы математическую правильность и красоту распространяющихся отъ уха въ мозгъ звуковыхъ вибрацій и породили бы въ насъ чувство безсмыслицы.

Надо тутъ же напомнить, что въ акустикѣ, и въ приложеніи звука къ музыкѣ какъ членной такъ и безчленной, существуютъ два рода гармо-

Digitized by Google

ній, также противоположныхъ другъ другу, но какъ-нельзя болѣе законныхъ и правильныхъ; а именно, *гармонія послѣдовательная* и *гармонія одновременная*. Послѣдовательная гармонія—единственная, которой придерживались древніе Греки и донынѣ придерживаются всѣ восточные народы, смотритъ за тѣмъ, чтобы диссонирующія или безсмысленныя вибраціи, такъ непріятныя для уха и для разума, не встрѣчались между собою въ ряду звуковъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ предложеніи. Эта гармонія дѣйствуетъ главнѣйше полутонами, четвертями тоновъ, и еще меньшими дѣленіями звука, съ тѣмъ, чтобы удачнымъ введеніемъ ихъ въ данную гамму произвести болѣе выразительные или болѣе раздирающіе эффекты. При счастливомъ ритмѣ, эта гармонія страшно дѣйствуетъ на нервы и сотрясаетъ организмъ сильнѣе всякаго другаго музыкальнаго средства. Тѣ, которые за незнаніемъ другой гармоніи называютъ древнихъ Грековъ и нынѣшнихъ Восточныхъ невѣждами въ музыкѣ, лучше бы сдѣлали, если бы говорили о самихъ себѣ. Вторая гармонія, или гармонія одновременная, напротивъ, ищетъ сложить и сочетать вдругъ нѣсколько сродныхъ вибрацій, нѣсколько соотвѣтственныхъ тоновъ, безъ произведенія ощутительнаго диссонанса, чтобы такимъ образомъ измѣнить по желанію цвѣтъ или *масть звука*, и предложенію дать болѣе колорита. Наша новѣйшая музыка пристрастилась къ этой второй гармоніи и слѣдуетъ ей почти исключительно. Какъ эта гармонія производитъ болѣе шуму, чѣмъ послѣдовательная, и имѣетъ свои

Digitized by Google

эффекты, независимые отъ ритма, то ритмъ въ новѣйшей музыкѣ значительно сталъ ослабѣвать и вмѣстѣ съ его упадкомъ стала упадать сила музыки надъ нашимъ организмомъ, существенно ритмическимъ во всѣхъ своихъ частяхъ и отправленіяхъ. Древняя музыка была въ основаніи своемъ стихомъ, поэзіей, и потому не разставалась никогда съ стихотворною и поэтическою рѣчью. Нынѣшняя стала говорить прозой, думая многозвучіемъ и шумомъ замѣнить ритмъ, и отчасти, особенно въ Германіи, сдѣлалась прямою прозою—болѣе или менѣе замысловатой и остроумной—но въ то же время и примѣтно безсильной надъ массами. Въ природной игрѣ голосоваго инструмента это слаживается нѣсколько умнѣе, чѣмъ у нынѣшнихъ нашихъ Баховъ и Бетховеновъ. Здѣсь обѣ гармоніи соглашены и употреблены въ дѣло съ непостижимымъ искусствомъ. Для этого даны намъ двѣ пары вокальныхъ струнъ. Послѣдовательная гармонія занимается здѣсь расположеніемъ, въ словахъ, согласныхъ по своимъ особеннымъ правиламъ, тогда какъ гармонія одновременная, состоящая изъ сложныхъ вибрацій, предназначена измѣнять различно масть даннаго тона и этимъ различіемъ *тембровъ* производить въ одномъ и томъ же тонѣ, въ одной такъ-называемой гласной, эффектъ нѣсколькихъ тоновъ или гласныхъ. Очень положительными акустическими опытами и самымъ чистымъ разсчетомъ звуковой математики уже довольно давно показано, какъ это дѣлается. Но объ этомъ послѣ.

Въ образованіи языковъ участвуютъ еще осо-

Digitized by Google

бенные законы гаммъ, бывшихъ нѣкогда въ употребленіи въ церковномъ пѣніи, именно, гаммъ *автентичныхъ* и гаммъ *плагальныхъ*, которыя состоятъ въ перестановкѣ верхней кварты внизъ. Эти гаммы, какъ непослушныя прихотямъ одновременной гармоніи, оставлены и забыты нынѣшнею музыкою, но онѣ совершенно натуральны, заключаются въ существѣ музыкальнаго звука и знаніе особенностей, которыми онѣ отличаются, необходимо при математическомъ разборѣ образованія и устройства языковъ. Я только на нихъ указываю, не имѣя ни времени ни мѣста входить въ подробности, для многихъ совсѣмъ непонятныя. Объ нихъ и о двухъ гармоніяхъ, я говорю только по случаю одного чрезвычайно любопытнаго обстоятельства въ языкахъ узкоглазаго отдѣла. Мы видѣли, узкоглазье, съ маленькимъ зрачкомъ, едва примѣтивъ сквозь сближенныя вѣки и почти перепутавшіяся рѣсницы, заставляетъ человѣка думать и говорить верхъ-ногами, на изнанку—по-крайней-мѣрѣ, на изнанку въ сравненіи съ нами, круглоглазыми: почему знать! можетъ быть ихъ-то логика пряма и нормальна, а наша, напротивъ, обратна!... они гораздо многочисленнѣе насъ на землѣ; перевѣсъ вѣроятностей человѣческихъ на ихъ сторонѣ. Какъ бы то ни было, когда они думаютъ и говорятъ навыворотъ, то какъ чувство и названія десяти чиселъ поселены заранѣе въ человѣкѣ законами звука и гармоническимъ дѣленіемъ его тѣла, эти люди должны были бы по-видимому, и считать вспять, отъ десяти къ одному: 10, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1. Дѣло, кажется, невѣроятнымъ, и даже рѣ-

Digitized by Google

шительно невозможнымъ. А между-тѣмъ—оно несомнѣнный фактъ. И притомъ — фактъ простой, натуральный, какъ-нельзя болѣе согласный съ математическими законами звука. Что мѣшаетъ считать отъ десяти къ одному? Назовите только десять *одинъ*, девять *два*, восемь *три* и такъ далѣе вспять до одного, который наречете *десятью*, и вы будете считать обратно, а ощущать числа прямо. Въ самомъ дѣлѣ, если бы можно было все высказать вдругъ, мы увидали бы здѣсь же, взявъ на справки разные языки узкоглазаго отдѣла, что рѣшительно тѣ самые звуки, которые въ нашихъ круглоглазыхъ языкахъ выражаютъ 1, у нихъ выражаютъ 10, тогда какъ для означенія 9-ти, служатъ имъ наши звуки, означающіе 2, для означенія 8-ми — наши 3, для означенія 7-ми — наши 4, и такъ далѣе, по порядку, снизу вверхъ, до одного.

Позвольте маленькій и вовсе неутомительный примѣръ: un, on, eun, во французскомъ и другихъ ново-латинскихъ языкахъ значитъ *одинъ*, а въ турецкихъ *онъ* — десять. Deux во французскомъ *два* (въ южныхъ діалектахъ произносятъ *дéкзъ*), а въ турецкихъ *докзъ*, *докузъ* — девять. *Сегъ* въ персидскомъ, какъ-нельзя болѣе круглоглазомъ, значитъ *три*, а sex въ латинскомъ—дважды три или шесть, что впрочемъ совершенно одно и то же, потому что въ музыкальномъ дѣленіи струны на десять частей, при производствѣ гармоническихъ звуковъ, шестое дѣленіе даетъ октаву третьяго дѣленія, Sol—sol: этому *сегъ* или *секзъ* отвѣтствуетъ въ турецкомъ языкѣ *секзъ*, *секизъ*, которое значитъ восемь. *Четыре* въ славянскихъ языкахъ

Digitized by Google

значатъ четыре; въ турецкихъ же *четы*, *дженди*, семь, и прочая, и прочая, до числа *три*, которое составляетъ октаву съ числомъ десять или осьмой тонъ считая вверхъ отъ *десяти*. Октава звука *унъ*, одинъ, во французскомъ языкѣ есть звукъ *юитъ* (huit), восемь, особенное интонаціонное измѣненіе латинскаго octo и италіянскаго otto, и въ турецкомъ языкѣ же октавою звука *онъ*, десять, считая назадъ, является звукъ *юитсь*, *юитшъ*, который очень правильно по этой методѣ означаетъ тамъ три. Какимъ образомъ французскій языкъ, передѣлываясь за Альпами изъ латинскаго, совпалъ такъ разительно въ новомъ своемъ произношеніи со словами древнѣйшаго языка за-алтайскаго, соотвѣтственными имъ по гаммамъ и по гармоніямъ? Я думаю, что Индо-европейцы не объяснятъ этого чуда цѣлой кладовой своей санскритскихъ корней. А между-тѣмъ, по физическимъ законамъ звука, оно такъ должно быть непремѣнно, какъ скоро торчащія скулы заставляютъ принимать за начало то, что̀ плоскія скулы называютъ концомъ. Но необходимо замѣтить, что хотя струна, какъ инструментальная такъ и вокальная, дѣлится на десять частей и даетъ намъ безсознательное чувство десяти чиселъ, однако гамма и послѣдовательная гармонія состоятъ только изъ восьми тоновъ. Оттого и человѣкъ голосомъ считаетъ только отъ одного до восьми, или обратно отъ десяти до трехъ, то есть, одну полную октаву; а тамъ опять начинаетъ считать *одинъ*, *два*, или *два*, *одинъ*, какъ будто-бы начиналъ новую октаву. Въ-самомъ-дѣлѣ въ латинскомъ языкѣ

Digitized by Google

novem (девять) ясно выражаетъ novum unum (*новый одинъ*); въ германскомъ neun (девять), neu ein (тоже новый одинъ) и прочая. Можно еще присовокупить, что въ германскихъ языкахъ послѣ восьми, новый счетъ идетъ, не до десяти только, какъ въ другихъ языкахъ одного съ ними происхожденія, а до двѣнадцати—neun, zehn (ten), elf (eleven), zwelf (twelve) и только съ тринадцати начинается повтореніе: dreizehn, vierzehn и прочая. Германскіе языки слѣдуютъ въ этомъ случаѣ правиламъ старинныхъ гаммъ автентичныхъ и плагальныхъ.

По моему убѣжденію, подробное изслѣдованіе естественнаго закона образованія названій чиселъ въ одномъ какомъ-нибудь языкѣ или, что̀ гораздо легче, въ нѣсколькихъ языкахъ племенъ круглоглазаго и узкоглазаго, изслѣдованіе, основанное на акустическихъ данныхъ, и на математическомъ разсчетѣ вибрацій, подвинуло бы вдругъ философію дара слова гораздо дальше, чѣмъ сотни и тысячи самыхъ остроумныхъ разсужденій о санскритскомъ языкѣ и самыхъ милыхъ сравнительныхъ грамматикъ. Одного этого вопроса достаточно для наполненія цѣлой трудолюбивой жизни и для стяжанія прочной славы; и съ него слѣдовало бы начать непремѣнно, потому-что ни одна часть человѣческой рѣчи не являетъ такихъ разительныхъ соотношеній съ основными правилами музыкальнаго звука, какъ система численныхъ наименованій. Какимъ образомъ звукъ elf, eleven, можетъ въ германскихъ языкахъ означать *одиннадцать*, въ арабскихъ *тысячу*, а въ турецкихъ *пятьдесятъ*? Отчего *вант* въ англійскомъ значитъ

Digitized by Google

одинъ, а въ китайскомъ *десять тысячъ*, тогда какъ у насъ *десять тысячъ* выражается словомъ *тма*, которое въ арабскихъ языкахъ означаетъ только *восемь?* Все это крайне любопытно и, покамѣстъ, очень не ясно. А между-тѣмъ все это можетъ быть раскрыто и вычислено съ алгебраическою достовѣрностью, потому что относится къ числамъ, а на числахъ основаны звуковыя вибраціи и всякая гармонія звуковъ. Заранѣе можно предвидѣть, что тутъ участвуетъ безсознательное чувство числа вибрацій, которое, какъ извѣстно. въ высокихъ тонахъ простирается далеко за десять тысячъ. Но чтобы рѣшить это положительнымъ образомъ, надо прежде всего открыть, помощью очень тонкихъ опытовъ, сколько сотень и тысячъ вибрацій нужно для произведенія каждаго тона, каждой такъ-называемой гласной, и какъ эти вибраціи распредѣляются въ данныхъ случаяхъ между разными сингармоническими серіями ударовъ, или согласныхъ. Послѣ долгихъ и очень серіозныхъ трудовъ я считаю себя только въ состояніи указать на мѣсто, гдѣ лежитъ глубоко зарытымъ секретъ развитія языковъ. Можно представить убѣдительныя доказательства, что онъ лежитъ именно въ этомъ мѣстѣ, но было бы слишкомъ неосторожно выдавать теперь личныя свои заключенія объ его таинственныхъ подробностяхъ, за данныя, которыя могутъ уже служить основаніемъ при опытномъ разборѣ предмета.

Въ подтвержденіе однопородности всѣхъ человѣческихъ племенъ, признаюсь, я не привелъ капитальнаго доказательства, которое опытной нау-

Digitized by Google

кѣ стоило и трудовъ и денегъ болѣе чѣмъ всѣ прочіе доводы. Но я умолчалъ съ намѣреніемъ о законахъ смѣшенія породъ и о предѣлахъ, опредѣленныхъ природою помѣсямъ для сохраненія неприкосновенными основныхъ типовъ огранизма, законахъ и предѣлахъ, приведенныхъ нынче въ положительную ясность. Во-первыхъ, эти разъисканія уже изложены въ разныхъ русскихъ изданіяхъ; во-вторыхъ, въ числѣ тѣхъ, которые захотятъ заглянуть благосклонно въ содержаніе многоскучнаго предлежащаго разсужденія, могутъ случиться прекрасныя читательницы, которымъ вовсе нелюбопытно знать то, какимъ образомъ помѣси составляются, плодятся и гибнутъ.

Я полагаю, что со времени Кювіе достаточно извѣстенъ всѣмъ тотъ примѣчательный выводъ геологіи и сравнительной анатоміи, что эпоха большаго наводненія нынѣшнихъ материковъ или всеобщаго потопа, и существованіе рода человѣческаго на землѣ, не могутъ простираться далѣе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ назадъ. Этотъ великій умъ, по вычисленіямъ, которыя казались ему самыми правдоподобными, полагалъ крайнимъ предѣломъ древности нашего рода шесть тысячъ лѣтъ. Кювіе, чтобы не очень стѣснять тогдашнія ученыя понятія, считалъ широко. Я думаю, что въ настоящее время, при благоразумномъ ученіи о непримѣтномъ, но постоянномъ дѣйствіи «вѣчныхъ причинъ», опытная наука совершенно расположена уменьшить этотъ срокъ до пяти тысячъ или до пяти тысячъ ста пятидесяти лѣтъ, согласно преданіямъ, тѣмъ болѣе, что и другія отрасли

Digitized by Google

знанія также начинаютъ находить это число лѣтъ даже болѣе чѣмъ достаточнымъ. Сравнительная статистика, между-прочимъ, открыла приблизительные законы постояннаго умноженія рода человѣческаго на землѣ, которое нынче не подлежитъ никакому сомнѣнію. Примѣры Россіи, Англіи, Австріи, Швеціи, Германіи, Франціи, Италіи и особенно примѣръ Китая, осязательно показываютъ, что населеніе планеты безпрерывно умножается. Я не считаю нужнымъ возобновлять длинные разсчеты, которые столько разъ были приводимы и въ «Биб. д. Чт.» и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ. Мы можемъ ограничиться простымъ напоминаніемъ объ общеизвѣстномъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ наращеніе племенъ представляетъ два съ половиною, два, одинъ и полпроцента въ годъ, въ другихъ не превосходитъ оно четверти и даже восьмушки процента, но какъ годы неравны, и какъ съ 1700-го года по 1842-й и 45-й въ тѣхъ мѣстностяхъ, о которыхъ могутъ быть собраны численныя данныя, населеніе рѣшительно удвоилось, несмотря на войны, повальныя болѣзни и продолжительныя страданія отъ политическихъ причинъ, то нѣкоторые полагаютъ, что населеніе главныхъ странъ земнаго шара, въ средней сложности, постоянно умножается *полу-процентомъ*. Полу - процентное наращеніе требуетъ *ста сорока четырехъ лѣтъ* для удвоенія капитала. Приложимъ это полупроцентное правило къ вычисленію абсолютной древности человѣка на землѣ.

Но вотъ главные выводы всеобщей статистики, о которыхъ не мѣшаетъ сперва напомнить, для

Digitized by Google

большей ясности этого разсужденія, хотя они и извѣстны нынче всякому образованому человѣку. Жителей ва всей землѣ 1,000,000,000, или 5000,000,000, паръ, потому-что въ общей сложности число мужчинъ равно числу женщинъ. Среднимъ числомъ человѣкъ живетъ тридцать три года или, правильнѣе сказать, изъ трицати трехъ человѣкъ умираетъ ежегодно 1, то есть, изъ 100 человѣкъ 3, изъ 1,000 человѣкъ 30; слѣдовательно, изъ 1,000,000,000 ежегодно умираетъ 30,000,000. Какъ въ году считается 31,168,750 секундъ, то можно сказать, что почти каждую секунду умираетъ по одному человѣку. Собственно въ минуту умираетъ 58 человѣкъ, въ часъ 3,480, въ сутки 83,333, въ мѣсяцъ 2,500,000. Самая бо́льшая смертность, какая донынѣ извѣстна, 1 изъ 14; самая меньшая 1 изъ 46. Противъ 4-хъ умирающихъ рождается 5 новыхъ существъ: покрайней-мѣрѣ въ Европѣ, въ Сѣверной Америкѣ и въ Китаѣ, которыхъ населеніе составляетъ почти двѣ трети всего населенія планеты, эта пропорція дознана положительно. Переписи этихъ странъ показываютъ, что, тогда какъ умираетъ ежегодно 1 изъ 33, родится 1 изъ 26, что̀ составляетъ примѣтный перевѣсъ жизни надъ смертью. Статистики земледѣльческихъ государствъ съ своей стороны показываютъ, что въ хорошіе годы земля также родитъ 5 зеренъ разнаго хлѣба противъ 4 зеренъ, нужныхъ на пропитаніе наличнаго народонаселенія, такъ-что средства продовольствія постепенно наростающаго числа жителей всегда готовы. Изъ новородившагося поколѣнія къ девяти - лѣтнему

Digitized by Google

возрасту умираетъ треть, или 33 изо 100, а къ двадцати - первому году жизни половина, или 50 изо 100. Изъ 1,000 одинъ человѣкъ доживаетъ до ста лѣтъ, 6 до восьмидесяти, 60 до шестидесяти пяти. Изъ 1,000 паръ 150 паръ живутъ въ брачномъ состояніи, а 250 по возрасту своему способны къ браку, 500 паръ нуходятся еще въ несовершеннолѣтіи, остальныя же 250—въ старости. Эпидеміи и войны не останавливаютъ нисколько безпрерывнаго умноженія числа жителей на землѣ. Новости изъ календаря — не большія новости, потому-что онѣ у всякаго въ карманѣ, но какъ немногіе разматриваютъ со вниманіемъ статистическія таблицы, помѣщаемыя въ этихъ книжкахъ, то я пріемлю смѣлость указать на примѣчательный фактъ, явствующій изъ санкпетербургскаго мѣсяцеслова на 1854-й годъ. Въ истекшее десятилѣтіе, отъ 1841 до 1851 года, въ первыя пять лѣтъ, то есть въ годы здоровые, безхолерные, рождалось ежегодно въ Россіи по 2,590,000 человѣкъ и умирало по 1,909,000 (по 1 изъ 33-хъ). Въ страшный холерный годъ, 1848-й, умерло 3,130,000, но зато и родилось, не въ примѣръ здоровымъ годамъ, 2,840,000, въ слѣдующемъ году почти столько же, а въ 1850-мъ число новорожденныхъ перешло за 2,845,000, такъ что втеченіи пяти лѣтъ экстренная холерная убыль, простиравшаяся до милліона ста пятидесяти тысячъ, почти совершенно вознаградилась. Въ первое пяти-лѣтіе, съ 1841 по 1846—

Digitized by Google

	Средній годъ.
Всего родилось въ Россіи 12,952,500	2,509,500
« умерло..... 9,504,500	1,909,000

Перевѣсъ родившихся: 3,448,000

Во второе пяти-лѣтіе съ 1847 по 1851 —

	Средній годъ.
Родилось..... 13,675,000	2,733,000
Умерло..... 11,495,500	2,299,100

Перевѣсъ родившихся: 2,177,500.

Всего, въ десять лѣтъ, родилось 26,627,500, умерло же 21,000,000, такъ-что общій перевѣсъ новорожденныхъ, несмотря на жестокую эпидемію, достигъ 5,627,500 человѣкъ, или среднимъ числомъ 562,750 въ годъ, что̀, при итогѣ народонаселенія въ 56,000,000, къ которому эти числа относятся, представляетъ въ сложныхъ наращеніяхъ не съ большимъ $^3/_4$ процента, или удвоеніе капитала въ 96 лѣтъ. Въ 1954 году нынѣшняя Россія будетъ содержать въ себѣ до 120,000,000 душъ. Многіе, въ наукѣ и въ свѣтѣ, разсуждаютъ такъ, какъ - будто земля имѣла и будетъ имѣть всегда одинаковое населеніе, полагая, что рожденія только пополняютъ убыль, происходящую отъ смертности. Нѣкоторые даже позволяютъ себѣ утверждать, что нѣкогда земля была многолюднѣе нынѣшняго. Эта послѣдняя мечта не заслуживаетъ никакого вниманія. Но если бы раждающіеся только замѣщали собою умирающихъ, то, какъ со времени учрежденія правильныхъ переписей въ Европѣ и въ Китаѣ населеніе постоянно и несомнѣнно умножается, въ другихъ частяхъ свѣта сравнительно неважныхъ въ отношеніи къ числу людей

Digitized by Google

оно бы должно уменьшаться быстро и очень примѣтно. А этого нигдѣ не видно. Уменьшается, говорятъ красная порода американскихъ дикарей, но вся она не превышаетъ четырехъ или пяти милліоновъ и уменьшеніе ея—оно справедливо, если оно не превращеніе—не можетъ составить никакой разницы въ общемъ итогѣ. Въ Европѣ одна лишь Ирландія претерпѣла убыль въ числѣ жителей, и то въ послѣднее десяти-лѣтіе. До того времени это число постоянно умножалось и въ Ирландіи. До-сихъ-поръ замѣчена только одна причина, могущая уменьшить народонаселеніе какой-нибудь области: это — частныя переселенія въ другія земли.

Нынѣшнее населеніе планеты, которое полагаютъ въ тысячу милліоновъ душъ, раздѣляется слѣдующимъ образомъ:

Азія: владѣнія Россіи.....	8,000,000
« Англіи.....	140,000,000
« Китая.....	360,000,000
« Турціи.....	25,000,000
Персія.....	25,000,000
Бирманія, Сіямъ, Пегу, Японія.	100,000,000
Разныя мелкія владѣнія по Сыру, Аму и на югѣ Индіи.....	12,000,000
Итого въ Азіи.	670,000,000
Европа.....	230,000,000
Африка, Америка и разн. острова	100,000,000
Всего.....	1,000,000,000

Такимъ образомъ Европа съ Азіей представляютъ девять-десятыхъ всего населенія планеты,

Digitized by Google

а Европа почти треть населенія Азіи. Узкоглазую породу въ разныхъ частяхъ свѣта можно полагать въ пять сотъ пятьдесять милліоновъ душъ, а круглоглазую въ четыре ста пятьдесятъ.

Принимая въ основаніе разсчета постоянное полупроцентное наращеніе, мы найдемъ, что если въ 1854-мъ году, родъ человѣческій состоитъ изъ 1,000,000,000 душъ, то въ 1854-мъ году до Рождества Христова неизбѣжно должно было состоять только изъ 18 душъ, а въ 2304-мъ году на землѣ было только *одно семейство*, одна пара людей, мужчина и женщина съ маленькими дѣтьми. Но этотъ разсчетъ надо разсмотрѣть въ подробности.

Если во второй трети девятнадцатаго вѣка общее число простирается до 1,000,000,000, то въ первой трети восемьнадцатаго, а именно:

Въ 1728 г.	было	на	всей	землѣ	500,000,000	жит.
1584	«	«	«	«	250,000,000	«
1440	«	«	«	«	125,000,000	«
1296	«	«	«	«	62,000,000	«
1152	«	«	«	«	30,000,000	«
1008	«	«	«	«	16,000,000	«
864	«	«	«	«	8,000,000	«
720	«	«	«	«	4,000,000	«
576	«	«	«	«	2,000,000	«
432	«	«	«	«	1,000,000	«
288	«	«	«	«	500,000	«
144	«	«	«	«	250,000	«
100	«	«	«	«	125,000	«
144	«	«	«	«	62,000	«
288	«	«	«	«	31,000	«

Digitized by Google

Въ	482	г.	было	на	всей	землѣ	16,000 жит.
	576	«	«	«	«	«	8,000 «
	720	«	«	«	«	«	4,000 «
	864	«	«	«	«	«	2,000 «
	1008	«	«	«	«	«	1,000 «
	1152	«	«	«	«	«	500 «
	1296	«	«	«	«	«	250 «
	1440	«	«	«	«	«	125 «
	1584	«	«	«	«	«	62 «
	1728	«	«	«	«	«	31 «
	1872	«	«	«	«	«	16 «
	2016	«	«	«	«	«	8 «
	2166	«	«	«	«	«	4 «
	2304	«	«	«	«	«	2 «

Но по этой постепенности постояннаго и правильнаго наращенія рода нашего полу - процентнымъ количествомъ выходило бы, что около Рождества Христова, въ великую эпоху Августа Цезаря, на всемъ земномъ шарѣ было только *сто двадцать пять тысячъ* жителей, а въ 1600-мъ году, при Моисеѣ, не болѣе *ста пятидесяти* человѣкъ. Это—явная несообразность. Слѣдовательно, правило постояннаго и правильнаго наращенія сложнымъ полу-процентомъ не можетъ быть допущено. Оно важно только въ конечномъ своемъ результатѣ, то есть, оно показываетъ неопровержимо, что при весьма умѣренномъ наращеніи, но наращеніи не мечтательномъ, а бываломъ, достовѣрно возможномъ, которому видимъ мы вокругъ себя неоспоримые примѣры, четырехъ тысячъ лѣтъ было бы совершенно достаточно, чтобы отъ одной пары людей родъ человѣческій размножился до тысячи

Digitized by Google

милліоновъ душъ, и что, начнись этотъ родъ только двумя или тремя тысячами лѣтъ ранѣе, теперь на землѣ было бы жителей, не тысяча милліоновъ, а *сотни тысячъ милліоновъ* душъ. Противъ этой ариѳметической истины не можетъ быть возраженія. Но постепенность развитія рода совсѣмъ не та, которую дастъ правило сложныхъ полупроцентовъ. Родъ нашъ явственно размножался въ другомъ порядкѣ. Порядокъ этотъ можно отъискать. Надо призвать на помощь естественную исторію человѣка и другихъ органическихъ существъ.

Всѣ органическія породы, поставленныя въ благопріятныя для жизни обстоятельства размножаются сначала съ неимовѣрною быстротою; достигнувъ въ нѣсколько поколѣній огромнаго итога, онѣ продолжаютъ нарастать, но все меньше и меньше относительно къ количеству, и все слабѣе по качествамъ. Въ природѣ, какъ-будто заранѣе опредѣлена для каждаго типа извѣстная масса жизненнаго начала, которое носится въ воздухѣ, бродитъ въ лучахъ свѣта, и только ждетъ появленія породы, чтобы мгновенно возвеличить ее на лицѣ планеты, насытить жизнію, упоить счастіемъ видѣть солнце, двигаться и существовать. Когда порода достигнетъ такимъ образомъ высшей точки своей многочисленности и своего благоденствія, когда она, неумѣреннымъ поглощеніемъ изготовленной для нея жизненной силы, исчерпаетъ ее до извѣстной степени, умноженіе, духъ и крѣпость разомъ понижаются. Какъ будто въ давкѣ вдругъ возникшихъ лицъ, одно лицо заслоняетъ солнце другому, набрасываетъ на него сырую тѣнь свою

Digitized by Google

отнимаетъ воздухъ и не даетъ груди свободно биться. Начинаются болѣзни, недуги, эпидеміи. Смертность быстро усиливается. Порода однако не уменьшается, если она не враждебна или не потребительна для другой сосѣдней породы, которая сильнѣе ея или всѣхъ прочихъ породъ, напротивъ, постоянное пріумноженіе неизбѣжно; иначе она бы такъ же скоро исчезла какъ расплодилась. Но пропорція пріумноженія уже далеко не та. Сначала двухъ - трехъ поколѣній было достаточно для удвоенія капитала; потомъ нужно уже пять или шесть, а тамъ девять, двѣнадцать и пятнадцать. Другими словами, процентный ростъ породы, при равныхъ промежуткахъ времени, постепенно понижается. Множество наблюденій подтверждаютъ эту физіологическую истину.

Извѣстно, какъ быстро и какъ невѣроятно размножились на раздольной американской землѣ быки и лошади, бѣжавшіе въ степи изъ поселеній, основанныхъ Европейцами, несмотря на бездну тигровъ, волковъ, медвѣдей, змѣй, которыми они были окружены. Эти двѣ породы производятъ въ одинъ годъ по одному только новому существу, подобно человѣку. Но теперь онѣ увеличиваются числомъ лицъ почти неприметно. Нельзя, для объясненія этого факта, ссылаться на приближеніе къ нимъ человѣка; потому - что его присутствіе удалило хищныхъ звѣрей, которые истребляли степныхъ быковъ и лошадей гораздо болѣе чѣмъ человѣкъ. Если бы породамъ домашнихъ животныхъ выгоднѣе было жить на свободѣ, не отдали бы они себя подъ покровительство человѣка и при-

Digitized by Google

рода не надѣлила бы ихъ качествами, нужными для смирнаго и послушнаго быта. Нельзя также объяснить столь же ложною сколько знаменитою теоремою Мальтуса — будто населеніе соразмѣряется съ мѣстными средствами къ продовольствію. Для нѣкоторыхъ многохитрыхъ и живучихъ породъ средства къ пропитанію не имѣютъ предѣла; по-крайней-мѣрѣ мы еще не знаемъ, гдѣ они. Китай давно сталъ весь почти однимъ селеніемъ; области ето похожи болѣе на предмѣстья городовъ, чѣмъ на сельскія поля или земледѣльческіе уѣзды. Соразмѣрно съ нашими европейскими пространствами, о которыхъ думалъ Мальтусъ, средства къ продовольствію давно истощены въ Китаѣ; однакожъ населеніе не перестаетъ умножаться, и очень сильно. Степные американскіе быки и лошади не съѣдаютъ и сотой доли жирныхъ и сочныхъ травъ, которыми покрыты тамошнія непочатыя prairies: а между-тѣмъ породы ихъ значительно отстали отъ прежней пропорціи своего размноженія.

Въ растительномъ царствѣ мы видимъ то же самое явленіе. Деревья, кустарники, однолѣтнія растенія, перенесенные на новую почву, въ самое короткое время охватываютъ огромныя пространства подъ свою породу, но размножась до извѣстнаго итога, становятся какъ-будто утомлены жизнью и счастіемъ. Въ одно столѣтіе, изъ нѣсколькихъ зеренъ лѣсъ расширяется на тысячи и десятки тысячъ десятинъ земли, которой человѣкъ для себя не требуетъ. Но послѣ первой эпохи поспѣшнаго усиленнаго преуспѣванія, расширеніе добровольно начинаетъ замедляться; листо-

Digitized by Google

родное юношество и малютки - отпрыски чахнутъ въ тѣни сильнаго и блестящаго растительнаго общества; взрослыя большею частью деревья хилѣютъ въ чащѣ, которая наполнится множествомъ другихъ организмовъ, дышащихъ насчетъ господствующей породы; болѣзни развиваются въ густой толпѣ разнородныхъ жизней и быстро перепрыгиваютъ съ вѣтки на вѣтку. На опушкѣ лѣсъ могъ бы, кажется, рости и расширяться съ прежнею силою: опушка свободна; крайняя полоса наводнена всѣми богатствами свѣта, теплоты и воздуха; почва отлично хороша—та же что̀ и подъ чащею, однако лѣсъ почти не двигается впередъ.

Лѣсъ трудно подвигается, не по скудости продовольствія, а потому,-что жить трудно—толкотня—стѣсненіе—страданія—организмъ ослабъ. Что̀ дѣлаетъ тогда лѣсъ, чтобы, на пользу всей своей породы, обновить въ себѣ силы жизни и плодовитости? Онъ посылаетъ отъ себя колоніи въ мѣста незанятыя и пустыя. Въ двухъ - трехъ сотняхъ саженъ отъ опушки, черезъ поляну, появляется нѣсколько деревьевъ изъ зеренъ, занесенныхъ вѣтромъ или птицею, и вокругъ этой купы деревъ, этого переселеннаго семейства, быстро и сильно разрастается новый лѣсъ, новый растительный народъ того же племени, который также остановится на точкѣ высшаго своего развитія и пошлетъ отъ себя новыя поселенія. Оттого не только наши лѣса, но и непочатыя лѣсныя области, состоятъ изъ безпрерывнаго ряда полянъ и чащъ.

Совершенно то же самое видимъ мы и въ породѣ человѣческой, и это иначе быть не можетъ,

Digitized by Google

потому-что и она—органическая порода, а законъ природы—одинъ для всей массы жизни, отпущенной планетѣ. Растенія, насѣкомыя, рыбы, птицы, четвероногія и четверо-рукія животныя, и человѣкъ такъ же, размножаются сначала съ необычайною дѣятельностью — потомъ посылаютъ отъ себя поселенія, которыя также быстро восходятъ до высшей точки своей числительности — тѣ въ свою очередь отправляютъ поселенія далѣе — и всѣ такъ распространяютъ свою породу и такъ живутъ племенами и породами. Это уже давно извѣстно естественной исторіи, хотя, кажется, и неизвѣстно индо-европейскимъ историкамъ, которые донынѣ выписываютъ себѣ Нѣмцевъ, Славянъ, Кельтовъ и Чухонъ (Литовцы тожъ) изъ Индіи, тогда-какъ, поучившись немножко законамъ природы, могли бы вырастить ихъ себѣ на мѣстѣ, безъ всякихъ издержекъ языкознательнаго воображенія. Птица мгновенно различаетъ по голосу и по виду птицу другой области. Каждый орнитологъ скажетъ индо-европейскимъ распорядителямъ рода человѣческаго, что воробьи знаютъ свою родину, любятъ ее и защищаютъ отъ посягательства чужестранныхъ воробьевъ; что если бы напримѣръ англійскіе или французскіе воробьи вздумали вдругъ полетѣть на поля Россіи, то всѣ русскіе воробьи дружно ополчатся, прибьютъ ихъ и уничтожатъ.

Есть птицы, рыбы, насѣкомыя и четвероногія—кочующія, какъ есть и человѣческія кочующія поколѣнія. Но это — исключеніе. Кочевая жизнь рождается изъ осѣдлой, но не обратно. Естествен-

Digitized by Google

ное, коренное состояніе человѣка — осѣдлость и образованность, и предположенія о первобытномъ пастушескомъ бытѣ рода человѣческаго — такая небылица, какой нѣтъ подобной во всѣхъ философіяхъ. Это все равно, что предполагать себѣ, умозрѣнія ради, что муравьи и пчелы вели первоначально жизнь странствующую и одинокую и потомъ уже соединились въ рабочія и благоустроенныя общества. Сверхъ-того, кочевать можно только тамъ, гдѣ — можно кочевать, и гдѣ болѣе нечего дѣлать; гдѣ, по недостатку въ водѣ, нельзя жить селеніями и разводить зерновыя растенія. Природа заранѣе приготовила такія мѣста въ разныхъ точкахъ земнаго шара, зная, что въ родѣ человѣческомъ, при развитіи образованности, найдутся и такіе люди, такіе умы и характеры, которыхъ некуда будетъ дѣвать, развѣ только увести ихъ въ степь и сдѣлать изъ нихъ пастуховъ и хищниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что иногда кочевыя общества возникали изъ религіозныхъ несогласій въ городахъ и несправедливости судебной власти: преслѣдуемые и обиженные искали убѣжища въ пустынѣ. Но наибольшая часть кочевыхъ поколѣній происходитъ отъ преступниковъ и бунтовщиковъ, бѣжавшихъ въ безлюдныя мѣста. Это можно подкрѣпить историческими примѣрами. Доказательство той истины, что кочевому состоянію предшествовало другое, болѣе образованное состояніе, заключается въ томъ фактѣ, что кочевой народъ можетъ существовать только по сосѣдству съ земледѣльческимъ и торговымъ, у котораго на свой скотъ онъ долженъ вымѣнивать муку и одеж-

Digitized by Google

ду: а не то онъ погибнетъ. Безъ мучной пищи племя будетъ слабо и скоро переведется. Такъ же возникаютъ звѣроловныя и рыболовныя поколѣнія. Но гдѣ по близости нѣтъ земледѣльцевъ, они пропадаютъ.

Человѣкъ родился земледѣльцемъ, садовникомъ, ремесленникомъ, торгашомъ: это — положительно; вся организація его къ тому направлена. Даръ слова дарованъ ему, явственно, для того, чтобы на землѣ, еще наполненной хищными звѣрями, родъ его, поспѣшно размножаясь, съ самаго начала держался весь, по возможности, въ одномъ мѣстѣ, въ большихъ купахъ, какъ въ муравейникахъ, изъ которыхъ главныя могли бы тотчасъ сдѣлаться городами и принять подъ свое покровительство первыя селенія *; чтобы открытія и изобрѣтенія шли быстро, и сообщались немедленно всему обществу; чтобы разсужденіе, главное оружіе человѣка, развивалось какъ-можно скорѣе; чтобы жизнь, физическая и умственная, могла кипѣть дѣятельностью, одушевленіемъ, восторгомъ, среди

---

* Отсюда начало тѣхъ частыхъ владѣтельныхъ городовъ, монархическихъ и демократическихъ, которыми были покрыты Азія и Европа въ извѣстныя намъ эпохи Ветхости и Древности, и которыми ясно доказывается очень недавнее появленіе новаго или послѣ-потопнаго человѣка. Древняя Ниневія и ветхій Вавилонъ были также владѣтельные города. Повсюду господствовала городская политика, и первыя царства образовались изъ знатнѣйшихъ воинственныхъ городовъ. Римъ былъ послѣднимъ владѣтельнымъ и воинственнымъ городомъ, но городская политика продолжалась еще и послѣ Августа Цезаря.

Digitized by Google

новости идей, выдумокъ и неожиданныхъ находокъ; чтобы понятія религіозныя и нравственныя, великая пружина всякаго порядка и счастія, тотчасъ утвердились и спасли родъ отъ погибели; коротко сказать, чтобы человѣкъ тѣмъ же и началъ, къ чему нарочно создало его Провидѣніе — образованнымъ бытомъ. И чтобы человѣкъ не ломалъ себѣ головы надъ изобрѣтеніемъ словъ, чтобы каждый не называлъ вещей по-своему, чтобы люди съ самаго начала не попали подъ власть грамматиковъ, которые еще хуже запутали бы дѣло своими теоріями и судьбу образованности, принесли бы въ жертву глаголамъ, причастіямъ, и корнямъ, Провидѣніе вселило въ него, вмѣстѣ съ удивительнымъ голосовымъ инструментомъ, и отлично устроенную рѣчь, съ полною грамматикою, съ падежами, склоненіями, со всѣми видами и окончаніями слова: стоило только раскрыть ротъ, и языкъ былъ готовъ. Языкъ не могъ ждать постепеннаго и медленнаго устройства—комитетовъ для обдуманія и рѣшенія того, какъ должно въ такомъ-то случаѣ шевелить губами и говорить — а то бы онъ никогда не устроился. Логика въ головѣ была готова: слѣдовательно и языкъ былъ уже готовъ въ механикѣ инструмента и въ общихъ законахъ звука, потому-что языкъ—звучащая логика, ничего болѣе, и первое произведеніе языка — городъ, религія, нравственность и образованность. Языки созданы для городовъ, источниковъ образованности, и въ городахъ образуются. Это давно высказано прекраснымъ преданіемъ о Столпотвореніи.

Digitized by Google

Кому по организаціи образованность не нужна, тому и не велѣно природою говорить понапрасну, хотя иногда и велѣно сидѣть купами и работать дружно. Муравьи, пчелы, красивые звѣрьки, которыхъ мы зовемъ шеншиллою, живутъ селеніями и улусами, трудятся и молчатъ, съ великою пользою для своихъ племенъ и обществъ. Согласитесь что въ кочевомъ и земледѣльческомъ быту можно бы превосходно обойтись безъ языка: признательно сказать — не объ чемъ говорить. Векши, рѣчные бобры и разныя насѣкомыя хозяйничаютъ отмѣнно безъ сравнительнаго языкознанія. Обезьяны и муравьи воюютъ, хищничаютъ, берутъ плѣнныхъ, имѣютъ невольниковъ, ставятъ караулы, наказываютъ оплошныхъ, ссылаютъ виновныхъ въ изгнаніе и караютъ смертью — даже держатъ и доятъ своихъ коровъ — все безъ языка. Одинъ ученый естествоиспытатель разсказывалъ мнѣ личныя свои наблюденія надъ нравами американскихъ муравьевъ: двѣ породы муравьиныя, одна крупная и тяжелая, а другая мелкая и проворная, строятъ всегда муравейники свои по сосѣдству. Каждое утро крупные муравьи подходятъ стройнымъ маршемъ къ поселенію мелкихъ и ожидаютъ. Спустя нѣсколько минутъ выходитъ рота мелкихъ муравьевъ, и оба отряда отправляются вмѣстѣ на промыселъ. Крупные муравьи плохо взлѣзаютъ на прямыя и высокія пальмы-сагу, между-тѣмъ какъ маленькіе бѣгаютъ по этимъ стволамъ какъ по полу. Крупные остаются подъ деревомъ, тогда какъ мелкіе взбираются до верхушки, гдѣ они ловко подстригаютъ листочки и зернышки, кото-

Digitized by Google

рые валятся наземь. Когда работа кончена, мелкіе сходятъ съ дерева; крупные муравьи, силачи, взваливаютъ на плеча себѣ утреннюю жатву, и оба отряда возвращаются въ свои муравейники. Проходя мимо муравейника мелкихъ, крупные отдаютъ имъ половину ноши, за работу. Все это дѣлается безъ предварительныхъ договоровъ и безъ разсужденій.

Изъ этого можно видѣть, что даръ слова данъ человѣку, не «для того, чтобы, какъ говорятъ грамматики, излагать свои мысли», которыя часто не стоятъ изложенія, а для гораздо высшихъ и полезнѣйшихъ цѣлей: для сохраненія и передачи истинъ религіи — и это главное — для развитія нравственныхъ понятій, для скорѣйшаго учрежденія гражданственности, порядка, искусства и науки въ новорожденномъ и быстро умножающемся обществѣ. Это и называется на свѣтѣ «образованностью». Не будь этой цѣли — особенно, религіи и нравственности — языки не нужны человѣчеству. А кочевые и подавно могли бы пасти верблюдовъ и доить козъ безъ филологіи.

Нѣтъ! мы положительно не происходимъ отъ кочевыхъ скотопасовъ, и дикое или полу-дикое состояніе несвойственно нашему роду. Оно можетъ существовать только какъ истеченіе и исчадіе образованнаго состоянія. Аристотель, который такъ остроумно классифировалъ человѣческія натуры, имѣлъ бы полное право утверждать, что въ человѣкѣ есть двѣ различныя и несогласимыя натуры — кочевая и осѣдлая. У кочевыхъ дѣйствительно — особенная натура, которой ни со-

Digitized by Google

гнуть ни поворотить нельзя. Меньше разницы между чернымъ и бѣлымъ человѣкомъ, чѣмъ между кочевымъ и осѣдлымъ. Замѣтьте одно: арабскіе бедуины, каковы были при Авраамѣ и Моисеѣ, таковы они и теперь; не измѣнились ни на волосъ. Съ-тѣхъ-поръ какъ Китайцы стали держать лѣтопись Поднебесью, Монголы, Маньджуры и Турки (именно Киргизы и Туркмены) остаются вѣрными своимъ пустынямъ и своему образу жизни. Осѣдлые Аравитяне употребляли своихъ бедуиновъ для завоеванія всего образованнаго міра, дали имъ ограбить половину вселенной, ввѣряли имъ города и царства: тѣ взяли золото и шелкъ съ большимъ удовольствіемъ, разукрасили ими свои юрты, и нигдѣ не поселились для земледѣлія или торговли, развѣ только тамъ, гдѣ халифы принудили ихъ къ тому силою. И въ этомъ даже случаѣ засѣли они кое-гдѣ неначе какъ въ видѣ поселенныхъ дружинъ или какъ вѣчные гарнизоны. Исторія Турковъ, оттоманскихъ и разныхъ другихъ, точь-въ-точь такая же. Настоящіе Турки, или народъ туркменскій, остаются тамъ же гдѣ и были при Сарданапалѣ и Кирѣ, въ степи, а это — только потомки рекрутъ и волонтеровъ, исторгнутыхъ золотомъ или силою изъ улусовъ для составленія дружинъ и умноженные отуреченнымъ сбродомъ разныхъ народовъ. Монголы завоевали всю Азію и часть Европы, и нигдѣ не перемѣнили юрты на домъ. Маньджуры уже два столѣтія владѣютъ Китаемъ, и передъ дворцомъ Богдыхана въ Пекинѣ все еще стоитъ юр-

Digitized by Google

та, въ которую Сынъ Неба ходитъ отдыхать и наслаждаться призракомъ роднаго кочевья.

Плодовитость человѣческой породы не уступаетъ никакой другой, если принять въ соображеніе огромныя средства къ самоохраненію, которыми она обладаетъ. Но и безъ того, плодовитость эта сама по себѣ очень замѣчательна. Физіологія собрала множество примѣровъ, по которымъ потомство одного семейства, то есть одной пары, черезъ сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ простиралось далеко за сто человѣкъ живыхъ. Но мы должны выбрать примѣръ нежилаго мѣста, теплаго и благорастворенаго климата, земли плодоносной, богатой средствами къ продовольствію и обстройкѣ, и совершенно удаленной отъ всякой человѣческой помощи и постороннихъ вліяній, потому-что таково было положеніе первыхъ людей послѣ потопа въ этой чудной странѣ, которая лежитъ между Каспійскимъ Моремъ и Персидскимъ Заливомъ, и гдѣ преданія помѣщали земной рай Адама. Хорошо извѣстный случай поселенія одного англійскаго матроса съ судна «Bounty», съ подругою Таитянкою, на пустынномъ островѣ Питкернѣ въ Южномъ Океанѣ, превосходно идетъ къ дѣлу. Эти люди были предоставлены собственнымъ своимъ средствамъ. Они сдѣлались основателями новаго поселенія. Черезъ *тридцать шесть* лѣтъ, когда ихъ отъискали, число лицъ этого семейства простиралось до *шестидесяти-шести*. Въ счетѣ поколѣній издревле полагается тридцать три года времени. Поэтому, семейство Адамса (такъ звали матроса), и его по-

Digitized by Google

други, въ одно поколѣніе возросло до шестидесяти человѣкъ. Но вмѣстѣ съ Адамсомъ и его подругою, на Питкернѣ поселилось еще нѣсколько женщинъ, которыхъ мужья погибли. Нѣкоторыя изъ нихъ были беременныя. Потомство этихъ женщинъ, если оно дожило до совершеннолѣтія, приняло конечно участіе въ пріумноженіи общаго народонаселенія острова, разумѣется, спустя лѣтъ семьнадцать или восемьнадцать. Адамсъ былъ человѣкъ очень набожный: со званіемъ отца семейства онъ соединилъ въ себѣ санъ пастора и патріархальнаго главы общества: нравственныя и религіозныя чувства найдены на островѣ безукоризненными. Несмотря на все это, осторожность въ разсчетѣ требуетъ, по поводу этихъ прибавочныхъ женщинъ, сложить цѣлую треть съ общаго итога семейства. Итакъ положимъ, что, въ одно поколѣніе, отъ одной пары, на Питкернѣ, поселеніе дошло только до сорока человѣкъ. Это очень умѣренно, особенно въ климатѣ, гдѣ женщина можетъ-быть матерью по одиннадцатому году; но все же еще значительно превышаетъ то мѣрило, которое я готовъ положить въ основаніе разсчета. Востокъ всегда считалъ на поколѣнія, или на тридцати-трех-лѣтніе періоды, полагая, что въ тридцать три года потомство одной пары доходитъ до тридцати трехъ лицъ, которыя, съ того же тридцать-третьяго года начинаютъ умирать по одному въ годъ, такъ, что къ шестьдесятъ шестому году остается въ живыхъ одно уже только второе поколѣніе. Какъ среднее число, это положеніе очень вѣрно, и новѣйшая статистика

Digitized by Google

не вычислила ничего лучшаго. Въ немъ принимается за правило, что каждая пара становится производительною съ восемьнадцати-лѣтняго возраста для мужескаго пола и съ шестнадцати-лѣтняго для женскаго, то есть съ законнаго совершеннолѣтія, и производитъ въ остальные шестьнадцать лѣтъ четыре пары новыхъ существъ, или восемь человѣкъ новорожденныхъ, по одному на каждые два года. Это — весьма умѣренно и, въ общей сложности, точно. Всѣ старѣе 33-хъ лѣтъ считаются умершими: они могутъ жить и еще приживать дѣтей, но это все — одно; вмѣсто ихъ, умрутъ другіе, и общій счетъ будетъ тотъ же. Первое поколѣніе считается только въ 16 или 17 лѣтъ, что̀ составляетъ половину 33-хъ (годовъ полнаго поколѣнія), потому-что оно начинается съ совершеннолѣтія первой пары и въ первой половинѣ не производительно. Но и первое поколѣніе, за всѣ 33 года, представитъ собственно пріумноженіе 16. Таблицы, составленныя для повѣрки поколѣннаго разсчета, показываютъ дѣйствительно, что, въ полные 33 года, первое поколѣніе оставляетъ послѣ себя 16 человѣкъ живыхъ, второе 64, третье 256, четвертое 1,024 и такъ далѣе *. Изъ этого явствуетъ, что нормальное на-

* Въ концѣ 66-го года, или втораго поколѣнія одной первой пары, остается, на лицо, *десять* паръ въ возрастѣ отъ 33 до 16 лѣтъ, которыя полагаются состоящими въ бракѣ; *шесть* паръ — отъ 15 до 10 лѣтъ, *восемь* паръ отъ 9 до 5, *шесть* паръ отъ 4 до 2 годовъ, и *четыре* грудныхъ ребенка, что̀ составляетъ 66 душъ. Раздѣливъ на два по-

Digitized by Google

ращеніе семействъ и родовъ слѣдуетъ правилу $4^1/_4$ сложныхъ процентовъ. Но это наращеніе кратковременно: оно простирается только до начала девятаго колѣна (до четверти числа 33). Съ этой точки до начала семьнадцатаго колѣна (до половины числа 33), плодовитость органическихъ породъ быстро уменьшается, если не будетъ поддержана обновленіемъ или перемѣщеніемъ; тутъ на нѣсколько поколѣній становится неподвижною, а тамъ снова уменьшается въ пропорціяхъ, болѣе и болѣе значительныхъ. Такимъ образомъ законъ умноженія рода человѣческаго опредѣляется съ совершенно достаточною точностью слѣдующими числами:

Отъ перваго до начала девятаго поколѣнія.....	по $4^1/_4$ процента.
Отъ начала девятаго до начала десятаго.....	по $2^1/_8$ процента.
Десятое и одиннадцатое колѣно.....	по $1^1/_{16}$ процента.
Двѣнадцатое, тринадцатое, и далѣе до семьнадцатаго, восемьнадцатаго, девятнадцатаго и части двадцатаго поколѣнія (время равновѣсія).....	по 1 процента.
(для удвоенія капитала однимъ сложнымъ про-	

колѣнія, въ каждомъ будетъ дѣйствительно 33 человѣка въ каждые 33 года. Старѣе 33-хъ лѣтъ исключены изъ счета, какъ почитающіеся умершими.

Digitized by Google

центомъ требуется 72 года).

Далѣе, втеченіи 144 лѣтъ.. по $^1/_2$ процента.
« втеченіи 288 лѣтъ.. по $^1/_4$ процента.
« втеченіи 576 лѣтъ.. по $^1/_8$ процента.
« втеченіи 1152 лѣтъ. по $^1/_{16}$ процента.
« втеченіи 2504 лѣтъ. по $^1/_{32}$ процента.
и прочая.

Никто, навѣрное, не скажетъ, что эта пропорція сильна: одна-тридцать вторая для процента представляетъ собою ежегодное пріумноженіе 1-мъ человѣкомъ на 3,200 душъ. Напротивъ, это, въ сравненіи съ ближайшими фактами, невообразимо мало. Между тѣмъ мы сейчасъ увидимъ, что ея вполнѣ достаточно, чтобы отъ трехъ паръ, достигшихъ совершеннолѣтія около 3246 года до Р. Х., то есть, въ эпоху всеобщаго потопа, по 1854 годъ, народонаселеніе планеты возросло постепенно до 1,000,000,000. Согласно съ тѣмъ что сказано, первое послѣ-потопное поколѣніе, какъ половинное, должно оканчиваться въ 3228 году до Р. Х., и, состоя изъ 6 человѣкъ, оставить послѣ себя 24 человѣка.

Поколѣнія.	*Годы до Р. Х.*	*Величина процента.*	*Число душъ.*
1-ое «	3228.....	по $4^1/_4$ процента.	24
2-ое «	3195.....	по $4^1/_4$	96
3-ое «	3162.....	по $4^1/_4$	384
4-ое «	3129.....	по $4^1/_4$	1,536
5-ое «	3096.....	по $4^1/_4$	6,144
6-ое «	3063.....	по $4^1/_4$	24,576

Digitized by Google

7-ое «	3030.....	по $4^1/_4$	96,304
8-ое «	2997.....	по $4^1/_4$	385,000
9-ое «	2964.....	по $2^1/_8$	976,000
	2898.....	по $1^1/_{16}$	1,953,000
	2826.....	по 1 (72 года)..	3,906,000
	2754.....	по 1	7,812,000
16-ое «	« Столпотвореніе (въ 2715 году).....		14,300,000
	2682.....	по 1	15,625,000
	2610.....	по $^1/_2$ (144 года).	31,250,000
	2466.....	по $^1/_4$ (288 лѣтъ).	62,500,000
	2178.....	по $^1/_8$ (576 лѣтъ).	125,000,000
	Паденіе Гоморры, Содома, Адамы, Севоима (2015) Авраамъ (2114—1939). Іосифъ (1846).		
	1602.....	по $^1/_{16}$ (1152 г.).	250,000
	Моисей. Исходъ изъ Египта (1609). Давидъ и Соломонъ (1067—979).....		380,000,000
	Навуходоносоръ. Киръ, Дарій Мидянинъ. Возвращеніе изъ плѣна (606—536).....		450,000,000
	450 до Р. Х.	по $^1/_{32}$ (2304 г.).	500,000,000
97-е «	« Рождество Христово..		580,000,000
	1854 по Р. Х.....		1,000,000,000

Такимъ образомъ огромный періодъ времени, котораго требуетъ одна-тридцать-вторая доля процента для удвоенія даннаго капитала населенія,

Digitized by Google

начался еще въ 450-мъ году до Р. Х. и продолжается еще въ 1854 году, а кончится только въ 1855-мъ. Если настоящее народонаселеніе планеты 1,000,000,000 душъ, то необходимо допустить, что около 450 года до Р. Х., въ эпоху высшей славы Греціи, Персіи и Карѳагена, оно составляло, конечно не болѣе половины этой суммы, или 500,000,000, но, всякомъ случаѣ, и не менѣе, и что слѣдовательно, среднее наращеніе одною тридцать-второю долею процента втеченіи 2304-хъ лѣтъ вполнѣ согласно съ дѣйствительностью. Если же эта часть пропорціи справедлива, то и остальнымъ ея числамъ нельзя отказать въ убѣдительности. Но нужно видѣть въ таблицѣ постепенное развитіе населенности, въ обширный послѣдній періодъ, чтобы вывести изъ этихъ любопытныхъ разсчетовъ полезныя и поучительныя заключенія.

Годы.	*Средній сложный процентъ* $^1/_{32}$. (Періодъ=2304 года).	*Число душъ.*
Въ	450 году до Р. Х.	500,000,000
	350	517,000,000
	250	535,000,000
	150	553,000,000
	50	572,000,000
Въ	50 году по Р. Х.	591,000,000
	150	611,000,000
	250	631,000,000
	350	651,000,000
	450 (Паденіе Западной Римской Имперіи)	672,000,000

Digitized by Google

Въ 550	693,000,000
650	714,000,000
750	735,000,000
850 (раздѣлъ имперіи Карла Великаго)	757,000,000
950	780,000,000
1050	803,000,000
1150	826,000,000
1250 (Крестовые походы)	849,000,000
1350	873,000,000
1450	897,000,000
1550	922,000,000
1650 (вѣкъ Людовика XIV)	947,000,000
1754	973,000,000
1854	1,000,000,000

Значитъ, въ послѣднія столѣтія общая сложность населенія на землѣ умножалась по двадцати семи, двадцати шести и двадцати пяти милліоновъ. Какъ ни ничтожно процентное количество ($^1/_{32}$), но общая сумма наращенія очень уважительна. Разумѣется, что это умноженіе числа жителей планеты относится, главное, къ Европѣ, къ Китаю, и въ послѣднее пол-вѣка къ Сѣверной Америкѣ. Какъ въ этихъ странахъ свѣта, съ 1700-го по 1854-й годъ, населенія во многихъ мѣстахъ удвоились, а въ иныхъ недавно и утроились, то есть, наросли полу-процентомъ, полнымъ процентомъ, и даже полутора-процентомъ, и нигдѣ, кромѣ Ирландіи, убыли не видно, то слѣдуетъ заключить, что въ прочихъ странахъ народонаселеніе неподвижно, а въ нѣкоторыхъ и уменьшает-

Digitized by Google

ся непримѣтно, или уменьшилось втеченіе огромнаго періода 2304-хъ лѣтъ. Дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію, что въ Западной Азіи, именно, въ Бухарскомъ Зарѣчьѣ, въ Персіи, въ Иранѣ, въ Аравіи, въ Сиріи, Малой-Азіи, въ Европейской Турціи и въ Сѣверной Африкѣ нѣкогда было несравненно болѣе жителей чѣмъ теперь. Выходы Аравитянъ въ Африку и Испанію и Персіянъ въ Индію, но, главное, бѣгство христіанъ отъ насилій и жестокостей поклонниковъ Магомета, чрезвычайно обезлюднили эти земли. Но все это непримѣтно втекло въ Европу, которой населеніе пріобрѣло такимъ образомъ новую силу развитія и полноту. Массы не погибали: онѣ только рѣдѣли черезъ разсѣяніе и перемѣщеніе, и общее населеніе земнаго шара все-таки умножалось болѣе или менѣе значительно. Во время Крестовыхъ походовъ и продолжительныхъ неустройствъ въ Европѣ, населеніе ея вѣроятно возрастало, не $^1/_{32}$, но $^1/_{64}$, $^1/_{128}$ и даже одною-двухъ-сотою долею процента. Однако нѣтъ повода думать, чтобы оно когда-либо было неподвижно, или чтобы общее населеніе планеты когда-нибудь подвергалось обратному движенію.

Все это ясно показываетъ, что Сравнительное Языкознаніе не имѣетъ никакого права предполагать неопредѣленные періоды времени для своего страннаго производства народовъ и языковъ, Оно не должно даже пытаться — во тьмѣ воображаемыхъ вѣковъ найти просторъ для своихъ фантастическихъ теорій. Благоразумная наука обязана заключить всѣ свои наведенія въ абсолюд-

Digitized by Google

номъ періодѣ не съ большимъ пяти тысячъ лѣтъ, какъ крайняго возможнаго пространства времени для существованія послѣ-потопнаго человѣка. Но изъ этихъ пяти тысячъ лѣтъ, четыре тысячи принадлежатъ писанной исторіи. Остается одна тысяча, къ которую всѣ эти безконечныя индо-германскія чудеса, я полагаю, никакъ не могли совершиться, тѣмъ болѣе, что нужно же дать время первоначальному размноженію рода, которое, даже при наращеніи четырьмя, двумя и цѣлымъ однимъ процентами не въ состояніи было дать одной Азіи и Восточной Африкѣ четверти нынѣшняго ихъ населенія. Никто не станетъ спорить, что безъ нужды, безъ вещественнаго побужденія, народы не трогаются съ родинъ своихъ, чтобы скитаться въ пустынныхъ мѣстахъ, и что одна только причина можетъ увлечь ихъ въ переселенія, именно—излишнее многолюдство на родинѣ и происходящее отъ этого уменьшеніе удобствъ къ жизни.

Разсмотримъ главнѣйшія историческія эпохи согласно съ вычисленіями, которыя мы сейчасъ видѣли.

Въ 2000-мъ году до Р. Х., то есть, во времена Авраамовы, могло быть въ Азіи и Египтѣ до 140,000,000 душъ. Европа и другія части свѣта вѣроятно были еще пусты. Китай, за горами, едва начиналъ населяться. Все народонаселеніе было скоплено, главное, по Тигру и Евфрату, до Персидскаго Залива, по Араксу до Каспійскаго Моря и Арарата, по Аму до Балха, или Бактріаны, и далѣе, по Оронту и берегамъ Сиріи, и по Нилу.

Digitized by Google

По священнымъ книгамъ браминовъ, Индія стала быть обитаемою гораздо позже Персіи и долго еще была покрыта водою и болотомъ. Это мы вскорѣ увидимъ.

Около 1600 года, во время Моисея, было до 250,000,000 общаго народонаселенія на землѣ. Китай уже былъ въ то время изрядно населенъ. Вѣроятно Монголы, Манджуры и Турки, отрасли осѣдлыхъ народовъ нервобытнаго Китая и Туркистана, составляли уже довольно важныя кочующія поколѣнія. Индія конечно была уже населена. Въ Египтѣ, уже очень населенномъ, процвѣтали философія и астрономія: къ этой именно эпохѣ относится найденный на стѣнѣ ѳивскаго храма календарь, показывающій очень отчетливо и вѣрно восхожденія разныхъ зодіакальныхъ звѣздъ. Америка вѣроятно получила первыхъ поселенцевъ около этого времени, и внутри Африки образовались значительныя черныя поколѣнія. Но главная часть народонаселенія толпилась по берегамъ Сиріи и Малой Азіи, откуда дѣятельно посылались колоніи въ Европу. Эпоха эта вообще очень интересна особеннымъ духомъ предпріимчивости Сирійцевъ и Мало-азійцевъ. Евреи выведены были изъ Египта для поселенія въ Палестинѣ. Финикійцы распространяютъ свои колоніи по берегамъ Средиземнаго и Чернаго моря. Данай (Ветхій) ведетъ изъ Египта поселеніе въ Аргосъ, Кекропсъ, также изъ Египта въ Аѳины. Италія, Греція и Ѳракія въ то же время получаютъ колоніи изъ Малой Азіи, которой частое прибрежное населеніе дѣятельно перебирается черезъ Дарданеллы и Босфоръ, что-

Digitized by Google

бы искать хлѣба и счастія на поляхъ непочатой Европы. Въ это время Европа была для Азіи тѣмъ же, чѣмъ стала Америка для Европы въ послѣднія три столѣтія. Она была Новымъ Свѣтомъ для стараго уже азіятскаго свѣта, считавшаго Египетъ своей древнѣйшею принадлежностью. Слѣдуетъ полагать, что въ Европѣ было тогда уже отъ десяти до пятнадцати милліоновъ жителей.

Въ 1200 году до Р. Х. вычисленіе даетъ 365,600,000 душъ на весь земной шаръ. Если отъ этого итога отдѣлить 65,000,000 на Европу и другія малонаселенныя части свѣта, на долю Азіи придется не менѣе 300,000,000. Это—почти половина нынѣшняго ея населенія, когда узкоглазые Китайцы размножились такъ непомѣрно. Изъ чего слѣдуетъ, что Индія была уже довольно населена въ эту эпоху, потому-что по-сю-сторону «Индійскаго Кавказа» нельзя полагать болѣе 120,000,000 въ самыя благодатныя времена для Азіи. Положивъ для Китая и всего узкоглазаго племени 150,000,000, почти половину ихъ нынѣшней числительности, на долю Индіи придется до 30,000,000.

Въ 450-мъ году до Р. Х. находимъ мы общій итогъ 500,000,000 душъ. Это эпоха Кировъ, Камбизовъ, Даріевъ, и ровно половина нынѣшняго населенія всей планеты. Въ Европѣ должно полагать уже отъ 110 до 115,000,000 жителей, когда теперь въ ней 230,000,000. Азіятскіе и африканскіе колонисты, поселившіеся на европейскихъ земляхъ, по необходимости расплодились очень быстро, потому-что, если отъ 230,000,000, нынѣшняго населенія Европѣ восходить до единицы въ обратномъ со-

Digitized by Google

держаніи полу-процентнаго наращенія, оказывается, что въ 1854-мъ году до Р. Х. наша прекрасная часть свѣта была еще пустынею — *неоткрытою землею* — какъ Америка до Колумба.

Въ первомъ году по Р. Х. слѣдовало числиться 590,000,000, изъ которыхъ около 130,000,000 въ Европѣ.

Въ 400-мъ году по Р. Х. при раздѣленіи Римской Имперіи на Западную и Восточную, 662,000,000, изъ которыхъ около 140,000,000 въ Европѣ.

Въ 800-мъ году по Р. Х. при Карлѣ-Великомъ, 750,000,000, изъ которыхъ 148,000,000 въ Европѣ.

Въ 1700-мъ году по Р. Х. при Петрѣ Великомъ, 960,000,000, изъ которыхъ 171,000,000 въ Европѣ.

Со времени Петра Великаго народонаселеніе по вычисленію должно было умножиться *сорока милліонами*. И это кажется, сходно съ дѣйствительностью въ совершенно удовлетворительной степени.

Я сказалъ, въ этомъ росписаніи вѣроятнаго населенія вселенной въ замѣчательнѣйшія историческія эпохи, что, по сознанію тѣхъ же самыхъ священныхъ книгъ браминовъ, которымъ въ Европѣ приписываютъ баснословную древность, Индія была еще болотомъ въ то время, когда Западная Азія и Египетъ обладали могучими городами и славились наукою, искусствомъ и роскошью. Это обстоятельство тѣмъ болѣе любопытно, что Индоевропейцы тщательно объ немъ умалчиваютъ или, можетъ-статься, не расположены понимать попросту сказаніе, въ которомъ оно очень ясно изложено. Я тѣмъ охотнѣе хочу сказать объ этомъ

Digitized by Google

нѣсколько словъ, что тутъ же представляется случай показать образчикъ прославленнаго «индійскаго генія». Дѣйствующія лица, сказанія или, точнѣе заклинанія, магической молитвы — богъ Матъава, или Мадава, отъ котораго Мадайцы, то есть Мидійцы производили родъ свой, и богъ Агни (Огонь) — Вулканъ индійскаго Олимпа. «Мадава «божій держалъ во рту Агни всесвѣтлаго. Готама «небесный занималъ при немъ мѣсто домашняго «жреца. Готама небесный спрашивалъ. Мадава не «отвѣчалъ: боюсь, думалъ, что Агни всесвѣтлый «выпадетъ у меня изо рта». Тутъ Готама, какъ жрецъ, начинаетъ заклинать его разными стихами, которымъ брамины, подобно магамъ, приписываютъ магическую силу надъ богами. Исчерпавъ весь запасъ отличнѣйшихъ своихъ заклинаній, небесный жрецъ Готами вдругъ произноситъ слѣдующій стихъ: *Агни! очищеннымъ коровьимъ масломъ поливаемый!...* Индійскіе жрецы дѣйствительно льютъ масло въ священный огонь, чтобы заставить его пылать сильнѣе. Небесный жрецъ хочетъ продолжать заклинаніе, но Мадава божій не устоялъ противъ такой сильной формулы браминской, раскрылъ ротъ, и Агни всесвѣтлый запылалъ изо рта Мадавы божьяго и упалъ на землю. «Мадава божій съ испуга бросился въ рѣку Сара«свати (Евфратъ) и сѣлъ по шею въ водѣ, а Агни «(Огонь) пресвѣтлый сталъ жечь-пожигать землю «оттолѣ къ востоку; а Мадава божій пошелъ за «нимъ, за пламенемъ; а тотъ пожигалъ всѣ воды, «и изсушалъ всѣ рѣки, и не высушилъ одной только рѣки Саданиры (Синда, или Индуса), текущей

Digitized by Google

«изъ сѣверныхъ горъ, а брамины за ту рѣку ни-
«когда не переходили: нельзя! говорили; Агни все-
«свѣтлый не могъ изсушить ея!.. Въ настоящее
«время множество браминовъ живутъ тамъ къ
«востоку за Индусомъ (въ Индіи), но тогда нель-
«зя было жить: вся страна была подъ водою—пока
«Агни всесвѣтлый не осушилъ ея. Въ настоящее
«же время можно жить. Брамины освятили ее
«благочестивыми жертвами. Саданира (Индусъ)
«всегда полна водою, даже въ исходѣ лѣта и вода
«въ ней холодна; потому - то Агни всесвѣтлый и
«не могъ сжечь ея. Вотъ тогда Мадава божій сталъ
«вопрошать Агни всесвѣтлаго:—Такъ гдѣ же мнѣ
«теперь жить?—Агни всесвѣтлый отвѣчалъ: тебѣ
«надо жить къ востоку отъ этой рѣки: — Потому
«эта рѣка и теперь еще граница между Косалою
«(Кандагаромъ) и Видегъою (Индіей); гдѣ живутъ
«потомки Мадавы божьяго. Вотъ тогда Готама,
«жрецъ небесный, объявитель этого пѣснопѣнія,
«сказалъ: Зачѣмъ же не отвѣчалъ на мои вопро-
«сы?—Мадава божій сказалъ: нельзя было отвѣ-
«чать; Агни всесвѣтлый былъ у меня во рту; я боял-
«ся, выскочитъ и упадетъ наземь. — Готама,
«жрецъ небесный, сказалъ: Да какъ же онъ - то
«выскочилъ у тебя изо рта? — Мадава божій ска-
«залъ: Вотъ какъ ты произнесъ: *Агни, очищенный*
«коровьимъ масломъ поливаемый!... онъ и запылалъ
«у меня изо рта, я не могъ удержать его, и онъ
«упалъ наземь» (*Бѣлая Яджурь-веда, Сатапатья-
брагмана*). Кажется это такъ же отлично ясно,
какъ отлично глупо. Брамины признаются сами,
что они происходятъ отъ одного корня съ Мидій-

Digitized by Google

цами и что пришли въ Индію изъ Персіи, изъ-за Индуса-рѣки. Когда пришли? Это особенный вопросъ. По греческимъ показаніямъ, персидскіе Маги были древнѣе Голомудрецовъ, или браминовъ, и даже египетскихъ жрецовъ, и это совершенно понятно. Сверхъ-того брамины, въ своихъ писаніяхъ любятъ называть Индію *Арія-аварта* (*Арія-абадъ*, по-новоперсидски), пріютомъ Арійцевъ, а себя — *Арія*, Арійцами, именемъ знаменитѣйшаго народа древней Персіи, изъ котораго происходила династія Кира. Это имя употребляется у нихъ, не какъ племенное названіе, но какъ почетный титулъ, въ смыслѣ словъ — благородный, господствующій. Очень позволительно заключить, что отсюда Голомудрецы проникли въ Индію съ своимъ языкомъ и своими списанными у маговъ заклинаніями уже въ эпоху господства Арійцевъ надъ всею Персіею. Послѣ этого, зачѣмъ и выводить Индію на сцену при всякой рѣчи о происхожденіи народовъ, языковъ, идей и образованности, когда, по самимъ же Ведамъ, они никакъ не могли выйти изъ Индіи.

1853.

КОНЕЦЪ СЕДЬМАГО ТОМА.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google